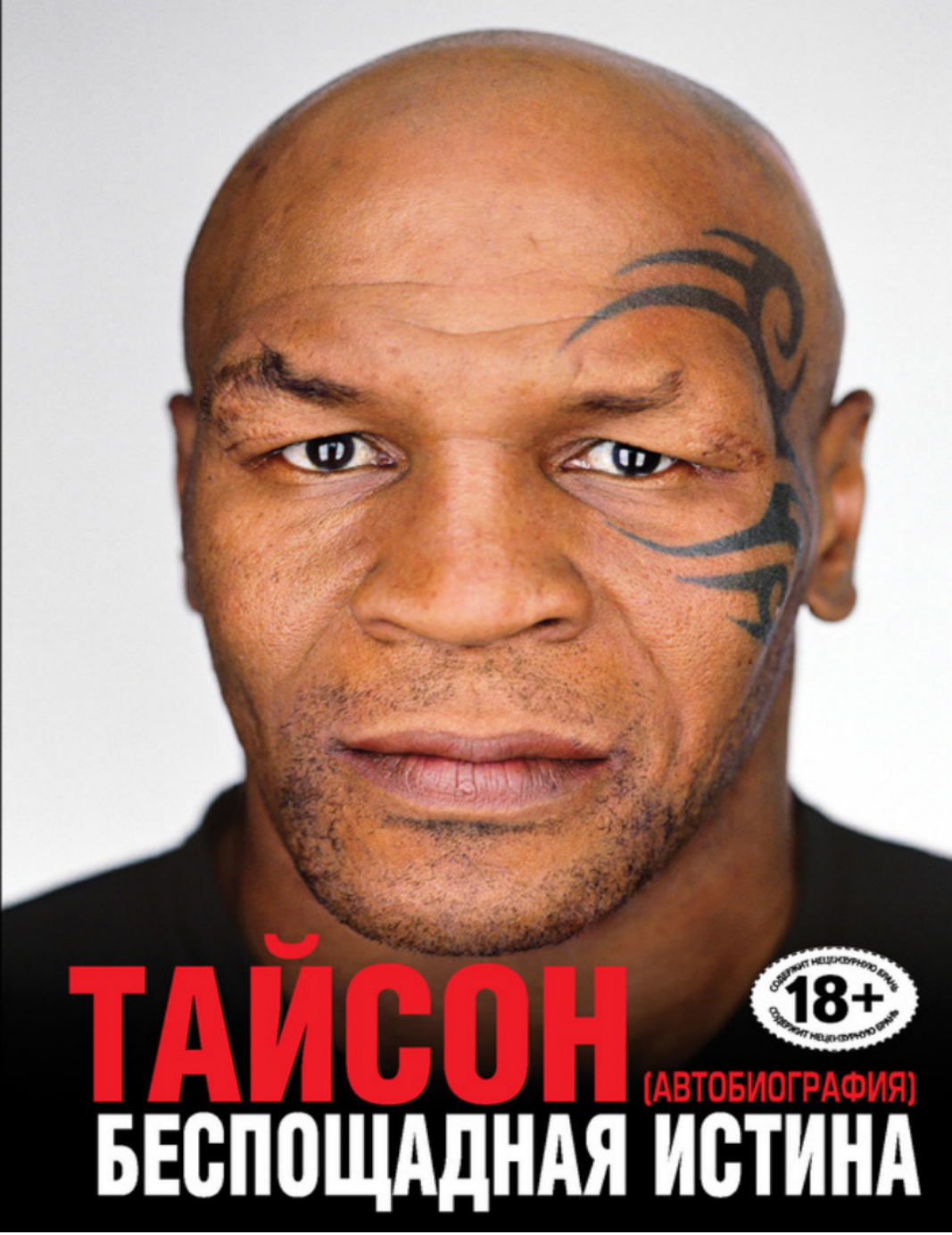
ТАЙСОН
(АВТОБИОГРАФИЯ)
БЕСПОЩАДНАЯ ИСТИНА
18+
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Невероятно искренняя, брутальная и драматичная автобиография Майка Тайсона. Он стал легендой мирового бокса, но его жизнь вне ринга была не менее яростной и бесшабашной, чем его бои.

В Майке Тайсоне уживаются несколько личностей – безжалостный боец и ироничный философ, осужденный преступник и бродвейский шоумен, ранимый подросток и неуемный бабник… Парнишка из гетто, ставший самым молодым абсолютным чемпионом мира в тяжелой весовой категории, принявший это как должное – и так и не научившийся с этим жить. Миллионер, в одночасье оказавшийся нищим, осужденный за преступление, которое не совершал, и выходивший безнаказанным из таких передряг, которые грозили ему пожизненным заключением. Алкоголик и наркоман, сумевший обуздать своих демонов.

Он был абсолютно беспощаден к своим противникам на ринге. Он и теперь абсолютно беспощаден к себе и к читателю. Но только такая безжалостная искренность и позволила ему примириться с самим собой, восстановить достоинство и самоуважение, обрести любовь и семью.

- Майк Тайсон
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Эпилог

- Постскриптум к эпилогу
- Примечание относительно лексики
- Слова благодарности
- Об авторах

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39

- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83

- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171

- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215

- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259

- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303

- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347

- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375

Майк Тайсон
Беспощадная истина

Эта книга посвящена всем отверженным.

Всем, кто когда-либо был увлечен и обманут,

поражен в правах и обездолен,

усмирен и сломлен,

укрощен и оклеветан.

И всем тем, кто неспособен воспринять любовь.

Undisputed Truth
Mike Tyson with Larry Sloman
© Tyrannic Literary Company LLC, 2013
© Перевод на русский язык. Мовчан А.Б., 2014
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014
© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Почти все шесть недель после признания меня виновным в изнасиловании и до вынесения мне приговора я провел, разъезжая по стране и развлекаясь со своими подружками. Так я хотел проститься с ними. А когда их со мной не оказывалось, я отбивался от женщин, которые приставали ко мне. Где бы я ни появлялся, всегда находились дамы, которые могли запросто подойти ко мне и предложить: «Ну, пошли! Я не собираюсь заявлять, что ты меня изнасиловал. Можешь смело пойти со мной. Я позволю тебе даже заснять все». Уже позже я понял, что таким образом они хотели сказать мне: «Мы знаем, что ты не совершал этого». Но тогда я не воспринимал их предложения в таком ключе. Полный негодования, я отвечал резко и грубо. Я был слишком удручен, чтобы осознать, что меня просто пытались поддержать. Я был дремучим, шальным, озлобленным малым, которому предстояло еще взрослеть и взрослеть.

Некоторые причины моего гнева были все же объяснимы. Я был двадцатипятилетним пареньком, которому светило провести в тюрьме шестьдесят лет за преступление, которого он не совершал. Позвольте мне повторить то, что я уже говорил и перед большим жюри, и в ходе судебного разбирательства, и при вынесении мне приговора, и на слушании дела о моем досрочном освобождении, и после того, как я вышел из тюрьмы. Я буду утверждать это до конца своих дней: я не насиловал Дезире Вашингтон. Она знает это, и Всевышний знает это, и это останется на ее совести до конца ее жизни.

Мой промоутер, Дон Кинг, уверял, что с меня будут сняты все обвинения. Он утверждал, что, не афишируя своих усилий, делает все возможное, чтобы дело развалилось. Кроме того, он нанял Винса Фуллера, по его утверждению, лучшего адвоката, которого можно приобрести за миллион. В итоге Винс оказался просто налоговым поверенным Дона. И Дон, вероятно, так и остался ему должен.

Я, однако, с самого начала знал, что не добьюсь справедливости. Ведь меня судили не в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе – суд состоялся в Индианаполисе, штат Индиана, в одном из исторических оплотов ку-клукс-клана. Моя судья, Патриция Гиффорд, ранее в качестве прокурора специализировалась на расследовании преступлений на сексуальной почве и была известна как «судья-вешатель». Меня признал виновным суд присяжных «равного со мной социального статуса», в котором было только двое черных. Еще один черный

из состава суда был освобожден судьей от своих обязанностей после пожара в гостинице, где остановились члены суда. Она отклонила его кандидатуру, мотивировав это его «психическим состоянием». О да, его психическое состояние заключалось в том, что ему не понравилась еда, которую ему подали!

На мой взгляд, по статусу мне не было равных. Я был самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории бокса. Я был титаном, реинкарнацией Александра Македонского. Мой стиль ведения боя был стремительным, защита неуязвимой, а я сам – неудержимым и яростным. Это удивительно, как низкая самооценка и чрезмерное самомнение могут привести к мании величия. Но после судебного разбирательства этому идолу пришлось вновь притащить свою черную задницу в суд для вынесения ей приговора.

Сначала, однако, у меня была попытка некоего «божественного вмешательства». Кэлвин, мой близкий друг из Чикаго, рассказал мне об одной женщине-маге, которая знала заклинание, способное спасти меня от тюрьмы.

– Помочись в банку, положи туда пять стодолларовых купюр, поставь банку под кровать на три дня и затем принеси ей. Она вознесет над ней молитву за тебя, – растолковал мне Кэлвин.

– То есть ясновидящая курица собирается взять обоссанную пачку сотенных из банки, сполоснуть их и отправиться за покупками. Если тебе дадут сотенную, на которую кто-то поссал, тебе будет по фигу? – поинтересовался я у Кэлвина. У меня, конечно, была репутация мота, но это было слишком расточительно даже для меня.

Затем приятели свели меня со жрецом вуду. Это оказался какой-то невнятный парень в костюме, не похожий даже на переодетого жреца. Этого засранца следовало бы вымазать в болотной жиже и напялить на него африканскую дашики[1]. Я понял, что этот малый был пустышкой. Он даже не стал заморачиваться на ритуалах. Он просто написал какую-то ерунду на листе бумаги и попытался уломать меня на фигню, которую я не стал делать. Он хотел, чтобы я омылся в чудодейственном масле, помолился и выпил особой воды. Но я пил, блин, божественный «Хеннесси» и не собирался разбавлять его водой.

Так что, чтобы исполнить колдовскую чушь, я остановил свой выбор на священнике религии сантерия[2]. Однажды ночью мы пошли к зданию суда с голубем и яйцом. Я разбил яйцо об асфальт, выпустил птицу и прокричал: «Мы свободны!»

Несколько дней спустя я надел свой серый в тонкую полоску костюм и отправился в суд.

После того как вердикт был вынесен, моя сторона защиты от

моего имени соорудила доприговорный меморандум. Это был впечатляющий документ. Доктор Джером Миллер, заместитель директора по лечебной части института Огастеса в Вирджинии и один из ведущих экспертов страны по взрослым сексуальным преступникам, изучив меня, пришел к выводу, что я «чувствительный и вдумчивый молодой человек с проблемами, которые являются, скорее, результатом дефектов развития, нежели общей патологии». Он был убежден, что при регулярных сеансах психотерапии мой долгосрочный прогноз будет достаточно благоприятным. Как он отметил в заключении, «тюремный срок замедлит процесс (психологической реабилитации. – *Примеч. ред.*) и, вероятнее всего, повернет его вспять. Я бы настоятельно рекомендовал рассмотреть иные варианты, предусматривающие как профилактические, так и терапевтические возможности». Конечно, инспекторы по надзору за исполнением наказания, которые сводили воедино документы для приговора, проигнорировали последний пункт. Зато они добросовестно включили мнение обвинения о том, что «рассмотрение данного преступления и изучение данного преступника приводит главного следователя по данному делу, опытного детектива, занимающегося расследованием преступлений на сексуальной почве, к заключению, что ответчик склонен к совершению подобных преступлений в будущем».

Мои юристы подготовили приложение, в котором было сорок восемь моих характеристик от совершенно разных людей: от директора моей средней школы, моего социального работника штата Нью-Йорк, вдовы боксера Шугара Рэя Робинсона, моей приемной матери Камиллы, моего спортивного гипнотерапевта и шести моих подружек (а также их матерей), то есть от всех тех, кто вел учетные записи о том, каким я был истинным джентльменом в общении с ними. Одна из первых моих подруг из Катскилла написала судье даже так: «Я три года ждала, чтобы вступить с мистером Тайсоном в сексуальные отношения, и он ни разу ни к чему меня не принудил. Я люблю его за то, что он любит и уважает женщин».

Но, конечно же, Дон не был бы Доном, если бы он в очередной раз не переборщил. У него был преподобный Уильям Ф. Крокетт, Первый императорский церемониальный мастер Древнего арабского ордена благородных мистиков Храма Северной и Южной Америки[3], который ради меня написал письмо. Преподобный, в частности, писал: «Умоляю вас пощадить его и не лишать свободы. Хотя я не говорил с Майком со дня суда над ним, мне известно, что он больше не богохульствует и не сквернословит, ежедневно читает Библию, молится и закаляет

душу». Конечно, все это было полной фигней. Он даже не знал меня.

Кроме того, было еще личное проникновенное письмо Дона в адрес судьи. После его прочтения могло сложиться впечатление, что я изобрел лекарство от рака, выработал план мира на Ближнем Востоке, а также спас от голодной смерти и излечил кучу больных котяток. Он толковал о том, как я работал в благотворительном фонде «Загадай желание», навещая больных детей. Он сообщил судье Гиффорд, что каждый день Благодарения мы раздавали нуждающимся и голодающим сорок тысяч индеек. А еще он вспомнил, как мы встретились с Симоном Визенталем[4], и я был так взволнован, что пожертвовал крупную сумму денег, чтобы помочь ему выслеживать нацистских военных преступников. Полагаю, Дон запамятовал о том, что ку-клукс-клан ненавидел евреев так же сильно, как и негров.

На протяжении восьми страниц Дон пел мне дифирамбы. «Это весьма необычно для человека его возраста проявлять такую заботу о своем собрате, не говоря уже о глубоких чувствах ответственности и преданности делу, которые ему свойственны. Это богоподобные качества, благородные качества любви, жертвенности и бескорыстия. Он – дитя бога, он один из самых нежных, чутких, заботливых, любящих и понимающих людей, которых я когда-либо встречал в течение двадцати лет своей работы с боксерами». Блин, Дон должен был бы выступать на суде с заключительным словом вместо моего адвоката. Однако Джон Сольберг, представитель Дона по связям с общественностью, в своем письме к судье Гиффорд сразу перешел к сути дела. «Майк Тайсон – не подонок», – констатировал он.

Возможно, я и не был подонком, но спесивым придурком – точно. Я был настолько самонадеян в зале суда во время судебного разбирательства, что у меня не было никаких шансов получить поблажку. Даже в момент вынесения приговора я не был смиренным. Все те вещи, о которых шла речь в этой бумаге – благотворительность деньгами и индейками, забота о людях, уход за слабыми и немощными, – все это я делал потому, что *хотел* быть таким смиренником, но вовсе не потому, что я *был* им. Я страстно хотел быть смиренным, но в моем теле не было ни единой смиренной косточки.

Итак, вооружившись всеми этими характеристиками, 26 марта 1992 года мы предстали перед судьей Патрицией Гиффорд для вынесения мне приговора. Настала очередь свидетелей, и Винс Фуллер вызвал Ллойда Бриджеса, исполнительного директора исправительного центра Риверсайд в Индианаполисе. Моя защита утверждала, что вместо реального тюремного срока

мне можно было бы назначить условное наказание с отсрочкой исполнения. Для меня это означало бы испытательный срок в «доме на полпути»[5], где я должен был бы совмещать лечение с общественно-полезными работами. Бриджес, рукоположенный священнослужитель, как раз осуществлял такую программу, и он подтвердил, что я, безусловно, являюсь весьма подходящим кандидатом для его заведения.

Однако помощник прокурора выведала у Бриджеса, что недавно из его учреждения бежало четверо. А когда она вынудила священника признать, что его собеседование со мной было проведено в моем особняке в штате Огайо и что мы оплатили его авиаперелет, данная идея была обречена. Так что, теперь вопрос заключался только в том, какой именно срок «судья-вешатель» мне впаяет.

И вот Фуллер подошел к судейскому месту. Для него было самое время соткать колдовство на миллион долларов. Вместо этого мы получили его привычную грошовую туфту. «О Тайсоне появилась масса дурных слухов. Газеты поливают его грязью. Не проходит и дня, чтобы в прессе не муссировались его недостатки. Это не тот Тайсон, которого я знаю, потому что на самом деле он чуткий, внимательный, заботливый человек. На ринге он может наводить ужас, но когда он покидает ринг, от этого не остается и следа». Это даже близко не лежало со словоизлияниями Дона Кинга, но это тоже было не так уж плохо. Если только не считать того, что в течение всего судебного процесса Фуллер изображал меня в качестве дикого зверя и неотесанного мужлана, падкого исключительно на сексуальные удовольствия.

Затем Фуллер сменил тему, принявшись расписывать мое нищее детство и мое знакомство с легендарным тренером по боксу Касом Д'Амато.

– Но в этом-то и заключается своего рода трагедия, – изрек он. – Ведь Д'Амато был сосредоточен только на боксе. Тайсон как человек отступал для него на второй план в его стремлении обеспечить Тайсону боксерскую славу.

Камилла, которая много лет была спутницей Каса, была оскорблена подобным заявлением. Фуллер словно помочился на могилу моего наставника Каса. Фуллер продолжал разглагольствовать, но его речь была такой же бессвязной, как и в течение всего судебного разбирательства.

Теперь настал мой черед обратиться к суду. Я поднялся и встал за трибуну. Я толком даже не подготовился, у меня не было никаких записей. Я лишь держал в руке нелепый листок бумаги того жреца вуду. И я знал только одно: я не собирался извиняться за то, что произошло в ту ночь в моем номере в отеле. Я уже

принес извинения прессе, суду, другим конкурсанткам шоу «Мисс Черная Америка», на котором я познакомился с Дезире, но эти извинения не касались моих действий в гостиничном номере.

– Мое поведение было несколько бестактным, согласен. Но я никого не насиловал. Я даже не пытался сделать это. Я сожалею.

Я взглянул на Грега Гаррисона, моего прокурора и палача[6], и продолжил:

– Моя личная жизнь лишена свободы, она стала похожа на какой-то беспробудный кошмарный сон. Я уязвлен. И я здесь не для того, чтобы просить у вас снисхождения, мэм. Я уже готов к худшему. Меня смешали с грязью, я опозорен на весь мир. Я опорочен в общественном мнении. И я просто счастлив, что еще кто-то меня все же поддерживает. Я готов справиться с тем, что вы мне определите.

Я сел за стол защиты, и судья задала мне несколько вопросов на тему о том, каким примером для подражания я являюсь для детей.

– Меня никогда не учили, как следует поступать со своим статусом знаменитости. Я не говорю детям, что надо стремиться быть Майком Тайсоном. Родители всегда являются лучшим примером для подражания, – ответил я ей.

Затем слово дали обвинению. Вместо деревенщины Гаррисона, который приводил доводы против меня в ходе судебного разбирательства, поднялся его босс, Джеффри Модисэт, прокурор округа Мэрион. Он десять минут распространялся насчет того, что мужчины, вкусившие богатства и славы, не должны пользоваться особыми привилегиями. Затем он зачитал письмо Дезире Вашингтон: «В ранний утренний час 19 июля 1991 года произошло посягательство как на мое тело, так и на мою психику. Я была физически подавлена до такой степени, что мне стало казаться, будто меня лишили самого сокровенного: моей личности. Взамен того, что было моими восемнадцатью годами, у меня теперь ощущение холода и пустоты. Я абсолютно не знаю, что ожидает меня впереди. Могу только сказать, что после того, как я была изнасилована, каждый день превратился для меня в борьбу: надо снова научиться доверять, улыбаться так, как я делала это раньше, и найти ту Дезире Линн Вашингтон, которая была украдена у самой меня и у тех, кто любил меня до 19 июля 1991 года. Что же касается той боли, которую причинил мне насильник, то бог даровал мне мудрость увидеть, что он психически болен. Хотя иногда я плачу, когда я вижу боль в своих глазах, я способна испытать сострадание к своему насильнику. Я всегда желала и продолжаю желать, чтобы он прошел реабилитацию».

Модисэт положил письмо и продолжил:

– Со дня вынесения ему приговора Тайсону пока еще не вынесено никакого наказания. И сейчас весь мир замер в ожидании: существует ли у нас хоть какая-то система правосудия. Следует признать, что проблема существует: надо исцелить этого больного человека. Майк Тайсон, насильник, не должен оставаться на свободе.

И затем в целях моего исцеления он предложил провести мне за решеткой от восьми до десяти лет.

Теперь настал черед Джима Войлеса говорить от моего имени. Войлес был местным адвокатом, нанятым Фуллером в качестве юридического консультанта. Он был отличным парнем, отзывчивым, толковым и веселым. Это был единственный адвокат с моей стороны, с которым я ладил. Кроме всего прочего, он был приятелем судьи Гиффорд и южанином, который мог апеллировать к суду Индианаполиса. «Доверимся этому парню!» – предложил я Дону в самом начале судебного процесса. Войлес мог бы повернуть дело в мою пользу. Но Дон и Фуллер одурачили его: они не позволили ему сделать что-либо. Во время судебного разбирательства они не дали ему сказать ни слова. Джим был чрезвычайно расстроен. В разговоре с одним из друзей он назвал себя «самым высокооплачиваемым в мире пластиковым органайзером». Теперь он, наконец-то, смог выступить. Он горячо высказался за мою реабилитацию вместо тюремного заключения, но это была речь для глухих. Судья Гиффорд уже приняла для себя решение.

Она начала с комплиментов по поводу моей общественной деятельности, моего общения с детьми и моей «благотворительности». Но затем она разразилась напыщенными тирадами об «изнасиловании на свидании», подчеркнув, что питает отвращение к этому термину:

– Мы смогли обозначить, что, несомненно, можно осуществлять то, что вы намерены осуществить, если вы, четко осознавая последствия, назначаете женщине свидание. Закон дает очень четкое определение изнасилованию. Он нигде не упоминает, должны ли подсудимый и потерпевшая быть каким-либо образом связаны друг с другом. «Свидание» при изнасиловании на свидании ничуть не умаляет того факта, что изнасилование все-таки имело место[7]…

Во время этой лекции мой ум блуждал неизвестно где. Произносимое не имело ко мне никакого отношения. Мы не были на свидании: это была, как сказал бы великий комик Билл Беллами, встреча ради секса. И этим все было сказано. Затем я, однако, вновь сосредоточился на происходящем.

– … У меня складывается ощущение, что существует риск рецидива с его стороны в силу его отношения к этому, – сказала судья и уставилась на меня. – У Вас нет ранее совершенных преступлений, вы наделены многими способностями. Но вы оступились…

Она сделала паузу и произнесла:

– … По первому пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам…

«Е… ная сука!» – пробормотал я еле слышно. Я почувствовал, что впадаю в ступор. По этому пункту я обвинялся в изнасиловании. *«Блин, наверное, я выпил той самой особой воды вуду»,* – подумал я.

– … По второму пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам…

Дон Кинг и мои друзья в зале суда громко ахнули. По этому пункту я обвинялся в использовании пальцев. Пять лет для каждого пальца.

– … По третьему пункту обвинения я приговариваю вас к десяти годам…

А это – за использование языка. В течение двадцати минут. Это был, вероятно, мировой рекорд по самому продолжительному куннилингусу, осуществленному во время изнасилования.

– … Наказания будут исполняться одновременно, – продолжала судья. – Я налагаю на вас максимальный штраф в тридцать тысяч долларов. Я сокращаю срок исполнения наказания на четыре года, определяя для вас четырехлетний испытательный срок. В течение этого времени вы будете выполнять психоаналитическую программу доктора Джерома Миллера и отрабатывать сто часов общественно полезных работ, включая воспитательную работу среди молодежи по борьбе справонарушениями.

Вскочил Фуллер и заявил, что мне должна быть предоставлена возможность быть отпущенным под залог на то время, пока Алан Дершовиц, известный адвокат, не подготовит мою апелляцию. Дершовиц сидел тут же в зале суда, наблюдая за вынесением приговора. После Фуллера слово взял Гаррисон, это ковбойское быдло. Позже многие утверждали, что я стал жертвой расизма. Но я думаю, что Модисэт и Гаррисон действовали так скорее ради блеска славы. Их, действительно, не интересовал результат судебного процесса, они просто жаждали увидеть свои имена в прессе и называться «большими шишками».

Итак, поднялся Гаррисон и заявил, что я являюсь «преступником, виновным в изнасиловании, склонным к насилию и способным повторно совершить преступление. Если не удастся

препроводить подсудимого в место лишения свободы, мы тем самым умалим серьезность преступления, дискредитируем правоохранительную деятельность, подвергнем опасности других невинных людей и позволим виновнику продолжить свой преступный образ жизни».

Судья Гиффорд согласилась. Никакого освобождения под залог. Это означало, что я направлялся прямиком в тюрьму. Гиффорд уже была готова ударом молотка объявить дело закрытым, когда в зале суда возник переполох. Дершовиц защелкнул свой портфель и бросился вон из зала, бормоча: «Я все-таки позабочусь о том, чтобы свершилось настоящее правосудие». Возникло некоторое замешательство, затем судья грохнула своим молоточком по столу. Все было решено. Подошел шериф округа, чтобы взять меня под стражу. Я встал, отстегнул часы, снял ремень и передал их Фуллеру вместе с бумажником. Две мои подруги в первом ряду плакали навзрыд. «Мы любим тебя, Майк», – рыдали они. Камилла поднялась и направилась к столу защиты. Мы обнялись на прощание. Затем шериф вывел Джима Войлеса и меня из зала суда через заднюю дверь.

Они повели меня вниз, в участок для регистрации арестованных. Там меня обыскали, сняли отпечатки пальцев и сфотографировали. Снаружи была толпа репортеров, подстерегавших вокруг автомашины, в которой я должен был отправиться в тюрьму.

– Когда выйдем, прикройте наручники плащом, – посоветовал мне Войлес.

Он серьезно? Оцепенение постепенно покидало меня, уступая место гневу. Неужели мне должно быть стыдно показаться в наручниках? Это был знак почета.

Если бы я скрыл свои браслеты, я был бы сукой. Джим думал, что утаивание наручников должно избавить меня от чувства стыда, но именно *это* и явилось бы позором. Все должны были видеть меня с этим железом на руках. Нах… й всех остальных! Те, кто понимает меня, должны были увидеть меня с этими железяками. Я собирался пройти школу мужества.

Мы вышли из здания суда и направились к машине. Я гордо держал свои наручники высоко поднятыми. И я ухмылялся, как бы говоря: «Вы верите в это дерьмо?» Эта фотография была на первых страницах газет всего мира. Я сел в полицейскую машину, и Джим протиснулся рядом со мной на заднее сиденье.

– Ну что, деревенщина, теперь только ты и я, – пошутил я.

Нас привезли в диагностический центр, чтобы определить, в тюрьму какого уровня безопасности[8] меня направить. Они раздели меня донага, заставили наклониться и произвели

досмотр полостей тела. Дали мне что-то, похожее на дерьмовую пижаму и шлепанцы. И затем меня отправили в Молодежный центр в Плэйнфилде, штат Индиана, заведение для правонарушителей второго и третьего уровня.

К тому времени, как я добрался до конечного пункта назначения, я был просто взбешен. Я собирался показать этим ублюдкам, как надо мотать срок. Я был намерен делать это по-своему. Это смешно, но мне потребовалось немало времени, чтобы осознать, что та маленькая белая женщина-судья, которая отправила меня в тюрьму, возможно, спасла мне жизнь.

Глава 1

У нас были терки с парнями, которые называли себя «Пумами». Шел 1976 год, я жил в Браунсвилле, Бруклин, а эти ребята обитали по соседству. В то время я водился с компанией с улицы Ратленд-роуд, которые звались «Кэтс», шайка пацанов-латиносов из близлежащего района Краун-Хайтс. Мы совершали кражи со взломом, и у некоторых наших криминальных приятелей были стычки с «Пумами», поэтому мы пошли в парк поддержать их. Обычно мы не имели дела с оружием, но это были наши хорошие друзья, так что мы украли кучу разной фигни: какие-то пистолеты, 357-й «магнум» и винтовку «М1» со штыком времен Первой мировой войны. Никогда не знаешь, на что наткнешься, когда грабишь какой-нибудь дом.

Итак, мы шли по улице со своим оружием, и никто не наезжал на нас, и не было видно копов, готовых остановить нас. У нас даже не было сумки, чтобы положить туда винтовку, так что мы просто несли ее по очереди, меняясь через несколько кварталов.

– Эй, вон он идет! – сказал мой друг Рон-Гаитянин. – Парень в красных кроссовках «Пума» и с красным воротником.

Рон заметил парня, который был впереди нас. Когда мы рванули, огромная толпа в парке расступилась, словно Красное море перед Моисеем. И хорошо, что они это сделали, потому что, бах, один из моих приятелей выстрелил. Все заметались, услышав выстрел.

Мы продолжали идти, и я понял, что некоторые из «Пум» укрылись между машинами, припаркованными на улице. Винтовка была как раз у меня, и, быстро обернувшись, я увидел здоровяка с направленным на меня пистолетом.

– Что, е… твою мать, ты здесь делаешь? – спросил он меня. Это был мой старший брат Родни. – Выметайся отсюда к е… ням собачим!

И я пошел, куда мне было велено. Выйдя из парка, я отправился домой. Мне было десять лет.

* * *

Я часто повторяю, что в своей семье я был паршивой овцой. Но когда я размышляю над этим, я понимаю, что на самом деле я был весьма смирным ребенком большую часть своего детства. Я родился в больнице «Камберленд» в бруклинском районе Форт-

Грин, Нью-Йорк, 30 июня 1966 года. Мои самые ранние воспоминания связаны с больницей: я постоянно болел в связи со слабыми легкими. Однажды, чтобы привлечь внимание, я сунул палец в какой-то септик для канализации, а затем облизал его. Понятное дело, меня притащили в больницу. Я помню, как моя крестная подарила мне игрушечный пистолет, когда я там лежал, но подозреваю, что я его сразу же сломал.

Я не так много знаю о своих семейных корнях. Моя мать, Лорна Мэй, был жительницей Нью-Йорка, но родилась она на юге, в штате Вирджиния. Мой брат однажды съездил на юг, чтобы побывать в местах, где выросла мама. Он сказал, что там не было ничего, кроме стоянок для жилых автоприцепов. То есть я на самом деле ниггер со стоянки для жилых автоприцепов. Моя бабушка Берта и моя двоюродная бабушка работали на одну белую леди еще в тридцатые годы, когда большинство белых не взяли бы к себе на работу черных, и Берта с сестрой были ей настолько признательны, что обе назвали своих дочерей Лорна – в честь той белой леди. На деньги от той работы Берта смогла послать своих детей на учебу в колледж.

Возможно, я получил семейный нокаутирующий ген от своей бабушки. Двоюродная сестра моей матери Лорна рассказала мне, что муж в той семье, на которую работала Берта, поколачивал свою жену, и Берте это не нравилось. А Берта была крупной женщиной.

– Не вздумай тронуть ее, – сказала она ему как-то.

Он воспринял это как шутку. Тогда она влепила ему кулаком так, что он брякнулся на задницу. На следующий день, встретивши Берту, он поинтересовался: «Как поживаете, мисс Прайс?» Он перестал бить жену и стал другим человеком.

Моя мама всем очень нравилась. Когда я родился, она работала кастеляншей в женском следственном изоляторе в Манхэттене и одновременно училась на преподавателя. Она уже три года обучалась в колледже, когда познакомилась с моим папой. Он заболел, и ей пришлось бросить учебу, чтобы ухаживать за ним. Для образованного человека она не очень хорошо разбиралась в мужчинах.

О семье своего отца я знаю немного. На самом деле, я практически ничего не знаю о своем отце. Или о том человеке, который, как мне сказали, был моим отцом. В моем свидетельстве о рождении указано, что моим отцом являлся Персел Тайсон. Единственная проблема заключалась в том, что мой брат, моя сестра и я – мы никогда не встречали этого парня.

Всем нам сказали, что нашим биологическим отцом был Джимми «Чубчик»[9] Киркпатрик-младший. Но едва ли он сам

был в курсе этого дела. С течением времени до меня дошли слухи, что Чубчик был сутенером и зачастую принуждал женщин к соответствующему занятию. Затем, ни с того ни с сего, он начал называть себя диаконом в церкви. Поэтому каждый раз, когда я слышу, как кто-либо называет себя преподобием, я говорю: «Отче-тире-сутенер». Если всерьез задуматься над этим, то станет ясно, что у этих набожных парней, действительно, нюх сутенера. Они могут любого в церкви заставить сделать все, что захотят. Так что, для меня люди этого сорта всегда «епископ-тире-сутенер» или «преподобный-тире-сутенер».

Чубчик периодически приезжал туда, где мы жили. Он и моя мать никогда не разговаривали друг с другом. Он просто сигналил, а мы спускались вниз и встречались с ним. Дети набивались в его «Кадиллак», и мы думали, что сейчас мы поедем на экскурсию на Кони-Айленд или Брайтон-Бич, но он несколько минут катался по кварталу, затем возвращался к нашему дому, давал нам немного денег, целовал мою сестру, тряс руку мне и моему брату – и на этом все завершалось. Следующий раз я мог увидеть его уже в следующем году.

Вначале я жил в районе Бэд-Стай[10] в Бруклине. Тогда это был вполне приличный рабочий район. Все знали друг друга. Все было вполне нормально, но отнюдь не спокойно. Каждую пятницу и субботу в доме было как в Вегасе. Мама устраивала карточные вечеринки и приглашала всех своих подруг, многие из которых промышляли разным нелегальным бизнесом. Она отправляла своего дружка Эдди купить ящик спиртного, они разбавляли его водой и продавали рюмками. Выигрыш с каждой четвертой партии шел в общий котел. Таким вот образом в доме и водились деньги. Мама готовила куриные крылышки. Брат вспоминал, что, кроме шлюх, бывали и бандиты, и детективы. Кого там только не было.

Когда у матери водились кое-какие деньги, она любила пускать пыль в глаза. Она была великим организатором, и у нее всегда была куча подруг, а также мужчин. И все пили, пили, пили. Она не курила марихуаны, но все ее друзья делали это, и она доставала им наркотики. Она курила сигареты, марки «Кул 100»[11]. Подруги моей мамы были проститутками или, по крайней мере, женщинами, которые спали с мужчинами за деньги. Женщины легкого поведения невысокого уровня, даже не уличного. Перед тем как идти к своим мужчинам, они оставляли у нас своих детей. Когда они возвращались забрать их, одежда у них зачастую была в крови, и тогда мама помогала им отчиститься. Однажды я пришел домой, а там был белый ребенок. *«Что, черт возьми, это здесь еще за дерьмо?»* – подумал я. Такова

была моя жизнь.

Мой брат Родни был на пять лет старше меня, так что у нас было мало что общего. Он был странным чуваком. Мы были черными парнями из гетто, а он был похож на ученого: возился с какими-то пробирками, постоянно экспериментировал. У него даже была коллекция монет. Типа, «белые занимаются такими вещами».

Однажды он пришел в химическую лабораторию в Институте Пратта, рядом с колледжем, и взял там какие-то химические препараты для эксперимента. Через несколько дней, когда он вышел из дома, я пробрался в его комнату и добавил в его пробирки воды. От взрыва вылетело окно, выходившее во двор, и в комнате начался пожар. После этого он поставил замок на своей двери.

Я устраивал ему много каверз, но для него это были привычные шалости, к которым он относился спокойно. Кроме того дня, когда я порезал его бритвой. Он поколотил меня за что-то и затем улегся спать. Я со своей сестрой Дениз смотрел очередную «мыльную оперу» про больницу, где в одной из серий делали операцию. «Мы тоже так можем, а Родни может быть пациентом. Я буду врачом, а ты – медсестрой», – сказал я сестре. Итак, мы закатали рукава и приступили к работе над его левой рукой. «Скальпель», – велел я, и сестра подала мне бритву. Я слегка полоснул по его руке, пошла кровь. «Медсестра, нужен спирт», – скомандовал я. Дениз передала мне алкоголь, и я полил на его порезы. Он проснулся, пронзительно вопя, и погнался за нами по всему дому. Я спрятался за маму. У него и по сей день от нашей шалости остались шрамы.

Порой мы отлично проводили вместе время. Однажды мы с братом прогуливались по Атлантик-авеню, и он сказал: «Давайте пойдем на фабрику пончиков». Раньше он украл там несколько пончиков и, подозреваю, хотел похвастаться мне, что снова может это сделать. Мы подошли, ворота были открыты. Он вошел и взял несколько коробок с пончиками, но ворота оказались уже закрыты. Он там застрял, а уже подходили охранники. Он передал мне пончики, и я рванул вместе с ними домой. Мы с сестрой сидели на крыльце и уминали эти пончики. Наши лица были белыми от сахарной пудры. Наша мама стояла рядом с нами и разговаривала с соседкой.

– Мой сын одним из лучших сдал тест для поступления в Бруклинскую техническую[12], – хвасталась она подруге. – Он такой замечательный ученик, лучший в классе.

И тут подъехал полицейский автомобиль, в котором был Родни. Они собирались высадить его у самого дома, но он

услышал, как бахвалилась мама, и сказал копам, чтобы они ехали дальше. И они привезли его прямо в Споффорд, исправительный центр для несовершеннолетних. Я же с сестрой с удовольствием прикончил те самые пончики.

Я проводил большую часть своего времени с сестрой Дениз. Она была на два года старше меня, и ее любили все в округе. Если она была твоим другом, то это был твой лучший друг. Но если она была твоим врагом, тебе лучше было перейти на другую сторону улицы. Мы делали пирожные с мороженым и орехами, мы смотрели фильмы про рестлинг и каратэ и ходили в магазин вместе с мамой. Это была прекрасная жизнь. Но затем, когда мне было всего семь лет, наш мир перевернулся вверх тормашками.

Начался экономический кризис, мама потеряла работу, и нас выселили из нашей прекрасной квартиры в Бэд-Стай. Пришли люди и вынесли всю нашу мебель на улицу. Мы, трое детей, сидели и охраняли ее, чтобы никто не стащил что-нибудь, пока мама искала, где бы нам приткнуться. Пришли знакомые дети и поинтересовались: «Майк, почему это ваша мебель здесь, а, Майк?» И мы ответили им, что мы переезжаем. Затем соседи увидели нас и принесли нам тарелки с едой.

Мы оказались в Браунсвилле. Почувствовать разницу можно было легко. Люди были громче и агрессивнее. Это было ужасное, жестокое, отвратительное место. Моя мама не привыкла к тому, что вокруг ошивается этот тип агрессивных черных. Она была напугана, как и мы с братом и сестрой. Все вокруг было враждебным, там не было места тонким материям. Постоянно куда-то мчались копы с воем сирен, постоянно кого-то забирала «Скорая помощь», постоянно слышалась стрельба. Людей пыряли ножами, окна разбивали. Однажды нас с братом ограбили прямо перед нашим домом. Для нас уже стало привычно наблюдать, как эти парни пуляют друг в друга напропалую. Все это напоминало фильмы со старым добрым Эдвардом Г. Робинсоном[13]. Насмотревшись на все это, можно было воскликнуть: «Ух ты, это происходит на самом деле!»

Весь квартал был также рассадником распутства и похоти. Казалось, многие там не были стеснены никакими условностями. На улице нередко можно было услышать: «Отсоси у меня!», «Полижи мою мохнатку!» Это была совершенно другая обстановка. Как-то один малый затащил меня с улицы в заброшенное здание и стал приставать ко мне. На этих улицах я никогда не чувствовал себя в безопасности. По большому счету, мы не были в безопасности даже в собственной квартире. Когда мы оказались в Браунсвилле, мамины вечеринки прекратились. Мама обзавелась несколькими подружками, но веселой суеты и

посиделок, как в Бэд-Стай, она уже не устраивала. Поэтому она начала сильно пить. Она не нашла другой работы, и я хорошо помню ожидание с мамой в длинных очередях в центре социального обеспечения. Мы ждали и ждали часами, и когда мы были уже совсем рядом, наступало пять часов, и они закрывались, б… дь, прямо перед тобой, совсем как в кино.

В Браунсвилле нас тоже постоянно выселяли. Это случалось несколько раз. Иногда мы оказывались во вполне приличном месте, встречая на какое-то время друзей, а мама – очередного бой-френда. Но чаще всего при очередном переезде условия становились все хуже – от плохого к худшему и к совсем х… вому. В конечном итоге мы селились уже в домах, подлежащих сносу, без тепла, без воды, электричество – если повезет. Зимой мы все четверо спали в одной постели, чтобы согреться. Мы оставались там до тех пор, пока какой-нибудь малый не приходил и не выгонял нас. Мама делала все, что могла, чтобы сохранить крышу над головой. Зачастую это означало для нее спать с кем-то, к кому она на самом деле не питала никакого интереса. Все было именно так.

Она никогда не отдавала нас в приют для бездомных, мы просто переезжали в очередной заброшенный дом. Психологически это сильно ранило, но что было поделать? Вот то, что я ненавижу в самом себе, что я воспринял от своей матери: нет ничего такого, чего бы ты не сделал для того, чтобы выжить.

Одно из моих самых ранних воспоминаний связано с сотрудниками социального обеспечения, которые выискивали незарегистрированных. Дело было летом, мы ходили получать бесплатные обеды и завтраки. Я сказал им: «У меня девять братьев и сестер», – поэтому они дали еды больше. Я чувствовал себя так, словно я записался на войну и получил денежное пособие. Я был так горд, что добыл пропитание для дома. Можете себе представить эту фигню? Я открываю холодильник и вижу там дерьмовый сандвич, апельсин и маленький пакетик молока. Но зато всего этого – двадцать упаковок. И я пригласил еще народа. «Ты хочешь что-нибудь поесть, брат? Ты голоден? У нас есть еда». Мы вели себя так, словно приобрели эту провизию на свои кровные. А это был бесплатный обед.

Когда я был маленьким, я был маменькиным сынком. Я всегда спал вместе с мамой. У моей сестры и брата были свои комнаты, а я спал с мамой, пока мне не исполнилось пятнадцать. Один раз мать была с мужчиной, когда я спал в ее постели. Она, наверное, думала, что я крепко спал. Я уверен, что это повлияло на меня, но что было, то было. Когда нарисовывался ее парень Эдди Джиллисон, меня отправляли на тахту. Их любовная связь

была какой-то неправильной. Думаю, что именно поэтому и мои собственные любовные отношения были такими странными. Они вдвоем пили, дрались, трахались, ссорились, затем опять пили, и дрались, и трахались, и снова, и снова. Они, действительно, любили друг друга, даже если это и была какая-то извращенная любовь.

Эдди был плотным коротышкой из Южной Каролины, работал он на отраслевом заводе «Лондромет»[14]. Он не слишком далеко зашел в школьном обучении, и к тому времени, когда мой брат и сестра пошли в четвертый класс, он уже не мог помочь им выполнять домашние задания. Эдди был парнем, который хотел быть главным, но моя мама была женщиной, и она хотела быть главной еще больше, так что все могло пойти наперекосяк на совершенно пустом месте. Всегда были какие-то драчки, приходили и уходили копы, а мне говорили: «Эй, приятель, прогуляйся-ка пока по кварталу». Порой мы все присоединялись к драке. Однажды моя мать и Эдди серьезно поссорились и пустили в ход руки. Я прыгнул между ними, пытаясь защитить маму и унять его, и бац, он вмазал мне кулаком в живот, и я сполз вниз. Я корчился на полу, *о-о-о! и не мог поверить в это дерьмо.* Я же был просто ребенком! Вот почему я никогда не распускаю рук со своими детьми. Я не хочу, чтобы они, когда вырастут, думали, что я чудовище. Но в то время поколотить ребенка было обычным делом. Тогда это никого не заботило. Это теперь считается почти убийством, и ты отправляешься в тюрьму.

Эдди и моя мать дрались из-за всего: из-за других мужчин или женщин, из-за денег, из-за того, кто из них главнее. Эдди не был ангелом. Когда моя мать собирала подруг, они напивались и она отрубалась, он трахал ее подружек. А потом они дрались. Там, на самом деле, происходили дикие сцены, с поножовщиной и матерщиной: «Ты, ублюдок, мать твою!.. Ты, ниггер, отсоси у меня!..» Мы кричали: «Мамочка, стой, нет!» Однажды, когда мне было семь лет, они подрались, Эдди ударил ее кулаком и выбил у нее золотой зуб. Мама пошла и поставила на огонь большую кастрюлю с водой. Моему брату и сестре она велела залезть под одеяло, я же с увлечением смотрел по телевизору свою любимую спортивную передачу и ничего не слышал. Мама была хитрюгой: она прошла мимо, все было спокойно, затем она вернулась в комнату, когда брат с сестрой уже подготовились, спрятавшись под одеяло. Эдди сидел рядом со мной. Я услышал лишь: «Бац!» – и кастрюля с кипящей водой угодила Эдди в голову. Немного воды выплеснулось и на меня. Было такое ощущение, словно она весила целую тонну.

«А-а-а-а-а!» – Эдди с криком бросился в коридор. Я побежал

следом за ним. Он обернулся и схватил меня. «О детка, эта сука достала и тебя?» – провопил он. «Да, эта сука и меня тоже, а-а-а!» Мы втащили его в комнату, сорвали с него рубашку – его шея, спина и часть лица были покрыты волдырями. Он был похож на рептилию. Мы уложили его на пол перед небольшим оконным кондиционером. Моя сестра села рядом с ним, взяла зажигалку, прокалила кончик иглы и принялась вскрывать волдыри, один за другим. Мы с сестрой оба плакали, и я, чтобы подбодрить его, дал ему четвертак.

Когда я думал об этом, я всегда вспоминал маму как жертву, ведь в большинстве случаев это Эдди бил ее. Я уверен, что леди из движения за освобождение женщин одобрила бы ее действия. И все же у меня возникал вопрос: *«Как она могла поступать так с тем, кто считался ее парнем?»* И я начинал понимать, что мама отнюдь не была матерью Терезой. У нее было несколько серьезных выходок по отношению к нему, а он по-прежнему оставался с ней. Что интересно: после того как она обварила его, он пошел в магазин купить ей спиртного. Как видите, он решил отблагодарить ее за это. Вот почему у меня складывалось все так неблагополучно в сексуальном плане.

Вот в такой обстановке я и вырос. Люди, любя друг друга, разбивали один другому головы и истекали кровью, как собаки. Они любили друг друга – и резали друг друга ножами. Черт возьми, моя семья приводила меня в ужас! Я рос среди грубых женщин, среди женщин, которые дрались с мужчинами. Как я понял, драться с женщиной там не являлось каким-то табу – поскольку женщины, которых я там знал, могли запросто убить тебя. Ты был вынужден драться с ними, потому что в противном случае они бы тебя или порезали, или застрелили. Или же привели бы парней, чтобы, обхитрив тебя таким образом, поколотить тебя, поскольку считали тебя молокососом.

Я боялся находиться в доме, но опасался также и выходить на улицу. Я тогда ходил в среднюю школу, и это был кошмар. Я был пухлым малышом, очень застенчивым, совсем как девушка, и шепелявил. Дети звали меня «мальчик-маленькая фея», потому что я везде ходил вместе со своей сестрой. Мама сказала мне, что я должен был рядом с Дениз, поскольку та была старше меня и должна была присматривать за мной. Они также звали меня «грязный Айк» или «грязный ублюдок», потому что в то время я мало что знал о гигиене. У нас не было горячей воды, чтобы помыться в душе, а когда отключали газ, мы не могли даже вскипятить воды. Мама пыталась научить меня всем этим вещам, но у меня это все равно плохо получалось. Она обычно набирала ведро горячей воды, брала кусок мыла и мыла меня. Но когда ты

ребенок, ты не особенно заботишься о гигиене. В конце концов я узнал обо всем, что нужно было знать, на улице от старших детей. Они рассказали мне и об одеколоне «Брют», и о туалетной воде «Пако Рабанн», и о парфюмерии от Пьера Кардена.

Школа была прямо за углом нашего дома, но иногда мама, отходя после выпитого накануне вечером, не провожала меня на уроки. Как раз тогда дети и раздавали мне тычки и пинки. Они кричали мне: «Выметайся отсюда нах… й, ты, ниггер, грязный ублюдок!» Меня постоянно оскорбляли. Меня били по лицу, и я убегал. Когда мы шли в школу, они приставали к нам, а когда мы возвращались домой, они доставали пушки и грабили нас за то, что мы отличались от других. Это было просто изуверство – малолетки грабили нас в нашем собственном доме.

Переломным моментом в моей жизни явилось то, что в первом классе я стал носить очки. Мама проверила мне зрение, оказалось, что у меня близорукость, и она заказала мне очки. Они были паршивыми. Однажды я во время обеденного перерыва шел из школы домой и нес из столовой фрикадельки, завернутые в фольгу, чтобы не остыли. Ко мне подошел парень и спросил: «Эй, деньги есть?» Я ответил: «Нет». Он обшарил мои карманы и всего меня и попытался забрать мои гребаные фрикадельки. Я стал брыкаться: «Нет, нет, нет!» У меня могли отобрать деньги, но только не еду. Я весь согнулся, защищая собственным телом свои фрикадельки. Он принялся бить меня по голове, а затем взял мои очки и запихнул их под бензобак грузовика. Я убежал домой, но мои фрикадельки ему не достались.

Я должен был бы отделать этих ребят, но был слишком напуган, поскольку они вели себя так нагло и самоуверенно, что мне казалось, будто они знали что-то такое, что было неведомо мне. «Не бейте меня, оставьте меня, прекратите!» – повторял я только. Из-за этих издевательств я по сей день чувствую себя трусом. Это исступленное ощущение, что ты беспомощен, – его никогда не забыть. День, когда этот парнишка забрал мои очки, стал последним днем моей учебы в школе. Это было завершение моего образования в учебном заведении. Мне было семь лет, и я больше просто не вернулся в класс.

После этого я появлялся в школе, только чтобы позавтракать там, и уходил. Я шлялся по кварталу пару часов, затем возвращался на обед и вновь уходил. Когда по времени уроки в школе заканчивались, я шел домой. Однажды весной 1974 года трое парней подошли ко мне на улице и начали похлопывать меня по карманам. «Есть деньги?» – спросили они. Я ответил: «Нет». Они продолжали: «А если найдем?» Они вывернули мои карманы и ничего не нашли. Тогда они спросили:

– Куда идешь? Хочешь полетать с нами?

– Что это значит? – поинтересовался я.

Мы подошли к школе, они помогли мне перелезть через забор, и я перебросил им оттуда несколько пластиковых упаковок молока. Затем мы прошли несколько кварталов, и они велели мне войти в заброшенное здание.

«Ну, не знаю», – заколебался я. Я был хилым и маленьким, а их было трое. Мы все же вошли, и они велели: «Ступай на крышу, Шибздик». Я понятия не имел: может, они собирались прикончить меня. Мы забрались на крышу – и я увидел небольшую коробку, в которой были голуби. Эти ребята строили голубятню. Так я стал у них мальчиком на побегушках, «шестеркой». Вскоре я узнал, что, когда птицы летают, они часто садятся на другой крыше, если им лень возвращаться или если они нездоровы. Тогда я спускался вниз, высматривал, на какую крышу они сели, пробирался к этому зданию, поднимался на крышу и вспугивал оттуда птиц. Весь день я гонял птиц, и это было здорово. Мне нравилось заниматься этим. Мне также нравилось ходить в зоомагазин, чтобы покупать птицам зерно. Эти ребята были крутыми парнями, и им льстило, что я был у них мальчиком на побегушках. Всю свою жизнь я ощущал себя неудачником, но здесь, на крыше, я чувствовал себя как дома. Это дело было как раз по мне.

На следующее утро я вновь пришел к тому зданию. Мои вчерашние знакомые были на крыше и, увидев меня, принялись швыряться в меня кирпичами. «Что ты здесь делаешь, ублюдок? Ты хочешь, блин, стащить у нас птиц?» – спросил один из них. Ничего себе! А я-то думал, что это мой новый дом.

– Нет, вовсе нет! – испугался я. – Я просто хотел знать, может, мне надо сходить в магазин или погонять птиц.

– Ты это серьезно? – удивился он. – Тогда дуй сюда, Шибздик.

И они отправили меня в магазин купить им сигарет. Они были шайкой жестоких уличных парней, но я был не прочь помогать им, потому что птицы увлекли меня. Это было, действительно, здорово – видеть, как две сотни голубей делают круги в небе, а затем возвращаются на крышу.

Гонять голубей – большой спорт в Бруклине. Этим увлекались все, начиная от донов мафии и кончая маленькими детишками из гетто. Это было необъяснимо, это просто было у тебя в крови. Я узнал, как обращаться с птицами, узнал их особенности. Шло время, и я стал знатоком и гордился тем, что разбираюсь в этом. Каждый запускал своих голубей в одно и то же время, и фишка заключалась в том, чтобы попытаться перехватить чужих голубей. Это было похоже на скачки беговых лошадей. Если это у тебя в крови, ты это уже не бросишь. С тех пор, где бы я ни жил, я всегда

строил себе голубятню и заводил голубей.

Однажды мы были на крыше, занимались голубями, когда к нам подошел парень постарше нас. Его звали Барким, он был приятелем одного из этих парней. Когда он понял, что его друга нет, он попросил передать, что будет ждать его этим вечером на джэм-сейшне в развлекательном центре в нашем районе. Джэм-сейшны были похожи на подростковые танцульки, только там не было этого дерьма в духе Арчи и Вероники[15]. Вечерами там даже меняли название места: развлекательный центр превращался в «Стрельца». Туда приходили картежники, карманники, хапки, парни из района, которые грабили дома, шарили по карманам, крали цепочки, мошенничали с кредитками. Это был вертеп.

Итак, в тот вечер я пошел в развлекательный центр. Мне было семь лет, и я не имел никакого понятия о такой процедуре, как переодевание. Я не знал, что прежде, чем идти в клуб, следует принять дома душ и переодеться, чтобы производить нормальное впечатление. То есть проделать все то, что делали другие парни, занимавшиеся голубями. Но я направился в развлекательный центр прямиком из голубятни, в той же вонючей одежде, на которой оставалось птичье дерьмо. Я рассчитывал, что те парни примут там меня как своего, потому что я гонял для них этих треклятых птиц. И вот я ввалился – и народ буквально обалдел:

– Что это за запах? Ты только глянь на этого грязного, вонючего ублюдка!

Все, кто там был, начали смеяться и дразнить меня. Я не знал, что делать. Все потешались надо мной, это так ранило. Я одновременно и плакал, и смеялся, потому что хотел вписаться в обстановку. Подозреваю, что Барким, увидев мое одеяние, сжалился надо мной. Он подошел ко мне и сказал:

– Эй, Шибздик, вали отсюда нах… й. Встретимся завтра утром на крыше в восемь утра.

На следующее утро я был там в назначенное время. Появился Барким и прочел мне лекцию.

– Ты не должен выглядеть как ублюдочный бродяга на улице. Что, мать твою, ты делаешь, чувак? Мы же ведь деловые люди, – говорил он быстро, и я пытался осмыслить каждое слово. – Короче, достаем денег, Шибздик. Ты готов?

И мы стали грабить чужие дома. Он велел мне залезать через окна, которые были слишком малы для него. Затем я изнутри открывал ему дверь. Как только мы оказывались в доме, он обшаривал комоды, ящики, вскрывал сейфы, он буквально сметал все необходимое.

Однажды мы взяли стереосистему с восемью дорожками, ювелирные изделия, оружие, деньги. После этого дела он привел

меня на Диленси-стрит и купил мне классную одежду, кроссовки и дубленку. В тот же вечер он взял меня на джэм-сейшн, где уже были все те, кто смеялся надо мной, когда я опозорился. На мне была новая дубленка и кожаные брюки. И никто не узнал меня, словно это был не я, а совершенно другой человек. Это было невероятно.

Барким был тем парнем, который ввел меня в криминальную среду. До этого я никогда ничего не крал. Ни буханки хлеба, ни конфет – ничего. У меня не было антиобщественных наклонностей. Я просто не отваживался на такое. Но Барким объяснил мне, что к тебе всегда будут относиться с уважением, если ты хорошо выглядишь. Если ты одет по последней моде, на тебе лучшие шмотки, тогда ты классный чувак. Ты получаешь общественное признание.

Как-то Барким взял меня с собой кататься на роликовых коньках на Ютика-авеню, где я встретил парней, которые звались «Команда Ратленд-роуд». Они были молоды, может, лет двенадцати, но одеты были как взрослые: плащи свободного покроя, обувь из крокодиловой кожи, кроличий мех, широкополые фетровые шляпы. На них была дизайнерская одежда от Сержио Валенте, Джордаш, Пьера Кардена. Я был впечатлен. Барким объяснил, как они это так смогли: эти парни были карманниками, хапками, грабителями. При этом они были просто детьми. Они учились в обычной школе – и у них были часы, кольца, ожерелья. Они водили мопеды. Все называли их бандитами, а мы – денежными братками. Все это было офигительно.

Барким стал представлять меня на улице как своего «сына». Он был лишь на несколько лет старше меня, но это была уличная терминология, которая предупреждала о необходимости относиться ко мне с уважением. Это означало: «Это мой уличный сын, мы одна семья, мы вместе грабим и воруем. Это мой младший деловой партнер. Не связывайтесь, блин, с этим ниггером». Тот, кто уважал его, теперь *должен был* уважать и меня. Барким учил меня, кого следовало опасаться, кому не стоило доверять – дай им палец, всю руку откусят. Моя жизнь напоминала мне жизнь Оливера Твиста, когда Феджин учил его разным штучкам. Барким часто покупал мне одежду, но никогда не давал мне много денег. Ограбив на две тысячи, он давал мне две сотни. Но в восемь лет и две сотни были большими деньгами. Иногда он давал мне на несколько дней поносить что-нибудь из украденных драгоценностей.

С «Командой Ратленд-роуд» я вышел на новый уровень знакомства с криминальной средой. Они были, в основном,

латиносы из района Краун-Хайтс. Барким знал старшую группу «Кэтс». Я начал тусоваться с «Командой Ратленд-роуд», их младшей группой. Они брали меня на квартирные блиц-кражи. Мы шли в школу, там завтракали, а затем садились на автобус или в метро и совершали кражи во время школьных занятий. Я начал чувствовать, что принадлежу какому-то общему делу. Мы были все равны, каждый из нас на равных участвовал в этих грабежах.

Некоторые, прочтя это, могут осудить меня как взрослого преступника. Но ведь я занимался всем этим свыше тридцати пяти лет назад. Я был маленьким ребенком, искавшим любовь и признание, и я нашел их на улице. Там я получил свое единственное образование, а эти ребята были моими учителями. Даже более старшие по возрасту воры говорили: «Не занимался бы ты этим. Иди лучше в школу». Но я не желал их слушать, хотя на улице они пользовались уважением. Они советовали нам продолжать учиться, а сами в том же возрасте убегали из школы и грабили.

Все ребята уважали меня, потому что я был маленьким дельцом. Я делился с приятелями, которым были нужны деньги. Я доставал всем своим спиртное и еду. Я начал покупать голубей. Если у тебя были хорошие птицы, тебя уважали. Плюс ко всему, это был кайф – сначала украсть что-то, а затем пойти и купить себе одежды. Я видел, как относились ко мне, когда я появлялся, классно одетый, в пальто, подбитом овчиной, в фирменных кроссовках «Пума». У меня был лыжный костюм и желтые очки, хотя я в жизни никогда не был на лыжном склоне. Я не мог прочесть даже по слогам это гребаное название – «Адидас», но зато я знал, как чувствуешь себя в этой обновке.

Один из парней из «Команды Ратленд-роуд» научил меня, как взламывать замки. Если у тебя есть ключ, который хоть как-то подходит к отверстию, ты просто действуешь им до тех пор, пока он не сломает личинку замка – и дверь открыта. Вот это зашибись! Когда мы таким образом открыли одну дверь, вы бы видели, сколько нам всего обломилось: столовое серебро, драгоценности, оружие, пачки денег. Мы были безумно счастливы, мы одновременно рыдали и смеялись. Мы не могли захапать все это сразу. Мы не могли выйти на улицу со всем этим дерьмом. Так что мы просто напихали в свои школьные ранцы столько, сколько туда могло влезть.

Однажды я со своим другом Кертисом грабил дом. Те, кто там жил, были латиносы, как и Кертис. Я пробираюсь там в кромешной тьме и слышу: «Кто там? Это ты, дорогая?» Я решил, что это Кертис дурачится, желая меня напугать, и ответил: «Да

вот хочу найти оружие и деньги. Поищи-ка сейф, хорошо?» – «Что, детка?» И тогда я понял, что это не Кертис. Это был парень, который там жил и который лежал на диване. Я бросился к двери. «Кертис, черт, облом! Сматываемся отсюда, здесь кто-то есть», – прошипел я. Но Кертис был педантом. Вместо того чтобы сделать ноги, он решил вначале запереть за собой дверь. Я же рванул прочь к е… ням собачьим. Хозяин распахнул дверь, разбил Кертису голову и чертовски отделал его. Я вообще думал, что тот сыграл в ящик. Но спустя год я снова увидел его. Он был жив, но все его лицо было раскурочено. Его тогда здорово отделали. Да, наша жизнь была полна опасностей.

Когда мы крали столовое серебро или драгоценности, мы шли к Сэлу, в магазин на Утика-авеню или на Стерлинг-стрит.

Я был ребенком, но они знали меня, так как я приходил со взрослыми парнями. Ребята в магазине знали, что я пришел с краденым, но я знал, что они не могли поколотить меня, потому что я знал, блин, какая тогда будет расплата. Я знал, чего хотел.

Иногда, когда мы в полдень шлялись по улице и видели школу, мы просто заходили в нее, шли в столовую, брали поднос, становились в очередь и приступали к еде. Мы могли присмотреть того, кого мы хотели бы грабануть, того, у кого была цепочка на шее. Поев, мы ставили поднос обратно, шли к двери, срывали приглянувшуюся цепочку и убегали.

Мы старались выглядеть на улице хорошо, потому что, если ты маленький черный ребенок, ходишь один по городу, выглядишь неряшливым и грязным, к тебе, как правило, начинают приставать. Поэтому мы выглядели очень мило и безобидно. У нас были школьные рюкзаки, очки с наклейкой-улыбкой и вид учеников католической школы в приличных брючках и белых рубашках – полная школьная экипировка.

Спустя примерно год я начал собственные квартирные кражи. Это было выгодно, хотя тусовки на улице и карманные кражи в толпе были заманчивее. Ты хватаешь дамские украшения, и копы гонятся за тобой – то, что мы называли: «Пришли герои и решили все проблемы». Это был больший риск за меньшие деньги, но мы любили острые ощущения. Чтобы быть удачливым карманным вором, у тебя, как правило, должен быть напарник.

Порой это даже не планировалось, но ты встречал кого-то знакомого, и вы объединялись в команду. Иногда встречались и конкуренты. Ты садишься в автобус, а там уже кто-то, готовый обчистить карманы у пассажиров. Но ты оказываешься более заметен. Это называется «разбудить автобус». До тебя в автобусе было тихо, но теперь, когда ты вошел, водитель объявляет: «Дамы и господа, в автобус только что сели известные молодые люди.

Внимательно следите за своими карманами. Они попытаются обокрасть вас». Ты выходишь на следующей остановке, и карманник, не бросавшийся в глаза, также высаживается и подходит к тебе.

– Ты, ублюдок, ты разбудил автобус! – кричит он. И если он старше тебя, он может надрать тебе задницу и отобрать у тебя деньги или драгоценности, которые ты украл.

Со мной не любили ходить на кражи, потому что я не был так невозмутим или так ловок, как другие. У меня никогда не получалось все гладко, строго по плану, типа «я собираюсь одурачить этого ниггера, я намерен сделать именно это, не откладывая и именно с ним». У меня гораздо лучше получались экспромты, чтобы захватить врасплох.

Любой крепкий парнишка мог захватить кого-то врасплох. Но фишка была в том, чтобы схитрить и обвести вокруг пальца. Большинство людей думает так: *«Они запали на меня, но я обставлю их.* Уж меня-то они не проведут». Леди может хоть весь день держать руку на своем кошельке. Мы следим за ней – а она не вынимает руку из кармана. Мы следуем за ней, затем вроде бы как отходим, но один малыш из наших по-прежнему наблюдает за ней. Она на несколько секунд ослабляет внимание, идет по своим делам – и он получает то, что требуется, и уходит. И прежде, чем испариться оттуда, мы слышим душераздирающий крик: «А-а-а, мои деньги, мои деньги!» Это был класс. Нам все было пох… й.

Самым элементарным было сорвать у кого-то золотую цепочку. Я обычно делал это в метро. Я садился у окна, чтобы можно было открыть его. Я опускал в вагоне несколько окон, на остановке новые пассажиры заходили и садились к окну. Я выходил и, как только поезд медленно трогался, дотягивался и срывал цепочки. Они кричали, уставившись на меня, но уже не могли выйти из вагона. А я чинил застежку и, подержав цепочку у себя пару дней, чтобы щегольнуть ей, затем продавал ее старшим парням. Те без проблем брали ее у меня.

Хотя я уже начал производить впечатление, я в то время никак не мог поладить с девчонками. Они мне нравились, но я не знал, как сказать им в этом возрасте, что они мне нравятся. Один раз я наблюдал, как девочки прыгали со скакалкой, они мне приглянулись, и я был не прочь попрыгать вместе с ними. Поэтому я стал дразнить их, и, совершенно неожиданно, эти девчонки из пятого класса принялись колотить меня. Я дурачился с ними, а они все восприняли всерьез и застали меня врасплох. Я начал отбиваться слишком поздно. Тогда кто-то вмешался и прекратил драку. Они одержали вверх, я просто не хотел драться с ними.

Для моей матери и моей сестры не оказалось сюрпризом, что я краду и занимаюсь другими асоциальными вещами, чтобы добыть денег. Они видели, что я прилично одет, я приносил им еду – пиццу, бургер-кинги, макдональдсы. Мать понимала, что эти изменения со мной до добра не доведут, но к этому времени было уже слишком поздно. Улица овладела мной. Мать считала, что я стал преступником, что теперь я лучше умру, чем вернусь в прежнее дерьмо. Наверное, она уже встречала детей вроде меня, которые поступали так же. Я крал любые вещи у любых людей. Для меня не существовало каких-либо границ.

Мать предпочла бы заниматься попрошайничеством. Она ставила меня в неловкое положение, потому что была слишком честной. Она всегда просила денег, она жила так и никак иначе. Я давал сестре кучу денег, чтобы выручить маму. Иногда я давал матери сто баксов, и она никогда не возвращала их мне. И она вовсе не питала ко мне уважения за это. Я говорил: «Ты должна мне некоторую сумму, ма». А она отвечала мне: «Ты обязан мне своей жизнью, мальчик. Я не собираюсь отдавать тебе долг».

Взрослые парни в районе знали, что я ворую. Они отбирали у меня деньги, украшения, обувь, и я опасался, что они расскажут об этом матери. Я не знал, что мне делать. Они избивали меня, крали моих птиц и знали, что могут безнаказанно издеваться надо мной. Барким не учил меня, как драться. Он учил меня лишь, как классно одеваться и как подмывать свой зад. Обычно, когда кто-то кричал на меня на улице или гнался за мной, я просто бросал свои вещи и убегал. Теперь надо мной вновь издевались, но на сей раз я уже кое-что представлял собой.

Подрастая, я всегда хотел быть в центре внимания. Я хотел быть тем парнем, который запросто говорит вещи вроде: «Я здесь самый крутой», «У меня лучшие птицы». Я хотел быть настоящим уличным парнем, острым на язык и не лезущим за словом в карман, но на самом деле я был слишком застенчивым и неловким. Когда я пытался разговаривать в такой манере, любой мог ударить меня по голове и сказать: «Заткнись, нах… й, ниггер!» Но когда я впервые ввязался в уличную драку, я почувствовал, насколько приятно купаться в лучах славы.

Однажды я отправился в район Краун-Хайтс и грабанул дом вместе со старшим парнем. Мы добыли 2200 долларов наличными, он отстегнул мне 600 долларов. Я отправился в зоомагазин и накупил птиц на сотню баксов. Мне упаковали их в корзину, и хозяин помог мне провезти их в метро. Когда я вышел, парень из моего района помог мне перетащить корзину к заброшенному зданию, где я прятал своих голубей. Но он разболтал о моих птицах, поэтому один чувак, его звали Гэри

Флауэз, пришел со своими друзьями грабить меня. Мать увидела, как они роются в моем птичьем хозяйстве, и сказала мне об этом. Я выскочил на улицу и столкнулся с ними. Заметив меня, они перестали таскать птиц, но Гэри держал одного голубя под полами своего пальто. К тому времени вокруг нас собралась большая толпа.

– Отдай мою птицу, – потребовал я.

Гэри вытащил голубя из-под пальто.

– Ты хочешь птицу? Ты хочешь эту сраную птицу? – спросил он. Затем он скрутил голубю голову и швырнул ее в меня, разбрызгав кровь по моему лицу и моей рубашке.

– Побей его, Майк! – крикнул мне один из моих друзей. – Не бойся, просто побей его!

Раньше я не решался драться с кем-либо. Но теперь я вспомнил одного парня старше меня, который жил по соседству. Его звали Уайз, и он был боксером в Спортивной лиге полиции. Он курил травку с нами, и когда ловил кайф, то начинал бой с тенью. Я наблюдал за ним, а он меня подначивал: «Ну, давай же, давай!» Но я никогда даже не имитировал с ним бокса. Теперь же я вспомнил его движения.

Итак, я решился. «А пошел ты нах… й!» Мои друзья были в шоке. Не осознавая, что делаю, я ожесточенно ударил несколько раз, и один из ударов попал в цель. Гэри упал. Когда Уайз вел бой с тенью, он делал подскоки, поэтому я тоже, уронив Гэри, принялся подскакивать своей тупой задницей. Это выглядело так, словно муха суетилась известно где. Практически весь квартал наблюдал за моментом моего триумфа. Все принялись вопить и аплодировать мне. Это было невероятное чувство, сердце бешено колотилось у меня в груди.

– Этот ниггер скачет, чувак, – засмеялся один парень.

Я попытался изобразить бег приставным шагом в стиле Мохаммеда Али, но безуспешно. Чувствовал я себя отлично: я смог постоять за себя, и мне нравилась эта суета, когда все аплодировали мне. Подозреваю, что под личиной застенчивости я всегда скрывал взрывной и веселый темперамент.

У меня теперь был совершенно новый уровень уважения на улице. Вместо «Майк поиграет с нами?» мою мать теперь спрашивали: «Майк Тайсон сможет с нами поиграть?» Другие парни приводили своих корешей, чтобы драться со мной, и ставили деньги на исход драки. Теперь у меня появился новый источник дохода. Приходили даже из других районов. Я выигрывал достаточно часто. Даже если я проигрывал, те парни, кто бил меня, говорили: «Блин! И тебе только одиннадцать?»

Вот я добился широкой известности в Бруклине. У меня была

репутация чувака, который мог подраться с кем угодно – со взрослыми, с любым. Но мы на улице не придерживались правил маркиза Квинсберри[16]. Если ты пнул кого-то по заднице, это еще не означало завершения поединка. Если этот парень не мог побить тебя в драке, у него были другие возможности, и порой проигравший возвращался со своими друзьями, которые принимались дубасить тебя битами.

Я начал мстить своим обидчикам за прежние побои. Как-то я гулял со своими друзьями и увидел того парня, который избил и унизил меня несколько лет назад. Он зашел в магазин отовариться. Я выволок его из магазина и принялся метелить его. Я даже не стал ничего объяснять своим приятелям, почему я это делаю, я просто сказал им: «Я ненавижу этого ублюдка». Этого было достаточно: они тоже напрыгнули на него, разорвали в клочья его гребаную одежду и надрали его гребаную задницу. Это тот, кто сорвал с меня очки и отшвырнул их? Я бил его на улице, как драного кота, за свое прошлое унижение. Он, может, уже и забыл обо всем, но я-то ведь нет.

Обретя уверенность в своей способности постоять за себя, я расширил масштабы своей преступной деятельности. Я стал вести себя все более нагло. Я даже стал красть в своем собственном районе. Я думал, что так разрешается. Я не понимал законов улицы. Я полагал, что все должны вести честную игру, потому что я сам, как мне казалось, вел честную игру по отношению к остальным. Я еще не знал, что были люди, с которыми не стоило связываться.

Я жил в многоквартирном доме и крал у всех, кто в нем обитал. Они не понимали, что это я был вором. Некоторые из этих людей были мамиными знакомыми. Они обналичивали свои чеки на оплату социальных нужд, покупали выпивку, приходили к маме, выпивали и веселились. Я заходил в свою комнату, по пожарной лестнице проникал в их квартиры и крал все, что там было. Когда дама поднималась к себе, она обнаруживала кражу и мчалась обратно с криком: «Лорна, Лорна, они забрали все! Они забрали даже детское питание! Они забрали все!»

После того как они уходили, у меня в комнате появлялась мама.

– Я знаю, что ты совершил что-то, не так ли, мой мальчик? Что ты сделал?

Я отвечал:

– Мама, это не я. Посмотри вокруг.

Дело в том, что всю краденую еду и все вещи я оставлял на крыше, и мои приятели вместе со мной забирали мою добычу позже.

– Как мог я сделать что-нибудь? Я был в комнате, вот здесь, никуда не уходил.

– Хорошо, если ты этого не делал, я готова поспорить, что ты знаешь, кто сделал это, ты, вор! – принималась кричать мать. – Ты всего лишь вор! Я никогда ничего не украла в своей жизни! Я не знаю, откуда ты такой взялся, ты, вор!

О боже! Можете себе представить, слышать такое дерьмо от собственной матери? Моя семья не питала никаких надежд в отношении меня, абсолютно никаких. Они считали, что моя жизнь станет жизнью преступника. До сих пор никто в моей родне не делал таких вещей, как я. Моя сестра постоянно поддевала меня:

– Какие птицы не летают? Тюремные птички! Арестанты![17]

Однажды я был вместе с мамой, когда она навещала свою подругу Виа. Муж Виа был одним из выкобенивающихся денежных тузов. Когда он лег спать, я вынул у него из кармана бумажник и взял деньги. Проснувшись, тот жестоко избил Виа, потому что подумал на нее. Все в районе стали меня смертельно ненавидеть. Кто этого не делал, тот мне завидовал. Даже партнеры. Теперь-то у меня хватало наглости на разные рискованные поступки.

Это было невероятно. Я не испытывал никаких чувств, когда хватал чью-то цепочку и тащил ее вниз по лестнице, и чья-то башка при этом подскакивала по ступенькам, бум, бум, бум. Меня это волновало?! Нет, мне нужна была только цепочка. Я знать ничего не знал о сочувствии и сострадании. А почему я был должен? Никто и никогда не испытывал ко мне никакого сочувствия, никакого сострадания. Я испытывал сочувствие только тогда, когда во время ограбления ранили из пушки или резали ножом кого-нибудь из моих друзей. Вот тогда мне становилось грустно.

Но ты все равно, блин, продолжал делать это. Ты надеялся, что тебя не угробят, что с тобой этого не может случиться. Я просто не мог остановиться. Я знал, что меня могли убить, но меня это не заботило. Я в любом случае не рассчитывал дожить до шестнадцати, так почему бы тогда не взять свое?

Мой брат Родни как-то сказал, что, по его мнению, я был самым смелым парнем из всех, кого он знал. Но я не считал себя смелым. У меня были смелые приятели, которых могли подстрелить за украшения, или часы, или мотоциклы. Но они не отдавали это, когда их грабили. Этих ребят уважали в районе больше всех. Я не знаю, был ли я смелым, но я видел в своей жизни смелых парней. Я всегда думал, что я был скорее больше психом, чем смелым. Я в открытую стрелял в людей в то время,

как моя мать выглядывала в окно. Я был безмозглым. Родни думал, это была смелость, но это была просто нехватка мозгов. Я был максималистом, беспредельщиком.

Все, кого я знал, были при деле. Даже те из парней, кто имел работу, все равно ловчили, как-то подрабатывали. Кто-то продавал наркоту, кто-то крал. Это было похоже на мир киборгов, где копы были плохими парнями, а грабители и ловкачи – хорошими. Если ты никого не трогал, то никто тебе ничего не говорил. Тебя просто помечали как зануду. Если ты делаешь гадость, то с тобой все в порядке. Если кто-то напрягает тебя, за тебя пойдут драться. Про тебя знают, что ты свой. Я был настолько крут, что, кажется, все эти гнусные, мерзкие отморозки в округе слышали обо мне.

* * *

Затем все стало осложняться. Меня чуть не поимела полиция. Стрельба в Браунсвилле было еще полбеды. Ты играл в переулке в азартные игры, и в это время появлялись одни парни, которые пуляли в других парней. Ты никогда не знал, когда всплывет очередное дерьмо. Могли примчаться какие-то банды на мотоциклах, бах, бах, стреляя в тебя. Мы знали, где тусуется каждая шайка, поэтому понимали, в каких местах не стоило показываться.

Но когда в тебя начинают стрелять копы, это совсем другое дело. В один прекрасный день мы шли мимо ювелирного магазина на Эмбой-стрит и вдруг увидели, как ювелир нес коробку. Я вырвал ее у него, и мы бросились бежать. Мы были уже у нашего квартала, когда услышали визг шин. Из автомашины выскочили переодетые полицейские и, бах, бах, принялись палить в нас. Я рванул в заброшенное здание, где мы тусовались. Я знал его как свои пять пальцев. Я знал, как пройти сквозь стены или пробраться на крышу, как нырнуть в пролом и забраться на стропила над потолком. Я так и сделал. Я забрался на самый потолок и стал смотреть сквозь пролом. Я мог видеть всех, кто ходил внизу.

Я увидел, как копы вошли в здание. Они походили там, внизу, с оружием на изготовку, и один из них направился прямо к пролому.

– Твою ж мать, эта е… ная шпана действует мне на нервы. Из-за нее я приперся в эти развалины, – высказался он. – Я убью этих е… ных ублюдков!

Я слышал, как белые копы переговаривались между собой и

смеялись. В этом здании копы зае… лись бы подниматься на другой этаж, потому что ступеньки там обрушились. Но они могли выследить, что я прятался на стропилах, и отстрелить мне задницу. Я подумывал о том, не перепрыгнуть ли на соседнюю крышу, потому что это было уже мой дом, но для прыжка там было десять футов[18].

Я выбрался на крышу, и мой приятель, который жил в моем доме, уже ждал меня там на крыше напротив. Я стоял на коленях, чтобы копы меня не увидели, и мой наблюдатель давал мне подробный отчет о происходящем.

– Расслабься, Майк. Они вышли из здания. Но они все еще ищут тебя. Там куча полицейских машин, – сообщил он.

Я ждал на крыше, казалось, целую вечность.

– Они уехали, Майк. Они уехали, – доложил, наконец, мой приятель.

Я спустился, но некоторое время еще подождал внутри. Мои друзья осмотрели весь квартал, чтобы убедиться, что копы нигде не прячутся.

– Подожди еще немного, Майк, – посоветовал мой приятель.

Наконец он сообщил, что я могу выходить. Мне жутко повезло, что я выбрался из этой ситуации. В коробке, которую мы стащили, были дорогие часы, медальоны, браслеты, бриллианты, рубины. Чтобы избавиться от всего этого дерьма, нам потребовалось две недели. Что-то мы продавали в одном месте, оставшиеся драгоценности – в другой части города.

Как это ни смешно, но при всей моей воровской практике впервые меня арестовали за украденную кредитную карту. Мне было десять лет. Ясное дело, я был слишком молод, чтобы иметь кредитную карту, поэтому обычно я находил более взрослого парня и просил его купить это, и вот это, и еще что-либо для себя. А затем мы продавали карту другому парню.

Но однажды мы были в магазинчике на Бельмон-авеню и попытались сами воспользоваться картой. Мы были чисто одеты, но просто не выглядели достаточно взрослыми, чтобы иметь кредитную карту. Мы выбрали одежду и кроссовки, притащили все это к прилавку и дали кассиру карту. Она извинилась за задержку и позвонила. А затем она разрезала карту пополам, и через несколько секунд появились копы, которые арестовали нас.

Меня забрали в полицию. У мамы не было телефона, поэтому за ней заехали и привезли ее в участок. Она стала орать и колотить меня, блин, прямо там. К тому времени, как мне исполнилось двенадцать, привод в полицию стал уже рядовым явлением. После всех этих задержаний я должен был бы пойти под суд, но меня не могли посадить в тюрьму, поскольку я был

еще несовершеннолетним.

Я ненавидел, когда моя мать оказывалась в полицейском участке и надирала мне задницу. После этого она напивалась с подружками и рассказывала о том, как она выбивала из меня дерьмо. Когда она набрасывалась на меня, я сворачивался в углу калачиком, пытаясь защитить себя. Это было очень мучительно. До сих пор, оказываясь в какой-нибудь комнате, я прежде всего невольно бросаю взгляд на ее углы, вспоминая те побои, которые я перенес от матери. Она набрасывалась на меня, а я сворачивался калачиком в углу, чтобы защитить себя. Ей ничего не стоило избить меня в продуктовом магазине, на улице, в присутствии моих одноклассников, даже в зале судебного заседания. Полицию это, конечно, не волновало. Однажды копы намеревались составить протокол в отношении меня, но ворвалась мать и так жестоко избила меня, что они не стали этого делать.

Она била меня даже тогда, когда я иногда был прав. Однажды, когда мне было одиннадцать, я играл в кости на углу улицы. Против меня играл парень лет восемнадцати. В тот день мне везло, и мои друзья делали ставки на те номера, которые у меня выпадали. Вначале я проиграл 200 баксов, но затем мой номер выпал шесть раз подряд, и я выиграл у него 600 долларов.

– Бросаем еще раз. Ставлю свои часы, – сказал он.

Я бросил, выпало 4–5 – 6.

– По правилам, конец игры, – сказал я. – Гони часы.

– Вообще-то я не дам тебе ничего, – ответил он и попытался выхватить деньги, которые я выиграл у него. Я укусил его, затем ударил его камнем, и началась потасовка. Мамины подруги увидели свалку и побежали к ней.

– Твой сын дерется со взрослым парнем, – сообщила одна из них.

Моя мать ворвалась на сцену. Остальные взрослые спокойно дожидались исхода потасовки, потому что от него зависел денежный вопрос. Если бы этот парень не заплатил, то все поступили бы так же. Была кульминация драки, когда моя мать, вмешавшись, схватила меня за руки, ударила и швырнула меня на землю.

– Почему ты дерешься с ним? – завопила она. – Что он сделал тебе? – А тому парню она сказала: – Я сожалею, сэр.

– Он пытался забрать деньги! – запротестовал я.

Тогда моя мать взяла мои деньги, отдала их парню, а меня ударила по лицу.

– Я сожалею, сэр, – повторила она парню.

– Я убью тебя, ублюдок! – прокричал я, пока она тащила меня

прочь.

Я заслужил все эти побои. Я хотел быть одним из тех крутых ребят, у которых были украшения и деньги в кармане, а у взрослых парней, лет пятнадцати, еще и подружки. В то время я не очень-то увлекался девушками, но мне нравилось носить хорошую одежду и привлекать к себе внимание.

Уже в то время мать поставила на мне крест. Ее хорошо знали в районе. Когда это требовалось, она умела быть красноречивой. Другие ее дети хорошо учились и ладили с другими, но потом появился я, единственный, кто не умел ни читать, ни писать. Я не мог постичь этой ерунды.

– Почему ты не можешь понять этого? – спрашивала она меня. – Что с тобой не так?

Она, должно быть, думала, что я умственно отсталый. Когда я был еще ребенком, она водила меня в разные медицинские центры на Ли-авеню, и мне делали психологическую экспертизу. В детстве я разговаривал вслух сам с собой. Подозреваю, что в 70-х годах это было ненормально.

Когда я попал в судебную систему, меня в судебном порядке направили в «специализированную сумасшедшую школу». Спецшкола – это как тюрьма. Тебя там держат взаперти, пока не наступает время идти домой. Тебя привозят на автобусе, полном детьми с антиобщественным поведением и разными е… нутыми чокнутыми. Ты должен делать все, что тебе велят. Я восставал, протестовал, плевал всем в лицо. Нам давали жетоны для проезда в школу и обратно, и я крал эти жетоны для игры. Я обворовывал даже учителей и приходил в школу на следующий день в обновке, которую покупал на их деньги. Я делал много дурных вещей.

Меня определили как «сверхактивного» и прописали мне торазин[19]. Они проигнорировали риталин[20] и перешли прямо к «большому Т». Эти ублюдки давали мне в 70-х годах маленькие дерьмовые черные таблетки. Торазин – это был экскурс в иной мир. Я сидел, остановив взгляд на чем-то, но не мог двигаться, не мог ничего делать. Все было ништяк. Я все слышал, но был в полной отключке; я был как зомби. Я не просил есть, мне просто приносили еду в нужное время. Меня спрашивали: «Ты хочешь в туалет?» И я отвечал: «А-а, да, хочу». Я даже не осознавал, когда мне хотелось по нужде.

После всего этого дерьма меня отпускали из школы домой, и я прохлаждался, пересматривая по телевизору *«Рокки и его друзья»*[21]. Мама думала, что со мной что-то случилось, но я был просто задолбан лекарствами. Поставив мне неверный диагноз, там, наверное, слегка переборщили с лекарствами. Но я лично никогда не был в обиде на то, что мне поставили неверный

диагноз. Я всегда считал, что плохие вещи со мной происходили только потому, что со мной самим что-то было не в порядке.

Кроме зомбированных и сумасшедших детишек, в спецшколы направляли также преступных элементов. И все преступники из разных районов получали возможность познакомиться друг с другом. Мы ходили на Таймс-сквер, чтобы потолкаться и пошарить по карманам, и встречали там всех этих парней из нашей спецшколы. Они были при деньгах, в дубленках и модной одежде и занимались тем же, чем и мы.

Как-то в 1977-м я тусовался на Таймс-сквер и встретил там своих ребят из района Бэд-Стай. Мы стали разговаривать, и вдруг один из них выхватил у проститутки сумочку. Она пришла в бешенство и швырнула мне в лицо чашку с горячим кофе. К нам направились копы, и я со своим приятелем Бабом рванул прочь. Мы вбежали в XXX-кинотеатр[22], чтобы спрятаться, но туда вскоре заявилась и эта проститутка вместе с копами.

– Это они, – указала она на Баба и меня.

– Чего я-то? Я тут ни при чем, блин! – возразил я, но копы отконвоировали нас наружу и впихнули на заднее сиденье своей машины. Сумасшедшая шлюха на этом не успокоилась. Она потянулась через заднее окно и расцарапала мне лицо своими длинными бл… скими ногтями.

Когда мы убегали с Таймс-сквер, я видел своих приятелей из Бэд-Стай; тот, кто устроил все это дерьмо, спокойно наблюдал за происходящим с улицы.

Нас привезли в полицейский участок в центре города. Меня арестовывали много раз, поэтому я уже привык к этой системе. Но на сей раз учли, сколько у меня приводов в полицию, а их было слишком много, так что меня определили прямиком в «Споффорд».

«Споффорд» был исправительным центром временного заключения для несовершеннолетних, расположенным в Хантс-Поинт в Бронксе. Я слышал жуткие истории о «Споффорде». Рассказывали, что там в ходу были избиения другими заключенными и тюремщиками. Понятное дело, меня все это не слишком воодушевляло. Мне выдали какую-то одежду и отвели на ночь в камеру.

Утром я был в ужасе. Я понятия не имел, что меня ожидает на новом месте. Но когда я пришел в столовую на завтрак, это было похоже на встречу с одноклассниками. Я сразу же увидел своего приятеля Кертиса, парня, с которым я ограбил дом и которого хозяин отделал под орех. Затем я увидел и других своих старых партнеров.

«Расслабься! – сказал я сам себе. – Здесь все свои».

После того первого раза я попадал в «Споффорд» и покидал его как за не фиг делать. «Споффорд» стал для меня местом частого кратковременного пребывания, таймшером.

Однажды всех нас привели в актовый зал для просмотра фильма *«Величайший на все времена»* о Мохаммеде Али. Когда он закончился, мы стали аплодировать – и были поражены, увидев, что на сцену вышел сам Али. Это было нереально. Ему не нужно даже ничего говорить – как только я увидел его, я решил, что хочу быть, как он. Он заговорил с нами, и нас это очень воодушевляло. Я понятия не имел, что я до этого делал в своей жизни, но теперь я знал, что хотел быть похожим на него. Забавно, но люди больше так не говорят. Если они видят превосходный бой, они могут сказать: «Я хочу быть боксером». Но никто не скажет: «Я хочу быть похожим на него». Нет нескольких Али, он один. Вот прямо тогда я и решил стать великим. Я не знал, что мне для этого надо сделать, но я решил, что хочу, чтобы на меня смотрели так же, как на Али.

Не поймите меня неправильно. Я еще не вышел из «Споффорда» и не развернулся на все 360 градусов. Я все еще был мелкой паскудой. Обстановка дома портилась. После всех этих арестов, спецшкол и лекарств моя мать совершенно изверилась во мне. Если уж возвращаться к моему раннему детству, она никогда и не питала никаких надежд в отношении меня. Я просто знаю, что тот медик, расистский мудак, тот парень, который сказал, что я задрочен и отстаю в развитии, он тогда украл у моей матери надежду и веру в меня. Они все украли любовь ко мне и мою защиту, которые я мог бы получить.

Я никогда не видел свою мать счастливой со мной, я не помню, чтобы она гордилась мной и моими делами. У меня никогда не было возможности поговорить с ней, узнать ее получше. В профессиональном плане это вряд ли имело для меня какое-либо значение, но в эмоциональном и психологическом это могло играть громадную роль. Я видел, как матери целовали моих приятелей. У меня такого никогда не было. Если вы думаете, что раз она позволяла мне спать в своей постели, пока мне не исполнилось пятнадцать, она любила меня, то вы ошибаетесь: она просто всегда была пьяна.

Поскольку я оказался в коррекционной системе, власти решили для исправления отправить меня в приют. Они взяли группу детишек, которые там были, обманутых, совращенных, ненормальных, и отправили их всех вместе туда, где правительство платило людям, которые за нами присматривали. Все это была показуха. Я никогда не удерживался там более двух дней. Я просто убегал. Один раз я был в приюте в Брентвуде,

Лонг-Айленд. Я позвонил домой и со слезой в голосе пожаловался матери на то, что у меня совершенно не было травки для косяка. Она велела Родни купить и доставить мне все необходимое. Она всегда была хорошим организатором.

В конечном итоге меня направили в Маунт-Лоретто, учреждение на Стейтен-Айленд, но ничто уже не могло изменить меня. Я стал красть у парней на пароме на Стейтен-Айленд. Никогда не знаешь, у кого ты крадешь. Иногда ты обкрадываешь не того парня, кого надо, и он желает получить свои деньги обратно. В данном конкретном случае такой парень просто начал бросаться на всех.

– Кто взял мои гребаные деньги? – вопил он.

Он принялся лупить всех подряд, весь паром приводил в чувство этого ублюдка. Его обокрал мой приятель, и этот урод пнул его, даже не подозревая, что наткнулся на виновника. Мы покинули паром, давясь от смеха при воспоминании о том, как мы отхватили денег. Даже мой приятель смеялся сквозь слезы, потому что его задница все еще болела от пинка. Этот парень выбросил бы нас с парома, если бы он знал, что это мы стащили его деньги. Сейчас, вспоминая, какую жизнь я тогда вел, я ужасаюсь. О боже, ведь он мог запросто прикончить нас, он здорово рассвирепел.

Меня освободили из учреждения для несовершеннолетних на Стейтен-Айленде в начале 1978 года, и я вернулся в Браунсвилл. Я узнал, что многие мои приятели нелепо погибли: из-за ювелирных украшений или пары сотен долларов. Я огорчился, но воровать и грабить так и не перестал. Я наблюдал за более старшими ребятами, которых я уважал. Я видел, как они росли и приобретали вес, но видел также и проблемы, с которыми они сталкивались. Их нещадно били за воровство, но они уже не могли остановиться. Это было у них в крови.

Район становился для меня все более неприветливым, меня в нем все больше ненавидели. Мне было всего одиннадцать лет, но иногда, когда я шел по своим делам, какой-нибудь домовладелец или хозяин магазина, заметив меня, мог швырнуть в меня камнем или чем-нибудь еще.

– Ублюдок, малолетнее ворье, сволочь! – кричали они.

Если они видели на мне хорошую одежду, они знали, что я, ниггер, просто украл ее у них. Однажды я остановился рядом с домом, чтобы поговорить с приятелем, и один парень, Ники, вышел с ружьем, а у его друга был пистолет. И этот чувак вытащил пистолет из кобуры, а Ники засунул ружье мне в штаны, к моему члену.

– Послушай, маленький ниггер, если я услышу, что ты опять

собрался на эту гребаную крышу, я вздрючу тебя. Если я когда-нибудь увижу тебя снова в этом районе, я сделаю у тебя в штанах яичницу, – сказал он.

Я даже не знал, кто это такой, черт подери, но зато он, видимо, знал, кто я. Можете ли представить, чтобы к вам вот так подошли и таким вот образом поступили бы с вами?

Незадолго до того, как мне исполнилось тринадцать, меня вновь арестовали за хранение краденого. Власти уже перебрали для меня все места для отсидок в окрестностях Нью-Йорка. Не знаю уж, какого рода научные диагностические тесты они использовали на сей раз, но меня решили направить в спецшколу для мальчиков «Трион», учреждение для несовершеннолетних правонарушителей, в северной части штата Нью-Йорк, около часа езды к северо-западу от Олбани.

Моя мать была рада, что я еду на север штата. В то время много взрослых парней приходили в дом, разыскивая меня.

– Твой брат – грязный ублюдок. Я убью его, – грозили они моей сестре.

– Он просто ребенок, – отвечала она. – Он же не забрал твою жену или не сделал что-то еще в этом роде.

Можете себе представить: взрослые парни приходят в твой дом, разыскивая тебя, а тебе при этом всего двенадцать лет! Разве это не дерьмо? И можно ли после этого винить мою мать в том, что она утратила все надежды, связанные со мной?

Глава 2

То, что меня отправили в исправительное заведение штата, было паршиво. Теперь я был со взрослыми парнями. Они были более крутыми, чем ребята в «Споффорде». Но и «Трион» был неплохим местом. Здесь было много домиков наподобие коттеджей, можно было выходить гулять, играть в баскетбол, ходить в тренажерный зал.

Но я сразу же влип в историю. Я просто все время злился. У меня были плохие отношения со всеми. Я был со всеми в контрах и хотел, чтобы все знали, что я из Бруклина и со мной шутки плохи.

Я собирался на занятия, когда этот парень прошел мимо меня в зал. Он вел себя грубо, словно был настоящим бандитом. Проходя мимо, он заметил у меня в руке шапочку. Он выхватил ее и пошел дальше. Я не знал его, но он меня оскорбил. Следующие сорок пять минут я сидел в классе, размышляя о том, как я убью этого парня за свою шапочку. Когда занятия окончились, я вышел и увидел его у двери вместе с приятелями.

«Он твой, Майк!» – подумал я. Я подошел к нему. Он держал руки в карманах, глядя на меня так, будто у него не было по жизни абсолютно никаких проблем. Словно я должен был напрочь забыть, что сорок пять минут назад он стащил у меня шапочку. И я в ярости набросился на него.

На меня надели наручники и отправили в «Элмвуд», карцер для неисправимых. В «Элмвуде» было жутко. В персонал туда набрали здоровенное грубое деревенское быдло. Можно было наблюдать, как эти амбалы по двое сопровождали кого-нибудь в наручниках.

Те из «Элмвуда», кто заслужил это, по выходным уходили на несколько часов. Возвращались они с расквашенными носами, выбитыми зубами, сломанными ребрами. Вначале я думал, что их избивал персонал, поскольку в те времена никто не звонил в Министерство здравоохранения и социальных служб, если персонал причинял детям вред. Но чем больше я говорил с этими избитыми ребятами, тем больше понимал, что они были счастливы.

«Да, старик, мы едва не сделали его, мы почти сделали его!» – смеялись они. Я понятия не имел, о чем они говорили, пока мне не растолковали. Оказывается, они занимались боксом с мистером Стюартом, одним из воспитателей. Бобби Стюарт был крепким ирландским парнем, весом около 170 фунтов[23], профессиональным боксером. Он был чемпионом страны среди

любителей.

Когда я вновь оказался в карцере, кто-то из персонала подтвердил мне, что экс-чемпион учит детей боксу. Сотрудники, которые рассказали мне об этом, были весьма добры ко мне, и я решил встретиться с ним, потому что полагал, что он также окажется любезным.

В тот вечер я находился в своей комнате, когда раздался громкий, устрашающий стук в дверь. Я открыл дверь – это был мистер Стюарт.

– Ну, жопа с ручкой, я слышал, ты хочешь поговорить со мной, – пробурчал он.

– Я хочу стать боксером, – сказал я.

– Как и остальные парни. Но они не работают как следует, чтобы стать боксерами, – ответил он. – Если ты будешь все делать верно, перестанешь быть таким придурком, как они, и будешь уважать это дело, я готов поработать с тобой.

Так что, я сделал заявку. Подозреваю, что я сглупил, но я начал прилежно учиться, стал отличником, говорил всем и каждому: «Да, сэр», «Нет, мэм» – и вообще превратился в примерного гражданина, так что теперь я вполне мог идти драться со Стюартом. Это заняло у меня месяц, но наконец-то я заслужил это. Все ребята пришли посмотреть, смогу ли я надрать ему задницу. Я был абсолютно уверен в том, что одержу верх и что после этого каждый начнет лебезить передо мной.

Я сразу же начал молотить, и он закрылся. Я колошматил и колошматил, а он вдруг извернулся и, бац, попал мне прямо в живот.

«У-ух!» Я выблевал все, что съел за последние два года. *«Что это было, твою мать?»* В то время я еще ничего не знал о боксе. Это теперь я знаю, что если тебя ударили в живот, то у тебя на несколько секунд сбивается дыхание, но затем оно восстанавливается. В то время я об этом понятия не имел. Мне показалось, что я больше не смогу дышать вообще и сдохну. Я отчаянно пытался вздохнуть, но все, что я мог делать, – это блевать. Это был просто атас.

– Вставай и вон отсюда! – рявкнул он.

После того как все ушли, я смиренно подошел к нему.

– Извините, сэр, вы не могли бы научить меня, как это делать? – спросил я.

Я мечтал о том, что теперь, когда я вернусь в Браунсвилл, то шмякну какого-нибудь ублюдка вот так в живот, он брякнется – я смогу обчистить его карманы. Вот о чем я тогда думал.

Должно быть, он увидел во мне что-то, что ему понравилось, потому что после нашей второй встречи он сказал мне:

– Ты бы хотел это по-настоящему?

И мы начали заниматься регулярно. После тренировок я возвращался в свою комнату и всю ночь напролет вел бой с тенью. У меня получалось все лучше и лучше. Я сам не осознавал этого, но во время одного спарринга я провел джеб[24], сломал Бобби нос и чуть не сбил его с ног. Он взял на всю неделю отгул и отлеживался дома.

После нескольких месяцев тренировок я позвонил маме и соединил ее с Бобби. «Скажи ей, скажи ей!» – попросил я. Я хотел, чтобы он сказал ей, на что я способен. Я просто хотел, чтобы она знала, что я мог что-то сделать. Я воображал, что она, возможно, поверит мне, если белый человек скажет ей это. Она, однако, решила, что у меня что-то случилось, и ответила ему, что у нее и своих проблем хватает. Она продолжала думать, что я неисправим.

Вскоре после этого Бобби пришел ко мне с идеей:

– Я хочу показать тебя легендарному тренеру по боксу Касу Д'Амато. Он может вывести тебя на следующий уровень.

– А на фига? – спросил я. В то время я не доверял никому, кроме Бобби Стюарта, который, получается, собирался передать меня кому-то другому.

– Просто поверь этому человеку, – сказал он мне.

И вот однажды в выходной день в марте 1980 года я с Бобби поехал в Катскилл, Нью-Йорк. Спортивный зал Каса представлял собой переделанный конференц-зал над участком городской полиции. Окон не было, свет давали старомодные лампы. Я заметил на стенах плакаты и вырезки из местных газет о парнях, добившихся успеха.

Кас выглядел совершенно так же, как должен был бы выглядеть крутой тренер по боксу. Он был низеньким, крепкий, лысым и, насколько можно было судить, сильным. Говорил он резко и был чрезвычайно серьезен. На его лице не было ни тени улыбки.

– Как дела? Я – Кас, – представился он. У него чувствовался сильный бронкский акцент. С ним был молодой тренер по имени Тедди Атлас.

Мы с Бобби вышли на ринг и начали спарринг. Я принялся гонять Бобби по рингу, колошматя его. Как правило, мы проводили три раунда, но в середине второго раунда Бобби попал мне пару раз в нос с правой, и у меня пошла кровь. Мне не было больно, но все лицо у меня было в крови.

– Достаточно! – заявил Тедди.

– Сэр, пожалуйста, дайте мне закончить этот раунд и провести еще один! Мы обычно деремся так! – взмолился я. Мне

хотелось произвести впечатление на Каса.

Полагаю, я смог сделать это. Когда мы выбрались из ринга, первое, что Кас сказал Бобби, было: «Это чемпион мира в тяжелом весе».

Сразу же после спарринга мы пошли к Касу на обед. Он жил в большом белом доме викторианского стиля на десяти акрах земли. С крыльца можно было видеть Гудзон. С другой стороны дома были клены и кусты роз. Я в жизни еще не видел такого дома.

Мы сели, и Кас признался мне, что он не мог поверить в то, что мне всего тринадцать лет. А затем он поведал мне о моем будущем. Он видел меня в спарринге меньше шести минут, но его мнение было бесповоротным.

– Ты выглядишь великолепно, – сказал он. – Ты отличный боец.

Это был величайший комплимент.

– Если ты будешь следовать моим наставлениям, я смогу сделать тебя самым молодым в истории чемпионом мира в тяжелом весе.

Б… дь, откуда он мог знать это? Мне оставалось лишь думать, что он извращенец. В том мире, из которого я был родом, люди поступали именно так, когда они западали на тебя. Я не знал, что и сказать. Никогда еще не случалось так, чтобы кто-нибудь говорил мне приятное. Мне захотелось остаться с ним, потому что мне понравилось, как он обращается со мной. Позже я понял психологию Каса: ты даешь слабаку почувствовать себя сильным, и он начинает от тебя зависеть.

На обратном пути в «Трион» я был весьма взволнован. Я сидел с охапкой роз от Каса на своих коленях. Раньше я никогда не видел роз, только по телевизору, и мне захотелось взять их, потому что они выглядели так изысканно. Мне захотелось что-нибудь взять с собой на память, и я попросил его об этом. Ощущая запах роз, вспоминая слова Каса, которые звучали у меня в ушах, я чувствовал себя превосходно, словно для меня переменился весь мир. Я знал в эти минуты, что обязательно стану знаменитым.

– Думаю, что ты ему понравился, – сказал Бобби. – Если ты не полный придурок и не мудак, все будет хорошо.

Он также радовался за меня.

Вернувшись в свой учебно-исправительный домик, я положил розы в воду. Кас дал мне посмотреть огромную «Энциклопедию бокса», и я не спал всю ночь, читая ее. Я прочел о Бенни Леонарде[25], Гарри Гребе[26], Джеке Джонсоне[27]. Это по-настоящему захватило меня. Я хотел быть таким, как эти парни.

Для них, казалось, не существовало никаких общепринятых правил. Они много работали, но в перерывах могли просто околачиваться по округе, и на них смотрели, словно на небожителей.

Я стал приходить к Касу тренироваться каждые выходные. Я работал с Тедди в тренажерном зале, а затем оставался в доме Каса. Там еще были другие боксеры, которые жили вместе с Касом и его спутницей, славной украинкой Камиллой Эвальд. Когда я впервые попал в их дом, я украл деньги из бумажника Тедди. Ведь это дерьмо не проходит само собой только потому, что у тебя все налаживается. А мне нужны были деньги на травку. Я слышал, как Тедди сказал Касу:

– Наверное, это он.

– Нет, это не он, – ответил Кас.

Я был в восторге от занятий боксом. А окончательно я убедился в том, что хотел бы сделать бокс делом своей жизни, посмотрев по телевизору у Каса на выходных первый бой между Леонардом и Дюраном[28]. Ух, этот бой по-настоящему захватил меня! Это было так здорово! Они оба боксировали так элегантно и эффектно, стремительно нанося удары. Это было похоже на балет, они словно выступали на сцене. Я был просто поражен. Я еще никогда не испытывал такого воодушевления.

Когда я начал ходить к Касу, он вначале даже не давал мне боксировать. После окончания моей тренировки с Тедди Кас садился со мной, и мы беседовали. Он расспрашивал о моих чувствах, эмоциях, рассказывал о психологии бокса. Он хотел полностью понять меня. Мы много говорили о духовных аспектах поединка. «Если у тебя нет духовного стержня, ты никогда не станешь боксером. И совершенно неважно, насколько ты крепок или силен», – объяснял он мне.

Мы говорили о достаточно абстрактных понятиях, но он умел доносить их до меня. Кас знал, как говорить на моем языке. Он сам вырос в районах с грубыми нравами и тоже был уличным мальчишкой.

Прежде всего Кас рассказывал, что такое страх и как его преодолеть.

– Страх – это самое большое препятствие для обучения. Но страх одновременно и твой лучший друг. Страх – это как огонь. Если ты научишься контролировать его, ты заставишь его работать на тебя. Если же ты не научишься его контролировать, он уничтожит тебя и все вокруг тебя. Он как снежный ком на холме: пока он не покатился вниз, ты можешь лепить его, перекатывать с места на место, делать с ним, что захочешь; но если он покатится, то станет большим и раздавит тебя. Поэтому

никогда нельзя позволять страху расти и выходить из-под контроля. Иначе ты не сможешь достичь своей цели или спасти себя.

– Представь себе оленя, который перебегает открытое поле. По мере приближения к лесу инстинкт вдруг говорит ему, что там его подстерегает опасность, например ягуар. Природа включает свои защитные функции, надпочечники вбрасывают в кровь адреналин, это заставляет сердце биться быстрее, что, в свою очередь, позволяет организму выполнять необыкновенные чудеса ловкости и силы. Если обычно олени способны сделать прыжок на пятнадцать футов, то адреналин позволяет им прыгнуть на сорок или пятьдесят футов[29], что достаточно для того, чтобы уйти от опасности. У человека – то же самое. Если тебе угрожают или ты боишься, что тебя покалечат, адреналин ускоряет работу сердца. Под влиянием адреналина люди могут совершать невероятные подвиги.

– Знаешь ли ты разницу между героем и трусом, Майк? Нет разницы в том, что они чувствуют. Разными их делает то, как они *поступают*. И герой, и трус испытывают совершенно одно и то же, но ты должен уметь контролировать себя, чтобы поступить так, как герой, и удержать себя от поступка труса.

– Не полагайся на свою психику, Майк. Пойми, тебе предстоит бороться с ней, контролировать ее, сдерживать ее. Ты должен контролировать свои эмоции. Усталость на ринге на девяносто процентов – это психологический фактор. Это только предлог для того, кто хочет прекратить бой. В ночь перед боем ты не можешь уснуть – не волнуйся, у другого парня то же самое. Когда начнется взвешивание, тебе будет казаться, что он гораздо крупнее тебя и спокоен, как удав. Но поверь: его изнутри испепеляет страх. Твое воображение способно наделить его такими способностями, которых у него нет. И помни, что движение снимает напряжение. В тот момент, когда раздается гонг и вы вступаете в контакт друг с другом, вдруг оказывается, что твой соперник – как и все остальные, потому что теперь твои фантазии развеялись. Сам бой – это единственная реальность, которая имеет значение. Ты должен учиться навязывать свою волю и брать контроль над этой реальностью.

Я мог слушать Каса часами, что я и делал на самом деле. Кас рассказывал мне о важности действовать интуитивно и непринужденно, так, чтобы не позволять своим эмоциям и чувствам сковать тебя. Он рассказал, что однажды имел разговор об этом с великим писателем Норманом Мейлером.

– Кас, вы сами не осознаете этого, но вы практикуете дзэн-буддизм[30], – сказал Мейлер Касу и подарил ему книгу, которая

называлась *«Дзэн в искусстве стрельбы из лука»*[31]. Кас иногда читал ее мне.

Он рассказал мне, что во время своего первого боя он на практике испытал высшую степень эмоциональной отстраненности. Он тогда приходил в тренажерный зал, решив стать профессиональным боксером. Он уже неделю или две работал с грушей, когда менеджер поинтересовался, не хочет ли он побоксировать с кем-нибудь. Он оказался на ринге, его сердце бешено стучало. Раздался гонг, его соперник бросился в атаку и принялся осыпать его градом ударов. Его нос опух, глаз заплыл, он истекал кровью. Парень спросил его, продолжит ли он второй раунд, и Кас ответил, что хотел бы попробовать. Он начал второй раунд – и вдруг почувствовал, что его сознание отделилось от тела. Он будто наблюдал за собой со стороны. Он ощущал удары словно издалека. Он сознавал, что они были, но почти не чувствовал их.

Кас учил меня: чтобы стать хорошим боксером, надо уметь отрешаться от своих мыслей. Он усаживал меня и говорил:

– Переступи грань. Сосредоточься. А теперь расслабься, пока не увидишь себя смотрящим на самого себя. Скажи мне, когда это произойдет.

Это было очень важно для меня. Я все воспринимал слишком эмоционально. Позже я понял, что, если бы я не научился отрешаться на ринге от своих чувств, я пошел бы ко дну. Я мог нанести сопернику тяжелый удар, а затем переживать, почему же он не упал.

Кас развил это внетелесный опыт, перенеся его на один уровень выше. Он отделял свое сознание от тела, а затем мысленно рисовал будущее в своем воображении.

– Все идет нормально, я наблюдаю сам за собой, – говорил он мне. – Это я, но одновременно это и не я, словно мое сознание и мое тело не соединены, но на самом деле они соединены. В моем сознании есть картинка того, что должно произойти. Я могу реально видеть это, как на экране. Я вижу начало движения соперника и вижу, как именно он будет реагировать. Когда это происходит, я могу наблюдать, как парень ведет бой, и я знаю все, что нужно знать об этом парне. Я словно вижу, как крутятся колесики в его голове. Будто я сам – этот парень, словно я внутри его.

Он утверждал даже, что мог контролировать события, используя свое сознание. Кас тренировал Рокки Грациано[32], когда тот выступал на любительском ринге. Один раз Кас был в команде Рокки, когда тот проводил тяжелый поединок. Оказавшись дважды на полу, Рокки вернулся в свой угол и хотел

уже прекратить бой. Но Кас вытолкнул его на ринг на следующий раунд и, пока Рокки не сдался, использовал свое сознание, чтобы направить руку Рокки для удара. Все получилось, соперник упал, и рефери остановил бой. Моим тренером был крутой парень.

Кас был убежденным сторонником того, что ты в своем сознании должен быть тем, кем ты хочешь стать. Если ты хочешь стать чемпионом мира в тяжелом весе, тебе надо начать жизнь чемпиона в тяжелом весе. Мне было только четырнадцать лет, но я был убежденным сторонником философии Каса. Постоянно тренироваться; все просчитывать, как римский гладиатор; мысленно находиться в состоянии постоянной борьбы, внешне оставаясь спокойным и расслабленным. Даже не подозревая этого, он исповедовал «закон притяжения»[33] и обучал меня ему.

Кас был также мастером внушения. У него была книга под названием *«Сознательное самовнушение как путь к господству над собой»* французского фармацевта и психолога Эмиля Куэ. Куэ рекомендовал своим пациентам повторять себе: «Каждый день я становлюсь все лучше и лучше во всех отношениях», снова и снова. У Каса была катаракта одного глаза, и он повторял эту фразу, которая, как он утверждал, помогала ему.

Кас заставлял и нас применять методы самовнушения. Так, меня он заставлял говорить: «Я лучший боксер в мире. Никто не может побить меня. Я лучший боксер в мире. Никто не может побить меня», снова и снова, весь день. Мне нравилось это делать. Мне нравилось слышать это о себе от самого себя.

Цель всех этих методов состояла в том, чтобы создать у боксера уверенность в своих силах. Уверенность – это было все. Но чтобы быть уверенным в себе, ты должен был испытать себя, рискнуть. Уверенность не возникает сама по себе, из воздуха. Она приходит к тебе после того, как ты раз за разом перебираешь в своем уме то, что помогает тебе ее развить.

Кас выложил все это мне в первые несколько недель, что мы были вместе. Он изложил мне весь план. Он объяснил мне мое предназначение. Я должен был стать самым молодым чемпионом в тяжелом весе всех времен. Я не знал этого тогда, но после одной из наших первых долгих бесед Кас признался Камилле:

– Камилла, это тот, кого я ждал всю свою жизнь.

Приближался день, когда я должен был из «Триона» вернуться в Бруклин. Однажды ко мне подошел Бобби Стюарт и сказал:

– Я не хочу, чтобы ты возвращался в Бруклин. Я боюсь, что ты совершишь какую-нибудь глупость и тебя убьют или снова посадят в тюрьму. Ты хочешь продолжать работать с Касом?

Я тоже не хотел возвращаться. Я хотел изменений в своей

жизни. Кроме того, мне нравилось, как эти люди общались со мной – так, что я чувствовал себя частью общества. Я рассказал своей матери о жизни с Касом.

– Ма, я хочу поехать туда, чтобы тренироваться. Я хочу стать боксером. Я смогу быть лучшим боксером в мире.

Вот как Кас запудрил мне мозги. Это ведь все он внушил мне: убедил меня в том, что я стану великим, что я буду совершенствоваться, день за днем, всегда и во всем. Вбил мне в голову идеи о самоусовершенствовании.

Мама расстроилась из-за моего ухода, но необходимые разрешительные документы подписала. Должно быть, она решила, что потерпела неудачу как мать.

Итак, я переехал к Касу, Камилле и другим боксерам в этом доме. Я все больше и больше узнавал о Касе, потому что после тренировок у нас с ним были долгие беседы. Он был рад, когда я рассказывал ему истории о своей непростой жизни. Он сиял, как рождественская елка. «Расскажи еще», – просил он. Я был идеальным кандидатом для выполнения его миссии: неполная семья, обделенный любовью, без средств к существованию. Я был жесток, суров и хитер, но оставался чистым листом бумаги. Кас был готов принять все мои недостатки с распростертыми объятиями. Он не позволял мне испытывать чувство стыда или неполноценности из-за своего воспитания. Ему нравилось, что я был полон энтузиазма. «Энтузиазм» – именно Кас научил меня этому слову.

Кас мог относиться ко мне так, потому что у него тоже была тяжелая жизнь. Его мать умерла в совсем юном возрасте. Он потерял зрение на один глаз в уличной драке, когда был маленьким ребенком. Его отец умер на его руках, когда он был молодым человеком. Полицейский убил его любимого брата.

Фактически у Каса в его жизни был нормированный рабочий день, от звонка до звонка, только один год. Затем он ушел, потому что он ввязывался в конфликты со своими коллегами. Но он много времени тратил, помогая людям в своем районе в решении их проблем, он был практически неофициальным социальным работником. Он получал большое удовольствие, оказывая помощь другим людям. Кас помог искоренить в своем районе политическую коррупцию, когда мэром Нью-Йорка был реформатор Ла Гуардиа[34]. В этой борьбе он противостоял одному из коррумпированных парней, который как-то даже угрожал ему оружием. Кас был бесстрашен.

Наряду с этим он был ожесточен и язвителен.

– Я всю жизнь выступал в защиту маленького человека, – говорил он. – Многие мои неприятности проистекали от того, что

я защищал жертв несправедливости. Некоторые, ради которых я сражался, не стоили этих усилий. Очень мало людей заслуживают спасения.

Кас был совершенно либерален в отношении расовых вопросов. Лучший друг его отца был черным. Когда он служил в армии, его часть дислоцировалась на Юге. У него была команда по боксу, и когда они находились в разъездах, ни один отель не принимал его черных боксеров, поэтому он спал с ними в парках.

Кроме того, он был очень большим социалистом. Он был влюблен в Че, в Фиделя и Розенбергов. Он рассказал мне о деле Розенбергов[35], и я решил поддразнить его.

– Да хватит, Кас. Все было правильно. Они были виновны, – сказал я.

– О да! – взревел он в ответ. – Это ты сейчас так говоришь. Но когда они вернут рабство, у тебя уже не будет возможности утверждать, кто был виновен, а кто нет. То, что они намерены вернуть его, это тоже все правильно?

Рональд Рейган был его злейшим врагом. Когда Рейган выступал по телевидению, Кас кричал во всю мощь своих легких: «Лжец! Лжец! Лжец!!!»

Кас был помешанным. Он любил вести разговоры о том, кому было бы необходимо умереть. «Человек умирает так, как он живет», – говорил он мне.

Однажды Кас сказал мне: «Когда у тебя будет много денег, ты смог бы на самом деле помочь каждому, к кому ты привязан. Ты мог бы помочь негритянским церквям». Он думал, что негритянские церкви были лучшей массовой социальной сетью для черных. Ему нравился преподобный Мартин Лютер Кинг. Кас всегда помогал людям и раздавал им все свои деньги.

– Деньги – это то, что пускает поезда под откос, – учил он меня. – Деньги означают обеспеченность, а для меня обеспеченность означает смерть, поэтому я никогда не заботился о деньгах. Все те вещи, которые я ценю, я не мог бы купить за деньги. Деньги никогда не производили на меня впечатления. Слишком много неправильных людей имеют много денег, такая логическая взаимосвязь – это не к добру. По правде говоря, я был не совсем безразличен к деньгам. Я давал их людям, попавшим в беду. По-моему, это не было пустой тратой.

Он не желал платить налогов правому правительству – и объявил о банкротстве, когда задолжал налоговому управлению 200 000 долларов.

Остается загадкой, каким образом Кас вообще попал в бокс. Он неожиданно возник из ниоткуда и заявил: «Я – тренер по боксу». Никто о нем никогда не слышал. Он ничего не знал о

контрактах или боксерах, но утверждал, что он «менеджер». Он занялся руководством и подготовкой перспективного молодого тяжеловеса Флойда Паттерсона[36], который также был из бедной семьи и вырос в Бруклине. В то время боксом управляла группа, которая называлась «Международный боксерский клуб» (МБК). Ею владели богатые предприниматели, которые держали мертвой хваткой маркетинг и рекламу поединков чемпионата. Но Кас довел Флойда до чемпионата, а затем открыто выступил против МБК. Это означало, что он выступил против банды гангстеров, потому что Фрэнки Карбо, известный мафиози в преступной семье Луккезе, якшался с МБК. Кас помог сокрушить МБК, и Карбо загремел в тюрьму за участие в преступном сговоре, вымогательство и нелицензионное руководство.

Но сердце Каса было разбито, когда Рой Коэн, адвокат правых взглядов, увел у него Паттерсона, добившись расположения новообращенного католического боксера организацией его встречи с нью-йоркским кардиналом Спелманом. Кас больше никогда не появлялся в католической церкви. После этого случая у него все более начала проявляться чрезмерная подозрительность. Он, к примеру, утверждал, что кто-то пытался столкнуть его под вагон метро. Он перестал ходить в бары, потому что опасался, что кто-нибудь может что-либо подмешать в его напиток. Он, на самом деле, наглухо зашил карманы своих курток, чтобы никто не мог подложить туда наркотики и тем самым подставить его. В конце концов он переехал в Катскилл.

Он даже дома был параноиком. Никому не разрешалось входить в его комнату. Чтобы определить, не входил ли кто-нибудь, пока он отсутствовал, он клал на дверь несколько спичек. Если он видел меня где-нибудь возле своей комнаты, он спрашивал: «Что это ты здесь делаешь?»

– Я живу здесь, Кас. Я здесь живу, – отвечал я.

Однажды я, Том Пэтти и Фрэнки, два других боксера, которые жили в доме, вышли прогуляться. Кас никому не доверял ключей, потому что мы могли потерять их, и тогда посторонний получил бы возможность проникнуть в дом. Когда мы вернулись и постучали в дверь, никто не ответил. Я посмотрел в окно и увидел, что Кас заснул в своем любимом плюшевом кресле, а телевизор надрывался на полной громкости, поскольку Кас был глуховат. Том сообразил, что единственный промежуток времени для того, чтобы постучать, – это рекламная пауза, так как во время нее было несколько секунд тишины. Именно в этот момент мы все разом заколошматили в окно с воплями: «Кас!! Кас!!» В тысячную долю секунды Кас сделал разворот на 180 градусов, упал, согнувшись и опираясь на левую руку, в готовности

вскочить и правой вырубить незваного гостя. Мы все так и попадали в приступе безудержного смеха.

В другой раз один из спарринг-партнеров, оставшийся в доме, ночью тайком выбрался в город. Рано утром мы с Томом проснулись и спустились на завтрак. В гостиной мы обнаружили Каса, который по-армейски полз с винтовкой в руке. Парень вернулся и стучал в окно, и Кас, вероятно, решил, что это какой-нибудь отморозок из МБК пришел по его душу. Мы с Томом переступили через Каса и прошли на кухню приготовить себе овсянки.

Я мог бы и дальше продолжать истории о Касе. Он был личностью уникальной и колоритной. Но лучшее описание Каса, которое я когда-либо встречал, содержалось в интервью великого писателя Гэя Тализа, которое он дал Полу Цукерману, молодому человеку, работавшему над книгой о Касе:

«… Он был римским воином, жившим с опозданием в две тысячи лет. Воины любят войну, им нужна война. Это та атмосфера, в которой они чувствуют себя как дома. В мирное же время они ощущают себя неприкаянными и бесполезными. И им хотелось бы как следует все взбаламутить. Кас, как Паттон[37], чувствовал себя бодрым и энергичным, когда была суматоха, интрига, ощущение предстоящей битвы. Только тогда, когда он находился в состоянии возбуждения, он чувствовал, что был в полном ладу с самим собой. Только тогда его нервная система и его мозг жили полной жизнью, он ощущал чувство удовлетворения. Если же всего этого не было, то его следовало создать или усилить. Он всегда стремился раздуть угли, чтобы от языков пламени почувствовать полноту жизни. Это приводило его в восторг. Он был сторонником активных мер, он жаждал действия…»

Кас был генералом, а я был его солдатом. И мы были готовы выступить на войну.

* * *

Я был бесполезным, накачанным торазином ниггером, которого диагностировали как умственно отсталого, а он был опытным белым парнем, который взял меня в свои руки и вернул мне мое «я». Кас однажды сказал мне:

– Майк, представь, ты сидишь у психиатра, и тот спрашивает тебя: «Слышишь ли ты голоса?» И ты собираешься ответить «нет», но это голоса велят тебе сказать «нет», не так ли?

Кас очень глубоко понимал меня. Никто никогда не заставлял

меня так полно осознавать себя черным, как он. Он передавал мне это знание с такой ледяной безжалостностью, словно он сам был крутым черным парнем. «Они считают себя лучше тебя, Майк», – учил он меня. Когда он видел кого-то на «Фиате» или «Роллс-Ройсе», то смотрел на меня и говорил:

– Ты мог бы иметь все это. Это не самая трудная вещь в мире – обеспечить себе благосостояние. Но ты лучше этих людей. Они никогда не смогут сделать то, на что способен ты. У тебя это есть, оно внутри тебя. Думаешь, я бы стал говорить тебе это, если бы в тебе этого не было? В таком случае я мог бы натренировать тебя лучше как боксера, но я не мог сделать тебя чемпионом.

Ух ты! А я-то всегда думал, что я дерьмо собачье. Моя мать твердила мне, что я дрянь. Никто никогда не говорил обо мне ничего хорошего. И после этого мне вдруг сообщают:

– Бьюсь об заклад: если ты постараешься, ты мог бы выиграть «Оскара». Ты мог бы стать и прекрасным актером, и первоклассным боксером. Хочешь быть автогонщиком? Спорю, ты мог бы стать лучшим автогонщиком в мире. Ты умнее и круче, чем все эти парни. Ты мог бы завоевать любой из миров. Не произноси слова «Не могу». Ты не можешь только одного – сказать: «Я не могу».

Когда я приходил в уныние, как я это часто делал, Кас делал массаж моим мозгам мыслями об экзотическом мире с неисчислимыми сокровищами. Мне было странно слышать эти речи, но мне нравилось их слушать.

– Все, что от тебя требуется, – это слушать меня, – говорил он. – Люди королевского происхождения будут знать твое имя. Слышишь, что я говорю тебе, малыш? Весь мир узнает о тебе. Твое имя займет самое почетное место. Люди будут уважать твою мать, твою семью, твоих детей. При твоем появлении люди будут вставать и устраивать тебе овацию.

Кас не позволял мне обмануть его надежды. Когда я чувствовал, что готов сдаться, и приходил в уныние, он продолжал воодушевлять меня. Кас всегда повторял: «Моя работа заключается в том, чтобы сдирать ту шелуху, которая мешает тебе проявить свои истинные способности и реализовать свой потенциал». Но сдирание шелухи было весьма болезненным! Я вопил: «Оставь меня в покое! А-а-а!»

Он тренировал мой дух. Он заставлял меня вообразить, будто я провожу спарринг с более взрослым парнем, устал и не могу отвечать своему сопернику, который просто прессует меня. Кас беседовал со мной на эту тему и помогал мне преодолеть свой страх.

Он все время стремился к совершенству. К примеру, я

разными способами работал с тяжелой грушей, а Кас стоял рядом и внимательно следил за происходящим.

– Хорошо. Нормально. Но не пр-ревосходно, – говорил он своим густым бронкским акцентом.

Кас желал выковать самого потрясающего боксера, которого когда-либо создавал Всевышний, такого, который нагонял бы на соперников страху еще до того, как те выходили на ринг. Он учил меня быть предельно яростным как на ринге, так и вне его пределов. В то время для меня это было необходимо. Я не был уверен в себе, я боялся. Я не мог избавиться от воспоминаний о тех временах, когда на меня, совсем ребенка, набрасывались с побоями. Мне было просто ненавистно чувство унижения от издевательств надо мной. Это чувство впивается в тебя занозой на всю твою жизнь. Это такое отвратительное, безнадежное чувство. Вот почему я всегда представлял себя миру в качестве гнусного, свирепого ублюдка. Но Кас дал мне уверенность в себе, поэтому мне больше не придется беспокоиться о том, что надо мной когда-либо будут издеваться. Я знал, что никто и никогда не посмеет физически оскорбить меня.

Кас был гораздо больше, чем тренер по боксу. Он привил мне много истинных ценностей. Он был похож на какого-то гуру, говорящего такие вещи, над которыми мне приходилось задумываться:

– Не имеет значения, кто и что говорит, неважно, оправдание это или объяснение. Только то, что человек делает, в конечном итоге свидетельствует о его истинных намерениях.

Или:

– Я – не Творец. Моя задача – это обнаружить и раскрыть. Моя работа – взять искру и раздуть ее. Добавить в огонь дров, пока он не станет пылающим пожаром.

Он мог делиться мудростью в самых банальных ситуациях. Например, Камилла выступала за то, чтобы ребята помогали по хозяйству. Я же ненавидел хлопоты по дому, поскольку был сосредоточен только на боксе. Однажды Кас подошел ко мне:

– Знаешь, Камилла действительно хочет, чтобы ты помогал по хозяйству. Лично мне наплевать, помогаешь ты в принципе или нет, но тебе следует заниматься делами по дому по той причине, что это сделает тебя лучше как боксера.

– И каким же образом вынос мусора сделает меня лучше как боксера? – усмехнулся я.

– Делать что-то, что тебе не нравится, так, словно ты это обожаешь, – это хорошая закалка для того, кто стремится к величию.

После этого Камилле больше не приходилось напоминать мне

о делах по дому.

Однажды Кас позвал меня к себе и совершенно неожиданно спросил:

– Ты не боишься белых? Ты не из таких? Ты не боишься усов и бороды? Я знал черных боксеров, которые опасались ударить белого. Тебе лучше не принадлежать к их числу.

Это было смешно. Прямо передо мной был Кас, который рассказывал мне, что не следует давать себя запугать, но я был напуган тем, каким образом он объяснял мне это.

Кас всегда был очень серьезен, никогда не улыбался. Он не обращался со мной как с подростком. Он всегда давал мне понять, что мы вместе призваны выполнить свою миссию. Ежедневные тренировки, мысли только об одном. Он определил мне цель. Никогда раньше я не испытывал такого чувства, за исключением моментов, когда продумывал кражу.

Время от времени происходили вещи, которые делали нашу цель гораздо более осязаемой. Так, однажды в Катскилл приехал тренироваться Уилфред Бенитес[38]. Я был ошеломлен. Я был его фанатом. Я видел его бои по телевизору, и там было на что посмотреть. Казалось, что у него был радар и что он мог наносить удары с закрытыми глазами. Настоящий мастер. Он принес с собой свой чемпионский пояс. Со мной был Том Патти, один из боксеров, тренировавшихся у Каса. Бенитес достал небольшой футляр, внутри которого был пояс, и позволил мне прикоснуться к нему. Я словно увидел Святой Грааль.

– Эй, Томми, взгляните на это, это пояс, чувак! – сказал я. – Я должен получить его! Я так упорно тренируюсь. Если я завоюю его, то никогда не отдам!

Я был счастлив быть вместе с Бенитесом. Он воодушевил меня, усилил во мне желание стать более решительным и целеустремленным.

Благодаря Касу мне удалось также поговорить с Али. В октябре 1980 года мы все приехали в Олбани, чтобы посмотреть телепередачу о том, как Али пытался отвоевать свой титул у Ларри Холмса[39]. В том бою Али здорово досталось. Кас был зол как черт, я его еще никогда не видел в таком гневе. После боя у него было каменное лицо, поскольку ему пришлось давать интервью и пожимать руки, но как только мы сели в машину, мы почувствовали всю его отрицательную энергетику. За все 45 минут пути домой никто не произнес ни слова.

На следующее утро Джин Килрой, помощник Али, соединил Али по телефону с Касом.

– Как ты позволил, чтобы этот дилетант побил тебя? Он дилетант, Мохаммед, он просто никчемный боксер!.. А я говорю,

что он дилетант!.. Не говори мне этого, он просто заштатный боксер! Почему ты позволил, чтобы дилетант так отмутузил тебя?

Я слушал Каса, и каждый раз, когда он произносил слово «дилетант», оно буквально вонзалось в меня. Я начал плакать. Это был паршивый день в моей жизни.

Затем Кас сделал для меня одну умопомрачительную вещь.

– Со мной молодой черный парень. Он просто мальчик, но он будет чемпионом мира в тяжелом весе. Его зовут Майк Тайсон. Пожалуйста, ради меня поговори с ним, Мохаммед. Я хочу, чтобы ты велел ему слушаться меня.

И Кас передал мне трубку.

– Мне жаль, что с вами так получилось, – сказал я. Я был тогда маленьким мудаком.

– Я был болен, – ответил мне Али. – Я принял лекарство, оно ослабило меня, поэтому Холмс и побил меня. Я собираюсь поправиться, вернуться и побить Холмса.

– Не беспокойтесь, чемпион, – сказал я. – Когда я повзрослею, я свалю его для вас.

Многие считают, что Али был моим любимым боксером. Должен, однако, сказать, что для меня это был Роберто Дюран. До этого я всегда восхищался, насколько красив и эффектен Али. Сам я был маленького роста и уродлив, плюс ко всему у меня был дефект речи. Когда же я увидел Дюрана, он был похож на обычного уличного парня. Он говорил разные гадости своим противникам вроде: «Пососи мой е… ный член, ты, ублюдок! В следующий раз, мать твою, я отправлю тебя в морг!» После того как он побил Шугара Рэя Леонарда[40] в первом бою, он прошел туда, где сидел Уилфред Бенитес, и выкрикнул: «Пошел нах…! Ты, блин, слабак и трус, чтобы встретиться со мной».

«Чувак, этот парень – ты», – подумал я. Это было именно то, к чему я стремился. Он не стыдился быть тем, кем он был. Я относился к нему, как к номальному, обычному человеку.

По мере того как моя карьера шла в гору и меня хвалили за мою ярость и неукротимость, я начинал понимать, что называться зверем было высшей похвалой. Оказавшись как-то в Нью-Йорке, я пошел в кафе «Викторс», потому что слышал, что там тусовался Дюран. Я сидел один за столиком и смотрел на фотографии Дюрана, висевшие на стене. Я осуществил свою мечту.

Я был расстроен, когда Дюран сдался, произнеся: «Хватит!» – во время матча-реванша с Леонардом. Мы с Касом смотрели этот бой в Олбани, и я был в такой ярости, что рыдал. Но Кас дал этому точное определение. «Он больше не повторит такого», – предсказал он.

* * *

К тому времени я уже переехал к Касу и был в его команде. Он приступил к моим ежедневным упорным тренировкам. У меня никогда не было права наслаждаться боксом как видом спорта или заниматься им шутки ради. Кас был максималистом, но и я старался по максимуму. Я уже тогда хотел быть Ахиллесом. Я из тех парней, над которыми смеются: «Не давай ниггеру веревку, он захочет быть ковбоем». Я был ребенком, у которого не было надежды. Но если мне дать ее проблеск, то вы влипли, – потому что я тогда готов горы свернуть.

Кас обычно должен был по утрам будить боксеров, но к тому моменту, когда он поднимался, я уже возвращался с пробежки. Кас, как правило, накрывал стол для завтрака, но я успевал сделать это сразу после бега. Он свирепел. «Кто накрыл мне стол?» – рычал он. Он был расстроен тем, что я показывал больше самоотверженности, чем он. Затем Кас готовил мне завтрак. Он бросал на сковородку большой кусок бекона, двадцать или около того ломтиков, затем в топленом сале от бекона готовил яйца. Кофе я не пил, только чай. Он готовил мне завтрак каждое утро, даже если был сердит на меня.

Думаю, мы оба осознавали, что бежим наперегонки со временем. Касу было уже за семьдесят, поэтому он старался энергично запихать в меня все свои знания. Впихнуть, впихнуть, впихнуть все это в меня. Если в тебя все это запихивают, то ты неизбежно постигаешь это, если только ты не полный идиот. Я стал весьма искусен в боксе, но степень моей зрелости, уровень моих мыслительных способностей не поспевали за моими боксерскими навыками. Это не было похоже на то, будто я собрался в школу, и мне стали формировать характер, чтобы воспитать из меня хорошего, полезного члена общества. Нет, это было совсем другое – ведь я собирался стать чемпионом мира в тяжелом весе.

Кас в этой связи проявлял беспокойство. «Боже, я бы хотел, чтобы у меня было с тобой больше времени!» – говорил он. Но наряду с этим он говорил и другое: «Я занимался боксом шестьдесят лет и еще никогда не видел никого, кто проявлял бы такую заинтересованность, как ты. Ты всегда говоришь только о боксе».

Я был максималистом. Если шел снег, Кас тренировал меня в доме. По ночам я часами не ложился спать, ведя в своей комнате бой с тенью. Моя жизнь зависела от того, добьюсь ли я успеха. Если я этого не сделаю, я просто бесполезный кусок дерьма. Кроме того, я ведь делал это и для Каса. У него была трудная

жизнь, много разочарований. Поэтому я должен был защитить самолюбие и гордость этого старого итальянца. Неужели я на это не способен, черт возьми?

Когда я не тренировался, я смотрел старые фильмы про бокс и занимался этим, по крайней мере, десять часов в день. В выходные дни это вообще было моим единственным развлечением. Я смотрел их в одиночестве наверху, всю ночь напролет.

Однажды я прибавил громкости, и звук стал слышен по всему старому дому. Подошел Кас:

– Что, черт возьми, ты делаешь?

– Просто смотрю кино, – ответил я.

– Послушай, ты должен ложиться в постель! Люди хотят спать, – сказал он.

Когда он спускался по лестнице, я слышал, как он бормотал:

– Никогда еще не встречал такого ребенка! Всю ночь смотреть кино, беспокоя весь дом!

Иногда мы смотрели фильмы про бокс вместе, и Кас давал мне советы о том, как я мог бы победить Демпси, или Джеффриса, или Луиса[41].

Я был так увлечен, что порой, на самом деле, шел спать, не сняв перчаток. Я просто безумно мечтал стать знаменитым боксером Майком Тайсоном. Я жертвовал всем ради этой цели. У меня не было ни женщин, ни лакомств. В то время я переедал, и у меня было нарушение режима питания. Кроме того, у меня был период полового созревания: появились прыщи, мои гормоны играли, мне постоянно хотелось мороженого. Но нельзя было терять из виду цели. Я поговорил с Касом о девушках, и он, хмыкнув, ответил, что я буду иметь всех женщин, которых я когда-либо пожелаю.

Однажды, пребывая в мрачном расположении духа, я спросил:

– Кас, у меня, что, никогда не будет девушки?

Кас послал кого-то, ему принесли одну из бейсбольных бит в миниатюре, и он подарил ее мне со словами:

– У тебя будет столько девушек, что тебе будет необходимо вот это, чтобы отбиваться от них.

Поэтому все, что мне оставалось, – это мастурбировать и тренироваться, мастурбировать и тренироваться. И надеяться, что после того, как я стану чемпионом, у меня будет куча денег и женщин, столько, сколько захочу.

На тренировках Кас обучал весьма необычной и нестандартной технике ведения боя. Над ней порой смеялись, но только потому, что не понимали ее. Это был стиль боксирования

«пикабу». Он был ориентирован прежде всего на защиту. Ты держал обе руки перед лицом, полностью закрываясь. Твои руки и локти двигались вместе с тобой, поэтому, когда соперник выбрасывал удар, ты блокировал его на встречном движении, а затем проводил контратаку.

Атака у Каса базировалась на хорошей защите. Он считал делом первостепенной важности для боксера – не попасть под удар. Чтобы научить уклоняться от ударов, он использовал специальную грушу, брезентовый мешок с песком, на который был намотан канат. Нужно было двигаться вокруг нее, делая уклоны, чтобы избегать касания. Я весьма преуспел в этом.

Кроме того, он использовал «мешок Вилли», названный в честь боксера Вилли Пастрано. Это были матрасы, закрытые брезентом и обернутые вокруг рамы. Внешне это напоминало торс. Тело было поделено на различные зоны, каждая зона имела цифровое обозначение. Нечетные числа означали зоны для ударов левой, четные числа – зоны для ударов правой. Кас ставил кассету с записью чисел в различной последовательности. «Пять, четыре!» – надо было сразу же провести левый хук в корпус и правый апперкот в подбородок. Идея заключалась в том, что по мере повторения этих действий в ответ на цифры они становились бессознательными, автоматическими, и тебе не приходилось обдумывать их. Через некоторое время ты уже мог наносить удары с закрытыми глазами.

Кас полагал, что боксеры пропускают удары с правой потому, что они не двигаются и низко держат руки. Поэтому он научил меня волнообразно раскачиваться, а не просто нырять вниз-вверх. Он заставлял меня постоянно передвигаться: вбок, затем вперед, вбок и опять вперед. Кас считал, что при нанесении ударов максимальный эффект получается, когда ты сделал два удара, звук от которых, как от одного. Чем явственнее этот звуковой эффект, тем выше процент, что серия ударов приведет к нокауту.

Придавая особое значение защите, Кас понимал, что боксеры оборонительного стиля смотрятся скучно.

– Бокс – это развлечение, поэтому, чтобы иметь успех, боксер должен не только побеждать. Он должен захватывающе побеждать. Он должен бить наповал, – всегда говорил Кас.

Он хотел, чтобы я стал активным контр-панчером, заставляя своих противников выбрасывать удары впустую или бегать по рингу. Кас всегда пытался воздействовать на противника на ринге. Если ты постоянно уклоняешься от его ударов, он теряет уверенность в себе. А затем идет ко дну. Уклонись от удара и контратакуй. Двигайся и бей одновременно. Форсируй события. Кас считал, что короткие удары могут быть тяжелее, чем

длинные. Он считал, что нанесение тяжелых ударов не имеет ничего общего с физическим аспектом, это целиком и полностью область эмоционального. Это была теория контролируемых эмоций.

Для моих тренировок Кас нанял лучших спарринг-партнеров. Моим любимым из них был Марвин Стинсон. Кажется, он был участником Олимпийских игр. Он был основным спарринг-партнером Холмса, затем Кас уговорил его работать со мной. Для меня он был удивительным наставником, обучая меня двигаться по рингу и наносить удары. После первой тренировки он отвел меня в сторону и дал мне свои перчатки для пробежек, поскольку утром, когда я бегал, было холодно, и он увидел, что у меня их не было.

Мои спарринги были похожи на полномасштабную войну. Перед началом тренировочного боя Кас отводил меня в сторону.

– Не расслабляйся, иди и выложись по полной, – говорил он. – Ты должен показать все, чему ты научился, и сделать это на полной скорости. Я хочу, чтобы ты переломал этим ребятам ребра.

Переломать им ребра? На спарринге? Он просто хотел подготовить меня к встрече с парнями, с которыми мне предстояло работать, и, конечно же, он хотел, чтобы я переломал ребра моим соперникам в реальных поединках.

Когда Кас находил для меня хороших спарринг-партнеров, он всегда относился к ним по-особому, потому что знал, что они обеспечивают мне хорошие тренировки. И платил спарринг-партнерам он всегда очень хорошо. Но это отнюдь не гарантировало, что они останутся. Часто парень приходил в готовности к спаррингам в течение трех недель, но после первого же тренировочного боя мы обнаруживали, что он испарился. Им настолько претило, что из них вышибали дерьмо, что они даже не удосуживались забирать свои вещи. Когда такое случалось, мы с Томом стремглав неслись в их комнату и шмонали их одежду, обувь, украшения. Если нам везло, то мы находили загашники с травкой или, по крайней мере, пару ботинок, которые нам подходили.

Иногда Кас приводил для спаррингов со мной уже состоявшихся боксеров. Например, когда мне было шестнадцать лет, он привел в Катскилл Фрэнка Бруно[42], которому было в то время двадцать два года.

Обычно спарринг состоял из двух раундов. До начала спарринга с состоявшимся боксером Кас отводил его в сторону.

– Послушай, он просто ребенок, но не расслабляйся с ним. Выложись по полной, – говорил он.

– Ладно, Кас, – отвечал тот. – Поработаю с твоим ребенком.

– Эй, ты меня услышал? Тебе не надо с ним работать. Тебе следует выложиться по полной.

Меня учили выходить на ринг не просто для того, чтобы победить. Меня учили драться, чтобы причинить боль, чтобы причинить вред, чтобы травмировать соперника. Мы часами говорили о том, как сделать это. Это то, что Кас исподволь внушал мне. «Тем самым ты шлешь послание чемпиону, Майк, – просвещал меня Кас. – Он будет внимательно следить за тобой». Но мы слали также наши решительные послания тренерам, менеджерам, промоутерам и всему боксерскому миру. Мы сообщали всем: Кас вернулся.

Кроме просмотра старых фильмов про бокс, я проглатывал все, что мог найти про выдающихся боксеров. Вскоре после того, как я переехал к Касу, я читал «Энциклопедию бокса» и засмеялся, прочитав об одном чемпионе, который обладал своим титулом только год. Кас посмотрел на меня холодным пронзительным взглядом и сказал:

– Год в звании чемпиона стоит больше, чем вся жизнь в безвестности.

Когда я стал изучать жизнь великих боксеров, я увидел множество аналогий с тем, что проповедовал Кас. Все они были гнусными ублюдками. Демпси, Микки Уокер[43], даже Джо Луис, хотя Луис был застенчив. Я тоже приучал себя быть свирепым. Еще когда я ходил в школу, я плевал на всех и вся. В глубине души я понимал, что должен быть таким, потому что, если бы мне это не удалось, Кас избавился бы от меня, и я умер бы с голоду.

Кас дал мне книгу *«В этом углу…»!* Я не мог оторваться от нее. Я видел, как эти боксеры справлялись со своими эмоциями, как они готовились к боям. Эта книга позволила мне лучше понять человеческую психологию. Меня поразило, с каким упорством тренировались боксеры того времени, как они голодали. Я узнал, что Джон Л. Салливан[44] тренировался, пробегая пять миль, а затем шел назад пять миль и проводил спарринг в двадцать раундов. А Эззард Чарльз[45] упоминал, что он пробегал только три-четыре мили в день и боксировал лишь шесть раундов. «*Блин*», – подумал я, – *Салливан в 1880-х годах тренировался упорнее, чем этот парень в 1950-х*». Поэтому я начал преодолевать четыре мили до тренажерного зала, проводил спарринги, а затем возвращался в дом. Я стал подражать парням старой школы, потому что они были крутыми. И их карьера была долгой.

Я сводил Каса с ума, все время задавая ему вопросы о боксерах прежнего времени. Знаю, он был не прочь поговорить о

боксе, но, как мне кажется, иногда я заходил слишком далеко. Я прочитал все книги Каса о боксе, поэтому, когда мы сидели за обеденным столом и Кас, рассказывая остальным ребятам что-либо об истории бокса, запинался на каком-либо имени или дате, я заканчивал фразу за него.

– Этот парень знает все, – говорил он. – Он словно был там.

Я очень серьезно изучал историю бокса, потому что много узнавал об опыте прежних боксеров. Что я должен делать, чтобы быть, как этот парень? Как поможет дисциплина добиться того, что есть у другого парня? Кас рассказывал мне, какими порочными и гнусными они были за пределами ринга, но когда они выходили на него, они становились раскованными и спокойными. Его рассказы об этих парнях, его глубокое уважение к ним приводили меня в полный восторг. Мне так хотелось бы, чтобы кто-нибудь так же говорил обо мне. Я хотел быть частью этого мира. Я смотрел боксерские поединки по телевизору, видел, как боксеры наносили друг другу удары с гримасами на лицах, их тела все в ссадинах, и мне хотелось пройти через такое же.

Мы разговаривали обо всех великих боксерах. Я буквально влюбился в Джека Джонсона. Какой смелый парень! Он, действительно, был первым чернокожим парнем, которым следовало гордиться. И мне нравилось его высокомерие. Когда на рубеже века его остановили за превышение скорости и выписали штраф где-то на десять долларов, он дал копу двадцать и сказал: «Почему бы вам не взять эти двадцать, потому что я собираюсь возвращаться таким же образом».

Он был мастером воздействия на соперников. На тренировках прежде, чем надеть трико, он обертывал свой пенис, чтобы он выглядел крупнее и вызывал у белых парней комплекс неполноценности. Он унижал своих соперников во время боя. Он обожал подзадоривать противника. «Даю десять тысяч долларов, если сможешь рассечь мне губу», – говорил он. Во время поединка он смеялся в лицо своих оппонентов, обменивался репликами со своей белой женой и говорил ей, как сильно он ее любит, выбивая в это время дерьмо из парня, с которым дрался. Это был тот человек, с которым я был бы счастлив пообщаться. Он говорил на нескольких языках и встречался на вечеринках с членами царской семьи России и королевской семьи Великобритании.

В свою очередь, Демпси был первым чемпионом, заработавшим миллион долларов. Он принес в бокс элементы шоу-бизнеса и гламура. Я очень хорошо понимал его, потому что он был закомплексован, постоянно сомневался в себе, однако всегда преодолевал эти чувства, чтобы достичь своих целей.

Кас же больше всех любил Генри Армстронга[46]. Тот

постоянно атаковал своих противников и изнурял их.

– Постоянные атаки, никаких передышек, – восхищался Кас. – Уклоны с хорошей защитой – вот что делал Армстронг. Он разрушал волю своего противника, подавлял его дух, превращал все его усилия в дохлый номер.

Превратить все усилия, блин, в дохлый номер? Ух ты! Затем Кас пристально посмотрел на меня.

– Если ты будешь следовать моим наставлениям, ты взберешься на вершину мира. Видишь, как ты увлечен и насколько тебе интересны разговоры обо всех этих боксерах старой школы? Когда ты, следуя моим наставлениям, станешь чемпионом, единственной причиной, по которой будут еще помнить об этих парнях, станет то, что ты будешь вспоминать о них. Ты вытеснишь их всех. Ты заставишь забыть о каждом из них. Я видел Джека Демпси еще ребенком. Я встречался с этими парнями, жал им руки. Они не то, что ты. Ты гигант, ты просто колосс.

И я ел все это дерьмо. Всех этих разговоров о самоотверженности, дисциплине и трудолюбии было, однако, недостаточно, чтобы удержать меня от возвращения в Бруклин, краж и ограблений. Для меня у монеты пока обе стороны были лицевыми. Я мог быть и наверху, в Катскилле, пай-мальчиком, и внизу, в Бруклине, где в меня вселялся дьявол. Слава богу, что меня никогда не арестовывали за что-либо. Это разбило бы Касу сердце.

* * *

Кас знал, как заставить меня почувствовать себя покорителем мира, но он знал также, как заставить меня почувствовать себя полным говном. Иногда он говорил мне: «Ты позволяешь своему душевному состоянию взять верх над собой». Это был его скрытный, негласный способ сообщить мне: «Ты ничтожный кусок дерьма. Тебе не хватает дисциплины, чтобы стать одним из великих». Великие способны проводить свои лучшие бои, даже если только что похитили их ребенка или убили их мать. Великие совершенно не зависят от своих эмоций.

Таковы и актеры, не только боксеры. Я читал о легендарных артистах, которые торчали от всего подряд, но затем приходили в себя и давали прекрасное представление. Они не могли даже передвигаться, но у них была громадная дисциплина и целеустремленность. Порой прямо со сцены они попадали сразу в больницу. Я хотел бы быть одним из таких боксеров или актеров.

С самого первого вечера, когда я переехал к Касу, он начал пробовать меня на излом. Он хотел понять, как далеко можно заходить в том, чтобы дрючить меня без всякого повода. Он пришел ко мне в комнату и сказал: «Что ты делал сегодня в школе, а? Ну, ты ведь должен был что-то сделать, ты был в школе весь день. А что ты узнал? Где твое домашнее задание? У тебя есть сегодня домашнее задание?» Другие ребята в доме всегда говорили, что Кас благоволил ко мне, но они не знали, как он со мной разговаривал, когда мы оставались одни.

Я всегда боролся со своим весом. По моему мнению, я был жирной свиньей, хотя никто не сказал бы так, глядя на меня. Когда я тренировался, я намазывался альболеном[47] и надевал синтетический костюм на неделю или две, снимая его только на ночь, когда я принимал горячую ванну, чтобы выгнать с потом как можно больше веса. На следующее утро я вновь надевал его, делал пробежку и носил его затем весь день.

Мой вес был еще одним объектом для нападок со стороны Каса. «Твоя задница толстеет, – говорил он. – Ты теряешь интерес, не так ли? Ты больше не хочешь этого делать, да, Майк? Это для тебя слишком тяжело, не так ли? А ты думал, что мы здесь в игрушки играем? Ты думал, что вернешься в Браунсвилл бегать и развлекаться? Так?» Можете представить, каково было все это выслушивать. Как только я собирался насладиться мороженым, которое я мог позволить себе на выходные, я слышал: «Не так много людей могли бы выдержать, вот почему это имеет особое значение. Черт побери, а я-то думал, что ты действительно сможешь».

Иногда Кас выговаривал мне непонятно за что. Он бранил меня, форменным образом издевался надо мной:

– Со своим инфантильным поведением ты никогда не достигнешь тех высот, к которым мы стремимся.

Временами я просто вопил в ответ:

– Я ненавижу всех вас здесь! А-а-а!

Кас просто изводил меня.

Я хватал на лету его положительные реплики и говорил в ответ что-то вроде: «Я готов сделать все возможное, чтобы выиграть. Я готов отдать свою жизнь, чтобы быть чемпионом, Кас». И вместо того чтобы ответить: «Ты будешь им, Майк», – он бросал мне в лицо: «Осторожней с тем, на что замахиваешься. Ведь ты можешь и получить то, о чем просишь».

Он критиковал даже мою одежду. Как-то на праздники должны были подъехать гости, сестра Камиллы или кто-то еще. Я надел красивые широкие брюки, рубашку, жилет, а также галстук, который Камилла помогла мне завязать. Я сидел там, отдыхая, и

все дамы говорили: «О-о, Майк, ты прекрасно выглядишь».

И вдруг в комнату вошел Кас:

– Ты чего это так вырядился? Твои брюки сидят так плотно, что видны яйца и задница. С тобой все в порядке?

Камилла пыталась выступить в мою защиту, но на Каса это не произвело впечатления:

– Не говори мне ничего о том, что ты думаешь об этом, Камилли, пожалуйста. Ладно? Не вижу ничего красивого в его одежде.

Кас никогда не обзывал меня «сукиным сыном» или кем-то вроде этого. Он использовал другие слова: «задница», «бездельник», «лоботряс». Это была равноценная боксерская замена грязному, мерзкому, нехорошему ниггеру, и это заставляло меня плакать, как ребенка. Он знал, что эти слова из его уст производят на меня сильное впечатление.

У меня было столько противоречивых сигналов, что я стал беспокоиться, действительно ли он относился ко мне, как к боксеру. Как-то мы с Томом Патти вышли из зала, а Кас слегка задержался. Я запрыгнул на заднее сиденье и присел на корточки.

– Скажи Касу, что я пошел домой пешком. А когда он сядет в машину, спроси его, что он на самом деле думает обо мне.

Том согласился.

Кас сел в машину.

– Где Майк, черт возьми? – спросил он.

– Думаю, он остался в городе, – ответил Том.

– Что ж, тогда поехали. Он сможет добраться домой позже.

Мы тронулись. Я лежал сзади, шепотом подсказывая Тому, потому что Кас был глуховат и ничего не мог расслышать.

– Эй, Том. Спроси у Каса, что он думает: у меня сильные удары?

– Кас, как вы думаете, у Майка сильные удары? – спросил Том.

– Сильные ли у него удары? Слушай, у этого парня удары такие сильные, что он мог бы проломить кирпичную стенку. Он бьет не только сильно, но еще и эффективно. И он может бить с обеих рук, – сказал Кас.

– Спроси у Каса, что он думает: я действительно смогу стать кем-то в будущем? – прошептал я.

Том повторил вопрос.

– Томми, если Майк сосредоточится на избранной цели, он станет одним из величайших, если не величайшим боксером в истории бокса.

Меня глубоко взволновало то, что я услышал. Мы уже были у дома. Когда все выбрались, Кас увидел меня на заднем сиденье.

– И ты знал, что он был там? – поинтересовался он у Тома.

Том заявил о своей невиновности.

– Не мели вздор. Ты знал, что он был там. Ну и мошенники же вы, я вам доложу!

Касу, в отличие от нас, все это не показалось смешным.

Самое смешное заключалось в том, он не мог сдерживать своих эмоций. Кас был крутым, ну просто очень крутым парнем, который жаждал мщения. Рой Коэн, кардинал Спелман – эти типы преследовали его даже во сне. Эдгар Гувер[48]? «Эх, хотел бы я пустить ему пулю в голову, вот чего он заслуживает». Он постоянно вел речь о необходимости убить кое-кого, причем некоторые из этих ребят были уже мертвы! Но он ненавидел их. Однажды я сказал что-то лестное о Ларри Холмсе, и Кас озверел:

– Что ты имеешь в виду? Да он просто ничтожество! Ты должен разорвать его на части! Наша задача – разорвать его на части и забрать у него титул чемпиона. Он ничтожество по сравнению с тобой!

Иногда Кас буквально рычал на людей на экране телевизора, как зверь. Вы бы никогда не подумали, что это был такой свирепый старик, но он был им. Если ты не был его рабом, он испытывал к тебе неприязнь. Он всегда был в состоянии конфронтации. Большую часть дня он бродил, бормоча: «Ох, этот сукин сын. Ох, не могу поверить, что этот парень, ты знаешь, как его звать, сделал то и се. Что за сукин сын!»

Бедная Камилла говорила: «Кас, Кас, успокойся, успокойся же, Кас. У тебя слишком поднялось артериальное давление».

Кас управлял этим домом железной рукой, но парадокс состоял в том, что на самом деле это был дом Камиллы. У Каса не было никаких денег. Он никогда по-настоящему не заботился о деньгах, он раздавал их. Камилла хотела продать дом, потому что он обходился слишком дорого, но Кас уговорил ее оставить его. Он пообещал ей, что получит группу хороших боксеров, и дела пойдут на лад. Он уже терял надежду, когда появился я.

Не думаю, что Кас рассчитывал на то, что в ближайшие тысячу лет он получит еще одного чемпиона, хотя он и надеялся на это. Большинство из тех, кто пришел туда, были уже сформировавшимися боксерами, которые хотели улизнуть от девушек и соблазнов города. Кроме того, в то время никому не нравился стиль боксирования Каса. Все полагали, что он уже устарел.

Затем объявился я, не зная ничего, чистый лист. Кас был счастлив. Я не мог понять, почему этот белый человек был так счастлив со мной. Он смотрел на меня и просто истерически смеялся. Он звонил по телефону и говорил в полном восторге:

– Молния ударила в меня два раза! У меня есть еще один чемпион в тяжелом весе!

А я ведь даже никогда в своей жизни не занимался любительским боксом. Не знаю уж как, но каким-то образом он смог увидеть во мне то, что надо.

Глава 3

Никогда не забуду своего первого любительского боя. Он состоялся в Бронксе в небольшом зале, принадлежавшем бывшему боксеру Каса по имени Нельсон Куэвас. Зал был еще тем гадюшником. Он находился на втором этаже здания совсем рядом с надземным перегоном линии метро. Пути были так близко, что, вытянув руку из окна, казалось, можно было прикоснуться к поезду. Такие боксерские встречи назывались «курилками», поскольку воздух был настолько насыщен сигаретным дымом, что можно было с трудом различить парня, стоявшего перед тобой.

«Курилки» были несанкционированными поединками, что, по существу, означало, что они были незаконными. Там не было медработников или машин «Скорой помощи», дежуривших снаружи. Если толпе не нравилось твое выступление, то зрители не освистывали тебя, а просто дрались друг с другом, чтобы показать тебе, как это надо делать. Все, кто приходил, были одеты с иголочки, вне зависимости, были они гангстерами или торговцами наркотиками. И все делали ставки на бои. Помню, я спросил одного парня: «Купишь мне сосиску в тесте, если я выиграю?» Те, кто поставил на тебя и выиграл, обычно покупали тебе какой-нибудь еды.

Непосредственно перед боем я был так напуган, что чуть не сбежал. Я вспоминал всю ту подготовку, через которую я прошел вместе с Касом. Даже после всех проведенных спаррингов я по-прежнему не был уверен в своих силах для того, чтобы встретиться с кем-либо на ринге. А что, если я выступлю неудачно и проиграю? Я миллион раз дрался на улицах Бруклина, но здесь было совершенно другое чувство. Ты не знаешь парня, с которым предстоит драться, ты с ним не в ссоре.

Я был вместе с Тедди Атласом, своим тренером. Я сказал ему, что зайду в магазин на минутку, спустился вниз и сел на ступеньку лестницы, ведущей к метро. На какое-то мгновенье я подумал, что мог бы запросто сесть на чертов поезд и вернуться в Браунсвилл. Однако затем я вспомнил все наставления Каса, расслабился, во мне взыграла гордость, я встал и вернулся в зал. Там все бурлило.

Я дрался со взрослым пуэрториканским парнем с огромной прической в стиле «афро». Ему было восемнадцать лет, он был на четыре года старше меня. Мы упорно бились два раунда, а в третьем раунде я отбросил его на канаты и затем нанес такой удар, что буквально выбил его капу, которая улетела к шестому ряду зрителей. Он вырубился.

Я впал в транс. Это была любовь с первого боя. Я не знал, как ознаменовать свой триумф, поэтому наступил на противника. Я вскинул руки вверх и наступил на распростертого ублюдка.

– Слезай, черт подери! Что ты делаешь, блин, зачем ты наступил на парня? – закричал мне рефери. Кас ждал отчета у телефона в Катскилле. Тэдди позвонил ему и рассказал обо всем. Кас был так взволнован, что его друг Дон, который выезжал за город вместе с нами, на следующее утро был вынужден рассказывать ему о моем бое снова.

Я возвращался в «курилку» каждую неделю. Ты шел в раздевалку, там была куча парней, которые рассматривали друг друга. Ты сообщал им о своем весе, сколько у тебя было боев. Обычно я говорил, что я старше четырнадцати. Там было не так много четырнадцатилетних весом до 90 кг, поэтому я всегда дрался с парнями постарше.

Эти «курилки» много значили для меня, гораздо больше, чем для других парней. Я расценивал их так: я родился в преисподней, и каждый раз, когда я выигрывал бой, я делал шаг прочь из нее. Остальные боксеры вряд ли имели такое дрянное прошлое, как я. Если бы у меня не было этих «курилок», я бы, очевидно, завершил свои дни в сточной канаве.

Однажды и Тедди поучаствовал в этих боях. Вечером мы были в зале Нельсона, какой-то парень толкнул Тедди, Тедди ударил того в лицо, и Нельсон был вынужден вмешаться. Он схватил один из призов, которые там были, оловянную статуэтку боксера на мраморной подставке, и принялся колотить ею парня по голове. Если бы пришли копы, они бы могли предъявить обвинение в покушении на убийство. Тедди всегда ввязывался в драки. Не знаю уж, защищал ли он меня или другие парни завидовали тому, что у него был лучший боксер, но он никогда не был достаточно умен, чтобы отступать в споре. Однажды мы были в Огайо, и Тедди там подрался с другими тренерами.

Мы поехали на «курилки» на северо-восток. Перед тем как мы загрузились в машину, к нам подошел Кас.

– Некоторые мои друзья будут наблюдать за боями. Я буду ждать у телефона. Надеюсь, когда они позвонят мне, они будут в полном восторге, рассказывая о тебе, – сказал он.

Я не мог забыть этого. «Будут в полном восторге». Это настолько воодушевило меня, что я накручивал себя все шесть часов езды. Я не отдыхал ни минуты. Я не мог дождаться, когда можно будет, наконец, попасть на ринг и начать избивать этих ублюдков. Один парень пришел на бой с женой и маленьким ребенком, так я вырубил его напрочь.

Сам Кас пришел на мой пятый бой, на «курилку» в Скрэнтоне.

Я дрался с парнем по имени Билли О'Рурк в католическом молодежном центре Скрэнтона. Билли было семнадцать лет, и я заявил, что мне столько же, поскольку это был любительский поединок. Перед боем Кас подошел к О'Рурку.

– Мой боксер – это просто убийца, – сказал он. – Я бы не хотел, чтобы ты пострадал.

Это был мой самый жестокий бой за последнее время. В первом раунде я постоянно отправлял его в нокдаун, а этот сумасшедший белый псих, блин, опять поднимался. И не просто поднимался, а наносил свинги[49]. И сколько я его ни валил, он всякий раз поднимался и мутузил меня. Если в первом раунде я надрал ему задницу, то второй превратился просто в побоище. Мы должны были драться три раунда, и Тедди решил не полагаться на волю слепого случая в образе судейского решения, которое могло оказаться неправильным.

– Послушай, ты разглагольствуешь о том, что станешь великим, обо всех этих сумасшедших боксерах, о том, что хочешь стать одним из них. Так вот, сейчас самое время. Иди вперед, бей джебы и уклоняйся.

Я вскочил с табурета, ринулся вперед и дважды опрокинул О'Рурка в третьем раунде. Он весь истекал кровью. В конце боя он настиг меня у канатов. Но – бац, бац, бац, я ответил – и он упал. Толпа сходила с ума. Это был кульминационный поединок вечера.

Кас был доволен, как я выступил, но все же заметил:

– Еще один раунд – и он бы разделал тебя.

В мае и июне 1981 года я участвовал в своем первом чемпионате – юношеских Олимпийских играх. На том этапе я провел около десяти боев. Сначала необходимо было выиграть местный турнир, затем региональный, и уже после этого были соревнования в Колорадо за национальный титул.

Я выиграл все местные бои, поэтому вместе с Теддом полетел в Колорадо, а Кас сел на поезд, поскольку он боялся летать. Когда я появился в раздевалке, я вспомнил, как вели себя все мои герои. Другие парни подходили ко мне, протягивали руку для рукопожатия, а я просто усмехался и отворачивался от них. Я играл свою роль. Когда кто-то заговаривал со мной, я только таращился на него.

Кас знал все о том, как воздействовать на своего соперника, вызывая хаос и смятение, но не теряя при этом выдержки. Я вызывал такое смятение, что некоторые боксеры при одном взгляде на меня проигрывали свои бои, только чтобы на следующем этапе не встречаться со мной. Я выиграл все свои бои нокаутом в первом раунде. Я взял золото, нокаутировав Джо

Кортеса за восемь секунд, рекорд, который, насколько мне известно, остается не побитым и по сей день. Я шел в намеченном направлении.

После того как я выиграл золотую медаль, я стал местным героем. Касу нравилось внимание ко мне. Он любил свет софитов. Мне, однако, казалось, что все это было глупо. Мне едва исполнилось пятнадцать лет, и половина моих друзей в Браунсвилле были мертвы, ушли, погибли. У меня было не так много друзей в Катскилле.

Школа меня не интересовала. Мы с Касом уже определили, чего мы хотели бы добиться, поэтому школа в этих планах являлась отклонением от цели. Я не питал интереса к тому, чему меня учили, но желание учиться у меня, действительно, было. Кас стремился поощрять меня, и я брал книги в его библиотеке. Я читал Оскара Уайльда, Чарльза Дарвина, Макиавелли, Толстого, Дюма, Адама Смита. Я прочел книгу об Александре Македонском. Я любил историю. Читая историю, я узнавал о человеческой природе. Я узнавал человеческую сущность.

Я не попадал в школе в крупные неприятности, за исключением пары драк и временного лишения меня права посещать учебное заведение. Мне там было просто некомфортно. Некоторые ученики смеялись надо мной, но никто не напрашивался на неприятности. Кас сказал директору моей школы младших классов, мистеру Бордику, что я особый ребенок и что мне «необходимо сделать некоторые поблажки». Мистер Бордик был прекрасным человеком, и всякий раз, когда возникала проблема, Касу достаточно было пойти в школу, изобразить какую-то фигню в итальянском духе с бурной жестикуляцией – и я возвращался на занятия. Возвращаясь домой, я к пяти вечера шел в тренажерный зал, где проводил два часа. По вечерам я читал книги про бокс, смотрел фильмы или разговаривал с Касом. В выходные я вставал в пять утра, пробегал несколько миль, ел, спал, затем возвращался в зал к полудню. В течение недели в школу и обратно я добирался бегом.

Однажды я получил дополнительное занятие по бегу благодаря управленческим капризам моего опекуна Каса. Я был на школьном вечере, который должен был закончиться в десять. Касу я сказал, что буду дома в одиннадцать. После мероприятия все начали тусоваться, поэтому я позвонил Касу и сообщил ему, что, очевидно, буду дома немного позже, поскольку жду такси.

– Нет уж, немедленно же беги домой. Беги! Я не могу ждать тебя, – рявкнул он. Кас никому не доверял ключей от дома, потому что опасался, что мы их потеряем.

На мне был костюм и хорошие туфли, но Кас настаивал,

чтобы я был дома *немедленно*.

– Чуваки, я должен идти, – сказал я своим приятелям. Все знали, сколько было времени. Но если Кас звал меня, я должен был идти. И я пох… чил.

Другой раз я гулял с приятелями, мы пили и веселились. Они высадили меня у дома, и я в окно увидел, что Кас спал в кресле, дожидаясь моего возвращения.

– Поворачиваем, назад. Возьмите меня к себе. Я не хочу разбираться с Касом, – заявил я.

Каждый раз, когда я приходил домой поздно, он дрючил меня только так. Порой я пытался прокрасться по ступеням, но они были старыми и скрипучими, и я всякий раз думал: *«Блин, я влип!»*

А когда я приходил домой из кино после того, как он разрешил мне туда пойти, Кас всякий раз дожидался моего возвращения, чтобы устроить мне допрос:

– Что ты там делал? С кем ты болтался? Кто они? Откуда их семьи? Назови их фамилии! Ты ведь знаешь, что тебе завтра на бокс!

Кас пытался даже женить меня в девятом классе. Я встречался с местной девушкой по имени Энджи, и Касу она нравилась. Следовало ожидать, что он захочет расстроить наши отношения, поскольку они отвлекали меня от тренировок, но Кас решил, что для меня было бы лучше начать жить вместе с ней. Я бы успокоился, и это помогло бы мне сосредоточиться на моих занятиях боксом. Но у меня не было серьезных намерений в отношении Энджи. Я мечтал о яркой, колоритной жизни своих героев, таких боксеров, как Микки Уокер[50] и Гарри Греб. Они пили, у них было много женщин, они наслаждались жизнью. Камилла тоже не поддержала Каса.

– Не вздумай слушаться Каса по поводу женитьбы на ком-либо, – сказала она мне. – У тебя будет столько девушек, сколько ты захочешь, и ты сможешь выбрать лучшую.

Однажды я ввязался в драку в школе, и Касу пришлось идти сглаживать ситуацию. Вернувшись, он усадил меня перед собой.

– Тебе придется покинуть нас, если ты будешь продолжать себя так вести.

Я не выдержал и заплакал.

– Пожалуйста, не выгоняй меня, – рыдал я. – Я хочу остаться.

Мне, действительно, нравилась семейная атмосфера, которая царила в доме Каса. И я был безумно влюблен в самого Каса. Он был первым белым парнем, который не только не порицал меня, но готов был выбить дерьмо из того, кто сказал бы что-нибудь неуважительное обо мне. Никто не смог так сблизиться со мной.

Он смог достичь глубин моего подсознания. Всякий раз после разговора с ним я должен был как-то разрядиться, провести бой с тенью или поприседать, настолько я был заряжен энергией. Я принимался бегать и кричать, так мне хотелось сделать его счастливым и доказать, что все те мечты, о которых он говорит, сбудутся.

Думаю, Кас почувствовал себя виноватым за то, что угрожал отправить меня отсюда и заставил меня плакать, потому что в тот же день он стал обнимать меня. Это было первое физическое проявление любви с его стороны, которое я когда-либо видел. Когда-либо. Но в тот момент, когда я заплакал, Кас понял, что я – в его власти. С этого момента я стал его рабом. Если бы он велел мне убить кого-нибудь, я бы убил. Я говорю серьезно. Все думали, что я тянулся к симпатичному итальянскому парню в возрасте, но я тянулся к воину. И мне нравилась каждая минута общения с ним. Я был счастлив быть солдатом Каса, это определяло мне цель в жизни. Мне нравилось быть тем, кому выпало осуществить миссию.

Я стал тренироваться еще упорнее, насколько это было возможно. Однажды, когда я вернулся домой из тренажерного зала, я буквально полз вверх по лестнице. Я дополз до ванной комнаты на третьем этаже, и Кас наполнил небольшую фарфоровую ванну невероятно горячей водой, добавив туда немного английской соли.

– Оставайся как можно дольше, – велел он.

Я чуть не обжегся, но на следующее утро чувствовал себя гораздо лучше и снова мог идти работать.

Я еще никогда не испытывал такого подъема. Передо мной была вполне конкретная цель, и я настойчиво шел к ней. Я даже не могу объяснить, насколько это было восхитительное чувство.

Когда остальные боксеры покидали зал и уходили со своими подружками, живя своей жизнью, мы с Касом возвращались домой и разрабатывали разные планы. Мы говорили о том, что хорошо бы иметь дома во всех частях мира. Кас учил меня тому, что «нет», по его выражению, должно являться для меня словом на иностранном языке: «Для тебя должен быть непонятен сам смысл слова «нет»».

Наверное, было несколько несправедливо по отношению к другим боксерам, пытавшимся стать чемпионами, то, что меня воспитывал и готовил гений. Другие парни стремились заработать деньги и обеспечить хорошую жизнь для своей семьи. Я же, благодаря Касу, хотел славы, и я хотел добиться ее их кровью. Но я чувствовал себя неуверенно. Я хотел славы, я хотел быть знаменитым, я хотел, чтобы весь мир смотрел на меня и

говорил, что я прекрасен. Но пока что я был толстым, блин, вонючим ребенком.

Кас убеждал меня, что золотисто-зеленый чемпионский пояс WBC[51] стоит того, чтобы умереть ради него. И вовсе не из-за денег. Я спрашивал у Каса:

– Что значит быть величайшим боксером всех времен? Большинство из этих парней мертвы.

– Послушай, они мертвы, но мы же говорим о них сейчас. Это как раз и означает бессмертие. Значит, что и твое имя будет известно до конца времен, – ответил он.

Кас был весьма драматичен. Он был похож на персонажа из *«Трех мушкетеров»*.

– Мы должны дождаться своего часа, как крокодилы в тине. Мы не знаем, когда настанет засуха и животные начнут переход через Сахару. Но мы будем ждать. Месяцы, годы. Наше время придет. И газели и антилопы начнут переправляться через воду. И когда они придут, мы схватим их. Ты слышишь меня, сынок? Мы будем пожирать их, а они будут вопить так истошно, что их услышит весь мир.

Он был настроен весьма решительно, и я тоже. Кас был намерен посредством меня вернуться в мир бокса, и я жаждал принять в этом участие. Он был как граф Монте-Кристо. Мы оба были готовы к мщению.

Поняв, что я, действительно, оказался на его стороне, Кас был счастлив. Но в то время он был просто параноиком. К примеру, я сидел в гостиной и читал, а Кас бродил поодаль в халате. Вдруг он подошел ко мне и выпалил:

– Да, и ты тоже собираешься бросить меня. Они заберут тебя. Ты оставишь меня, как и все остальные.

Я не понял, играл ли он со мной в какую-то интеллектуальную игру или просто хотел вызвать к себе чувство жалости.

– Кас, ты сошел с ума? О чем ты говоришь?

Я никогда не разговаривал с ним так. Вероятно, это был единственный раз, когда я назвал его сумасшедшим.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Кто-нибудь даст тебе денег, и ты просто уйдешь. Такое происходит со мной всю жизнь. Я трачу время, выращиваю боксеров – а их затем крадут у меня.

Уйти? Да я бы попытался убить любого, кто забрал бы его у меня. Флойд Паттерсон оставил его, но со мной ведь была совсем другая ситуация. Мне нравилось общаться с ним и Камиллой, это была моя новая семья, которая избавила меня от прошлой тяжелой жизни.

– Ты просто сошел с ума, Кас, – повторил я, и он отошел.

* * *

В ноябре 1981 года мы с Тедди и двумя другими боксерами сели в машину и поехали в Род-Айленд на «курилку». Всю дорогу я думал о том, что я сделаю с соперником, этим ублюдком, когда доберусь туда. Я читал Ницше и воображал себя сверхчеловеком. Я с трудом мог продиктовать по буквам свое имя, но я был сверхчеловеком. Я представлял себе, как будет наэлектризована публика при виде меня и как все будут мне аплодировать, когда я надеру этому парню задницу. Самообольщаясь, я рисовал картины, как толпа бросает цветы к моим ногам. Мне было только пятнадцать лет, но мне предстояло драться с парнем по имени Эрни Беннетт, местным чемпионом, которому был двадцать один год. Это был его последний любительский бой, так как он собирался переходить в профессионалы.

Мы прошли на свое место, там вдоль стен была куча народа неприветливого вида. Было так тесно, словно я вновь оказался в трущобах в Браунсвилле. Но мне было насрать. Их энергетика меня только подпитывала. Тедди велел: «Встань на весы». Я снял рубашку и брюки и остался только в нижнем белье. Я был прилично накачан. Я встал на весы, нас окружили.

– Это Тайсон. Это он, – слышал я, как говорили вокруг.

Я стоял на весах и начинал нервничать. Эти ребята были бандитами, узаконенными крутыми парнями, а я был не из их города. Но затем я вспомнил все те фильмы, которые я смотрел. Джека Джонсона на весах с толпой вокруг него. Я всегда представлял себя в такой ситуации. Потом я услышал, как вокруг перешептываются: «Это тот самый парень, который нокаутировал всех в первом раунде на юношеских Олимпийских играх!»

Мне вспомнилось то, что внушал мне Кас: я относился к высшему сословию, я был великим гладиатором, готовым к битве.

– Эй, чемпион! – улыбались мне эти парни. Но я в ответ смотрел на них пренебрежительно, типа: «А пошел ты! Чего пялишься?»

Я весил около 190 фунтов[52].

– О-о, ты слишком тяжел, – заметил тренер Беннетта. Он был глухонемым, но можно было читать по его губам. – Но мы будем драться с ним. Мы будем драться с кем угодно.

– Я не кто угодно, – усмехнулся я.

Зал было переполнен. Там было не менее трех тысяч человек. Мы вышли на ринг, и начались девять минут настоящей

мясорубки. Даже сейчас все еще вспоминают тот бой. Толпа не переставала подбадривать нас криками, аплодировали даже во время минутных перерывов между раундами. Мы были похожи на двух питбулей. Он был хорошо сбитым, быстрым и опытным, но потом, бац, я опрокинул его на канаты. Я жестко дрался с этим парнем до самого конца. Это было лучшее выступление в моей жизни.

Судейское решение было в его пользу. Это был грабеж средь бела дня. Я был в смятении и начал плакать. Я еще не проиграл ни одного боя. В раздевалке ко мне подошел глухонемой тренер. Я все еще плакал.

– Ты пока еще просто ребенок, – сказал он. – У моего парня было много, много боев. Мы дрались с тобой изо всех сил. Ты лучше моего парня. Не сдавайся. Однажды ты будешь чемпионом.

Это меня ничуть не утешило. Я плакал на протяжении всего пути домой. Мне хотелось отколотить этого парня. Когда мы вернулись домой, я должен был принять душ и пойти в школу. Но Тедди, очевидно, позвонил Касу, потому что тот ждал меня. Я думал, что Кас будет сердиться на меня за то, что я проиграл, но он широко улыбался.

– Я слышал, ты был молодцом. Тедди сказал мне, что парень был тертым малым, весьма опытным, – сказал он. – Возьми отгул. Тебе не нужно идти в школу.

Вообще-то я как раз собирался идти в школу. Этот парень поставил мне здоровенный синяк под глазом, и мне хотелось произвести на всех впечатление, демонстрируя свой знак мужества.

Я не позволил себе пасть духом из-за этого спорного проигрыша. Я продолжал драться в «курилках» и нокаутировать своих соперников. Кас все чаще приходил на мои бои. Ему нравилось, когда я действовал высокомерно и принимал надменный вид. Кас сам был достаточно высокомерен. Однажды я дрался с двадцатичетырехлетним парнем, который был чемпионом своего района с шестнадцати лет. Никто и никогда не побеждал его.

Перед боем к нам подошел один из местных чиновников по боксу.

– Кас, человек, с которым вы будете драться, крепкий, сильный и злой, – сказал он.

Кас и бровью не повел.

– Работа моего парня как раз и заключается в том, чтобы ставить на место крепких, сильных и злых.

Я слышал все это, и мое сердце заколотилось. Я превратился, блин, в горячий бенгальский огонь. Я так накрутил себя, что

готов был драться с этим парнем еще до того, как мы вышли на ринг.

Один раз я, готовясь к поединку, не мылся три дня. Я думал только о том, как изувечить своего соперника. Я ничего не знал о своих противниках в «курилках», не было ни записей их поединков, ни трансляции их боев по телевидению. Поэтому я всегда представлял себе, что те, с которыми я должен драться, были парнями, которые издевались надо мной, когда я был моложе. И настало время возмездия. Никто и никогда не выбирал меня для боя снова.

Всякий раз, когда я проявлял хоть немного гуманности во время боя, Кас протестовал. Парень мог попытаться пожать мне руку до начала поединка в качестве жеста достойного спортивного поведения. Если я жал ее, Кас приходил в ярость.

Единственным проявлением сострадания, которое он не подвергал критике, было то, что я помогал подняться соперникам, которых нокаутировал. Демпси поступал так все время. Он помогал своему побежденному сопернику подняться, отводил его в свой угол, обнимал и целовал его. Это было сразу же после того, как он пытался выпотрошить его. И я тоже поднимал их и целовал. «С тобой все в порядке? Ты мне нравишься, брат». Для них это было почти оскорбительно.

Касу не нравилось, когда я торжествовал свои победы. Ему не нравились ни поздравления типа «дай пять», ни танцевальные шаги.

– Ты занимаешься этим уже два года, а ведешь себя так, словно то, что случилось, для тебя удивительно, – говорил он.

Для Каса мои соперники были пищей. Кормом. Чем-то надо питаться, чтобы жить. Если я хорошо проводил бой, Кас вознаграждал меня. Красивой одеждой, обувью. Когда я выиграл один из своих юношеских турниров, он купил мне золотые зубы. Когда я получил их в 80-х годах, многие думали: «Тьфу ты, преступник! У него золотые зубы. Надо быть осторожным». Но Касу они нравились, поскольку все прежние боксеры делали себе золотые зубы, чтобы отпраздновать свой успех.

Можно было бы подумать, что с учетом всех этих нокаутов и побед на юношеском чемпионате Касу не осталось, что критиковать. Нет, только не Касу. На публике он всегда обращался со мной, как с примадонной, но за закрытыми дверями все происходило совсем не так. Когда я оставался наедине с ним, он усаживал меня перед собой и говорил:

– Знаешь, ты низко держишь руку. При всем моем уважении, если бы этот джентльмен был немного более профессионален, немного более хладнокровен, он бы влепил тебе вот такой удар.

И это после того, как я нокаутировал парня! Все поздравляли меня с нокаутом правой. Кас при этом не сказал, что я был бы нокаутирован. Он сказал, что я получил бы удар. Он продвигал идею о возможном ударе весь день. Через пару дней он вновь вернулся к этому дерьму.

– Помнишь, после боя я говорил тебе, что этот парень мог бы влепить…

О-о-о!

Кас знал все о воздействии на соперника, о ведении психологической войны. Он считал, что 90 процентов бокса составляет психологический, а не физический аспект. Воля, а не мастерство. Когда мне было пятнадцать лет, он брал меня к гипнотерапевту по имени Джон Хэлпин. Его офис был в городе на Сентрал-Парк-Уэст. В офисе я ложился на пол, и Джон проходил со мной все этапы расслабления: твоя голова, твои глаза, твои руки, твои ноги, все наливается тяжестью. Когда я находился под гипнозом, он произносил то, что хотел Кас, написав это на листе бумаги. Джон зачитывал это вслух:

– Ты – величайший в мире боксер. Я говорю тебе это потому, что хочу заставить тебя поверить, что тебе предстоят великие свершения. Я говорю тебе это потому, что ты действительно способен осуществить это. Это то, ради чего ты, на самом деле, родился.

Хэлпин показал нам способ, посредством которого мы могли вводить себя в гипнотическое состояние в любое время, когда только захотим. Когда мы вернулись в Катскилл, я ложился на пол или на кровать, а Кас садился рядом со мной. Я расслаблялся и входил в гипнотическое состояние, а Кас говорил. Иногда он говорил в общих чертах, типа, что я лучший боксер в мире, но иногда была и специфика:

– Твой джеб – это оружие. Бей яростно, чтобы завалить его. У тебя превосходная правая. Ты еще не знал этого по-настоящему, но теперь знаешь. Ты Аттила. Мир будет знать твое имя отныне и до скончания веков.

Это было что-то очень глубокое, блин. И я в это верил.

Иногда Кас будил меня посреди ночи и делал свои внушения. Иногда ему не надо было даже ничего говорить, я и так ощущал, как его слова телепатически попадают мне в мозг.

Я уделял гипнозу большое внимание. Я считал, что это секретный метод, который мне поможет. Возможно, некоторые полагали, что это было глупо, но я верил всему, что говорил мне Кас. Я воспринимал его указания неукоснительно. Кас был моим богом. Этот немолодой белый парень говорил мне, что я буду на вершине мира. Почему я не должен был ему верить?

* * *

Теперь, когда я был гладиатором и богом среди людей, казалось немного унизительным ходить в школу старших классов. Осенью 1981 года у меня в ней были неприятности. Один из моих учителей, настоящее невежественное быдло, начал спорить со мной и швырнул в меня книгу. Я встал и на глазах у всех других учеников выбил из него дерьмо. Меня временно отстранили от занятий. Кас схватил меня, мы пришли в школу и предстали перед директором, мистером Стиклером, и учителем. Можно было подумать, что Кас был Клэренсом Дэрроу[53], так он защищал меня.

– Вы утверждаете, что вы лишь уронили книгу и она попала в Майка случайно, – допрашивал с пристрастием Кас учителя. – Но если, как вы утверждаете, вы уронили книгу, как она могла переместиться в воздухе и достичь Майка как физического лица? Она должна была бы упасть на пол, не причинив никому никакого вреда.

Кас ходил по комнате, внезапно останавливаясь и драматически указывая на учителя как на виновную сторону.

В конечном итоге мы пришли к компромиссу, и мне было разрешено не ходить в школу и заниматься с репетитором. Кас переживал из-за того, что я покидаю школу. Он планировал устроить мне большой выпускной вечер. По дороге из школы домой я взглянул на него и произнес:

– Ладно. Я готов пойти в спортзал.

Он просто посмотрел на меня в ответ и сказал:

– Хорошо, давай.

* * *

Шел июнь 1982 года, для меня настало время защитить титул чемпиона юношеских Олимпийских игр. Теперь моя репутация, несомненно, шла впереди меня. Родители забирали своих детишек из чемпионатов и турниров в страхе, что тем придется драться со мной. Не случайно Джон Кондон, один из организаторов турниров «Золотые перчатки», не разрешил мне участвовать в них, заявив: «Я видел, как ты дерешься. Ты слишком опасен для них. Я не могу позволить тебе драться с этими парнями. Ты разорвешь их на части».

Мои вторые юношеские Олимпийские игры начались неплохо. Мы вернулись в Колорадо, и в отборочных поединках я нокаутировал всех своих соперников. Настало время финальных

встреч, где я должен был защитить свой титул. Вот тогда я почувствовал напряжение. Я видел камеры, направленные на меня, и у меня появилась неуверенность в собственных силах. Все эти чиновники от бокса говорили про меня разные замечательные вещи. Я подумал, что все это, конечно, здорово, но рано или поздно все это завершится, потому что я был грязным, гадким. Однако я не хотел обманывать надежд Браунсвилла. Кас много раз повторял мне, что если я буду слушаться его, то «когда моя мать будет ходить по Браунсвиллу, за ней будут носить ее сумку с покупками».

Я ничего не мог поделать со своим напряжением. До начала финала Кас отозвал меня в сторону.

– Майк, это реальный мир. Видишь всех их? – и он показал на судейскую коллегию, журналистов, чиновников в зале. – Когда ты проигрываешь, ты перестаешь им нравиться. Если ты не производишь на них впечатления, ты перестаешь им нравиться. Раньше я всем нравился. Поверьте мне, даже когда мне было пятьдесят, у меня не было отбоя от молодых, красивых женщин, которые преследовали меня повсюду. Теперь же, когда я немолод, ко мне больше никто не подходит.

За десять минут до боя я вышел проветриться. Тедди пошел со мной.

– Успокойся, Майк, просто расслабься, – сказал он.

Все, я проиграл. Я начал в истерике рыдать. Тедди обнял меня.

– Это просто очередной поединок. Ты встречался с более опытными боксерами, чем этот парень, – пытался он утешить меня.

– Я – Майк Тайсон,… – всхлипывал я. – … Я всем нравлюсь.

Я не мог выдавить из себя связной фразы. Я пытался сказать, что если я проиграю, то больше никому не буду нравиться. Тедди, как мог, утешал меня и говорил, что чувства не должны взять верх надо мной.

Когда я вышел на ринг, мой соперник уже ждал меня. Это был белый парень по имени Келтон Браун под два метра ростом. Я собрался, призвал на помощь свое мужество. Мы прошли на середину ринга, чтобы получить инструктаж, и я настолько злобно уставился на него, что рефери пришлось оттолкнуть меня и сделать мне предупреждение еще до начала боя. Раздался гонг, и я набросился на него. В течение минуты я так мастерски отделывал его, что в его углу выбросили полотенце. Я стал двукратным чемпионом юношеских Олимпийских игр.

После того как мою руку подняли в знак победы, телевизионный комментатор взял у меня на ринге интервью.

– Майк, ты должен быть очень доволен тем, что твоя карьера так успешно развивается.

– Отвечу: да, я доволен. Я дрался здесь с парнями, которые были по возрасту, как я, но я оказался на высоте, я был лучше их. Потому что я более дисциплинирован. Я знаю, как справляться со своими проблемами в первую очередь психологически, а затем уже физически. Так что, мое преимущество перед ними психологического характера.

– Как ты чувствовал себя в конце боя после победы над Брауном?

– Я делал свое дело. Не могу сказать ничего плохого о своем сопернике. Он хорошо поработал. Бой оказался слишком сложным для него. Его усилия достойны похвалы, – сказал я.

Возвращаясь на восток, я заехал к себе домой в Браунсвилл. Все в районе уже видели по телевидению, как я нокаутировал Келтона Брауна. Многие из тех парней, которые раньше унижали меня, подходили ко мне на улице.

– Эй, Майк, что-нибудь нужно? Если что-нибудь потребуется, скажи, я сделаю, – говорили они.

Раньше они надирали мне задницу, а теперь лизали ее.

Но настоящим зрителем для меня была моя мама. Я хотел поделиться с ней своей радостью.

– Мама, я – величайший боксер в мире. Нет такого человека, который мог бы побить меня, – сказал я.

Мама жила в сыром, обветшалом, покосившемся многоквартирном доме. Она просто смотрела на меня, пока я рассказывал о себе, словно я был богом.

– А помнишь Джо Луиса? *Всегда* есть кто-то лучше, сынок, – произнесла она.

Я посмотрел на нее в ответ и холодно возразил:

– Со мной такого никогда не случится. Я лучше всех остальных. Я – самый лучший.

Я был совершенно серьезен, потому что именно так Кас промывал мне мозги. Моя мать никогда еще не видела меня таким. Я всегда вызывал отвращение, постоянно пялился в угол. А теперь у меня было чувство собственного достоинства и гордость за себя. Раньше от меня пахло травкой или спиртным. Теперь мое тело было накачано, я был безупречен. Я был готов завоевать весь мир.

– Нет такого человека в целом мире, который мог бы побить меня, ма. Вот подожди, твой сын будет чемпионом мира, – хвастался я.

– Ты должен быть смиренным, сынок. А ты не смиренный, ты не смиренный. – Она покачала головой.

У меня был небольшой пакет, из которого я достал вырезки статей о том, как мне вручали золотые медали, и передал ей.

– Вот здесь, мама. Ты можешь здесь прочитать обо мне.

– Я прочту это позже, – сказала она.

Остаток вечера она со мной не разговаривала. Она просто произносила: «Хм-м» – и смотрела на меня с беспокойством, словно хотела спросить: «Что эти белые люди сделали с тобой?»

Я вернулся в Катскилл, чувствуя себя на вершине мира. Я был избалованным представителем верхушки среднего класса. Спустя несколько месяцев Кас сказал мне, что моя мать больна. Он не сообщил мне никаких подробностей, но мой социальный работник узнал, что у матери была последняя стадия рака. В тот же день мне позвонила сестра.

– Навести маму, – сказала она. – Она себя неважно чувствует.

Я видел мать несколько недель назад, у нее было что-то вроде инсульта, и одна сторона лица была парализована, но я не знал, что у нее рак. Единственное, что я знал, – это то, что Рак был моим астрологическим знаком. Я понимал, что что-то было не так, но не имел никакого понятия, что это может быть связано с угасанием.

Но когда я попал в больницу, я был в шоке. Мать лежала в постели, стонала, при этом была без сознания. На нее было больно смотреть. Ее глаза ввалились, кожа туго стянула череп, она совершенно исхудала. Простыня сбилась, и обнажилась часть ее груди. Я поцеловал ее и укрыл. Я не знал, что делать. Я еще не встречал никого, у кого был рак. Вспоминая фильмы, я ожидал увидеть что-то вроде: «Я люблю тебя, но сейчас я ухожу от тебя навсегда, Джонни». Я думал, что у меня будет возможность поговорить с ней и попрощаться с ней прежде, чем она умрет, но она не приходила в сознание. Поэтому я вышел из больничной палаты и больше туда не возвращался.

Каждый вечер, возвращаясь домой, я говорил своей сестре, что навещал маму и что она выглядела хорошо. Я просто не хотел иметь дела с больничной обстановкой, это было слишком мучительно. Вместо этого я пустился во все тяжкие, вернувшись к квартирным кражам. Я встретился с Баркимом и некоторыми другими парнями, которых я знал в районе, и мы ограбили несколько домов.

Однажды вечером перед тем, как идти грабить очередной дом, я показал Баркиму фотоальбом, который я привез из Катскилла. Там были мои фотографии с Касом и Камиллой, а также мои школьные фотографии с белыми ребятами.

Посмотрев их, Барким не мог прийти в себя.

– Эй, Майк, ты меня без ножа зарезал. Они там строят тебя?

Называют «ниггером»?

– Нет, они мне как семья. Кас убьет тебя, если ты скажешь такое про меня, – ответил я ему.

Барким покачал головой.

– И что ты здесь делаешь, Майк? – спросил он. – Возвращайся туда, к этим белым. Блин, чувак, эти белые любят тебя. Разве ты не видишь это, ниггер? Чувак, меня бы белые так любили! Вали отсюда к ним, чувак. Здешнее дерьмо не для тебя.

Я много размышлял о том, что он сказал. Здесь я, двукратный национальный чемпион, по-прежнему грабил дома, потому что просто вернулся к тому, кто я есть. Каждый вечер я пил, курил «ангельскую пыль»[54], нюхал «кокс»[55] и таскался на местные танцы. Делал все, чтобы заглушить мысли о матери.

Моя сестра все время говорила мне: «Ты приехал, чтобы повидаться с мамой. Не увлекайся, ты здесь не для игр».

Однажды вечером мы втроем – я, Барким и его девушка – шли через одну из новостроек Браунсвилла и увидели пару моих прежних приятелей, игравших в кости. Барким был также с ними дружен, но не остановился, чтобы поговорить с ними, а продолжал идти. Я подошел, чтобы поздороваться, и они спросили: «Что надо, Майк?» И смотрели на меня очень недоверчиво. «Поговорим позже», – добавили они затем. У меня было предчувствие, что случилось что-то плохое, что кто-то умер или отнял у них много дерьма.

Позже я узнал, что в районе шла борьба за власть, и когда дым рассеялся, на вершине оказался Барким. У него были автомобили, девушки, украшения, оружие, потому что он владел в районе наркобизнесом. Уличный ландшафт сильно изменился с тех пор, как я жил там. Появились наркотики, и люди стали умирать. Ребята, с которыми мы вместе тусовались, убивали друг дружку за территорию и деньги.

И вот однажды сестра пришла домой, а у меня было похмелье, но я услышал ее ключ в двери и открыл ей. И как только дверь распахнулась, бац, она ударила меня прямо по лицу.

– Ты это за что? – удивился я.

– Почему ты не сказал, что мама умерла? – закричала она.

Я не хотел признаваться: «Я не ходил в больницу. Было слишком больно видеть вместо мамы ее прежнюю оболочку», – потому что сестра убила бы меня, поэтому я сказал: «Я не хотел причинять тебе боль. Я не хотел, чтобы ты знала». Я был слишком слаб, чтобы справиться с этим. Сестра была самой сильной в нашей семье. Она хорошо справилась и с этой трагедией. Я же не смог даже пойти с ней для опознания тела. С ней поехал мой двоюродный брат Эрик.

Похороны мамы были убогими. Она накопила немного денег на участок земли в Линдене, Нью-Джерси. Всего было только восемь человек: я, брат и сестра, мой отец Джимми, ее парень Эдди и три ее подруги. Я надел костюм, который купил на часть украденных денег. Она была в тонком, почти картонном прямоугольном гробу, на надгробный камень денег не хватило. Перед тем как покинуть могилу, я сказал: «Мама, обещаю, я буду хорошим парнем. Я буду лучшим боксером из всех, и все будут знать мое имя. Когда они будут думать о Тайсоне, они будут вспоминать не «Тайсон Фудз»[56] или Сисели Тайсон[57], а Майка Тайсона». Я сказал так, потому что Кас рассказал мне кое-что об имени «Тайсон». До последнего времени претензии нашей семьи на известность заключались лишь в том, что у нас была такая же фамилия, как у Сисели. Маме нравилась Сисели Тайсон.

После похорон я остался в Браунсвилле на несколько недель, накуриваясь наркоты. Однажды вечером я встретил своих приятелей, которые играли в кости несколько дней назад. Они сообщили мне, что Баркима убили.

– Они грохнули твоего друга, – сказал мне один из них. – Я думал, они грохнули и тебя тоже, потому что последний раз, когда я встретил тебя, ты шел вместе с ним, и с тех пор я тебя не видел.

Смерть Баркима сильно повлияла на меня. Это был человек, который первым привлек меня к грабежам, который объявил меня своим уличным сыном. И он только что велел мне выбираться отсюда и возвращаться к своей белой семье. И не только он. Все мои друзья в районе возлагали большие надежды на меня и Каса. Благодаря Касу я должен был занять свое место в жизни.

– Держись этого белого, Майк. Мы – ничто, Майк, не возвращайся сюда. Я не хочу слышать никаких глупостей, ниггер. Ты – наша единственная надежда. Мы никогда ничего не добьемся, Майк, мы тут и умрем, в Браунсвилле. И прежде, чем мы умрем, мы должны рассказать всем, что общались с тобой, что ты был нашим ниггером.

Различные вариации этого я слышал, куда бы ни пошел. Они воспринимали это всерьез. Для моих друзей Браунсвилл был сущим адом. Все они хотели бы получить такую же возможность выбраться отсюда, как я. Они не могли понять, почему я захотел вернуться сюда. А вернулся я потому, что пытался выяснить, кто я такой на самом деле. Мои две жизни были настолько разными, и все же я по разным причинам чувствовал себя как дома в обоих мирах.

Однажды раздался стук в дверь – это была миссис Коулмен, мой социальный работник. Она пришла, чтобы забрать мою

черную задницу обратно в Катскилл, потому что меня застукали на грабежах и воровстве. Вообще-то я должен был вернуться в дом Каса через три дня после похорон матери. Миссис Коулмен была приятная леди, и она два часа ехала из Катскилла, чтобы заполучить меня. Она была весьма благосклонно настроена к Касу и считала, что бокс был для меня правильным выбором. Но я еще не пришел в себя и поэтому сказал, что пока не собираюсь обратно в Катскилл. Тогда она поставила меня в известность, что если я хочу остаться в Бруклине, она будет вынуждена подготовить некоторые документы, полиция заберет меня, а она поселит меня где-нибудь в Нью-Йорке. Мне было шестнадцать, и я знал, что она говорила полную фигню. По закону я не должен был отчитываться перед кем-либо. Но я поехал с ней обратно в Катскилл.

Перед отъездом я осмотрел нашу квартиру и увидел, в какой нищете жила мать, это был хаос и полный развал. Я вспомнил, как она умерла. И это изменило все мои планы относительно того, как прожить свою жизнь. Вероятно, она будет короткой, но я хотел сделать все возможное, чтобы она была яркой.

Когда я вернулся в Катскилл, Кас помог мне прийти в себя после смерти матери. Он рассказал мне о том дне, когда умер его отец. Кас был дома, вместе с ним, и отец кричал. Кас не мог ничем помочь ему, потому что не знал, что делать. Кас вновь помог мне стать сильным.

В то время был белый южноафриканский боксер по имени Чарли Вейр, который был основным претендентом на юношеский чемпионский титул в среднем весе. Он со своей командой приехал в Катскилл тренироваться у Каса. Это было в эпоху апартеида, и Кас сказал им: «У нас здесь есть черный парень. Он – часть нашей семьи. Вы должны относиться к нему с уважением. Вот так, как вы относитесь ко мне и к Камилле, так же вы должны относиться и к нему».

Это было потрясающе. Никто и никогда еще так не защищал меня. Чарли и его команда платили за тренировки у Каса, а обычно, если ты заплатил тренировочный сбор, то ты всем распоряжаешься. Кас, однако, расставил для них все точки над «и». И дома Кас повел разговор в том же ключе.

– Послушай, теперь мы – твоя семья, договорились? – сказал он мне. – И ты теперь наш мальчик. Семья будет гордиться тобой. Ты принесешь ей известность и славу.

Мы втроем сидели за столом в столовой, и Кас сказал:

– Камилла, взгляни на своего черного сына. Что ты думаешь об этом?

Камилла встала, подошла ко мне и поцеловала меня.

Но спустя месяц нашей маленькой идиллии пришел конец. Я облажался. У Каса были проблемы с моим тренером Тедди Атласом. Они ссорились из-за денег. Тедди недавно женился на девушке из семьи, в отношении которой у Каса были подозрения, и когда Тедди были нужны деньги, Кас давал ему не так много. Тедди с трудом сводил концы с концами, поэтому он хотел, чтобы я стал профессионалом, и тогда он мог бы получать свою долю от моих сборов. У Каса, однако, в то время не входило в планы делать меня профессионалом. Так что, все знали, что Тедди собирался уходить от Каса и что он пытался сманить меня с собой. Но не могло быть и речи о том, чтобы я оставил Каса.

Но потом я сделал то, что вынудило Каса избавиться от Тедди. Я был знаком со свояченицей Тедди, причем еще раньше, чем сам Тедди. Мы вместе ходили в школу и были друзьями. Девушки всегда флиртовали со мной, но сексуальных отношений у меня с ними не было. Однажды я тусовался с его двенадцатилетней свояченицей и схватил ее за попку. На самом деле я не собирался делать ничего дурного. Я просто играл и схватил ее за попку, чего я не должен был делать. Это было просто глупо. Я не думал, что это что-то из ряда вон выходящее. У меня не было никаких социальных навыков общения с девушками, потому что Кас все время держал меня в тренажерном зале. Как только я это сделал, я сразу же пожалел об этом. Она ничего не сказала мне, но я понял, что она почувствовала себя неловко.

Позже в тот вечер мой спарринг-партнер подвез меня к спортзалу, чтобы я поработал с Тедди. Я вылез из машины, Тедди ждал меня снаружи. Он выглядел разгневанным.

– Майк, иди сюда. Я хочу поговорить с тобой, – сказал он.

Я подошел к нему. Он достал пистолет и приставил его к моей голове.

– Ублюдок, никогда не прикасайся к моей свояченице…

И он выстрелил в воздух, прямо рядом с моим ухом. Звук был настолько оглушительным, что я было решил, что он на самом деле отстрелил мне ухо. Затем Тедди побежал. Я тоже, потому что зал был над полицейским участком.

Всякий раз, когда теперь Тедди рассказывает об этом случае, он изображает дело так, будто он напугал меня до усеру. По правде говоря, это был не первый раз, когда кто-то приставлял пистолет к моей голове, но я при этом ничего не говорил типа: «Давай, стреляй в меня, ублюдок». Я просто нервничал. Кстати, потребовалось время, чтобы слух у меня вернулся. Но я чувствовал, что, действительно, лажанулся по полной. Я ведь беспокоился о Тедди. Когда я порой надирался в стельку, я мог

грозить, что сведу с ним счеты, но я никогда не делал Тедди ничего плохого. Ведь он научил меня, как драться, он был со мной с самого начала.

Камилла, узнав об этом случае, была в ярости. Она требовала, чтобы Кас выдвинул обвинения, и Тедди арестовали, но Кас не стал этого делать. Он знал, что у Тедди был испытательный срок по другому делу и что его могут отправить прямиком в тюрьму. Тедди со своей семьей окончательно перебрался в город.

Все это произошло по моей вине. Мне было жаль, что все так случилось. После ухода Тедди я начал работать с Кевином Руни, боксером, которого Кас сделал тренером. Руни и Тедди были друзьями с детства, и Тедди предложил Касу кандидатуру Кевина. Можете себе представить, какие разгораются страсти, когда события разворачиваются таким образом.

* * *

К тому времени, как я получил в тренеры Руни, я чувствовал себя достаточно подготовленным. Обычно, когда парни выигрывают чемпионаты, турниры и Олимпийские игры, они становятся разборчивыми в вопросе, с кем им предстоит драться. Но только не я. Я готов был драться с кем угодно и где угодно: в их родном городе, хоть в их дворе. Кас учил меня: «Дерись с ними в их собственных гостиных, и пусть судьями будут члены их семей». Я хотел просто драться и ничего не боялся. Я проводил бои в Чикаго, Род-Айленде, Бостоне, где угодно. И все говорили: «Это Тайсон, он дважды выиграл юношеские Олимпийские игры».

В декабре 1982 года я потерпел первое поражение в турнире. Я дрался на любительском чемпионате США в Индианаполисе, моим соперником был Эл Эванс. Мне тогда было шестнадцать, а ему двадцать семь, это был жесткий панчер[58], очень опытный боксер.

В первом раунде я набросился на него и выбросил кучу ударов. То же самое я проделал и во втором раунде. Я гонял его ударами от одной стойки к другой. В третьем раунде я слегка утратил контроль, и он контратаковал левым хуком, сбив меня с ног. Я поднялся и вновь набросился на него. На сей раз он сбил меня с ног ударом правой. Я встал, снова бросился в атаку – и поскользнулся. И рефери остановил бой. Со мной все было в порядке, у меня не было повреждения, я мог продолжать бой. Кас из своего угла накричал на судью.

Я был подавлен. Я хотел побеждать в каждом турнире. Мне

нравилось, как обращались с чемпионом после его победы. Я хотел испытывать это чувство, я уже пристрастился к нему.

Кас, очевидно, решил, что это поражение поколебало мою уверенность в себе и мое желание заниматься боксом, поэтому, когда мы вернулись в Катскилл, он прочел мне небольшую лекцию:

– Вспомни всех этих чемпионов, про которых ты читал. В начале своей карьеры некоторые из них терпели поражение нокаутом. Но они никогда не сдавались. Они смогли преодолеть это. Вот почему ты можешь сейчас прочесть о них. Те, кто потерпел поражение и сдался, – что ж, их страхи, их духи-искусители последовали за ними в могилу, потому что у этих парней был шанс сразиться с ними, а они не стали. Ты должен сражаться со своими страхами, Майк, со своими духами-искусителями, или же они последуют за тобой в вечность. И помни, надо всегда очень тщательно проводить свои бои, потому что как ты проводишь свои бои, точно так же ты проживешь свою жизнь.

Я выиграл следующие шесть боев, а затем дрался в национальном турнире «Золотые перчатки» против парня, которого звали Крэйг Пейн. Я три раунда гонял Пейна по всему рингу, он почти не сопротивлялся. Поэтому, когда судья, держа большой кубок, прошел мимо меня на ринг, я был уверен в своей победе. Крейг и я стояли по обе стороны от рефери, а он держал наши руки, ожидая решения. Я уже начал поднимать другую руку в знак победы, когда заметил, что судья, державший кубок, подавал Крейгу знак: показывал большой палец вверх.

– И победителем в тяжелом весе стал… Крейг Пейн!

Я был ошеломлен. Публика разразилась недовольным гулом. Зайдите на видеохостинг YouTube и посмотрите этот бой: меня ограбили. После боя Эмануэль Стюард, знаменитый тренер из Детройта, который тренировал и Пейна, сказал мне, что он, безусловно, считает, что победа была за мной. Кас был рассержен таким решением, но он был рад отметить, что я справился с соревнованием такого типа. Он понимал, что фактически мы выиграли, но мне от этого не было легче. Еще долго после боя я плакал, как ребенок.

Но у меня не было времени кукситься. Я вернулся в спортзал, чтобы готовиться к следующим турнирам и чемпионатам. В августе 1983 года я получил золотую медаль на 19-м национальном чемпионате. В 1984 году я вновь выиграл этот чемпионат. В том же году я выиграл золотую медаль на национальном турнире «Золотые перчатки», нокаутировав Джонатана Литтлза в первом раунде. Я дрался с Литтлзом в 1982

году на юношеских Олимпийских играх, и он был единственным, кто смог продержаться до второго раунда. Пришло время готовиться к очередным Олимпийским играм.

Когда я готовился к Олимпиаде, в Катскилл приехал комментатор бокса Алекс Валлау, чтобы подготовить материал о Касе и обо мне. Как-то мы все сидели в гостиной и беседовали друг с другом. На Касе был скромный серый костюм и клетчатая спортивная рубашка. На мне были брюки, рубашка и белоснежная шапочка фирмы «Кангол».

Алекс спросил Каса о работе со мной, и Кас принялся исполнять увлекательный рэп, состоящий из потока сознания:

– Всю свою жизнь я мечтал подготовить боксера, который был бы идеален. И по моему мнению, этот человек вполне может достичь этой цели. Я распознал в нем качества будущего чемпиона, потому что он всегда был готов расти до следующего уровня и превосходить своих спарринг-партнеров. Я научил его движениям, как в каратэ, где тело должно вносить коррективы во время боя, даже если твой соперник и не создает к этому очевидных предпосылок. Он может нанести удар молниеносно, застав своих соперников врасплох. У него невероятная скорость, координация и интуитивное умение выбрать нужный момент, которое обычно приходит после десяти лет бокса, потому что в прежние времена боксом занимались каждый день.

Я не приступаю к тренировке, пока не выясню, что он готов воспринимать все мои указания. Я уделяю существенное внимание тому, чтобы понять, к какому типу людей он относится. Каждый из нас на данный момент представляет собой совокупность множества действий и поступков. Так, в случае с Майком в процессе наших бесед с ним я пытаюсь выяснить, сколько слоев прошлого опыта, неблагоприятного и пагубного, мне еще предстоит очистить с него, чтобы добраться до самой его сути, а затем обнажить ее, чтобы не только я, но и он смог бы ее увидеть. И с этого момента дело продвигается вперед более быстрыми темпами.

– Что же вы обнаружили после того, как очистили Майка Тайсона от наслоений? – спросил Алекс.

Кас поколебался прежде, чем ответить.

– Я обнаружил то, что и предполагал: это человек, в принципе, с открытым сердцем и чистыми помыслами, он способен сделать все необходимое, чтобы стать выдающимся боксером или чемпионом мира. Когда я понял это, моей следующей задачей было помочь ему осознать эти качества, потому что до тех пор, пока он не будет знать о них так же, как я, они ему ничем не смогут помочь. На мой взгляд, настоящего

профессионала характеризует умение быть дисциплинированным, способность делать то, что должно быть сделано вне зависимости от того, насколько тебе это нравится. Я считаю, что Майк быстро приближается к такому уровню, к такой планке, к такой высоте, которую он должен взять, чтобы стать величайшим боксером в мире. Все то, что нам известно о нем, за исключением непредвиденных инцидентов, позволяет вести речь о том, что, если это будет успешно продолжаться, если он будет настойчиво тренироваться и делать все необходимое, он может войти в историю как один из самых выдающихся, если не самым выдающимся боксером из всех, кого мы знали.

Я был безумно счастлив слышать то, что Кас сказал обо мне. Затем Алекс спросил Каса, не тяжело ли для человека его возраста работать с таким молодым боксером.

– Я часто разговариваю с ним, и я знаю, что он порой не в курсе того, что я имею в виду. Но сейчас я скажу ему, что я имею в виду, потому что, если бы его здесь не было, меня, очевидно, сейчас уже не было бы в живых. Тот факт, что он находится здесь и делает то, что он делает, и делает это хорошо, и с каждым днем все лучше, побуждает меня продолжать жить, придает моей жизни смысл, потому что я верю, что человек умирает, когда он больше не хочет жить. Природа умнее, чем мы думаем. Мало-помалу мы теряем своих друзей, о которых мы заботились, и мало-помалу мы теряем интерес к жизни, пока, наконец, мы не скажем: «Какого дьявола я делаю здесь? У меня нет причин идти дальше». Но с Майком у меня есть такая причина. Он придает смысл моей жизни, и я буду продолжать жить и наблюдать, как он добивается успеха. И я не уйду, пока этого не произойдет, потому что, если я уйду, он не только не научится драться, он не только не поймет многих вещей, но он не сможет даже позаботиться о самом себе.

Вот те на! Кас подобным образом вновь хотел, блин, оказать на меня давление. Как я понимаю, Кас считал, что я смогу разобраться в этом вопросе, но наряду с этим он также полагал, что я могу и не сделать этого.

Затем задали вопрос мне – о моих планах, о чем я мечтаю.

– Мечты бывают, когда ты в начале пути. Мечта нужна, чтобы пробудить у тебя заинтересованность, желание. Я хочу просто быть живым через десять лет. Говорят, что я собираюсь стать боксером за миллион долларов. Что ж, я знаю, кто я такой, и это имеет значение больше, чем все остальное, потому что люди не знают, через что приходится пройти. Они думают, что я таким родился. Они не знают, что потребовалось, чтобы стать таким.

– И через что же приходится пройти? – спросил Алекс.

– Тренировки. Бокс – это самая легкая часть. Когда ты поднимаешься на ринг драться, это отдых. Но когда ты занимаешься в тренажерном зале, ты должен отрабатывать некоторые вещи снова и снова, пока тебе это не осточертеет и ты не готов будешь закричать: «Я больше не желаю этого делать!» Но такие мысли приходится выбрасывать из головы. Пока ты любитель, это сплошное развлечение: награды, кубки, медали. Но я, как и вы, хочу зарабатывать деньги, когда дело дойдет до профессионального уровня. Мне нравятся необычные прически, мне нравится модная одежда, золото, изысканные драгоценности и все остальное. Чтобы вести такой образ жизни, тебе надо правильно зарабатывать деньги. Ты не можешь взять ствол и пойти в банк. Ты вполне можешь зарабатывать, занимаясь тем, что тебе нравится, и чувствуя себя комфортно.

Я был настроен весьма решительно и упорно работал. Я еще никогда так не нагружал себя, ежедневно я отрабатывал каждое движение до бесконечности. Я настойчиво готовился к предстоящей Олимпиаде.

Чиновники сборной США не позволили мне участвовать в соревнованиях в своей обычной весовой категории, потому что Кас враждовал с организаторами боксерских турниров на Олимпиаде. Ссоры начались, когда меня в составе американской сборной поставили на бой, который должен был состояться в Доминиканской Республике, но Кас меня не пустил, потому что Кевина не утвердили в качестве тренера. У меня должны были быть другие тренеры, предоставленные организаторами. Кас также опасался, что меня могут попытаться похитить революционеры.

Чтобы отомстить Касу, чиновники сказали ему, что я буду драться в весовой категории до 201 фунта[59]. Я весил около 215 фунтов[60], поэтому я сел на диету. Кроме того, я вновь натянул костюмы из винила и носил их весь день. Мне нравилось это: я чувствовал себя, как настоящий боксер, который должен потерять вес, чтобы выступить в нужной категории. Я был помешан на этом. Я думал, что приношу большую жертву.

У меня был напряженный график подготовки к отборочному туру Олимпийских игр. 12 августа 1983 года начался Национальный турнир штата Огайо, в котором я принял участие. В первый день я выиграл нокаутом за сорок две секунды. На второй день я выбил у своего соперника два передних зуба, он был без сознания минут десять. На третий день действующий чемпион турнира отказался от боя.

На следующий день мы поехали в Колорадо-Спрингс на Национальный чемпионат США. Когда я добрался туда, четверо

из шестерых боксеров отказались от участия в соревнованиях. Обе своих победы я одержал нокаутом в первом раунде.

10 июня 1984 года я, наконец, получил шанс попасть на Олимпиаду. Мой отборочный бой был с Генри Тиллменом, более старшим по возрасту и более опытным боксером. В первом раунде я отправил его в нокдаун, он через канаты вылетел с ринга. Он поднялся, и я преследовал его в течение следующих двух раундов. Но в любительском боксе агрессивность не приветствуется, и мой нокаут засчитали за легкий джеб в одно ласковое касание. Когда огласили решение, я не мог поверить, что победу отдали Тиллмену. Зрители тоже стали недовольно гудеть и свистеть.

Я ненавидел любительские бои. «Мы здесь – боксеры», – утверждают эти напыщенные ничтожества.

– Нет, это я – настоящий боксер и боец, сэр. Моя цель состоит в том, чтобы драться, – отвечаю им я.

Весь любительский бокс ненавидел меня. Им не нравились мои дерзкие замашки, которые я вынес из Браунсвилла. Да, я вел себя именно так, может быть, недостаточно прилично, но вы можете сравнить это с чванливой и самодовольной манерой Нью-Йорка. И если им не нравился я, значит, они ни во что не ставили Каса. А он мог так смело переходить все границы, что порой приводил меня в замешательство. Мне не было дано полностью понять его. Я наблюдал, как он наезжает на этих ребят, и всегда поражался тому, как он говорит с ними. Он был злопамятным и всегда был готов отомстить. Он не мог жить без врагов, поэтому он создавал их. Я иногда думал: *«Черт, почему мне не выпало встретиться с белым парнем, не склонным к конфронтации?»* Я-то думал, что избавился от шумного образа жизни, когда принято вопить во всю глотку. Но Кас постоянно напоминал мне о том, что это не так.

Месяц спустя, в отборочных поединках Олимпиады, у меня был шанс отомстить Тиллмену за свое поражение. Я снова утюжил его все три раунда, и на этот раз он смог показать даже меньше, чем в первом бою. Даже Говард Коселл, спортивный комментатор канала ABC, который полагал, что Тиллмен победил меня по очкам в первом бою, на сей раз признал, что у меня было гораздо больше шансов на присуждение победы.

Я был уверен, что выиграл, и когда судья снова поднял руку Тиллмена, я был ошеломлен. Я не мог поверить, что они, блин, два раза присудили ему победу. Весь зал вновь освистал судей. Кас был в ярости. Он начал ругаться и попытался ударить одного из олимпийских чиновников США. Кевин Руни и кто-то из должностных лиц вынуждены были удерживать его. Я в тот

момент был настолько занят своими собственными мыслями, что решил, будто поведение Каса связано исключительно со мной. Когда я стал старше, я понял, что эта история в действительности уходит своими корнями в прошлое около тридцати лет назад. Это были его страхи, его бесы, его духи-искусители, и они на самом деле имели мало общего со мной.

Такова история о Касе, которого обманули и лишили славы. Я до недавнего времени даже не знал, что Кас просил нашего друга Марка, который работал на ФБР, обратиться в окружную федеральную прокуратуру в Олбани, чтобы провести расследование в связи с присуждением побед Тиллмену.

После присуждения двух побед Тиллмену я вышел из себя. Когда мне вручили кубки за второе место, я швырнул их и разбил. В любом случае, Кас послал меня на Олимпиаду, я должен был находиться вместе с олимпийской сборной. Олимпийские игры проводились в этом же году в Лос-Анджелесе. Кас сказал, что я должен просто поехать туда и наслаждаться происходящим. Он принес мне два билета на каждый бой, но у меня и так было право на свободный проход, поэтому билеты я перепродал. Таким образом, Олимпиада не была для меня полным проигрышем. Кроме того, там еще была такая весьма симпатичная стажерка, которая работала в Олимпийском комитете США. Все боксеры и тренеры кадрили ее, но заполучил ее только я один. Она мне нравилась. После всех этих лет лишений было приятно наконец-то заняться сексом.

Но даже занятия любовью не притупили разочарования и боли от того, что у меня украли олимпийскую мечту. Когда Олимпиада закончилась, я прилетел обратно в Нью-Йорк, но в Катскилл вернулся не сразу. Я бродил по городу и был очень подавлен. Однажды после обеда я пошел на Сорок вторую улицу, чтобы посмотреть фильм про каратэ. Перед началом фильма я выкурил косячок.

Я получил кайф и вспомнил, как однажды Кас поймал меня с марихуаной. Это было сразу же после того, как я выиграл вторые юношеские Олимпийские игры. Один из боксеров, который завидовал мне, настучал на меня. Прежде чем я успел уничтожить доказательства, Кас послал Рут, немку-уборщицу, ко мне в комнату, и она обнаружила травку.

Когда я вернулся домой, Кас был в ярости.

– Это должна быть хорошая вещь, Майк. Я уверен, это должна быть очень хорошая вещь, потому что, выкуривая ее, ты возвращаешься назад на четыреста лет, к временам рабства и каторжного труда.

В тот день он морально раздавил меня. Он заставил меня

чувствовать себя, как ниггер дядя Том. Он ненавидел людей этого типа. И он знал, как заставить меня почувствовать бездну своего морального падения.

Так вот, я сидел в кино и вспоминал это, погружаясь в депрессию все глубже и глубже. Затем я начал плакать. Когда фильм закончился, я отправился прямиком на вокзал и вернулся в Катскилл. Весь обратный путь я напоминал себе, что я должен немедленно приступить к полноценной подготовке к профессиональным боям. Когда я стану профессионалом, мои выступления должны быть захватывающими. При подъезде к Катскиллу я начал говорить сам с собой:

– Они больше не захотят никого смотреть, кроме Тайсона. Он переступит границы. Он войдет в пантеон великих боксеров наряду с Джоном Л. Салливаном, Джо Луисом, Бенни Леонардом, Джо Гансом и остальными. Тайсон станет блистательным боксером.

Я рассказывал себе о себе самом в третьем лице.

Когда я сошел с поезда и взял такси до дома Каса, я накрутил себя до предела. Мир скоро увидит боксера, подобного которому он никогда прежде еще не видел. Я собирался переступить границы. Хотя это звучит высокомерно, но я вполне здраво представлял свои перспективы в качестве боксера. Я знал, что ничто не могло остановить меня и что я стану чемпионом, так же твердо, как то, что после четверга настанет пятница.

В течение следующих шести лет я не проиграл ни одного боя.

Глава 4

Нельзя утверждать, что после двух поражений от Тиллмана на меня слишком уж зарились в мире бокса. Кас предполагал, что я выиграю на Олимпиаде золотую медаль и начну свою профессиональную карьеру с выгодного контракта с телевидением. Но из этого ничего не получилось. Профессиональные промоутеры не были заинтересованы во мне. Никто в мире бокса по-настоящему не верил в созданный Касом стиль боксирования «пикабу». И многие полагали, что я был недостаточно высоким, чтобы успешно выступать в тяжелом весе.

Думаю, все эти разговоры доходили до Каса. Однажды вечером я выносил мусор, а Кас прибирался на кухне.

– Хотел бы я, чтобы у тебя было тело, как у Майка Уивера[61] или Кена Нортона[62], – сказал он неожиданно. – В этом случае ты выглядел бы очень устрашающе. Ты бы производил зловещее впечатление. У них нет темперамента, но зато есть телосложение, которое устрашает. Ты мог бы парализовать других боксеров одним своим видом.

У меня сдавило горло. И по сей день, когда я рассказываю эту историю, я начинаю задыхаться. Я обиделся и почувствовал себя задетым, но ничего не сказал Касу, потому что тогда бы он ответил: «О-о, ты плачешь? Ты что, маленький ребенок? Как ты собираешься проводить важные бои, если у тебя нет эмоциональной выдержки?»

Каждый раз, когда я проявлял свои эмоции, он презирал это, поэтому я сдержал слезы.

– Не волнуйся, Кас, – я придал своему голосу высокомерный тон. – Ты увидишь: придет день, и весь мир будет бояться меня. От одного только упоминания моего имени кровь будет стыть у них в жилах.

В этот день я превратился в «Железного Майка», я на все сто процентов стал этим парнем. Хотя до этого я и выигрывал почти каждый бой эффектным образом, эмоционально я еще не полностью превращался в зверя, как того хотел от меня Кас. После разговора о том, что я слишком низкорослый, я стал этим зверем. Я даже начал фантазировать на тему о том, что, если бы я на самом деле убил кого-нибудь на ринге, это, безусловно, смогло бы всех устрашить. Раз уж Кас желал создать общественно опасного чемпиона, я решил позаимствовать манеру поведения у плохих парней из фильмов, у таких ребят, как Джек Пэланс[63] и Ричард Уидмарк[64]. Я ушел с головой в роль высокомерного социопата, человека, склонного к антиобщественным поступкам.

Но прежде всего я получил «Кадиллак». Кас не мог позволить себе оплачивать мои расходы, пока выстраивалась моя карьера, поэтому он организовал все так, что деньги выкладывали его приятель Джимми Джекобс и его партнер Билл Кейтон. Джимми был удивительный парень. Он был Бейбом Рутом[65] в гандболе, и, пока он путешествовал по всему миру, выступая в соревнованиях, он начал коллекционировать редкие фильмы о боксе. В конце концов он встретил Билла Кейтона, который сам был коллекционером, и они организовали компанию «Биг Файтс» («Большие Бои»). Они монополизировали боксерский кинорынок, и Кейтон позже сделал состояние на продаже киноматериалов про бокс американскому кабельному спортивному телевизионному каналу «ESPN». Когда Кас был еще в Нью-Йорке, он лет десять жил вместе с Джимми, поэтому они были близкими друзьями. Что интересно, Кас разработал секретный план подготовки Джимми как боксера, чтобы он мог провести свой первый поединок, неважно, в качестве любителя или профессионала, с Арчи Муром[66] за звание чемпиона в легком весе. Джекобс интенсивно тренировался с Касом шесть месяцев, но бой так и не состоялся, потому что Арчи отказался от участия.

Однако Касу никогда не нравился Кейтон, партнер Джимми. Кас полагал, что тот был слишком влюблен в свои деньги. Мне он тоже не нравился. Если Джимми был яркой личностью, то Кейтон представлял собой надутого бесчувственного сухаря. Джимми и Кейтон много лет занимались боксерским менеджментом, они работали с Уилфредом Бенитесом и Эдвином Росарио[67], поэтому, несмотря на свою нелюбовь к Кейтону, когда я стал профессионалом, Кас обещал им участие в организации моих дел.

Думаю, Кас рассматривал Джимми и Билла в качестве инвесторов, которые не вмешивались бы в мой профессиональный рост и позволили бы Касу полностью контролировать мое воспитание. К настоящему моменту они инвестировали в меня более 200 000 долларов. Когда я вернулся с Олимпийских игр, Джимми сказал Касу, что он хотел бы купить мне новую машину. Как я подозреваю, они были обеспокоены тем, что я могу бросить Каса и начать работать с кем-то другим, исключив их из своих планов. Безусловно, я бы этого никогда не сделал.

Кас рассердился, поскольку полагал, что я этого не заслужил. Ему не нравилось, что не вернулся домой с золотой медалью. Тем не менее, он отвел меня в местный автосалон. Вначале Кас пытался отправить меня в дилерский центр «Олдсмобиль Катласс», потому что эти автомашины стоили не так много.

– Не-е, Кас, я хочу «Кадиллак», – сказал я.

– Майк, а я тебе говорю…

– Если это не «Кадиллак», то тогда ничего другого, – стоял я на своем.

Я получил машину, мы вернулись на ней домой и поставили ее в гараж. У меня не было водительских прав и я не умел водить, но, когда Кас, рассердившись, вспылил, я схватил ключи от своей машины, прибежал в гараж, сел в машину, заперся и включил музыку.

В сентябре 1984 года я подписал два контракта: один с Биллом Кейтоном, другой – с Джимми Джекобсом. Кейтон был владельцем рекламного агентства, и он подписал со мной личный контракт на семь лет, по которому он становился моим агентом при рекламных съемках. Вместо обычных 10 или 15 процентов он брал $33^1/_3$ процента. Мне были неизвестны все эти детали, я просто поставил свою подпись. Несколько недель спустя я подписал контракт с Джимми, и он стал моим менеджером. Стандартный четырехлетний контракт, две трети – мне, а одна треть – для Джимми. Затем они договорились делить доход от контрактов друг с другом. Кас также поставил свою подпись под моим контрактом. Под его подписью было обозначено: «Кас Д'Амато, советник Майкла Тайсона, принимающий окончательное решение по всем вопросам, связанным с Майком Тайсоном». Теперь у меня была официальная управленческая команда. Я знал, что Кейтон и Джимми были весьма искушенными парнями в общении с прессой и умели из дерьма сделать конфетку. А уж с Касом, который должен был принимать все решения в сфере бокса и тщательно подбирать мне соперников, я тем более был готов начать свою профессиональную карьеру.

Где-то через неделю после начала тренировок я исчез на четыре дня. Меня выследил Том Патти: я сидел в своем «Кадиллаке».

– Майк, ты где был? – поинтересовался Томми.

– Мне не нужно все это дерьмо, – выдохнул я. – Отец моей подруги Энджи работает менеджером в универмаге «Ньюберри». Он может устроить меня на работу, и я буду зарабатывать сто тысяч долларов. Я получил этот «Кадиллак», и я собираюсь сбежать, – ответил я.

На самом деле я просто нервничал, поскольку теперь мне предстояло выступать уже в качестве профессионала.

– Майк, ты не будешь зарабатывать сто кусков в год только потому, что встречаешься с его дочерью, – пытался образумить меня Томми.

– Я способен на многое, – сказал я.

– Чувак, у тебя не такой большой выбор. Вернуться в спортзал, выиграть бой и двигаться дальше.

На следующий день я вернулся в спортзал. Справившись со своими нервами, я был горд тем, что собирался стать профессиональным боксером в восемнадцать лет. В моем углу у меня была отличная команда. Кроме Кевина Руни, в ней был также Мэтт Баранski. Мэтт был замечательным человеком, который делал упор на системный подход, методику и тактику. Кевин просто орал «А-а-а!» прямо тебе в лицо.

Мы обсудили, каким у меня будет прозвище. Джимми и Билл считали, что в этом нет необходимости, однако Кас хотел назвать меня «Ужасным Тэном»[68] как дань уважения Джо Луису, «Коричневому бомбардировщику». Я подумал, что это было бы круто, но мы так и не воспользовались этой идеей.

Я воздал должное и другим своим героям. Мне на голову водрузили миску, прошлись вокруг электробритвой – и у меня получилась стрижка в духе Джека Демпси. Я решил также принять спартанский вид, который был у всех моих кумиров: ни носков, ни халата. Я хотел продемонстрировать, что возвращаюсь к истокам бокса.

Мой первый профессиональный бой состоялся 6 марта 1985 года в Олбани. Моим соперником был парень по имени Эктор Мерседес. Мы ничего не знали о нем, поэтому утром в день боя Кас повисел на телефоне, переговорив с некоторыми тренерами и владельцами спортзалов в Пуэрто-Рико, чтобы убедиться в том, что Мерседес не «темная лошадка». В ночь перед боем я нервничал. При этом я знал, что смогу побить парня, как только увижу его на ринге. Я понимал также, что Кас, чтобы вдохнуть в меня уверенность, на первые бои будет подбирать мне более слабых противников.

Я оказался прав. Они прекратили бой в первом раунде, когда я мутузил брякнувшегося на колени Эктора в углу ринга. Я был воодушевлен, но в раздевалке Кас указал мне на все мои недостатки.

– Ты должен выше держать свои руки. Твои руки болтались, – подчеркнул он.

Мои следующие два боя также были в Олбани, который стал моим родным городом. Через месяц после победы над Мерседесом я дрался с Трентом Синглетоном. Выйдя на ринг, я поклонился всем четырем сторонам зала, затем поднял руки, приветствуя зрителей, как гладиатор. Я трижды отправил соперника в нокдаун, не потратив на это много времени. Рефери остановил бой. Не спеша вернувшись в свой угол, я поцеловал секунданта и потрепал его по голове.

Через месяц я должен был опять драться, а между боями я бегал, тренировался, боксировал и вообще делал все, что хотел от

меня Кас: бокс, бокс и снова бокс, спарринг, спарринг и снова спарринг.

23 мая я дрался с Доном Хелпином, который был гораздо более опытным соперником. Он продержался три раунда, поскольку мне пришлось приспосабливаться к левше, меняя традиционную стойку, экспериментируя и приобретая необходимый опыт. В четвертом раунде я чисто попал в него с левой и затем с правой, и он уже падал, когда я еще раз достал его правым хуком. Он валялся на канвасе довольно много времени, прежде чем его, наконец, подняли. Кас, конечно, полагал, что я недостаточно работал по корпусу и перемещался фронтально. Джекобс и Кейтон, однако, были в восторге от того, как я смотрелся.

После этих боев я обратил на себя внимание. Появились некоторые характерные надписи и плакаты. Например, на играх в бейсбол был плакат: «Гуден – это доктор Нок, а Майк Тайсон – это доктор Нок-аут». У меня появились поклонницы, но я не воспользовался своими успехами в этих целях. Я слишком любил себя, чтобы думать о ком-нибудь другом. Кас вообще-то считал, что мне стоило слегка проветриться. Он полагал, что мне следовало больше выходить из дома. Поэтому я съездил в Олбани и пообщался там с некоторыми из своих приятелей.

Мои первые бои практически не принесли мне никаких денег. Мой первый бой вообще явился потерей денег для промоутера, но Джимми дал мне 500 долларов. Затем он взял из них 50 долларов, чтобы отдать Кевину, и еще 350 долларов – чтобы положить мне в банк, так что в результате я получил на руки 100 долларов. Они были больше озабочены рекламированием моего имени, чем зарабатыванием денег на первых боях. Джимми и Кейтон были первыми боксерскими менеджерами, которые сделали нарезки со всеми моими нокаутами и отправили кассеты с видеозаписью каждому писателю в стране, освещавшему события в мире бокса. Это был очень инновационный подход.

Я выступал просто сенсационно, но Кас, казалось, брюзжал все больше и больше. Иногда я начинал думать, что Кас принимает меня за дядю Тома. Я старался быть вежливым с теми, с кем я встречался, я говорил им: «Да, мэм» и «Нет, сэр», и Каса это раздражало.

– Почему ты так разговариваешь с ними? Ты думаешь, они лучше тебя? Все эти люди пустышки и жулики, – ворчал он.

И когда я вел себя, как бог, которым, как он сам уверял меня, я был, он смотрел на меня с отвращением:

– Ты похож на тех, кто продвигает тебя, не так ли? Такие ребята, как Кейтон и ему подобные, прожужжали тебе все уши

насчет того, как ты велик.

Думаю, ему было просто необходимо на ком-то сорваться. Мой день зависел от того, с какой ноги Кас вставал утром. К этому времени я уже получил водительские права и отвозил его на различные совещания и конференции.

20 июня, незадолго до моего девятнадцатилетия, я дрался с Рикки Спейном в Атлантик-Сити. Это был мой первый профессиональный бой за пределами Олбани, и Кас послал меня посмотреть крупные бои по всей стране, чтобы я привык и к другим залам.

– А этот зал преврати в свой дом, который ты должен знать с закрытыми глазами, – учил он меня. – Жить тебе здесь предстоит еще долго, так что осваивайся.

Он также брал меня с собой, когда общался с крупными боксерами. Он сажал меня рядом с ними за обеденным столом и знакомил меня с ними, чтобы я не смущался при встрече с каким-нибудь боксером.

Я был очень рад драться в Атлантик-Сити, а также тому, что бой должен был транслироваться по каналу «ESPN». До сих пор моего соперника также никто еще не побеждал, его показатель был 7–0, из них пять побед нокаутом. Меня представили как «Ребенка-драчуна». Не знаю уж, как насчет «ребенка», но я дважды уложил Спейна на канвас в первом раунде, и рефери остановил бой.

Джимми и Кейтон пытались договориться о постоянном времени для меня на канале «ESPN», но Боб Арум, который отвечал за боксерские поединки, сказал им, что его антрепренеры отнюдь не впечатлены моими способностями. Это по-настоящему взбесило Каса. Кас возненавидел антрепренеров Арума, и после моего следующего боя мы с Арумом больше никогда не работали.

Но все эти политические дела меня не интересовали. Я не мог дождаться своего следующего боя. Он вновь состоялся в Атлантик-Сити 11 июля. Я дрался с Джоном Олдерсоном, здоровенным деревенским парнем из Западной Вирджинии, чей показатель был 4–0. Этот бой транслировался по «ESPN». Я несколько раз сбивал соперника с ног во втором раунде, и врач остановил поединок после того, как тот вернулся в свой угол.

После следующего боя с Ларри Симсом мой показатель стал 6–0, но я по-настоящему взбесил Каса тем, как я сделал это. Симс был, действительно, хорошим бойцом, умным, хитрым, из числа думающих боксеров, с ним было трудно вести бой. Поэтому в третьем раунде я встал в левостороннюю стойку и нокаутировал его потрясающим ударом. Позже в раздевалке Кас набросился на меня.

– Кто научил тебя левосторонней стойке, этому дерьму? Теперь будет нелегко договариваться о боях для тебя, – возмущался он. – С левшами не любят драться. Ты погубишь все, что я сделал.

Кас ненавидел левшей.

– Кас, прости!

Такой облом, с… ка! Получается так, что я извинялся за эффектный нокаут.

Через месяц я вернулся на ринг и в первом же раунде расправился с Лоренцо Кенеди, а три недели спустя встретился с Майклом Джонсоном в Атлантик-Сити. Когда мы стояли, выслушивая инструктаж рефери, Джонсон выглядел таким высокомерным, словно он испытывал ко мне отвращение. Через несколько секунд он уже лежал на канвасе после левого хука по почкам, а когда он поднялся, я выбросил потрясающий правый с такой силой, что два его передних зуба засели в капе. Я знал, что он еще долго не придет в себя. Кевин выскочил на ринг, мы смеялись и делали «дай пять», как малые дети. Я не смог сдержаться: «Ха, Кевин, посмотри-ка на этого мертвого ниггера!»

Теперь у меня был показатель 8–0, все восемь побед нокаутами, и Джимми с Касом задействовали все свои связи с прессой, чтобы обеспечить мне признание. Я поехал в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на обеде с Джимми и его друзьями-журналистами. Мы обхаживали прессу как могли. Меня стали упоминать в светской хронике, потому что я начал появляться в таких популярных местах Нью-Йорка, как ресторан «Колумб» в районе Верхний Вест-Сайд. Я сблизился с замечательным фотографом Брайаном Хэмиллом. Он и его брат Пит, который был всемирно известным писателем, начали знакомить меня со знаменитостями. Пит приводил меня в бар, и мы сидели там с Поли Германом, одним из хозяев. В то время Поли был весьма известен в Нью-Йорке. Мне казалось, что он был больше знаменит, чем сами эти знаменитости. Каждый хотел быть рядом с Поли, сидеть с ним за одним столом, просить его о каких-либо услугах. Я подозревал, что он был мафиозным боссом или кем-то в этом роде.

Ты никогда не знаешь, с кем можешь встретиться в «Колумбе». Иногда Пит оставлял меня там с Поли. Я познакомился с Дэвидом Боуи, Михаилом Барышниковым, малышкой Дрю Берримор, они сидели с нами за одним столом. *«Вот это круто!* – думал я про себя. – *Надо сохранять хладнокровие»*. Далее были Роберт Де Ниро и Джо Пеши, которые вошли и сели за столик. Мы сидели и разговаривали, затем Поли говорит: «Эй, Майк, мы все должны кое-куда пойти». И бум, минут

через пять я сидел, отдыхая, в доме у Лайзы Миннелли вместе с Раулем Хулиа.

В конце концов я перезнакомился со всеми светскими тусовщиками Нью-Йорка. Общаясь с ними, я понял, что еще раньше для меня что-то отмерло. Это было чем-то таким мощным, как в музыке Элтона Джона, Стиви Уандера, Фредди Меркьюри. Ты понимал, что все они небожительствовали где-то в особом месте, которого больше не было нигде.

Но даже встречаясь со всеми этими суперзвездами, я не мог полностью осознать своего собственного понимания успеха. Это произошло, когда я встретил борца Бруно Саммартино[69]. По мере взросления я все больше увлекался борьбой. Я любил Саммартино, Гориллу Муссона, Билли Грэма. Однажды вечером я пошел на вечеринку, где я познакомился с Томом Крузом, который только начинал свою карьеру. Там же я увидел и Бруно Саммартино. Я испытал благоговение перед знаменитостью. Я стоял, молча уставившись на него. Кто-то познакомил нас. Он понятия не имел, кто я, но я стал вспоминать все великие поединки, которые я видел с его участием, с «Убийцей» Ковальски, Николаем Волковым, Джорджем Стилом по кличке «Животное»[70]. И в моем больном, воспаленном в результате мании величия воображении возникла мысль: *«Ведь это знак моего величия. Мой герой здесь, со мной. Я стану таким же великим, как и он, и выиграю чемпионат»*.

Кас не прыгал от восторга в связи с тем, что я все больше времени проводил в Манхэттене. Когда я шел в город, я натыкался на бездельника Стива Лотта, который был правой рукой Джимми Джекобса. Стив был образцовым искателем острых ощущений, и он брал меня в клуб «Наутилус» и другие злачные места, где водились красивые девушки. В то время я был нацелен на то, чтобы завоевать чемпионский пояс, поэтому не особенно дурачился с девушками. Я старался быть хорошим парнем, который не заходит слишком далеко. Моей слабостью стала еда. Стив отлично готовил, и когда я завершал экскурсии по ночным клубам и возвращался, Стив разогревал остатки китайских блюд для ночного перекуса. Когда я через несколько дней вернулся в Катскилл, Кас был очень зол.

– Взгляни на свою задницу. Она стала еще жирнее, – качал он головой.

Следующий бой был моим первым настоящим испытанием. 9 октября я встречался с Донни Лонгом в Атлантик-Сити. Лонг котировался наравне с Джеймсом Броадом, очень сильным тяжеловесом, и Джоном Тейтом, экс-чемпионом в тяжелом весе по версии WBA[71]. Я знал, что быстрая расправа над ним покажет

меня в мире бокса в весьма выгодном свете. Лонг накануне боя был совершенно уверен в себе и заявлял Алу Бернштейну, комментатору бокса из «ESPN», что он может вырубить меня. Лонга называли «Мастером катастрофы», но этот вечер обернулся катастрофой для него самого, как только прозвучал гонг о начале боя. Я преследовал его стремительно и яростно и в первые же секунды сбил его с ног ударом левой от плеча. Чуть позже апперкот с правой снова опрокинул его, и покончил я с ним комбинацией апперкот правой – хук левой. Чтобы выиграть, мне потребовалось менее полутора минут.

После боя Ал Бернштейн взял у меня интервью.

– Еще сегодня я считал, что Донни Лонг станет для вас довольно серьезным соперником. Однако он им не оказался, – начал Ал.

– Как я и интересовался у вас еще сегодня: если я нокаутирую его в первом или во втором раунде, будете ли вы по-прежнему считать его таким?

– Я думал, что он должен был бы быть, но теперь я подозреваю, что нет, – признался Ал.

– О-о, *теперь* уже нет,… – рассмеялся я.

– Нет, он был серьезным боксером, я просто хотел сказать, что для вас он не оказался серьезным, по-видимому, потому, что вы побили его.

– Я знал с самого начала, но никто больше не знал, что блефа не будет, все будет по-настоящему. Много людей пришли посмотреть бой, Джесси Фергюссон пришел, и Фрейзеры тоже. Приходите все – и вы получите то, что желаете, потому что Майк Тайсон выходит на ринг для вас, он ждет вас, приходите все – и получите, что желаете, без обмана.

Я был тогда слишком сосредоточен на своем, я не жил в реальном мире. Я давал интервью для спортивного еженедельника *«Спортс Иллюстрейтед»* и сказал: «Больше всего меня беспокоит то, что вокруг полно людей, которые веселятся. Вечеринки там и всякое такое. Это размягчает. Тот, кого интересуют только развлечения, ничего не добьется». Я считал, что я был сильнее тех, кто устраивал вечеринки и, таким образом, был слабее. Я желал быть среди мировых знаменитостей в «Колумбе», и одновременно я боролся с искушением стать соучастником веселья.

У меня по-прежнему не было секса. Последний раз я занимался любовью на Олимпиаде с той самой стажеркой. Не то чтобы я совсем не хотел секса, но я был слишком несмел с женщинами. Я не знал, как добиться их. «Эй, привет, не хочешь ли перепихнуться?» Я не представлял, как сказать такое. В то

время я должен был драться «на разогреве» в спорткомплексе Мэдисон сквер гарден. Моя репутация сыграла свою роль, и мой соперник не пришел на бой. Поэтому я ушел из комплекса и направился в бордель на Сорок второй улице. Я знал про это местечко, так как еще в молодые годы ошивался на Таймс-сквер.

Я вошел в заведение и сел на один из стульев в приемной. Там был большой экран, на котором демонстрировались порнофильмы. Подходили девушки, присаживались рядышком и спрашивали: «Не хочешь встретиться?» Если ты отказывался от одной, ее сменяла другая. Я был там самым молодым, и они находили меня симпатичным. Я выбрал красивую кубинку, и мы прошли в заднюю комнату.

Фрейд бы славно повеселился, оказавшись в той обстановке. Я изготовился к тому, чтобы набраться агрессивности и побить своего соперника на ринге, но бой отменили, а я пошел потрахаться. Я был, действительно, чрезвычайно возбужден. Во время совокупления у нее выскочил позвонок, и она закричала: «Эй, стой! У меня что-то со спиной!» Я еще не закончил, поэтому попросил вернуть деньги. Она сменила тему и стала расспрашивать меня о моей футболке с Эдвином Росарио. Ей было слишком больно продолжать, поэтому она предложила: «Давай поговорим». Мы немного поговорили, а затем я ушел, надев футболку с Эдвином Росарио.

После этого Кас начал форсировать мои дела. Спустя шестнадцать дней после боя с Лонгом я встретился с Робертом Колеем. Я выбросил два левых хука, один из которых не достиг цели, а второй нокаутировал его. Это было на 37-й секунде. Через неделю я дрался со Стерлингом Бенджамином в Лэтэме, на севере штата Нью-Йорк. Я отправил его в нокдаун коротким левым хуком, а после счета «восемь» снова набросился на него, нанося мощные удары по корпусу и апперкоты. Он распластался на канвасе. Рефери остановил бой. Публика пришла в неистовство, а я обернулся к залу, просунул перчатки сквозь канаты ладонями вверх и отсалютовал ими в гладиаторском стиле.

Однако, на мой взгляд, у меня были более важные вещи, чем 11-я победа на профессиональном ринге. Кас был очень болен. Он заболел, как только я переехал в его и Камиллы дом; он постоянно кашлял. Я знал, что, когда он не сопровождал меня в моих поездках на поединки, это означало, что ему становилось хуже. Он находился дома во время моих боев с Лонгом и Колеем, однако поехал в Лэтэм посмотреть мой бой с Бенджамином. В нем было слишком много старого упрямого итальянца, чтобы пропустить драку в собственном дворе. Он не верил в докторов, был одним из первых сторонников витаминов и того, что мы

сейчас называем «альтернативной медициной», а также диетотерапии.

Я знал, что Кас был болен, но внушал себе, что он с этим справится, чтобы увидеть меня чемпионом, поскольку мы всегда говорили об этом. Он собирался быть рядом, чтобы увидеть мой успех. В разговоре, когда мы оставались одни, у него, правда, порой проскакивало: «Я могу и не оказаться рядом, поэтому ты должен сейчас слушать меня». Я думал, он говорил так, просто чтобы попугать меня, чтобы убедиться, что я делаю все правильно. Кас всегда говорил вещи, которые меня настораживали.

Его поместили в клиническую больницу в Олбани, но Джимми Джекобс организовал его перевод в медицинский центр «Маунт-Синай» в городе. Я пошел навестить его со Стивом Лоттом. Кас сидел в постели и ел мороженое. Мы поговорили несколько минут, затем Кас попросил Стива оставить нас одних, чтобы он мог поговорить со мной наедине.

Вот тогда он и сказал мне, что умирает от пневмонии. Я не мог поверить в это. Он не выглядел совсем уж плохо. Он был похож на пациента, подготовленного к выписке. Он был полон энергии и жизнелюбия. Он сидел и ел мороженое, он был совершенно спокоен. Я был шокирован.

– Я не хочу, блин, заниматься всем этим без вас, – сказал я, едва сдерживая слезы. – Я не собираюсь делать это.

– Ну, если ты не будешь драться, тогда ты поймешь, что люди могут возвращаться из могилы, потому что я в таком случае буду преследовать тебя всю оставшуюся жизнь.

Я сказал ему: «Ладно».

Затем он взял меня за руку и произнес:

– Мир должен увидеть тебя, Майк. Ты будешь чемпионом мира, величайшим из всех.

Затем Кас заплакал. Это был первый раз, когда я видел его плачущим. Вначале я подумал было, что он плачет из-за того, что не сможет увидеть, как я стану чемпионом мира, после всего, через что мы прошли. Но вскоре я понял, что он плакал из-за Камиллы. Я совсем забыл, что был еще человек, который значил для него больше, чем я. Кас сказал мне, что очень сожалеет, что не женился на Камилле, безуспешно решая свои налоговые проблемы и не желая перекладывать их на нее.

– Майк, окажи мне одну услугу, – попросил он. – Обещай, что позаботишься о Камилле.

Я вышел из палаты в шоке. Я остановился на квартире у Стива, Джимми жил в том же доме. Позже в тот же день Джимми пришел, чтобы взять меня с собой в банк разместить чек на

120 000 долларов за мои последние бои. Мое имя теперь было в газетах, я красовался на обложке журнала *«Спортс Иллюстрейтед»*, незнакомые мне люди останавливали меня на улице и желали мне успеха. Я стал самоуверенным, развязным, хорошо выглядел. Я знал всех девушек в банке и, как правило, заигрывал с ними, а они флиртовали в ответ.

Однако на сей раз перед тем, как мы зашли в банк, Джимми вдруг остановился.

– Кас не переживет эту ночь, Майк. Врачи сказали, что жить ему осталось несколько часов.

Я начал плакать, словно всему пришел конец. Это случилось. Мой мир обрушился. Все девушки в банке уставились на меня.

– Какие-нибудь проблемы? – подошел к нам менеджер.

– Мы только что узнали, что наш друг умирает, и Майк тяжело переживает это, – сказал Джимми.

Он был спокоен и собран. Вот так, бум, никаких эмоций, именно так, как учил его Кас. Между тем я продолжал плакать, как солдат, потерявший в бою своего полководца. Я находился в таком замешательстве, что у меня и в мыслях не было вернуться в банк.

Похороны Каса были проведены на севере штата. Я нес гроб с его телом. Пришли все из мира бокса. Было очень тяжело. Я думал лишь о том, что ради него я должен добиться успеха. Что я должен сделать все, чтобы завоевать чемпионский титул и выполнить завет Каса. Мне было жаль самого себя. Я думал, что без Каса моя жизнь так и оставалась бы полной дерьма. Камилла была очень сосредоточенной, но когда мы вернулись домой, мы плакали вместе.

Вскоре после похорон Джим Джекобс организовал в бывшем спортзале Каса «Грамерси джим» панихиду по Касу. На ней были все знаменитости. Норман Мейлер[72] в своем слове сказал, что влияние Каса на бокс было так же велико, как влияние Хемингуэя на молодых американских писателей. В свою очередь, Гэй Тализ[73] отметил, для всех нас было честью знать Каса.

– Он так многому научил меня, и не только боксу, который, как ремесло, можно освоить, но и жизни, которая усваивается не так легко, тому, как следует жить, – сказал Пит Хэмилл[74].

Джим Джекобс в своем слове отметил и другие качества Каса:

– Кас Д'Амато яростно выступал против невежества и коррупции в боксе. Он был непреклонен к своим врагам, но в отношении своих друзей он был понимающим, тонко чувствующим, невероятно терпеливым человеком.

После смерти Каса я выключил все свои чувства и эмоции. Я поступил именно так. Я пытался доказать сам себе, что я уже

мужчина, а не мальчик. Через неделю после похорон Каса я прилетел в Техас, чтобы драться с Эдди Ричардсоном. Джимми и Кейтон не позволили мне носить траур. Я брал с собой фото Каса и разговаривал с ним каждый вечер.

– Кас, я собираюсь завтра драться с Ричардсоном. Как вы думаете, что я должен делать? – спросил я на сей раз.

Хотя внешне я продолжал делать все, что было необходимо, мой дух упал, я утратил веру в себя. Я был не в силах сделать что-нибудь по-настоящему важное. Думаю, что я уже никогда не смогу оправиться после смерти Каса. Я был также сердит на него, когда он умер. Мне было очень горько и тяжело. Если бы он обратился к врачу раньше, он мог бы быть жив и по-прежнему защищать меня. Но он пожелал упрямиться, он не лечился, поэтому умер и оставил меня одного на растерзание этим акулам в мире бокса. После того как Кас умер, я больше не заботился ни о чем. Я принимал участие в боях, на самом деле, только ради денег. У меня больше не было мечты. Было бы хорошо, конечно, выиграть титул, но, по существу, я хотел просто пить вино, веселиться, участвовать в вечеринках, и чтобы все от меня отъе… лись.

Но сначала я вздрючил Ричардсона. Первый же мой удар правой отправил его в нокдаун. Еще где-то минуту он держался, но затем я в прыжке достал его левой, и, поскольку он был высокого роста, он оказался на канвасе уже на другой стороне ринга.

Следующим был Конрой Нельсон, который несколько лет назад проиграл Тревору Бербику титул Чемпиона Канады. Он по-прежнему считался боксером № 2 в тяжелом весе в Канаде и был крепким, опытным парнем с телом красавца Адониса. Все комментаторы полагали, что это как раз тот боец, который, наконец, сможет испытать меня. В первом раунде я работал по корпусу. Два или три раза он после этих ударов чуть не падал. Начался второй раунд, и бац, бац, бац! – по корпусу, затем правым в голову я сломал ему нос, а левым хуком в подбородок отправил его на канвас. Когда рефери остановил бой, я промаршировал вокруг ринга, раскинув руки, под восторженные крики моих поклонников из моего родного города.

Следующий бой состоялся 6 декабря в спорткомплексе Мэдисон сквер гарден. Пришли все мои друзья из Браунсвилла. Но я поймал кураж и не мог в тот момент думать о гулянках по Нью-Йорку и развлечениях. Я никак не мог дождаться, когда же я, наконец, пройду через все эти бои, чтобы получить свой приз – титул чемпиона для Каса. Моим соперником в тот вечер был Сэмми Скафф. Интервью после боя продолжалось дольше, чем

сам бой. Скафф был неуклюжим мальчиком для битья из Кентукки весом 250 фунтов[75], и я достал его двумя феноменальными левыми хуками в голову, которые превратили его лицо в кровавую маску и существенно передвинули его нос.

После боя Джон Кондон, руководитель новостной группы по боксу кабельного телевидения MSG, который был приглашенным комментатором поединка, поинтересовался у меня, что представляет собой типичный день в жизни Майка Тайсона.

– Майк Тайсон – это просто трудолюбивый боксер, который как частное лицо ведет скучную жизнь. Тот, кто говорит: «Хотел бы я быть на твоем месте», – сотни людей, которые так говорят, не знают и десятой доли истинного положения дел. Если бы они были на моем месте, они бы рыдали, как дети. Они бы не смогли справиться с этим.

Мы вернулись в Лэтэм для следующего боя. Это было главное событие, и зал был заполнен моими поклонниками. Моим соперником был Марк Янг, крепкий на вид парень. Когда мы вышли в центр ринга для инструктажа, я мог почувствовать его энергию. Ты можешь во время инструктажа вести дуэль взглядов, пытаясь привести соперника в замешательство, это ровным счетом ничего не значит, это просто показуха. Важнее то, что ты чувствуешь энергию его духа, ты чувствуешь, как она истекает из самого его нутра, и ты возвращаешься в свой угол, думая: «Черт побери!» – или же: «Этот парень просто слабак». В тот вечер я подумал: «Черт побери, он рвется в драку!» Кевин тоже почувствовал это и посоветовал:

– Работай с ним жестким джебом и качай маятник[76]. Не забывай качать маятник, он рвется в драку.

Прозвучал гонг, и он бросился на меня. Но он бил наугад, а я стал выбрасывать жесткие джебы и качать маятник. Где-то через минуту он наугад выбросил правый. Я подвигался, не отпуская его далеко, и провел коварный сильный апперкот правой. Бац! Его подбросило, и он опрокинулся вниз лицом. Рэй Манчини, приглашенный комментатор на телевидении, очень хорошо отозвался о моем мастерстве, отметив наряду с этим, что настало время моей управленческой команде подыскать мне подходящего соперника.

Но Джимми строго придерживался своего плана. Две недели спустя я был в Олбани для поединка с Дэйвом Джако. У него был вполне приличный показатель – 19 – 5, четырнадцать побед нокаутом, в том числе победа техническим нокаутом над «Бритвой» Раддоком. Это был высокий тощий белый парень. Он не производил сильного впечатления, но драться с ним на самом деле было тяжело. Я сбивал его с ног – а он поднимался. Бой

остановили в первом раунде после третьего нокдауна.

В тот вечер я праздновал с приятелями свою победу. На следующее утро около восьми часов я постучал в дверь Камиллы. Она открыла, я вошел и молча сел.

– Как ты? – спросила Камилла.

– У меня все хорошо, но мне нужен тот, кого нет, – ответил я, и по моим щекам покатились слезы. – Нет Каса. Все говорят мне, что я все делаю хорошо, все делаю правильно, но никто не говорит мне, если я делаю что-то не так. Неважно, насколько хорошо я сделал это, Кас наверняка увидел бы, что я сделал неправильно.

Более подробно на этой же неделе я изложил свои чувства в интервью журналу *«Спортс Иллюстрейтед»*:

– Я страшно скучаю по Касу. Он был моей основой. Все, над чем мы с ним работали, начинает складываться, и складывается очень хорошо. Но когда подводишь итоги, невольно думаешь: «Для чего все это? Кому это надо?» Мне нравится делать свою работу, но я не испытываю радости от своих побед. На ринге я выкладываюсь, стараюсь изо всех сил, но когда бой завершается, нет ни Каса, который бы сказал мне, как я на самом деле дрался, ни матери, которая посмотрела бы мои вырезки.

Затем я вновь отложил свои чувства в сторону и занялся делом. 24 января 1986 года я дрался с Майком Джеймсоном. Это был крупный ирландец, который выиграл по очкам у «Текса» Кобба и Майкла Доукса. Мне понадобилось пять раундов, чтобы поставить точку, потому что это был опытный ветеран и он знал, как нужно сдерживать меня. В результате бой получился тусклым.

Мой следующий соперник поднял эту тактику на новый уровень. 16 февраля я встречался с Джесси Фергюссоном в Тройе, штат Нью-Йорк. Бой транслировался по каналу «ABC», и это было мое первое появление на национальном телевидении. Фергюсон стал чемпионом «ESPN», когда пятью месяцами ранее побил «Бастера» Дагласа. Я наблюдал, как он ходил по рингу, выиграв чемпионат, и очень желал бросить ему вызов в бою за чемпионский пояс. Я тогда дрался «на разогреве».

Я знал, что это будет тяжелый бой. Во время инструктажа он не смотрел мне в глаза, и поза у него была такой смиренной и покорной. Но я не заметил в его энергетике ни капли страха или смятения, поэтому меня не обманули эта дерьмовая смиренность и вид «боюсь-посмотреть-в-глаза». Я чувствовал, что ему не терпится отмутузить меня.

У меня было преимущество родного города, и не одно. Джимми собрал материал для моей первой рекламы в национальном масштабе. Он обеспечил нас более легкими

перчатками весом восемь унций. Ринг был немного меньше обычного. И наконец, все судьи располагались со стороны нашего угла.

Я начал бой жесткими ударами по корпусу. Но Фергюссон был достаточно опытен и умело защищался. Так продолжалось в течение четырех раундов. В пятом я загнал его в угол, провел правый апперкот и сломал ему нос. Он едва продержался до конца раунда. В шестом ему вновь пришлось непросто, и тогда он откровенно повис на мне, совершенно игнорируя команду рефери «брейк». Это было настолько ужасно, что рефери остановил бой. По иронии судьбы, эта дисквалификация могла испортить мой послужной список побед одними нокаутами. Однако на следующий день местная атлетическая комиссия изменила формулировку результата на технический нокаут.

Когда после боя я встретился с журналистами, возникла полемика. Меня спросили о «добивании» Фергюссона после того, как я провел апперкот, и я ответил: «Я хотел ударить его по носу еще раз, так, чтобы косточка его носа вошла бы ему в мозг… Я всегда присматривался к врачебным заключениям. В них отмечается, что, если нос входит в мозг, не может быть и речи о том, чтобы человек сразу же поднялся».

Журналисты рассмеялись, но, возможно, это был нервный смех. Я сказал им то, что говорил мне Кас, слово в слово. Не думаю, что я что-то переврал. Мы с Касом всегда обсуждали науку причинять боль. Ведь я хотел стать по-настоящему злобным чемпионом. Я смотрел по телевизору все эти комиксы, суперзлодей Апокалипсис из сериала «Люди-Икс» был одним из моих любимых героев. Апокалипсис говорил: «Я не злобный, я просто такой». Кейтон и Джекобс хотели, чтобы я был приветлив со всеми, общителен, но я знал человека, который был приветлив со всеми и был врагом сам себе.

На следующий день из-за моей фразы разразился скандал. Нью-йоркские газеты пестрели крупными заголовками: «Подлинный Тайсон – это отморозок?» Один репортер даже додумался позвонить моему прежнему социальному работнику, миссис Коулмен, и она посоветовала мне быть человеком, а не зверем. Но мне было наплевать. Я должен был делать свою работу. Я не мог стать чемпионом мира в тяжелой весовой категории, будучи пай-мальчиком. А я собирался стать таким чемпионом ради Каса. Мои соперники должны были знать, что, если они столкнутся со мной на ринге, им предстояло рисковать жизнью или здоровьем.

Джимми и Кейтон попытались после этого заткнуть мне рот. Они поручили Стиву Лотту информировать меня о том, что

следовало говорить после боя. Джимми даже уволил парня, ответственного за связи с общественностью, потому что тот разослал эту цитату в редакции газет. Вскоре после этого боя Джимми пригласил некоторых специально отобранных журналистов на ужин. Там был Эд Шулер из Ассошиэйтед Пресс, который почувствовал, что Кейтон и Джимми были в отчаянии: им казалось, что могу влипнуть в серьезные неприятности прежде, чем получу звание чемпиона мира. Но это было не так. Думаю, они просто хотели заграбастать побольше денег, пока еще могли. Они не питали уважения к той цели, которой я добивался.

Кейтон и остальные хотели лишить меня истории моего детства в Бруклине, скрыв ее, и дать мне положительный образ. Кас знал, что это было полной ерундой. Они пытались подчинить меня и сделать меня отвечающим их стандартам. Я же хотел, чтобы люди видели зверя, который был внутри меня.

После боя мы отпраздновали победу над Фергюссоном. В то время я пил. Не во время тренировок, а после боев, это было самоуничтожением времени. Я был настоящим алкоголиком. Но во время пьянок я старался избегать внимания нью-йоркской прессы. Мы пировали в Олбани в баре моего друга под названием «Сентябрьский». Это было наше излюбленное место. Иногда туда приходили парни из Нью-Йорка, Бостона или Лос-Анджелеса для решения своих рабочих вопросов, они вели себя как большие шишки. Они были готовы наброситься на нас, маленьких людишек с севера штата, и тогда мы выбивали из них дерьмо. Я не хотел с кем-либо драться и идти под суд, но находились люди, которые дрались вместо меня. Я лишь подстрекал их: «Вдарь этого подонка! Кем он себя возомнил?» У нас бывали возможности повеселиться с чужаками.

Мой следующий бой был 10 марта со Стивом Зоуски в «Нассау Колизеум». До этого Зоуски никому не удавалось нокаутировать, но я в третьем раунде провел несколько апперкотов и сделал это. Однако я не был в восторге от своего выступления. Я тогда свалился со стремянки в своей голубятне в доме Камиллы и повредил ухо. Зоуски во время боя несколько раз попал мне в ухо, и боль в нем сказывалась на моем состоянии. Во время интервью после боя я упомянул эту проблему.

– Мне не понравилось мое выступление, – сказал я Рэнди Гордону, который комментировал бой. – У меня много личных проблем, которые мне приходится решать.

Кейтон позже рассказал прессе, что я имел в виду проблемы с подругой, но это был абсурд. У меня в то время не было подруги. Я был просто подавлен, потому что погибли многие мои приятели из Браунсвилла. Это было варварством. Друзья убивали своих

друзей из-за денег.

После боя один из судей заметил заметную припухлость на моем ухе. На следующий день Джимми пригласил специалиста проверить меня, и тот обнаружил серьезное заражение хряща. Меня тут же направили на обследование в медицинский центр «Маунт-Синай» в Верхнем Ист-Сайде. Врач беспокоился, поскольку я мог потерять ухо. Меня на десять дней оставили в больнице, и я прошел курс лечения в барокамере, два посещения в день. Кроме того, мне кололи антибиотики.

Врачи «Маунт-Синай» сказали, что для меня было бы полезно выходить, чтобы подышать свежим воздухом. Поэтому каждый день после второго посещения барокамеры в три часа пополудни Том Патти и мой близкий друг детства Дюран забирали меня на лимузине. Мы гуляли по Таймс-Сквер, тусовались и фотографировались с проститутками и парнями, которые продавали туристам снимки с питоном, обвивающимся вокруг шеи. Мы отрывались по полной, гуляя ночь напролет. Когда меня привозили обратно в больницу к четырем утра, медсестры были в шоке: «Это не отель, это больница». Когда я показывал врачам свои фотографии с проститутками и питоном, они тоже испытывали шок: «Нет-нет, мы не имели в виду, что вы должны выходить на всю ночь. Мы хотели сказать, что вы должны спуститься вниз, посидеть в Центральном парке, посмотреть на птиц и белок и подышать свежим воздухом».

Это было почти за два месяца до моего боя с Джеймсом Тиллисом на севере штата Нью-Йорк. Когда пришло время поединка, я был не в форме из-за болезни, частых пьянок и интенсивных гулянок. Схватка продолжалась десять тяжелых раундов, и я был рад выиграть по очкам единогласным решением судей. Один раз я отправил его в нокдаун, и это, вероятно, склонило чашу весов в мою пользу. Однако он был очень сильным соперником, до сих пор я еще не встречался с таким. Он так настучал мне по корпусу, что я после боя не мог ходить. Мне пришлось остаться в отеле. Я не смог даже поехать домой. Это была настоящая рубка. Несколько раз во время боя мне хотелось упасть, чтобы просто передохнуть, но я продолжал цепляться за него и висеть на нем, пытаясь перевести дыхание.

На следующий день Джимми Джейкобс пошел ва-банк и заявил прессе: «Этот бой был для него очередным взятым препятствием. Мы убедились, что он способен довести дело до победного, чемпионского конца». Он был мастером манипулирования прессой, не говоря уже об общественности. Они с Кейтоном организовали беспрецедентную рекламную кампанию. Ни один актер в мире еще не получал такой газетной

шумихи. Сейчас это рядовое явление, но тогда они были истинными новаторами в этой сфере.

Менее чем через три недели я дрался с Митчем Грином в Мэдисон сквер гарден. Это был, действительно, сумасшедший ублюдок. Он предпринял попытку воздействовать на меня еще до боя, заявив *«Дейли ньюз»*, что, хотя мне девятнадцать, но выгляжу я на все сорок. Когда спортивный комментатор Марв Альберт спросил меня, не задел ли меня Грин, я ответил: «Митч Грин хороший боксер, но он недостаточно красноречив, чтобы меня задеть. В этом плане он меня совершенно не беспокоит».

Это был мой первый бой по новому контракту с телекомпанией HBO[77], который заключили Джимми и Кейтон. Это было захватывающее ощущение – впервые выступать в большом зале спорткомплекса Мэдисон сквер гарден. Однако взятое у меня до боя интервью на канале HBO не смогло передать этих чувств. Когда меня спросили, наслаждаюсь ли я вновь обретенным вниманием к себе и достатком, я угрюмо пробурчал в ответ:

– Люди не желают понять меня. «Ух, этот парень может заколачивать приличные деньги!» – думают они. Но если бы им пришлось пройти через то, через что приходится проходить мне, они бы рыдали. Это очень угнетает. Каждый чего-то хочет. Точно так же, как ты настойчиво работаешь в спортзале на тренировках, людям следовало бы поработать над тем, чтобы отделить тебя от твоих денег.

В данном случае я был похож на Каса. Пожалуй, мне надо было выглядеть более жизнерадостным, поскольку я все же первый раз исполнял главную роль в Мэдисон сквер гарден.

Грин был хорошо известным боксером. Он был четырехкратным чемпионом турнира «Золотые перчатки» и потерпел первое поражение по очкам в 1985 году в бою с Тревором Бербиком за звание чемпиона Боксерской ассоциации Соединенных Штатов. Но как только мы оказались на ринге, я уже знал, что я побью его. От него не исходило никаких угрожающих флюидов. Бой успешно завершился, и все было нормально. После боя с Тиллисом я хотел более спокойно провести десять раундов. Я знал, что он не мог доставить мне никаких неприятностей, поэтому работал на выносливость. Я выигрывал каждый раунд, и бой вовсе не был скучным. В какой-то момент я выбил его капу и мост с парой зубов. Он получил неплохую трепку[78]. Я был настолько раскован, что между восьмым и девятым раундами, когда Кевин нес мне в лицо какую-то бессмыслицу, требуя ударить еще раз, я коротко поцеловал его.

После боя я вновь стал привычно высокомерным.

– Возможно, это хвастовство, но я выиграл этот бой достаточно легко. Я никому не позволю побить себя. Я никому не позволю встать на своем пути, – сказал я прессе.

Следующей моей целью был Реджи Гросс. Он был серьезным, жестким боксером. Его звали Вредителем, потому что он огорчил некоторых хороших боксеров, в том числе Берта Купера и Джимми Кларка, американского олимпийца. Боя практически не получилось, потому что в течение недели у меня был серьезный приступ бронхита. Я страдал бронхитом всю жизнь и уже привык к нему, но это был серьезный случай. В день боя меня показали врачу, и после осмотра он сказал:

– Боюсь, я буду вынужден отложить этот бой. Это достаточно серьезно.

– Могу ли я поговорить с вами, сэр? – поинтересовался Джимми.

Я все прочитал во взгляде Джимми – в тот же день я дрался на ринге. В первом раунде я обрушил на Гросса шквал ударов, он только защищался. Внезапно он решился на обмен ударами, против которого я не возражал. Он выбросил серию жестких ударов, от которых я уклонился, а затем я отправил его в нокдаун потрясающим левым хуком. Затем я пробил еще серию ударов, вновь отправив его в нокдаун. Рефери остановил бой, потому что у Гросса был остекленевший взгляд, однако Реджи стал протестовать.

– Вы не можете даже ходить, но хотите драться? – спросил рефери.

Мои следующие два соперника были калибром помельче. Возможно, Джимми и Кейтон хотели, чтобы после двух побед решениями судей я вновь начал одерживать победы нокаутом в первом раунде. Я оказал им такую услугу с Уильямом Хосе, однако мне потребовалось целых два раунда, чтобы нокаутировать Лоренцо Бойда. Зрители были в восторге от моей молниеносной двойки «правой по корпусу – сильный апперкот правой».

Две недели спустя я привлек всеобщее внимание, нокаутировав Марвиса Фрейзера, сына Джо Фрейзера, за тридцать секунд. Я загнал его в угол, обработал джебом, а затем поставил точку своим любимым ударом, апперкотом правой. Он выглядел серьезно травмированным, поэтому я попытался помочь ему подняться. Мне нравится Марвис, он прекрасный человек.

Несколько недель назад мне исполнилось двадцать лет, и план заключался в том, чтобы к концу 1986 года я стал самым молодым чемпионом мира в тяжелом весе. Ведя переговоры по этому вопросу, Джимми и Кейтон тем временем организовали

мне 17 августа в Атлантик-Сити поединок с Хосе Рибальтой.

Рибальта был «игровым» боксером, и, в отличие от Грина и Тиллиса, он, действительно, втянул меня в схватку. Казалось, его невозможно было нокаутировать. Я отправил его в нокдаун во втором раунде, затем снова в восьмом, но он поднимался. В десятом раунде он оказался на канвасе в третий раз, и, когда он встал, я зажал его ударами у канатов. Рефери остановил бой.

Получив уважение зрителей и комментаторов за свое упорство, Рибальта, кроме того, смог также испортить мне вечер. После боя у меня было свидание с молодой красивой студенткой из Университета штата Пенсильвания, с которой я познакомился в сотую годовщину статуи Свободы. Молодая леди проводила меня в мою комнату и уже начала прикасаться ко мне, но я отпрянул от боли.

– Эй! Пожалуйста, не трогай меня. Ничего личного, но тебе придется уйти. Мне нужен только отдых, – сказал я ей. Она все поняла и поехала обратно в свое заведение. Мы сделали это при следующей нашей встрече.

Она была на поединке и видела, что мне пришлось перенести. Никогда прежде со мной еще не было ничего подобного. От ударов Рибальты по корпусу я чувствовал себя отвратительно даже спустя несколько часов после боя. Рибальта и Тиллис – вот два боксера, которые смогли вогнать меня в такое состояние. Мне никогда больше не доводилось чувствовать такую боль во всем теле. Помню, когда я читал про великих боксеров, я отмечал, как они порой ощущали себя после боев: они частично словно отключались от действительности. Поэтому я понял, что это – часть моей работы.

Переговоры о титульном бое оживились, и Джимми решил, что прежде, чем в конце этого года драться за звание чемпиона в Лас-Вегасе, я должен провести здесь какой-нибудь поединок, чтобы привыкнуть к нему. Мы остановились в доме доктора Брюса Ханделмана, приятеля Джимми. Я начал тренироваться в спортзале Джонни Токко, здорово запущенном старомодном зале без всяких удобств и элементов современной цивилизации, даже без кондиционирования воздуха. Токко был потрясающим парнем, который водил дружбу с Сонни Листоном[79]. На стенах были фотографии Джонни и выдающихся людей прежних времен.

Однажды я был в раздевалке, готовясь к спарингу, когда меня поразила одна мысль. Я сказал Кевину, что мне не нравится в Лас-Вегасе и я хочу домой. Я действительно, испытывал чувство беспокойства в связи с предстоящим боем. Если я не выиграю у Ратлиффа, я не буду квалифицирован для боя с Тревором Бербиком.

Кевин сообщил об этом Стиву Лотту, и Стив подумал про себя: *«ЧБСЧ? Или ЧБСК?»*[80] Затем Стив пришел в раздевалку и постарался привнести позитива:

– Ты – шоу-звезда. Ты нокаутируешь этого парня за два раунда. Ты будешь смотреться просто фантастически. Если тебе здесь не нравится, то мы больше сюда не приедем.

У Стива всегда был очаровательный способ разруливания ситуаций. Конечно же, я никуда не собирался сваливать, я просто зондировал почву. Но Стив, на самом деле, не представлял, что бы сделал Кас. Он посмотрел бы на меня и спросил: «Что, боишься этого парня? Этот парень – просто дилетант. Я буду драться с ним вместо тебя».

Таким образом, 6 сентября я вышел на ринг против Альфонсо Ратлиффа, бывшего чемпиона мира в полутяжелом весе. Не думаю, что он превосходил Рибальту, но он, конечно, не был дилетантом. Это был сильный противник. По-видимому, букмекеры Лас-Вегаса были не согласны с этим утверждением, потому что они принимали ставки не на сам бой, а только на «больше или меньше пяти раундов». Похоже, я изобрел новый тип ставки в боксерском тотализаторе: «больше или меньше определенного количества раундов». До меня такого не существовало. Я поднял искусство букмекерства на новый уровень. Раздался гонг к началу боя, и Ратлифф начал бегать от меня. По сравнению с ним Митч Грин был похож на крутого охранника какого-нибудь политика. Он был настолько плох, что даже ребята из телекомпании HBO не удержались от шуток. «Я задаюсь вопросом: во втором раунде он воспользуется десятискоростным или двенадцатискоростным велосипедом?»[81] – высказался Ларри Мерчант.

На самом деле в следующем раунде он попытался вести бой, но его хватило ненадолго. Я сбил его с ног левым хуком, а когда он поднялся, вновь срубил его несколькими ударами.

– У его велосипеда спустила шина, – отпустил реплику Мерчант.

Джимми же, выйдя на ринг после поединка, так прокомментировал бегство Ратлиффа от меня:

– Я ощущал от него бриз.

Вскоре было официально объявлено: я должен был драться с Тревором Бербиком за звание чемпиона 22 ноября 1986 года. Между боями у меня было больше двух месяцев, и Джимми с Кейтоном решили организовать мне цикл теле-ток-шоу, чтобы обеспечить рекламу предстоящему поединку и в целом моей карьере. Я стал ходить на передачу *«Ночная жизнь города»* с Дэвидом Бреннером в качестве ведущего. Дэвид был отличный

парень, он относился ко мне с величайшим уважением. Он предсказал, что я стану следующим чемпионом мира в тяжелом весе, но сделал это так тактично, что это значило для меня даже больше, чем слова ободрения другого его гостя, великого экс-чемпиона мира Джейка ЛаМотты, который сделал такой же прогноз.

– Без сомнения, он – следующий чемпион мира в тяжелом весе, – сказал Джейк, подошел и обнял меня. – И если он не сделает все, как надо, я побью его. Так держать, дружище! Ты станешь, как Джо Луис, как Марчиано, может быть, даже лучше.

Когда я услышал это, мое сердце воспарило ввысь.

Затем Бреннер задал Джейку вопрос, ответ на который оказался пророческим:

– Допустим, Майк станет чемпионом. Что вы могли бы ему посоветовать?

– Лучший совет, который я могу ему дать, – это постоянно нагружать себя и представлять себе, что ты на пару лет попал в тюрьму, – сказал Джейк. – И держитесь подальше от всякой дряни. Там много различной дряни.

– Почему это там должно быть много дряни? – спросил я.

– К сожалению, такие парни, как ты и я, весьма привлекательны для дряни, мы притягиваем ее, – ответил он.

Я принял участие в шоу Джоан Риверс. Мне нравилась и она, и ее муж Эдгар. С ними я чувствовал себя хорошо. Я чувствовал, что их энергетика была подлинной. Это был один из лучших периодов моей жизни. Во время интервью Джоан спросила, есть ли у меня кто-то, как Адриан у главного героя фильма *«Рокки»*.

– У меня нет никакой подруги, – ответил я.

– Когда ты тренируешься, у тебя бывает секс? – поинтересовалась она.

– Нет.

– Вот видите, потому-то мой муж всегда и говорит мне, что он тренируется, – заметила Джоан.

Я участвовал также в шоу Дика Каветта, и Дик продемонстрировал на мне некоторые приемы айкидо. Он попросил меня держать его за запястья.

– Восьмидесятисемилетний основатель айкидо может избавиться от хватки самого сильного человека планеты, – заявил он, сделал скользящее движение и освободился от моего захвата.

– Но никакой грабитель не станет вас так держать, – возразил я.

Я был весьма мил на этих теле-шоу, я вел себя именно так, как того хотели Джим и Билл. Но я не хотел этого. Я желал быть злодеем. Я предпочел бы брать пример с футболиста Джима

Брауна. Когда я еще только начал ходить по барам в Нью-Йорке, я встречал там прежних профессиональных футболистов, которые играли вместе с ним. Они рассказывали о нем как о легенде:

– Если он приходил сюда и что-то было не так: запах, музыка, которая играла, гвалт от разговоров, – если хоть что-то, по его мнению, было не так, он принимался крушить все вокруг.

Я слушал эти разговоры и думал: *«Черт, как бы мне хотелось быть таким же последним подонком, чтобы обо мне говорили так же. Если Джим был готов уничтожить тебя, потому что ему не нравится запах, то я должен просто приходить и убивать всех ублюдков подряд».*

По мере приближения 22 ноября я начал тренироваться всерьез. В течение месяца я занимался в Катскилле, затем мы перебрались в Лас-Вегас. Джимми и Кейтон дали мне видеокассету с записью боя Бербика против Пинклона Томаса. В этом бою Бербик одержал победу и стал чемпионом. Я просмотрел кассету и поинтересовался у Джимми:

– На пленке замедленное воспроизведение?

Конечно, я был высокомерен, но я почувствовал, что мое время пришло. Я представлял себе, как все выдающиеся боксеры прежних времен и боги войны спускаются с небес, чтобы посмотреть, как я присоединяюсь к их плеяде. Они дали мне свое благословение, и я присоединяюсь к их клубу. В моей голове все еще звучали слова Каса, но не в смысле психического расстройства, а в качестве поддержки.

Это тот час, ради которого мы тренировались с тех пор, как тебе было четырнадцать. Мы отрабатывали все это снова и снова. Ты можешь драться с этим парнем с закрытыми глазами.

Я знал, что Бербик был сильным противником, с ним было тяжело драться. Он был первым, кто в бою с Ларри Холмсом при защите им чемпионского титула продержался пятнадцать раундов. До этого Ларри всех вырубал. Я хотел уничтожить Бербика. В этом случае все начнут воспринимать меня всерьез, потому до сих пор все думали, что я дрался лишь со слабаками и задохликами. Говорили, что я, мол-де, не настоящий боец, что мне организуют легкие бои с какими-то заморышами. Именно поэтому моя основная задача заключалась в том, чтобы уничтожить его. Я хотел покончить с ним в первом раунде. Я был готов покалечить его.

Кевин и Мэтт Барански были точно так же уверены в исходе поединка, как и я. Мы выкладывались на полную катушку. А я еще больше. В день перед боем я заметил на своих трусах какие-то выделения: я подхватил триппер. Не знаю, очевидно, это случилось, когда я был с проституткой или весьма развращенной

юной леди. Мы опять остановились в доме доктора Хандлемана, и он вколол мне антибиотик.

Позже в тот же день мы со Стивом Лоттом пошли взять напрокат несколько видеокассет.

– Майк, а что бы Кас сказал об этом парне, Бербике? – спросил тот меня.

У Стива это был способ поставить меня на место Каса и заставить меня думать, как Кас. Стив, однако, не знал, что мне не нужно было думать, как Кас, поскольку Кас был у меня голове.

– Он бы сказал, что этот парень слабак, – ответил я. – И дилетант.

Для взвешивания у меня была одна заготовка. Я внимательно следил за Бербиком, и когда он подошел, чтобы пожать мне руку, я повернулся спиной к его протянутой руке. Поймав его взгляд, я рявкнул: «Что, мать твою, уставился?» Затем я сообщил ему, что намерен нокаутировать его уже во втором раунде. А когда он стал позировать с чемпионским поясом, я закричал: «Пользуйся пока поясом, наслаждайся им! Тебе немного осталось! Скоро он окажется на настоящем чемпионе!» Я был неуважителен и агрессивен. По некоторым причинам Бербик мне в то время не нравился. Плюс ко всему, я хотел отобрать у него пояс. Это была зависть, чудовище с зелеными глазами.

Кроме того, я был в ярости оттого, что тренер Бербика Анджело Данди имел неосторожность похвастаться, будто Бербик побьет меня. Кас всегда завидовал Данди, который вырастил Али, потому что тот получил все внимание прессы. Кас считал, что он не заслужил этого.

– У Бербика стиль боксирования, который сокрушит Тайсона, – заявил Данди прессе. – Тревор испытывает наслаждение при одной мысли о том, что на этот раз ему не придется гоняться за соперником по всему рингу, что Тайсон будет прямо перед ним. Тревор хорошо работает по корпусу, на его счету уже двадцать три нокаута. Он уверен в своих силах, я также. Думаю, что он остановит Тайсона в последних раундах.

В ночь перед боем я не мог заснуть. Я много говорил по телефону с девушками, которые мне нравились, но с которыми у меня никогда не было секса. Я пытался отвлечься от предстоящего поединка, спрашивая у них, чем они занимаются, но они желали беседовать лишь о бое. Тогда я встал и начал в своей комнате бой с тенью.

В день поединка в час дня я перекусил макаронами. В четыре у меня был бифштекс. В пять еще немного макарон. В раздевалке я съел батончик «Сникерса», запив его апельсиновым соком.

Затем Кевин перебинтовал мне руки и надел перчатки. Пора

было выходить на ринг. В зале было прохладно, поэтому Кевин свернул полотенце и обмотал им мне шею. На мне были черные спортивные трусы, которыми я заменил прежние несколько боев назад. Я должен был заплатить 5000 долларов штрафа, поскольку Бербик также был одет в черное, но мне было наплевать. Я хотел иметь зловещий вид.

Я был претендентом, поэтому мне предстояло выходить первым. При моем появлении исполнили песню Тото, но у меня в голове звучала песня Фила Коллинза «In the Air Tonight»: «Я чувствую, это случится сегодня вечером, Господи, / Я ждал этого момента всю свою жизнь, Господи».

Я прошел через канаты и начал ходить по рингу. Посмотрев в зал, я увидел Кирка Дугласа, Эдди Мерфи, Слая Сталлоне. Через несколько минут появился Бербик, одетый в черный халат с черным капюшоном. Он демонстрировал энергию и уверенность, но я чувствовал, что это все было напускное, иллюзия. Я знал, что этот парень не собирается ложиться костьми за свой пояс.

Публике представили Али, и он подошел ко мне.

– Надери ему задницу для меня, – сказал он мне.

Пять лет назад Али потерпел поражение от Бербика и после этого поединка ушел с ринга, поэтому я был безумно рад выполнить эту просьбу.

– Это будет легко, – заверил я Мохаммада.

Наконец, пришло время боя[82]. Раздался гонг, и рефери Миллс Лейн жестом пригласил нас начинать. Я набросился на Бербика и принялся осыпать его жесткими ударами. К моему удивлению, он не перемещался и не прибегал к джебам. Он просто стоял прямо передо мной. В самом начале боя я провел удар правой ему в левое ухо, пытаясь повредить ему барабанную перепонку. Где-то в середине раунда мне удалось пробить жесткий удар правой. Я колотил его, не останавливаясь, и к концу первого раунда Бербик казался ошеломленным. Он много наполучал, некоторые удары были просто великолепны.

Я вернулся в свой угол и сел. После укола антибиотика я истекал потом, как бар мороженого «С хорошим чувством юмора» в июле. Но меня это не беспокоило: я должен был расправиться с Бербиком. Кроме того, один из моих героев, «Малыш Шоколад»[83], постоянно проводил бои, имея сифилис.

– Качай маятник и не забывай про джеб, – сказал мне Кевин. – Ты все время выцеливаешь его голову. Поработай вначале по корпусу.

Через десять секунд после начала второго раунда я ударил его правой, и Бербик упал. Он сразу же вскочил и пошел на обмен ударами со мной. Он пытался отвечать, но его удары были

неэффективными. Примерно за полминуты до окончания раунда я пробил правой по корпусу вместо апперкота, а затем апперкот, но промахнулся. Однако затем я выбросил удар левой и попал ему в висок. Не сразу, но он упал. Я даже не почувствовал этого удара, но он оказался чертовски эффективным. Он попытался встать, но затем снова упал, и я заметил, что он подвернул стопу.

«Он ни за что не встанет до конца счета», – подумал я.

Я был прав. Он попытался встать второй раз, шатаясь, пошел по канвасу и вновь потерял равновесие. Наконец он поднялся, но Миллс Лейн обнял его и замахал рукой, останавливая бой. Это произошло. Я стал самым молодым чемпионом в тяжелом весе в истории бокса.

– Вот и все, у нас началась новая эра в истории бокса, – определил Барри Уоткинс, диктор телекомпании HBO.

– Майк Тайсон сделал то, что Майк Тайсон обычно и делает. Это был настоящий бой, – добавил Шугар Рэй Леонард.

– Бой с большой буквы, – завершил Уоткинс.

Я был ошеломлен. Я ничего не чувствовал. Я осознавал, что происходит вокруг меня, но я просто оцепенел. Кевин обнял меня. Подошел Хосе Торрес.

– Я не могу поверить в это. Я б… дь, чемпион мира в двадцать лет, – сказал я ему. – Это, б… дь, нереально. Чемпион мира в двадцать лет! Я же еще ребенок, я, б… дь, просто ребенок.

Джимми вышел на ринг и поцеловал меня.

– Как ты думаешь, Касу понравилось бы это? – спросил я. Джимми улыбнулся в ответ.

Подошел Дон Кинг, сын которого был менеджером Бербика, чтобы поздравить меня. Затем я посмотрел в зал, и ко мне вернулось чувство самоуверенности. *«Да, мы сделали это!* – подумал я. – *Мы с Касом сделали это!»* Я начал разговаривать с Касом:

– Мы сделали это, мы доказали им всем! Могу поспорить, теперь Бербик не считает, что я слишком маленького роста, не так ли?

Внезапно я осознал, что Касу может быть не по душе то, как я провел бой.

– Все, что ты делал на ринге, было фуфлом, – услышал я его голос. – Но финал был настолько оглушительным, что его будут помнить.

Настало время интервью после боя. Я отдал должное Касу. Я стал на тот момент лучшим боксером в мире, и я был его творением. Кас должен был бы находиться здесь. Ему бы понравилось отругать тех, кто не принимал его в расчет и считал сумасбродом. Он бы сказал: «Никто здесь не может побить моего

мальчика. Ему всего двадцать, но никто в мире не может побить его».

– Это момент, которого я ждал всю свою жизнь с тех пор, как начал заниматься боксом, – сказал я, когда началась пресс-конференция. – Бербик был очень сильным боксером. Я не ожидал, что он будет таким же сильным, как я… Я проводил каждый удар, чтобы сломить его. Моя победа останется навсегда, никто никогда не перечеркнет ее. Я хочу жить вечно… И я не собираюсь никогда проигрывать… Проиграть я могу, только умерев. Мне предстояло свергнуть чемпиона мира в тяжелом весе и самому завоевать этот титул, и я сделал это. Я хотел бы посвятить свой бой своему замечательному ангелу-хранителю Касу Д'Амато. Я уверен, что он сейчас смотрит вниз, разговаривает с великими боксерами и говорит им, что его мальчик сделал это. Я думал, что он сумасшедший белый пижон, … а он был гением. Все, что он предсказывал, произошло.

Кто-то спросил меня, кто станет моим следующим соперником.

– Меня не волнует, с кем драться в следующий раз, – ответил я. – Если я собираюсь быть великим, я должен буду драться с любым соперником. И я хочу драться с любым.

Даже Данди похвалил меня после боя.

– Тайсон выбрасывал комбинации ударов, которых я никогда не видел прежде. Я был ошеломлен. Я работал с Али и Шугаром Рэем Леонардом, но только у Тайсона я увидел комбинацию из трех ударов, ей нет аналогов. Видели ли вы когда-нибудь, как выбрасывают удар правой по почке, затем следует апперкот, а завершает хук левой?

Я не снимал чемпионский пояс всю ночь. Я носил его по всему фойе отеля. Я надел его на продолжение вечеринки и носил его, когда позже отправился выпить вместе с Джеем Брайтом, моим соседом по комнате в доме Каса, сыном Бобби Стюарта и боксером Мэтью Хилтоном. Мы пошли в кабак в Лас-Вегасе под названием «Достопримечательность», через дорогу от отеля «Хилтон». Там никого не было, и мы сидели там и пили весь вечер. Я пил водку прямо из бутылки и напился вдрызг. В завершение вечера Мэтью ушел, а я отправился на квартиру к одним девушкам показать им свой чемпионский пояс. Я не занимался с ними сексом, я просто общался с ними. Затем я ушел от них, позвонил другой девушке и завалился к ней, и мы тусовались. Это было сумасшествие. Вы должны понимать, что мне было только двадцать лет, а некоторым моим приятелям – вообще пятнадцать или шестнадцать. Это небольшая разница в возрасте. И с чего вдруг все ожидали, что, став чемпионом мира, я

превращусь в совершенно уравновешенного и организованного парня, соответствующего этому званию? Я был всего лишь развлекавшимся ребенком.

И я чувствовал себя потерянным. К тому времени, как я выиграл пояс, моя душа была надломлена, потому что у меня не осталось никаких ориентиров. У меня не было Каса. Я должен был выиграть чемпионский пояс для него. Мы собирались добиться этого – или же умереть. Не шло и речи о том, чтобы я покинул ринг без пояса. Все эти жертвы, страдания, лишения, муки, самоотдача… День за днем, всегда и во всем. Когда я, наконец, наутро вернулся в свой гостиничный номер, я посмотрел на себя с поясом в зеркало и понял, что я выполнил нашу миссию. И теперь я был свободен.

А затем я вспомнил, что читал кое-что у Ленина, когда жил у Каса, что-то вроде: «Свобода – это очень опасная вещь. Мы должны очень тщательно нормировать ее». Это высказывание я должен был бы принять во внимание и помнить его в последующие годы.

Глава 5

«Меня зовут Майк Тайсон. Я профессиональный боксер. Боксер часто остается в одиночестве. Спарринги, тренировки и особенно пробежки предоставляют мне достаточно времени для того, чтобы подумать. И больше всего я думаю о том, как сильно наркотики вредят людям. Мы можем избавиться от наркотиков, если каждый из нас, один за другим, решит сказать: «Нет». Это короткое слово с большим смыслом. Произнеси его, скажи: «НЕТ НАРКОТИКАМ!»

Это было официальное заявление, которое я сделал для Управления по борьбе с наркотиками[84], чтобы его транслировали по радио и телевидению непосредственно перед моей первой защитой чемпионского титула в 1987 году. Я также принял участие в кампании социальной рекламы штата Нью-Йорк. На ней я работаю с тяжелой грушей, а затем поворачиваюсь к камере и произношу: «Все верно, откажитесь от кокаина, и тогда вы сможете победить».

Ирония заключалась в том, что, снимаясь в этих кадрах, я одновременно финансировал наркобизнес своего приятеля Альберта в Браунсвилле. Как раз в то время, когда умер Кас, я стал давать Альберту то пять тысяч долларов, то двадцать тысяч, так что он не должен был работать на кого-то другого. Я не был партнером и никогда не хотел какого-либо дохода от своих инвестиций. Я просто беспокоился о его безопасности. Мы с Альбертом вместе выросли, вместе грабили и крали. И я не хотел, чтобы у него были неприятности, если один из дилеров, на которого он работал, стал бы у него выпытывать: «А где мое дерьмо?» Наркобизнес в Браунсвилле в 1980-х годах напоминал рабство 1820-х годов. Если ты работал на этих ребят, твоя жизнь ничего не значила. Взяв бабло у этого парня, ты уже никогда не сможешь выйти из дела, как бы ни хотел. Если он «крышует» твой бизнес, ты его собственность.

Я думал было взять Альберта к себе, но парни вроде него были слишком асоциальными. У них не было привычки нормально общаться, выступать на вторых ролях, быть лизоблюдами и жополизами только потому, что я чемпион. Конечно, никто и не собирался командовать им. В Браунсвилле мы знали только насилие, даже с людьми, которых мы любили. Альберт был слишком крут, чтобы стать частью моего окружения. Он не мог вести себя, как Майк Тайсон: «Да, мэм, здравствуйте, мэм. Могу я вам чем-нибудь помочь?» Ребята, как он, быстро приходили в ярость и не контролировали своих эмоций. Поэтому

я был с ним предельно прост: «Вот, бери деньги».

Мой план, однако, не сработал. Молодой турок в погоне за своей долей застрелил Альберта и пару моих друзей в 1989 году. В то время им было всего двадцать, а был и шестнадцатилетний, у которого тоже была какая-то мечта. Их убил амфетамин, девочки, их бизнес. Многие тогда умерли. Мне пришлось оплачивать много похорон.

* * *

Вернувшись в Нью-Йорк после завоевания чемпионского титула я, не откладывая, сделал две вещи. Первое – я приехал в Катскилл и показал там всем свой чемпионский пояс. Я носил его везде три недели, иногда я даже спал с ним. Однажды я вошел в кухню и попросил Джея Брайта съездить со мной в одно место. Был еще один человек, которому я хотел показать пояс. Я сказал Джею, чтобы он подъехал к винному магазину, дал ему денег и попросил купить большую бутылку шампанского «Дом Периньон». Затем он отвез меня на могилу Каса. Когда мы добрались до его надгробного камня, мы оба плакали. Мы произнесли небольшую молитву, затем я выбил пробку, и мы сделали по большому глотку, а остальное я вылил на могилу Каса. Мы оставили пустую бутылку на траве и вернулись.

Вторая вещь, которую я сделал, – это съездил в Нью-Джерси и отдал необходимые распоряжения по маминой могиле. Ее парень Эдди попал под машину и скончался перед моим боем с Бербиком, его похоронили рядом с мамой. Поэтому пришлось их обоих эксгумировать и положить в приличные бронзовые урны. А еще я установил на ее могиле массивное надгробие высотой семь футов, чтобы каждый раз, когда люди приходили на кладбище, они бы знали, что здесь покоится мать Майка Тайсона.

К этому времени я переехал в собственную квартиру в доме Джимми и Стива Лотта. Вероятно, благодаря этому они теперь могли шпионить за мной, потому что я был их дойной коровой. Я хотел наслаждаться своим положением чемпиона. Мы, наконец-то, достигли своей цели, пройдя ради этого через кровь, пот и слезы. Теперь меня могли поставить в один ряд с Джо Луисом и Али. Я был бы не против погреться в лучах славы, но чувствовал себя виноватым и опустошенным. Рядом со мной не было Каса, чтобы насладиться всем этим вместе со мной или дать мне какие-нибудь советы. В первый раз за много лет у меня не было цели или желания что-либо делать. Все могло бы быть по-другому, если бы у меня был компаньон или ребенок. К тому времени у

всех моих приятелей были дети, я же был слишком занят боксом.

Кроме того, я чувствовал, что Джимми и Билл делали из меня фальсификацию, подделку, стирая из моей жизни все, связанное с Браунсвиллем, и придавая мне положительный имидж. Но Браунсвилл был частью самого меня, моего характера, он был моим барометром. Он был той сутью, которую Кас как раз стремился сохранить во мне. Теперь же меня заставляли участвовать в этих акциях по борьбе с наркотиками, позировать для плакатов Полицейского управления Нью-Йорка, хотя все знали, что у меня криминальное прошлое. Я побывал в исправительном центре, а теперь вдруг превратился в хорошего парня? Получается, что я, б… дь, был поддельным ниггером, дядей Томом.

Я чувствовал себя дрессированной обезьянкой. Все, что я делал, подвергалось критике, все мои шаги должны были быть заранее продуманы. Когда я ходил на ток-шоу, на мне не хотели видеть красивых украшений. Стив на самом деле попросил меня снять золотые браслеты. Я не желал жить с подобными ограничениями. Я стал чемпионом мира в тяжелом весе не для того, чтобы быть пай-мальчиком.

Джимми и Кейтон хотели, чтобы я был вторым Джо Луисом, никак не Али или Сонни Листоном. Они хотели, чтобы я был героем, а я хотел быть злодеем. Злодея всегда будут помнить, даже если он не сможет превзойти героя. Хотя герой убивает его, именно злодей делает героя героем. Злодей бессмертен. Кроме того, я знал, что имидж Джо Луиса как героя был сфабрикован. В реальной жизни он любил нюхать кокаин и испортил много девушек.

Я хотел, чтобы мне кланялись в ноги и всячески угождали. Я хотел приударить за женщинами. Кас обещал мне, что так будет, однако пока я не наблюдал этого. Предполагалось, что теперь настало мое время на ринге. Однако я продолжал играть роль стороннего наблюдателя, и мне не давали выйти на ринг.

Когда я переехал в свою квартиру, Стив притащил мне большую стереосистему, которая стоила около двенадцати кусков. Он, блин, получил «добро» от Джимми потратить на нее эту кучу денег, моих денег. Позже в том же году мы шли мимо торгового центра «Магазины Форум в Цезаре», и я увидел там часы.

– Купи мне эти часы на твою карту, – попросил я.

– Ты ох… л?! – ответил Стив. – Ни за что!

– Но почему бы и нет? Ты ведь знаешь, я верну тебе деньги, – настаивал я.

– Б… дь, да Джим просто убьет меня! – возражал он.

Вот тогда-то мои бесы и шепнули мне: «Эти белые ребята не собираются заботиться о тебе так, как это делал Кас».

Мне нравился Джимми, но он всегда пытался держать меня в узде:

– Майк, ты должен сделать это, потому что, если ты этого не сделаешь, эта многомиллионная компания будет судиться с нами.

И нам приходилось организовать этот бой или какое-то там еще коммерческое мероприятие.

Я был совсем еще незрелым мальчишкой. В середине съемки коммерческого ролика я мог сказать:

– Я не хочу заниматься этим дерьмом. Я лучше поеду в Браунсвилл потусуюсь там с приятелями.

Я возвращался в Браунсвилл почти каждый вечер, когда не был на тренировке. Мне устраивали там королевский прием, в буквальном смысле этого слова. Когда мои ямайские друзья видели мой подъезжавший лимузин, они вытаскивали свои стволы.

– Залп в твою честь, Майк, из двадцати одного орудия, ниггер! – говорил один из них.

И они делали в мою честь салют из двадцати одного ствола. Бах, бах, бах!

Иногда я гулял по улице со своими приятелями и встречал какого-нибудь парня, который несколько лет назад издевался надо мной. Мои приятели не знали, что у меня с этим парнем была ссора, но они могли как бы невзначай отметить, что то, как тот посмотрел на меня, не говорит о большой любви между нами, и интересовались у меня:

– Ты знаешь этого ублюдка, который посмотрел на тебя? Кто эта сука?

Мне даже не нужно было отвечать.

– На кого это ты, урод, так посмотрел, мать твою? – спрашивал мой приятель. И начиналось! Они метелили его почем зря. Приходилось вмешиваться, чтобы его оставили в покое.

Когда я начал зарабатывать боксом много денег, я приобрел репутацию Робина Гуда. Тот, кто не знал меня, поднимал по этому поводу большой шум, рассказывая, как я появляюсь в Браунсвилле и раздаю деньги. Но это было не совсем так. Тот, кто родом из тех же мест, что и я, привык заботиться о своих друзей, даже если прошло уже двадцать лет. Так что, если я уехал, сколотил состояние, а затем вернулся, мне следовало кое-чем поделиться со своими друзьями, у которых все сложилось не так удачно. Я брал наличные из офиса Кейтона и делал из стодолларовых купюр тысячедолларовые упаковки. Обычно я носил с собой около двадцати пяти тысяч наличными и раздавал

их своим друзьям, когда встречал их. Я просил их купить себе строгий костюм, и в тот вечер мы выходили в свет.

Порой я даже не знал тех, кому давал деньги. Я останавливал машину и раздавал стодолларовые купюры бродягам и бездомным. Я собирал на улицах беспризорников и отводил их в магазин «Спортивные Товары Лестера», чтобы купить всем новые кроссовки. Впоследствии я узнал, что Гарри Гудини[85] делал то же самое. Предполагаю, что так поступают все быстро разбогатевшие бедняки. Им кажется, что они не заслужили богатства. У меня тоже иногда было такое чувство, потому что я забывал, какого труда мне стоила моя карьера.

Это был, б… дь, район забитых, поверженных в прах, растоптанных, район, кишащий наркотиками, бандитами, развратом и сквернословием. И ты вырос в этой выгребной яме, в этой клоаке. Поэтому просто дай им денег, помоги этим людям. Это не решит их проблем, но сделает их счастливыми.

Всякий раз, когда я раздавал деньги, я обязательно заходил ко всем старым дамам, которые были мамиными подругами. Мы вместе с приятелем подъезжали к известного рода социальному жилью, в котором, как я знал, проживала одна из старых леди, мой приятель оставался в машине, а я выходил, стучался в дверь и давал ей немного денег. Я делал это снова и снова. Не думаю, что я был таким благородным, просто я должен был это делать. Может быть, я верил, что тем самым я могу очиститься от своих грехов и купить билет в царство небесное. Очевидно, я искал искупления.

Часто я сильно корил себя, но в Браунсвилле у меня всегда находились приятели, которые не позволяли мне делать это. К примеру, я сидел и жаловался на то, как тяжела жизнь. Тогда один парень, имя которого я лучше не буду называть, посмотрел на меня и поинтересовался:

– Тяжела, да неужели? А кого ты убил в последнее время, Майк? А какой дом ты грабанул и передушил там всех, а, Майк?

Всякий раз, когда я говорил о себе что-либо негативное, мне отвечали:

– Майк, о тебе нельзя сказать ничего плохого. Ты хороший человек. Ты не убегаешь оттуда, где вырос, только потому, что у тебя появились деньги. Если бы ты был плохим, Майк, ты бы сейчас был у нас в багажнике.

Многие мои приятели из Браунсвилла мотали срок в Коксаки, который был не так далеко от Катскилла. С большинством из тех, кто работал в тамошней тюрьме, я вместе ходил в школу, так что, когда я приезжал повидать своих приятелей, которые там сидели, меня вели не в комнату для свиданий, а к ним в камеру,

поскольку я был знаком с начальником тюрьмы и со всеми охранниками. Я передавал своим приятелям обувь, свои украшения, и все охранники смотрели в другую сторону. А однажды я шел по коридору, где были камеры, и увидел Маленького Спайка из Бронкса, с которым вместе сидел в Споффорде. Теперь он был не таким уж и маленьким, он был громадиной.

– Эй, Майк. Как дела, чувак? Что ты здесь делаешь? – крикнул он.

Он думал, что меня снова арестовали и вели в камеру.

Я жил этой сумасшедшей двойной жизнью: один день я навещал приятелей в тюрьме, на следующий день тусовался с Риком Джеймсом[86]. Я встречал его несколько раз и раньше, но впервые мы по-настоящему поговорили друг с другом на продолжении вечеринки в честь какого-то нового фильма. Мы были в большом клубе, там было, может быть, тысяча людей, но мы с Риком Джеймсом заметили друг друга, и он подозвал меня.

– Эй, Майк, сфотографируйся вместе с нами.

Он позировал вместе с Эдди Мерфи и Сильвестром Сталлоне. Он прилично заработал, поскольку Эм Си Хаммер взял за основу своего хита «U Can't Touch This» сэмпл из песни Рика, так что Рик вновь был в деле.

В следующий раз я встретил его, когда был в отеле на бульваре Сансет. Я сидел на улице с Рикки Шредером и Альфонсо Рибейро из сериала *«Принц из Беверли-Хиллз»* и просто отдыхал. Рикки тогда было где-то семнадцать, а Альфонсо, возможно, шестнадцать. Мы сидели и пили, и я увидел, как остановился «Роллс-Ройс Корниш» с откидным верхом и из него выбрался Рик. Он был одет в кричащую рубашку с галстуком, но галстук не был повязан, а рубашка был расстегнута. Он подошел к нам, поприветствовал меня «дай пять», а потом посмотрел на Альфонсо и – бац! – ударил его изо всех сил в грудь.

– Дай мне это чертово пиво! – закричал он и схватил пиво Альфонсо.

– Рик, это ребенок, тебе не следует его вот так бить, – запротестовал я.

Тогда он взял бутылку, отхлебнул из нее и спросил у меня:

– Как дела, ниггер?

Рику все было пох… й. Эдди Мерфи и его брат Чарльз рассказали мне историю великого Рика Джеймса. Он как-то работал с Эдди над музыкой и остановился у него. Я зашел к Эдди, и тот пожаловался мне на Рика:

– Майк, этот ниггер кладет ноги на стулья.

У Эдди в доме всегда был идеальный порядок, везде была

безукоризненная чистота, все вещи лежали на своих местах. Рик же положил свои вонючие ноги на стулья, его попросили не делать этого, но ему было насрать.

– Нах… й! Я могу делать, что хочу, – заявил он.

Чарли, брат Эдди, подошел к Рику.

– Послушай, ублюдок, ты так не шути здесь, – сказал он и схватил Рика за горло, чтобы утихомирить его.

Рику это совершенно не понравилось. Он встал, отряхнулся и, когда Чарли повернулся к нему спиной, позвал его:

– Эй, Чарли!

Чарли обернулся, и – трах! – Рик ударил его с такой силой, что на лице Чарли можно было различить отпечаток «RJ» от большого кольца с бриллиантом Рика.

На следующий день я снова зашел к Эдди. Эдди с Чарли со смаком вспоминали, как Принс со своими корешами надрали их баскетбол. Принс играл в туфлях на высоком каблуке, но попадал в корзину каждым броском. Жжжих! Жжих!

Но больше остальных заслуживает упоминания в приобщении меня к миру и образу жизни знаменитостей Энтони Майкл Холл[87]. Когда я, прежде чем стать чемпионом, еще только начал вкушать славу, я часто общался с ним. Он был выдающейся личностью. Именно он был в моих глазах образцом человека с деньгами, настоящей знаменитости. Он их тратил не считая, лимузинов у него было без счета. Он был чрезвычайно щедр. Мне понравилось, как было круто, когда мы катались в лимузине Майкла, поэтому не случайно, разбив свой «Каддилак», я купил именно лимузин.

На этом лимузине я приехал к Эдди Мерфи в его особняк в Нью-Джерси на новогоднюю вечеринку в 1987 году. Это было созвездие знаменитостей, с Альбертом Джозефом Брауном, Бобби Брауном, рэп-группой Run-DMC, Дуайтом Эррингтоном Майерсом. Я был одновременно и самоуверенным, и застенчивым. Но все же не до такой степени застенчивым, чтобы отказаться от мысли посадить в лимузин трех девушек и привезти их к себе на квартиру в Манхэттене.

Мой период воздержания окончился. Я был максималистом во всем, что я делал, включая секс. Как только я начал свободно общаться с женщинами, передо мной открылись широкие возможности. Низкорослые, высокие, утонченные, дурнушки, из высшего общества, с улицы – у меня не было жестких критериев. У меня не было какой-либо тактики в этом вопросе, и, по большому счету, я не знал, как подступиться к женщинам.

Как-то я был в Браунсвилле в гостях у одного друга детства, который стал сутенером. Мы сидели в его новехоньком лимузине,

разговаривали, и он вдруг остановился и вышел из машины.

– Иди к этому е… ному клиенту! – закричал он на одну из девушек, кучковавшихся на улице. – Видишь вон того урода на углу? Что ты здесь делаешь, болтая с этими суками?

Затем он вернулся в машину.

– За этими суками нужен глаз да глаз, Майк, – сказал он. – Они постоянно отвлекаются. Чтобы следить за этими суками, мне нужна собака-поводырь.

Однажды я пришел к нему в четыре часа утра.

– Что, черт возьми, ты здесь делаешь, Майк? – удивился он.

Я даже не успел сказать ему, что хотел бы трахнуть кого-нибудь из его девушек, поскольку он не дал мне и рта открыть.

– П… дуй отсюда, Майк, ясно? Ты Майк Тайсон. Тебе западло трахать этих шлюшек и грязных сук.

Иногда я встречался со своими приятелями, с которыми мы вместе совершали грабежи. Теперь у них были свои «Мерседесы», и выглядели они так же шикарно, как и я. Мы веселились, тусовались в клубе, и вдруг мимо проходила красивая девушка со своим парнем. Я начинал общаться с ней, а мои приятели стояли рядом и отсекали ее парня. О-о, в ее глазах я не стоил и цента, меня окружали тупые, невежественные, вооруженные бандиты, все как на подбор. Они смотрели на этого парня, и в их взглядах читалось: *«А что, мать твою, ты здесь делаешь, ниггер?»* Между тем другой парень говорил девушке: «Тебе бы лучше быть милой с моим другом, блин, не то я убью твоего муженька, нах… й!» Такие дела творились в восьмидесятые. Вот так народ развлекался тогда в Браунсвилле.

Я никогда не разговаривал с девушками в Браунсвилле. Они боялись меня, потому что в молодые годы я был весьма груб и относился к ним скверно. Девушки в моем районе всегда видели меня насквозь. Я не умел заигрывать с ними. Иное дело – мои приятели, которые делали это запросто: «Детка, а ну-ка, подойди сюда, давай поговорим». Мне было проще общаться с девушками в мире белых. Я встречался с ними на фотосессиях, или когда давал им интервью, или когда они как модели работали со мной на съемках.

Став чемпионом, я начал чувствовать себя с женщинами несколько более уверенно, но одновременно женщины стали вести себя со мной гораздо более агрессивно. Как результат, я стал решаться на то, что раньше не позволял себе. Так, если меня обнимали, я считал, что схватить за задницу и поцеловать – это в порядке вещей, потому что в свои двадцать лет полагал, что это нормально. Я действительно, верил, что каждая женщина, которая сближалась со мной, хотела заняться со мной сексом. До

того как я стал «Майком Тайсоном», никто не хотел иметь со мной ничего общего. Поскольку я не был большим знатоком женщин, я пытался вновь встретиться с теми, с кем я спал.

Я все еще не мог раскусить женских намерений. Со мной могла начать заигрывать красивая женщина, но я был таким чмошником, что вместо того, чтобы пригласить ее к себе в машину или позвать ее зависнуть в своей квартире, мог начать строить планы о походе с ней в кино на следующий день. Потом я шел домой и мастурбировал, думая о ней. А мог бы поиметь ее прямо там, в ее комнате. Достаточно было только предложить ей: «Почему бы тебе не прийти ко мне прямо сейчас?» Однажды я разговаривал с девушкой несколько часов, и она, наконец, сказала: «Слышь, садись уже в машину и вези меня к себе!» В моей голове сразу же зазвучало: *«Слава богу! Ох, слава богу!»* Я напшикал дезодоранта, хотя у меня в квартире все было в порядке, накупил презервативов и попрятал порнофильмы. Все было готово, и я был счастлив.

Я тусовался с более взрослыми знаменитостями в «Колумбе». Они видели, что я нравлюсь девушкам, и предлагали: «Почему бы тебе не приглашать их в отель? Там могли бы вместе пообедать». Они увидели, что я не слишком ловок в обращении с женским полом. Когда девушки стали приходить ко мне в «Колумб», я вел их вниз, где находился туалет. Народа было много, и все видели, как мы туда спускались. Когда мы возвращались, у очередной девушки вся спина была грязной от пола в туалетной комнате. И Поли обязательно бросал реплику: «Эй, Майк, они все возвращаются уже не чистыми».

Освоившись с этой практикой, я уже не мог остановиться. Я был слишком самовлюбленным малым. Я мог тусоваться в своем гостиничном номере в Лас-Вегасе сразу с десятью женщинами. Когда я должен был спуститься на пресс-конференцию, я брал с собой одну из них, а остальные оставались дожидаться меня в номере. Иногда я раздевался, надевал чемпионский пояс и в таком виде занимался сексом. Всякий раз, когда находилась партнерша, согласная на секс, я всегда был готов к этому. Сумасшествие заключалось в том, что я всякий раз пытался удовлетворить каждую. Это было невозможно: эти дамы были крепкими орешками. Через некоторое время у меня набралась целая картотека женщин в разных городах. Были знакомые девушки в Вегасе, в Лос-Анджелесе, во Флориде, в Детройте. Ох, и зачем только я делал это?

Я совершенно сбился с пути. Я жег свечу с обоих концов: упорно тренировался и так же трудолюбиво веселился – пил, трахался, всю ночь кувыркался с женщинами. Просто

удивительно, каким можно быть глупым и эгоистичным дерьмом, когда ты молод и у тебя есть бабки.

В то время я встретил девушку, которая мне более чем подходила. Я познакомился с людьми, которые входили в элиту мира моды. Дело происходило не на какой-то там вечеринке в «Колумбе», а на роскошном международном обеде со знаменитостями. Я тогда вышел в свет с одной моделью, но мой друг Кью рассердился на нее в связи с какими-то финансовыми делами и сказал мне:

– Забудь ее, Майк. Я сведу тебя, пожалуй, с самой красивой девушкой в мире. Она всего лишь подросток, но в ближайшее время станет самой высокооплачиваемой моделью. И тебе лучше было бы познакомиться с ней сейчас, потому что несколько ближайших лет она ни с кем не будет говорить.

Кью пригласил меня на вечеринку, на которой должна была быть эта девушка. Дело происходило в изысканных апартаментах на Пятой авеню. Мы отдыхали, и Кью привел эту модель, чтобы познакомить нас. Она оказалась как раз такой, как ее описывал Кью, плюс ко всему у нее был удивительный английский акцент. Можно сказать, она была на вершине своей славы. Мы разговорились. Она знала, кто я такой и, казалось, проявила ко мне интерес.

Мы обменялись телефонами, и на следующий день я нашел ее записку, где рядом с номером она написала: «Наоми Кэмпбелл».

Мы сразу же начали встречаться. Нас тянуло друг к другу. Она отличалась вспыльчивым характером, была страстной натурой и наряду с этим – человеком практического склада. У нас с ней было много общего. Ее воспитывала мать-одиночка, которая лезла из кожи вон, чтобы накопить достаточно денег для отправки дочери в частные школы в Англии. Всю свою жизнь Наоми была привилегированной юной леди.

Мы часто ссорились. Я постоянно бывал с другими девушками, и ей это не нравилось. Думаю, было бы неверно утверждать, что мы по-настоящему любили друг друга, но нам, на самом деле, нравилось общаться. Наоми была сосредоточена на своей карьере. Это был человек с сильной волей, готовый бороться за тебя. Если я ввязывался в какую-нибудь ссору, она всегда была на моей стороне и не боялась вступать в драку. Она также не позволяла никому хамить мне и говорить гадости обо мне за моей спиной. Наоми была всего лишь маленькой девочкой, которая пыталась найти свою дорогу в жизни, мы оба пытались это сделать, а окружающий мир подвергал нас испытаниям. В то время мы ничего не знали о жизни, по крайней мере, я точно

ничего не знал. Через несколько лет она оказалась на вершине мира, и никто не мог устоять перед ней. Она могла пожелать любого мужчину на планете. Ее обаяние было неотразимо, под него попадали все.

Но я не был готов остепениться и начать жить с одной женщиной. Помимо молодых леди, с которыми у меня был случайный секс, я стал также встречаться с Сюзетт Чарльз. Она заняла второе место на конкурсе «Мисс Америка», а затем надела корону, когда Ванесса Уильямс была вынуждена отказаться от своего титула после того, как «Пентхаус» опубликовал ее фотографии в обнаженном виде. Сюзетт была очень красивая, зрелая девушка, старше меня на несколько лет.

Что происходило со мной? Почему я менял женщин как перчатки? Я не могу себе представить, чтобы я поступал подобным образом сейчас: ходил к кому-то в гости, заскучав, шел в другой дом, чтобы провести там время, а в конце вечера, после посещения двух или трех женщин, возвращался бы домой и звал к себе еще кого-то, чтобы провести с ней ночь. Это был безумный образ жизни, но все, с кем я тогда общался, утверждали, что это было нормально, поскольку я тусовался со знаменитостями, которые делали совершенно то же самое.

Так что, в плане общения с женщинами я за рекордно короткое время прошел путь от голодания к пиршеству. Если уж продолжать этот образ, то к столу необходимо добавить еще один роковой персонаж: Робин Гивенс. В Англии я как-то оказался в постели с одной британской цыпочкой, на заднем плане транслировались телевизионные программы, показывали «Соул Трейн»[88]. Я обернулся, чтобы взглянуть на экран, а там была эта красивая негритянка.

– Кто это? – спросил я британскую цыпочку.

Она не знала, поэтому я стал внимательно смотреть передачу и услышал, что гостями передачи были участники телевизионного комедийного шоу «Мастер-класс». Я позвонил своему приятелю в Лос-Анджелесе Джону Хорну, он сделал звонок антрепренеру Робин, и мы договорились поужинать в Лос-Анджелесе по моему возвращению в Штаты. Я пошел вместе со своим приятелем Рори Холлоуэем, которого я знал еще по Катскиллю. Мы встретились в «Ле Дом», хорошем ресторане на бульваре Сансет. В то время я постоянно опаздывал: я считал, что все должны ждать меня. Однако до меня что-то должно было дойти, когда, войдя в ресторан, я увидел там Робин вместе со своей сестрой, своей матерью и своим агентом по рекламе.

Я не знал, что Робин и ее мать, Рут, с момента выпуска Робин из колледжа вели охоту за большой черной знаменитостью для

Робин. Я почувствовал исходившие от нее сильные сексуальные флюиды, это была какая-то химия. Она утверждает, что позднее в тот вечер мы остались вдвоем наедине и что я заснул у нее на коленях, пуская на нее слюни. Подозреваю, что это верный способ завоевать женщину – пустить на нее слюни.

После того как я увидел эту парочку в деле, меня поразило, насколько типичной мамашей-паразитом была Рут. Она инвестировала в свою дочь, чтобы та могла либо стать важной персоной, либо, по крайней мере, выйти замуж за важную персону. Они как-то пролезли в сериал «Шоу Косби» и, пользуясь этим, напросились на постой в дом Билла Косби в Лос-Анджелесе.

Я, конечно, не собирался лить воду на ее мельницу, но читать отчет Робин о совместно проведенном нами времени – это все равно что читать отвратительный сентиментальный роман и ужастик одновременно. Описывая первые дни, которые мы провели вместе в Лос-Анджелесе, Робин рассказывала о том времени, когда ее мать и сестра уехали в Японию, а она осталась одна со мной:

«Я не знаю, что ты пытаешься сделать или чего хочет этот мальчик, я не знаю, кому ты хочешь сделать больно, – говорила ей ее мать. – Иногда я верю, что мне, потому что ты считаешь, что я требую слишком многого, а иногда мне кажется, что себе, потому что ты сама говоришь, что не можешь соответствовать моим требованиям. Но я точно знаю одно: если ты играешь с огнем, ты можешь сгореть, и попомни мои слова: с некоторыми вещами слишком опасно играть».

Этот дерьмовым бред звучит, как плохой фильм по телеканалу «Лайфтайм». Возможно, ее мать на самом деле сказала следующее:

– Давай-ка захомутаем парня. Покажи, чему я тебя учила все эти годы. Это не сработало с Эдди Мерфи или Майклом Джорданом, так давай попробуем этого важного ниггера.

– Мама, о чем ты говоришь?

– Я слишком много трудилась над этим, чтобы ты впустую растратила этот капитал на некоторых…

– Мама, мы же просто веселимся! Или ты считаешь, что я не заслужила того, чтобы немного повеселиться?

Рут Безжалостная[89] действовала так, словно я был халявщиком, пытавшимся заполучить в свои руки средства *шоу «Мастер-класс»*, которых на самом-то деле не хватило бы даже, чтобы оплатить мою месячную аренду. У них не было ничего, пока на сцене не появился я. Они представляли собой двух разорившихся шарлатанок. У них ничего не было. Они представляли собой один большой мираж.

В своей книге Робин намекает, что мы не спали, но на самом деле я поимел ее в первый же или во второй вечер, когда она пришла ко мне в отель. Вместо этого она утверждает, что мы прогуливались по торговому центру и несколько часов играли в зоомагазине со щенками. Вы видели меня когда-нибудь в этом е… ном торговом центре, меня, чемпиона мира в тяжелом весе? Что, бл… дь, мне делать в торговом центре?

Так что, говоря по правде, я с ней не гладил щенков, а знакомил ее с наркодилерами. Однажды вечером, несколько месяцев спустя, мы шли по Манхэттену, по Шестой авеню и Сорок первой улице, и когда мы проходили мимо Брайант-парка, я заметил одного наркодилера, которого знал еще по Браунсвиллу. Я подошел к нему, мы поздоровались «дай пять», и Робин была поражена, что я знал этого парня. Уверен, она была уязвлена, что ей пришлось стоять рядом с типом такого сорта, ведь она была так вычурна и фальшива. Она просто не чувствовала себя комфортно рядом с нормальными обычными людьми. На мой взгляд, наркодилер из моего района был нормальным обычным человеком.

Я не был в деле более трех месяцев, на тот момент это был самый большой простой в моей карьере. Под делом я имею в виду работу на ринге. Настало время завоевать еще один чемпионский пояс. Джеймс «Костолом» Смит был чемпионом мира по версии WBA, и я отобрал у него этот титул 7 марта в Лас-Вегасе.

В этом бою я не мог выложиться на все сто процентов. У меня было защемление нерва в шее, которое мучило меня в течение многих лет, и в этот раз оно причиняло мне сильную боль. Но я действовал на ринге так, словно я был его хозяином. Я считал ринг своим домом, это было место, где я жил, где я чувствовал себя абсолютно комфортно в его пределах. Но я еще не был закаленным, опытным боксером в полном смысле этого слова.

Со мной тогда было не все в порядке. Я чувствовал себя, как Джон Макинрой[90]. Б… дь, да какая разница? Я всегда испытывал к нему большое уважение. Он был таким грубым зверем, и я ощущал себя им же. Я считал, что мне предоставлено право делать в мире бокса все, что полагаю нужным, а если у меня что-то не получалось, вы могли спросить с меня.

Я вышел на ринг первым. Когда вышел «Костолом» и мы оказались лицом к лицу, я не ощутил от него никакой угрозы. Я знал, что в меня слишком сложно попасть и что он не сможет ударить меня. Он был хорошим, сильным боксером, много раз завершал бои нокаутом, но таким образом расправиться со мной было трудно.

Бой начался, и ко второму раунду стратегия «Костолома»

стала очевидна: он собирался клинчевать или же бегать от меня. В начале второго раунда зрители начали свистеть, а в конце этого же раунда рефери Миллс Лейн снял с него очко за затяжку боя. Я же был даже рад, что он клинчевал меня, потому что у меня была такая непереносимая боль от защемления нерва, что этот вечер мог стать для меня весьма скверным. Я чувствовал себя отвратительно и дергался от боли весь бой. Мое душевное равновесие было нарушено. Так что, «Костолом» этим вечером дал мне передохнуть. Он попал в меня только один раз где-то за десять секунд до окончания боя. Я выиграл все раунды.

После боя с «Костоломом» меня упрекали в том, что поединок получился скучным, но что я мог поделать? Он просто не хотел драться. Когда вскоре после боя я оказался на программе «Би-Би-Си», мне пришлось защищаться.

– Мы все разочарованы поединком с «Костоломом», и я думаю, что вы тоже, – сказал ведущий.

– Я дрался с очень сильным боксером, но у него просто не было желания драться. Он так плотно клинчевал меня, что было почти невозможно освободиться. В это было трудно поверить. Он боролся за титул чемпиона мира в тяжелом весе – по-моему, было самое время проявить себя и выложиться по полной, – ответил я.

– Мы впечатлены вашим благородством на ринге и вне его, но в бою с «Костоломом» вы позволили себе пару раз сорваться между раундами, – ведущий намекал на легкие потасовки.

– Нет-нет, как раз наоборот. Я пытался вовлечь его в бой и был готов сделать для этого все, что угодно. Я бы ради этого даже станцевал чечетку посередине ринга. Я подбадривал его: «Давай же, дерись! Люди платили по тысяче долларов за билеты в первых рядах. Ты должен развлекать зрителей, дать им то, за что они заплатили».

После боя я получил 750 000 долларов аванса от компании «Нинтэндо» за право использования моего образа для видеоигры в бокс под названием *«Майк Тайсон – нокаутирующий удар!»* Ребенком я никогда не увлекался видеоиграми, так что это не слишком заинтересовало меня. Я просто хотел драться, все остальное было для меня чуждо.

В целом я начинал ощущать себя чужаком в этом дерьмовом маскараде со знаменитостями. С тех пор как Кас ушел, мне было не с кем поговорить об этом. Когда Алекс Валлау брал у меня интервью для программы *«Большой мир спорта»* на канале ABC, я сказал:

– Я привык держать многое в себе. Потом мы обсуждали все, что накопилось, с Касом. Теперь же мне не с кем обсуждать такие вещи.

Это был знак, что я готов расстаться с ними.

Я пытался уклониться от ответа, когда ведущий задал вопрос относительно девушек, тем не менее, он решил развить эту тему:

– Не будешь же ты утверждать, что у тебя не появилось множества девушек после того, как ты стал чемпионом мира в тяжелом весе?

– Им нужен не я, им нужны мои деньги. Я каждый день смотрю в зеркало и знаю, что я не Кларк Гейбл[91]. Я хотел бы встретить девушку, которая знала меня, когда я был на мели, и считала бы наряду с этим, что я хороший парень. Кас никогда не говорил мне, что это будет так, он уверял, что у меня будет много денег и много девушек и что я буду счастлив. Но он не предупреждал меня, что жизнь будет складываться так.

Я был неудачником из Браунсвилла, и вдруг все стали преклоняться передо мной. Это было сумасшествием. А впереди меня ожидало еще большее сумасшествие. Я стал влюбляться в Робин. В этой связи мне вспоминается один эпизод.

Мы шли вниз по бульвару Уилшир в Вествуде. Робин поддразнивала меня насчет чего-то, затем она толкнула меня и бросилась прочь. Я побежал за ней, и когда я, догнав, совсем уже собирался схватить ее, она быстро метнулась вбок. Я упал и, в буквальном смысле, покатился по улице, рядом с проезжавшими машинами. Я несся так быстро, словно мной выстрелили из рогатки. Остановившись, я принял лучшую позу би-боя, исполняющего брейк-данс. На мне была очень дорогая одежда, которая после моего падения вся изорвалась в клочья. Я был весьма смущен, но оставался в этой позе. Несколько секунд я так лежал, разговаривая с Робин, как будто ничего не случилось. Робин стояла и смеялась. По ее мнению, это была самая смешная сцена, которую она когда-либо видела. Вот тогда-то я и влюбился в нее. Уже позже я понял, что этот маленький инцидент в полной мере отражал наши отношения: она дразнила меня, затем уклонялась, и я оказывался в ее руках. Это была игра в шахматы, и я был ее пешкой.

Но как можно было ожидать от меня искушенности в сердечных делах? Робин оказалась первой девушкой, с которой у меня стали складываться настоящие отношения. Не считая Наоми, которая, кстати, вдрызг напилась, узнав про Робин. До этого передо мной проходила вереница девушек, которых я трахал и которым много лгал. Поэтому-то я теперь больше никому не лгу – потому что раньше я слишком хорошо умел это делать. А столько вкалывал я, очевидно, в знак протеста против того, что меня считали важной персоной и пели мне дифирамбы. Я чувствовал себя дискомфортно из-за своей низкой самооценки.

Она довлела надо мной, вынуждала меня упрекать самого себя и ставить себя на место. Обо мне говорили так много хорошего, что это зае… вало мне мозги и сбивало меня с толку. Ведь все должно быть сбалансировано, я же не был, блин, святым на самом деле. Я стрелял в людей. Мои социальные навыки состояли в том, что я вырубал парней, причем так, что они теряли сознание. Если у меня это получалось, мне давали хорошую порцию макарон. Вот как меня запрограммировал Кас. Каждый раз, когда я дрался и побеждал, я получал вознаграждение.

Может быть, Робин и была как раз тем самым, что доктор прописал. Плетущей интриги мегерой, способной поставить меня на колени. Я был, блин, прирученным щенком, который увивался вокруг нее: «Все в порядке, пожалуйста, ты можешь красть мои деньги, но не лишай меня своей киски, пожалуйста!» Не поймите меня неправильно, это касалось не только секса. Думаю, я был в основном лишен интимной жизни. Вряд ли я был превосходен в сексуальном отношении. Однажды она сказала, что я был хорош в постели, но я с этим не согласен. Я был просто молодым влюбленным парнем. Прежде я никогда не испытывал этого чувства.

В мае я вернулся на ринг. Моим соперником был Пинклон Томас, весьма известный, сильный боксер. Перед боем была организована пресс-конференция. Я был на сцене и вдруг увидел Робин, которая появилась вместе с некоторыми коллегами-актерами из своего комедийного сериала. Я пришел в полный восторг. Позируя для фотографии, я откровенно рисовался, я был просто счастлив. Для меня это было отклонение от нормы, потому что на пресс-конференциях я всегда был сдержан, зная, что в противном случае у меня будет отталкивающий вид. Журналисты были в замешательстве.

– Что случилось с Тайсоном? – поинтересовался один из них. Потом они обернулись, увидели Робин и сложили два и два.

– Неудивительно, что он так счастлив, – заметил кто-то.

Подошел Пинклон, чтобы пожать мне руку, и я вернулся в образ «Железного Майка». «Отсоси у меня!» – сказал я ему.

– Ах, ты так? Ну и черт с тобой! – сказал он.

– Ты, тупой, дремучий ниггер! Тебе неизвестно, что я бог? Ты должен на коленях сосать мой член, прямо сейчас, за то, что тебе позволили драться со мной, – ответил я.

Сегодня я испытываю стыд за то, что когда-то говорил что-то подобное взрослому человеку.

Я надеялся, что Робин не слышала всего этого. Черт, в ту минуту, когда она вошла, для меня все переменилось. Я спрыгнул со сцены, подошел к ней и превратился в уравновешенного,

классного, безобидного черного чувака.

– Привет, ребята. Как у всех вас дела?

Вот об этом фальшивом дерьме Кас как раз и говорил. Мне приходилось метаться, блин, между манией величия и образом безобидного чувака, и это смущало даже меня. Было сложно изображать одновременно двух ублюдков:

«Ты, подонок, я убью тебя, ниггер!», «Как ты себя чувствуешь, любовь моя?»

В этот вечер я защищал два своих чемпионских пояса, так что я был слегка взвинчен и не позволял себе излишней самоуверенности. Пинклот был бывшим чемпионом, который потерпел поражение лишь от Тревора Бербика, и то случайно. Я хорошо начал в этот вечер и почти нокаутировал его в первом раунде. Но он вернулся на ринг и во втором раунде, и в третьем, и в четвертом, и в пятом. Возможно, несколько из этих раундов он выиграл. У него был мастерский, жесткий джеб, это было только касание, и еще одно касание, и вновь касание, но очки набирались.

Между пятым и шестым раундами Кевин в углу набросился на меня:

– Мы будем драться или заниматься фигней, а? Дерись – или просрешь.

Я ответил Кевину, что к шестому раунду Томас уже устал.

В шестом раунде я провел сокрушительный левый хук, который пришелся ему точно в челюсть. Он был настолько дисциплинированным и хладнокровным боксером, что действовал так, словно это его ничуть не обеспокоило. Однако я изучал бои великих боксеров, таких, как Робинсон, Марчиано, и знал, что если я попал прямо в цель, то ты уже ранен. Меня не волновало, что у тебя каменное лицо. Поэтому я выбросил столько ударов, сколько мог, возможно, серию из пятнадцати ударов, и завершил ее потрясающим нокаутом. Он был нокаутирован вчистую, он распластался на канвасе, но был настолько храбр, что попытался встать. Однако я видел на его лице гримасу боли и знал, что он не сможет этого сделать. Вероятно, это был самый жестокий нокаут в моей карьере. Я словно колотил грушу, не беспокоясь о том, что будет дальше. Но только подумать, какой характер он проявил! У него все лицо было искажено от боли, а он пытался подняться. Я подумал тогда: *«Проклятье! Ты хочешь еще?»*

Хотя я выиграл бой мастерским нокаутом, я не был доволен своим выступлением в целом и усомнился в том, что Джимми и Кейтон правильно выстраивают очередность боев для меня. Кас прежде, чем он умер, хотел отработать со мной еще некоторые

моменты. Однако этих ребят ничто не волновало, они готовы были сводить меня на ринге с кем угодно. Возможно, Кас решил бы, что еще слишком рано устраивать поединок с Пинклоном, и выставил бы меня против кого-нибудь другого. В этом бою я не выглядел достаточно хорошо, хотя нокаут был эффектным. Но Кас был бы на меня сердит. Этого у меня уже не было. Мне больше не приходилось беспокоиться о том, что кто-то мог надрать мне задницу в раздевалке, если ему не понравилось то, как я действовал. Теперь мне не надо было кого-либо слушать. А знаете, как легко можно расслабиться, когда тебя некому вздрючить?

После боя с Томасом у меня стало больше времени, чтобы проводить его с Робин. Мы занимались сексом, но он не был страстным. Она не относилась к тому типу девушек, которые готовы целовать пальцы твоих ног и заниматься подобным дерьмом. Она была прагматична. Я, однако, продолжал считать ее восхитительной девушкой – до тех пор, пока она не уличила меня в измене. Я постоянно изменял ей, и меня постоянно уличали в этом. Я был не слишком изыскан, и она увидела следы от помады на промежности моих тренировочных брюк.

Продолжение было следующим.

– Скотина, мать твою! Как ты мог так поступить? А-а-а! – Она вопила, колотила меня и пыталась пнуть меня по яйцам. Она была непреклонна. Я расстроился и дал ей шлепка, вообразив себе, что этим дело и завершится, но не тут-то было. Она принялась драться еще яростнее. Она не была девушкой из Браунсвилла, она принадлежала к сословию обывателей, но не стоило недооценивать ее. У нее уже был опыт драчек. Эти сцены напомнили мне о ненормальных отношениях моей матери с мужчинами.

Говоря по правде, я уже устал драться. Я устал драться с Робин, и я устал драться на ринге. Я только сейчас осознал, какой это стресс – быть чемпионом мира и доказывать это снова и снова. Я занимался этим дерьмом с тринадцати лет, и не только на ринге. Мне приходилось доказывать это во время боев и сборов, я всегда дрался с парнями, которые были опытнее меня. Как правило, на спарринге или в обычном поединке с участием чемпиона против него ставят того, кто ему уступает, с кем он легко справляется. Но мои спарринг-партнеры постоянно пытались ударить меня побольнее. У них была специальная инструкция на этот счет. Если они этого не делали, их отправляли домой. Когда ты только начинаешь тренироваться, ты постоянно испытываешь чувство страха. Ты выходишь на ринг не для того, чтобы просто выйти, позабавиться и развлечься – ты

выходишь драться против того, кто в прошлый раз здорово, блин, тебя измордовал. Я не мог позволить себе заскочить в бар за углом или встречаться с девчонкой. Я шел домой, окунался в ванну и сосредотачивался на том, как мне провести бой с этим парнем на следующий день. Такова была моя жизнь, и я от нее устал.

Я всегда относился к пессимистам и постоянно находился в подавленном состоянии, но нынешний стресс только усугублял положение дел. Я был постоянно угрюм. 1 августа я должен был вновь выходить на ринг, поэтому мне пришлось начать интенсивные тренировки и проводить их практически без перерыва. Я приехал на сборы в Лас-Вегас и начал тосковать по дому. Я скучал по общению и вечеринкам в Олбани с Рори и другими приятелями. Где-то за месяц до боя с Тони Такером[92], самого значительного боя в моей карьере за звание абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе, объединяющее чемпионские титулы по всем трем версиям, мне пришла в голову одна мысль.

Однажды в спортзале я отвел Стива Лотта в сторону и сообщил ему:

– Я собираюсь завершить свою карьеру и уйти.

Напряжение начинало сказываться на мне. На нервной почве у меня выпадали волосы, причем целями прядями. Меня даже не волновало, получу ли я третий пояс. Робин, совершенно точно, не являлась для меня якорем стабильности: мы постоянно дрались и временно разошлись. Я получал стресс, даже просто гуляя по улице: ко мне подходили парни и говорили, что они заключили пари, поставив на меня свою жизнь, и я должен выиграть, иначе они потеряют свой дом, и жены их бросят. Я вовсе не хотел, чтобы с этими людьми случились такие беды.

Подозреваю, что я просто никогда не считал себя полностью подходящим для этой работы. Я не был слишком уверен в том, что у меня будет получаться роль доминирующей личности. Между боями я посещал действительно злачные места посередине Мухосранска, штат Флорида, которые славились регулярным мордобоем. Я заваливал туда с важным видом, и все эти уроды доставали свои пушки. Я нес какую-то чушь и затевал драку. На мне были бриллиантовые украшения, и меня могли запросто избить и ограбить. Меня могли просто убить к е… ням собачим. Хвала Аллаху, что эти люди не убили меня. Меня можно оставить в любом городе любой страны, и я всегда найду там самую грязную клоаку. Иногда я ходил совершенно один, без какой-либо охраны, тем не менее, меня не подстрелили и не ограбили. Я всегда чувствовал себя в безопасности, когда был в гетто. Меня спрашивали: «Майк, тебе там не было страшно?» И я отвечал:

«Черт, мне страшно ходить по Лас-Вегас-Стрип[93]». Я чувствовал себя в гетто как дома. Я видел, как женщина с детьми шла поздно промозглым вечером, и это напоминало мне мою мать и меня.

Примерно за месяц до боя с Такером я сбежал со сборов, отправился в Олбани и начал там гулять. Я гулял две недели подряд. Своим приятелям в ночном клубе я сообщил, что завершил свою карьеру. Однако Джимми дозвонился до меня и стал мне угрожать. Если я откажусь от боя, любой может подать на нас в суд. Я мог завершить свою карьеру, но не мог распоряжаться своей собственной жизнью. Что эти ребята знали о моей жизни? Джимми полагал, что Робин могла бы подойти мне, что она помогла бы мне остепениться. Подозреваю, что Робин была еще большим обманщиком, чем Джим.

Примерно за две недели до боя я возобновил тренировки. Я хорошо погулял в Олбани и поэтому не смог восстановить отличную форму. В первом раунде Такер провел апперкот, который отбросил меня назад. Многие подняли большой шум по этому поводу, но я сам его совершенно не почувствовал. Это означало лишь, что я немного ошибся. В четвертом раунде я начал полностью контролировать ход боя и выигрывал с этого момента практически каждый раунд. Бой завершился, и пока мы ждали решения судей, к нам с Руни подошел Такер.

– Ты чертовски хороший боксер. Не беспокойся, я дам тебе шанс снова встретиться со мной, – сказал он.

– Думаешь, ты победил? – ответил Руни. – Уе… вай отсюда.

Затем Тони начал молиться, но в этом не было необходимости: я и так победил единогласным решением судей. Я, однако, остался недоволен. В то время я не был доволен чем бы то ни было в своей жизни. Ларри Мерчант, который после боя брал у меня интервью для канала HBO, обратил внимание на мое настроение:

– Парню, который только что стал абсолютным чемпионом мира, следовало бы выглядеть немного более счастливым.

– Пока я совершаю ошибки, у меня нет поводов быть счастливым, – ответил я. – Я стремлюсь к совершенству, и я хочу быть совершенным.

После боя Дон Кинг призвал организовать «коронацию», чтобы отпраздновать завоевание мной титула абсолютного чемпиона. Я не хотел никуда идти, но Джимми сказал, что это составная часть бизнеса, поэтому мне пришлось принять в этом участие. Я чувствовал себя участником шоу уродов. Чак Халл, ринг-анонсер, переоделся в средневековый английский костюм. Он был окружен шестью пародийными трубачами из числа лейб-гвардейцев, одетыми в елизаветинские синие бархатные костюмы

и шляпы, украшенные перьями. Они строем сопровождали по красной ковровой дорожке двух моих «жертв» – «сэра Костолома» и «сэра Мизинца». Затем Халл объявил:

– Слушайте, слушайте все! Приказом населения мира бокса в этот славный тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год объявляется, что в землях, далеких и близких, человек, который лучше всех, стал триумфатором на квадратном четырехугольном поле битвы, а посему настоящим возвещается о том, что он абсолютный чемпион мира в тяжелом весе.

Затем Дон Кинг произнес одну из своих типичных говенных речей. Он всегда хотел быть более известным, чем боксеры. Вслед за этим всех руководителей телекомпании HBO и боксерских промоутеров заставили промаршировать по красной ковровой дорожке. Пел детский хор. Были задействованы такие знаменитости, как Деннис Хоппер[94] и Филип Майкл Томас[95], которые раздавали памятные подарки и призы всякой мелюзге. Когда настала очередь моего друга Эдди Мерфи вручать призы, он выдал экспромт: «Человек отмутузил всех подряд – и не получил никакого приза. Зато все белые получили свои призы. Я этого не понимаю».

Самое интересное приберегли напоследок. На плечи мне набросили мантию из шиншиллы, а Али возложил мне на голову корону, усыпанную драгоценностями, как выразился Кинг, «финтифлюшками, рубинами и другими классными безделушками». Затем мне вручили ожерелье, украшенное драгоценными камнями, и усыпанный драгоценностями скипетр от «Ювелира Феликса».

– Да здравствует король тяжелого веса! – прокричал Дон.

Я чувствовал себя цирковым клоуном. Плюс ко всему меня попросили выступить. Что, черт бы всех их побрал, я мог сказать?

– Означает ли все это, что мой кошелек станет толще? – пошутил я. – Мне приятно быть сейчас здесь. Я прошел долгий путь. И я намерен отстаивать свой титул так долго, как только смогу.

Я чувствовал себя полным чмошником.

Для следующего боя у меня была дополнительная мотивация. 16 октября я должен был драться с Тайреллом Биггсом в Атлантик-Сити. Я завидовал ему – у него была золотая медаль Олимпийских игр, на которые я не был допущен. Спортивные журналисты, писавшие о боксе, не преминули обратиться к этой теме. Они утверждали, блин, что Биггс мог победить меня. К примеру, Уолли Матьюс из «Ньюсдей» Лонг-Айленда писал: «Имеются большие сомнения в том, что Майк Тайсон действительно силен». Они считали, что мои внеклассные

мероприятия за пределами ринга могли препятствовать моему профессиональному росту.

За неделю до боя у меня взяли интервью как раз на эту тему.

– Я никогда никого по-настоящему не ненавидел. Но думаю, что Тайрелла Биггса я ненавижу, – сказал я. – И я хочу преподать ему хороший урок. Я намерен серьезно побить его, очень серьезно.

Я хотел этим сказать, что я был намерен вздрючить любимца Америки. Я желал быть злодеем, но это не означало, что я не хотел золотой медали. Кроме того, как-то Биггс нагрубил мне в аэропорту. Мы вместе летели на Олимпиаду в Лос-Анджелес. Он должен был принять участие в поединке, а я собирался просто быть зрителем и хорошо провести время. К нам подошел какой-то фанат и сказал нам обоим: «Удачи на Олимпиаде!»

– Что? Вы, очевидно, имеете в виду этот рейс, а не его бой. Он не собирается драться на Олимпиаде, – ответил Биггс.

У меня от той сцены осталось весьма паршивое впечатление. Поэтому я упорно тренировался, чтобы надрать ему задницу, – я был мотивирован. Я даже не хочу много рассказывать об этом бое. Это было семь раундов жестокого наказания. Я использовал локти, бил ниже пояса, наносил удары после окончания раунда. Проявилась темная, глупая, грубая сторона моей натуры, которой я стыжусь. Я растянул наказание на семь раундов. Я был молодым, не совсем уверенным в себе ребенком, и я хотел быть кем-то особенным за чужой счет.

– Я мог бы нокаутировать его еще в третьем раунде, но я растянул это удовольствие. Я хотел, чтобы он надолго запомнил это, – сказал я журналистам после боя. – Когда я бил его по корпусу, он повизгивал, словно женщина.

Тут я, конечно, морочил им голову. Я слышал, как он стонал от боли, но отнюдь не визжал.

В следующем бое у меня тоже была личная заинтересованность. Когда мне было только четырнадцать, мы с Касом разговаривали о том, как бы победить Ларри Холмса. Кас предложил мне план: удар правой сразу после джеба. Я считал, что должен был войти в историю бокса победой над Холмсом и отмщением за поражение Али, моего героя. Так Шугар Рэй Робинсон отомстил за Генри Армстронга, победив Фритци Живича.

За три недели до боя Кевин предупредил меня:

– Холмс гораздо сильнее Биггса, а ты готовился к бою с Биггсом лучше, чем тренируешься сейчас. Надо усилить подготовку.

Я так и сделал.

На пресс-конференции, организованной перед боем, мне было скучно. Я всегда ненавидел такие мероприятия. Иногда я даже засыпал на них. Там не было ничего, что я хотел бы услышать. Я хотел просто драться, и у меня не было никакого желания участвовать в такого рода фигне. Дон Кинг нес всю эту чушь, весь этот бред, придумавая на ходу какие-то дурацкие словечки: «Брачный союз кулачного боя и рукопашных единоборств явился вдохнопением, созитворением и, прежде всего, раскрепождением…» Кому нужно было все это говно?

Однако от этой пресс-конференции была та польза, что на ней я решил осадить Холмса. У меня укрепился агрессивный настрой, поскольку Холмс высокомерно заявил:

– Я собираюсь войти в историю бокса как победитель. Что касается Майка Тайсона, то он войдет в нее как последний сукин сын. Если же ему доведется выиграть этот бой, то в последующем он уничтожит сам себя.

Подозреваю, что в этот день он выступил в роли Нострадамуса.

Продажи билетов на этот поединок побили все рекорды. Там были все знаменитости: Джек Николсон, Барбара Стрейзанд, Дон Джонсон, Кирк Дуглас.

На разогреве в раздевалке я так завелся, что, на самом деле, пробил дырку в стене. Иногда я мог превращаться в какого-то зверя. Я мог перерождаться из рационального человека в иррациональное существо в долю секунды. В эти моменты я вспоминал о том, как надо мной издевались, когда я был ребенком, и отбирали у меня деньги. Я вовсе не хотел проломить стену, но колотил но ней я здорово. Я разогревался и знал, что стена была достаточно прочной. Я бил по ней, бац, бац, бац, а затем – бах! И проломил ее.

На этом бое присутствовало не так много моих подружек. Была Робин, а также Сюзетт Чарльз. Я был достаточно смышлен, чтобы пригласить и других девушек в обход своих антрепренеров. У меня было два билета для одного пижона – его дочь была моей девушкой. Другой приятель пришел со своим братом. Я был хитер.

Мой выход был без музыки. Я думал только о бое. Чтобы «зажечь» зрителей, на ринг вышел Али. Он подошел к моему углу. «Сделай его!» – попросил он.

Раздался гонг, и мы начали бой[96]. Я бил Холмса в каждом раунде. Он оказался недостаточно подготовлен и опасался наносить удары. В четвертом раунде я был у канатов, когда рефери сказал: «Брейк!» Как только он это произнес, я выбросил комбинацию из двух ударов, о которой мы говорили с Касом. Бац,

бац! – и он упал. Он поднялся, но с трудом. На этот раз достаточно было лишь прикоснуться к нему, я даже не попал ему в подбородок, и он вновь упал. Я рванул вперед, и он стал уклоняться от моих ударов. Мне было очень трудно попасть, потому что у него были длинные руки и он мог блокировать мои удары. Но затем он сделал ошибку, проведя апперкот. Он был у канатов, и – бац! – я отправил его в нокаут. Я хотел помочь ему подняться, но его угол не позволил мне находиться рядом с ним.

Тогда я наклонился и сказал: «Ты – великий боксер. Спасибо».

– Ты тоже великий боксер, но иди нах… й, – ответил он мне.

– Сам иди нах… й, урод, – сказал я.

На пресс-конференции после окончания боя я был весьма сдержан.

– Если бы он был в своей лучшей форме, у меня бы не было никаких шансов, – сказал я.

Я не стал переворачивать новую страницу и в одночасье становиться смиренным, я просто процитировал Фритци Живича, великого чемпиона, который сказал это после того, как он победил Генри Армстронга. Вы должны заметить, что я всегда цитирую своих героев, мне нечего добавить к сказанному ими.

После боя я был счастлив, когда ко мне в раздевалку зашли Барбара Стрейзанд и Дон Джонсон. Мне нравилась Барбара, она была родом из Бруклина.

– Твой нос очень сексуален, Барбара, – сказал я ей.

– Спасибо, Майк, – ответила она.

Можете ли вы представить, чтобы у ребенка в двадцать один год осуществилась мечта – к нему в раздевалку пришла Барбра, трах-тиби-дох, Стрейзанд? Кас всегда говорил мне, что все, что я когда-либо видел по телевизору, вполне может для меня воплотиться в реальность. Включая женщин. Робин была не единственной красивой девушкой, которую я встретил. Я бы хотел, чтобы у меня была такая фантастическая машина: я звоню, по моему заказу мне создают женский образец, запаковывают его в машину и доставляют его мне.

Вот так я начал прибретать новый опыт. Кроме выдающихся боксеров прежних времен, образцом для подражания для меня являлись также крутые еврейские гангстеры. Парни вроде меня, у которых не было яркой индивидуальности, подражали жизни других людей. Если я, читая, узнавал, что Джо Луис любил шампанское, я начинал пить шампанское.

Я наслаждался своей известностью и славой. Увидев красивую девушку, я мог сказать ей: «Эй, иди сюда, давай поговорим. Тебе нравится этот автомобиль?» К примеру, это мог быть «Мерседес». Она отвечала что-нибудь вроде: «Ух, какая

красивая машина!»

– Да? Это, действительно, красивая машина?

– О-о, чувак, мне бы хотелось иметь такую! – говорила она.

– А мне бы хотелось иметь тебя. Я думаю, что это справедливый обмен, верно? Пойдем со мной!

Это всегда срабатывало.

Когда у меня не было тренировки, я, проснувшись, открывал бутылку шампанского, заказывал икры, копченой лососины и яичных белков. Со мной в постели была красивая женщина, или две, я ставил на стерео Билли Холидей. Я жил в мире фантазий. Мне никогда не приходилось ждать в очереди, чтобы попасть в ресторан или клуб. Я назначал свидания шикарным моделям, тусовался с завсегдатаями модных курортов. Это был мир, частичкой которого Кас хотел меня видеть. Но он также хотел, чтобы я ненавидел людей в этом мире. Неудивительно, что я был в замешательстве.

Через некоторое время преимущества славы стали отходить на задний план, а масштабы известности стали для меня обузой. Никогда не забуду, как однажды, когда моя профессиональная карьера была в самом начале, я тусовался с Питом Хэмиллом и Хосе Торресом. Пит предложил: «Пойдем погуляем!»

Мы купили мороженое и пошли по Коламбус-авеню.

– Наслаждайся этим сейчас, Майк, – сказал Пит. – Потому что скоро ты уже не сможешь так делать.

Теперь я не мог выйти на улицу без того, чтобы меня не окружила целая толпа. Если я оказывался в клубе до своего поединка, посетители клуба хватали меня на месте преступления.

– Майк, что, мать твою, ты здесь делаешь? – возмущались они. – Мы собираемся увидеть тебя на следующей неделе, ублюдок. И тебе бы лучше победить. В это трудно поверить: ты что, блин, сейчас не на тренировке?

Я мог увидеть красивую девушку и поинтересоваться у парня: «Кто это?»

– Б… дь, Майк, я не знаю, – отвечал парень. – Я не знаю, кто она, но я иду с ней посмотреть поединок. А ты тренируйся, ниггер.

Это было хуже, чем когда я ошивался на улицах Браунсвилла. Ребята там не контролировали своих эмоций, они очень резко реагировали на проявление неуважения. Я как-то стоял там с парнями, и какой-то незнакомец подошел ко мне.

– Эй, как дела, чувак? – спросил он вполне дружелюбно.

Я хотел уже было ответить этому уроду: «А твои как дела?» – но тут вмешался один из моих приятелей:

– Эй, Майк, ты знаешь его?

– Нет.

– А почему тогда ты, мать твою, разговариваешь с ним?

Им не нравилось, когда кто-то подлизывался к другому. Они запросто могли сказать тому, кто подошел к нам: «Пошел нах… й! Оставь его в покое!»

Обитателям Браунсвилла не нравилось, когда вторгались в их пространство. Просто так в районе лучше было не появляться. Но ведь совсем другое дело, когда ты знаменитость. Поэтому я конфликтовал сам с собой, был в разладе со своими собственными инстинктами. Мне это было против шерсти, как говорили в центре реабилитации. Иногда все получалось слишком некрасиво. Не раз, когда я был в плохом настроении, за мной следовал навязчивый поклонник:

– Майк, я люблю тебя. Могу я получить твой автограф?

– Отъ… сь от меня, чертов урод! – отвечал я и надирал ему задницу. Честно говоря, я никогда не думал, что стану знаменитым.

Рассказывая все эти истории, я сам не могу поверить, каким тогда я был грубым невоспитанным чудовищем. Если ты не обрел под собой твердую почву, свалившаяся на тебя слава заставляет тебя чувствовать себя, блин, пустышкой. Плюс ко всему пьянки, девочки – все это сказалось на моих выступлениях. Парни, которых я должен был бы нокаутировать еще в первом раунде, держались и пять раундов, и шесть, а иногда и весь поединок. Безусловно, теоретически кто-то вполне мог быть одновременно и сексуальным тираннозавром, и чемпионом мира. Только на практике надо было добровольно отказаться от какого-то одного из этих званий. Сексом ты можешь заниматься в любом возрасте, но ты не можешь все время быть спортсменом мирового класса. Я, однако, выбрал секс.

Я тогда просто был несчастным человеком. Я не мог постичь, почему кто-то хочет быть со мной. *Я сам* не захотел бы быть с собой. Думаю, что это моя мать передала мне свою депрессию. Я не знал, что мне еще делать, когда я стал чемпионом. Я хотел только быть похожим на своих старых героев. Меня не беспокоило то, что завтра я мог умереть. Ранее я прочитал книгу об Александре Македонском – он предпочел несколько лет славы жизни в неизвестности. Так к чему мне беспокоиться, что я могу умереть? Разве в своей гребаной жизни мне еще следовало что-то ожидать?

У меня было все, что я хотел, но я не был по-настоящему счастлив. Окружающий мир больше не приносил мне счастья, а как стать счастливым изнутри, я не знал. Как я понял позднее, счастье – это ведь внутренняя работа. Находясь в состоянии

такого уныния, безысходности и отчаяния, я сделал последнее, что я должен был бы сделать, – я женился.

Я женился на Робин, потому что она была беременна, а я был взволнован при мысли, что стану отцом. Это была единственная причина. Проблема заключалась в том, что это не Робин сообщила мне, что она беременна, а Джимми Джекобс. Он сам узнал об этом от Рут, матери Робин, которая позвонила ему. В то время я, конечно, не знал, что все это было полной фигней. Робин никогда не была беременна. Это была настолько конфиденциальная информация, что женщина, с которой я спал, не решилась даже сама сообщить мне ее.

В обеих этих женщинах все было фальшиво, запутанно, лживо, низко. Робин рассказывала всем, что она бросила Гарвардскую медицинскую школу для продолжения актерской карьеры, но когда некоторые журналисты проверили этот факт, они обнаружили, что ее имя не числится в списках данного заведения. Меня не волнует, насколько искренне ты утверждаешь, что любишь кого-то, но когда ты лжешь, это всегда вернется к тебе бумерангом. Такими были Робин и ее мать. Люди, втиравшиеся в доверие, мошенницы, полупроститутки. Рут подала в суд на великого Дэйва Уинфилда из нью-йоркской бейсбольной команды «Янки», обвинив его в том, что тот заразил ее герпесом. А когда она поднялась на церемонии окончания колледжа, ее освистали все 129 одноклассников – это о многом говорит.

Я ничего не знал о лжи относительно беременности. Я ничего не знал о вещах такого рода. Я пытался все устроить благородно, но это был полный лохотрон, а я был лохом, чмошником. Может быть, мне следовало быть малым-не-промах, как и остальные черные. Например, как Хосе в *«Шоу Мори Повича»*, когда дамы обвиняют его: «Ты отец этого ребенка?» Я должен был бы ответить, как он: «Не-а, увидимся на шоу Мори». Но я не был тем парнем. Я был парнем, который положил бриллианты ей под подушку, но даже этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить ее. Поэтому, когда в феврале 1988 года мы были в Чикаго на «матче звезд» Национальной баскетбольной ассоциации, я привел ее в дом священника, которого я знал, и уговорил его прямо на месте сочетать нас браком. Я даже не спросил ее, хочет ли она замуж, это был импульсивный шаг. Она играла в молчанку, поэтому мне пришлось прибегнуть к тактике легкого запугивания, как мне тогда казалось, и она дала свое согласие. Отец Клементс сочетал нас браком в прихожей своего дома, а затем мы пошли в клуб моего приятеля, чтобы отпраздновать это событие.

Когда мы вернулись в Нью-Йорк, Рут, оказывается, уже позвонила Джимми и пригрозила, что, если мы не собираемся немедленно зарегистрироваться законным браком в Нью-Йорке, она намерена отправить нас пожениться в Лас-Вегас. Джимми хотел отложить это, чтобы мы могли подписать брачный договор, но я был по уши влюблен и не беспокоился ни о каком брачном договоре. Итак, мы отправились в ратушу, получили документ и, таким образом, стали состоять в законном браке. Рут сразу же повела речь о том, чтобы подыскать для нас троих подходящий дом. Робин всегда говорила мне, что она неразлучна со своей матерью, но их отношения представляли собой что-то весьма странное. Даже последователи Фрейда подивились бы, изучая их. Они вряд ли смогли бы дать им верное определение. Робин принадлежала не к тому полу, чтобы у нее развился эдипов комплекс. Я думаю, что у нее был хердипов[97] комплекс.

Глава 6

Примерно в это же время я познакомился с легендарным, всемирно известным сутенером и писателем Айсбергом Слимом[98]. Жаль, что я не встретился с ним до того, как я женился на Робин. Он мог бы наставить мою задницу на путь истинный. Однажды вечером я был в одном клубе в Лос-Анджелесе и наткнулся на Леона Айзека Кеннеди[99]. Мы разговорились, и он небрежно упомянул какую-то фразу Айсберга.

– Извини, ты имеешь в виду писателя Айсберга Слима? – спросил я.

И Леон рассказал мне, что Айсберг был его другом. Я никак не мог в это поверить. Я считал Айсберга мифическим персонажем. Он получил это имя, когда сидел в своем любимом баре, кайфуя от «кокса», и кто-то выстрелил в парня рядом с ним. Пуля задела его друга, а затем пробила шляпу Слима. Он даже не вздрогнул, а просто снял шляпу и осмотрел дырки в ней. Его друзья после этого случая решили, что за такую невозмутимость он должен отныне зваться «Айсбергом».

Я сказал Леону, что хотел бы встретиться с Айсбергом. На следующий день он заехал за мной, и мы направились к Айсбергу. Он жил в говенной лачуге в жутком районе Креншоу. Ему было уже за семьдесят, и он жил один. Я проговорил с ним непрерывно около семи часов. Мы обсуждали его жизнь и его книги. Я ожидал, что он будет говорить как неотесанный уличный парень, но он был очень эрудирован и говорил превосходно. Он очень точно подбирал каждое слово. Сначала я решил, что он получил самообразование, когда сидел в тюрьме, что он просто выучил эти слова из словаря. Однако позже я узнал, что он окончил колледж. Он показал мне свои детские и юношеские фотографии, он был очень милым, симпатичным, приятным ребенком. Айсберг представлял собой чрезвычайно интересную личность. Вы никогда бы не подумали, что разговариваете с человеком, настолько погруженным в мир порока.

Первое, что я спросил, – считал ли он себя лучшим сутенером.

– Нет, я далеко не лучший сутенер. Я просто получил образование, умел читать и писать, знал, как подбирать и излагать все эти истории. Но это, пожалуй, и все, что у меня было. Другие же парни были просто извергами, – ответил он.

Он рассказал мне много историй из числа своих похождений, но был уже тот этап в его жизни, когда он перестал гордиться

ими. У него были дочери, поэтому по мере того, как он становился старше, он уже больше не мог играть в прежние игры. Но когда он был в расцвете сил, он был весьма жесток со своими девочками. Позже я узнал, что у него была сутенерская палка, которую изобрел его наставник. Он согнул вешалку для одежды, нагревал ее на горячей плите и бил ею своих шлюх. А когда шел дождь, он так наставлял своих девушек: «Суки, вам лучше пройти между каплями дождя и добыть для меня деньги. И не намочить их».

Айсберг не был счастливым, постоянно улыбающимся парнем, он даже не был обрадован, что я приехал навестить его. Очевидно, он полагал, что так и должно было быть. Он был классическим сводником. При взгляде на этих сутенеров на высоких каблуках, в смешных разноцветных костюмах и в прочей фигне на ум приходит сравнение с клоунами, но их самоуверенность заоблачна. Мы не понимаем, как они заставляют своих девушек заниматься тем, чем они занимаются, тут все дело в этой самоуверенности. Мы смеемся над этими ребятами, но одновременно мы им завидуем. Как они добиваются такого контроля: чтобы их женщины делали это, а затем отдавали им полученные за это деньги?

Я продолжал совершать паломнические поездки к Айсбергу. Как-то я даже пригласил его посмотреть мой бой, но это было уже слишком для него. В былые времена у него был безукоризненный вкус в одежде. Он одним из первых начал носить аскотский галстук[100]. Он был первым ниггером с французскими манжетами. Поэтому, как он сказал мне, если бы он выбрался посмотреть бой с моим участием, он должен был бы вылезти из своего старого кожаного костюма, а ему не хотелось делать этого. Он всегда очень строго придерживался своего брэнда, и от него ожидали, что он будет выглядеть вполне определенным образом. «Я должен быть в своих кожаных штанах, а мне сейчас не хочется этого», – сказал он. Я почтительно заметил, что мог бы купить ему все, что он захочет, но он был благородным парнем и отказался от моего предложения.

Однажды я привел к Айсбергу Дона Кинга, Рори и Джона Хорна. Слим был в кровати в пижаме, и мы сидели, как маленькие школьники, у его ног на потрепанном старом диване. Мы отдавали Айсбергу дань уважения. Когда кто-то хотел что-то сказать, он должен был поднять руку: «Разрешите, господин Айсберг?» – и только затем задавал свой вопрос. Высокомерной заднице Дона наверняка было западло поднимать руку, чтобы получить разрешение на вопрос.

Один раз поднял руку я:

– Господин Айсберг, в чем же заключается чертова сутенерская работа? В том, чтобы держать девушку под контролем и заставлять ее делать то, что я хочу, – это и есть сутенерство?

– Нет, это не сутенерство, – ответил Айсберг медленно. – Сутенерство – это когда ты держишь под контролем вообще все, что происходит здесь и сейчас, все составные части этого всего. Я знаю все, что происходит здесь и сейчас. Сутенерство не имеет ничего общего с женщиной. Работа сутенера заключается в том, чтобы вовлечь женщину, втянуть ее, привлечь, а уж дальше она сама знает, что ей надо делать. Она должна вовлечься в это дело и получать от этого удовольствие. Женщины гипнотизируются. Сутенерство оказывает на них гипнотизирующее действие. Дело в том, что девушек не приходится заставлять делать то, что бы ты хотел от них, – они сами знают, что им нужно делать. Они непроизвольно делают это с удовольствием, они привлекаются гипнотизирующим воздействием сутенерства. Все происходит именно так, ты можешь делать с ними все, что угодно. Они приносят тебе деньги, и все складывается в цельную картинку. Когда ты слышишь рассказы об этих молодых парнях, которые что-то там делают и кого-то там избивают, – знай, что все это не так. Женщина сама делает выбор, и все происходит по ее собственному выбору, а не силой.

Мы слушали все это и думали: «Что за х… ня?» Я был вынужден уточнить у Дона, тот ли это парень перед нами, поскольку я принял слова Леона на веру. Но Дон был в той же группе населения, что и я, поэтому он подтвердил, что это был подлинный Айсберг.

Несмотря на то что он был в пижаме, можно было почувствовать его харизму. Он знал, что мы пришли, чтобы воздать ему должное и поучиться у него. Мы были в тысячедолларовых костюмах, сшитых на заказ, у нас были прекрасные кожаные кошельки – но это не произвело на него ни малейшего впечатления. Он ожидал нас и знал, что мы должны были прийти к нему.

Бывало так, что прежде, чем пойти потусоваться в клуб и пообщаться с девушками, мы навещали Айсберга и получали его благословение.

– Как дела, Айсберг? Мы собираемся гульнуть сегодня вечером, – говорил я.

– Хорошо, только будь осторожен, молодой человек. Когда будешь веселиться, не позволяй девушкам прикасаться к себе. Я знаю, что ты весьма известен и что тебе это трудно, что ты, наоборот, хотел бы, чтобы девушки прикасались к тебе. Но ты не

должен так делать, сынок. Скажи им: «Эй, убери от меня руки! Что у тебя за душой, детка? Под кем ходишь? Не лапай меня детка, пожалуйста». А ты позволяешь всем им трогать себя, смеешься и улыбаешься. Майк, это неправильно. Я понимаю, Майк, ты сейчас вращаешься среди сливок общества, но тебе не следует позволять этим женщинам так обходиться с тобой. Что с тобой, чувак, разве ты какой-нибудь урод? Ты должен сказать им: «Я могу выбрать тебя, но вначале я хочу познакомиться с тем, под кем ты ходишь. Он солидная фигура?» Ты должен узнать ее происхождение. Если у нее тупой сутенер в кроссовках за два доллара, то лучше с ней не связываться.

Айсберг выглядел довольным своей жизнью. В нем не чувствовалось какой-либо неуверенности в себе. Он жил в полуразрушенном многоквартирном доме, который стоил самое большее пятьдесят тысяч долларов, а я был миллионером. У меня в кошельке было больше денег, чем стоил весь дом Айсберга. Но мы отдавали ему должное. Прежде чем мы ушли в тот день, я велел Дону дать Айсбергу немного денег. Он отломил около десяти кусков.

На другой день Айсберг прочитал мне целую лекцию.

– Майк, ты очень опасный парень. Если так будет продолжаться, то у тебя будут проблемы с женщинами всю жизнь, потому что ты всех их трахаешь – а потом хочешь дать им все, полный вперед, ты готов дать им все, что у тебя есть. Мой мальчик, у тебя всегда будут проблемы с женщинами. Я вижу, что ты стремишься удовлетворить каждую женщину и ты каждый раз теряешь при этом. Ты позволяешь им овладевать тобой. Тебе недостаточно телячьих нежностей, «любовь-морковь» не для тебя, ты должен действовать, рисковать, ты слишком эмоционален с женщинами. Ты всегда будешь иметь с ними какие-то связи, или они будут иметь с тобой какие-то связи, потому что ты должен удовлетворять свои чувства. А это очень опасно, опасно для тебя самого. Ты будешь давить на самого себя, ты перестанешь себя нормально чувствовать, ты перестанешь удовлетворять женщин. Это все проблемы с твоей матерью. Это отражение твоих отношений с ней.

Айсберг был болен и готовился умереть. Он сказал мне, что хотел бы быть похороненным в гробу, который замуровывается в стену, над землей, чтобы до него не добрались клопы и тараканы:

– Послушай, Майк, я не хочу лежать в земле, я хочу быть в стене. Я не хочу, чтобы меня ели тараканы и клопы. Я красив, Майк. Я не хочу, чтобы они ели мои глаза. Я слишком много дал миру, Майк.

Вот какими высокомерными бывают сутенеры. Сутенер хотел

бы быть на собственных похоронах, чтобы посмотреть, кто на них пришел. Его не волнует, что он умер, он просто хочет убедиться, что весь мир пришел проститься с ним.

Я дал ему двадцать пять тысяч долларов наличными из своего кошелька и вежливо сказал ему: «Друг, не беспокойся об этом. Это тебе для стены». Айсберг взял деньги и ответил: «Ух ты, чувак!» Он ни разу не сказал: «Спасибо». Вот почему я любил его. Он держался до самого конца. Думаю, он ожидал, что это я скажу ему «спасибо» за то, что дал ему свои деньги. Большинство сутенеров не заботятся ни о ком, но я знал, что он другой. Если бы я не считал его хорошим человеком, я бы никогда не дал ему денег.

* * *

Где-то спустя неделю после того, как я женился на Робин, я ночевал в Катскилле. Когда я проснулся, я увидел, что выпал снег. Я позвонил Биллу Кейтону, чтобы сообщить, что не смогу добраться в город, поскольку он просил меня подписать новый контракт на оказание управленческих услуг. В него внесли изменения, чтобы констатировать, что в случае смерти Джимми или Билла их жены получат их долю доходов. Это казалось достаточно безобидным, но я должен был почувствовать неладное, когда Билл попросил комиссара полиции Олбани прислать полицейскую машину, чтобы отвезти меня в город. Они желали, чтобы этот документ был непременно подписан.

Джимми и Билл были там вместе с Хосе Торресом. Хосе был представлен в качестве комиссара бокса в Нью-Йорке, но я полагаю, что он находился там, чтобы помочь своим друзьям Джимми и Биллу.

Мой следующий бой был с Тони Таббсом в Японии. Если я считал, что в США ко мне относятся как к знаменитости, то в Японии это вообще перешло всякие границы. Когда мой самолет приземлился, там была массовая истерия, меня обступили тысячи кричащих фанатов. Наш поединок был первым мероприятием в Токио Доум, новом стадионе, который вмещал шестьдесят пять тысяч зрителей. В течение часа после того, как билеты поступили в продажу, было продано 80 процентов из них. Японский промоутер, господин Хонда, остановил свой выбор на Тони Таббсе в качестве моего противника, полагая, что у него лучшие шансы продержаться до последних раундов и удовлетворить публику. Дон Кинг даже пообещал Тони 50 000 долларов в качестве бонуса, если к началу боя тот обеспечит себе вес меньше

235 фунтов[101]. Но Тони в то время сражался с какими-то своими духами-искусителями и не смог сделать такой вес.

Робин присоединилась ко мне в Токио, и Ларри Мерчант взял у нее интервью непосредственно перед поединком.

– Въедливые зрители хотели бы знать, как могла женщина, ходившая в колледж Сары Лоуренс и Гарвардскую медицинскую школу, так необдуманно влюбиться в парня, который окончил суровую школу жизни? – спросил он.

– Бог мой, я тоже хотела бы это знать! У нас есть много общего. Мы оба из обычных семей. Это была своего рода любовь с первого взгляда. Вначале было трудно, но мы прошли через это – и поженились.

Из обычных семей? Может быть, они были вполне обычными для Айсберга Слима. Но Робин нравилось внимание к себе.

Бой длился недолго. Я прощупал Таббса еще в первом раунде и был рад, что он не пытался клинчевать. Ему было тяжело вести бой при таком весе. Во втором раунде мы обменялись ударами, и я потряс его левым в висок. Затем я провел серию жестких ударов по корпусу, и когда он оторвался от канатов, сбил его с ног левым хуком.

Когда Ларри Мерчант брал у меня интервью после боя, я был преисполнен своей обычной мании величия:

– Я не желаю, чтобы меня били. Я не желаю, чтобы меня сбивали с ног. Я не желаю проигрывать!

На обратном пути в Нью-Йорк Робин в самолете стала давить своим авторитетом. Она загнала Билла Кейтона в угол и, как он рассказывал, заявила ему: «Я миссис Майк Тайсон, и я здесь главная». Она потребовала, чтобы ей показали все документы, касающиеся моих соглашений с Биллом и Джимми. Для меня было бы лучше, если бы она потребовала, чтобы ей показали какие-нибудь книжки. Будь там Джимми, я уверен, ситуация сложилась бы не так остро. Он обращался с людьми более человечно, чем Билл. Но Джимми был вынужден пропустить поединок, потому что он находился в больнице в Нью-Йорке. Он солгал мне, когда сказал, что не сможет присутствовать из-за того, что хочет найти какие-то редкие кадры о черных боксерах на рубеже веков.

Никто не говорил мне, что Джим был серьезно болен, поэтому, когда Робин спустя несколько дней после возвращения в Нью-Йорк позвонила мне в лимузин, она меня буквально ошарашила.

– Майкл, Джимми умер, – сказала она.

Эта новость меня совершенно выбила из колеи. Я длительное время знал Джимми. Я чувствовал, что Кас доверил меня

Джимми, который был очень близок к Касу. Если Кас был для меня как отец, то Джимми был как брат. Поэтому можете себе представить, какое горе меня охватило, когда я узнал, что Джимми более девяти лет страдал хроническим лимфолейкозом и скрывал это от меня. Хуже всего было то, что все лгали мне, утверждая, что с Джимми все в порядке. Скорее всего, именно поэтому Билл так настаивал на полицейском эскорте для меня, чтобы я мог подписать контракт до своего поединка с Таббсом.

На следующий день я полетел в Лос-Анджелес на похороны Джимми. С его уходом стервятники уже кружили вокруг свежей добычи: меня. Там был Дон Кинг, и мы вместе с ним несли гроб с телом Джима. Меня удивило, что Билл выбрал Дона, потому что ранее Билл пытался исключить Дона из процесса продвижения и обеспечения моих боев. Я был готов биться об заклад, что Дон надавил на Билла и пообещал, что поможет справиться со мной. Ведь мы с Кейтоном не были близки. Во время траурной церемонии Дон и Хосе Торрес были за церковью, вероятно, обсуждали дела. Уверен, что Хосе закидывал удочку насчет своего возможного участия в управленческих вопросах, связанных со мной. Он вскоре после этого собирался уходить с прежней работы.

Когда я был на похоронах, Робин и ее мать устроили сцену в нью-йоркском офисе банка «Меррилл Линч», который занимался моими финансами. Берт Шугар, уважаемый журналист в мире бокса, случайно оказался в то время в офисе и наблюдал, как Робин и ее мать кричали на сотрудников банка.

– Дайте нам наши деньги! – требовали они. Когда мой менеджер отказался, Робин назвала его «ублюдком». Они хотели снять пять миллионов наличными, чтобы купить для нас дом в Нью-Джерси, который присмотрела мать Робин. До того как я улетел в Лос-Анджелес, Рут заставила меня подписать доверенность на Робин, чтобы она могла снимать деньги с моего счета. Наутро в день похорон Робин позвонила мне из офиса «Линч» и передала трубку менеджеру. Он объяснил, что мои деньги вложены в краткосрочные инвестиции, которые с 14 апреля утраиваются и не подлежат обложению налогом. Процент от них позволил бы оплатить большую часть моих налогов за 1988 год, вот почему он не рекомендовал бы снимать эти деньги. Я внимательно выслушал его, а затем попросил выдать им деньги. Я был влюблен. Я был Лохом.

Рут нашла нам очень хороший дом. Он был в Бернардсвилле, штат Нью-Джерси, в тридцати милях к западу от Нью-Йорка, но автомобильного движения совершенно не чувствовалось, словно дом находился более чем в трехстах милях от города. Это был

просторный каменный дом, который ранее принадлежал заместителю госсекретаря США у президента Рузвельта. Я привлек одну испанку, чтобы подобрать отделку и обстановку, мы выбрали роскошную мебель высшего качества. У каждой комнаты был свой стиль: одна была в средиземноморском, другая в викторианском. В то время я не знал этого, но Рут обходила моих друзей и предлагала им, если они не против, сделать нам свадебный подарок, уточняя, что нам не хватало мебели. Теперь вы понимаете, с какими аферистками приходилось иметь дело?

Но я проводил в этом доме не так много времени. Когда Робин работала, мы ездили в Лос-Анджелес, где находилась ее работа. Периодически мы устраивали вечеринки. Рут и Робин ненавидели моих друзей из Браунсвилла. Они строили из себя таких честолюбцев, которые не желали опускаться до тусовок с людьми из гетто. Робин однажды даже заказала биотуалеты для вечеринки, потому что она не хотела, чтобы мои друзья ходили в дом мочиться.

В тот же день, когда они бушевали в офисе «Меррилл Линч», они уведомили офис Кейтона о своем требовании ознакомиться со всеми финансовыми документами, касающимися меня. Как только мы поженились, словно щелкнул какой-то переключатель. Робин стала более требовательной. Ее уже многое не устраивало. Они с матерью хотели все больше и больше власти надо мной. Я устал от этого и начал трахать все больше и больше других девушек.

Однажды мы с Робин и Рут были в центре Манхэттена в ресторане негритянской кухни. Робин засунула руку в мой карман, чтобы достать деньги оплатить счет, и вытащила несколько презервативов. Она пришла в бешенство, хотя Рут не казалась встревоженной. «Робин, все нормально, такое бывает в начале брака», – сказала она. Думаю, она просто не хотела огорчать курицу, несущую золотые яйца. Когда мы вышли из ресторана, Робин все еще была вне себя. Сев за руль, она поехала вниз по Варик-стрит, чтобы вернуться в Нью-Джерси через Тоннель Холланда. Она и так-то никогда не водила хорошо, а в этот раз она была так сердита, что протаранила своим «Бентли» автомобиль перед нами.

Водитель этой машины вышел и принялся кричать на нас, поскольку у него была повреждена рука. После того как я дал ему двадцать тысяч долларов наличными, он побежал, именно побежал прямо к тотализатору в соседнем квартале. Затем на сцене появились два копа из управления порта. Я не хотел, чтобы у Робин были неприятности, поэтому взял вину на себя и сказал им, что это я был за рулем. Настолько я был влюблен в нее в то

время. Один из полицейских, казалось, был очень рад встретиться со мной. В его глазах я прочел склонность к воровству. Он так нахваливал мою машину, что мне стало ясно: этот возьмет взятку. Поэтому я предложил ему автомобиль, если он не будет сообщать о происшествии.

– Я не могу этого сделать, – сказал он.

– Можете, – возразил я. – Вы слишком много работаете. Вы каждый день рискуете своей жизнью. Вы заслужили это.

– Что же мне делать с «Бентли»? – спросил он.

– Продайте на запчасти, – предложил я.

– Не говори мне этого, – произнес он таким тоном, словно уже обдумывал именно этот вариант.

К этому времени Робин с матерью уже скрылись с места преступления на такси. Пока коп обдумывал мое предложение, на сцене появился еще один мужчина, который заявил, что ему тоже сломали руку в результате инцидента. Коп немедленно набросился на него.

– Я не собираюсь выслушивать тебя! Уе… вай отсюда! – велел он.

Я оставил машину и взял такси, чтобы доехать до офиса Кейтона. Там я позвонил в полицию: «Блин, мой «Бентли» украли. Верните мне, блин, мою машину!» Я в тот же день получил ее обратно.

После нескольких месяцев с Робин и ее матерью я начал сходить с ума и позвонил Джину Килрою, который был правой рукой Али.

– Эти женщины сводят меня с ума. Они обращаются со мной как с рабом. Мать разговаривает со мной так, словно я ее муж, – пожаловался я.

Не только Робин и ее мать, все вокруг меня соперничали за право контролировать меня, стоило только Джимми сойти со сцены. Эти дамы в присутствии своего адвоката, Майкла Винстона, провели встречу со мной и Биллом. Они получили все финансовые документы, но не смогли ничего из них понять, поэтому показали их Дону Кингу. Как раз это и было ему нужно. Он принялся настраивать Робин и Рут против Кейтона, поскольку Кейтон пытался отрезать Дона от участия в моей рекламной кампании.

На самом деле я не обращал внимания на все эти интриги, которые плелись вокруг меня. В июне мне предстоял один из самых важных боев в моей карьере – решающее сражение с Майклом Спинксом, который в сознании многих был народным чемпионом мира в тяжелом весе. Если бы он отказался от участия в объединительном бою[102], он должен был бы отказаться от

своего чемпионского пояса по версии IBC[103]. Я упорно тренировался. Меня не интересовало построчное изучение своих чертовых контрактов. Я был полным чмом.

Мы все прошли в офис «Меррилл Линч» и перевели десять миллионов долларов в другой банк, чтобы эти женщины имели все льготы по выписыванию чеков на указанную сумму. Кстати, незадолго до этого я истратил более полумиллиона долларов на ювелирные изделия, одежду и меха для них обеих и 85 000 долларов на «БМВ» для Робин.

Непосредственно перед тем, как я собирался принять участие в рекламе «Диетической пепси», Рут остановила съемочные камеры, шантажируя Кейтона. В результате он согласился сократить свою прибыль с 33 до 25 процентов. Это была очень хорошая новость. Большинство менеджеров получали всего 10 или 15 процентов, он же стриг с меня треть моих рекламных доходов.

К концу мая верный пес Рут, адвокат Уинстон, подал гражданский иск, чтобы избавиться от Кейтона в качестве моего менеджера. Я не возражал. После того как все эти парни лгали мне о состоянии Джимми, я больше не мог им доверять. Я чувствовал, что мне нужно начинать с чистого листа. Мысль о том, что они могли просто отпасовать меня от Джимми к Биллу, как какого-то раба, выводила меня из себя. Я не знал, что мне выбрать. У меня по-прежнему не было полной ясности в отношении своей боксерской карьеры. Когда я проводил бой, я думал о ее завершении. Но когда я не проводил поединков, я хотел драться. Я был в разладе сам с собой.

Робин заявила, что у нее случился выкидыш. Она якобы была на третьем месяце беременности, когда мы поженились. Сейчас был июнь, она не работала, так что я знал только то, что она валялась в постели и утверждала, что у нее случился выкидыш. Теперь-то я рад, что у нас нет ребенка, хотя тогда какая-то моя часть его хотела. В любом случае, она совершенно не желала ребенка от меня. Она бы умерла, если бы ей пришлось возиться с черным младенцем, похожим на меня.

Мне уже начинало действовать на нервы давление, которое на меня оказывалось. У меня была встреча с журналистами, писавшими на тему бокса, и я продемонстрировал на ней, что мое терпение кончается и я теряю самообладание:

– Вы портите людям жизнь. Я сейчас разговариваю с вами, ребята, как последний молокосос. Я должен был бы разбить вам головы. Вот моя жена и теща порезали бы вас на куски. Когда я на ринге, у меня не бывает никаких проблем. Легко забыть проблемы, когда тебя бьют по голове. Дельцы в боксерском

бизнесе никуда не годятся. Я думал, что люди, откуда я родом, были преступниками, но эти ребята гораздо большие мошенники, чем парни из моего района. Они не отстаивают моих интересов. Они утверждают, что делают это, но на самом деле это не так. Они говорят: «Я сделал для вас это, а еще вот это», – но это неправда. Что бы они ни делали, они все делают только для себя. Если я что-то и получаю, то они получают еще больший процент.

Где-то в это время я позвонил Шелли Финкелю, одному из немногих нормальных людей в бизнесе бокса:

– Шелли, я чувствую, что готов убить либо Робин, либо Кейтона.

Шелли сразу же позвонил Кейтону и посоветовал ему переговорить со мной и с Робин, однако Кейтон ответил, что это мне следует прийти к нему. Он не мог проявить дружеского участия даже тогда, когда я нуждался в нем.

Робин с матерью с самого начала подставляли меня. В принципе, на меня им было наплевать, но они не отличались терпением и не могли сохранить наш брак. Они просто не дюжили меня. Судя по всему, они рассуждали следующим образом: *«Если мы продержимся еще немного, то мы получим деньги, но, боже, этот парень такой чокнутый, мать его!»*

Поэтому они приступили к реализации плана «Б».

13 июня, за две недели до моего большого боя со Спинксом, Уолли Мэттьюс из «Ньюсдей» получил звонок от Ольги. Ольга была помощницей Рут, ее рабыня, но позиционировала себя как вице-президент предполагаемой компании Рут. У нее был офис, скажем так. Офис оплачивался основным инвестором данной компании, Дэйвом Уинфилдом. Она получила деньги до того, как подала против него иск за то, что он наградил ее герпесом. Ольга сказала Мэттьюсу, что Рут и Робин подвергаются преследованию в прессе, поэтому она хотела бы восстановить справедливость. Ольга заявила, что я подвергаю физическому насилию обеих: и Рут, и Робин. При этом она подчеркнула, что моей вины в этом нет. Я просто не социализирован, социально не ориентирован. Короче, не готов к жизни в коллективе.

Будучи хорошим репортером, Уолли сказал ей, что ему необходимо записать на пленку чьи-либо высказывания на эту тему. Ольга ответила, что она перезвонит. На следующий день она сообщила, что Рут и Робин не хотели бы ничего говорить под запись, но согласны с тем, чтобы это было опубликовано. Уолли ответил, что этого недостаточно и что ему необходимо на кого-либо сослаться. В тот же вечер Ольга перезвонила и дала ему номер телефона сестры Робин в Португалии, где та участвовала в теннисном турнире. Он позвонил Стефани, и она все

подтвердила. Она сказала, что я заявился пьяным на комедийное шоу Робин в Лос-Анджелесе, перебил там софиты, ругался, ударил Робин кулаком в голову. «Он знает, как и куда ударить ее, чтобы не причинить серьезного вреда». Да уж, как будто я какой-нибудь мастер кунг-фу. При этом Стефани добавила, что моей вины в этом нет, поскольку Я ПРОСТО НЕ СОЦИАЛИЗИРОВАН.

У Уолли сложилось впечатление, что его разыгрывают. Ольга и Стефани словно зачитывали один и тот же сценарий. В конечном итоге Рут Безжалостная пригласила его к себе в «офис». Уолли пошел. Было темно и жутко, как на колдовском шабаше. Даже стены были темными. Уинстон, их адвокат и верный пес, тоже был там, и он запретил Уолли записывать что-либо на пленку. Но этот чувак был ловким малым, настоящим хитрым лисом. Он незаметно включил магнитофон, спрятанный в кармане. Рут сказала, что она решила предать все это гласности в связи с деятельностью Кейтона. Она бы хотела, чтобы я понял деловую суть вопроса: необходимо, чтобы Робин, наши дети и я были обеспечены средствами к существованию.

– Ведь я на самом деле полюбила Майка, – сообщила она Уолли. – Несомненно, что он также любит Робин и меня.

Однако, как она утверждала, Кейтон настроил против нее прессу. Кроме того, она получала телефонные звонки с угрозами смерти и непристойными предложениями. Она продолжала в этом духе в течение часа. А затем, ко всеобщему удивлению («Сюрприз! Сюрприз!»), в офисе на шабаше появилась Робин.

– Ой, ма, а я и не знала, что у вас мероприятие. – Чувства переполняли ее. – Я и не знала, что здесь пресса!

Через несколько секунд Робин уже плакала. Да, рыдала она, Майк ударил меня.

– Так это правда? – спросил Уолли.

– Вы не должны ссылаться на меня, это не для записи, – подчеркнула Робин.

Затем, однако, она сказала: «Майк сильно изменился в течение года и пяти месяцев моего знакомства с ним. Я действительно, чувствую, что Майкл НЕ БЫЛ СОЦИАЛИЗИРОВАН. Ему только двадцать один, он молодой парень двадцати одного года».

На следующий день Уолли позвонил мне в Атлантик-Сити, где я тренировался, чтобы узнать мою реакцию на историю, изложенную моей женой и тещей. Он оставил сообщение, и я перезвонил ему.

– Что случилось? Что-нибудь срочное? У меня проблемы? Я в беде?

Я выслушал рассказ Уолли об обвинениях в мой адрес в

физическом насилии над Рут и Робин. Конечно же, я отрицал всю эту фигню. Он спросил меня, как я себя чувствую в связи с откровениями членов моей семьи.

– Я чувствую себя великолепно. Вы сейчас открыли мне глаза на многие вещи. Если ты не можешь сказать ничего плохого о человеке, назови его засранцем, а потом скажи, что ты его любишь. В принципе, они рассказали о том, что я никуда не гожусь. Мне это непонятно. Возможно, они не воспринимают меня как мужчину. Понимаете, что я имею в виду? Возможно, я для них не вполне мужчина. Я как-нибудь переживу это. Я всегда найду способ, как пережить это.

Кроме того, Робин пошла на пятичасовую программу новостей местного нью-йоркского телеканала и заявила там, что она обнаружила исчезновение с моих счетов двадцати миллионов долларов. Она также выступила с утверждением, что за ее матерью следили частные детективы и что Кейтон предложил Клементсу пятьдесят «кусков», чтобы помочь нам оформить развод. В завершение она произнесла совершенно невероятную фразу: «И организовал все это Майкл».

Что же, б… дь, мне оставалось делать? Это были грязные, низкие мерзавки. Я думаю, что, помимо моих денег, они обожали еще самих себя и хотели выглядеть значительнее, чем они были на самом деле. Они хотели быть лицом товара, то есть меня.

Статья Уолли должна была занять первую полосу в воскресной газете, а в субботу эти две женщины появились в моем тренировочном лагере. Они не хотели, чтобы я прочитал эти байки прежде, чем они подготовят меня. Они заявили, что их слова исказили. И чмо поверило им.

– Через десять лет Билла уже не станет, он умрет, а я все еще буду со своей женой, – сказал я прессе. – Он пытается сбить нас с толку, представить все в таком виде, будто я не могу контролировать свою жену и будто бы она авантюристка, вышедшая замуж по расчету.

Робин была там и не преминула вставить свои пять копеек:

– Нашу семью пытаются разрушить. Вместо того чтобы интересоваться состоянием дел Майка, некоторые распространяются насчет того, с кем я спала. Это день, когда мы приняли решение относительно Кейтона.

– Он змей, предатель, вероломный и безжалостный, – сказал я.

– С Биллом покончено, – поклялась Робин.

Между тем Рут Безжалостная была процитирована в другой статье: «Я ему заменяю мать, а не менеджера. Я – связующее звено, которое скрепляет мою семью. Если я упаду, то вся семья

распадется».

Они были помешанными шлюшками. Между тем Дон скрывался за кулисами, ожидая, чтобы женщины сделали тяжелую работу по устранению Кейтона. А затем уже и сам он мог напасть стервятником. Он сам сказал мне, что женщины настолько самонадеянны, что сами подготовят почву для него. Пока все это происходило, Хосе Торрес также пытался вползти на сцену и поруководить мной. Я действительно был курицей, несущей золотые яйца. Михаэль Фукс из телекомпании HBO назвал меня «кассовым аппаратом в спортивных трусах». В газете *«Нью-Йорк пост»* я осмеял идею Хосе руководить мной, поэтому он, уволившись, заключил контракт с медиаконцерном «Тайм Уорнер» на написание книги. Он получил аванс 350 000 долларов, что было по тем временам большими деньгами. Четырьмя годами ранее Хосе обещал Касу написать книгу о том, как я превращаюсь в чемпиона. Предполагалось, что Хосе поделит деньги за книгу с Камиллой, но теперь он продавал эту книгу издателю как мою авторизованную биографию.

– Я ненавижу их всех: писателей, промоутеров, менеджеров, кабельное телевидение – всех. Они положили х… й на меня, на мою жену, на моего тренера, на мою тещу, на мою мачеху, на моего сводного брата, на моих голубей, они на все насрали. Их ничего не интересует, кроме доллара, поэтому я не желаю ничего слышать о них. Утверждать, что мы друзья, – это дерьмо, я не хочу никаких таких друзей, нет такой вещи, как личные дружеские отношения. Я могу все бросить, уйти на улицу и продолжать драться, мне не нужен никто, чтобы руководить мной. Для настоящего этапа это уже слишком поздно, я достиг достаточно высокого уровня. Мне нужен лишь тренер. Я уйду на улицу и буду зарабатывать миллион долларов за уличные бои.

Боже, я потерял самообладание, я совсем заплутал. Я говорил о переезде в Монако, в любое место подальше отсюда, где меня бы с радостью приняли. Я давал интервью Джерри Изенбергу, журналисту-ветерану из нью-аркской газеты *«Стар-Леджер»*. Он увидел, в каком я бедственном состоянии, и спросил меня, о чем я размышляю во время утренних пробежек.

– Я размышляю о Касе и некоторых вещах, о которых он мне рассказал, и о том, насколько он был прав по поводу этих вещей. И о том, что его здесь больше нет, чтобы помочь мне. И о некоторых других вещах. И я понимаю, насколько веселее было раньше. В то время не вели речь только о деньгах. Мы все были как одна семья. Мы все были вместе, но затем он внезапно умер, и все стало упираться только в деньги. Деньги, деньги, деньги. А мне не с кем поговорить.

После этого я внезапно уцепился за Изенберга, уткнулся ему в грудь и заревел белугой. Я так рыдал, что Джерри был вынужден пойти к себе в комнату и переменить рубашку.

Но все эти раздражающие моменты заставили меня в еще большей степени сосредоточиться на боксе, где я мог отвлечься от этого дерьма. Во время спарринга я нокаутировал парней направо и налево. Непосредственно перед боем я вернулся в свое обычное состояние. Я сказал репортеру газеты *«Бостон глоуб»*:

– Я сломаю Спинкса. Я сломаю их всех. Когда я с кем-то дерусь, я хочу прежде всего сломить его волю. Я хочу лишить его мужества. Я хочу вырвать его сердце и показать его ему. Говорят, что это примитивно, что я – просто зверь. Однако те, кто говорит это, платят по пятьсот долларов за то, чтобы увидеть это. Я воин, боец. Если бы я не пошел в бокс, я стал бы нарушителем закона. Такова моя природа.

Полагаю, что такой бравадой я психологически воздействовал на Спинкса.

– Немного страха в твоей жизни – это неплохо, – сказал он на итоговой пресс-конференции перед боем.

Выходя на бой со Спинксом, я был совершенно уверен в своих силах. Но я не видел уважения, которое я заслужил, со стороны обычных людей, которые следили за боксерскими достижениями Спинкса с более давних пор, нежели за моими. Когда я гулял по Нью-Йорку или Лос-Анджелесу как раз перед боем, ко мне подошли парни:

– Спинкс нокаутирует тебя, ниггер. Он надерет тебе задницу.

– Вы под наркотиками? – спросил я. – Вы, должно быть, инопланетяне, если верите в это дерьмо.

Это были просто злопыхатели.

Я слышал, что Роберто Дюран хотел приехать посмотреть этот бой, и меня это взволновало. Я попросил Дона дать ему два билета, чтобы он мог прийти ко мне в раздевалку и встретиться со мной. Но Дюран поступил еще лучше. Он пришел в мой гостиничный номер в день боя. Я был так счастлив встретить своего героя, что был просто уверен, что после этого наверняка одержу победу. Он был со своим другом Луисом де Кубасом, который начал давать мне советы, типа: «Иди вперед и вырубай его, б… дь, сразу после гонга».

– Заткнись, мать твою, – сказал Дюран. – Не спеши, мой мальчик. Используй свой джеб. Просто следуй за ним со своим джебом.

Вечером, когда был намечен бой, люди Спинкса попытались парить мне мозги. Буч Льюис, его менеджер, пришел понаблюдать, как мне забинтовывают руки перед тем, как надеть

перчатки.

– Нет-нет, ты должен снять эту перчатку и перебинтовать руку, – потребовал Льюис после того, как Кевин все завершил. – Там на бинте горб.

– Я не буду ничего делать. Пошел нах… й, – ответил я.

– Я тебя не боюсь, – сказал Льюис. – Перебинтуй руку.

– Я – бог, и я не должен ничего делать, – усмехнулся я.

– Нет, ты сделаешь это, бог, – сказал Бутч.

– Пошел нах… й, – вмешался Руни.

В конце концов мы позвали Ларри Хаззарда, комиссара бокса из Нью-Джерси, и Эдди Фитча, тренера Спинкса. Все они одобрили мои бинты.

Но я был разозлен.

Спинкс первым вышел на ринг[104]. Я решил еще немного поковыряться в его мозгах и вышел на ринг под звуки траурной музыки. Я медленно прошел к рингу, глядя на зрителей так, будто собирался поубивать их. Я хотел создать зловещую атмосферу страха. Пока я шел, я полностью ощущал зрителей. Я старался создать для себя имидж убийцы. Одновременно я стремился стать с ними единым целым. Я начал делать свои астральные упражнения, чтобы слиться со зрителями. К моменту, когда я зашел на ринг, мне было достаточно просто поднять руки, чтобы публика начала сходить с ума. Затем я увидел, что энергетика постепенно покидает моего соперника.

Робин поручила Уинстону вручить Кейтону, который сидел в первом ряду, иск. Она надела красное платье с блестками и глубоким вырезом и сидела рядом с Доном. Он, безусловно, очень обрадовался, когда она сообщила ему об иске. На поединке присутствовал также Норман Мейлер, который позже обнародовал следующую интересную мысль: «Тайсон выглядел осунувшимся, не испуганным, не обеспокоенным, но слегка измученным, словно оставалась какая-то проблема, которую он не был в состоянии решить». Норман был прав, однако у меня оставалась больше, чем одна проблема.

Как только я поднялся на ринг и посмотрел на Спинкса, я понял, что побью его. Он не взглянул на меня во время инструктажа. Пока мы ждали гонга, Кевин сказал мне, что он поставил на то, что я нокаутирую Спинкса в первом раунде. Когда прозвучал гонг, я пошел прямо на него. Я преследовал его некоторое время, мы обменивались ударами, и я знал, что он не мог причинить мне боль, я даже не чувствовал его ударов. Где-то через минуту я поймал его у канатов, левой провел апперкот, а правой по корпусу отправил в нокдаун. Впервые за всю свою карьеру Спинкс оказался на полу. Я знал, что бой окончен,

потому что я всю неделю отрабатывал со спарринг-партнерами удары по корпусу. А он упал, я думаю, после не самого крепкого удара. Он поднялся, принял стойку на счет «восемь», и мы продолжили. Три секунды спустя он наугад выбросил удар, а я провел апперкот правой, и все закончилось. Я вернулся к себе в угол с руками, вытянутыми вперед, ладонями вверх. Все великие боксеры прежних времен делали так, это был жест, показывающий смирение и покорность. Я считал, что я оставался самым великим.

На пресс-конференции после боя я заявил, что могу побить любого человека в мире и что, насколько я понимаю, этот бой может оказаться моим последним боем. Оба эти заявления я сделал не случайно. У меня, конечно же, не было желания продолжать драться до тех пор, пока все в моей жизни не упорядочится. К тому времени я уже прекрасно понимал, что должен был избавиться от женщин и своей управленческой команды. Мне необходимо было начать все заново.

Мы устроили вечеринку, присутствовали все знаменитости: Сталлоне, Брюс Уиллис, Бриджит Нильсен. Дефилируя по комнате, я вдруг увидел за одним из столов свою сестру Дениз в окружении поклонников. *«Мне лучше уйти*, – подумал я, – *иначе меня поставят в неловкое положение»*. Я попытался было улизнуть, но тут раздался ее звонкий голос: «Майк!» Я продолжал идти, делая вид, что я ничего не услышал. «Майк! Майк, ты ублюдок, и тебе лучше подойти сюда прямо сейчас». Я подошел к ее столу. «Майк, дай мне диетическую колу. И поскорее!» – велела сестра.

– Да, дорогуша, – ответил я. Некоторые вещи никогда не меняются.

Моя сестра была удивительным человеком. Она постоянно беспокоилась обо мне. Возможно, сейчас она хотела поколотить Робин и Рут Безжалостную, но я был против, чтобы она делала это. Дорогуша была простой женщиной. Она была счастлива встретить таких артистов, как Опра и Натали Коул. И ей хотелось показать им, что она держит меня в узде, поэтому-то она и велела мне добыть ей диетической колы. Люди переговариваются: «Смотрите, вон Железный Майк», – а она командует мной.

Я однажды был в Лос-Анджелесе, позвонила сестра: «Эй, Майк, мне нужен матрас».

– Ладно, я пошлю кого-нибудь, чтобы достать его тебе, – ответил я.

– Ну, я не знаю этих людей. Майк, ты должен сам пойти и достать его.

У моего приятеля Шорти Блэка в Куинсе[105] был небольшой

допотопный бар, но моей сестре он представлялся самым значимым явлением в мире. «Сегодня вечером я собираюсь к Шорти», – говорила она мне важно.

Я предлагал ей пойти в «Бентли», или в «Китайский клуб», или в любой модный клуб в городе, но она ограничивалась походом к Шорти.

Я посвятил этот бой Джимми Джекобсу. После этого я должен был, как заведено, посетить могилу Каса. После каждой защиты своего титула я навещал ее с большой бутылкой шампанского и праздновал вместе с Касом. Касу нравилось шампанское. А Руни нравилось ругать меня после этого.

– Прекрати бросать эти проклятые бутылки на могиле Каса, – возмущался он. Каждый раз, когда он видел на могиле бутылку «Дом Периньон», он знал, что это была моя.

После боя со Спинксом ситуация стала еще безумнее. Кейтон негодовал, поскольку был ответчиком по иску. Однако, если судить по газетным статьям, никто не считал, что Джим и Билл поступили неправильно, передав меня один другому, словно я был чьей-то собственностью. Если кого-то предали, то им был я. Когда Джим ушел, я ни в коей мере не желал, чтобы Кейтон был моим менеджером. И если бы Кас был рядом, Кейтон уже давно бы ушел. Кас никогда не любил Кейтона, потому что тот сотрудничал с Международным боксерским советом, а Кас считал эту организацию своим смертельным врагом.

Женщины назначили своим советником-консультантом Дональда Трампа, но это оказалось плохим шагом. Он не знал мира бокса. Он ничего не знал о ведении переговоров насчет денежных фондов, о дополнительных правах, о правах на коммерческую деятельность в других странах, о соглашениях с телевидением. Было слишком много людей, которые зарабатывали на мне деньги, чтобы позволить этой склоке долго продолжаться. В июле Билл пересмотрел условия своего контракта, сократив до 20 процентов свой управленческий гонорар и до 16 процентов свой процент за мое участие в рекламных съемках. Одной из причин того, что все было улажено, было то, что мой гонорар за поединок со Спинксом разошелся на оплату судебных исков. Так что, я получил чек на десять миллионов долларов, а Билл получил свои пять миллионов.

Все давили на меня, чтобы я вернулся на ринг, но я не спешил. Я должен был драться с Фрэнком Бруно в Лондоне, но на пресс-конференции, созванной для заявления об урегулировании споров с Кейтоном, я всех ошеломил.

– Я намерен отложить бой с Бруно и взять от шести до восьми недель для отдыха. Я сейчас просто не готов драться, – заявил я.

В тот период я все больше и больше времени проводил с Доном Кингом. В мае я поехал в Кливленд и на несколько дней остановился в его доме. Дон уговорил меня подписать с ним соглашение о рекламно-информационном сотрудничестве, но мы держали это в тайне до поединка со Спинксом. Он все превосходно устроил.

Как-то в этом году Дон взял меня на выступление Майкла Джексона. Дон осуществлял рекламную кампанию для Майкла и его отца, и после шоу он повел меня за кулисы. Я встречался с Джо Джексоном на некоторых своих боях, поскольку он был игроком и делал ставки. Мы оказались за кулисами, а Майкл стоял в углу, ожидая, когда ему подадут автомобиль. Никто не мог приблизиться к нему, но он видел, что я был окружен людьми, желавшими получить мой автограф. Я хотел пожать ему руку, прежде чем он сядет в машину, поэтому я подошел к нему.

– Как поживаете, мистер Джексон? Рад видеть вас, – сказал я.

Он прервался на секунду, оглядел меня и ответил:

– Я откуда-то знаю тебя, не так ли?

Он фактически обосрал меня тогда. Он прекрасно знал, кто я. Но я не мог злиться на него – мне понравилось, как он меня отшил. И я с нетерпением ожидал случая, чтобы опробовать на ком-нибудь его методу.

Когда Дон Кинг 16 августа приехал в Нью-Йорк, он сделал сенсационное заявление о подписании со мной эксклюзивного контракта о рекламно-информационном сотрудничестве. Билл пришел в ярость и пригрозил подать в суд. Женщины практически уже не влияли на ситуацию. Они проиграли тендер на управление моим бизнесом. Они продолжали реализацию своего плана «Б» – представлять меня чудовищем и подготавливать соглашение о расторжении брака. В течение всего лета Робин раздавала интервью, утверждая, что я был с ней жесток. Но когда журналисты интересовались документальным подтверждением, они не могли ничего получить для обоснования этих бредовых претензий. Я действительно не люблю говорить о людях плохо, и, насколько я знаю, они обе могли измениться к настоящему времени, но тогда они были просто подколодными змеями, самыми последними суками в мире.

Следующим пунктом женского плана был уложить меня на обследование в психиатрическую клинику, чтобы они могли взять в свои руки управление моими финансами. Рут Безжалостная пыталась заставить меня пойти на прием к ее знакомому психотерапевту, доктору Генри МакКуртису. Я отказался. Тогда они переговорили с ним по телефону и упросили его выписать для меня рецепты на соль лития[106] и торазин. Он сказал им, что

я страдал маниакально-депрессивным психозом. Дать мне лекарство Рут Безжалостная поручила своему брату Майклу. Но он воспринял все это как полное дерьмо. Сначала он сказал: «Майк, ты, вообще, хочешь это лекарство?» А в конечном итоге он завершил свою миссию фразой: «Майк, не принимай ты это дерьмо. Я бы не стал». Затем Рут попыталась поставить моему приятелю Рори задачу следить за тем, чтобы я принимал лекарства. Безжалостная каждый день названивала, чтобы убедиться, что я их принимаю. Но Рори насрал на все это. Он сообщил Рут, что у нас закончились эти таблетки, а мне передал, что она обещала прислать еще курьером компании «Федерал-Экспресс».

Я был под воздействием алкоголя, не таблеток, когда у меня возник небольшой уличный конфликт с Митчем Грином. С тех пор как я побил его, он окончательно съехал с катушек. Его уже арестовывали за наркотики, и за отказ платить мостовой сбор, и за ограбление автозаправочной станции. Говорили, что этот ниггер совершил вооруженное ограбление станции, связал ее работника, засунул его под кассовый аппарат, а затем собирал деньги у тех, кто приезжал заправиться.

И вот как-то вечером в конце августа я тусовался по клубам и решил заглянуть в магазин «Даппер Дан'с», чтобы забрать кое-какую одежду, которую отложили для меня. Это был белый кожаный пиджак с надписью на спине: «Не верь подделке», – названием песни хип-хоп группы Public Enemy. У меня уже были короткие шорты из белой кожи в стиле Дейзи Дьюк, которые должны были подойти к нему. Тогда я был в хорошей форме и хотел продемонстрировать свои мускулистые бедра. Все поклонники хип-хоп/торговцы наркотиками приобретали тогда шмотки в магазине «Даппер», он оставался открытым допоздна. Поэтому я завернул туда около четырех часов утра. Я не поклонник хип-хоп и не наркоман, я уличный парень, и мы все тоже тусовались в «Даппер Дан».

Я всегда радовался покупкам разного дерьма, поэтому я чувствовал себя превосходно. Однако мое настроение здорово изменилось, когда этот сумасшедший ублюдок Митч Грин ворвался в магазин, голый по пояс.

– Что, б… дь, ты здесь делаешь, ты, педик? Ты со своей ублюдочной подружкой Доном Кингом нае… л меня в этом бою! Вы все – куча пидоров! – заныл он. – Глянь только, как ты говоришь! Ты настоящий педик!

В то время я уже жил в этом гребаном мире белых «Эй, ребята», пытался стать там своим, оставаясь в глубине души кровожадным убийцей. Поэтому я попытался справиться с собой и

изобразил еврейского златоуста, вспомнив некоторые навыки, которые я перенял у бизнесменов, таких, как Джимми Джекобс.

– Митч, ты должен взвешивать то, что ты делаешь. Я не думаю, что избранная тобой тактика действий в долгосрочной перспективе принесет пользу твоему здоровью. Тебе следует помнить, что я уже победил тебя, когда мы встретились на ринге, – сказал я. – Поэтому тебе необходимо немедленно проследовать к ближайшему выходу.

– Ты не побил меня! – завопил он. – Я ничего не жрал! Этот ублюдок Дон Кинг не давал мне ничего пожрать!

Я не собирался с ним пререкаться, потому что я, действительно, не хотел убивать этого болвана. Поэтому я взял свою одежду и вышел. Я уже был на тротуаре, но этот рехнувшийся ниггер последовал за мной, продолжая разоряться. И тут мне явилось озарение. *Я – Майк Тайсон, абсолютный чемпион мира в тяжелом весе. Мне не следует терпеть оскорбления.*

Он ударил меня по лицу и вцепился в меня. Я опустил взгляд и увидел, что он разорвал мне карман рубашки. Это было уже слишком. И я ударил его прямо в глаз. Я был пьян и не понимал, что он находился под кайфом от «ангельской пыли» и не мог ответить мне. Это было похоже на поединок десятилетней давности. Я утюжил его по всей улице, а он вопил. На ринге он дрался со мной лучше, чем в эту ночь.

Я выбрасывал удары и молотил этого парня, и он шатался из стороны в сторону, словно был готов упасть, но никак не падал. И тогда я изобразил Брюса Ли в фильме *«Выход Дракона»*, ударив эту задницу с разворота, и он, наконец, свалился. Мой приятель Том, который часто возил меня, когда я выпивал, попытался увести меня.

– Эй, Майк, я думаю, ты убил этот ниггера, – сказал он.

– Очевидно, ему не следовало дое… ться до меня, – ответил я. Но как только мы повернулись, чтобы пойти к машине, оборотень из триллера *«Ночь живых мертвецов»* вновь набросился, как Джейсон из фильма *«Чертовая пятница тринадцатого»*, и пнул меня по яйцам с криком:

– Ах ты, мать твою, пидор!

Это было уже совсем не здорово. Поэтому я схватил его за шею и начал колотить о землю. Я бил его головой о тротуар, пока он не отрубился. Я устал и вернулся к своей машине. У меня был канареечно-желтый «Роллс-Ройс Корниш» 1988 года за 350 000 долларов. Я дождался Тома, чтобы тот сел за руль. Когда Том устроился, я сказал ему:

– Поехали, убираемся отсюда.

– Ни в коем случае. Тот сумасшедший ниггер прямо под колесами, – ответил Том.

Я посмотрел наружу – и увидел, что Митч вновь вскочил. Он орал, вопил и колотил в окно. А затем оторвал мое боковое зеркало. Одним движением – пятьдесят штук. Я стал зол, как черт.

Я распахнул дверь, схватил его за голову и нанес удар, которым я завершаю свои бои, – апперкот правой. Бум! Митч взлетел в воздух и, как тряпичная кукла, брякнулся прямо на голову. Тот, кто разбирается в уличных боях, знает, что если ты дважды ударился головой о землю, то первый удар вырубает тебя, а второй приводит в чувство. Митч ударился только один раз, а затем у него изо рта начало сочиться какое-то отвратительное белое дерьмо. Там была большая толпа сутенеров, шлюх и наркоманов, и у всех у них вырвалось: «О-о-о!»

Мне было страшно. Я подумал, что он, действительно, был мертв. Я разбил ему глазницы, сломал нос и несколько ребер, один глаз у него заплыл на пару месяцев. Я, однако, еще не остыл. Слава богу, там было много народа, иначе я бы свернул ему шею и убил бы этого ублюдка. Когда я выпиваю, я не отвечаю за себя.

«Больше мне уже не придется беспокоиться о Митче», – подумал я.

Но я ошибался. Спустя несколько дней у меня было свидание с одной экзотической горячей цыпочкой – последовательницей афроцентризма по имени Египет, или Сомали, или как-то так. Из тех, что носят тюрбан и струящиеся платья. Мы завтракали на веранде кафе, обстановка напоминала обложку альбома «Черный Париж 86». Я выглянул на улицу и увидел здоровенного чувака на десятискоростном велосипеде.

«Это не мог быть Митч Грин, потому что, – подумал про себя, – *этот ублюдок – оборотень, и он не может появляться днем».* Он уже совсем собирался повернуть за угол, когда оглянулся и поймал мой взгляд. Вот дерьмо! Он развернул этот гребаный велосипед, подъехал и подошел к хозяйке, которая выглядела как Куин Латифа в фильме *«Тропическая лихорадка».*

– Это Майк Тайсон вон там? – спросил он.

– Да, это Майк Тайсон, – ответила она Митчу.

Затем она крикнула мне: «Эй, чемпион!» – и указала на Митча. Она смотрела на меня, как бы говоря: «Ты справишься с этим».

Зачем она так поступила? Зачем?

Митч бросился к моему столу с криком:

– Ты, сука, пидор! Не думай, что ты надрал мне задницу! Ты

исподтишка нанес подлый удар!

– Ну да, я ударил тебя только один раз, при этом я вздрючил тебя как следует, разбил тебе морду, выбил зубы, сломал ребра – и все это, блин, с одного удара?

Мы были готовы продолжить выяснять свои отношения, когда моя подружка, милосердная сестра Египет/Сомали, положила свою руку на мою. На ту, в которой я держал нож для стейка. В то время я не был вегетарианцем.

– Успокойся. Не изображай самого себя, брат. Ты слишком дорог нам. Это все ловушка белого человека. Ты же не хочешь оказаться в клетке белого человека!

Если бы я уже переспал с ней, я бы вскочил и искромсал этого ниггера своим ножом. Но пока еще этого не произошло, поэтому я решил не обострять ситуацию и отвернулся от Митча. Он вернулся к велосипеду и укатил, но об этом случае пошли слухи, и некоторые из моих друзей в районе выследили его задницу и пульнули в нее, чтобы отпугнуть. А у меня больше никогда не было никого из Египта/Сомали.

Наша драка, конечно, получила широкую огласку. На следующий день меня вызвали в суд для рассмотрения дела о «нападении без отягчающих обстоятельств». Кроме того, в результате сильного апперкота я получил трещину в кисти, поэтому мой следующий бой с Бруно пришлось отложить. Пресса тут же набросилась на меня. Сначала они создают тебе рекламу, а затем разносят тебя в пух и прах. Таковы правила игры. Неважно, что это на меня напали и что это мне угрожал чувак, потерявший над собой контроль после «ангельской пыли». Теперь все хотели знать, почему я оказался в Гарлеме в четыре утра. Ковырялись в моем прошлом, пытались накопать дерьмо за те годы, что я жил в Катскилле, сочиняли дикие истории о том, как раньше утаивались эпизоды с проявлением моей жестокости. Даже мой человек в «Ньюсдей», Уолли Мэттью, напечатал все, что он обо мне думает:

– Как абсолютному чемпиону мира в тяжелом весе, миллионеру, выдающемуся спортсмену, который стремится быть образцом для подражания молодежи, особенно неблагополучной чернокожей молодежи, Тайсону следовало бы быть благоразумнее. Это еще одно пятно на его репутации, которое не идет на пользу его и без того не безупречному имиджу.

Жестокий. Чудовищный. Асоциальный. Что далее? Психически больной? Именно это как раз и было нужно Безжалостной-дубль-два. 4 сентября я гостил в Катскилле у Камиллы. Я уже не так часто встречался с Робин и Безжалостной, но время от времени принимал эти чертовы таблетки, которые

прописал мне МакКуртис. Камилла была против этого: она считала, что от них я становлюсь вялым и замкнутым. Мне отчасти даже нравилось ощущение вялости, однако она уговаривала меня проконсультироваться у другого, незаинтересованного специалиста. Пока я был там, постоянно названивала Робин: «А почему ты там? Почему ты не с нами?» Ну, и все такое же дерьмо.

– Отъе… сь, я больше не желаю говорить с тобой! Я хочу развестись с тобой. А еще я хотел бы убить себя, – ответил я в конце концов и повесил трубку.

Я был действительно в бешенстве. Я сел в машину, чтобы поехать в город – мне надо было там кое-что забрать. Шел дождь, дорога была вся в грязи. Чтобы добраться до главной дороги, надо было проехать по подъездной около пятидесяти футов[107], преодолев подъем под углом в 10 градусов. Я сел в свой большой «БМВ» и дал газ, но колеса прокручивались в грязи. Я прибавил газа, рванулся с места и направил машину к большому дереву. Я специально хотел въехать в него, чтобы привлечь к себе внимание, но я не был намерен покончить с собой. Я знал, что автомобиль защитит меня. Я ударился головой о руль и, придя в себя, увидел, что Камилла стояла надо мной, хлопая меня по лицу и пытаясь привести меня в чувство искусственным дыханием «рот в рот».

Однако мой спектакль под названием «попытка самоубийства» обернулся против самого меня. Я не хотел ни умирать, ни даже калечить себя. Я хотел только внимания. Я по-прежнему любил Робин и желал, чтобы она почувствовала себя виноватой за ту боль, которую она причинила мне. У меня было мировосприятие очумевшего. Я принял яд и ждал смерти своего врага.

Поскольку на некоторое время я потерял сознание, Камилла вызвала «Скорую» и меня доставили в местную больницу Катскилла. Очевидно, кто-то позвонил Робин, потому что, когда я в своей палате поглощал блюда китайской кухни на вынос, которые мне принесли, появилась она и бросилась ко мне в сопровождении съемочных групп и еще одной «Скорой помощи». Она собиралась решить проблему – для пятичасовой программы новостей.

– Видишь, б… дь, до чего ты меня довела? – зарычал я на нее.

По словам врачей, у меня был ушиб грудной клетки и тупая травма головы, поэтому я согласился, чтобы меня перевели в Нью-Йоркскую пресвитерианскую больницу. Робин, конечно же, была рядом с моей каталкой, театрально пытаясь прогнать фотографов, но оставаясь при этом в центре их видоискателей.

Когда мы добрались до города, Робин со своей матерью вручили персоналу больнице утвержденный ими список посетителей. В списке были Дональд и Ивана Трамп[108], Говард Рубинштейн[109], знаток общественных отношений, и их адвокаты. Они не были моими друзьями, но мои друзья в любом случае не крутились вокруг, когда я был с Ужасной-дубль-два.

Но у меня был и незваный посетитель. Мое окно было открыто, и я услышал какое-то движение внизу, на тротуаре. Я выглянул – и не поверил, блин, своим глазам. Это был Митч Грин в окружении прессы. Митч снял рубашку и вел бой с тенью, выкрикивая: «Сисели Тайсон – педик! Я надеру ему его гребаную задницу!» Я никак не мог избавиться от этого дурака. Если когда-нибудь где-нибудь и существовал черный парень, похожий на Франкенштейна, чудовище в облике человека, то это должен был быть Митч Грин.

Когда на следующее утро я открыл газету *«Дейли ньюз»*, я понял, почему знаток общественных отношений был включен в утвержденный список посетителей. Там была большая статья некоего автора по имени МакАлари, которого я не знал, он не был из мира бокса. Он писал, что мой случай является серьезной попыткой самоубийства.

«Я собираюсь пойти и убить себя. Я собираюсь пойти и разбить свою машину», – по его утверждению, именно это я сказал Робин. Как явствовало из статьи, неделей ранее я угрожал убить Робин. Приводились цитаты моих безымянных «друзей» о том, что я купил в Катскилле два ружья, чтобы застрелиться. Описывалась опечаленная Гивенс, которая страшно переживала, сидя у моей постели, когда я говорил: «Я ведь предупреждал тебя, что я сделаю это. И как только я выберусь отсюда, я сделаю это снова». МакАлари писал, что женщины умоляли меня пойти к доктору МакКуртису и что «по утверждению источников, МакКуртис хотел положить Тайсона на психиатрическое обследование».

Эврика! Не надо быть воспитанником Гарвардской медицинской школе, чтобы понять: эти две женщины подбирали документально зафиксированные доказательства того, что я неконтролируемый псих. В этом случае мое личное состояние оказалось бы под их контролем.

МакАлари продолжал: все эти годы я был болен и принимал лекарства, но Кас отменил их прием, потому что заботился лишь о результатах моих боев. Это был полная чушь. Согласно МакАлари, только Трамп, Рубинштейн и Парчер, их адвокат, понимали, что мне действительно нужно, и были больше заинтересованы в моем благополучии, чем в результате моего

следующего боя. Вся эта дрянь была «слита» в прессу окружением Робин. А эту старую фигню о том, что я знаю, как колотить Робин, не оставляя следов, на свет божий вновь вытащила, судя по всему, Беспощадная. Ну да, я – изощренный черный подонок Фу Манчу[110]. Поэтому предполагается, что я, Железный Майк Тайсон, должен знать, как бить людей, не оставляя следов. При этом вся моя карьера была построена на том, чтобы быть костоломом. По мере прочтения статьи становилось понятно, что на всем этом оставлены отпечатки пальчиков Безжалостной-дубль-два. Подозреваю, это была попытка получить документы о психической жестокости как основании для расторжения брака прежде, чем я подготовлю свои.

МакКуртис продолжал звонить Камилле, призывая ее следить за тем, чтобы я принимал свои лекарства. Спустя несколько дней я вылетел в Москву вместе с Робин, ее матерью и ее пресс-атташе, поскольку там снимались эпизоды ее комедийного шоу. Меня всегда приводила в восхищение история России, поэтому я решил побывать там. Я часто слышал, как Кас и Норман Мейлер говорили о Толстом, так что я стал большим поклонником русской культуры и их профессиональных боксеров.

До своего отъезда мы ответили на вопросы журналистов. Я высмеял историю о попытке самоубийства и сказал:

– Я люблю свою жену, я не подвергаю ее побоям. Я не собираюсь бросать свою жену, и моя жена не собирается бросать меня.

Я был в своем стиле чмошника.

– Никто, абсолютно никто не сможет разрушить наш брак, – сказала Робин. – Я продолжаю состоять в нем. Я люблю Майкла и забочусь о нем. Майкл также слишком любит меня, чтобы убить себя и оставить меня одну.

Да, она продолжала состоять в нем до тех пор, пока получала деньги.

Когда мы вернулись из Москвы, в прессу просочились слухи о том, что я выходил из-под контроля. Мол, я с криками бегал вокруг гостиницы, свисал из окна, угрожая убить себя. Думаю, что все забыли, что мы были в России и что российские менты живо надрали бы мне задницу, если бы я вздумал устроить что-то подобное. Женщины даже попытались было организовать мой арест в России, но это не сработало. Мы находились в холле нашей гостиницы, когда Робин с матерью принялись кричать и просить охранника, чтобы меня арестовали. Он подошел ко мне и сказал:

– Поди сюда. Все это хрень собачья. А эти бабы – просто сучки.

Затем он достал бутылку водки, и мы вместе выпили.

Когда американские журналисты решили проверить факты, изложенные в нелепых историях Робин, они взяли интервью у одного из продюсеров ее шоу, и тот сказал: «Майк в России был безупречен».

Одна из гримерш на шоу сообщила своему приятелю, что рассказы об избиениях Робин были хорошей шуткой:

– Я читаю все газеты, где цитируют слова Робин о том, как сильно он ее бьет и истязает. Я делаю ей макияж, я вижу ее. На этой девушке не было никаких синяков. Я просто не могу понять, как у нее получается выходить сухой из воды.

Спустя несколько дней после того, как мы вернулись из России, Рут и Робин, наконец, затащили меня к доктору МакКуртису. Наслушавшись в течение часа его рассказов о том, насколько я болен, я начал ему верить. По стенам у него были развешаны дипломы об образовании. Если бы я сказал ему, что он дерьмовый боксер, начал бы он со мной спорить? Вот и меня заставили поверить, что я был маниакально-депрессивной личностью. Он вдалбливал это в меня, не останавливаясь. Я ведь знал, что мне всегда было свойственно состояние подавленности, и что иногда у меня появляется перевозбужденность, и что я могу бодрствовать несколько дней подряд. Всю жизнь со мной такое случалось. И меня убедили в необходимости принимать лекарства, а затем выставили меня перед камерами.

– Я родился с этой болезнью, и я ничего не могу с этим поделать. Возможно, именно по этой причине мне хорошо удается то, что я делаю. Это похоже на переход от крайне депрессивного состояния к крайне возбужденному, и по времени период крайне возбужденного состояния существенно преобладает. Признаюсь, я был против приема необходимых лекарств, но без них я чувствую себя словно обкуренный, не могу уснуть в течение трех или четырех дней, постоянно мечусь. Я превращаюсь в какого-то параноика, это просто ненормально, – высказался я.

Тут вмешалась Робин:

– Он находился в таком состоянии в течение многих лет, и все это игнорировали. Требуется много сил, чтобы спасти Майкла. Эту проблему нельзя решить, просто наложив бактерицидный пластырь. Надо прежде всего позаботиться о том, чтобы этот парень нормально прожил остаток своей жизни, а не о том, чтобы он вновь дрался. Мы будем проводить курс лечения вместе.

Теперь, когда я, принимая эти таблетки, вновь стал зомби, Беспощадная-дубль-два решила, что Камилла должна сойти со сцены. Я как раз начал оплачивать расходы Камиллы,

накопившиеся после смерти Джимми. Руфь и Робин сказали Камилле, что если я собираюсь оплачивать все расходы по дому, то дом должен быть переписан на мое имя. Когда они сообщили мне об этом, я вышел из себя. «Ты что, мать твою, совсем с ума съехала, сука?» – сказал я Робин. На следующий день Робин вновь позвонила Камилле и велела ей убираться из моей жизни. В то время я ничего не знал об этом.

Меня все спрашивают о той злополучной передаче телепрограммы вечерних новостей *«20/20»*. Ее ведущая Барбара Уолтерс совсем недавно переживала, что разрушила наш брак. Если бы это было правдой, я был бы не против того, чтобы она взяла у нас интервью гораздо раньше. Самое забавное в связи с этой передачей заключается в том, что, как я недавно узнал, Робин даже не должна была в ней участвовать. Там был эпизод с Кейтоном в его офисе. Затем съемочная группа пришла в наш дом, чтобы снять отдельно меня и Безжалостную. Как только она собралась закругляться, Робин отвела Барбару в сторону и сообщила ей, что та до сих пор не знает всей правды.

Полагаю, Робин прекрасно понимала, что Барбара проглотит наживку.

Я понятия не имел, что Робин собиралась сказать, когда они ставили меня за ней, сидевшей на диване. Они вновь включили камеры. Началось все достаточно безобидно.

– Вы окончили колледж, имеете образование, являетесь актрисой. А за вами – человек без полного среднего образования, который побывал в исправительном заведении. Вы очень разные, по крайней мере, на первый взгляд. Почему вы его любите? – задала Барбара вопрос Робин.

– Потому что он умен и находчив, а еще потому что он добрый, он просто удивительно добр. Майкл любит меня больше всех в мире. Я чувствую, что он нуждается во мне, и это мне очень нравится, – принялась она изливать свои чувства.

– Вот поэтому-то я и люблю ее. Она, действительно, чувствует, что может защитить меня, – добавил я. В этот момент я словно услышал крик Каса: «Лицемерная сволочь!»

– У вас не было брачного договора? – спросила Барбара.

– А в нем есть необходимость? – ответила Робин. – Мы поженились, чтобы навсегда быть вместе. И не собирались разводиться.

Затем Барбара спросила, что я думаю по этому поводу.

– Если вы собираетесь вступать с кем-то в брак, значит, вы доверяете ему, в этом-то как раз и заключается брак – быть вместе всю оставшуюся жизнь. У меня миллионы долларов, и моей жене достаточно о чем-то попросить, чтобы получить все, что у меня

есть. Если она захочет это прямо сейчас – пожалуйста, она может брать. Она может уйти прямо сейчас, взять все, что у меня есть, и просто уйти. У нее есть право на это, у нее есть власть, чтобы так поступить. Сейчас она еще со мной, она терпит мои выходки, и я люблю свою жену.

Затем обстановка стала накаляться.

– Робин, мы читали, что он бил вас, что в России он преследовал вас и вашу мать. Мы читали, что у Майка очень неуравновешенный характер. Это так? – спросила Барбара.

– Да, характер у него чрезвычайно неуравновешенный. У него есть черта, которая пугает. Майклу нравится угрожать, если не сказать больше. Бывают моменты, когда он не может контролировать себя, и это пугает меня, и мою мать, и окружающих. Это весьма тревожит.

В тот момент я не был под наркотиками, но почувствовал себя именно так. Я не мог поверить, что она говорила все это дерьмо.

– И что же происходит? – подстрекала ее Барбара.

– Он теряет над собой контроль, бросается на всех, кричит…

– Он бьет вас?

– Он встряхивает, толкает, поднимает в воздух. Иногда я думаю, что он пытается запугать меня. Когда это бывало прежде, я полагала, что смогу справиться с этим, но в последнее время я стала бояться. Я начала очень сильно бояться. Майкл страдает маниакально-депрессивным психозом, это факт.

Я слышал все это дерьмо от собственной жены, зная, что оно транслируется для многомиллионной аудитории. Она утверждала, что наш брак был пыткой, сущим адом, что ничего хуже она не могла себе и вообразить. Я кипел от злости, но старался сохранять хладнокровие. Это было неслыханное, подлое предательство.

– Я не знаю, что Майк Тайсон вообще будет делать без моей матери. Она скрепляла нашу семью, – продолжала Робин. – Если мы оставим Майкла и я вернусь к своей маме и сестре, то он, несомненно, останется совершенно один, а я бы не хотела, чтобы это случилось. Ему бы стало так плохо, что, боюсь, в один прекрасный день он, все обдумав и поняв, может покончить с собой или причинить кому-нибудь вред. Без всякого сомнения, такое вполне может случиться.

Я не знал, что и сказать. Я никогда ранее не имел дела с чем-либо подобным. Когда я сейчас мысленно возвращаюсь к этой сцене, я не могу поверить, что я просто сидел и ничего не произносил. Но, опять-таки, ведь они как раз и добивались того, чтобы я перед камерами врезал ей по ее гребаному лицу и

принялся сходить с ума. Поэтому я оставался совершенно спокойным. Знаю, от меня ожидали, что я озверею в прямом эфире, начну рвать и метать. Полагаю, что именно в этом и заключалась вся задумка. Но это обернулось против них самих.

Мои друзья были возмущены поступком Робин. Я получил сотни разгневанных звонков. Несколько дней спустя я все еще был зол. Мы все – Робин, Рут и я – были дома в Нью-Джерси, когда я вышел из себя и принялся бить стаканы, тарелки и пустые бутылки из-под шампанского. Там была Ольга, и она позвонила в полицию. Приехали копы, я встретил их у входной двери и вежливо заверил, что все было в порядке, что я просто хотел, чтобы меня оставили в покое. Один полицейский остался со мной, а другой пошел с Робин – она показала ему разгром на кухне. Полицейский, остававшийся со мною, сказал мне, что Робин была обеспокоена в связи с тем, что я учинил на кухне.

– Мне принадлежит весь этот дом и все в нем! – стал я кричать. – И я могу поступать со своим имуществом так, как захочу! И если я захочу что-то разбить или сломать, то никто не может помешать мне!

Тут я схватил большое медное декоративное украшение для камина и вышвырнул его через окно рядом с входной дверью. Именно в этот момент позвонил их кореш МакКуртис.

– Вы не хотите поговорить с доктором? – поинтересовался у меня коп.

Я не обратил на него внимания и прошел в соседнюю комнату. Добрый доктор сказал копу, что Робин и ее команда должны покинуть дом, а мне надлежит пройти психиатрическое исследование. Полицейские собрали всех женщин, и они двинулись к подъездной дороге к своей машине, чтобы Робин могла добраться до полицейского участка и подать заявление. Я выскочил на подъездную дорогу и закричал:

– Да пошли вы все, мать вашу! Все вы просто мразь! Убирайтесь из моей собственности и отъе… тесь от меня!

Затем я прыгнул в свой «Роллс-Ройс» и поехал сквозь лесную глушь своей собственности. Я даже не выбирался на дорогу. Мне просто хотелось сбежать от всех них.

На следующий день Робин с матерью улетели в Лос-Анджелес.

Мой приятель Марк Бреленд, боксер, хотел помирить меня с Биллом Кейтоном. Шелли Финкель[111] и Кейтон привлекли его на свою сторону. Они рассказали ему, что я наделал ошибок, и уговорили его переговорить со мной. Когда мы пришли туда, Кейтон заявил о своей обеспокоенности тем, что на меня навесили маниакально-депрессивный ярлык, поэтому он

организовал мне прием у доктора Авраама Халперна, начальника отделения психиатрии медицинского центра Нью-Йоркской объединенной больницы в Порт-Честере, одного из ведущих психиатров мира.

Халперн осматривал меня в течение часа. Затем он позвонил Камилле, Стиву Лотту и Биллу Кейтону и переговорил с ними. Он был уверен, что я не страдаю от маниакальной депрессии. Он пытался позвонить Безжалостной-дубль-два, но у нее был отключен телефон. Когда Халперн позвонил МакКуртису, чтобы понять, почему тот поставил мне такой диагноз, МакКуртис дал задний ход. Он заявил, что я был не совсем маниакально-депрессивной личностью в полном смысле этого слова, а просто личностью с расстройством настроения, что он назвал «боксерским синдромом». Это было новое понятие для Фрейда.

Я почувствовал облегчение в связи с тем, что видный психотерапевт избавил меня от подозрений в маниакальной депрессии. Наряду с этим я задал себе вопрос: почему Билл обставил перед Марком встречу со мной как дело особой важности? На самом ему было нечего сказать мне. Я пришел к нему, под предлогом того, что произойдет что-то значительное, а когда я оказался у него, то он говорил какие-то сомнительные и противоречивые вещи. Мои отношения с Биллом исчерпали себя.

Поэтому, когда пыль улеглась, выяснилось, что остался Дон. У меня не было иллюзий в отношении его. Когда Робин спрашивала меня о Доне, я отвечал ей: «Послушай, я знаю, как обращаться со змеями. Этот парень – настоящий змей, но я знаю, как обращаться со змеями». Но у Дона были и положительные качества. Через два дня после того, как женщины, расставшись со мной, убыли на побережье, Дон показал мне каждый из моих банковских и брокерских счетов. Он вычеркнул имя Робин из графы получателя каждого счета и вписал туда мое имя. Всего там было пятнадцать миллионов. Мы очень вовремя сделали это, остановив оплату чека на 581 812,60 доллара, который только что был выписан Робин на компанию «Робин Гивенс Продакшнз».

Люди в банке настолько люто ненавидели этих двух женщин, что были безумно рады помочь нам. Мы устроили вечеринку с президентом банка и всеми банковскими служащими – с шампанским и пиццей.

– Да пошли они, суки такие, мать их! – воскликнули мы хором и немедленно выпили за это.

Глава 7

Та передача телепрограммы *«20/20»* имела для Робин и ее матери самые негативные последствия. После того как мы расстались, я пошел на рестлинг-шоу в Чикаго, и там зрители устроили мне овацию. Ко мне подходили и говорили, каким жутким дерьмом считают то, что было показано в передаче Барбары Уолтерс. Я получил также массу сочувствия со стороны женской половины. Женщины подходили ко мне и говорили: «О боже, я не могу поверить, что устроила вам эта страшная женщина. Пожалуйста, позвольте мне обнять вас, дайте мне пососать ваш член, позвольте мне позаботиться о вас». И я отвечал: «Нет, мэм, со мной все в порядке. Ну да ладно, можно немного пососать, мэм, но совсем чуть-чуть». Весь этот год был просто сумасшедшим.

Отношения, с которыми теперь было покончено, серьезно травмировали меня. Эти женщины были просто фригидными девками. Это была моя первая любовная связь, и я хотел бы забыть о ней, но любовь оставляет в твоем сердце черный след. Она оставляет шрамы. Но ты должен рисковать, чтобы расти как личность. Вот что такое жизнь.

Я всегда пользовался возможностью высказаться в газетах, чтобы излить свои чувства. Когда парень из чикагской «Сан таймс» спросил меня о Робин и ее матери, я ответил так:

– Они используют черных в своих целях, но их не любят и не уважают их. Уже только по одному тому, как они высказываются о черных, можно подумать, что это какие-то ку-клукс-клановцы. Они считают, что в их жилах течет голубая кровь. Они обе очень хотят быть белыми, это стыд и позор. Они пытались оторвать меня от людей, среди которых я вырос, и вбросить меня в свою разновидность мира высшей касты.

У меня были изменения в жизни на всех фронтах. Билл формально оставался моим менеджером, но это было лишь на бумаге, он больше не влиял на ситуацию. Может быть, все сложилось бы по-другому, если бы Джимми был еще жив, но после того, как он умер, никто не мог запретить мне делать то, что я хотел. Оглядываясь назад, я не думаю, что Джимми и Билл являлись для меня каким-то злом. Они были бизнесменами, предпринимателями и обладали большим опытом, чем я. Я был в каком-то смысле беспомощен, и они этим воспользовались. У них были диктаторские повадки, они любили жесткий контроль. Когда я стал старше, мне захотелось освободиться от этих пут, делать все по-своему. Провалюсь я в этом или же преуспею – это

было неважно, главное, я хотел все делать сам.

А потом мне попался другой кусок дерьма – Дон Кинг. Это был отвратительный и скользкий тип. Предполагалось, что это мой черный брат, а на самом деле это был дурной человек. Он собирался стать моим наставником, но все, что ему было нужно, – это деньги. Он был очень жаден. Я думал, что могу справиться с людьми типа Кинга, но он перехитрил меня. Мы с этим парнем были в совершенно разных весовых категориях.

Я познакомился с Доном через Джимми и Кейтона. Так что, в том, что я связался с Доном, была в основном их вина. Если вдуматься, то получается, что Джимми и те ребята позволили Дону понять, как слабы они были со мной. Они привлекли его к нашему бизнесу, и он увидел в нем прорехи. Без всякой похвальбы хочу сказать, что такое явление, как Тайсон, оказалось слишком масштабно для Джимми и Билла. Вероятно, оно было неподъемно даже для Каса. Они никогда не встречали ничего подобного. Во всей истории бокса еще никто не зарабатывал столько денег за такой короткий период времени, как я. Я не знаю, как он справлялся с этими проблемами. Я был похож на горячую, красивую сучку, которую все хотели поиметь. Ну, вы понимаете, что я имею в виду. Дон добрался до меня, но если бы не Дон, тогда это был бы Боб Арум[112] или кого-то другой.

После того как ушли Кас и Джим, меня перестали интересовать вышеупомянутые лица. Я решил так: *«Кто даст за меня самую высокую цену, с тем я и пойду».* Это стало для меня игрой. Каждый думал о себе, так что и я мог заботиться только о себе. Все мои друзья детства умирали или так или иначе уже умерли, поэтому я мог позволить себе немного повеселиться. Я не рассчитывал на долгую жизнь. Я был слишком раздражителен, и многое этому способствовало. А в момент раздражения я мог прихлопнуть кого-нибудь. Я жил в мире фантазии, путешествуя по разным странам, наслаждаясь прелестными чужестранками. Это не могло пройти для меня бесследно, оно начинало сказываться на мне.

Дон предоставил мне полную свободу действий. Он занимался бизнесом и за моей спиной заключал сделки, но я не был его продажной девкой. Он был весьма умен, внушая мне, что мы с ним вместе противостоим остальному миру. «Черный человек, белый человек, черный человек, белый человек»[113]. Он постоянно фонтанировал какой-то туфтой насчет того, что белые ублюдки – это нехорошие люди, что они готовы всех нас убить. Я уже сам начинал верить в это дерьмо и подыгрывать этой чепухе. Он засрал всю мою систему ценностей.

Любой, посмотрев на Дона с его шевелюрой, большим ртом и

чудным цветистым слогом трущоб, сразу понимал, что это извращенный ублюдок. Но я тогда растерялся. Без шуток, если бы Кас был жив, он бы вместе с Кингом участвовал в организации моих мероприятий и моем продвижении. Кас ненавидел Боба Арума, соперника Кинга. Я не знаю, по каким причинам. Не думаю, что Арум был хуже Дона, однако Кас говорил мне: «Никто не может быть хуже, чем Арум».

Я подвергался острой критике за то, что стал сотрудничать с Доном. Как-то вечером я был со своим приятелем Брайаном Хэмиллом в «Колумбе». Там за столиком сидел Де Ниро, а мы стояли рядом. Брайан ругал меня за подписание контракта с Кингом.

– Зачем, мать твою, ты связываешься с Доном Кингом? – почти кричал он. Брайан делал это не ради Де Ниро, но Бобби мог слышать каждое слово.

– Знаешь ли ты, сколько черных боксеров он обокрал? Тебе должны быть известны все эти истории.

– Брайан, я получил так много денег, что мне насрать, – сказал я.

И мне тогда, действительно, было насрать. Я не знал, сколько еще будет продолжаться эта гонка. Я просто жил своей жизнью, день за днем. Но я точно знал, что мне нравится быть чемпионом, и я знал, что никто не мог делать эту работу лучше, чем я. Я мог уничтожить любого, кто мне противостоял. Если вы занимались тем же делом, что и я, и были в такой же весовой категории, то можете считать, что вы уже мертвы. Моя работа – это причинять людям боль. Джим и Билл пытались несколько затушевать это, но у Дона был свой собственный план. Поэтому, когда я начал тусоваться с Доном, бах, общественное мнение ко мне резко переменилось. Теперь я стал плохим парнем.

В октябре 1988 года Дон взял меня в Венесуэлу на ежегодный съезд Всемирной боксерской ассоциации. Затем мы поехали в Мексику на крещение сына Хулио Чавеса. Для меня эта поездка стала настоящим откровением. Мы совершили однодневную поездку к пирамидам, где ко мне подошел мальчишка, попрошайничая. Мои сопровождающие предупредили: «Майк, не давай денег!» Но как я мог отказать? Сто долларов для меня ничего не значили, а для этого малыша – очень многое. Поэтому я дал ему немного денег, и он был очень благодарен. Я подумал тогда: «Ух, это хороший парень!» – и подошел, чтобы потрепать его по волосам. Они были твердыми, как камень: похоже, их не мыли несколько лет. Такими волосами можно было запросто кого-нибудь порезать. Потом мы поехали в Кульякан, где я увидел новых попрошайничавших детишек. Я купил одежду для первого

парнишки, и он привел еще троих своих приятелей, а затем за одеждой пришли еще двадцать его братишек. Мне этот малыш понравился: он приходил не сам по себе, а всегда приводил своих друзей и родственников, и каждый раз я покупал им какие-то вещи.

Это было, как в Бруклине, когда я покупал кроссовки для уличных детей. Эти мексиканские дети никогда не покидали Кульякан. Я одел их, и мы пообщались. У меня было столько денег, а одежда, которую я купил, была совсем дешевая! Было ясно, что я попал бы в ад, если бы не потратил эти деньги на детей. К моменту, когда я уезжал, меня сопровождала толпа из пятидесяти детей, которые были нормально одеты.

До отъезда в Мексику у меня в душе была глубокая обида: я не знал никого, кто был бы беднее меня. Я не мог представить себе, чтобы кто-то был еще беднее, чем был я. Но я был просто потрясен картиной бедности в Мексике. Я был по-настоящему зол на них, потому что они оказались беднее, чем был я, потому что я больше уже не мог жалеть себя. Одной из основных причин моего успеха было то, что я стыдился своей бедности. Стыд быть бедным причинял мне больше боли, чем что-либо в моей жизни.

Причиной многих моих проблем являлись мысли о том, что я заслуживаю всего этого дерьма, поскольку вырос в нищете. Кас всегда пытался заставить меня преодолеть эти мысли, отделить себя от этой навязчивой идеи, очистить свою голову. Но это было трудно. Эй, я заслужил этот автомобиль, этот дом, эту шлюху. Когда я стал иметь дело с Доном, я должен был иметь автомобили экстра-класса, и много. И я получил лучшие «Ламборгини» и пуленепробиваемый «Хаммер», владельцем которого был какой-то принц Саудовской Аравии. Я приехал в Бристоль на завод по производству «Роллс-Ройсов», и там для меня проектировали автомобиль по индивидуальному заказу.

Кас бы не одобрил все это. Если у парня был кабриолет, Кас считал, что тот эгоистичная свинья. Когда я, увидев красивый автомобиль, восклицал: «Ух, какой классный автомобиль, Кас!» – тот реагировал следующим образом:

– Этот парень просто эгоист.

– Почему же он эгоист? – интересовался я.

– Машина двухместная, значит, этот парень не может катать своих друзей.

У самого Каса был старый потрепанный фургон, в который вмещалось двенадцать человек. Вот таким он был, Кас.

В 1988 году мы устроили грандиозное реалити-шоу. Я говорю это без ложной скромности, поскольку это я начал весь этот увлекательный смотр своими лимузинами по индивидуальному

заказу и коллекцией «Роллсов» и «Ламборгини». Пи Дидди[114] и компания пытались соревноваться с нами, но мы задавали тон. Я создал тренд, который подхватили современные короли хип-хопа. Я был первым, кто стал приобретать «Роллс-Ройсы» и «Феррари». Кто еще из черных парней в двадцать лет в 1985 году покупал автомобили такого класса – легально? Я же покупал, и не один. У меня их был целый парк. Многообещающие звезды хип-хопа задействовали, как правило, вечеринки в качестве арены для наших сражений. Они даже не знали, какими бывают «Бентли». Они думали, что это автомобили для стариков. А я еще в 80-х годах выпотрошил их, сделал обивку в стиле Гуччи и поставил в них холодильники. В одном из лимузинов я даже оборудовал джакузи. И я точно знаю, что я был первым, кто оборудовал в автомобиле факс.

«Ваш контракт подписан». «Мы сейчас в машине. Пришлите его мне по факсу».

Мы покупали драгоценности, которые стоили два, три миллиона. Я купил подруге украшение миллионов за пять. После каждого боя моя команда выходила в меховых шубах и рассаживалась в «Роллс-Ройсы». Когда я купил тот дом в Бернардсвилле, штат Нью-Джерси, я пригласил к себе своего приятеля Эрика Брауна и сказал ему: «Еще никому не приходилось соблазнять в такой роскошной обстановке». Мне все завидовали, потому что я мог позволить себе открыто хвастаться своим достатком. Вместе с тем я делился. Если я ел, то все вокруг меня тоже ели. Но все по-прежнему завидовали. Во всех моих домах все было от Версаче: мебель, стены, стеганые одеяла, полотенца, пепельницы, бокалы и посуда.

Я познакомился с Версаче благодаря одной итальянской журналистке, которая приехала в Катскилл взять у меня интервью. Это была весьма привлекательная женщина, которая была на несколько лет старше меня. Я отвел ее наверх, мы занимались там сексом, и я увидел, что она носила нижнее белье от Версаче.

– Я его модель, – сказала она мне. – Могу достать тебе любую одежду, какую только пожелаешь. Я познакомлю вас.

Версаче был самым крутым парнем, кого я только знал. Он предложил прислать мне одежду, но я был слишком нетерпелив.

– Если только вы немного подождете, я пришлю вам все бесплатно, – сказал он мне.

– Пришлите мне, что можете, и я куплю то, что смогу, договорились? – ответил ему.

Это была ожившая сказка. Я отправлялся в Лондон или в Париж, чтобы приобрести там одежду, и все продавцы

выскакивали из своих магазинов.

– Чемпион! Чемпион! – кричали они, стремясь завлечь меня к себе.

Я арендовал «Конкорд», чтобы встретиться с девушкой, мы гуляли по улице, и весь город остановился. Нас в буквальном смысле слова затаскивали в магазины, мы были постоянно окружены толпой поклонников.

В Лас-Вегасе было еще хуже. Я пошел в магазин Версаче во «Дворце Цезаря», и весь торговый комплекс прекратил работу. Мне оказали максимум внимания. Я осматривал одежду и ни о чем не задумывался – *Огромное вам спасибо!* – все выглядело просто потрясающе. Мне даже не приходилось пользоваться примерочными. Я просто раздевался до нижнего белья в середине магазина. Я поэтапно раздевался, а сотни людей смотрели через витрину магазина, как я примеряю одежду. В толпе я увидел девушку, которая мне понравилась, и я попросил одного из продавцов впустить ее.

Она вошла.

– Хочешь остаться здесь и помочь мне забрать вещи? Тебе что-нибудь нужно? – спросил я ее. Когда я завершил отовариваться, я выложил за свои покупки 300 000 долларов наличными. Версаче очень рассердился на меня.

– Этот парень тратит слишком много денег, – говорил он всем, с кем мы общались. Но его слова вряд ли находили у кого-то отклик, поскольку он сам тратил больше, чем я.

В этой связи забавно, как раздули историю с Канье Уэстом[115], который переодевал свою женщину. Я делал то же самое. Мне всегда нравилось одевать своих девушек. Мне казалось, что я возвращаюсь в детство. Я привык смотреть, как моя мать одевала проституток, которые приходили к ней. Она примеряла им различные парики и наряды. И я делал так же. Не потому, что я был таким крутым парнем, просто я часто наблюдал, как моя мать делала это с девушками. Я даже учил Дона, как одеваться. Он одевался так, словно пришел прямо из фильма *«Крутой»*[116].

– Ниггер, ты не можешь быть с нами, если так одеваешься. У нас есть имидж, который мы поддерживаем. Дон, мы крутые, улетные ниггеры. А ты похож на бродягу и бомжа, – говорил я ему. – Ты большой человек, и одеваться ты должен по-другому. Дон, Версаче, – это будущее.

Я способствовал формированию имиджа гангста рэпа и созданию соответственного отношения к миру. Я был представителем этой эпохи. Даже Дон был поражен тем, какой имидж я создал себе в то время. В конце 1988 года Дон попытался

как-то приукрасить мой образ, организовав в Чикаго мое крещение Джесси Джексоном. Но это все было полной туфтой. После крещения я взял в отель одну из хористок и трахнул ее.

Мне говорили, что я заново родился в журнале *«Джет»*[117]. Помните эти слова: *«Протяни руку богу, не стремись к звездам. Ты можешь достичь облаков, но не витай там. Протяни руку богу, подай ему руку»*? Только все это фигня. Все духовное в то время для меня было сосредоточено в моем члене.

В конце 80-х я провел много времени в Лос-Анджелесе. У меня была квартира в комплексе «Сэнтери Сити», в районе Уилшир. Один мой приятель давал имя своей яхте и в честь этого устроил банкет, где я познакомился с красивой девушкой по имени Хоуп. Она вместе с подругой подошла уже к завершению банкета, когда закуски закончились. Я сидел за столом с большой тарелкой еды, поэтому Хоуп подошла ко мне, возникнув из ниоткуда, и принялась подражать Эндрю Дайсу Клэю[118]:

– Послушайте, моя подруга готова доставить вам несказанное удовольствие, если вы угостите ужином. Мы с ней умираем с голоду.

Я понял, что она дурачилась. Я пригласил их присесть и поделился с ними едой. У меня не возникло впечатления, что она хочет со мной интима, так что мы просто стали вместе гулять. У нее была масса подруг, и я иногда говорил ей: «Хоуп, мне действительно очень нравится вон та девушка». И она знакомила меня. Я стал для нее старшим братом. У нее постоянно возникали какие-то проблемы с мужчинами. Мне было достаточно посмотреть на ее очередного парня, чтобы определить ей: «Хоуп, этот парень – гей» или «Этот парень никогда не станет заботиться о тебе». Я достаточно хорошо понимал людей. Кроме женщин, которые были в моей жизни.

Мы стали близки. Хоуп в то время ходила в колледж, у нее не было много денег, поэтому я позволил ей пользоваться одной из спален в моей квартире. Но между нами были только платонические отношения. Никто не верил этому, потому что Хоуп была страстной девушкой.

– Майк, ты ее трахаешь. Я знаю, это так, – говорили мне все мои друзья. – Если уж ты трахал ту уродливую жирную шлюху, то эту-то красаву ты точно должен трахать.

Я стал защитником Хоуп. Одним из наших любимых мест был клуб под названием RnB Live. Именно здесь Хоуп повстречала Уэсли Снайпса. Она стала видеться с ним, когда я был в отъезде. Когда я вернулся в Лос-Анджелес, она пришла ко мне в слезах. Уэсли разбил ей сердце: он не хотел больше видеть ее.

– Понимаешь, Хоуп, вот что происходит, когда ты

связываешься с парнями такого типа. Тебе нужен честный, настоящий парень, – сказал я ей.

Но Хоуп не желала это слышать. Она предпочла бы, чтобы ей сказали: «Почему ты плачешь, Хоуп? Я надеру ему задницу».

Поскольку она не услышала этого от меня, она сказала:

– Для Уэсли было непонятно, почему я с тобой. Он спросил меня: «Что у тебя общего с таким парнем, как Тайсон?»

Я знал, что это была туфта.

Спустя несколько дней я решил встретиться с Хоуп в RnB. Я подсел и начал интересоваться, как у нее обстоят дела с учебой. И в этот момент мы увидели Уэсли Снайпса. Я извинился и подошел к нему. Уэсли поднял глаза, увидел меня и запаниковал.

– Майк, пожалуйста, только не бей меня по лицу, я этим зарабатываю себе на жизнь, – попросил он.

– Чувак, не волнуйся по поводу Хоуп. Она просто переживает.

И мы оба посмеялись.

Так как в тот вечер я выпил много шампанского, я, увидев Кинена Айвори Уэйанса[119], решил, что мне следует сказать ему что-нибудь. Он пародировал меня в комедийном телесериале *«В живом цвете»*.

– Эй, Кинен, можно переговорить? – спросил я.

– Да, Майк, что-нибудь не так?

– Я обидел чем-нибудь тебя или твою семью?

– Нет, а в чем дело?

– Дело в том, что хорошо бы прекратить эти ублюдочные шутки про меня.

Он оправдывался, как мог. И шутки про меня, между прочим, прекратились. Все эти юмористы классно компостируют вам мозги на сцене или перед камерой, но когда они видят меня, у них сразу же возникает горячее желание стать со мной друзьями.

В период моего знакомства с Хоуп я начал тусоваться с одним потрясающим парнем, которого звали Кевин Сойер. У него была пейджинговая компания в Лос-Анджелесе, и его магазин стал местом для тусовки игроков, дельцов, сутенеров. До того как стать известными, там работали Джейми Фокс[120] и Джо Торри[121]. Это было метом для бизнеса. Люди приходили купить пейджеры – и видели там меня, играющего в кости в нарядах от Версаче, с часами в крупных алмазах и с припаркованным поблизости «Роллс-Ройсом».

Кевин был невероятный ловелас. Он обладал харизмой, и женщины любили его, несмотря на то, что он заикался. Я, Кевин и мой друг Крейг Буги устроили соревнование: как много женщин мы могли бы поиметь за день. В то время сексуальные зрелища были в большой моде. Я знакомился с девушками на улице,

предлагал им: «Давай пойдем!», – ну, и мы шли. Я был в клубе, прикасался к девушкам, целовал им спину, лизал их кожу, при этом я даже не знал их. Затем я приводил их домой, и мои друзья также занимались с ними сексом. Я получил широкую известность. Я стал известен как парень, который может поехать с тобой за покупками, а затем вернуться домой, чтобы заняться сексом.

Однажды Буги вез меня в районе Филадельфии. Я там готовился к поединку с Бастером Матисом-младшим. Я увидел красивую девушку, идущую по улице. Мне даже не потребовалось что-либо говорить: девушка сама запрыгнула на заднее сиденье автомобиля.

– Куда мы едем? – лишь поинтересовалась она.

В другой раз я сидел в такси в Нью-Йорке с девушкой, с которой я познакомился. Она разделась прямо в такси и стала заниматься со мной сексом. Дело происходило даже не в лимузине, а в обычном желтом такси. Я подумал: «Ничего себе! Ну ладно, раз так».

По-моему, мне было предопределено поступать так. Все мои герои именно так вели себя с женщинами. Кто-то должен был сказать мне: «У этого будет плохой конец». Но не оказалось никого, кто сделал бы это.

Я начал делать у себя дома видеосъемки сексуального характера. Буги подготавливал место действия, устанавливал в нужном месте камеру, а затем прятался в шкафу и подсматривал. Они называли меня «Смещающим матку» или «Разрыхлителем таза». Я показывал записи своим приятелям, а затем все стирал. Если бы кто-то из них смог получить это на руки, то порносъемки с участием Кардашьян[122] получили бы индекс «детям до 13 лет».

В те дни я много пил и участвовал во всевозможных вечеринках. В Чикаго у меня была девушка по имени Кармен. Она была славной девушкой-католичкой из приличной семьи – слишком приличной, чтобы тусоваться с нами. Как-то вечером я был вместе с ней и Эриком Брауном, которого все называли Эбом, в одном чикагском ночном клубе. Был организован конкурс на лучшую сексуальную леди, и какой-то парень во время него проявил к Кармен неуважение. Я ничего не сказал, но был весьма рассержен. Думаю, парень считал, что он тем самым поддевает Майка Тайсона. Я потихоньку проскользнул за ним в туалет и произнес речь:

– Слушай, чувак, мне глубоко наплевать на разных девах. Но тебе лучше меня все же не подъе… вать. И чемпионское дерьмо тут совершенно ни при чем. Мы можем с тобой выяснить, кто из нас чемпион, прямо здесь.

У парня на лице был написан ужас. В этот момент в туалет ввалился Эрик с охранниками клуба и оттащил меня от него. Я был изрядно пьян, поэтому я выскочил из клуба и прыгнул в свою машину. Тем вечером у меня был лимузин с джакузи в конце салона. Я велел шоферу отвезти меня в южную часть города. Эрик пришел в ярость, когда понял, что я ушел из клуба, поэтому он позвонил водителю лимузина:

– Где вы?

– Мы на Шестьдесят седьмой и…, – ответил водитель.

– Что?! Даже *я* никогда не забирался так далеко, – заволновался Эрик.

– Как мне следует поступить? – спросил водитель.

– Встретимся у отеля «Ритц-Карлтон», – ответил Эрик.

Мы направились обратно к отелю. Я и не подозревал, что мой лимузин сопровождало около тридцати автомобилей, и все они были с женщинами. Они следовали за нами с тех пор, как я покинул клуб. Когда я вышел из лимузина у «Ритц-Карлтона», меня там уже ждал Эрик. Но я прежде всего достал пачку денег, обошел все машины, которые сопровождали нас, и бросил на каждую несколько стодолларовых купюр.

– Какого черта ты делаешь, Майк? – спросил Эрик.

– Это все, что они хотят. Денег, – ответил я.

Я вошел в отель, Эрик следом за мной.

– Что ты здесь делаешь? – поинтересовался я у него.

– Я ждал тебя, – ответил Эрик.

– Мне совершенно не нужно, чтобы меня кто-то ждал. Я пришел в этот мир сам, и сам уйду, – сказал я.

– Хорошо, скажем так: мне придется остаться с тобой этим вечером, так что ты вполне можешь позлиться на меня, – был ответ Эрика.

Мы сели в лифт, чтобы подняться в номер. Так как я был голоден, мы, выйдя из лифта, направились в ресторан. К нам подошел белый чувак небольшого росточка и сообщил:

– Извините, мистер Тайсон, но ресторан уже закрыт.

Я схватил его за шею, поднял в воздух и сказал:

– Накорми меня. Не обращайся со мной, как с ниггером.

Пятнадцать минут спустя перед нами был накрыт роскошный обед. Я съел свою порцию, затем принялся за порцию Эрика. И вдруг я сломался:

– Послушай, зачем она так поступила со мной?

Я все еще не мог оправиться от проблем с Робин.

– Успокойся, – попытался утешить меня Эрик.

– Это просто сука. Ведь я любил ее. Она не должна была так поступать со мной, – простонал я.

Настроение у меня резко упало, поэтому Эрик достал телефон и позвонил матери Айзеи Томаса, Мэри. Она была прекрасной женщиной. Мэри начала утешать меня, и буквально через несколько минут я почувствовал себя лучше.

Казалось, стоило мне только выйти из дома, как на меня наваливалась очередная проблема. Зачастую это была даже не моя вина. Однажды я в Нью-Йорке отдыхал с одной испанской девушкой. Она была автоинспектором в одном из городских микрорайонов. Я знал, что если она наведет марафет, то будет просто великолепна. Я купил ей необходимый макияж и классной одежды, и она стала выглядеть потрясающе. Вечером я пригласил ее и некоторых моих подруг в китайский клуб, весьма модный в то время, и мы заняли столик. Был я и восемь девушек. Я был похож на сутенера. Ничего удивительного, что какой-то парень подошел к нашему столу, чтобы пообщаться с девушками. Я не видел в этом никакой проблемы и был спокоен. Парень даже не разговаривал с этой девушкой, копом, как вдруг она вскочила с поднятыми руками и закричала ему: «Стой! Не приближайся! Эти дамы не желают тебя видеть!»

Я смотрел на эту сцену и думал про себя: *«Что, черт возьми, происходит?»*

За соседним столиком, от которого и подошел этот парень, раздался смех: молодые люди смеялись над девушкой. Не успел я оглянуться, как она подошла к парню, который смеялся громче всех, поставила стоймя и ударила прямо по голове. Она была в полной боевой готовности.

Можно было бы предположить, что девушки за столом были рады, что она защищала их, но на самом деле они испугались ее.

– Майк, ты должен сказать этой суке, чтобы она убиралась отсюда, – сказала одна из моих подруг. – А что, если обо всем этом пронюхает пресса?

– Детка, ты всех здесь напугала, – сказал я девушке-копу. – Тебе лучше уйти.

Я не мог в это поверить. Она врезала по голове взрослому человеку, который не делал ничего плохого, как и его друзья. О-о, мой бог!

Одной из причин, почему я не собирался долго жить на этом свете, являлось то, что я считал себя самым плохим человеком в мире, как на ринге, так и на улице. И если к этим внутренним комплексам еще добавить алкоголя, то могло случиться все что угодно. Казалось, у меня всегда была какая-то цель, но что я искал, в чем заключалась проблема? Я постоянно был в обиде на окружающих. Я постоянно чувствовал себя опустошенным. Даже после Мексики у меня оставалась обида на то, что я рос в

бедности, что моя мать умерла, что у меня нет семейной жизни. Мое чемпионство лишь обострило это чувство.

Я создал образ «Железного Майка», этого чудовища, пресса подхватила его, и весь мир стал бояться этого парня, парня, ради которого женщины могли изменять своим мужьям и бросать их на ночь. Образ большого отвратительного подонка возбуждал и одурманивал, но внутри я по-прежнему оставался маленьким зверьком, испуганным ребенком, который боялся, что над ним будут смеяться.

Однако я должен был играть свою роль, ничего другого мне не оставалось. Однажды вечером я на «Бентли» приехал в один нью-йоркский клуб. Я был пьян и вообразил себя крутым парнем. Я стал приставать к какой-то женщине, ее мужу это не понравилось, он вытащил пистолет и направил его на меня.

– Ну, давай, стреляй, ублюдок! Ты, сука, ниггер! Я трахну твою жену! – закричал я.

Я нес что-то непотребное. Аллах свидетель, я был безумно рад, что тот парень не решился убить меня. Он был горазд молоть языком, но что касается всего остального – он не пошевелил и пальцем.

Когда я начал работать с Доном, у меня было два приятеля из Олбани, Рори Холлоуэй и Джон Хорн, которые входили в мою команду. Они пытались удерживать меня от общения с толпой хулиганствующих рэперов, но те мне нравились. В то время эти ребята помогали мне, они понимали мою боль. Один раз я был в клубе в Лос-Анджелесе с Джоном Хорном и Джеймсом Андерсоном, моим телохранителем в то время. Мы общались с Фелипе, владельцем клуба. Я заказал кабинет с Майклом, двоюродным братом Фелипе. Когда мы входили в него, кто-то заорал: «Эй, Майк, если хочешь настоящих телохранителей, возьми «Крипов»[123] из Лонг-Бич!»

Хорн подумал, что это был какой-то эстрадный комик, и отпустил в ответ шутку насчет того, что он как-то вместе с женой был в районе «Крипов» в красном комбинезоне. Он думал, что ребята будут смеяться, но ему даже не дали договорить:

– Врешь! Ты никогда не был, мать твою, в моем районе в красной одежде[124]!

Как только один из этих парней произнес это, все стало ясно.

Парень пришел в ярость и вытащил пушку, его приятели последовали его примеру.

– Забери своего дружка, Майк, забери его, – велел парень.

Я не знал, что мне делать. Я протянул руку и принялся нести какую-то чушь:

– Мой друг просто неудачно пошутил. Ударим по рукам,

замнем это.

Я смог разрядить обстановку. Тот парень, Трейси Браун, стал одним из моих лучших друзей. Он был настоящим пижоном. Он отмотал в тюрьме пятнадцать лет, а когда вернулся домой, его убили. Он был прекрасным другом.

Я постоянно должен был спасать задницу Хорна. Он был весьма высокомерным парнем. Как-то вечером мы пошли в Чикаго на игру баскетбольной команды «Чикаго Буллз». С нами пошел Уолтер Пэйтон, со мной были Эрик и Джон. Мы приехали на лимузине с джакузи, были одеты в белые норковые шубы. Мы с Джоном прошли в туалет, где небольшой парнишка захотел было пожать мне руку. Джон сказал ему: «Прочь с дороги!» – и грубо толкнул его. Это, действительно, было оскорбление. Парень просто оцепенел.

– Немедленно извинитесь, и все забудем. Если вы не сделаете этого, у вас будут большие проблемы.

Я сразу просчитал ситуацию. Небольшого роста парень вел себя так, что было очевидно, что он принадлежит к какой-то банде.

Джон, наконец, просек все это, извинился и пожал парню руку.

– Спасибо, сэр, – сказал тот. Затем он пожал мне руку и поцеловал меня. Когда мы вышли из туалета, вокруг этого парнишки было около пятидесяти чуваков.

– Мы любим тебя, чемпион! – прокричали они мне.

Я тогда сказал Хорну, что я уже устал вмешиваться и защищать его, мне надоели возникающие конфликты. Я постоянно должен был всех успокаивать, выпускать пар и утрясать ситуацию с дулом у своего виска, хотя это меня, по идее, должны были бы защищать.

Вначале я сам выступал в роли своего собственного телохранителя, но это оказалась далеко не лучшая идея. Я не мог избивать людей только за то, что они хотели получить у меня автограф. У меня от этого было поганое настроение. В конце концов мне организовали настоящих телохранителей. Не для того, чтобы защищать меня от публики, а чтобы обеспечить защиту публики от меня. У меня был друг по имени Энтони Питтс, мы вместе тусовались в Лос-Анджелесе. Я знал, что Энтони мог бы потенциально быть хорошим телохранителем, потому что однажды вечером был свидетелем следующей сцены. Мы сидели в первом ряду на игре баскетбольной команды «Лейкерс», и один невежливый фанат, потерявший над собой контроль, оступившись, свалился прямо на Энтони, сбил его с ног и даже не извинился. Энтони поднялся и вышвырнул этого ублюдка прямо

на площадку. Я воскликнул тогда: «Черт побери!» Игра продолжалась, а этот парень валялся без движения прямо на площадке. Когда появилась полиция, чтобы забрать его, им пришлось утаскивать тело с площадки при продолжавшейся игре, которая так и не остановилась!

В результате одного происшествия, которое имело место вечером в одном из клубов в центре Лос-Анджелеса, Энтони решил, что мне необходим настоящий телохранитель. Мы вместе с ним и моим приятелем Джонни, белым парнем, стояли рядом с клубом беседовали с девушками. Я уже привлек целую толпу привлекательных молодых женщин, как вдруг услышал чей-то возглас: «Е… ть Майка Тайсона!» И после этого весь клуб вывалил на улицу. Я схватил девушку, с которой я разговаривал в тот момент, и мы рванули в мой лимузин. И тут я услышал: «Бах!» У какого-то парня был пистолет, и он выстрелил в меня, но промахнулся и попал девушке в ногу. Я был настолько эгоистичен, что после этого все еще пытался затащить раненую девушку в свою машину, чтобы отвезти ее домой. Ее подруга закричала: «Ее подстрелили из-за тебя, Майк! Целились в тебя!» Я хотел поскорее выбраться оттуда, но за рулем не было шофера. Посмотрев через заднее стекло, я обнаружил, что он прятался, свернувшись, в конце салона. Вот тогда-то Энтони и решил стать моим телохранителем. Мы рванули, оставив девушку. Я испытывал чувство вины, что ее ранили. Разумеется, она никогда больше не разговаривала со мной.

Все эти попойки и кутежи привели к тому, что мой вес в декабре того года подпрыгнул до 255 фунтов[125]. Мой следующий бой был с Фрэнком Бруно, но он намечался не ранее конца февраля 1989 года. Однако я оказался без тренера. Дело было в том, что Кевин всегда говорил в газетах много разного дерьма про меня, утверждая, что я не осознавал, что делаю. Он был очень сильно настроен против Дона и всегда поддерживал Кейтона. Думаю, что его ненависть к Дону ослепляла его. Если можно так выразиться, Кевин уволил сам себя. Он не желал быть с нами. Он хотел, чтобы вернулась вся команда Кейтона. Мы собирались вновь нанять его на прежних условиях, но он не захотел. А затем он подал на меня в суд.

Я нанял новым тренером своего соседа по комнате в Катскилле Джея Брайта. Я хотел, чтобы Джей заработал денег, поскольку он был частью семьи Каса в штате. Мы также наняли Аарона Сноуэлла, который утверждал, что он тренировал Тима Уизерспуна[126]. Тим позже рассказал мне, что Сноуэлл был лишь его напарником по пробежкам, в задачи которого входило также приносить на ринг ведро, но мне было наплевать. Ведь я был

богом кулачного боя! Мои оппоненты должны были умереть от страха при одной только мысли о предстоящем бое со мной. О боже!

Прежде чем приступить к тренировкам, я должен был решить некоторые вопросы юридического характера. В январе девушка подала против меня иск на миллион долларов, обвинив меня в том, что я схватил ее за ягодицы в ночном клубе «Бентли» в нескольких кварталах от моей квартиры на Манхэттене. Энтони, который был со мной тогда, посоветовал мне сказать, что я вовсе не хватал ее за ягодицы, а стоял позади нее и затем упал на нее, пытаясь предотвратить свое падение. Энтони всегда придумывал какое-нибудь правдоподобное отрицание. И он частенько использовал мне на пользу вариант с падением. В другой раз в «Бентли», когда я схватил какую-то девушку за зад и она обернулась, Энтони воскликнул:

– Нет-нет, это был я, детка. Я извиняюсь. Я подумал, что вы моя бывшая подружка.

Эту девицу он обезвредил, но первая тащила меня в суд. Она рассчитывала на то, что ее подруга, которая была там с ней, будет свидетельствовать против меня. За день до того, как должен был состояться суд, я встретил их обеих и, к своему удивлению, обнаружил, что подруга, которая должна была свидетельствовать против меня, – это одна из моих приятельниц.

– А вот и та самая девушка из судебного дела, – обратился я к девице, подойдя к ним.

– Не нарывайся на неприятности! – предупредила она.

– Я вовсе не собираюсь нарываться на неприятности, – ответил я спокойно. – Я не сержусь на тебя. Я сержусь на твою подругу. Ведь я не сделал ей ничего плохого.

Я сообразил, что если я трахну свою приятельницу, она не сможет свидетельствовать против меня.

– Эй, сестричка, нет никаких проблем. Почему бы нам с тобой не покататься на «Ройсе»?

Моя стратегия сработала. Моя приятельница не стала свидетельствовать.

В январе я также должен был явиться в суд для дачи показаний под присягой в связи с иском Кейтона против Дона Кинга. Кейтона представлял известный адвокат Томас Пуччио. Он спросил меня о вознаграждении за поединок со Спинксом, и я ответил, что не могу вспомнить, заплатили ли мне. Когда Пуччио доказал, что мне полностью заплатили двенадцать миллионов долларов, я не мог вспомнить, что же я сделал с деньгами. В то время у меня даже не было своего собственного бухгалтера, я прибегал к услугам бухгалтера Дона. У меня не было никого, кто

бы мог сказать мне, как защитить себя. Все мои друзья зависели от меня. У меня были самые выдающиеся друзья-неудачники в истории друзей-неудачников.

Дача показаний получила весьма интересное развитие, когда Пуччио спросил меня о Джимми и пересмотренном контракте на оказание управленческих услуг, который я подписал перед тем, как он умер.

– Я полностью, безоговорочно, безгранично, всей душой доверял Джиму, – давал я показания. – И этот документ я подписал потому, что Джимми попросил меня сделать это. Я всегда доверял Джимми и не мог себе вообразить, что это доверие приведет к сегодняшней ситуации, к тому, что я сейчас нахожусь здесь перед вами. Я не понимал и не могу понять, почему, если Кейтон был моим менеджером, Джимми заставил меня подписать этот документ. Как я уже сказал, я доверял ему и поэтому подписал его. Я готов был драться ради Джима, я любил его. Он мог бы поставить меня в известность относительно мистера Кейтона как моего менеджера, но он не сделал этого.

Но Пуччио продолжал давить на меня. Он учинил меня допрос насчет специальных условий моего контракта с Кингом. Я понятия не имел, что было в контракте. Неужели я читал это дерьмо?

– Вы утомляете меня, – сказал я Пуччио.

По правде говоря, меня больше интересовало, как бы подбить клинья под молодую горячую помощницу Пуччио, которую звали Джоанна Криспи. Я уже сообщил ей, что у нее красивая попка, и продолжал попытки привлечь ее внимание. Мне очень жаль, что сейчас приходится признаваться в этом. И о чем только я тогда думал? Я не должен был так отвратительно поступать. Но я поступал.

Мои собственные судебные разбирательства с Робин по-прежнему были в производстве, но это не мешало нам встречаться друг с другом. Всякий раз, когда я был в Лос-Анджелесе, я ненадолго заезжал к ней. Это была встреча ради секса. Однажды я подъехал к ее дому в своем «Ламборгини Каунтач». Я постучал в дверь, мне никто не ответил. Это было весьма странно. Вернувшись к машине, я вдруг заметил Робин, которая затормозила в своем красивом белом кабриолете «БМВ». Я признал машину, ведь это я, блин, купил ее. *«Замечательно!* – подумал я. – *Я еще успеваю на быстрый перепихон»*. Затем я заметил на месте пассажира белый силуэт с распущенными светлыми волосами. Черт, наверное, это одна из ее подруг из передачи *«Мастер-класс»*. Но, присмотревшись, я понял, что это был парень. С кем она, судя по всему, занималась оральным

сексом. Они вышли из машины, и я увидел, что это был Брэд Питт. Нужно было видеть выражение его лица, когда он заметил, что я стою перед домом. Казалось, он уже был готов к панихиде по себе. Кроме того, он был либо вдрызг пьяным, либо обкуренным. Затем он вывалил на меня все свои реплики до фильма «Матрица»[127]:

– Чувак, не бей меня! Не бей меня! Мы просто репетировали. Все это время она говорила только о тебе.

– Пожалуйста, Майкл, пожалуйста, не делай ничего! – рыдала Робин. Она была напугана до смерти. Но я и не собирался никого бить. Я не собирался из-за нее садиться в тюрьму, я просто хотел еще немного потрахаться до развода.

– В следующий раз, Майк, – попросила она. – Я буду дома, давай в следующий раз.

Что было, то было. Брэд в тот день нанес мне неотразимый удар, поэтому я вернулся лишь на следующий день.

Это был не последний раз, когда я встречался с Робин. Пока я готовился к поединку с Бруно, она была в Ванкувере на съемках какого-то малобюджетного фильма. Она постоянно названивала мне с просьбами о помощи, жалуясь, что ее преследуют. Я хотел быть рядом с ней, чтобы защитить ее, поэтому я сбежал от своей охраны и немедленно вылетел к ней. Я был даже рад бросить свои дела и выбраться из города, потому что мне уже надоели тренировки. Когда я подходил к гостинице, неся большую бутылку шампанского «Дом Периньон», у меня был романтический настрой. Внезапно я оказался окружен роем репортеров и съемочных камер. Робин подставила меня. Она рассказала журналистам, что это я преследовал ее. Они толпились вокруг меня, выпытывая, почему я преследовал ее, и я действовал инстинктивно: чтобы ускользнуть от них, я превратил свою бутылку шампанского в дубинку. В результате я напугал некоторых журналистов и сломал очень дорогую камеру, что обошлось мне в какую-то совершенно грошовую сумму. Я провел эту ночь с Робин, но ее поведение было мне настолько отвратительно, что на следующее утро я уехал. Это стало формальным завершением моих отношений с ней.

Наш развод был завершен 14 февраля. Не правда ли, в этом заключалась определенная ирония[128]. Робин получила какую-то сумму наличными и все драгоценности, которые я купил ей и которые стоили целое состояние. Безжалостная взяла себе кое-что из трофеев Робин и открыла в Нью-Йорке компанию некоммерческих фильмов «Нэвэр блю продакшнз». Мой приятель Джефф Уолд, голливудский продюсер, посоветовал, чтобы меня представлял адвокат Говард Вейцман. Это был настоящий

профессионал. В ходе судебного процесса Робин стала доказывать, что один из чеков на крупную сумму выписан на ее имя, поскольку в нижней строке значилось «подарок Майка Тайсона». Только она не знала, что банк делал микрофотокопию каждого чека. Говард добыл скопированный оригинал этого чека, увеличил его и выложил на большом листе картона, чтобы продемонстрировать суду, что Робин делала на нем свои сраные пометки уже после того, как он был погашен.

Робин пыталась также забрать себе мой «Ламборгини». Она поставила машину в свой гараж, а перед воротами установила цементные надолбы, чтобы ее не могли оттуда вывести. Но для Говарда это не составило проблемы. Он нанял частных детективов, бывших агентов «Моссад», и они добыли машину за двадцать минут, никого не разбудив.

Официально я был свободен от Робин, но вместо того, чтобы находиться в приподнятом настроении, я упал духом. Я не хотел больше быть женатым на ней, но в результате всех этих процедур я чувствовал себя униженным. Я чувствовал себя лишь половинкой человека. Я пережил темную сторону любви – предательство, и я стыдился того, что это разыгралось на глазах миллионов людей. В первый раз я оказался уязвим для других. Я был готов умереть ради нее, а теперь меня даже не интересовало, жива ли она вообще. Как может любовь так меняться? Теперь, став более здравомыслящим, я, размышляя о тех событиях, понимаю, что Робин и Безжалостная на самом деле были людьми, достойными сожаления. Они были готовы на все ради денег, на все. Они готовы были стать зоофилами и трахать крыс. Они не знали каких-либо границ, деньги были у них в крови. Они были порочными людьми.

Однако пришло время возвращаться к боксу. Вся индустрия бокса с нетерпением ожидала моего следующего боя. Мы вернули в спорт зрелищность. Мои бои распродавались сразу же, как только они объявлялись. Все устремлялись в Лас-Вегас, чтобы попасть в гостинично-развлекательный комплекс MGM Grand. Когда мы там бывали, народ толпился, как сельди в бочке. Ходили слухи о том, что я хожу в торговый центр MGM Grand и за один вечер накануне поединка трачу там двести пятьдесят тысяч, поэтому в центре собирались аналоги Майка Тайсона. Они повторяли мой путь. Я уже спал в номере, а там бродили все эти копии Тайсона: кутилы со всего мира, миллиардеры, актеры, актрисы, дельцы, проститутки, сидевшие в первых рядах рядом с сенаторами, – все были там.

Но я был не в форме, прежде всего в психологическом отношении, чтобы драться. Бруно надрал бы мне задницу. Меня

просто больше ничего не волновало. Я устал от боев. У меня в голове не было системы, которой учил меня Кас. Но я делал хорошую мину при плохой игре. На одной из первых пресс-конференций перед боем я старался казаться оптимистичным:

– Я рад вернуться. Последнее время у меня была масса неприятностей, отвлекавших меня, но, я думаю, для меня это пошло только на пользу. На самом деле, я уже давно преодолел болезненную ситуацию, просто на сей раз она была предана гласности. Я многое узнал о самом себе, столкнувшись с невзгодами. Сейчас моя основная задача – это вернуться на вершину. Неважно, что я уже знаменит и что меня узнают. Ты не можешь быть на вершине, если ты не выступаешь, и я намерен вновь выступать и вернуться на вершину.

Репортеры, однако, желали знать подробности моей любовной истории с Робин и почему она так завершилась.

– Послушайте, я уже прошел этот этап. Я был влюблен, возможно, полюблю снова, но все будет уже по-другому.

По мере приближения боя я демонстрировал чуть больше бравады:

– Люди говорят обо мне: «Бедный парень!» Это оскорбляет меня. Я презираю сочувствие. Да, я напортачил, наделал ошибок. Однако «бедный парень» звучит, словно я жертва. Я совершенно не бедный, уверяю вас.

Мы поселили Рори и Джона Хорна в отель «Хилтон» за несколько недель до боя. Через пару дней они уже красовались в золотых часах и украшениях, купленных в магазинах отеля за мой счет. Мне сообщили, что они не брезговали таскать даже гостиничные полотенца.

Я особенно не тренировался перед поединком. У меня был спарринг с Бруно, когда мне было шестнадцать лет, еще при Касе, и тогда я одолел его. У меня не было какой-то стратегии на этот бой. Я знал, что мог нейтрализовать его джеб и что он был не в состоянии причинить мне неприятности своими ударами. На взвешивании Бруно попытался смутить меня во время дуэли взглядов, поэтому я приспустил свои шорты и показал ему лобковые волосы.

Когда бой начался, я почувствовал, что слегка утратил форму, но мне удавалось наносить сильные удары. Я сбил Бруно с ног первым же ударом. Затем я немного опрометчиво попытался добить его, но недооценил его скорость, и он смог провести хук левой и короткий удар правой. Потом сильно преувеличивали, утверждая, что я зашатался от этих ударов, это было не так. Я просто почувствовал: бац, бац, – и после этого вновь пришел в норму. Я чуть было не поставил точку в самом конце второго

раунда. В дальнейшем он стал клинчевать после каждого моего удачного удара. Спустя минуту после начала пятого раунда я потряс его своим ударом и затем в течение сорока секунд гонял по рингу. Когда он готов был ускользнуть, я прижал его к канатам и нанес сокрушительный апперкот правой, после чего Ричард Стил остановил бой. Бруно еле стоял на ногах.

В интервью после боя я покуражился над своими соперниками.

– Как они смеют бросать мне вызов со своей примитивной техникой? – насмехался я.

Я цитировал Апокалипсис из комиксов «Люди Икс». Я был просто большим ребенком, цитируя комиксы.

Следующий бой у меня должен был состояться в июле, при этом телекомпания HBO добивалась, чтобы я подписал пожизненный контракт. Я был пожизненным ниггером-рабом. Им было необходимо, чтобы я был у них рабом на плантации. Только представить себе, блин: эти начальники дрались за то, чтобы поделить меня на мелкие кусочки!

Я начал подготовку к поединку в Огайо. Я купил дом прямо рядом с домом Дона. 31 мая к Дону пришли ребята из HBO, чтобы поговорить о планируемой сделке. Я не показывался: я был на вечеринке со вчерашнего вечера.

Кинг встретился с прессой и нарисовал радужную картину наших отношений:

– Это семейное дело, где преобладают духовное единение, солидарность и сплоченность. Майк понимает, что он должен совершенствоваться. Моя работа заключается в том, чтобы быть честным с ним. Он – человек, и ему позволительно совершать свои собственные ошибки. Майк должен расти, как и все остальные, он обязательно должен расти, и я никак не могу дождаться, когда же он, наконец, станет независимым от меня.

Этот ублюдок просто пытался копировать Каса.

– Я не пытаюсь лишить его воли, мужества и энергии, решать, что хорошо и что плохо для него. Он сам все решает, я ему не отец, но сердце отца, чего лишены многие дети в гетто. Я мог иметь отношение к тому, из-за чего Майк Тайсон страдает.

Что я могу сказать об этом парне? Он не знал правды, даже когда она была прямо перед ним. Он мог проговориться и сказать правду только случайно.

Я не появился к обеду, поэтому они начали встречу без меня. Я вернулся около четырех часов дня, в национальной тирольской одежде ледерхозен в черно-белую полоску, которую мне достали в «Даппер Дан».

Мне было насрать на эту встречу. Я отчаянно скучал в Огайо.

Иногда мне хотелось взять пушку и пойти пострелять по машинам Дона. Я не мог нормально развлечься в Огайо по той простой причине, что я стал нежелательным посетителем во многих клубах в городе. Я умудрился даже сделать так, что Поли Германа выставили из собственного клуба. Он был инвестором китайского клуба, и как-то мы с ним сидели там, когда между мной и официанткой вспыхнула ссора. Я стал отдавать ей различные распоряжения и разозлился, что она слишком долго несла нам шампанское. Она нажаловалась на меня управляющему, и тот распорядился выставить нас. После этого мы пошли в «Колумб», Поли открыл свое заведение, и мы выпили.

Хоуп проводила со мной много времени в Огайо. Девушки приходили ко мне и уходили, но было приятно, когда был кто-то, кто заботился о тебе. Я будил ее в середине ночи, она делала бутерброды, и мы просто разговаривали. Я помню, как говорил Хоуп: «Многие люди не знают об этой детали, но я не могу даже сделать себе бутерброд». Всегда находились те, кто делал что-то для меня. Для меня это было время одиночества и подавленности.

Случилось так, что один из моих так называемых друзей нанес мне удар. Была, наконец, издана книга Хосе Торреса обо мне. Первоначально предполагалось, что это будет авторизованная биография, но когда я стал работать с Доном, мы отказались от участия в этом предприятии. Вся книга была полна грязи и лжи обо мне. В ней была сцена, где мы якобы шли и говорили о женщинах и сексе, и я сказал: «Мне нравится слышать, как они кричат от боли, видеть, как они истекают кровью. Это доставляет мне удовольствие». Я никогда не говорил о женщинах ничего подобного. Я высказался так о своих соперниках на ринге. Торрес был просто каким-то извращенцем. Неточности вроде этого встречались в книге сплошь и рядом.

Когда книга вышла, я не стал выступать с опровержениями всех этих историй, но прокомментировал предательство Торреса: «Он твой друг, он обнимает тебя, говорит тебе, как сильно он тебя любит и что он умрет за тебя. Но если он может заработать, он готов перерезать тебе глотку и оставить тебя истекать кровью».

Раз уж зашла речь о крови, должен признаться, что в то время я был озабочен проблемой СПИДа. Мой следующий бой был 21 июля в Атлантик-Сити. В рамках подготовки к поединку необходимо было пройти тест на СПИД. Поскольку у боксеров нередко случались кровотечения в результате ударов, таким образом пытались обезопасить рефери, секундантов и других боксеров. Я опасался проходить тест. Мне приходилось спать с разными девушками, поэтому я думал, что болен СПИДом. Когда пришли брать тест, я просто отказался.

– Майк, пройди этот гребаный тест, – умолял Дон. – У тебя ведь нет этого дерьма.

– Откуда ты знаешь? Какие признаки того, что у меня его нет?

Дон не знал, что один мой друг детства умер от СПИДа. Мы с ним оба, не предохраняясь, занимались сексом с одной и той же девушкой, которая тоже умерла от СПИДа. Вышибала из клуба, в котором мы все тусовались, знал, что я спал с ней, и всякий раз, когда я появлялся, совершенно спокойно интересовался:

– Привет, Майк. Как дела? Похоже, ты теряешь вес.

А у меня за спиной он всем рассказывал, что я болен СПИДом.

В то время СПИД в нашей жизни был везде. Заболел один из моих друзей детства, который являлся для меня примером для подражания. Мы даже не знали его настоящего имени и звали его просто Поп. Это был весьма колоритный парнишка-гомосексуал, лет на пять старше меня. Он прилично зашибал, всегда был безукоризненно одет, носил меха, перстни, бриллианты, так что в магазинах никто и подумать не мог, что он ворует. Поп тусовался с женщинами только тогда, когда кололся. Ему не нравилось брать нас на дело, потому что мы мешали ему. Но он был великодушен и щедр и всегда делился с нами.

Мой следующий бой был с Карлом Вильямсом по прозвищу «Правда». Это был мальчик для битья с показателем 12 – 1, и он не представлял для меня какой-либо реальной угрозы. Чтобы возбудить интерес к бою и заработать быстрые деньги, Дон организовал 900 телефонных линий. Позвонив, можно было получить платную эксклюзивную информацию обо мне. На самом деле это была просто магнитофонная запись интервью, которое Дон взял у меня:

– Если ты побьешь Карла Уилльямса, кто станет твоим следующим соперником?

– Я не знаю, – был мой ответ.

И ведь за такое дерьмо платили.

Сам бой продолжался не так долго, как эти 900 телефонных звонков.

Когда Уильямс выбросил джеб левой, я, уклонившись, одновременно пробил хук левой точно в челюсть. Он упал, затем поднялся, опершись на канаты, чтобы удержать равновесие. Рефери задал Уильямсу вопрос, но его не устроило то, что он услышал, и бой был остановлен. Поединок длился на две секунды дольше, чем поединок со Спинксом. Я был удивлен, что рефери остановил бой. Не думаю, что Уильямс был настолько плох. Но, как я сказал Ларри Мерчанту после боя, я в любом случае был

сильнее его. Я всегда был наиболее опасен тогда, когда хотел нанести кому-либо травму.

Мерчант спросил меня, кто будет моим следующим соперником, и перечислил целый список имен, в том числе Холифилда, Дагласа и Докеса.

– Любой! Да хоть все! Никто не может сравниться со мной! Я лучший боец в мире! – ответил я. Затем продолжил: – Дон сказал мне, что если я нокаутирую этого парня, он заплатит мне сто тысяч долларов. Когда я смогу получить свои деньги?

Дон пробился к камере и ответил:

– На пресс-конференции после боя.

– Отлично! Отлично! – Я был возбужден. – Эти деньги пойдут на нужды моей церкви.

Мы сложили эти деньги в сумку, и я поехал с Крейгом Буги прямиком в Маунт-Вернон, чтобы потусоваться с Хэви Ди[129] и Ал Би Шуа![130] Мы несколько часов кутили дома у Хэви вместе с его родителями, а потом отправились в Нью-Йорк, чтобы потратить деньги на церкви по своему выбору. Сначала это был «Колумб», а затем каждый клуб от Гарлема до центра города. После этого боя я гулял в Нью-Йорке целый месяц.

Конечно же, я поехал в Браунсвилл и раздал в своем районе часть своего добра. Иногда только получалось так, что и Браунсвилл появлялся у нас, в нашем зажиточном пригороде. Как-то я со старинным приятелем Горди ехал в своем лимузине вверх по Мэдисон-авеню. Выглянув в окно, я увидел, как мужчина и женщина в длинных дорогих шубах быстро шли вниз по улице, а за ними гнался менеджер из элитного магазина на Мэдисон-авеню.

– Эй, вернитесь! Назад! – кричал менеджер.

Присмотревшись, я понял, что это Поп и его подруга Карен. Мы с Горди смеялись до упаду: даже со СПИДом Поп жил прежней жизнью.

* * *

В те годы, когда у нас была команда Тайсона, я, действительно, перешел за черту. В моем поведении не было никакой логики. Я считал себя чем-то вроде героя-варвара: «Если тебе не нравится то, что я говорю, я уничтожу тебя, разорву тебя на части». Я был Хлодвигом, Карлом Великим, я был грязным сукиным сыном. Один из моих телохранителей начал думать, что его в самом деле зовут «… б твою мать!», потому что ему постоянно приходилось слышать это обращение: «… б твою мать,

купи мне это!», или «Давай, пошли, … б твою мать!»

Это был лагерь дикарей в штате Огайо. Каждый мог огрести по полной. Я был таким правителем. Никого не увольняли, всем просто надирали задницу. Помню, я так классно пнул Дона Кинга в голову, что, по словам Эрика, было похоже, будто выбивали пыль из его прически в стиле «афро».

Дело было так. Однажды в воскресенье я сказал Дону:

– Приятель, я еще никогда не видел миллион долларов наличными. Дай мне миллион долларов.

– Майк, но банк закрыт! – сказал Дон.

– У тебя есть связи. Договорись, чтобы банк открыли, и дай мне мой миллион долларов! Я хочу увидеть его наличными, – предупредил я его.

Если честно, то я е… л мозги. Я просто пытался найти какой-нибудь дерьмовый повод, чтобы е… ть Дона по голове.

– Майк, не делай этого! Дон устроит так, что тебя убьют! Дон уже убивал людей! – говорили мне все.

– Вы все боитесь его? – удивился я. И – бац! – ударил его ногой в голову.

Как-то Али и еще несколько человек были в доме у Дона в Лас-Вегасе. Я слышал рассказы о том, что Али, Ларри Холмс и другие боксеры боялись Дона, считая, что он может убить их. Я уважал этих людей и хотел, чтобы они знали, что Дона нечего бояться. И я при всех рассказал о нем разные позорящие его вещи, чтобы доказать, насколько ничтожным он был. Не знаю уж, были ли у меня реальные причины устраивать ему такую взбучку. Я был тогда незрелым ребенком и поступал так, как хотел.

Однажды ко мне пришли Рори с Джоном и сказали:

– Майк, послушай, там человек лет шестидесяти. Если ты ударишь его, у него будет сотрясение мозга. Он просил нас позвонить тебе и сообщить, что он не придет, если ты будешь драться. Поэтому расслабься.

И мне пришлось расслабиться.

Все думали, что я спятил. Я не тренировался. Я почти все время проводил на вечеринках. А потом, слегка размявшись, я пошел драться и, как и прежде, завершил бой нокаутом. Возможно, на тот момент времени я действительно съехал с катушек. Сейчас я слишком далек от той личности, какой был тогда. Я сейчас могу лишь окликать того человека из тех времен: *«Эй, ты, мать твою, сумасшедший!»*

Я в самом деле верил, что я самый плохой человек на земле. Я пинал Дона в зад, воображая себя чертовски крутым Джоном Готти[131]. Дон пытался уговорить меня пойти к врачу. Он говорил: «Майк, ты должен пойти к психиатру, брат. С тобой что-

то не так». И он, действительно, заставил меня показаться доктору Элвину Пуссену, парню Билла Косби, выдающемуся профессору психиатрии в Медицинской школе Гарвардского университета. Он был настоящим эрудитом, склонным к нравоучениям. Пуссен спросил меня, в чем заключается моя проблема, и я принялся говорить ему разные гадости: «Да пошло оно все нах… й! Мне все равно, жить или умереть, совершенно насрать!» Этот парень был настолько буржуазен и надменен, что меня от него выворачивало наизнанку. В конце концов он отъе… лся. Он сбежал от меня, и больше я его не видел.

Вспоминая все то, что Дон за эти годы сотворил со мной, я все еще чувствую, что готов убить его. Он ужасный лжец и предатель. Он вовсе не крутой парень и никогда им не был. Если и были какие-то крутые вещи, к которым он имел отношение, то он просто заплатил, чтобы их сделали за него.

В то время меня не волновало, что кто-то мог подумать обо мне плохо. Я просто проживал каждый день так, как хотел. Я был похож на ковбоя, рискующего своей жизнью. Я хотел быть злодеем, и я стал им. В иллюстрированном журнале «Бокс» появилась статья «Неужели Майк Тайсон становится самым непопулярным тяжеловесом в истории?» Дэйв Андерсон из «Нью-Йорк таймс», в свою очередь, опубликовал целую полосу под заголовком «Остановит ли кто-нибудь Тайсона?» Пресса ополчилась на меня, и мне это нравилось. Я являлся для всех таким раздражающим фактором. Мне нужно было больше соперников, чтобы драться.

Я тогда презирал прессу: плевал на журналистов, орал на репортеров. Вот таким я представал перед всеми. Я говорил им:

– Ну, рискните сказать что-нибудь в ответ. Вы имеете право подать на меня в суд, и тогда на эти деньги вы сможете купить себе гребаное кресло-коляску с замечательным моторчиком и туалетом, потому что оно вам потребуется.

Или:

– Как вы смеете вообще говорить со мной? Вы никогда не дрались в своей жизни – и беретесь судить других! Кто вы? Вы никогда даже не надевали боксерских перчаток. Вы устроились на работу по блату. Единственное, на что вы способны, – это пить и изменять своей жене. Вы просто отбросы общества, шваль, которая строчит в газету.

Дон заключил контракт на мой следующий бой с «Бритвой» Раддоком[132]. Отели в США не были заинтересованы в том, чтобы платить большие комиссионные за этот поединок. Трамп чувствовал себя ограбленным после моего последнего быстрого нокаута в бое с Уильямсом. Поэтому Кинг нашел каких-то парней

в Эдмонтоне, Канада, готовых заплатить требуемые 2,6 миллиона долларов. Поединок был намечен на 18 ноября. Но после гулянок в Нью-Йорке я отправился в Лос-Анджелес и возобновил там непрекращающиеся вечеринки. Я не был особенно заинтересован в бое с Раддоком. Я видел его поединок с Майклом Уивером, он боксировал просто превосходно. Больше он так никогда не дрался. Он стал мастером нокаута. В поединке с «Костоломом» Смитом он оказался в нокдауне во втором раунде, после чего очень впечатляюще нокаутировал того в седьмом.

В сентябре в Лас-Вегасе я начал подготовку к бою, но сердце у меня не лежало к нему. Я не хотел больше драться. В середине октября мы перенесли лагерь в Эдмонтон. Я не ходил на тренировки, а занимался только тем, что спал с женщинами. Мне даже не требовалось покидать своей комнаты: у меня было достаточно приятелей, которые хватали первую попавшуюся девушку и доставляли ее мне. Мне было все равно, как она выглядит и как ее зовут. Когда мы заканчивали, она уходила, и появлялась другая. В конце концов я попросил Дона найти какую-нибудь отговорку и отложить бой. В качестве аргумента мы прибегли к моему бронхиту. Я мог без проблем драться и с ним, но если бы доктор увидел мои рентгеновские снимки, он был бы очень встревожен. 26 октября мы отменили поединок и вернулись в Лас-Вегас. Дон нашел врача, чтобы подтвердить, что я заболел плевритом. Плеврит? Какой, на хрен, плеврит? Я боялся, что это венерическое заболевание.

Дон стал выискивать для меня поединок полегче. Он решил взять меня в январе в Японию для боя с Бастером Дагласом, который, как он полагал, будет пустяковым делом. Он заключил также сделку с людьми Эвандера Холифилда, запланировав поединок с ним на июнь 1990 года в спорткомплексе отеля «Трамп-Плаза». За этот бой я должен был получить 25 миллионов долларов. Кейтон, который все еще формально оставался моим менеджером, был счастлив узнать это.

Поэтому я вновь с головой погрузился в гулянки. В ноябре, участвуя в праздновании шестидесятой годовщины карьеры в шоу-бизнесе Сэмми Дэвиса-младшего[133], я встретился с некоторыми из величайших знаменитостей. Я отлично провел время с Джорджем Бернсем[134] и Милтоном Берлом[135], беседуя о Фанни Брайс[136], Руби Килер[137] и Эл Джолсон[138]. Джордж был таким старым, он, по существу, работал еще с Фанни. Получается так, что я общался со всей «Крысиной стаей»[139]. Эти ребята, в самом деле, очень любили меня.

Но встречи с этими людьми все же не могли для меня сравниться со встречами с моими боксерскими идолами. Какую

бы знаменитость я ни встретил в то время, только встреча с Максом Шмелингом[140] внушила мне истинное благоговение. Ему было уже далеко за восемьдесят. Было очень интересно поговорить с ним о боксе. Мы обсудили Демпси и Микки Уокера. Он сказал мне, что Джо Луис был величайшим боксером и великим человеком. Когда он узнал, что Джо Луис был банкротом, он покинул Германию и отправился в Гарлем, чтобы взглянуть на того. Можете себе представить, как белый парень ходит по клубам в Гарлеме, чтобы посмотреть на Джо Луиса? К тому времени, когда я встретился с ним, Шмелинг был миллиардером, он был владельцем всех прав на «Пепси» в Германии. Но я пришел в восторг, узнав, что он по-прежнему любит бокс. Куда бы он ни направлялся, он всегда брал с собой старые записи своих боев.

Я любил старых боксеров. Когда я узнал, что Джо Максим[141], бывший чемпион мира в полутяжелом весе, работал зазывалой в отеле Лас-Вегаса, я стал каждую неделю навещать его и расспрашивать о своей карьере. Он был очень раздосадован тем, что его никогда не приглашали на первые ряды на крупные бои в отеле «Хилтон», поэтому мне пришлось проследить за тем, чтобы это сделали. Я никогда не считал парней вроде него тунеядцами или неудачниками. Напротив, я считал, что он лучше меня. Это было вовсе не похоже на то, что я, такая важная птица, делаю ему одолжение, приходя к нему. Наоборот, я был глубоко впечатлен тем, что был с ним. Я был так счастлив видеть его, прикоснуться к нему. Когда я вернулся домой в первый раз после встречи с ним, я плакал.

* * *

8 января 1990 года я зашел на борт самолета, чтобы лететь в Токио. Я пинался и кричал. Я не хотел драться. Меня интересовали лишь вечеринки и доступные женщины. К этому моменту я набрал тридцать фунтов[142]. Кинг был настолько обеспокоен моим лишним весом, что предложил мне бонус, если я вернусь к своей обычной норме в том случае, если поединок состоится в течение месяца.

Я не считал Бастера Дагласа большой проблемой. Я даже не потрудился посмотреть какой-нибудь его бой на видео. Я легко одолел всех, кто нокаутировал его. Я видел его поединки на чемпионате, организованном телерадиокомпанией ESPN, когда я выступал «на разогреве», а его побил Джесси Фергюссон, которого я нокаутировал в своем первом бою, организованном

широковещательной компанией ABC. Я чувствовал себя похожим на своих героев Микки Уокера и Гарри Греба. Я читал, что Греб был настолько самонадеян, что заявлял своим соперникам, что не тренировался, потому что «они не стоили того, чтобы потеть ради них». Вот я и последовал его примеру. Я вообще не тренировался для этого поединка. Со мной был Энтони Питтс, который вставал утром и бегал с моим спарринг-партнером Грегом Пейджем. Но я не был готов к этому. Энтони рассказал мне, что он видел бегающего Бастера, который шлепал в своих армейских ботинках, с соплями, свисавшими из носа.

Я не мог нормально есть, поскольку у меня был лишний вес, а я хотел согнать его и получить бонус от Дона, поэтому я пил только суп, который должен был сжечь жир. На основное блюдо у меня была прислуга. Это было смешно, потому что в Японии женщины казались такими застенчивыми и замкнутыми. К счастью, я столкнулся с нестандартными японскими дамами. У меня интересовались, получил ли я от японок какие-либо практические советы в области секса. У меня не было времени, чтобы обучаться этому. Там не было курса обучения сексу, я просто был парнем, который желал трахаться.

Мне даже не приходилось платить прислуге за то, чтобы трахнуть ее. Но я щедро давал им на чай, потому что у меня было много их денег, похожих на банковские карты из игры в «Монополькy». Похоже, они были благодарны, потому что возвращались и приводили своих подружек.

– Моя подруга хотела бы встретиться с вами, мистер Тайсон, сэр. Она хотела бы сопровождать нас, сэр.

Кроме секса с горничными, я встретил молодую японку, с которой у меня была связь, когда я последний раз был в Японии на поединке с Тони Таббсом. Робин тогда пошла по магазинам, а я подняться с этой японкой наверх на лестничный пролет.

И на этот раз я сделал то же самое. На моем этаже было слишком многолюдно, и я не хотел, чтобы Дон, Рори, Джон или Энтони знали о моем деле. Они могли напугать ее: она была очень застенчива. За те два года, что мы не виделись, она заметно развилась и окрепла.

Можно считать, это была моя подготовка к поединку с Дагласом. Периодически я все же показывался, чтобы потренироваться. За десять дней до боя я проводил показательный спарринг-бой с Грегом Пейджем, пропустил хук правой и упал.

– Что, черт подери, ты делаешь? – спросил Грег у меня позже.

Спустя несколько дней Дон организовал один из показательных спарринг-боев, определив цену билета в 60

долларов. Ничего из этих денег я, конечно, не увидел. В то время я даже не был в курсе дела, что он берет за это деньги. Мы должны были провести два раунда спарринг-боя, но я выглядел так плохо, что Аарон Сноуэлл и Джей остановили бой после первого раунда. Дон был просто взбешен. Он-то ведь хотел сделать на этом быстрые деньги. Он понятия не имел, что я был настолько не в форме. Дон ничего не знал о боксе. Он не видел разницы между парнем в форме и не в форме. Он даже не знал, как завязываются боксерские перчатки.

За день до боя я весил 220,5 фунта[143]. Это был самый большой вес, который у меня когда-либо был до этого момента. Но свой бонус я все же получил: за день перед боем у меня были одновременно две горничные. А в ночь перед боем еще две девушки, одна за другой.

Я особенно не отслеживал ситуацию, но у Дагласа, по-видимому, был хороший психологический настрой на предстоящий поединок. В июле 1989 года у него состоялось второе рождение[144]. Затем его бросила жена, а мать тяжело заболела и в начале января, когда он был в лагере на тренировках, умерла. Подробности мне были неизвестны, я не интересовался этими деталями. Телекомпания HBO устроила большую шумиху в связи со смертью матери Дагласа незадолго до боя, и я, продолжая быть самоуверенным, заявил, что Бастер может присоединиться к ней в день поединка.

Из-за разницы во времени с США поединок начался в девять утра. Половина зала на шестьдесят три тысячи мест была пуста. Дон был паршивым промоутером. Как только я связался ним, все пошло ко дну. Он был темным облаком, черной дырой.

Это не был обычный Тайсон, выходящий на ринг. Для каждого, кто смотрел этот поединок, было очевидно, что мне, действительно, не хотелось быть там. Начался бой, и я дрался ужасно. Я выбрасывал удары с большим трудом. Я знал, что если я попаду, то он уже не встанет. Но удары мне давались очень тяжело. Меньше ударов я еще никогда не выбрасывал за время поединка. Он использовал джеб, чтобы не подпустить меня к себе и сломать мою игру, а затем, когда я попытался работать по корпусу, он стал просто виснуть на мне. Он дрался очень хорошо, но, надо признать, я в тот раз был легкой целью для него. Я совершенно не перемещался.

Он не боялся меня. Он наносил удары после гонга, завершавшего раунд, и после команды «Брейк!». Он дрался грязно, но это часть бокса, все так делают. Когда после третьего раунда я вернулся в свой угол, было ясно, что эта проблема Аарону и Джею не по зубам.

– Ты не можешь сблизиться с ним, – сказал Аарон. – Ты должен прорваться к нему, но ты не двигаешься.

Попробовал бы сам, мать твою, прорваться и сблизиться! У этого парня было преимущество передо мной в длине рук в двенадцать дюймов[145].

– Сделай то, что ты можешь! – подал совет Джей. – Сделай это! Оно должно получиться!

Легко сказать, когда у тебя не получается пробить. Мне оставалось только тупо смотреть в пол.

Даглас доставал меня и в четвертом, и в пятом раунде. В пятом у меня начал опухать глаз, но когда я вернулся в свой угол, оказалось, что там не было ни «глазного утюга»[146], ни даже пакетов со льдом, чтобы приложить к моему фингалу. Я не мог поверить, когда ледяной водой наполнили что-то, напоминавшее большой презерватив, и приложили это к моему глазу.

К шестому раунду я был измучен. Левый глаз у меня полностью заплыл. Однако Бастер тоже выглядел уставшим, особенно когда начался седьмой раунд. Я никак не мог добраться до него. В восьмом он, нанося удары, держал меня у канатов последние двадцать секунд. Я получал один удар за другим. Под градом его ударов я не мог сосредоточиться, и вдруг я увидел брешь. Весь бой он ускользал от меня. Я искал прорехи в его обороне, но никак не мог преодолеть ее. Однако теперь он тоже устал и двигался хуже. Я выбросил свой фирменный апперкот правой – и он упал.

А затем меня поимели. Судья-хронометрист был японцем, рефери – мексиканцем, они говорили на разных языках и не могли согласовать счет. Когда рефери посчитал «пять», Даглас, на самом деле, был на канвасе уже восемь секунд. Для него это был длинный отсчет. А для меня разыгрался худший из вариантов – меня элементарно обманули. Это часть бокса, но в данном случае я оказался в невыгодном положении. Всемирная боксерская ассоциация должна была быть на нашей стороне. Я знал, что выиграл, но вести бой приходилось не только с парнями, которые дрались со мной, но, по существу, и с судьями. Дон всегда платил судьям. По крайней мере, так он говорил мне. Может быть, он забыл заплатить рефери в тот вечер.

Но я не хочу отнимать что-либо у Бастера. В тот вечер он проявил много мужества и смелости. Он получил страшный удар. Таким ударом вполне можно было бы чью-либо голову отправить куда-нибудь на орбиту. Я так вложился в этот удар, что не смог довести этот нокдаун до логического конца в следующем раунде. Даглас же в перерыве смог восстановиться. Когда начался десятый раунд, я попал ему прямым правым в челюсть, но затем

он обрушил на мою голову град ударов, начиная с апперкота правой. У меня все чувства настолько притупились, что я даже не ощущал ударов, я мог их только слышать. Я потерял равновесие – и упал.

Когда я оказался на канвасе, у меня вылетела капа, и, пока судья считал, я пытался одновременно подняться на ноги и ухватить ее. Я действовал чисто инстинктивно. Я был в отключке. Досчитав до десяти, рефери обнял меня. Я вернулся в свой угол совершенно ошеломленный. Я жевал свою капу, даже не понимая, что я делаю.

– Что случилось? – спросил я у своего угла.

– Судья отсчитал тебе десять секунд. Ты проиграл, чемпион, – сказал Аарон.

Я понимал, что это было неминуемо. Со мной было кончено с самого начала боя. После окончания поединка я не стал давать интервью телекомпании HBO, у меня в голове все еще стоял звон. Должно быть, у меня, как минимум, было сотрясение мозга.

В течение нескольких минут Дон организовал встречу с представителями Всемирного боксерского совета и Всемирной боксерской ассоциации. Затем он созвал собственную пресс-конференцию.

– Первый нокаут отменяет второй, – громко возмущался он.

Хосе Сулейман, президент Всемирного боксерского совета, приостановил признание кого-либо чемпионом, потому что рефери не смог согласовать счет с судьей-хронометристом. Рефери признал, что совершил ошибку. Сулейман сразу же выступил за проведение матча-реванша. К тому времени я уже достаточно пришел в себя, чтобы присоединиться к пресс-конференции. Я был в солнцезащитных очках, чтобы скрыть свой заплывший глаз, и прикладывал к опухшему лицу спиртовой компресс.

– Парни, вы знаете меня много лет. Я никогда не жаловался, не ныл, не обманывал. Я нокаутировал его прежде, чем он отправил меня в нокаут. Я хочу быть чемпионом мира. Этого хотят все молодые мальчишки, – сказал я.

Я вернулся в свой номер в отеле. Там не было никакой горничной. Это было странное чувство – перестать быть чемпионом мира в тяжелом весе. Но, на мой взгляд, это была счастливая случайность. Я знал, что Бог не придирается к мелким существам. Молния ударяет только в самых крупных животных, только в тех, которые сильно огорчают Бога. Мелкие твари не расстраивают Его. Он должен держать в узде крупных зверей, чтобы те не могли слишком возгордиться на своем троне. Я лежал и думал о том, что я стал таким великим, что Бог позавидовал

мне.

Глава 8

Это был длительный обратный перелет из Токио. С моим глазом по-прежнему был полный п… ц, поэтому я был в больших темных очках, которые мне дал Энтони Питтс. Мы с ним поговорили во время полета.

– Думаю, ты теперь уйдешь от меня, – сказал я. Та моя частичка, которая спилась, твердила мне: «Я обречен. Со мной покончено».

– Майк, я никогда не оставлю тебя, – ответил он. – Ты не можешь уволить меня, а я не могу бросить тебя, так что мы повязаны друг с другом. Когда отек спадет, с тобой будет все в порядке.

Приземлившись, мы направились прямо к Камилле. Странный я парень, я всегда возвращаюсь к истокам. Домой к своей маме.

На следующий день, поднявшись в семь утра и спустившись вниз, Энтони застал меня за приседаниями и отжиманиями.

– Ты хочешь уже начать тренировки? После этого гребаного боя? – удивился он.

– Дружище, я просто пытаюсь сосредоточиться, – ответил я.

С Камиллой я поговорил чуть позже. Она наблюдала за поединком с первого ряда, и у нее сложилось впечатление, что я был словно в оцепенении.

– Ты не провел ни одного сильного удара, – сказала она. – Ты выглядел так, будто хотел проиграть. Может быть, ты просто устал от всего.

Возможно, она была права. Кас говорил, что единственное плохое, что может быть в поражении, – это не извлечь из него урок, и я верил в это. Кас всегда твердил мне, что бой – это аналогия жизни. Неважно, если ты проигрываешь; важно, что ты делаешь после того, как проиграл. Остаешься ли ты лежать – или поднимаешься и делаешь новую попытку? Позже я мог говорить, что моим лучшим боем был бой с Дагласом, потому что он доказал, что я мог воспринять свое избиение как мужчина и оправиться от него.

Таким образом, я ошивался по Катскиллу, занимался голубями, читал о своих героях. Как Тони Зейл[147] отыгрался в поединках с Рокки Грациано, одолев его. Как Джо Луис вернулся, чтобы повергнуть ниц Макса Шмелинга. Как Али вернулся в бокс. Как возмущался Шугар Рэй Робинсон, увидев слово «бывший» в сочетании со своим именем. У меня вновь начался приступ самовлюбленности, и я начал думать о том, что я веду свою

родословную от этих парней. Я знал, что возвращение мной чемпионских поясов было неизбежно. Я собирался уйти куда-нибудь в заброшенное место, в совершенстве изучить свое ремесло, а затем вернуться, став лучше всех, как во всех фильмах про великих каратистов кинокомпании «Шоу бразерс». Не правда ли, полная х… ня? Я был просто помойной крысой с манией величия.

Между тем в боксерском мире царил переполох. На следующий день после поединка все крупные газеты подвергли критике саму мысль о том, что Даглас не будет признан новым чемпионом. Как только Хосе Сулейман вернулся в Штаты, он тут же покаялся. Таким образом, у Дона стало меньше шансов выпросить немедленный реванш. Он рассчитывал, что Эвандер Холифилд, который был официальным претендентом, возьмет кругленькую сумму, сделает шаг в сторону и предоставит мне возможность принять участие в бое-реванше. Но люди Холифилда знали, что, если Эвандер побьет Бастера, Дон останется в роли стороннего наблюдателя за соперничеством за звание чемпиона мира в тяжелом весе.

Кроме того, были еще журналисты, которые не могли сдержать ликования при известии о моем поражении. Так, маленький отвратительный трус Майк Лупика из нью-йоркской *«Дейли ньюс»* увидел во мне некое подобие дьявола:

– Встречаются иногда такие люди, которые выгоняют женщин, толкают в спину своих друзей и поворачиваются спиной к тем, кто помог им стать чемпионами, отчего кажется, что собаки более преданны, чем они… Тайсон был из породы таких дикарей, которым культурная среда даровала все, что было необходимо, только они отвергли дары и дарителей и предпочли вернуться к жизни на уровне инстинктов. Единственным исходом для такого человека является смерть.

Уф! Мне понравилось это дерьмо.

Я сосредоточился на этой теме в интервью, которое я дал ESPN. Меня спросили, почему все так неравнодушны к моей жизни, и я ответил:

– Думаю, многие хотели бы видеть мой крах. Они хотели бы увидеть меня однажды в наручниках в полицейском автомобиле или вообще в принципе на пути в тюрьму. Как сына Марлона Брандо. Людям нравится говорить: «Именно об этом я и предупреждал. Ведь я же говорил, что он закончит именно так». Но я не в тюрьме, и я больше не в Браунсвилле, и я добился своего вопреки ожиданиям.

Дон заставил меня дать несколько пресс-конференций, и я попытался было сделать хорошую мину при плохой игре, но моя

честность не позволила это.

– Непобедимых нет, – сказал я. – Иногда твоему сопернику просто удается сломить твою волю. Да, Бастер надрал мне задницу. Я не готовился к этому бою. Я не воспринимал этот поединок серьезно. Я трахался с японками, словно лузгал семечки. Будто изображал Калигулу в Японии.

В Лос-Анджелесе я вызвал у журналистов взрыв смеха, рассказав им, как я дома пересмотрел видеозапись поединка.

– Я сидел и говорил сам себе: «Эй, мужик, делай нырок!» «Но на экране я не делаю нырка. И я кричу: «Нырок, олух!» «Но олух на экране не прислушивался ко мне».

Один из журналистов спросил меня, думал ли я о самоубийстве, потеряв чемпионский пояс.

– У меня слишком много денег, которые надо бы потратить прежде, чем свести счеты с жизнью. Похожие неприятности случаются сплошь и рядом. Плакал ли я? Как бы я хотел сделать это! Последний раз я плакал при разводе. Вот тогда стоило плакать. На самом деле, знаете, что я скажу вам? Я испытал облегчение, вот что я почувствовал. Я понял, что на меня больше ничего не давит.

Развод, действительно, зае… л меня. Я никому не хотел об этом говорить, но уж если я обмолвился тогда об этом, это означало, что он, на самом деле, зае… л меня.

Некоторые пытались найти мне оправдание, но я не был готов согласиться с этим. Даже Ларри Мерчант, который не всегда относился ко мне с уважением, во время интервью, взятого у меня специально для телекомпании HBO через неделю после боя, попытался списать мое поражение на повреждение глаза.

– У меня оставался еще один глаз. Им я и должен был воспользоваться. Надо драться до конца, пока бьется сердце, – сказал я в ответ.

Вернувшись из Лос-Анджелеса, я отправился прямиком в свое убежище в Катскилле. Только теперь там толпилось полмира в надежде получить у меня интервью. Журналисты из Бразилии, Англии, Скандинавии, Японии – все они ошивались в Катскилле и Олбани, рассчитывая застать меня там, где я чаще всего бывал, например, в баре «Сентябрьский». Они запрудили все подходы к дому Камиллы, и та воевала с ними:

– Не приходите больше сюда, оставьте его в покое, он же просто ребенок! Вам должно быть стыдно за свое поведение!

Бастер Даглас выиграл бой, но никто не обращал на него никакого внимания, все искали только меня. Был даже создан танцевальный видеоклип моего нокаута и моих поисков своей капы. Это было смешно. Я подсознательно даже и хотел

проиграть, чтобы получить возможность избавиться от ежедневного стресса, но даже это не сработало.

– Сейчас я уже не могу все бросить, я уже шлюха в деле, – сказал я одному журналисту. – Теперь я должен что-то доказывать. Честно говоря, сейчас я иногда задаю себе вопрос, не стал ли я более великим, проиграв этот бой.

Среди всей этой неразберихи у меня умерла сестра. Она была единственным человеком, который не боялся устраивать мне выволочки. Она всегда защищала меня, даже непосредственно перед своей смертью. Она была достаточно тучной, и ее муж сказал мне, что накануне смерти она принимала кокаин. Я очень надеюсь, что она не делала этого, расстроившись из-за меня. Вечером накануне ее смерти я долго говорил с ней по телефону.

– Поговори со своим отцом, – сказала она. – И пожалуйста, проверь свой глаз.

Она всегда была близка с Джимми, нашим биологическим отцом, и хотела, чтобы у нас с ним сложились нормальные отношения. Моя сестра – это было нечто особенное. Я пытался давать ей деньги, но ей не нравилось брать их у меня. Она очень хорошо чувствовала себя в своем гетто и никогда не эксплуатировала меня.

Мне было очень жаль, что она умерла, но к тому времени я уже привык к смерти и стал молча принимать ее. В Бруклине состоялись ее похороны, отпевал сестру преподобный Эл Шерптон. Мы подтрунивали над преподобным, вспоминая его тучность и пышную шевелюру, но в нашей общине он был большим героем. Мы гордились им. Мы знали, откуда он пришел, и должен сказать, что считаю его поступок настоящим чудом. Однажды вечером я посмотрел по каналу PBS документальный фильм об истории Бродвея, Милтон Берл рассказывал о выросших в бедности в Бруклине. Он сказал, что считает крахом не скромную хреново оплачиваемую работу, а возвращение в Уильямсберг[148] и Браунсвилл. Эта фраза резанула меня прямо по сердцу.

Я должен был посетить своих друзей в Браунсвилле после того, как я лишился титула. Мне не хотелось возвращаться с поджатым хвостом, но это были замечательные друзья, мы по-настоящему любили друг друга. Я раньше проводил много времени со своей подружкой Джеки Роу. Мы с ней частенько устраивали сабантуй, когда были детьми. После очередного грабежа мы с друзьями шли к Джеки домой, чтобы поделить деньги. Джеки была крупной, нахальной, обожающей работать на публику, совсем как моя сестра. После смерти Дорогуши она стала называть себя моей сестрой.

Хотя я и был уверен, что боги желали возвращения моего чемпионского пояса, мне было грустно и неловко. После своего поражения я чувствовал неуверенность в себе. Джеки же, как всегда, была жизнерадостна и оптимистична.

– Ты с ума сошел, дурень? – с ходу закричала она на меня. – Знаешь, кто ты после этого? Это всего-навсего один бой, Майк. Ты проиграл. Ну и что? Иди дальше! Ты лучший!

– Ты так думаешь? – спросил я.

– Я знаю, что это так. Ты просто не соблюдал принятые правила. Ты просто не делал то, что должен был делать.

– Да, ты права, – сказал я. – Ты совершенно права.

Я поговорил с Джеки, полюбовался парком за ее домом, который был муниципальным жильем. Джеки вышла, чтобы купить мне моей любимой еды, а я высунулся из окна и окликнул девушек у дома. Они подняли головы и удивленно переглянулись:

– Не может быть! Майк Тайсон! Это он? Майк! Майк!

Когда они воскликнули это, сбежалось так много народа, что вынуждены были натянуть полицейскую оградительную ленту вокруг моего «Феррари» и оцепить весь квартал.

Иногда Джеки брала меня в Гарлем, и люди там сходили с ума. Они кричали:

– Ты по-прежнему самый великий, ты чемпион! Ты сделаешь это снова!

Конечно же, находясь среди этих людей и видя, что меня продолжают любить, я вновь обрел уверенность в себе.

Дон уже договорился о моем поединке с Генри Тиллменом, который был намечен на 16 июня 1990 года в Лас-Вегасе. Я приступил к тренировкам в Нью-Йорке еще до того, как мы отправились в Лас-Вегас. Судебное разбирательство о хватании мной женской попки подходило к концу, и я попеременно ходил то в суд, то на тренировки. В спортзале, где я тренировался, с некоторыми боксерами работал бывший чемпион мира Эмиль Гриффит[149]. Однажды он сказал такое, что просто потрясло меня и заставило окончательно забыть о своем поражении Дагласу.

Я рассказал ему о поединке с Дагласом и признался:

– Да, я, действительно, не сработал как надо, так ведь?

– Я уверен, что великий Майк Тайсон не позволит такой ерунде обескуражить его. – Такова была реакция мистера Гриффита.

Вот это да! Эти несколько слов помогли мне полностью изменить мнение о себе и вернуться на ринг. С ума можно сойти! Эта оценка заставила меня забыть о поражении и по-прежнему считать себя чемпионом. Раз он так сказал, то я вернулся.

А в команде Тайсона было пополнение, два новых человека. Дон нанял моим новым главным тренером Ричи Джакетти. И у меня появился от Натали Фиерс первый ребенок, сын, которого я назвал Д'Амато[150].

В середине апреля мы переехали на тренировки в Лас-Вегас. Я тренировался как сумасшедший. До четырех часов я бегал, работал в спортзале, после обеда были спарринги, затем в течение двух часов – езда на велосипеде в спортивном клубе Лас-Вегаса. Джордж Форман[151], который выступал в бою «на разогреве» моего поединка, высказал следующую интересную мысль о потере титула:

– После этого стыдно смотреть на всех, особенно на носильщиков в аэропорту. Ты не хочешь видеть таксистов, потому что, как тебе кажется, каждый намерен тебе что-то сказать. И ты должен «раскрутить» себя, поэтому начинаешь тратить миллиарды долларов на автомобили, костюмы, на все, благодаря чему ты можешь продемонстрировать, что выглядишь лучше всех. Майк Тайсон не сможет спать спокойно, пока он не получит возможность вновь драться за титул и не завоюет его. Он не успокоится, пока он не искупит свои грехи. Мне больно видеть, как молодой парень проходит через это, но именно так все и происходит.

Тогда у меня не было необходимости соглашаться с Джорджем. У меня была мания величия таких масштабов, что я был безусловно уверен в предопределенности возвращения мной чемпионского пояса. И я знал, что мне необходимо тренироваться.

В день боя с Тиллменом я был «заведен». Мне предстояло драться с тем, кто побил меня на любительском ринге. Это была великая история возмездия. Парень будет повержен, и отмщение состоится.

Хотя он являлся золотым призером Олимпийских игр и имел приличный показатель, 20 – 4, ставки делались один к двум на то, что он будет нокаутирован уже в первом раунде.

Я оправдал надежды тех, кто делал такие ставки. В самом начале боя я пропустил от Тиллмена сильный удар с правой, но он не причинил мне неприятностей. Я сбил темп Тиллмена мощным ударом правой по корпусу, а затем за двадцать четыре секунды до конца раунда попал в него ударом правой в висок. Он оказался на спине. Я не желал навредить Генри. Я хотел все быстрее завершить. Он мне весьма нравился, и я был рад, что он получил хороший гонорар. Тиллмен был очень хорошим боксером, но у него не было уверенности в себе. Если бы он поверил в себя, он стал бы легендарным боксером и был бы

включен во Всемирный зал боксерской славы.

На пресс-конференции после поединка Дон был самим собой.

– Он вернулся, он вновь Могучий Майк Тайсон! – выкрикнул он.

Я дернул его за руку и велел ему заткнуться.

– Но ведь ты в самом деле вернулся, – сказал Дон.

Я немного рассказал о бое, сделал Генри несколько комплиментов и с удовольствием поговорил о своем малыше.

– Он такой шикарный! Ему шесть недель, и он весит двенадцать фунтов[152]. Он уже может сидеть! Я живу ради своего сына.

Через несколько месяцев после этого поединка мое дело о женской попке, наконец, подошло к концу. Я был признан виновным в оскорблении действием, и, чтобы определить сумму денежного возмещения, ее адвокаты обязали нас представить справку о моих активах. Адвокат Дона представил такую справку, и оказалось, что Дон все еще должен мне 2 миллиона долларов за поединок в Токио. Согласно этому документу я располагал 2,3 миллиона наличными, домом в Джерси стоимостью 6,2 миллиона, домом в Огайо, а также автомобилями и ювелирными изделиями на сумму около полутора миллионов. Таким образом, в сумме мои активы составляли 15 миллионов долларов, но с учетом всех собранных средств и денежных призов должно было бы быть гораздо больше. Не знаю, подделывались ли финансовые документы специально для судебного разбирательства или же меня форменным образом обкрадывали. Так или иначе, в качестве компенсации присяжные заседатели присудили этой женщине несколько меньше того миллиона долларов, который просила ее сторона. Они дали ей 100 долларов. Когда я услышал приговор, я встал, вытащил из кармана стодолларовую купюру, лизнул ее и пришлепнул себе на лоб. Подозреваю, что она не захотела брать наличными.

Мой следующий выход на ринг был запланирован на 22 сентября в Атлантик-Сити. Я должен был драться с Алексом Стюартом. Стюарт входил в состав ямайской Олимпийской сборной по боксу и имел в своем зачете двадцать четыре нокаута. Единственное поражение техническим нокаутом в восьмом раунде он потерпел от Эвандера Холифилда, причем он вел в течение всего поединка, пока не получил рассечение, и Холифилд принялся работать по этому рассечению. В лагере я также получил рассечение над глазом, мне наложили сорок восемь швов, поэтому бой был отложен до 8 декабря.

Между тем телекомпания HBO оказывала на нас давление, стремясь подписать со мной новый контракт. Сет Абрахам считал,

что он уже заключил сделку с Доном, добавив десять к прежним 85 миллионам долларов, но затем Дон отказался и от этого контракта. В качестве причины он указал, что не хотел, чтобы Ларри Мерчант освещал мои бои, потому что Мерчант постоянно говорил про меня разные гадости. После боя со Стюартом Дон воспользовался этим предлогом, чтобы перейти с HBO на телеканал Showtime. Мне тоже казалось, что сделка с Showtime была лучше, но позже я узнал, что лучше она была для Дона, а не для меня.

Пока я дожидался поединка со Стюартом, Бастер Даглас защищал свой титул в бою против Эвандера Холифилда. Я знал, что Холифилд выиграет. Даглас вышел на бой с избыточным весом, а Холифилд был в принципе лучше него. Даглас просто сдал этот бой. Он дал себя слегка побить и лег. Он был шлюхой за 17 миллионов долларов. Когда он выходил на поединок, у него не было чувства собственного достоинства или гордости, чтобы отстоять свой пояс. Он получил свой гонорар, но потерял честь. А ты не можешь вновь выиграть свою честь, ты можешь ее лишь потерять раз и навсегда. Парни, как он, кто дерется только ради денег, никогда не становятся легендами. Могу сказать, что это и по сей день отражается на Бастере. Спустя несколько лет я вновь пересекся с ним на одной из автограф-сессий, на которой мы оба присутствовали. Никто не хотел брать у него автографа. Этот парень вошел в историю тем, что побил меня, но теперь история его собственной жизни была сведена на нет.

На следующий день после своей победы Холифилд заявил о готовности защищать свой титул в поединке с Джорджем Форманом. Это меня ужасно разозлило. Каждый хотел унизить меня, затмить меня. Но это было исключено. Я по-прежнему оставался самой яркой звездой в мире бокса, даже без пояса ярче, чем любой из них.

Мы со Стюартом были готовы к поединку 8 декабря в Атлантик-Сити[153]. Телекомпания HBO не отказалась от своих планов и была в такой степени настроена на подписание со мной нового контракта, что, чтобы задобрить меня, даже наняла Спайка Ли[154] сделать фильм о событиях до предстоящего поединка. Чтобы взбесить всех, я решил наговорить Спайку для этого фильма разного дерьма.

– Все это делается специально против нас, – сказал я. – Мы с Доном – двое черных парней из гетто, мы напористы, действуем решительно, и не всем нравится, что мы говорим. Мы не настроены предвзято к белым, мы просто отстаиваем интересы черных.

Я сам не воспринимал всерьез собственные слова. Я просто

забавлялся, блин.

– Когда черные парни добиваются успеха, вдруг меняются правила, чтобы закрыть им дорогу, – добавил Дон. Когда HBO продемонстрировала для журналистов эту часть фильма, это вызвало у них возмущение. Поставленная задача была выполнена.

Но я сполна заплатил за свой союз с Доном. Хью МакИлванни, знаменитый шотландский спортивный обозреватель, заявил, что именно мои отношения с Кингом явились причиной моего поражения в поединке с Дагласом:

– Из всех факторов, способствовавших падению Тайсона, наиболее губительным, пожалуй, был его союз с Доном Кингом, который провоцировал низложение практически всех боксеров, с которыми он был связан.

И он был абсолютно прав. Дон отравлял, был очень токсичен. Он подавлял всех, кто находился радом с ним. Он поступал так намеренно. Когда я связался с ним, меня внесли в черный список. Он предоставил мне полную свободу, я мог вести себя совершенно по-детски. Все видели, что я не собирался уходить от Дона, поэтому все, что я пытался сделать, встречало сопротивление.

На пресс-конференции до поединка я произносил совершенно бредовые вещи:

– Я – чемпион. А быть чемпионом – это особое состояние духа. Я намерен всегда оставаться чемпионом. Быть счастливым – это просто ощущение, похожее на голод или жажду. Когда люди говорят, что счастливы, это просто слово, которым описывается это ощущение. Когда я решил добиться своей цели, я отказался от всего, даже от мыслей о том, что я счастлив.

Я не был счастливым чемпионом. Я был скроен по другим меркам.

Мне, очевидно, нравилось драться в казино Трампа в Атлантик-Сити. Это был мой третий поединок, организованный здесь, и все три я завершил нокаутом в первом раунде. Я провел удар правой спустя четыре секунды после начала боя, и Стюарт рухнул. Затем я, погонявшись за ним по рингу, вновь отправил его на канвас ударом правой. Я был недостаточно собран, в какой-то момент, промахнувшись, сам полетел на канвас. Но в конце концов я прижал его в углу и за тридцать три секунды до конца раунда отправил в нокдаун ударом левой. Правило трех нокдаунов[155] оставалось в силе, поэтому бой был остановлен.

Когда осмотр Стюарта завершили, я подошел к нему и обнял его.

– Не отчаивайся. Ты хороший боксер. Помни, меня самого побил какой-то дилетант.

Когда я уходил с ринга, Джим Лемпли, комментатор HBO, который вел прямой репортаж, стал задавать мне вопросы. С Ларри Мерчантом я отказался говорить после двух последних поединков.

– Я хотел бы поблагодарить всех моих поклонников, которые смотрели мои бои по HBO, за поддержку меня все эти годы, – перебил я Джима. – Это мой последний бой для HBO, поскольку, полагаю, руководство телекомпании предпочло бы видеть Холифилда вместо меня.

Новой сенсацией в тяжелом весе стал канадский боксер Раддок по прозвищу Бритва. В апреле 1990 года он дрался с Майклом Доуксом[156], и в боксерском мире ходили записи нокаута в том поединке. Я смог посмотреть эту запись, когда ее копию мне показал Алекс Валлау, руководитель отдела спорта телекомпании Эй-би-си.

Доукс выигрывал на протяжении всего поединка, а затем – бац! – Раддок провел один удар и вчистую нокаутировал его. Это был очень впечатляющий, страшный, душераздирающий, просто потрясающий нокаут.

– Что вы думаете? – спросил меня Алекс.

Актер из меня тот еще, поэтому я просто откинулся на спинку кресла и остался невозмутим.

– Ну и что? Я же не Майкл Доукс. Если он рассчитывает на быстрый нокаут, то он ошибается.

Поскольку была достигнута договоренность о поединке Холифилда с Форманом, меня следовало свести еще с кем-нибудь. Поэтому Дон подписал меня на поединок с Раддоком, который должен был состояться в Лас-Вегасе 18 марта 1991 года.

«Б… дь, эти парни просто пытаются прикончить меня. Они выставляют против меня пушки главного калибра», – думал я.

С начала января я приступил к интенсивным тренировкам. Однажды у меня в гостях в лагере был Том Патти, мой бывший сосед в доме у Каса. Мы смотрели телевизор, показывали один из поединков Раддока, и я увидел брешь в его защите.

– Я намерен убить этого парня, – сказал я Тому.

Я знал, что Раддок был опасным панчером, но я также видел, что был для него слишком подвижной целью. У него не было возможности как следует попасть в меня ударами.

Фактически мы начали драться за несколько дней до официального начала поединка, это произошло на пресс-конференции до боя в отеле «Сентчери плаза» в Лос-Анджелесе. Мы позировали для фотографов лицом к лицу, и я сказал Раддоку, что собираюсь сделать его своей девкой. Бритва попытался приблизиться ко мне, изображая крутого парня, и

Энтони Питтс оттолкнул его. Я возразил: «Нет, пусть он подойдет поближе, чтобы лучше проявить себя!» Я знал, что в уличной драке смогу побить его. Телохранители Бритвы хотели вмешаться, но там было не протолкнуться.

Мы отправились в аэропорт, чтобы попасть на самолет обратно в Лас-Вегас. Оказалось, что Бритве с его командой тоже надо было на этот же рейс. Когда мы туда добрались, Рори забыл в машине телефон, и Энтони пошел, чтобы забрать его у Исидора, нашего водителя. Когда Энтони возвращался, спускаясь вниз по лестнице, люди Раддока, поднимавшиеся вверх, преградили ему путь.

У Раддока было два телохранителя-близнеца, и один из них, Кевин Али, сказал: «О-о, ты думаешь, что ты крутой?» Он показал Энтони свой уоки-токи: «А ты хоть знаешь, для чего это?» Он встал подступать к Энтони, и Энтони ударил его. Но Исидор, заметив скандал, взбежал по лестнице и схватил Энтони.

– Исидор, зачем ты хватаешь меня? – спросил Энтони. – Хватай этого ублюдка!

Затем вмешались службы безопасности аэропорта и предотвратили драку. Вернувшись в зал ожидания, Энтони рассказал мне о том, что произошло. Когда мы сели в самолет, я увидел, что они должны были сидеть за нами, поэтому я отправил своих парней в хвостовой отсек. Весь полет я бросал в Раддока виноградинками. На всякий случай мы заранее позвонили, и вся наша команда, весь тренировочный лагерь, все мои спарринг-партнеры – все встречали нас в аэропорту в готовности вмешаться, если ситуация выйдет из-под контроля. Но ничего не произошло.

Когда мы в день поединка появились в отеле «Мираж», люди Раддока встретили нас перед раздевалками, и Кевин Али начал говорить Энтони какие-то гадости.

– Эй, ты, слушай сюда, – прервал его Энтони. – Я не курю, и сигареты не стреляю[157], но вот тебя я застрелю! Я замочу всю твою е… ную семейку, и тебя, и твоего брата, и твою мать! Я убью всех твоих ублюдков, и мне совершенно насрать на тебя!

Джон Хорн услышал выкрики Энтони и потянул его в сторону:

– Эй, приятель, это ведь не ты выходишь сегодня вечером на ринг. Ты будешь за рингом. Если Майк выиграет этот бой, эти подонки могут что-нибудь устроить, так что будь наготове.

В Лас-Вегасе этим вечером было прохладно, а мы дрались на открытом воздухе перед огромной толпой в шестнадцать тысяч человек. Я вышел на ринг в полосатом бело-зеленом спортивном костюме и лыжной шапочке. Я был первым боксером, вышедшим

на ринг в городской одежде.

Раддок выглядел взволнованным, он усиленно дышал. Для него настала игра по-взрослому. Я знал, что он сразу же набросится на меня, он слишком нервничал. Через несколько секунд после начала поединка я потряс его ударом правой. Он выбросил в ответ несколько тяжелых ударов, но я был неуловим. Во втором раунде он упал после удара левой, но это был скользящий удар, похоже, он просто запнулся о мою ногу. Тяжелыми ударами по корпусу я здорово сбил ему темп. Он не мог попасть в меня, и к третьему раунду уже начал клинчевать, спасая свою жизнь. Мне удался великолепный ответный левый хук за десять секунд до конца раунда, и он упал.

Я выигрывал каждый раунд. В шестом Раддок, казалось, внезапно проснулся и выбросил град сильных ударов. Я только покачал головой на это. Когда он попал правой в челюсть, я похлопал себя по ней, побуждая его вновь броситься на меня. Безответно принимая эти удары, я, должно быть, дезорганизовал его, потому что в седьмом раунде ошеломил его левым хуком в челюсть. Еще четыре удара, и он, зашатавшись, оперся спиной о канаты. Ричард Стил рванулся вперед и остановил бой, несмотря на то, что Раддок не упал. Думаю, остановка боя была преждевременной, хотя достаточно было еще одного удара – и он бы рухнул.

И тут, не успел я опомниться, как оказался в центре потасовки. Мурад Мухаммед, менеджер Бритвы, свалил моего тренера Ричи на пол и принялся пинать его по голове. Джей Брайт затащил меня в угол, и мы оттуда наблюдали всю эту свалку. Энтони Питтс зашел на ринг, увидел Кевина Али, метавшегося там взад-вперед, и врезал ему с правой. Затем брат Бритвы Делрой попытался ударить Энтони, но тот схватил его и собирался выбросить за канаты, однако вмешалась охрана и остановила его. Делрой висел в воздухе, прижатый к канатам, и бешено пытался удержаться. Пока все это происходило, мой приятель Грег стащил у Кевина Али «Ролекс» и залез к нему в карман, чтобы посмотреть, чем можно еще поживиться. Это было полное сумасшествие.

Было много споров о преждевременном окончании поединка, поэтому мы решили дать Раддоку матч-реванш. Мы находились в офисе Дона на Восточной Шестьдесят девятой улице в Манхэттене, вырабатывали детали второго поединка. Дон с Рори и Джоном был наверху, я – внизу вместе с Энтони, болтая с милой маленькой секретаршей Дона, с которой я спал. Внезапно появился Кевин Али. Он был неплохим братом-мусульманином, но у некоторых братьев-мусульман есть привычка таскать с собой

свой мусульманский взгляд на вещи и демонстрировать его везде: в драке, в еде, да где бы то ни было. Итак, Кевин посмотрел на меня и сказал: «О-о, блистательный чемпион! Это был великий бой! Позволь выразить свое уважение. Ты настоящий воин». Затем он указал в сторону Энтони и добавил: «Но его я убью».

– Эй, приятель, я перед тобой, – сказал Энтони. – Тебе, ублюдку, нет нужды через кого-то отправлять мне весточки. Если тебе есть что сказать, говори прямо сейчас.

– Это неизбежно, и нам придется через это пройти. До конца! И мы можем сделать это, черт возьми, прямо здесь и сейчас, – заявил Кевин.

– Это была просто работа, с ней покончено, давайте закроем этот вопрос, блин, – попытался я разрядить обстановку.

– Нет, чемпион, я не могу оставить это просто так, я должен сделать это, – ответил Али.

Он положил свой «дипломат» и пальто, и тут, бац! Энтони врезал ему со всего маху. Они дрались по лестнице, а у Дона лестницу отделяла перегородка, поэтому я фактически не видел, как Кевин спускался вниз, но, словно в мультике, слышал – бум! бум! бум! – каждый шаг. Затем он, будто супергерой, взлетел по лестнице обратно, и они вновь начали спускаться. В это время в офис зашел Грег, прихлебывая из бутылки содовой, и, увидев дерущихся Энтони с Кевином, ударил Кевина бутылкой по голове. Кевин упал, и Грег начал обшаривать его карманы.

– Нет, Грег, нам сейчас ни к чему здесь это дерьмо, – сказал я. – Тебе нужны деньги, ниггер? Нам нельзя грабить этих ублюдков.

Обеспокоенные шумом, Дон, Джон и Рори спустились вниз узнать, что происходит. Али поднялся и стал утверждать, что Энтони ударил его исподтишка.

– Это хрень собачья! – воскликнул я. – Энтони отдыхал, ничего не делал, а этот ублюдок пришел и стал ему угрожать. Энтони просто защищал себя!

Дон вышвырнул Кевина Али из офиса, и тот принялся ходить по улице перед домом. Уезжая, мы видели, что Али еще был там. Водителем у нас в то время был Капитан Джо, один из родоначальников «Нации ислама»[158]. Он знал близнецов Али. Али хотел продолжить драку, но я напомнил ему, что был мусульманский месяц рамадан, то есть время мира и покоя.

– Майк, это мужское дело, – сказал Капитан Джо. – Он не сможет жить по принципам мира и покоя месяца рамадан до тех пор, пока он не почувствует мир и покой в самом себе. Он должен разобраться в этом.

– Ты будешь драться? – спросил Али у Энтони.

– Да, блин! Ты же ведь сам сказал: до конца.

Они оба вышли на тротуар и изготовились, совсем как в видеоигре *Rock' Em Sock' Em Robots* про бойцовских роботов. Энтони сбил Али с ног мощным ударом, а потом по-футбольному дважды пнул его по голове. Он собирался сделать это и в третий раз, когда Рори остановил его:

– Ты убьешь его, приятель!

– Но это же его собственная гребаная идея! – возразил Энтони. – Он сам сказал: «До конца!»

У нас были планы сходить в кино. Энтони переступил через Кевина, мы сели в машину и свинтили. В это время к офису подошел Эл Браверман, легендарный тренер, который работал помощником Дона. Он увидел Али, лежавшего без сознания, побежал в офис, принес бумажные полотенца и воду, привел того в чувство и почистил. Затем вызвали «Скорую помощь». На этом все и завершилось.

Матч-реванш был назначен на 28 июня. У меня было некоторое время до начала сборов в лагере, поэтому я поехал на своем черном «Ламборгини Диабло» из Нью-Йорка в Огайо, посетив кое-какие достопримечательности. Затем вернулся в Лас-Вегас для тренировок. Ричи определил мне строгий режим, который предусматривал комендантский час с семи вечера, чтобы я мог отдохнуть перед своей пробежкой шести миль в пять утра. Мне было скучно. Когда я не тренировался, я большую часть времени смотрел мультфильмы. Иногда ко мне в комнату вламывался Дон.

– Черт побери, Майк, ты собираешься смотреть еще что-нибудь, кроме этих, б… дь, мультиков! – говорил он и включал мне очередной документальный фильм о нацистской Германии. Дон был зациклен на нацистах. У него Гитлер был здесь, Гитлер был там. Он полагал, что евреи были ниггерами из Германии и что фашизм может случиться и с нами, поэтому мы должны извлекать уроки из истории.

У нас в лагере был новый шеф-повар. Прежнего шеф-повара, Эрли, который работал у нас длительное время, Дон уволил за то, что тот якобы таскал мясо через заднюю дверь. Мне это показалось полной фигней. Один из моих телохранителей, Руди Гонсалес, через несколько лет признался племяннику Эрли, что шеф-повар был уволен Доном за отказ класть мне в пищу «волшебный порошок». Он утверждал, что Джон Хорн дал Эрли какой-то порошок, якобы «витамины для выносливости», которые я отказывался принимать. Эрли изучил этот порошок и нашел в нем крохотный кусочек оранжевой капсулы с обозначением то ли «5», то ли «S». Руди, в свою очередь, сверился со Справочником

лекарственных средств и обнаружил это обозначение в разделе «таблетки торазина». Думаю, Дон так боялся меня, что пытался лечить меня без моего ведома.

Режим, установленный Ричи, сводил меня с ума. Однажды ночью я разбудил Руди в восемь вечера, мы тайком прокрались в мой «Феррари» и поехали в Лос-Анджелес, чтобы организовать мне встречу ради секса. Руди гнал со скоростью 190 миль в час, и мы домчались до Лос-Анджелеса за два с половиной часа. Я поставил эту практику на регулярную основу, и это стало проявляться в спортзале. Понятное дело, ведь на сон мне оставалось только два часа. Джакетти понятия не имел, почему я выглядел так неубедительно, пока он, наконец, не поймал меня с поличным, обнаружив, что глушители «Феррари» выглядят, как подгоревший зефир.

После этого Руди было поручено поставить сигнализацию на все двери, чтобы я не мог по ночам тайком выбираться на волю.

Однажды ночью Руди проснулся от шума. Он встал, включил свет, вышел наружу и увидел, что я запутался в колючих кустах. Я спрыгнул из окна второго этажа, пытаясь улизнуть из дома. Мой план состоял в том, чтобы тихо выкатить «Феррари» по подъездной дороге, а затем укатить в Лос-Анджелес.

Я всю свою жизнь отчаянно пытался вырваться наружу, чтобы повеселиться. Я должен был бы сказать: «Да пошли все вы нах…й, я ухожу!», но вместо этого я тайком прокрадывался к выходу. Я гулял в своем любимом ресторане Лас-Вегаса «Ники Блэр», приветствуя своих почитателей и поклонников, в окружении девочек, и вдруг появился Дон и набросился на меня с ревом:

– Что, черт бы тебя побрал, ты здесь делаешь, Майк? Нам же предстоит бой!

– Извини, Дон, – ответил я. – Я был бы весьма признателен, если бы ты просто ушел. Да, кстати, девочки, это Дон Кинг, знакомьтесь!

Когда мои ночные гонки в Лос-Анджелес завершились, я поручил Руди перегнать машину к моему дому в Огайо, где ее установили на платформе посередине игровой комнаты, пробив для этого наружную стену, чтобы я с друзьями мог устраивать там тусовки.

Перед поединком мы с Раддоком снялись для телеканала Showtime. Я был в темных очках и выглядел довольно сурово.

– Я сделаю тебя своей девкой, – заявил я Раддоку.

– Я не собираюсь опускаться до твоего уровня, – ответил он.

– Постарайся как следует поцеловать меня своими толстыми губами, – настаивал я.

Я вел себя довольно оскорбительно, но я знал, что он был

мачо, парень с излишком тестостерона. Мне было необходимо повлиять на его психику. Это была тактика Каса по обеспечению контроля над духом соперника. Следовало смутить врага.

Я ездил в Лос-Анджелес еще и потому, что мой приятель Кевин Сойер, у которого был магазин по продаже пейджеров, сбросил мне сообщение о том, что у него уже выстроилась целая очередь девочек, желавших встретиться с нами. У него было полдюжины девочек, и мы заказывали номер и устраивали оргии.

Мне нравилось тусоваться с Кевином. В то время я был груб и ненасытен с девушками, поэтому обычно он предупреждал их: «Майк, на самом деле, хороший парень. У него просто не было хорошего воспитания. О нем не заботились в детстве, и поэтому у него проблемы с доверием людям». И эта туфта оказывалась привлекательной. Я назвал их суками и шлюхами, а они говорили мне в ответ: «Как я понимаю тебя! Мои родители тоже отказались от меня». Кевин просил меня: «Не обращай внимания на это дерьмо, договорились?» Дон с Рори и Джоном приходили в ярость, когда я получал сообщения по пейджеру. Все кончилось тем, что мой пейджер сунули в морозилку и пригрозили убить Кевина.

Мой второй бой с Раддоком была целой эпопеей. Он вышел на бой тяжелее на десять фунтов. На самом деле, я весил всего на один фунт меньше, но я был вялым, потому что меньше чем за месяц потерял тридцать пять фунтов[159]. Я утратил всякий контроль в этом вопросе из-за попоек, обжорства и перепихонов. Я прокрадывался в ресторан «Роско» в Лос-Анджелесе, чтобы добыть там себе жареную курицу. Так что, в конечном итоге я был вынужден обратиться к таблеткам для сжигания жира и отказаться от еды после наступления темноты. Я тренировался утром, днем и ночью.

Во втором и четвертом раундах я отправлял Раддока в нокдаун, несколько раз создавал ему серьезные проблемы, но никак не мог покончить с ним, поскольку не был достаточно решителен. Он бил мощно, как мул копытом, но я был собран.

С нас обоих сняли очки за удары после гонга, а с меня еще сняли два очка за удары ниже пояса. Это была война. Но я все-таки легко выиграл единогласным решением судей.

* * *

В июле я болтался в Вашингтоне, когда мне позвонил мой приятель Оуи из Нью-Йорка. В Вашингтоне застрелили нашего старого друга, и Оуи опасался, что эти подонки могут начать

охоту и за мной.

Я не хотел светиться на улицах, пока ситуация не устаканиться, поэтому вечером направился на выступление Уитни Хьюстон[160], смотрел его из-за кулис и завис с ней после концерта.

На обратном пути в Нью-Йорк я был проездом в Филадельфии, где на крытом стадионе «Спектр» был организован концерт «Будвайзер суперфест». В шоу работал Крейг Буги, я тусовался с ним за кулисами, когда Би Энджи Би, одна из хористок М. Си. Хаммера, которая там выступала, подошла и уцепилась за меня. Мы потусовались, затем переспали. Энджи рассказала мне, что она собирается в Индианаполис выступать на фестивале, организованном «Блэк Экспо»[161]. Ранее в тот же день мне звонил преподобный Чарльз Уильямс, который работал на «Черное Экспо», с приглашением на этот праздник, поэтому я решил поехать туда и встретиться там с ней.

Я постарался отделаться от своих телохранителей. Энтони был в Лос-Анджелесе, готовясь к свадьбе. Руди я велел не ехать со мной. Руди позвонил Энтони, тот позвонил Джону Хорну, и они решили, что в Индианаполисе меня встретит Дейл Эдвардс. Дейл был племянником Дона, то ли с его стороны, то ли со стороны его жены. Он был офицером полиции Кливленда.

Я с Дейлом зарегистрировался в своем отеле. Затем шофер отвез меня на лимузине к тете Би Энджи Би. В тот вечер мы тусовались в ночном клубе и выпили три бутылки «Дом Периньона». Расплатившись, мы вышли наружу, и личный фотограф Энджи попросил меня немного посниматься. Где-то в 2.30 ночи мы вернулись ко мне в отель, где до утра занимались с Энджи сексом. Затем Энджи ушла, чтобы подготовиться к своему выступлению.

Чуть позже пришел преподобный Уильямс, чтобы сопроводить нас на фестиваль «Блэк Экспо». Он спросил, не хочу ли я обратиться с приветствием к девушкам – участницам конкурса красоты «Мисс Черная Америка».

Когда мы вошли в зал отеля «Омни», девушки стали сходить с ума.

– Смотри, Майк Тайсон! – кричали они в восторге.

Когда я подошел к ним, они окружили меня и принялись обнимать и целовать. В это время снимали небольшой рекламный ролик, поэтому, пока конкурсантки кружились и танцевали, я прошел вдоль их строя, вроде бы как проверяя их, неловко пританцовывая и напевая какую-то чушь, которую я придумавыл на ходу: «Я как во сне, день за днем, кругом много красивых женщин!» Надо полагать, я выглядел как настоящий мудак.

Пока девушки крутились вокруг меня, я молол им какую-то чушь: «Эй, был бы не прочь встретиться с тобой сегодня вечером. Как насчет этого? Ах, дорогуша, если ты придешь ко мне, это будет здорово». Я был большой свиньей, они покупались на это.

В середине первого дубля видеозаписи я обнял Дезире Вашингтон, одну из конкурсанток, и сказал ей, что хотел бы встретиться с ней позже. Она кокетничала со мной и была не против вместе потусоваться. Я объяснил ей, что должен буду сделать кое-то, а затем сходить с приятелями на концерт, но после этого вечером хотел бы ее увидеть. Я даже попросил ее захватить с собой свою соседку по номеру, чтобы я мог организовать у себя вечеринку втроем.

Когда я уходил, мне было ясно, что она прекрасно понимала: сегодня вечером у нас будет секс. Во второй половине дня я встретил ее на открытии «Блэк Экспо». Она была со своей соседкой по номеру, Пашей, с которой и должна была прийти ко мне.

– Это две совершенно похожие близняшки, – сказал я, увидев их.

Дезире достала несколько своих фотографий, сделанных во время конкурса в купальных костюмах. Похоже, она хотела, чтобы я их заметил. Она также подтвердила, что придет вечером.

Меня возила по городу черная леди средних лет из компании по продаже и аренде лимузинов. Мы с Дейлом придуривались с ней, обзывали ее тупой, уродливой сукой. Я заставил ее остановить лимузин, вышел и помочился прямо на улице. Я был заносчивым тупицей, и это обернулось против меня, когда она давала показания в суде.

После концерта мы с Дейлом вернулись в машину, и я позвонил Дезире, которая была в своем номере в отеле. Я попросил ее надеть свободную одежду, однако, когда она села в машину в свободном платье-бюстье и коротких пижамных штанцах, я все же был удивлен.

Она выглядела полностью готовой к действию, и мы принялись обниматься на заднем сиденье. Ее отель был всего в квартале от моего. Мы вышли из лимузина, и мы с ней направились в мой люкс, а Дейл пошел в свой номер.

Позже, после того как всплыло все это дерьмо, Энтони был в ярости от действий Дейла. Он упрекал его за все, что случилось со мной в Индианаполисе. Для моих телохранителей было обычной практикой оставаться в гостиной моего люкса, когда у меня в постели была девушка, особенно незнакомая. Множество раз, открывая после секса дверь в гостиную, я наталкивался на сидевшего там Энтони. Он специально находился там, чтобы

прислушиваться и знать, нет ли каких-нибудь проблем. Иногда я даже приглашал телохранителей в свою спальню, и мы трахали одну и ту же девушку.

Дезире прошла в мою комнату, и мы отправились прямиком в спальню. Она села в некое подобие позы Будды, и мы немного поговорили. Казалось, ей было известно все о моем увлечении голубями. Она порассказала о Род-Айленде. Мы даже обсудили, как нам встретиться вновь, когда я буду на востоке.

Обычно мне не нравится наглядно расписывать свои половые акты, но в данном конкретном случае, полагаю, мне необходимо это сделать с учетом тех тяжелых последствий, к которым привел этот нокаут.

После того как мы поболтали, я начал целовать ее. Она поднялась и отправилась в ванную, как я позже узнал, для того, чтобы снять с трусиков прокладку. Затем она вернулась, и я начал делать ей куннилингус. Обычно я всегда так поступаю, чтобы быть уверенным, что, когда мы начнем заниматься сексом, женщина будет уже удовлетворенной. Я понятия не имел, что обмакнулся в кровь, поскольку она не предупредила меня, что у нее были месячные.

Мы занимались оральным сексом еще минут двадцать, а затем стали совокупляться. Мне казалось, что она была готова на все. В какой-то момент ей стало неудобно, и она пожаловалась, что я слишком крупный. Я предложил ей быть наверху, и она согласилась. Я не надевал презерватива, поэтому прежде, чем кончить, я вышел из нее.

Было уже поздно, мне надо было подниматься через час или около того, чтобы попасть на первый рейс в Нью-Йорк. Я сказал, что она может остаться в моем номере, так как она рассказывала, какой маленький у нее номер в отеле «Омни» и что она вынуждена делить его с другими девушками. Однако она попросила меня отвезти ее обратно в свой отель.

Это было нереально. Я объяснил ей, что слишком устал, но могу высадить ее у отеля, когда поеду в аэропорт.

– Нет, отвези меня сейчас! – начала она жеманиться.

– Пошла нах… й! – сказал я. – Отъе… сь от меня!

Я был грубым, избалованным, двадцатипятилетним дурнем.

Она встала, оделась и вышла из номера. Дейл, мой телохранитель, который должен был находиться в гостиной люкса, вышел в коридор из своего номера, чтобы получить заказанный в обслуживании номеров гамбургер. Она прошла мимо него, затем села в мой лимузин и велела шоферу отвезти ее обратно в свой отель.

Шоферу лимузина она сказала лишь:

– Я ему не верю. Я ему не верю. Кем он себя возомнил?

Примерно неделю спустя я ехал в машине вместе со своим приятелем Оуи, он был за рулем. Ему позвонили, и он изменился в лице.

– Черт, Майк! Наше лето п… ой накрылось. Кто-то сообщил, что ты изнасиловал ее, – сказал он с отвращением и швырнул трубку.

– Что? Кого, б… дь, я изнасиловал? – удивился я.

Про себя я подумал, что, возможно, я обидел одну из своих уличных подружек, и теперь они разыгрывают меня.

– Где же это случилось? – поинтересовался я у Оуи.

– Индиана, – ответил он. – Что, черт подери, произошло в Индиане?

Я рассказал ему, как Дезире пришла ко мне в номер в два часа ночи и как я нагрубил ей. Мне сообщили, что спустя день после того, как мы были вместе, она звонила мне домой в Огайо, но я так и не ответил.

На следующий день она была на первой странице каждой газеты. Теперь все бездарные комики наперебой принялись обыгрывать шутку «Майк Тайсон – насильник».

Когда я увидел Дона, он был обеспокоен.

– Теперь тебе потребуется моя помощь, ниггер. Твой член довел тебя до беды. Черт побери, Майк, теперь я нужен тебе.

Когда он успокоился, я объяснил ему, что случилось. Он знал, что я не делал этого. Как можно изнасиловать кого-то, кто пришел к тебе в номер в два часа ночи? В такое время дорогу в библиотеку не спрашивают.

Первой мыслью у Дона было – подкупить ее.

– Мы могли бы заплатить этой суке, – сказал он.

И он, на самом деле, позже попытался через своего приятеля, преподобного Т. Дж. Джемисона, поговорить с ее семьей и предложить им денег, чтобы снять с меня обвинения. Но церковник увильнул от этого поручения. Я не знал, что Дон так поступил, но это был уже не первый случай, когда он платил священнослужителям за какие-либо услуги.

Мы знали, что столкнулись с чем-то серьезным, поэтому Дон занимался тем, чтобы нанять для меня адвоката. Я не принимал никакого участия в вопросе выбора адвоката или определения тактики своей защиты в целом. Мою судьбу решали другие люди, касалось ли это судебной системы для несовершеннолетних, Каса, Джимми или Дона.

Дон был готов нанять Винса Фуллера, который был его налоговым адвокатом и помогал ему избегать обвинений в уклонении от уплаты налогов. Фуллер в свое время представлял

Джона Хинкли, покушавшегося на президента Рейгана, и апеллировал к его невменяемости, чтобы добиться вынесения ему оправдательного приговора.

Впоследствии я узнал, что Фуллер одновременно занимался иском Дона против Кейтона. Я не исключал, что Дон задолжал Фуллеру и дал ему заработать на мне, так что мне пришлось платить и за себя, и за иск Дона. Я знаю только, что Фуллер получил за мою защиту более миллиона долларов.

Я с самого начала не поладил с Фуллером. Дон сказал ему про меня, что я просто невежественный ниггер. Он же был надменным белым англосаксом, совершенно не мой тип людей. С первого взгляда на него становилось ясно, что это «сухарь». Он никогда не вел уголовных дел в окружном суде, и не было никаких надежд, что он поладит с присяжными Индианаполиса. На самом деле, никто из его команды никогда не занимался уголовным делом вне стен федерального суда.

Я до сих пор не знаю, почему на моем судебном процессе не дали нормально поработать парню из местных Джиму Войлесу. Думаю, что если бы он занимался этим делом, то меня бы оправдали.

Некоторые полагают, что если кого-то признали виновным в совершении преступления, особенно такого отвратительного, как изнасилование, то это автоматически означает, что признанный виновным действительно совершил это. Могу сказать лишь, что если вы не верите мне на слово, что я невиновен в этом преступлении, то предлагаю вам прочитать две книги, которые вышли уже после того, как я попал в тюрьму.

Одна из них – книга Марка Шоу, писателя и бывшего адвоката по уголовным делам. Он выступал в качестве юриста-аналитика по моему делу для телеканала CNN, газеты USA Today и телеканала ESPN. Другая книга – это произведение, написанное прокурором по моему делу Грегори Гаррисоном, которое представляет собой самодовольную попытку вобрать в себя все газетные заголовки.

Я не уделял своему делу достаточного внимания во время судебного разбирательства. Я был высокомерным молодым человеком, который не желал парить себе мозги судопроизводством. Я не понимал его. И вот чем мне пришлось расплачиваться за все эти номера люкс. Но если вы прочтете эти книги, то я думаю, вы согласитесь с тем, что в 1992 году в Индианаполисе имело место все, что угодно, только не справедливость.

Из книги Гаррисона можно почерпнуть много ценной информации о версии обвинения. Так, вплоть до самого

приговора основные лица из команды прокурора даже не знали, что дело рассматривается против меня. Джеффри Модисэт, прокурор округа Мэрион, победил на выборах, в которых участвовало 180 000 человек, с перевесов всего в 285 голосов. Единственный район, который его поддержал, был район с чернокожим населением.

Он не был придурком. Он решил не рисковать, выдвигая против меня обвинение в преступлении, а вместо этого направил мое дело на рассмотрение большого жюри, чтобы «народ» определил, было ли совершено преступление. Если бы я не был признан виновным в совершении преступления, ему было бы наплевать. Он даже сказал своим коллегам, что он «столь же охотно наблюдал бы за прекращением дела».

Томми Кузмик, следователь полиции по преступлениям на сексуальной почве, предупредил Модисэта, что могут возникнуть проблемы с вещественными доказательствами, поскольку их не было как таковых. Но наряду с этим он отметил, что Дезире должна стать отличным свидетелем, потому что она «красноречива, умна и привлекательна, на нее приятно смотреть, ее легко понимать, ей легко поверить». Но самое главное, она не относилась к числу жертв, которые «разговаривают, словно на улице». Я думаю, вы понимаете, что они имели в виду.

Гаррисон также отмечал, что поскольку те, кто мог бы помочь делу, были разбросаны по всей стране, «ФБР определило и опросило возможных свидетелей». Хм-м. Это стандартная рабочая процедура при каждом заявлении об изнасилование в стране? Что-то я сомневаюсь.

Таким образом, на 13 августа 1991 года было назначено специальное большое жюри. Представить перед жюри доказательства Модисэт поручил своему заместителю Дэвиду Дрейеру. Дрейер был интересной личностью. Если верить Гаррисону, дело Дезире всегда вызывало у того легкое смущение. Когда 16 августа она свидетельствовала перед большим жюри, Дрейер счел, что ее основная проблема заключалась в том, что она была «недостаточно эмоциональна. Она слишком походила на королеву красоты, такая отрешенная, может быть, даже немного холодная».

Дрейер определял шансы на то, что большое жюри признает меня виновным, в лучшем случае как пятьдесят на пятьдесят. На самом деле у него были большие сомнения в отношении Дезире. Гаррисон в своей книге цитирует его:

«По сути, когда жюри приступило к рассмотрению, я сам не был уверен в том, имело ли место изнасилование!»

И это говорит заместитель прокурора! Уже сами по себе эти

слова звучат как сомнение в обоснованности обвинений в мой адрес.

Я должен был давать показания перед большим жюри 30 августа. Хорошо, если быть точнее, то я не должен был этого делать. В действительности, Джим Войлес настоятельно просил Винса Фуллера, чтобы я НЕ давал показаний. В моих показаниях для стороны защиты не было никаких плюсов. Напротив, обвинение могло использовать их против меня в ходе судебного разбирательства. Однако Фуллер и Дон каким-то образом убедили себя, что мне следовало предстать перед большим жюри.

– Этот человек невиновен! Майк Тайсон говорит, что он невиновен! Он дает показания, потому что, как я полагаю, это как раз то, что мы должны делать! – громогласно для прессы ругался в этот день Дон на действия суда. – Я хочу, чтобы процесс шел так, как ему и следует идти. Я не юрист, я просто промоутер величайшего боксера в мире, который этой осенью собирается стать чемпионом!

Мне грозил длительный тюремный срок, а он занимался рекламой моего проклятого боя с Холифилдом, который был запланирован на ноябрь. Такое возможно только в Америке!

Меня заставили одеться в весьма консервативный темно-синий двубортный костюм. Нас провели в небольшую комнату с шумным кондиционером в окне. Из шести присяжных заседателей пятеро были белыми. Они задавали мне вопросы, и я отвечал таким тихим голосом, что судебная секретарша сделала в своих записях более ста ошибок.

В какой-то момент меня спросили, был ли Дейл Эдвардс в гостиной моего люкса. Я ответил, что он был там. И Дейл тоже засвидетельствовал, что он там был. Где ему и полагалось быть. Я не мог знать наверняка, потому что дверь в спальню была закрыта.

Чтобы обвинить меня, необходимо было пять голосов из шести. Во время одного из перерывов я заметил посередине стола большую чашу с леденцами, которые брали присяжные.

– Могу я взять леденец? – спросил я.

– Конечно, – ответили они. И единственная среди них черная леди протянула мне его.

9 сентября началось совещание большого жюри. Результат голосования был 5–1 за то, чтобы признать меня виновным в изнасиловании.

Математика была ясна. Меня признали виновным по одному пункту изнасилования, двум пунктам извращенного преступного поведения (использование своих пальцев и языка) и одному пункту удержания лица против его воли. Мне грозило шестьдесят

лет тюрьмы. Суд должен был начаться 9 января.

После того как жюри объявило результаты голосования, мы провели пресс-конференцию. Дон выкрикивал фразы о знаменитостях, попавших в беду, – об Элвисе, Джеймсе Дине, Мэрилин, Джуди Гарланд[162]. Затем я сделал заявление:

– Я знаю, что произошло. Я знаю, что я невиновен. Я никому не причинил вреда. Я ничего не сделал. Я люблю женщин; в том смысле, что моя мама – женщина. Я испытываю к ним чувство уважения.

С сентября до начала судебного заседания я много ел. Я нервничал. Я готовился к поединку с Холифилдом, но мое сердце не лежало к этому бою. Через несколько недель тренировок я повредил межреберный хрящ, врачи рекомендовали отложить бой. На самом деле я вполне мог драться, тем не менее, я был рад отложить поединок. У меня было слишком тяжело на душе.

В то время, как я боролся с депрессией и объедался, обвинение собрало свою команду. Игра Модисэта не удалась: большое жюри не закрыло мое дело. В этой связи он предпринял следующий блестящий шаг: он нанял для рассмотрения моего дела независимого республиканского специального прокурора – Грега Гаррисона, бывшего заместителя прокурора, который совсем недавно зарабатывал деньги на судебном преследовании торговцев наркотиками в рамках «Закона о расследовании, контроле и преследовании организованной преступности». Он получал свою долю от всего, что было изъято у дилеров. Гаррисон заработал на этом столько денег, что, когда Модисэт был избран окружным прокурором, он присвоил всем этим делам, связанным с наркотиками, служебный гриф. Какое скотство!

Модисэт заплатил Гаррисону 20 000 долларов за то, чтобы тот взялся за это дело. Но тот согласился не только ради денег, но прежде всего ради славы, чтобы его имя прозвучало во всем мире. Прочитав его книгу, можно подумать, что он взялся за это дело, чтобы защитить штат Индиана от злобного варвара: «Я – плод деревенской Индианы, земли консервативных республиканцев и трудолюбивых, порядочных людей, которые ухаживают за своими нивами, уважают закон и помогают своим друзьям, когда это необходимо… Не сомневайтесь, Тайсон выбрал неудачное место для совершения своих преступлений. Индиана отличается от Палм-Бич, или округа Колумбия, или Лос-Анджелеса».

Гаррисон начал расследование. Первым делом он осмотрел трусики Дезире. Он был обеспокоен отсутствием каких-либо телесных повреждений на Дезире, поэтому он прошел в комнату большого жюри и осмотрел одежду, которая была на ней в ту

ночь. «То, что лежало передо мной на столе, было похоже на пикантное одеяние», – писал он. Прямо в точку, блин! Она была одета в длинные шорты, бюстье, которое «будучи надетым на подходящую женщину, остановило бы уличное движение», и трусики. Он считал, что трусики «не соответствовали имиджу молодой авантюристки и вымогательницы, которая желала залезть в брюки и кошелек экс-чемпиона мира в тяжелом весе». Я думаю, он не понимал, что такое животный инстинкт и сексуальное влечение.

«Я взял трусики и посмотрел на них сверху вниз, как если бы я собирался надеть их». Это было каким-то извращенным дерьмом. Он провел опознание пятен крови на трусиках и решил, что Дезире натянула свои трусики после того, как мы имели секс, и испачкала их кровью от тех травм, которые я нанес ей. Все это соответствовало тому, что он нарисовал в своем воображении. Она говорила правду: я ее изнасиловал. Ее трусики являлись неопровержимой уликой.

Он подумал: *«Черт, мне сорок четыре года, и я занимался сексом всего несколько раз в своей жизни. А так жестоко обходится с женщинами нельзя. Нет, и точка! Если что-то причиняет ей боль, она велит прекратить это немедленно».*

Кроме того, Гаррисон не мог поверить, что мы занимались оральным сексом целых двадцать минут или что-то около того: «Его описание события разительно противоречило всему тому, что мне было известно о сексе».

Может быть, вместо своей юридической литературы ему следовало бы почитать доктора Кинси[163]. Он был убежден, что у Дезире не было бы двух небольших ссадин во влагалище, если бы у нас был секс по согласию и у нее было бы достаточно смазки. Но проблема заключалась не в смазке, а в размере и интенсивности. Во время секса такое может случиться с кем угодно.

Конечно же, данная проблема возникла в ходе судебного разбирательства. Мой представитель Войлес хотел рассмотреть вопрос о размере моего члена и для этого вызвать врача, чтобы тот засвидетельствовал, что именно это могло вызвать ссадины в ее влагалище, однако Фуллер не желал и слышать об этом. Он был щепетилен и брезглив в отношении любых сексуальных аспектов моего дела.

Даже после своего расследования трусиков в духе телесериала «C.S.I.: Место преступления»[164] Гаррисон по-прежнему не имел никакого понятия о моей мотивации для изнасилования кого-либо: «Признаюсь, я понятия не имел, почему Тайсон выбрал для изнасилования Дезире, когда в его

распоряжении были десятки женщин». Он задавал себе этот вопрос и после того, как я был осужден.

Затем Гаррисон и его помощница, Барбара Тратен, предприняли небольшую автомобильную поездку. В ноябре они отправились в штат Род-Айленд, чтобы встретиться с Дезире и ее семьей. Они были поражены тем, каким «вежливым и любезным» было семейство. Да, внешность может быть обманчива. К моменту, когда обвинители добрались до Род-Айленда, Дезире и ее мать обвинили отца в дурном обращении, и тот ушел из дома.

В аэропорту Дезире и ее семью встретил Эдвард Герштайн, который отныне становится весьма примечательным и важным игроком в этом деле. Вскоре после начала расследования в отношении изнасилования один из адвокатов штата Род-Айленд по имени Уолтер Стоун обратился к семье Вашингтонов. Он сказал им, что в случае, если он будет представлять Дезире, может возникнуть конфликт интересов, поскольку он является советником Международной федерации бокса, но он готов предложить своего партнера Эдварда Герштайна. Так Герштайн стал гражданским адвокатом Дезире. Они наняли его, чтобы взыскать с меня наибольшие убытки, а также для того, чтобы выторговать себе наибольший гонорар за авторские права на фильм и книгу.

Участие Герштайна в делах семьи Вашингтонов выбило Гаррисона из колеи: «Это было самой последней новостью, которая вызывала удивление. Поскольку не было даже намека на судебную тяжбу семьи Вашингтонов, такой поворот событий вредил делу. Встречные обвинения в вымогательстве со стороны авантюристки было бы невозможно опровергнуть».

Итак, что же предприняла сторона обвинения? Утаила эту информацию от стороны защиты. После окончания процесса Стар Джонс, которая в то время была судебным корреспондентом NBC, подвергла критике сторону обвинения за то, что та не обнародовала факт соглашения между Дезире и гражданским адвокатом: «Это просто подло! Прокурор обязан представлять все имеющиеся свидетельства», – заметила она.

Гаррисон и его заместитель приступили к опросу Дезире. По-видимому, тот факт, что Дезире ходила в моем номере в туалет и снимала прокладку со своих трусиков, немного беспокоил их. По словам Дезире, я внезапно стал грубым и похотливым, и она была шокирована этим. Поэтому она пошла в туалет, сняла с трусиков прокладку и вернулась в постель. Когда Гаррисон спросил Дезире, зачем же она уходила в туалет, та ответила: «Это было первое, что пришло мне в голову после того, как он стал грубым».

Если это было правдой, то сразу вслед за этим ей должно

было бы прийти в голову продолжить движение к двери и немедленно уйти. Если бы, как она утверждала, она почувствовала опасность, для нее было бы несложно просто уйти. Войлес даже воссоздал модель гостиничного номера, что обошлось в 6000 долларов, чтобы продемонстрировать этот факт. Но Фуллер, конечно же, пресек эту инициативу и никогда не прибегал к этой модели во время судебного процесса.

Гаррисон особенно не задумывался над дилеммой с прокладкой трусиков, с которой столкнулась сторона обвинения. Он охотно поверил Дезире, когда она сказала, что выбросила испачканную прокладку «по привычке» и что, когда она поняла, что оставила в спальне кошелек, она решила, что сможет достать новую прокладку «на одной из вечеринок, на которую она хотела пойти». Какого х… я? Никто никогда не говорил о посещении вечеринки в тот вечер. Где это она собиралась достать новую прокладку?

Гаррисон также слышал о моих показаниях в связи с делом Кейтона, когда я сделал непристойное предложение Джоанне Криспи, помощнице Томаса Пуччио. Он был шокирован тем, что я при помощи пальцев сымитировал половой акт, а затем сказал: «Я хочу трахнуть тебя!» Но при этом он почему-то не мог поверить, что то же самое я сказал Дезире Вашингтон. Это являлось прямым доказательством моего грубого обращения с женщинами в ту пору.

Гаррисон вылетел в округ Колумбия и встретился с федеральным прокурором, чтобы получить компромат на Фуллера. Тот сказал Гаррисону, что все юристы Вашингтона не понимают, зачем Фуллер вообще взялся за это дело. Это противоречило репутации его аристократической компании. «Они никогда не занимались уличными преступлениями. Никогда. Даже не в округе Колумбия».

В Вашингтоне Гаррисон зашел в студию телеканала BET[165] поговорить с Чарли Нилом, ведущим представления «Мисс Черная Америка». Чарли сообщил Гаррисону, что он не заметил никаких изменений в Дезире после предполагаемого изнасилования. Кроме того, у меня там был широкий выбор женщин. Зачем мне нужно было кого-то насиловать? Полагаю, что Гаррисону не понравилось то, что он услышал от Чарли.

«То, что он (Чарли) сказал, сводилось к следующему: *я ничего не видел, я ничего не слышал, я ничего не знаю*. Для меня было ясно: он считал, что эти беложопые ничего не смогут получить от него против брата», – писал Гаррисон. Какой гнусный расистский мудак!

Но больше всего я расстроился, когда прочел, что с

Гаррисоном встретился мой старый приятель Хосе Торрес. Он принялся гнать свою обычную туфту о том, что бокс погряз в обмане и что лучшие боксеры являются блестящими обманщиками. Он сказал Гаррисону, что ни один боксер не лгал так, как это делал я. Затем Торрес повторил свои гнусные истории обо мне, женщинах и сексе, которые он изложил в своей книге. Торрес сказал Гаррисону, что я проговорился ему о том, как сильно я ударил Робин – так сильно, что она «шарахнулась по каждой гребаной стене в комнате». По его словам, я сказал, что это был величайший удар, который я когда-либо выбросил.

Торрес объяснил Гаррисону, что он поссорился со мной, поэтому Гаррисон должен принимать все сказанное с долей скептицизма. Самое гнусное предательство Торрес совершил, когда Гаррисон поинтересовался у него, способен ли я на изнасилование.

– О-о, да. Безусловно, – ответил тот, а затем вновь ударился в псевдо-фрейдистский бред о том, что я не могу контролировать свое либидо, потому что у меня слишком сильное подсознание.

– Он всегда берет то, что захочет. Он всегда так делает, – сказал Торрес.

Я не мог поверить тому, что я читал. Какое свинство! Гаррисон завершил свое интервью вопросом, чего следует ожидать, когда я начну давать свидетельские показания.

– Он попытается перехитрить вас и дать присяжным то, что они хотят. Помните, боксеры являются лжецами. И Тайсон лучший из них.

До начала судебного процесса Дезире ездила в Индианаполис для письменных показаний под присягой. Фуллер поручил это своему со-консультанту Кэтлин Бэггс. Гаррисон был шокирован манерой поведения Бэггс. Она отругала Дезире почем зря. По словам Гаррисона, Бэггс была «гневной, высокомерной, жестокой и низкой». Вместо того чтобы проявить доброжелательность и искусно выведать некоторые сведения, которые сторона защиты могла бы использовать, она довела Дезире до слез. Это был крупный просчет. Но не последний из тех, которые совершила моя команда за миллион долларов.

Судебный процесс начался 27 января 1992 года. Моим судьей была женщина по имени Патрисия Гиффорд. Она курировала большое жюри, поэтому автоматически была назначена вести это дело. Она была бывшим заместителем прокурора в окружном управлении и специализировалась на случаях изнасилования. Гиффорд помогла разработать законопроект об информационной защите жертв изнасилования, который ограждал их от представления каких-либо доказательств их половой жизни.

Позже это сыграло большую роль в моем деле. Она была убежденной республиканкой и могла без труда проследить свою родословную, поскольку являлась членом организации «Дочери американской революции»[166]. Ее отец был армейским полковником. Именно мой тип девушки. Судья Гиффорд могла без труда заявить самоотвод от участия в моем деле. Уже после того, как меня осудили, Верховный суд штата Индиана разработал новое Правило Тайсона. Была предусмотрена ротация, чтобы судья, который председательствовал в большом жюри, не получал этого же дела в производство.

Настало время выбирать присяжных из числа равных мне по социальному статусу. Единственная проблема заключалась в том, что тогда в штате Индиана существовали официальные списки учета избирателей для формирования списка присяжных заседателей. Поскольку большинство черных не голосовало, они не могли быть кандидатами в присяжные. После моего дела было разработано еще одно Правило Тайсона, которое изменило эту ситуацию. А тогда из 179 человек, названных в качестве кандидатов в присяжные, 160 были белыми. У Фуллера и его команды были проблемы даже с выбором жюри. У них не было опыта в этом, ведь в федеральном суде выборами жюри занимается судья, а Гаррисон был мастером в этом деле. Он мог с легкостью расспрашивать кандидатов в присяжные заседатели, пудрить им мозги, уточнять, не жили ли они рядом с большим универмагом «Уол-март» на автомагистрали между штатами. Что касается Фуллера, то он не умел общаться с присяжными со Среднего Запада, он не знал даже, как подступиться к ним.

Фуллер был настолько упрям, чтоб даже не стал нанимать эксперта по выборам присяжных. Как результат, в жюри попал бывший морской пехотинец по имени Тим. Позже один из присяжных признался, что Тим был «гораздо консервативнее нас, более прямолинейный, настоящая деревенщина». Этот парень станет старшиной присяжных и сыграет более существенную роль в том, что меня осудят, чем кто-либо другой.

Если некоторые считают, что в 90 процентах случаев исход дела определяется уже при вступительных речах, то в данном случае такого не наблюдалось. Вступительная речь Гаррисона длилась сорок пять минут. Можно было подумать, что он зачитывал книгу *«Пятьдесят оттенков серого»*[167]:

– Он улыбался ей. Его голос был низким, иным, чем прежде. Он раздвинул ее ноги и вонзил в нее свои пальцы. Она закричала от боли. Сейчас не действовал чудесный фактор медицинского, анатомического или физиологического проявления человеческой чувственности, когда женская особь человеческого рода

смазывается при сексуальном возбуждении, и она пришла в ужас. И когда эти большие пальцы вошли в нее, это причинило ей сильную боль, и она закричала: «Не надо!»

– Она спрыгнула с кровати, быстро схватила свою одежду, вытирая слезы, натянула ее на себя, пытаясь наряду с одеждой обрести и чувство собственного достоинства, и спросила: «Лимузин все еще там, внизу?» Он ответил: «О-о, ты можешь остаться, если хочешь». Она сказала: «Зачем? Чтобы ты сделал это снова?»

По сравнению с Гаррисоном Фуллер был сухим критиканом. Он пытался представить Дезире как искушенную и многоопытную для ее лет девицу, в отличие от образа милой невинной девчушки, нарисованного обвинением, однако Гаррисон в ходе этой речи заявлял протесты. Фуллер отметил некоторые существенные противоречия в рассказах Дезире разным девушкам. Так, одним она сказала, что кричала, другим – что она этого не делала. Одной подруге она сказала, что я напал на нее в кровати, другой – что у нас был секс на полу. Это звучало так, словно она по ходу дела сочиняла свою историю. Но Фуллер совершил серьезную ошибку во время своей вступительной речи. Он пообещал, что жюри услышит меня. В подобных случаях так не делается. Некоторые считали, что версия государственного обвинения была настолько слабой, что мы могли бы вообще не вызывать никаких свидетелей, просто отдыхать – и получили бы оправдательный вердикт. Но он пообещал им меня, следовательно, я должен был свидетельствовать. Что еще хуже, на протяжении всей своей вступительной речи Фуллер ни разу не обратился ко мне. Ни прикосновения к плечу, ни взгляда в мою сторону – ничего, что показало бы отношения между адвокатом и его клиентом. Это проходят на первом курсе юридического колледжа.

«Присяжные не видели слаженной работы команды стороны защиты, они слышали лишь громогласного адвоката из другого штата, первое впечатление от которого было – настоящий «сухарь»». Это не мои слова, это высказывание Марка Шоу.

Гаррисон вначале вызвал соседку Дезире по номеру, затем саму Дезире. Закон об информационной защите жертв изнасилования позволил ей предстать застенчивой, наивной студенткой колледжа, преподающей по выходным в воскресной школе и поющей в церковном хоре. Она утверждала, что, когда я предложил ей выйти к лимузину, она отказывалась, пока я не пообещал, что мы совершим «осмотр достопримечательностей». Да, в два часа ночи в Индианаполисе можно много чего увидеть. Я был там недавно во время сольного шоу и убедился, что

единственное, что можно увидеть в районе отеля «Кантербери», – это амбулаторных шизофреников, бездомных и, если повезет, то потрепанную шлюху.

Дезире повторила историю о том, что мы не целовались и не держались за руки, что я не проявлял никаких признаков любви, а лишь затащил ее в постель и стал грубым и низким. Она повторила, что затем она пошла в туалет, сняла со своих трусиков прокладку и выбросила ее. «У меня была прокладка в сумочке, но я подумала, что могла бы положить ее позже».

Она утверждала, что, когда она вернулась, я зажал ее, снял с нее топ, спустил с нее шорты и трусики и вставил два пальца в ее влагалище. Затем я вошел в нее. Она сказала, что на следующий вечер рассказала матери о том, что произошло, и они позвонили по 911.

Гаррисон считал, что она свидетельствовала весьма впечатляюще. Другие не были так уверены. Некоторые журналисты полагали, что она была слишком «стоической», один из них даже написал, что она выглядела «немного чопорной» и «почти идеальной». Еще до суда Гаррисон пригласил другого адвоката, Роберта Хаммерля, чтобы устроить ей условный перекрестный допрос и посмотреть, как она будет вести себя при психологическом давлении на нее.

Хаммерль начал задавать ей вопросы, касавшиеся неправдоподобных моментов, которые он усмотрел в деле.

– Послушайте, вы встречались с Майком Тайсоном, вы видели, как он ухаживает за девушками, вы дали ему свою фотографию в купальном костюме… Неужели вы не предполагали, что у него на уме был секс? – спросил он Дезире.

– Нет, – ответила она.

– Он позвал вас в середине ночи, и вы спустились к его лимузину. Когда вы подошли, он поцеловал вас. Неужели и тогда вам не пришло в голову, что у него на уме был секс?

– Нет.

– Потом вы поехали в отель, вошли к нему в номер, сели на его кровать. Вам и тогда не пришло в голову, что он хотел заняться с вами сексом?

– Нет.

– А когда он сказал: «Ты меня возбуждаешь!», вы тоже не думали, что у него на уме был секс?

– Нет.

Он продолжал, расспросив ее и о прокладке на трусиках.

– Все это было нелогично, – сказал Хаммерль Гаррисону, – но такова история в ее изложении, и она придерживается ее. У меня в целом осталось впечатление, что она сражалась со мной. Мне

сказали, что там была наивная восемнадцатилетняя леди, но я ушел с ощущением, что, когда это происходило, там был некто гораздо сильнее, кто не позволил мне отследить ее действия. Я не могу понять, как все это согласуется с той массой наивных ошибок, которые она, как предполагается, совершила.

Хаммерль рассказал жене об инциденте с прокладкой на трусиках. Его жена сказала, что любая женщина, которая идет в туалет, чтобы снять со своих трусиков прокладку, готовится к сексу. И он согласился с женой. Когда Хаммерль на следующий день пришел к Гаррисону, он сказал ему: «Мой друг, вы по уши в дерьме!»

Я бы хотел, чтобы Хаммерль был моим адвокатом. Когда настало время для Фуллера проводить перекрестный допрос Дезире, он, казалось, даже не хотел делать его. И Марк Шоу согласен со мной. Он писал:

«Было трудно понять причины вежливости и мягкости Фуллера на перекрестном допросе, особенно когда прямой допрос Гаррисоном своего свидетеля предоставил ему так много возможностей «прощупать» Вашингтон насчет того, что конкретно произошло в гостиничном номере между ней и Тайсоном».

Он не мог понять, почему Фуллер не воспользовался ее оборонительным поведением. Она могла бы дать ему гораздо больше информации, чем требовалось. Он не выяснил особенностей договора ее семьи с ее гражданским адвокатом. В действительности, она солгала о цели этого договора. Она прекрасно знала, что собирается засудить мою задницу и собрать кучу денег, когда это уголовное дело будет завершено. И она сделала это.

Фуллер не выстреливал свои вопросы в Дезире так же быстро, как это делал Хаммерль при условном перекрестном допросе. Он не заставлял ее защищаться. Если бы он захотел, присяжные могли бы видеть, что она не так наивна, как представляла себя. Когда Фуллер упомянул, что Дезире было сделано замечание за то, что она вела себя как «группи»[168], когда находилась за кулисами вечером во время концерта Джонни Гилла, она заявила жюри, что не знает значения слова «группи»!

Он даже не стал задавать ей вопросов о прокладке на трусиках, которую она сняла! Его не интересовало, как я мог заниматься с ней оральным сексом, удерживая ее на кровати. Если я физически овладел ей, то где же были синяки? А если она кричала, почему никто в отеле не услышал ее? Мы ведь были в гостиничном номере в середине ночи, стояла полная тишина, и она кричала без всяких последствий? Если бы кто-нибудь напал на меня, я бы убежал. Я бы исчез, как только оказался в коридоре.

Я бы принялся стучать во все двери: «Помогите мне, поскорее, на помощь, ко мне пристают!» Не надо быть Фрэнсисом Ли Бейли[169], чтобы понять, что все ее россказни – это полная фигня.

Другим свидетелем обвинения, который доставил мне неприятности, был врач пункта медицинской помощи Стивен Ричардсон. Он показал, что обследовал Дезире ночью после предполагаемого нападения. Он не обнаружил никаких синяков или ссадин на ее руках и ногах, никаких признаков того, что ее били или сжимали в объятиях. Не было травм ни на больших, ни на малых половых губах. Но он обнаружил две небольшие ссадины, шириной в одну восьмую дюйма и длиной в три восьмых[170], на входе во влагалище. Он сказал, что такие повреждения встречаются у 10–20 процентов жертв изнасилования. По его словам, за двадцать лет практики он лишь дважды встречал такие травмы как результат секса по согласию.

Речь шла об очень мелких ссадинах, однако Гаррисон сделал макроснимок половых органов Дезире, вставил его в раму и принес в зал суда. При взгляде на этот снимок создавалось впечатление, что кто-то молотил по ее влагалищу киянкой.

Фуллер ничего не противопоставил показаниям доктора Ричардсона, хотя мог бы. Войлес организовал мне прием у уролога, чтобы тот обследовал мой член и засвидетельствовал, что те небольшие ссадины могли быть вызваны его проникновением. Фуллер не захотел углубляться в эту область, хотя должен был бы. Вместо уролога Фуллер пригласил какую-то отстойную врачиху, которая от смущения объяснялась настолько путано, что показания этого эскулапа пошли на пользу стороны обвинения! И это была команда стороны защиты за миллион долларов!

Перед тем как обвинение завершило представлять свою версию, мои адвокаты попытались найти еще трех свидетелей защиты. Моя команда во время судебного разбирательства делала массу сумасшедших звонков, поэтому они отнеслись с легким скепсисом к звонку от девушки, которая сказала, что она и две ее подруги видели, как мы с Дезире обнимались и целовались на заднем сиденье лимузина и держались за руки по дороге в отель! Это могло бы существенно помочь нам, так как показало бы Дезире отъявленной лгуньей, какой она и была. Войлес получил разрешение изъять лимузин из базы вещественных доказательств и поставил его перед входом в отель, чтобы можно было убедиться в возможности в ночное время видеть через его тонированные стекла, как днем.

Девушек проверили, все они были заслуживающими доверия, после чего их пытались допустить в качестве свидетелей, однако с

судьей Гиффорд чуть не случился приступ. Она хотела знать, почему обвинение не было незамедлительно поставлено в известность об этих свидетелях. Потому что их должны были проверить и убедиться, что это не психи. Однако ее это не волновало. Все выглядело так, словно она воспринимала это за личную обиду.

– Я придерживаюсь мнения, что допуск этих свидетелей может нанести значительный ущерб штату Индиана, и полагаю, что штат Индиана в любом случае имеет такое же право на справедливое судебное разбирательство, как и ответчик, – заявила она и отказала им, возможно, самым важным свидетелям в моем деле, в допуске к даче показаний.

Затем штат завершил дело. Они вызвали миссис Вашингтон, и та не преминула подлить масла в огонь:

– Дезире ушла, и больше она уже не вернется. Я хочу назад свою дочь.

Даже некоторые присяжные начали плакать.

Затем представили отредактированную версию записи ее звонка по 911. Дезире словно вновь давала свидетельские показания, но мы при этом были лишены возможности подвергнуть ее перекрестному допросу:

– Той ночью я поехала с этим человеком в лимузине, и он сказал мне, что ему надо пойти забрать своих телохранителей. Он спросил, не хочу ли я зайти на минутку, и я ответила: «Хорошо, ладно». Понимаете, я ведь думала, что это хороший человек. Мы зашли, а он набросился на меня. Я только отлучилась в туалет, а этот человек уже оказался в нижнем белье. Одним словом, он делал все, что хотел сделать, и повторял при этом: «Не дерись со мной, не дерись со мной!» Я говорила что-то вроде: «Нет, нет, отстань от меня, убирайся, пожалуйста, отстань от меня!» Но он продолжал: «Не дерись со мной, не дерись со мной!» Этот человек был намного сильнее меня, и он делал то, что хотел, а я лишь повторяла: «Прекрати, пожалуйста, прекрати, пожалуйста!» Но он не прекращал.

Позже на этой записи диспетчер повторяла Дезире, что она стала жертвой, она стала жертвой, а затем у Дезире вырвалось нечто очень интересное.

– Я не пытаюсь указать вам, что надо делать, но вы не должны бояться, – произнесла диспетчер, тем самым побуждая Дезире составить отчет об изнасиловании.

– Но если кто-то, кого знает вся страна, против кого-то, как я, обычного человека, я имею в виду, что, скорее всего, подумают, что я собираюсь ради денег или как-то так, – сказала Дезире вдруг.

Позволить этой записи фигурировать в качестве вещественного доказательства в моем деле было весьма необъективно.

Многие правоведы считали, что данный шаг был недопустим, однако маленькую леди-судью это не остановило.

Теперь настало время нам представлять свою версию. Мы с Войлесом были совершенно обескуражены. Я никогда не верил нашей системе. Молодой Кеннеди был признан невиновным в изнасиловании в Палм-Бич[171] всего за месяц до начала моего судебного процесса, но я знал, что я обязательно буду осужден. Так работала система. Я потомок рабов. Я до сих пор сомневаюсь в том, что меня могут уважать как человека. Я был ниггером, и прокурор с ковбойскими замашками был намерен пнуть своими ковбойскими сапогами со шпорами меня в лицо. Ни один из этих людей не был готов помочь мне. Меня вздрючили в тот день, когда вынесли мне обвинительный приговор. Они хотели поиметь меня, так или иначе.

Фуллер и Бэггс не помогли. Кэтлин Бэггс была «приветлива» со всеми, как сыч. Она несколько раз устраивала разборки с судьей Джиффорд, и та ее просто возненавидела. Когда Войлес попытался подсказать Фуллеру, что Бэггс следует как-то расположить окружающих к себе, Фуллер ответил ему: «Мы не нуждаемся в ваших советах такого рода».

Гениальная линия защиты Фуллера заключалась в том, что Дезире должно было быть известно, во что она ввязывается, потому что я был грубым, вульгарным, отвратительным сексуальным животным. Вот так характеризовал меня мой собственный адвокат. Даже Гаррисон не мог поверить, что в этом состояла стратегия Фуллера. Он знал, что, представляя меня в качестве секс-машины, Фуллер погубит мою репутацию и оттолкнет от меня жюри. Я представал «таким бесчувственным и грубым, что ни один добропорядочный человек не мог испытывать сочувствия к такому типу». Что еще хуже, Гаррисон назвал стратегию защиты Фуллера расистской. «Защита лишила Тайсона его индивидуальности и превратила его в стереотип из расистских мультфильмов категории «Х»[172], – писал Гаррисон в своей книге.

Я посмеялся, когда одна из девушек, которых мы вызвали в качестве свидетеля защиты, сказала суду, что она случайно услышала, как я говорил другой конкурсантке: «Я хочу трахнуть тебя, и приводи свою соседку по комнате тоже, потому что я знаменитость, а ты знаешь, что мы поступаем таким образом».

Я и сам не помог себе в своем деле. Когда меня вызвали для дачи показаний, я вел себя высокомерно и враждебно. К тому же

произошло дурное предзнаменование. Там, где остановились присяжные, случился пожар, и один из черных присяжных сказал судье, что он слишком взволнован, чтобы продолжать заседания. Этот парень всегда жаловался то на еду, то на жилье. Когда судья отпустила его, Гаррисон был в восторге. Он был убежден, что этот парень мешал бы работе жюри. Таким образом, в составе присяжных осталось только двое черных.

У нас было много свидетелей, показания которых противоречили имиджу Дезире. Так, одна из конкурсанток показала, что Вашингтон говорила ей о своем желании «получить много денег и стать такой, как Робин Гивенс». Она также сообщила, что Дезире материлась и делала сексуальные намеки. Согласно ее словам, я сказал: «Хочешь пойти ко мне в номер? Я знаю, что ты, скорее всего, откажешься, но все равно спрашиваю». Это было похоже на то, что я в действительности сказал.

Другая девушка показала, что, когда она увидела меня, она сказала Дезире:

– Сюда идет твой муж. Он не слишком гладко говорит.

– Майку не требуется говорить. Он будет делать деньги, а говорить буду я, – ответила на это Дезире. Обе девушки сказали, что не заметили никаких изменений в Дезире после предполагаемого изнасилования.

Еще одна девушка сообщила, что мы с Дезире обнимались, словно парочка на театрализованном представлении. Одна из конкурсанток упомянула, что Дезире наградила меня «взглядом, способным убить», когда я похлопал сзади другую девушку. Кэролайн Джонс дала свидетельские показания о том, что Дезире, увидев меня на репетиции, сказала ей: «А вот и двадцать миллионов долларов».

Я предстал перед судом для дачи показаний 7 февраля. Я рассказал, в основном, ту же историю, которая уже была изложена здесь. Разве что, когда я пересказывал свои слова Дезире о том, что хочу трахнуть ее, присяжных словно ударило молнией, как будто они никогда раньше не слышали слово «трахнуть». Фуллер паршиво подготовил меня к даче показаний. Когда они были завершены, судья Гиффорд объявила перерыв до следующего дня, что позволило обвинению изучить мои показания и подготовить свои ловушки.

На следующий день Гаррисон поднял шум, заявив, что в ответ на мои слова: «Я хочу трахнуть тебя» восемнадцатилетняя девушка никогда бы не ответила: «Хорошо, позвони мне». Полагаю, он жил во тьме веков. Но следует принять во внимание, что тот же самый человек, услышав мое утверждение, что у меня с Дезире оральный секс продолжался двадцать минут или около

того, написал: «Его описание события разительно противоречило всему тому, что мне было известно о сексе».

Он также потратил много времени, чтобы заставить меня признаться, что мой успех на ринге стал результатом моей хитрости и коварства, моей способности к обманным действиям, что, конечно же, означало, что я лжец.

После того как я закончил свои показания, вызвали Джонни Гилла, который заявил, что, когда я сообщил Дезире о намерении трахнуть ее, она даже не вздрогнула. Фуллер вызвал также других конкурсанток, которые повторили слова Дезире о том, что я был «хорошо сложен» и что у меня был «зад, за который было приятно ухватиться». Вообще же действия стороны защиты были настолько неорганизованными и спонтанными, что даже мне было очевидно отсутствие в них слаженности и единой тактики. Основной изъян заключался в том, что Фуллер и Бэггс были слишком чопорными, чтобы вникать в мельчайшие детали полового акта. Они не предоставили присяжным реальных фактов для принятия решения при вынесении приговора.

Фуллер был так скучен во время своего заключительного слова, что один из присяжных фактически прервал его, чтобы отпроситься в туалет. Это было нехорошим знаком. Когда он должен был, по идее, добраться до изложения решающего эпизода – когда я якобы набросился на Дезире, она ответила мне отказом и покинула номер, но на самом деле пошла в туалет и сняла с трусиков прокладку, а затем вернулась в постель, – и я ожидал, что он сделает это, но этого так и не произошло.

Затем с заключительным словом выступал Гаррисон. Он не сказал ничего нового, но смог таким образом подать присяжным свое по-деревенски простоватое дерьмо, как Фуллер сделать не смог:

– Весь мир смотрит на нас, не отводя глаз. Все хотят знать, достаточно ли у граждан округа Марион мужества, чтобы решиться на этот непростой шаг. Я не хочу, чтобы этот человек был признан виновным только потому, что за нами наблюдает весь мир. Я хочу, чтобы он был признан виновным только в том случае, если вы считаете, что доказательств достаточно, чтобы без доли обоснованного сомнения быть уверенным в том, что этот красивый, честный ребенок приехал в город и был обманут профессиональным обманщиком, обманут, введен в заблуждение пустыми обещаниями и одурачен, оторван от людей и побежден, изнасилован и унижен, став объектом отклонения от норм поведения. Если это то, в чем вы уверены, и если этому имеются подтверждения, тогда вы должны вынести соответствующий приговор. Только и всего.

Последний гвоздь в мой гроб был вбит непосредственно перед тем, как жюри ушло на совещание. Фуллер заявил ходатайство о том, чтобы судья в своем напутствии присяжным перед их уходом упомянула «инструкцию о подразумеваемом согласии». Это означало, что я не мог быть признан виновным в изнасиловании, если «поведение потерпевшего во всех обстоятельствах расценивается как указывающее на согласие с рассматриваемыми действиями». Но бывший прокурор по вопросам изнасилования прервала Фуллера, и жюри так и не узнало об этой принятой судебной практике.

10 февраля в час с четвертью пополудни жюри, восемь мужчин и четыре женщины, приступило к обсуждению моего дела. Неудивительно, что бывший морской пехотинец, а ныне продавец компании IBM Тим был избран старшиной. После пятнадцати минут, без обсуждения доказательства, они проголосовали с результатом шесть голосов против шести. Менее чем девять часов спустя они пришли к единогласному вердикту.

Мы все вернулись в зал суда. Когда жюри входили гуськом, они не могли смотреть на сторону защиты. Все было ясно. Когда я услышал «виновен» по первому пункту, я почувствовал себя так, словно пропустил удар. «О-о, приятель», – прошептал я. Но я не был удивлен нисколько.

При выходе нам пришлось столкнуться с прессой. До назначения мне наказания я был отпущен на поруки.

– Это ни в коей степени не является справедливым решением, – сказал я. – Я знаю, что я невиновен, но я знаю также, что приговор должен был быть быстрым, потому что таков менталитет суда и прокурора. Прокурор – расист. Это слабый, наслаждающийся шумихой вокруг себя, ничтожный маленький человек. Я нервничаю, потому что знаю, что это оторвет меня от людей, которых я люблю, но я готов к этому.

Тим, моя судьба в лице бывшего морпеха, мой главный противник, сообщил прессе: «Когда мы собрали все вместе, вопрос о подразумеваемом согласии явно не прошел».

Марк Шоу написал об этом в своей книге прямым текстом: «К разочарованию Тайсона, (система уголовного правосудия) нанесла ему удар судьей, разделявшей позицию обвинения, прокурорами, способными утаить важные доказательства, адвокатом защиты на грани некомпетентности, чья неумелая защита, возможно, несет больше ответственности за обвинительный приговор, чем все остальное, вместе взятое, и присяжными заседателями, которые уделяли больше внимания общественному имиджу Тайсона как плохого мальчика, чем неполноте фактов по этому делу. Лучшим достижением

Гаррисона в ходе судебного разбирательства была его стратегия успешно представлять Дезире Вашингтон в качестве застенчивой, неопытной, наивной, чопорной, пристойной студентки колледжа, какой она, в действительности, не была. Прибегнув к закону об информационной защите жертв изнасилования и зная, что Вашингтон уже фактически подписала соглашение о возбуждении иска к Тайсону и о продаже прав на фильм и книгу, прокуроры, которые также были в курсе сомнительного сексуального прошлого Вашингтон и необходимости ее лечения, сделали все возможное, чтобы жюри не увидело никаких признаков, что Вашингтон – это что-то другое, кроме богомольной паиньки».

Гаррисон еще в ходе судебного разбирательства получил по заслугам: он потерял жену. Она, едва родив ребенка, сбежала с полицейским, который был назначен охранять ее во время судебного процесса.

Глава 9

Некоторое время между вынесением мне приговора и назначением наказания я провел в своей квартире в Нью-Йорке. Однажды я возвращался от девушки и уже собирался войти в свой дом, как увидел человека, стоявшего снаружи. Я прошел мимо него и вдруг услышал:

– Эй, сынок, как дела?

Я посмотрел на него и сразу же узнал своего отца. Я не виделся с ним после похорон матери десять лет назад.

– Привет, а у тебя как? – ответил я.

Вначале он меня слегка напугал, но он мне не померещился. У меня была уже вполне нормальная жизнь, так что я не сердился на него. Он выглядел несколько неуверенным и смущенным. Я знал, что он уже слышал разные плохие вещи о моем аморальном облике. Но когда я улыбнулся и обнял его, он расслабился.

– Пойдем наверх, – предложил я и повел его в холл.

– Здравствуйте, мистер Тайсон, – сказали мне швейцар и парковщик.

– Ого, я вижу, ты большой человек! – воскликнул отец.

– Да нет, не такой уж и большой, это просто так кажется, – ответил я.

Уже несколько лет отец хотел встретиться со мной. В октябре 1988 года издание «Нью-Йорк пост» направило к нему в Бруклин репортера, который взял интервью.

– Я не хочу идти к Майку с протянутой рукой, – сказал отец репортеру. – Я не хочу от Майка денег. Не скажу, что я не взял бы их и не смог бы их потратить, но я возьму их только в том случае, если Майк захочет их дать.

В то время я был слишком сосредоточен на боксе, чтобы поддерживать с ним связь. Но за эти годы я слышал от людей из Бруклина много историй о своем отце. Он был весьма ловким уличным парнем – карманником, картежником и сутенером/дьяконом. Отец был одним из тех фанатичных проповедников христианства, которые готовы убить тебя за Иисуса. Он был из города Шарлотт, Северная Каролина, расположенного как раз в библейском крае[173]. Когда он был моложе, то пел в группе, исполнявшей «госпел»[174]. Он верил в Иисуса всю свою жизнь, но одновременно занимался и грязными делами. Он был то, что надо. Он хорошо одевался и овладевал всеми женщинами в своей церкви, когда они приходили к нему за советом. Когда я рос в Бруклине, женщины останавливали меня на улице и говорили мне: «Твой отец со своим братом были сутенерами, и мы

работали на них». У него была репутация самого крутого карманника и сутенера в Бруклине.

Я никогда не был таким крутым, как мой отец. Я всегда хотел казаться таким же крутым, но на самом деле был человеком иного склада. Я слышал, что отец должен был уехать из Северной Каролины после ссоры с белым парнем. Его дядя, который был типичным дядей Томом, выступал в этом деле посредником и спас отцу жизнь, пообещав, что тот уедет из города. Поэтому-то он и появился в Нью-Йорке. Когда он попал сюда, он пошел в бар и начал разговаривать с хорошенькой девушкой. Появился парень с шикарной большой шляпой, один из нахальных черных парней известного типа, спихнул отца с барного табурета и сам заговорил с девушкой.

– Этот ублюдок – ниггер, деревенская задница, – сказал парень девушке. – Не трать на него свое время.

Тогда мой отец сел в автобус, съездил в Шарлотт, взял свою винтовку, вернулся в Нью-Йорк, нашел этого парня и выстрелил в него. Если у него возникал конфликт с полицией в Бруклине, он со своим братом запросто устраивал перестрелку с копами. Отец пользовался большим уважением в общине Бруклина.

Моя мать встретила отца в Шарлотт. Она ходила в школу в Уинстон-Сейлеме, где встретила сестру отца, которая, по существу, была его вербовщицей. Она забирала для него наркотики и находила симпатичных женщин. Вот она и привела мать на встречу с отцом. Пока я рос, отец появлялся не часто, он приходил лишь время от времени. Мы не особенно доверяли ему, потому что мама была на него сердита, но я считаю, что в отношении семьи он делал все, что было в его силах. В то время черному было нелегко иметь семью.

Итак, мы пошли наверх, и ему понравилось мое жилище. Мы заказали перекусить и просто поговорили. Похоже, он был удивлен, что я так по-доброму отнесся к нему. Я понял, что ему были нужны деньги, поэтому я дал ему немного. Я действительно, хотел узнать о нем побольше, поэтому я предложил ему навестить меня в Огайо. Я предложил купить ему машину, чтобы он смог приехать туда, и спросил, как он отнесется к «Мерседес-Бенц».

– О боже, нет, сынок, пожалуйста, не надо, – стал он протестовать. – Я умею водить только «Кадиллак», я не умею водить «Мерседес».

У него, как у любого сутенера/проповедника, была такая любовь к «Кадиллакам».

Он приехал в Огайо спустя несколько недель вместе с двумя детьми моей сестры. В то время он был очень интересным человеком. Весь день, с девяти утра до пяти вечера, он провел в

церкви. Затем он пришел домой, чем-то перекусил и вернулся в церковь, где пробыл до одиннадцати.

Ему, очевидно, нравился мой образ жизни. Через несколько дней он освоился и пригласил в дом одного из своих друзей-проповедников, парня, который был одет очень круто. Они сидели и обсуждали разную хрень. Я наблюдал за ним, изучал его характер. Я заметил, что он любил леденцы. Шестидесятивосьмилетний мужчина любил леденцы! И я подумал: *«Ух! Я ведь тоже леденцовый парень*[175]. *Вот откуда у меня это пристрастие!»*

В известном смысле я завидовал тому, как он строил свои отношения с женщинами. На его фоне я смотрелся просто жалко. Но он вынужден был применять к женщинам силу. Отец был весьма успешным сутенером, но в семье не могли распутничать сразу двое. У отца было семнадцать детей, и все они стали замечательными людьми. Позже я встречался с некоторыми, и никто из них не превратился в такого психа, как я.

Как-то я посадил отца и сказал ему:

– Научи меня чему-нибудь. Что ты знаешь о жизни? Что можешь передать мне? Быть мне отцом.

– Я не могу научить тебя ничему, сынок, – ответил он. – Я знаю лишь Библию и сутенерство. А это не для тебя. Я знаю это, я видел тебя с женщинами.

Я попытался произвести на него впечатление своими очаровательными девушками.

– Ты простофиля, сынок. В этом нет ничего плохого, некоторые ведут себя так же, когда дело доходит до женщин, – сказал он. – Некоторые мужчины никогда не достигают такого уровня, чтобы держать женщин под контролем. Ты один из таких парней. Ты не знаешь, как разговаривать с женщинами. Ты не знаешь, как следует это делать. Ты целуешь их в рот. Б… дь, а ты знаешь, чем они занимаются в твое отсутствие? Они, б… дь, сосут мой член, или кто-то ссыт им в рот. А ты целуешь их, запуская свой язык в их рот, сынок.

Когда отец впервые пришел в гости, он вел себя весьма скромно. Но как только он увидел, что я с ним откровенен и дал ему денег, он стал более заносчивым.

– Честно говоря, я не знаю, действительно ли ты мой сын. Ты берешь женщину, затем еще кто-то берет ее, мы практически встречаемся друг с другом, – заявил он мне в конце своего пребывания. – А иногда ты просишь их собраться вместе. У меня было пять или шесть девушек в одном доме с твоей мамой…

Вон как! Он становился слишком бестактным и давал мне слишком много информации. Я не чувствовал в себе достаточно

сил, чтобы справиться с этим.

– Эй, приятель, остынь, – сказал я. – Я люблю свою мать. Ты мой отец, и я люблю тебя. Давай не будем говорить о тебе и о ней. Давай просто общаться, как отец и сын.

* * *

Были некоторые вещи, которые следовало завершить до начала исполнения наказания. Я был убежден, что мне предстоит угодить в тюрьму, поэтому я позвонил Натали, матери моего сына Д'Амато.

– Слушай, я сейчас собираюсь послать тебя сто тысяч долларов. Потом, пока я буду в тюрьме, я распоряжусь, чтобы тебе каждый месяц посылали некоторую сумму.

Как только она получила эти деньги, она пошла, наняла адвоката и предъявила мне иск на несколько миллионов. И это было замечательно, потому что много лет спустя, когда дело продвинулось, мой адвокат добился проведения по постановлению суда теста для определения отцовства, и оказалось, что малыш не был моим ребенком. Я заслужил это. Вот что случается, когда ты трахаешься с шлюхой. Это было еще одно жестокое предательство. Когда пришел результат этого теста, я был раздавлен. Я ведь, действительно, считал, что это мой ребенок. Я провел с ним много времени. Я даже гордо позировал с ним на обложке журнала «Джет». Та женщина несколько лет мучила и преследовала меня после этого теста на отцовство. Думаю, что в ее жизни больше не случится ничего светлого. Я не удивлюсь, если узнаю, что кого-то, кто был связан с ней, нашли в доме мертвым, или что-то в этом роде.

После того как мне определили меру наказания и провели необходимые процедуры, меня направили в Молодежный центр штата Индиана. Это была тюрьма среднего уровня безопасности, такие были созданы в 1960-х годах для богатых белых молодых правонарушителей, совершивших ненасильственные преступления. К 1992 году тюремная система штата Индиана была настолько переполнена, что в такие тюрьмы начали отправлять и взрослых правонарушителей, в основном осужденных за сексуальные преступления и правонарушения, связанные с наркотиками, которым было сложно находиться в настоящих суровых тюрьмах. Но время шло, и сюда стали направлять некоторых убийц и других лиц, совершивших насилие. Когда я здесь появился, в этой тюрьме было около 1500 заключенных, более 95 процентов из них – белые.

Меня распределили в сектор М, один из новых блоков. Мы там размещались в камерах на двух человек с армированными дверьми и небольшим окном вместо решетки. При входе в камеру налево были две койки, а направо – туалет и шкафчик для хранения своих вещей. Был также стол для занятий. Вся камера была восемь на девять футов[176].

В то время я не понимал, что находиться в тюрьме, даже за преступление, которого я не совершал, для меня было неприятностью, обернувшейся благом. Если бы я остался на воле, бог знает, что могло бы случиться со мной. Оказавшись запертым, я в первый раз в своей жизни мог отдышаться и успокоиться. Безусловно, было бы неверно полагать, что я сразу же обрел просветление и весь день пел христианские гимны. Когда я здесь оказался, я был зол, как черт. Я знал, что мне предстоит тут находиться не менее трех лет. Если бы на месте Дезире была белая девушка, меня бы заперли лет на триста.

Первые несколько недель тюремного заключения я находился в ожидании кого-то, кто испытает меня, проверит на слабость. Мне не терпелось доказать этим психопатам, что я так же одержим мыслью об убийстве, как и они, если не больше. Все эти звери должны были уяснить, что нельзя даже приближаться к моей камере или прикасаться к моему дерьму. Я был агрессивен, я готов был к войне.

Однажды, вскоре после того, как я попал в тюрьму, я прогуливался, и один парень заорал на меня: «Эй, Тайсон, гребаный прыгун из-за дерева!» Я понятия не имел, о чем он говорит. Я подумал было, что это такой комплимент, что я был великим спортсменом, способным демонстрировать удивительные проявления физической силы, например перепрыгивать через деревья. Но потом я решил уточнить.

– Прыгун из-за дерева, Майк, – это педофил-насильник, – пояснили мне. – Речь идет о парне, который поджидает за деревом гуляющих маленьких детишек, затем выскакивает из-за дерева и хватает их.

– О господи! – воскликнул я.

Несколько дней спустя я сидел в общей комнате, и рядом со мной сел один потрясающий заключенный. Он был чрезвычайно вежливым христианином, постоянно улыбался, его любили и уважали в тюрьме.

– Майк, ты не насильник, – сказал он, глядя мне прямо в глаза. – Я был рядом с тобой. Ты большой глупый парень, который любит повеселиться, но ты никого не насиловал. Я знаю это, потому что я сам – насильник. Я сделал это. Я зверски изнасиловал и оскорбил женщину. Ты когда-нибудь видел белую

женщину, которая приходит ко мне на свидание? Это не моя девушка, это моя жертва.

– Что?

– Теперь я пришел к богу, Майк. Я написал ей, и мы стали общаться. Она навещает меня. Так что я знаю, кто насильник, Майк, я знаю это.

В то время как я осваивался в тюрьме, снаружи разгорелись споры. Согласно опросам общественного мнения, значительное число людей подвергало сомнению вынесенный мне вердикт, в основном женщины. Подавляющее большинство черных также считало, что в моем деле не было справедливого судебного разбирательства. Даже один из присяжных, участвовавших в моем процессе, сказал журналисту, что никто из черных в пуле присяжных заседателей не хотел принимать участия в этом деле, потому что они боялись.

Я каждый день говорил с Доном по телефону, и он уверял меня, что работает над моим немедленным освобождением. Так что, можете представить мои чувства, когда 31 марта, через шесть дней после того, как я отправился в тюрьму, судья отклонил мою апелляцию. Я перестал принимать твердую пищу, ограничившись жидкостями. Затем я начал получать замечания от администрации. Меня наказали за то, что я дал автограф некоторым заключенным. Я стал весьма агрессивным, и мне записали нарушение дисциплины за угрозы в адрес охранников и других заключенных.

У меня как-то случилась перебранка с крупным молодым светлокожим негром по имени Боб. Вначале мы дурачились, но затем дело приняло более серьезный оборот, и он совсем уже собирался уходить, когда я поставил ему на макушку здоровенную шишку. Один из заключенных, Уайно, подошел к нам и посоветовал мне остыть.

– Ты ничего не сможешь доказать этим придуркам, – сказал мне Уайно. – Эти парни намерены здесь торчать еще долго, а тебе надо постараться как можно скорее вернуться домой, брат.

И он был прав. К счастью для меня, когда подошел охранник, Боб не сдал меня. Он сказал, что споткнулся. Иначе мне могли бы добавить еще несколько месяцев тюрьмы.

В таком месте, как это, трудно было сохранить человеческие качества. Я видел то, что не мог понять. Я не мог понять, зачем одно человеческое существо поступает так по отношению к другому. Я видел, как резали друг друга за сигарету. Как заливали бензин в чужой сотовый телефон, пытаясь сжечь его. Как набрасывались на женщину-охранника, чтобы затащить ее в туалет и там изнасиловать. Как охранникам наносили ножевые

ранения в голову и избивали их степлером. Тех, кто так поступал, уже ничего не волновало. Они уже были осуждены на сорок, пятьдесят, сто лет. Им не могли дать срок больше, чем у них уже был. Поэтому ничего не оставалось, кроме как общаться с этими, по существу, психопатами. Это было все равно что ходить по лезвию бритвы. Этих людей следовало бы скорее направлять в больницу, а не в тюрьму.

Первые несколько месяцев я был очень подозрителен. Я подозревал, что кто-либо, заключенный или охранник, мог подставить меня, подбросив мне в камеру наркотик, или спровоцировать меня на драку, чтобы мне добавили к моему сроку. Я хотел просто выжить, поэтому все время проводил в своей камере, никого не желая видеть. Иногда я заходил в кабинет начальника тюрьмы Тригга и спрашивал:

– Послушайте, я готов вернуться домой. Вам не кажется, что мне уже пора выйти отсюда?

– Нет, мне кажется, что вам уже пора возвращаться к себе в камеру, – отвечал он, вызывал охрану, и меня отводили обратно.

В один прекрасный день, когда я вернулся в камеру и закрыл дверь, один из белых заключенных закричал мне:

– Убирайся отсюда! Тебе нечего стыдиться! Я уже десять раз отсидел твой срок! Ты должен восстановить форму и заняться чем надо! Тебе надо опять драться! А ты проводишь время с алкашами!

Однажды у меня был скандал с белым охранником-расистом, и все заключенные стали выскакивать из камер, пытаясь вмешаться. Прибежали сторонники превосходства арийской расы из камеры на четверых, решив, что пострадал один из их парней. Поэтому охранник вызвал группу физического воздействия, и начался полный хаос. Народ кричал: «Вздрючь их, Майк! Убей, нах… й, эту свинью!» Это был настоящий бунт. Охрана вынуждена была запереть камеры, а меня отправили в карцер.

Карцер – это было еще то приключение. Меня бросили в камеру шесть на девять футов[177], где был только туалет и матрас на полу. Днем матрас убирали и заставляли меня спать на бетонном полу, чтобы мне было некомфортно.

Находиться в камере, где двадцать три часа в сутки горел свет, – достаточно жестокое испытание, но к этому можно привыкнуть. Ты сам составляешь себе компанию. Парадоксально, но в карцере ты обретаешь свободу. Никто не контролирует каждый твой шаг, как это бывает в общей массе. Карцер – это худшее, что может быть, но я через это прошел.

Первый год в тюрьме я был возмутителем спокойствия. На меня налагали взыскания за недостаточно быстрый шаг, грубость,

угрозы в адрес охранников, толчки. За мое поведение меня чуть было не отправили в камеру «Р», по существу, изолятор. Туда направляли по-настоящему опасных заключенных, которые не хотели работать или выполнять приказы. Они были изолированы от остальных заключенных. Я считал, что я один из этих гребаных психов, поэтому стал вести себя, как они. Они находились взаперти в камере весь день, и охранники постоянно следили за ними.

– Да пошел ты нах… й, ты, е… ный мудак! – кричали парни из камеры «Р» на охранников.

На окнах их камеры были экраны, и когда мы проходили мимо них, они кричали и на нас.

– Эй, чемпион, расслабься! Я слышал, ты там совсем одичал! Не стоит попадать к нам сюда, чемпион! Не связывайся, б… дь, с нами! – орали они.

– Эй, когда научишься вести себя, тогда и общайся с другими, – крикнул я в ответ.

– Х… й тебе, ты, чванливый любитель голубей, ты, ублюдок! – ответил мне парень.

После этого я успокоился. Я не хотел жить, как какое-нибудь животное. Ведь дошло до того, что в камере «Р» с окон сняли экраны и взамен поставили прочное стекло, чтобы нельзя было плеваться на проходящих мимо.

Я смирился с карцером. Почему бы и нет? Я вырос там, где воняло, словно в канализации.

Я был родом из выгребной ямы.

* * *

В декабре мы выяснили, что Дезире еще до судебного процесса по изнасилованию обсуждала вопросы о книге и фильме с адвокатами по гражданским делам. Теперь некоторые присяжные высказывали обеспокоенность тем, что они приняли неверное решение.

– В связи с тем, что я узнал, я не считаю ее надежным свидетелем, – заявил прессе Дэйв Валь, один из присяжных заседателей. – У нас было впечатление, что мужчина изнасиловал женщину. Оглядываясь назад, понимаешь, что, похоже, это женщина изнасиловала мужчину.

Он вместе с Роуз Прайд, еще одним членом жюри, направил письма в Апелляционный суд штата Индиана с просьбой организовать по моему делу новый судебный процесс.

Дезире попыталась противодействовать, выступив в

телепрограмме *«20/20»* и дав интервью журналу *People*. В июле она, наконец, подала на меня в суд по гражданским делам. Ее отец сказал, что дело было возбуждено, поскольку ей уже надоело выслушивать оскорбления со стороны Дона Кинга и моего адвоката по апелляционным вопросам Алана Дершовица. У Дезире был новый адвокат, которого звали Девал Патрик. Сейчас он – губернатор Массачусетса. Он же подал на меня в суд для компенсации неустановленного ущерба, причиненного Дезире Вашингтон в связи с эмоциональными и физическими страданиями. Он утверждал, что я наградил Дезире сразу двумя венерическими заболеваниями.

Вскоре после этого Эд Герштейн, адвокат, навязавший свои услуги Дезире, получил заключение Верховного суда Род-Айленда в отношении его соглашения с семьей Вашингтонов о представлении в суде их интересов. Среди прочего, суд указал в заключении, что, по его мнению, штату Индиана следует разобраться в этом вопросе, поскольку Дезире, возможно, давала ложные показания, заключая соглашение о возмещении ущерба с адвокатом еще в ходе своего перекрестного допроса на моем судебном процессе. Дершовиц сразу же ухватился за эту информацию, назвав ее «бесспорным доказательством», способным привести к отмене моего приговора. Он также назвал Дезире «стяжательницей и аферисткой, а вдобавок еще и лгуньей».

9 июля пять сотен человек пришли на митинг в центре Индианаполиса, чтобы поддержать меня. Для выступления на митинге приехала член муниципального совета Комптона, которая заявила:

– Мы не позволим Дезире избежать наказания и использовать нас в качестве инструмента для уничтожения одного из величайших людей, которого мы когда-либо знали.

Но спустя месяц судья Гиффорд вновь разбила мои надежды. Она отказала мне в новом судебном разбирательстве и подтвердила прежнее решение о том, что Дершовиц не может допрашивать Дезире под присягой о ее соглашении с адвокатом по гражданским делам. Она восприняла это как личную обиду, заявив, что была шокирована попыткой Дершовица «пойти на обман суда».

В октябре 1992 года я хотел поехать на похороны отца, но мне не позволили. Меня, действительно, пытались сломать. Я по-прежнему получал суровые взыскания за незначительные нарушения, наращивая свой срок. За похороны я заплатил фактически дважды: одну сумму я послал на север, другую – на юг, в Северную Каролину. Мой племянник рассказал мне, что

гражданская жена отца была в ярости, потому что весь первый ряд был занят его бывшими проститутками, которые пришли отдать ему дань уважения.

После Нового года в моем деле произошли крупные события. 12 января в журнале *Globe* была опубликована скандальная статья о том, что Дезире не была столь невинна, как ее изображала сторона обвинения. Журналисты опросили ее друзей, и все заявили, что она была весьма искушенной в вопросах секса. Одна подруга даже сказала, что Дезире заявила об изнасиловании только после того, как ее отец узнал, что она занималась сексом со мной, и пришел в ярость.

В конце января телепрограмма *Hard Copy* выпустила специальную одночасовую передачу под названием «Обоснованные сомнения», которая была посвящена моему делу. Когда Дезире ранее выступала на телепередаче *«20/20»*, она заявила Барбаре Уолтерс, что сняла бы обвинения против меня, если бы только я извинился перед ней. И Дершовиц ухватился за это.

– Можете ли вы представить, чтобы кто-либо заявил, что готов принять извинения за то, что был изнасилован? – спросил он.

15 февраля Апелляционный суд штата Индиана выслушал доводы в связи с моей апелляцией. До слушания дела судьи, наконец-то, обнародовали соглашение с адвокатом Дезире по гражданским делам. У Дершовица было четыре основных спорных вопроса, подлежащие разрешению суда, которые, по его мнению, могли служить основанием для отмены приговора: исключенные из процесса свидетели, которые видели, как мы с Дезире целовались и обнимались, исключение из процесса инструкции для жюри о «подразумеваемом согласии», обнародование записи разговора по 911 и соглашение с Герштайном для возбуждения против меня гражданского иска. Многие юристы, в том числе Марк Шоу, считали, что Гиффорд наделала достаточно ошибок, чтобы требовать новое разбирательство дела.

После заслушивания доводов в связи с моей апелляцией разразилась еще одна сенсация, которая касалась утверждений Дезире относительно изнасилования. Уэйн Уокер, школьный друг Дезире, заявил, что Дезире сказала своему отцу, что он, Уэйн, изнасиловал ее, а затем сказала Уэйну, что она сделала это, «чтобы прикрыть себя… иначе я была бы в большой беде». Уокер сообщил радиопрограмме ESPN Radio, что, когда он услышал, как Дезире обвиняет меня в изнасиловании, «первое, что пришло мне в голову, было: «Она снова занялась этим»».

Позднее в том же месяце газета *New York Post* сообщила, что в

октябре 1989 года Мэри Вашингтон добилась ареста Дональда и выдвижения против него обвинения в нападении на Дезире и ее избиении. Дезире сообщила полиции: «Отец ударил меня и толкнул под раковину… Он швырял меня о стены и на пол. Я освободилась и потянулась за ножом, чтобы защитить себя».

Что могло заставить отца напасть на Дезире? Давая показания по моему делу, ее мать утверждала, что ее муж «сорвался с цепи», когда Дезире сказала ему, что лишилась девственности. Ее мать была настолько обеспокоена этим, что она организовала для Дезире «психотерапию в связи с тяжелой депрессией и угрозой самоубийства».

Таким образом, мать Дезире подтвердила, что Дезире потеряла девственность в октябре 1989 года, именно тогда, когда ее друг Уэйн сказал, что они занимались сексом и она ложно обвинила его в изнасиловании. В ответ на скорректированную кассационную жалобу моего адвоката Дезире, конечно же, сделала письменное заявление под присягой, что она никогда не занималась сексом с этим мальчиком:

– Я категорически и безоговорочно отрицаю, что Уэйн и я когда-либо вступали в половой контакт с проникновением. Я также категорически и безоговорочно отрицаю, что я когда-либо обвиняла Уэйна в изнасиловании меня.

Была только одна проблема. Дершович нашел еще одного мальчика, Марка Колвина, друга Дезире, который заявил, что то, в чем поклялась Дезире, было ложью:

– Мне очень не хотелось выступать с этой информацией, потому что я по-прежнему считаю Дезире Вашингтон своим другом. В конце 1989 года она позвонила мне по телефону и призналась, что у нее был половой контакт с Уэйном Уокер… Она также сказала, что после того, как это случилось, она пошла в туалет и плакала там.

Ох, как можно все запутать! Перемотаем с этого момента события на два года вперед. Остается только удивляться, что сказал и что сделал отец Дезире, когда она сказала ему, что имела секс со мной. Очевидно, в данном случае перед нами не самая крепкая семья.

С Дершовицем, который взялся за мое дело, я чувствовал себя довольно уверенно в отношении своих апелляций. Поэтому я был ошеломлен, когда 7 августа проиграл апелляцию в Апелляционном суде штата Индиана. Два «за», один «против» – двоим судьям показалось, что Гиффорд не допустила злоупотребления при принятии решения об отказе в выступлении на суде моих самых важных свидетелей. Один судья занял мою сторону. Судья Патрик Салливан писал: «Пересматривая записи

всего дела, я прихожу к неизбежному выводу, что в отношении него (Тайсона) не было требуемой объективности, которая имеет огромное значение для системы уголовного судопроизводства». Другими словами, этого ниггера нае… ли. Я окончательно утратил всякое доверие к нашей системе, которое у меня еще оставалось. Как всегда, это был просто грязный бизнес. Поэтому я ничуть не удивился, когда спустя шесть недель Верховный суд штата Индиана отказался даже рассматривать мою апелляцию.

Взгляните, почему они так поступили. Для рассмотрения моего дела необходимо было большинство хотя бы в один голос: трое «за», двое «против». И я бы получил этот голос, если бы не ситуация с судьей Рэндаллом Шепардом, либеральным членом суда, который был исключен из дела из-за конфликта интересов. Судья ходил на 20-ю встречу выпускников Йельской юридической школы, и Дершовиц столкнулся там с его женой, когда она возвращалась из дамской комнаты.

Чуть позже судья Шепард писал:

«Как она сообщила, она рассказала Дершовицу, что видела, как он спорил в Апелляционном суде штата Индиана по поводу запроса о возможности залога, и высказала мнение, что по мере продвижения своей апелляции ему следует привыкать к тому, как в штате Индиана относятся к таким вещам… Я согласен,… что этот разговор был неуместен. Моя жена не юрист, и она не в полной мере оценивает причины, по которым такие разговоры считаются предосудительными… Она очень сожалеет, что завязала эту беседу, и находится в этой связи в замешательстве. Мое собственное решение не раскрывать причины отзыва моих полномочий было продиктовано желанием защитить свою жену от чувства неловкости, которое она могла бы испытывать в связи с публичным раскрытием информации и дискуссией по поводу ее поведения».

Похоже, жена Шепарда дала Дершовицу некоторые советы по поводу того, как выиграть мою апелляцию. Но судья не хотел, чтобы возникло впечатление, что его голос был навязан мнением жены. Чтобы спасти ее репутацию, он пожертвовал моей черной задницей. Результат окончательного голосования без Шепарда – 2:2, и этого было достаточно, чтобы отказать мне.

Теперь я уже не надеялся выбраться из тюрьмы. У меня ушло около тринадцати месяцев на то, чтобы понять, как мне правильно отбывать срок. Весь мой первый год был адом, к моему сроку добавились месяцы. Я был подозрителен ко всем. Меня посадили в камеру с парнем по имени Эрл, который был типичным заключенным. Он был осужден на тридцать лет за продажу наркотиков, что означало, что он должен был отсидеть,

по крайней мере, пятнадцать. Администрация полагала, что это для меня самый подходящий наставник, который убережет меня от различных неприятностей.

В первый же вечер, когда мы оказались вместе, я взял карандаш и сделал им угрожающее движение.

– Я, б… дь, убью тебя, если только ты хотя бы прикоснешься к моему дерьму, ублюдок. Для тебя будет лучше, если ничего не пропадет, – сказал я. – И здесь не чистилище и не исповедальня, поэтому нечего со мной разговаривать.

Эрл посмотрел на меня с удивлением.

– Что за черт? Эй, Майк, я не тот парень, – сказал он. – Я с тобой, брат. Я здесь, чтобы помочь тебе. Не увязни в этом дерьме. Можно все устроить так, что у тебя будет полная задница свободного времени. Я знал парней, которые приходили сюда на год, на три года, и они за это время устраивали свою жизнь. Ты просто пока не знаешь, как себя вести, мой брат. Я нужен тебе, чтобы научить, как вести себя, и если здесь все устроить, то оно пойдет легко и просто.

Мало-помалу Эрл обучил меня необходимым премудростям. Мне понадобилось некоторое время, чтобы понять это, но Эрл был удивительным человеком. Мы ходили по камере, и Эрл растолковывал мне, что к чему:

– От вон тех ублюдков держись подальше, Майк. И никогда не разговаривай вон с теми копами. Даже не здоровайся с ними, просто все время держи рот на замке. Послушай, не удивляйся, если ты видишь, что я сосу чей-то член или трахаю кого-то в задницу. Я никогда этого не делаю, но если ты вдруг увидишь такое, то не удивляйся. Просто никогда не удивляйся ничему, что бы ты ни увидел здесь, ясно? И ничего не комментируй, просто держи рот на замке. Если увидишь кучу ниггеров, которые кого-то избивают, просто иди дальше. Не смотри на них, не дай им заметить, что ты видел их. Все, что ты здесь видишь, ты на самом деле не видишь. Если кто-то кого-то трахает, просто занимайся своим делом. Никаких шуток или комментариев, потому что это его жена, ниггер. Если ты проявишь неуважение к чьей-нибудь жене на улице, то тебе надерут задницу, то же самое и здесь.

И он был прав. К тому, что происходило в тюрьме, нельзя было применять обычные стандарты. Рассуждая о гомосексуализме на воле, вы можете представлять себе некоего беззащитного, безропотного бедолагу, которым можно просто воспользоваться. Здесь все было не так. Эти люди были бойцами, они могли моментально прикончить тебя. Ты видел, как по двору прогуливаются, держась за руки, два здоровенных, сильных парня. И ты уважал их, потому что в противном случае ты мог

иметь очень серьезные проблемы. В тюрьме любой способен на убийство – и неважно, выглядит ли он крутым шкафом или хиляком.

Через некоторое время я научился видеть человеческое в каждом, даже в охранниках с расистскими взглядами. Когда я стал узнавать их ближе, когда они начали рассказывать, что у них кто-то умер в семье или что у них проблемы с женой, меня уже не заботило, член ли он негритянской банды, или нацист, или мексиканский бандит.

Когда я убедился в том, что эта система работает, я начал использовать это в своих интересах. В этом мне помог заключенный, которого звали Бак. Он был из Детройта, отбывал пожизненное заключение, которое заменили на пятнадцать лет. Я каждый день получал кучу писем со всего мира. И однажды Бак в моей камере просматривал эти письма.

– Хм-м, Майк. Хочу сказать, что ты не умеешь читать своих писем, – сказал он.

– Что ты имеете в виду, ниггер? – спросил я. – Я умею читать.

– Ты можешь читать, но ты не умеешь их читать *на подсознательном уровне*. Здесь есть послания. Люди не хотят задеть твоих чувств, потому что ты – знаменитый боксер, и они считают, что у тебя куча денег, но они употребляют слова так, как ты не привык, потому что ты не так долго ходил в школу, Майк, – сказал он.

То, что он говорил, было неприятно, но он не хотел оскорбить меня.

– Смотри, вот эта девчонка пишет: «Если вам когда-нибудь что-нибудь потребуется, то, что я могла бы сделать, пожалуйста, дайте мне знать». Видишь, это не значит: «Если я могла бы сделать что-нибудь для вас», это означает: «Я хочу сделать что-нибудь для вас, вам достаточно просто сказать мне об этом». Или возьмем другое письмо: «Я бы хотела познакомиться с вами и развивать наши отношения, как человек с человеком». Послушай, что означает, что она хочет улучшить твой статус в жизни, здоровье и благополучие. Это означает, что, если тебе что-нибудь понадобится, она готова выручить тебя.

Майк, у нас сейчас уникальная ситуация. Мы можем заработать кучу денег. Времена для тебя сейчас не особенно хороши. Ты потратил кучу денег на адвокатов. Судя по всему, тебе придется тратить еще тонны денег для той суки, которая судится с тобой. Тебе нужны деньги для продовольственного магазина. Каким образом ты собираешься хорошо питаться? Ты не можешь есть эту еду в общей столовой.

– Ты прав, мне нужны деньги для продовольственного

магазина, – согласился я.

И я послушался Бака. Он брал мои письма, сочинял ответы, и деньги потекли рекой. Мы получали деньги, ювелирные изделия, валюту, мы тонули в деньгах. Однажды Войлес получил звонок от одного из тюремных надзирателей.

– У нас проблемы с Майком и продовольственным магазином, – сообщил Джиму надзиратель Славен.

– И что это за проблемы?

– Он получил на свой счет для пользования магазином сто тысяч долларов, – сказал Славен.

Но вскоре я начал беспокоиться, потому что некоторые хотели приехать и навестить меня. Что было делать? Я понятия не имел, что Бак писал им. Я не исключал, что он готов был женить меня на некоторых из этих женщин. Я стал подозревать, что это была ловушка.

Мне следовало разорвать Бака за это, поэтому я велел ему, чтобы деньги высылались моей «сестре» или «тете», чтобы в последующем Бак мог забрать эти деньги у тех, кому они приходили. Бак вышел из тюрьмы, а письма стал писать молодой бандит по прозвищу Рэд. Ни с того ни с сего Рэд начал щеголять в шикарных новых часах и стал похож на сутенера в бриллиантовых кольцах и цепочках.

Однажды появилась девушка из Англии, которая хотела видеть меня. Это была девушка, которой Рэд писал. В это время он был в карцере и просил меня встретиться с ней. Он не предупредил меня, что у них были бурные отношения и что они поссорились. Итак, я вышел к ней, думая: «Это будет здорово!»

Мы сидели в комнате для свиданий, девушка держала младенца. И вдруг она набросилась на меня:

– Где моя алмазная цепочка? Где часы, которые я тебе дала? Я хочу, чтобы ты вернул их, ты, подонок!

Вот это да! Я не хотел выслушивать это дерьмо от какой-то безумной леди, которую я даже не знал. Я крикнул охраннику: «Я готов уйти!» – и ушел.

Подозреваю, она обратилась с жалобой к администрации, и началось расследование. Ко мне пришел парень, ведущий это дело, и спросил: «Вы не знаете эту девушку, не так ли? Она никогда не давала вам никаких украшений, верно?» Он знал, что я имею к этому какое-то отношение, но администрация не хотела от отдела внутренних расследований никакого допроса с пристрастием.

– Нет, сэр, я ничего не знаю об этом. Я никогда не писал этой девушке, – сказал я.

Тюремщики были очень обеспокоены тем, что им может быть

предъявлено обвинение, поскольку это была тюрьма штата. Они продолжили расследование, поймали Рэда и избавились от него.

Вероятно, вам интересно знать, как я, молодой, зрелый мужчина, справлялся в тюрьме со своими естественными сексуальными желаниями? Что ж, я получал кое-что в тюрьме благодаря одному небольшому белому заключенному. Я видел, что к этому парню приезжала девушка, которая однажды приехала беременной. Я думал, что у нее это чей-то чужой ребенок и что она хочет сообщить ему эту новость, но было совсем не похоже на это. Они целовались буквально взасос. Тюремщики совершенно обалдели и решили поддеть его.

– Неужели тебе все равно, что у твоей жены чужой ребенок? – поинтересовались они.

– Послушайте, это мое личное дело. И не лезьте в него, – ответил он.

Я спросил его, как же все обстоит на самом деле, и он рассказал мне вот что:

– Майк, это мой ребенок. С тех пор как я здесь, у меня их уже двое. А происходит это вот как. Твоя девушка приходит в нижнем белье с вырезом в межножье и в свободном летнем платье с пуговицами спереди. Но надеть его она должна задом наперед, чтобы пуговицы оказались на спине. Ты запрашиваешь визит вне помещения, и вы отправляетесь во двор, в тот угол, где стоят закусочные столики. Она сидит у тебя на коленях, отвернувшись от тебя, и тебе остается только войти в нее. Там нет камер, за вами следит лишь один охранник, который наблюдает за всеми заключенными во дворе.

Этому парню не следовало бы рассказывать мне все это, блин. Поскольку я оказался в тюрьме несправедливо, я и подумал: *«С какой стати я должен отказываться от секса? Я ведь не совершал этого преступления. Почему я должен перестать заниматься сексом?»* Такая была у меня психологическая установка. Я воспользовался почтой моих почитательниц и выбрал девушек, которые мне понравились больше всего. Я написал им: «Привет! Не хочешь навестить меня? Я пришлю тебе номерок на право посещения». Я дал им все необходимые инструкции о свободном платье и нижнем белье. Надо полагать, они решили, что нам предстояло что-то, от чего мы сгорим со стыда.

Когда пришла первая такая девушка, я уже сидел во дворе. Я не мог подняться и поздороваться с ней, поскольку сидел и думал о всяких непристойностях, так что был вполне готов к нашей встрече. Она подошла и поцеловала меня, а я развернул ее и – ух!

Возможно, у нее был СПИД или что-нибудь еще такое. Я поступил совершенно опрометчиво. Я просто плюхнул ее на себя,

даже без презерватива.

Господи, я даже не знал эту девушку! И мы занимались этим средь бела дня!

Через некоторое время я овладел этой наукой в совершенстве. Как только девушка садилась мне на колени, я брал ее за руку и начинал поглаживать, задавая ритм, так что невозможно было даже заметить, что она двигалась. Потому что, если делать это слишком активно, она могла слишком сильно раскачиваться, блин, словно на батуте, а так не годилось.

И все было нормально, пока я не сглупил. В один прекрасный день я не смог контролировать себя. Я раскрыл свои карты и стал заниматься этим, не таясь. А дальше случилось вот что. Оказалось, что охранник покинул свой пост и кружил поблизости. Он подкрался ко мне сзади и увидел, что происходило. Наверное, кто-то настучал на меня, потому что охранники никогда не покидали своего поста у окна. В результате меня исподтишка как следует огрели.

В это же время одна девушка из Атланты, навещавшая меня, опубликовала статью в журнале *Star*. Она утверждала, что я обрюхатил ее в тюрьме, и в подтверждение представила свою фотографию с большим животом. Слава богу, что это была подделка, большой живот был фальшивкой. Она специально соорудила его, чтобы продать эту историю дешевому журналу. Я вздохнул с облегчением, но на моих маленьких сексуальных похождениях был поставлен крест. Для всей тюрьмы были отменены визиты вне помещения. Все были злы на меня. Это даже назвали «правилом Тайсона».

Эрл был готов выйти из тюрьмы. До того как это случилось, он усадил меня напротив себя:

– Когда я выйду, я бы хотел, чтобы ты держался Уайно. Он здесь единственный нормальный парень. Будь осторожен со всеми остальными парнями, Майк. Ты – заключенный, а эти ребята – осужденные преступники. Они готовы заниматься своим грязным делом до самой смерти. Так что держись Уайно, уж он не втянет тебя в какое-нибудь дерьмо.

К этому времени я уже был знаком с Уайно, но мы с ним не были близки. Это произошло, когда он перебрался в мою камеру. Мы, на самом деле, стали настолько близки, что он до сегодняшнего дня работает со мной. Уайно практически «рулил» тюрьмой. Он оказался в тюрьме за торговлю кокаином. Но раньше он был ИТ-шником, поэтому он работал в Системе учета заключенных. Кроме того, он был старшим камеры, помощником тренера сборной баскетбольной команды и лидером исламской общины. Он был из Индианаполиса, а значит, в детстве ходил в

школу с теми же охранниками. Не исключено, что кокаин он загонял им же.

Я должен был работать в секции восстановления. Думаю, что мне дали эту работу, чтобы я мог ходить в спортзал и тренироваться. Но большую часть времени я висел на телефоне. Я был реальным телефонным свином. Как только после завтрака завершалась поверка, я хватался за телефон. Телефон был в каждой камере, однако действовал принцип «первым пришел – первым обслужен» с журналом регистрации. Я регистрировал кого-нибудь, а затем обменивал вакансии на звонки на пару пачек сигарет.

Я всегда говорил, что мне надо обсудить то или иное, блин, или проконсультироваться со своими адвокатами, но большую часть времени я болтал со своими друзьями и девушками.

– Тайсон, ты опять висел на телефоне целый час, – возмущались другие заключенные.

– Это, б… дь, правовой вопрос, ясно? Иди, жалуйся надзирателю, – отвечал я.

Я относился к телефону так, словно это была пуповина, соединявшая меня с внешним миром. Это был важный урок, который я усвоил в тюрьме. Уайно объяснил мне, что иногда, если ты пытаешься сохранить связи с внешним миром, это может сделать твой срок в тюрьме только тяжелее. Я уяснил, что у тюремных ворот следует напоследок окинуть взглядом все свои автомобили, все свои деньги, боксерские перчатки, чемпионские пояса, своих женщин, свои украшения, сотовый телефон, все это говно, потому что до твоего возвращения этого больше не будет существовать. Но я был избалованным ребенком. Я не желал следовать этим правилам, потому что я думал, что мог изменить их, хотя они и были высечены в камне. Однако не получалось.

У меня были близкие друзья по вечеринкам, кто готов был говорить со мной в любое время, по всей стране. У одного из них была даже выделенная телефонная линия для меня. Он выбирался на вечеринки, я звонил ему на сотовый телефон, и он подключал к линии девушек.

Когда я не болтал по телефону, я читал в своей камере. Судья хотел, чтобы я получил аттестат зрелости, поэтому я начал учиться с Мухаммедом Сиддиком[178], который стал моим духовником. У меня не было никакого желания заниматься математикой или каким-нибудь другим подобным дерьмом, поэтому я начал изучать китайский с преподавателем, которого привел Сиддик. Я смог достаточно хорошо изучить китайский, так что, когда несколько лет спустя я ездил в Китай, я мог поддерживать разговор.

Я был увлечен чтением. Ничто не помогает так коротать время, как чтение толстых книг. Мы с Уайно каждый вечер читали друг другу в своей камере. Один брал книгу, другой – энциклопедию или словарь, так что, когда мы натыкались на слово, которого не знали, мы могли посмотреть, что оно означает. Мы даже использовали эти слова в своей речи, так что мы их действительно усваивали.

Мне доставила настоящее наслаждение *«История цивилизации»* Уилла Дюранта. Я читал книги Мао, Че, Макиавелли. Я читал Толстого, Достоевского, Маркса, Шекспира, кто там еще. Я читал Хемингуэя, но он был слишком большим занудой. Мне больше нравилось читать бунтарские, революционные книги. Моей любимой книгой был роман *«Граф Монте Кристо»* Александра Дюма. Я отождествлял себя с главным героем Эдмоном Дантесом. Он тоже был оклеветан врагами и брошен в тюрьму. Но он не сидел там сложа руки и предаваясь размышлениям, он готовился к побегу и мести. Всякий раз, когда я чувствовал себя в тюрьме потерпевшим поражение, я читал что-нибудь из Дюма.

Прежде всего, я был обозлен на общество и считал себя мучеником. Я любил повторять, что, когда умирает тиран, его правление заканчивается, но когда умирает мученик, его царствование только начинается. Поэтому, когда я прочел Мао и Че, я еще больше настроился против системы органов государственной власти. Я так усердно изучал Мао, что сделал на своем теле татуировку его лица. А также Артура Эша[179]. Мне очень понравилась его автобиография, я понятия не имел о том, что он был таким крутым и талантливым.

В тот чертовски долгий март я принял концепцию Мао. Я поставил себе целью любым возможным для меня способом воздействовать на систему. Для этого я выискивал самого слабого, самого молодого охранника либо охранника, который был под впечатлением от того, кто я такой.

Оказавшись с Уайно вместе в одной камере, мы стали неудержимы. Уайно держал в своей камере припасы, он вел натуральный обмен продовольственными товарами с другими заключенными по ставке два к одному. Если ты хотел пакетик чипсов, но у тебя не было денег для магазина, ты шел к Уайно. Он давал тебе этот пакетик, делал пометку, и ты был должен ему два пакетика.

Еще до того, как нас поселили в одной камере, я предложил ему:

– Брат, если тебе что-нибудь надо из того, что есть у меня, бери это. Возьми какой-нибудь бульон.

И он ответил:

– Майк, мне ничего не надо. Если ты что-нибудь дашь, я это просто продам и сделаю на этом деньги, вот и все.

Я дал ему кучу разного барахла, и к тому времени, как я переехал к нему, наши запасы товаров были так велики, что он должен был хранить их в камерах других заключенных.

Мы торговали обычными товарами продмага: печеньем, чипсами, сигаретами, – но я решил использовать в наших интересах свою славу. Меня только что навестила Майя Энджелоу[180], и мы вместе сфотографировались. Однажды вечером я был голоден, а у одного парня были пончики, которые мне хотелось.

– Эй, брат, у меня есть снимок королевы интеллекта нашего народа, Майи Энджелоу. Взгляни на него. Стоит, по крайней мере, пятьдесят баксов, – сказал я.

Этот парень был так тронут фотографией, что он плакал. Он частями отдавал по десять баксов, и таким образом смог выплатить 50 долларов. Я проворачивал такое дельце всякий раз, когда меня навещал кто-то из знаменитостей.

Некоторые фанатки, которые писали мне, присылали свои неприличные фотографии, и я продавал отдельно фотографии и письма. Иногда кто-то хотел фактуры для мастурбации, кто-то желал завязать отношения. Порой я продавал фотографии и письма в комплекте. С учетом изображения девушки я прикидывал, какому парню она могла бы подойти. Если у меня была фотография девушки, допустим, из лесной местности Среднего Запада, я шел к одному из деревенских парней и говорил: «Попробуй вот ее». Забавно, но некоторые из этих ребят стали списываться с этими женщинами и в конечном итоге женились на них.

Затем мы перешли с неприличных фотографий на секс по телефону. Когда в Индианаполисе семь утра, в Лос-Анджелесе четыре ночи. В это время из клубов расходятся, а я делал своему другу оплаченный телефонный звонок. У него были записаны девушки, готовые к такому мероприятию.

– Игра начинается! – объявлял он, приняв звонок за счет собеседника. Мы брали с парней плату за прослушивание, а девочки занимались сексом. Иногда я уточнял имя парня и сообщал его девушке, чтобы привести в полное соответствие ее разговор с ним.

– О-о, Джон, ну давай же, давай! Я возбуждена, я кончаю! – стонала она. И Джон с лихвой платил за это дерьмо.

Я таким образом даже приобретал подружек во внешнем мире. У меня был приятель в Чикаго, который держал в городе

секс-клуб, я направлял к нему девушек, которые мне писали мне из Чикаго, чтобы он мог проверить, насколько они хороши. Это были инвестиции в будущее. Если они были хороши, я встречался с ними после выхода из тюрьмы.

Мы с Уайно крутились и проворачивали свои дела, как сумасшедшие. Мы расширили нашу лавку еще на семь или восемь камер. Уайно вел строгий учет, и если кто-то не хочет расплачиваться с нами, я выступал в роли вышибалы:

– Ты, ублюдок, ну-ка отдавай деньги!

Я наносил им небольшой визит, и излишне говорить, что, даже если им приходилось одалживать у кого-нибудь, нам платили.

Мы жили как короли. Уайно наладил связи с арийскими парнями, которые работали на кухне, и некоторыми коррумпированными охранниками, которые тайком переправляли разное дерьмо для заключенных, поэтому я никогда не появлялся в общей столовой, если только там не подавали мороженое.

По вечерам мы просто расслаблялись в своей камере, и охранники доставляли нам любые блюда, которые мы заказывали: пиццу, китайские блюда, цыплят из «Кентукки фрайд», гамбургеры из «Белого замка» – все, что угодно. Иногда мы даже ели омаров и барбекю. Подозреваю, что Уайно вообще в первый раз попробовал жареные креветки с рисом, находясь в тюрьме. Как-то он читал вслух какую-то книгу о Клеопатре, и у нас возникла дискуссия на эту тему. Было полное впечатление, что мы находились в общежитии университетского колледжа, перекусывая. Когда нам хотелось настоящей домашней еды, я просил Сиддика, чтобы его жена приготовила нам вкусных стейков из красной рыбы и салата.

Мне хотелось камеру большего размера. Мы с Уайно как-то побывали у нашего приятеля Деррика, он жил в угловой камере, которая была намного больше, чем обычная. Мне требовалось больше места. Блин, одна только моя почта занимала у нас массу места.

– Уайно, я не могу больше жить в этом дерьме, нам нужна камера побольше, – сказал я. – Надо встретиться и переговорить.

Он договорился о встрече с мистером Тернером, который курировал наше отделение и подчинялся мистеру Далтону, который, в свою очередь, отвечал за все камеры. Мы сели, и Уайно приступил к изложению нашего дела относительно камеры, большей по размеру. Он умел это делать, поскольку он, как правило, представлял других заключенных на переговорах с администрацией. Он вел речь весьма дипломатично, излагая Тернеру по пунктам наши «законные нужды» и интересуясь, не

сможет ли администрация «рассмотреть нашу нижайшую просьбу». Но, к моему разочарованию, все сорвалось. Нам не удалось преодолеть административные рогатки.

– Мистер Тернер, сэр, когда вы с мистером Далтоном на выходных выбираетесь поохотиться на оленей и устроить шествие с горящими крестами[181], не могли бы вы также позаботиться обо мне и о моем брате, который торчит здесь, и перевести нас в более просторную камеру?

Тернер побледнел. Он стал более бледным, чем обычно.

– Да, мистер Тайсон, мы рассмотрим этот вопрос незамедлительно.

Излишне говорить, что нам не досталась более просторная камера.

В нашей платежной ведомости числился тренер по баскетболу. Он был охранником и тайно передавал нам еду и мой любимый бриолин для волнистости волос. Я знал, что жадность является основой человеческого существа. Я знал, что всегда можно заплатить, и для тебя сделают любое дерьмо. Купить людей довольно дешево. Но я до конца этого не понимал, поэтому постоянно переплачивал.

Однажды я сказал ему: «Эй, можешь добыть мне какую-нибудь шлюху?» Он даже не вздрогнул. Он стоял, и на его лице было написано: «Сколько вы хотите?»

– Послушай, не требуется даже копать слишком глубоко, хорошо? Могу я трахнуть прямо здесь какую-нибудь охранницу? Может она прийти? Я дам ей тысячу баксов.

Он стал прикидывать свою долю.

– Майк, ты это серьезно? Я могу поговорить с одной шлюхой прямо сейчас. Я знаю эту суку по клубам, Майк. Она может с тобой перепихнуться.

И это предлагал охранник! Я ожидал, что он скажет что-то вроде: «Не беспокойтесь об этом. Отложим этот вопрос, я посмотрю, что можно будет сделать», – но он легко поверил и был готов на все. Я поэтому слегка занервничал, как бы мне не попасть в беду.

– Брат, ты ведешь себя как дикарь, – сказал мне Уайно. – Иди в камеру и умойся, брат. И веди себя как деловой человек.

И я отказался от этой идеи.

Здесь постоянно пытаются сломить твой дух. Если видят, что у тебя есть друг, который помогает тебе мотать срок, его забирают и отправляют прочь. Среди ночи так поступили и с Уайно: отправили его в Вабаш, в совершенно новое заведение четвертого, самого высокого уровня безопасности. Уайно лихорадочно записывал номера телефонов своей сестры и друзей,

чтобы я мог позвонить им и сообщить, куда его перевели.

Это заставило меня ненавидеть начальника тюрьмы Тригга. Я должен был придумать, как отомстить ему. Его достаточно сильно не любили. Каждый раз, когда он выходил во двор, заключенные выкрикивали: «Ты, е… ный ниггер, смахивающий на Джорджа Джефферсона![182] Ты просто дядя Том!» Я вспомнил, что ему очень понравилась моя подруга, которая навещала меня. Это была красивая мулатка, и он позволял ей приходить, даже если ее не было в утвержденном списке. У Тригга на территории тюрьмы был дом, и я предложил ей: «Иди к нему домой и повеселись там. Пусть он позволит какие-нибудь вольности, и тогда мы можем сказать, что он приставал к тебе». Я был тогда по-настоящему ожесточен и настроен на что-нибудь весьма неприглядное, но затем настроение у меня изменилось, и мы не стали осуществлять этот план.

В то время я нормально уживался с остальными заключенными. Я чувствовал, что в тюрьме я был большим подлецом, может быть, даже бóльшим, чем на воле. Эгоизм у меня был беспредельным. Но все знали, что в душе я был нормальным парнем, в этом плане я вполне соответствовал тюремным меркам. Белый ты, или черный, или кто-то еще, если тебе нужно что-то, что есть у Майка, он тебе это даст. Я ни перед кем не был в долгу.

К тому моменту, когда Уайно перевели, я был просто образцовым заключенным. Все это время я не пил, не курил никакой травы. Мне никто не продал бы, даже если бы я и захотел. Все хотели, чтобы я восстановил форму и, выйдя из тюрьмы, вновь начал драться.

Но я не мог отказаться от секса, поэтому я попытался получить это в рамках системы. Это случилось, когда меня заставили пойти на консультации по наркотической программе. Если ты проходишь тест, то твой срок сокращается, поэтому все, от тюремного надзирателя и Дона до заключенных, побуждали меня пройти эти курсы. Даже нарколог подошла ко мне и сказала: «Я могу помочь вам сократить свой срок на шесть месяцев». Я же не хотел всего этого, потому что я тогда, блин, и так не баловался наркотиками. Но этот шаг, действительно, мог сократить мой срок, так что я пошел на курсы, которые вела эта милая дама. Она была немного крупновата, но дареному коню в зубы не смотрят. Я был на курсах уже несколько дней, когда она подошла, чтобы проверить мою работу. Я не знаю, что на меня нашло, но я прошептал ей на ухо:

– Как дела?

Мне безумно хотелось добиться ее. Однако она обернулась ко мне и заговорила со мной совершенно по-уличному:

– Мальчик, если бы кто-нибудь другой сказал мне это, я бы немедленно отправила его прямо отсюда в Пендлтон[183]. Ты пришел сюда, чтобы домогаться меня? Даже убийцы не предлагали мне такого дерьма.

– Нет, я не из тех людей, – сказал я. – Я просто вижу, что кому-то нужна помощь, как и мне. Мы в такой ситуации, что нам обоим нужна помощь. Извините, я не хотел этого говорить, но я видел, что как-то вы пришли вместе с сыном. Я вижу, что вы не очень-то ладите, поэтому, если надо в чем-то помочь, пожалуйста, дайте мне знать. Извините.

– Я напишу на тебя жалобу и ты получишь предупреждение от администрации, ублюдок!

– Я все это говорю всерьез.

Тогда она рассказала мне, что во время последнего ливня у нее в доме обвалилась крыша, и я подумал: *«Есть!»*

– Значит, у вас в доме обвалилась крыша, и у вас там ребенок? Могут появиться бродячие собаки и укусить его. Может случиться что-нибудь и с вами. Вы не можете защитить себя сами, вы мать-одиночка.

– Да, все верно. И ты собираешься послать кого-нибудь починить ее? – спросила она. – И как ты, черт возьми, это сделаешь?

– Просто дайте ваш адрес, и завтра вам будет посылка, – пообещал я.

Я бросился к телефону, позвонил своему приятелю в Чикаго и попросил его к утру доставить ей десять штук.

На следующий день она пришла в красивом платье, с отличным макияжем и радостной улыбкой. И я подумал: *«О-о, блин!»*

– Как сегодня у вас дела, мистер Тайсон?

Как я понял, она получила посылку. Я занервничал. Я не знал, что нам делать. Мы были в комнате одни.

– Проходите за свой стол в углу. Там никто ничего не сможет увидеть из окна. Я наклонюсь, чтобы исправить вашу работу, а вы встанете позади меня, хорошо?

– Клево! – сказал я.

Я так нервничал, что член не вставал. Я боялся, что это может быть ловушкой. Пока мы пытались сделать это, я все осматривался, чтобы понять, есть ли где-нибудь скрытая камера. Я боялся, что в любую минуту от удара распахнется дверь, и мне заявят, что это изнасилование.

Я попытался выбросить все лишнее из головы, но член не вставал. Я думал о разных непристойностях, я трогал ее, я лизал ее, но это не помогало. Я даже попытался затолкать мой вялый

член в нее, но безуспешно.

– Никак не получается. Попробуем это как-нибудь в другой раз.

Я вернулся к себе в камеру. Она перезвонила мне позже в тот же день, и в этот раз все получилось. Мы просто не могли остановиться. После этого она принялась названивать мне в камеру.

– Тайсона на курсы! – слышал я по громкоговорителю.

Она вызывала меня трижды в день. Она звонила мне, даже когда я занимался бегом вдоль дороги. Я вынужден был сказать ей: «Детка, ты не должна звонить мне, когда я бегаю. Это единственное время, которое мне выделяется для бега». Когда спрашивали, почему я стал так часто ходить на курсы, она отвечала: «Ему необходимо завершить свою подготовку к тестированию».

Она была достаточно тяжелой. Мне приходилось приподнимать ее и прижимать к стене. Хорошо, что мне доводилось поднимать тяжести. Через некоторое время мы стали делать это на столе и на полу. У меня было столько секса, что я слишком выматывался, чтобы ходить в спортзал и работать там. Я просто весь день оставался в камере.

К тому времени Уайно перевели обратно, и мы снова оказались вместе.

– Брат, как так получилось, что ты не работаешь? Обычно ты бегаешь десять миль в день, – спросил он меня.

– Я ублажаю даму-нарколога. Так что у меня появилась подружка, – ответил я.

– Майк, тебе надо прекратить это дерьмо, – сказал он. – У тебя будут проблемы. Тебе надо тренироваться.

Оказалось, что Уайно знал эту женщину по жизни за пределами тюрьмы. Вначале она была немного расстроена тем, что я рассказал о нас Уайно, но вскоре он пригодился: он стоял у дверей классной комнаты на шухере.

В один прекрасный день я узнал, что она беременна. Я позвонил своему приятелю в Чикаго, он приехал и отвез ее в клинику на аборт. Он был весьма зол.

– Конечно, когда ты в тюрьме, это для тебя соблазнительная бабенка, но когда я приехал в клинику с этой здоровенной телкой, все пялились на меня, – жаловался он мне.

Спустя пару лет я уже привык к тюремной жизни. Если у меня был плохой день, потому что я посмотрел по телевидению то, что мне не понравилось, или случался неудачный телефонный разговор, и я не желал никого видеть, я просил Уайно сообщить администрации, что я хотел бы несколько дней провести в

карцере. Уайно собирал мне вещи: очки, несколько книжек, – и я отправлялся расслабиться под стражу с изоляцией от внешнего мира. Благодаря охраннику у меня там даже был незаконный плейер. Вообще-то заключенным не разрешались плейеры, потому что некоторые психи могли переделать их в уоки-токи и шпионить за гребаной тюремной администрацией. Но раз ты в карцере, твою камеру не проверяли, поэтому я получил свой плеер и слушал Тевина Кэмпбелла[184]. У меня была только его кассета. Я занимался бегом на месте, раздевшись, делал приседания. Я так активно отрабатывал бег на месте, что, когда я вышел из тюрьмы, там на цементном полу остались мои отпечатки. Я сломал пол.

Я даже смог заполучить туда мобильник. Я позвонил приятелям в два часа ночи, и они вышли из себя, увидев, что это неоплаченный звонок. Они в это время были на шикарной вечеринке.

* * *

Ты понимаешь, кто твой друг, когда попадаешь в беду. После осуждения меня за изнасилование некоторые бросили меня, как чумного. Но мне посчастливилось иметь в своей жизни много хороших людей, которые поддерживали меня и в радости, и в горе. Они помогали мне сохранить свой дух, их посещения многое значили для меня.

Моя мама Камилла приходила навещать меня три раза. Мне не хотелось, чтобы она видела меня здесь, но я не мог отговорить ее. Для нее это была тяжелая поездка, ей было за восемьдесят, но она решилась. С ней поехала Джей, и мы обсуждали героев комиксов. Я был весьма заинтригован после прочтения одного из комиксов, который прислал мне Стэн Ли[185], создатель комиксов «Марвел комикс». Он также нарисовал меня вместе с некоторыми персонажами «Марвел комикс», словно я был одним из них. Один раз я поспорил с Джей по поводу самого крутого героя мультфильма. Он выбрал Галактуса, а я – Апокалипсиса. Мы никак не могли прийти к какому-то решению, пока Джей не сказал: «Майк, ведь Галактус пожирает миры. Как же ты можешь побить его?»

Моя маленькая дочь Майки[186], мой первенец, также несколько раз приезжала ко мне со своей мамой. Ей тогда было всего три года, но она до сих пор помнит перелеты на самолете из Нью-Йорка в Индиану и фотографирование со мной на фоне кирпичных стен.

Несколько раз появлялся Дон Кинг. Каждый раз, когда он приходил, он приносил мне на подпись контракт, который был абсолютно незаконным, но его это не волновало. Я был весьма рад его визитам, поскольку знал, что это касалось зарабатывания денег. Вместе с ним приезжали Рори и Джон Хорн, но они навещали меня и сами, гораздо чаще. Они проводили со мной некоторое время.

Меня взволновал визит Бетти Шабазз[187], вдовы Малкольма Икса[188]. Это меня совершенно потрясло. Я был так удивлен и шокирован, что вел себя наилучшим образом. Я не сказал ни единого грубого слова. Это была удивительная леди.

Джеймс Браун[189], так называемый крестный отец соула, также останавливался, чтобы повидать меня. Его привел брат Сиддик. На нем был фиолетовый костюм, фиолетовые туфли и красный галстук, его волосы были развиты. Он рассказал мне, как хотел надрать задницу Джеки Уилсону[190] за то, что тот попытался пошутить с ним, потрепав его по волосам.

– Я не боксер, я из штата Джорджия, – сказал он. – Люди боятся Джеки. А я нет. Попробуй это.

И он показал мне свой бицепс.

– Твердый, как камень.

Я спросил Джеймса об Отисе Реддинге[191], который был его другом. Джеймс сказал, что его самолет был лучше, чем самолет Отиса, который был перегружен и упал, похоронив Отиса. Было удивительно слышать, как Джеймс мог хвастаться такими вещами. У него было самолюбие боксера.

Он говорил и говорил – о различных предприятиях, которыми он владел, в том числе о своей радиостанции. Он предложил свои услуги по управлению моими делами, и я попросил его оставаться на связи с Сиддиком. Вскоре после этого прислал Сиддику письмо, в котором за управление моими делами запросил 70 процентов, оставляя мне 30 процентов. Я подумал, что Дон Кинг плохо знал свое дело.

Никогда не забуду, как меня в тюрьме навестил Тупак[192]. Меня всегда спрашивали о Тупаке больше, чем о других моих друзьях-знаменитостях. Когда со мной встречались, то прежде, чем задать мне вопрос про бокс, меня всегда неизменно спрашивали: «Каким был Тупак?»

Тупак был всем. Он был, блин, и Хьюи Ньютоном[193], и Мао Цзэдуном, и Карлом Марксом, он был просто всем. Я могу процитировать Маркса и Гегеля, но у Тупака была, действительно, очень продуктивная, выразительная революционная теория. Когда ты говорил с ним и узнавал его, он казался скорее нравоучительным стилягой, нежели головорезом.

Склад его ума буквально завораживал.

Я встретился с ним в 1990 году в Лос-Анджелесе на корпоративной вечеринке в клубе на бульваре Сансет. Мой приятель был организатором этой вечеринки, мы с ним стояли на улице и точили лясы. Все были одеты по такому случаю весьма элегантно. Вдруг я заметил черного уличного мальчишку, который слонялся у входа.

– Что, Шибздик? Как дела? – спросил я его. Он напомнил мне меня самого, когда я маленьким шлялся по улицам и торчал у клубов, в которые я не мог попасть.

– Дык… А что такое? – ответил он.

Я видел, что ему хочется попасть на эту вечеринку, и попросил своего приятеля пустить его. Но малыш сказал: «Одну секунду!» – и убежал, а вернулся с пятьюдесятью парнишками, одним из которых был Тупак.

– Ух ты! – сказал мой приятель.

Мы провели всех этих детишек к задней двери и пустили их внутрь. Когда спустя некоторое время я вернулся в клуб, я увидел на сцене Тупака с микрофоном – он уже свел с ума весь зал. Я не мог в это поверить. Когда он сошел со сцены, мы обнялись и рассмеялись. Его замечательная улыбка осветила весь этот чертов клуб. Я сразу понял, что этот паренек был кем-то особенным.

Но вернемся обратно к тюремным событиям. Я получил письмо от мамы Тупака. Я знал, кто он такой, – Тупак стал притчей во языцех буквально за одну ночь, – но я не мог представить, что он и был тем самым пацаном, который «заводил» клуб в 1990 году. Его мама писала, что Тупак собирался приехать в Индианаполис на шоу и хотел навестить меня. Как только он вошел в комнату для свиданий, там начался фурор. Он весил, должно быть, где-то 130 фунтов[194] и носил одежду на несколько размеров больше. Черные, белые, латиносы, философствующие торчки – все при виде его начинали сходить с ума. Ободрительными возгласами его приветствовали даже охранники. Я понятия не имел, что он настолько знаменит. И когда я увидел его, я вспомнил, что он был одним из детей, которых я пустил на вечеринку в Лос-Анджелесе несколько лет назад.

Мы вышли во двор и подошли к закусочным столикам.

– Нужно устроить для тебя концерт прямо здесь, – сказал он.

Вслед за этим он вскочил на закусочный столик и прокричал:

– Мой ниггер, я люблю тебя!

Я умолял его, сидя за столиком:

– Пожалуйста, садись! Пожалуйста, спустись вниз! Они запрут тебя вместе со мной! Пожалуйста, прекрати!

Он рвался дать импровизированный концерт, и меня это нервировало. Все было спокойно, и вдруг Тупак оказался на столике. Все зааплодировали. *«Вот черт, этот маленький ублюдок собирается создать для меня проблемы»,* – подумал я.

– Майк, не дай им зацапать тебя, брат, не дай им зацапать тебя, чувак!

Я, наконец, смог стащить его со столика. После этого я стал поддевать его. Я только что стал мусульманином и принялся изображать из себя набожного парня:

– Послушай, приятель, ты должен отказаться от свинины!

– Откуда ты взял, что я ее ем? – спросил он.

Я дразнил его, но он воспринял это на полном серьезе.

Затем он успокоился, и мы разговорились. Он сказал мне, что он никогда не забывал о нашей первой встрече.

– Никто никогда не поступал так, не пускал кучу уличных ниггеров в такой шикарный клуб, как этот! Ты, в натуре, сделал это! – восторгался он.

– Просто обалдеть, что это тебя удивляет, ниггер! – воскликнул я. – Мы же должны наслаждаться этим миром! Ничего не стоит вести себя по-человечески, мы все одинаковы.

Как личность, Тупак был кремень. Он видел слишком много боли и лишений. Порой невзгоды, выпадающие на нашу долю, остаются грузом, который мы всегда несем с собой, куда бы ни шли. Я втащил такой груз в религию, в свои отношения с окружающими, я нес этот груз даже в своих гребаных боксерских поединках. Неважно, насколько мы успешны – этот груз всегда остается с нами. Жизненный опыт Тупака, который был рожден в тюрьме и видел, как друзей его матери убивали или навсегда замуровывали в тюрьме, сформировал у него установку на полное неприятие и отрицание всего, своего рода нигилизм, если можно так выразиться, нет-изм, когда он чувствовал, что его никто не слушает и не заботится о нем. Он шел по жизни на автопилоте, никуда не отклоняясь, и делал все, что только мог. Тупак был настоящим борцом за свободу.

Я поговорил с Тупаком о «Черных пантерах»[195]. Я знал об участии его матери в этой организации. Она была сильной женщиной. К этому времени я начитался воинственных книг и стал довольно радикальным элементом.

После этого мы стали с ним достаточно близки, и он несколько раз навещал меня. Как я слышал, в газетах писали, что он стрелял в копов, устраивал драки.

– Эй, послушай, если ты не будешь осторожным, к тому времени, как я выйду отсюда, ты сюда загремишь.

Затем в него стреляли, и он был посажен в тюрьму. Я

договориться с одним приятелем на воле организовать мне с Тупаком трехсторонний разговор. Тупак сообщил мне, что в него стрелял какой-то мой приятель, но я не был в этом уверен на все сто.

Привыкнув к тюрьме, я начал всерьез задумываться о своем возвращении на ринг. Было удручающе слышать новости о том, кто выигрывал чемпионский титул. Чемпионский пояс переходил из рук в руки, как волейбольный мяч. Я был намерен, выйдя из тюрьмы, вернуть его себе и показать всем, что я не неудачник, как думали. Нет, я верну себе свой престол, который определен мне свыше. В моем больном воображении я рисовал себя древним благородным героем, и если мне будет суждено потерпеть поражение при выполнении своей миссии по возвращению чемпионского пояса, то цивилизация, само собой, погибнет. Влюбленный в самого себя, я проецировал свою миссию на весь мир.

Честно говоря, мне была необходима эта мечта. Мне был нужен стимул, чтобы продержаться, иначе я бы сгинул в тюрьме. Поэтому я выработал план. Я знал, что мне предстоит сделать. Я знал, как мобилизовать свой дух на правое дело. Я только не желал быть покорным. Администрация вначале назначила меня в спортзал, потому что хотела, чтобы я поддерживал форму, но затем меня оттуда выгнали, так как решили, что я был вовлечен в торговлю наркотиками в тюрьме. Я, однако, был ни при чем. Я прибегал к контрабанде лишь для того, чтобы добыть себе бриолин. Я был не против поторчать в тюрьме от косячка, но я не стал этого делать, потому что у меня была миссия – вернуть себе чемпионский пояс.

Так что я, чтобы войти в форму, в основном бегал и занимался физической подготовкой. По утрам я бегал во дворе, затем давал нагрузку на сердце: прыгал со скакалкой, отжимался, приседал. Я получил письма от двух бывших боксеров, которые отсидели в тюрьме, – от Рубина «Урагана» Картера[196] и Джеймса Скотта[197], который провел большинство своих боев, находясь в тюрьме штата Нью-Джерси «Рауэй». Скотт писал мне, что я не превращусь в дерьмо, если я буду делать «сто отжиманий в обойме». У уличных банд было это словечко, такая обойма могла вмещать сто патронов – Скотт имел в виду «за один подход», конечно. Вначале я не мог делать столько, но, попрактиковавшись, я написал ему ответ: «У меня получилось сто в обойме».

По вечерам Уайно удерживал мне ноги, и я делал пятьсот подъемов корпуса за подход. Я делал их до тех пор, пока моя задница не начинала кровоточить. У нас в камере на стене было

радио, можно было подключить наушники и слушать музыку, не мешая сокамернику. Я вставал в два часа ночи, надевал шорты и наушники и бегал по камере несколько часов. Когда Уайно просыпался, все стены были запотевшими и взмокшими от моих упражнений. Иногда я в течение дня отрабатывал в камере бег на месте, и все охранники и заключенные приходили посмотреть на меня через окошко.

Было хуже, когда я отрабатывал бой с тенью. Делать это приходилось в окружении заключенных, охранников, представителей администрации, и каждый из них был ох… ным тренером.

– Двигаться, ниггер! Ныряй, ныряй! – кричали они. У каждого были какие-то замечания.

– Я профи, черт бы вас всех побрал, – отвечал я. – А вы все только зрители.

Когда я приступил к занятиям, я весил 272 фунта, но через шесть месяцев похудел до 216 фунтов[198]. Я прошел путь от небольшой гориллы до некоего подобия рельефного Адониса.

Находясь в тюрьме, я начал изучать ислам. На самом деле, меня познакомили с принципами ислама еще до тюрьмы. Капитан Юсуф Шах, повар Дона, был мусульманином, учителем Малкольма Икса и правой рукой Элайджи Мухаммеда[199]. Капитан Джо, как мы его называли, был весьма уважаемым человеком. Он был моим шофером, но должен был быть моим телохранителем: не было ни одной проблемы, которую он бы не мог решить.

Дон уволил его, потому что тот агрессивно вел себя в отношении его, Дона, свиной отбивной. Дон постоянно унижал Капитана Джо, наказывая ему приготовить блюда из свинины. Капитан Джо использовал для этого железные рукавицы. Однажды я видел, как Капитан Джо плакал, отбивая свиную отбивную.

Я был в Лос-Анджелесе, когда узнал, что Дон уволил Капитана Джо. Однако, когда я вернулся в Нью-Йорк, Капитан Джо был там, он забирал меня из аэропорта.

– Я слышал, что тебя уволили, – сказал я.

– Нет-нет, брат, нет, мой чемпион, ничего не случилось, – ответил Капитан. – Это было недоразумение. Я расстроил мистера Кинга. Это была моя вина, я не должен был этого делать, потому что это его еда. Я просто глупый человек. Аллах благословил меня высокой честью снова работать с мистером Кингом.

– Капитан Джо, если ты не расскажешь мне, что случилось, *я уволю* тебя, – пригрозил я. – Я слышал, что к Дону приходили.

Что случилось? Сколько приходило людей?

– Семьдесят пять, все с оружием, – сказал Капитан Джо смиренно, но с такой мрачной силой, что стало ясно, что он еще пользуется властью.

Похоже, когда он вернулся в Гарлем и сказал своим братьям в «Нации ислама», что Дон уволил его, семьдесят пять вооруженных мужчин пришли к Дону в офис, избили несколько человек и заставили Дона вновь нанять Капитана Джо. Я слышал такую историю.

– Вы не можете уволить Капитана Джо, это Капитан Джо может уволить всех вас, – сказали они сотрудникам Дона.

Так что он вернулся, и Дон назначил его моим шофером. Он по-прежнему был еще способен на многое. На вид это был человек в летах, вполне безобидный, но он мог одним звонком решить все, что тебе было нужно. Я гордился тем, что он работал со мной. Капитан Джо был для меня замечательным наставником – доброжелательным, отзывчивым, великодушным, благородным. Мы с ним постоянно разговаривали о духовности. Он считал, что следует приветствовать любое духовное начало. Он был счастлив, когда меня крестили, он искренне радовался, что я серьезно отнесся к этому. Мне никогда не хватало духа признаться ему, что после церемонии я привел хористку в свой гостиничный номер.

Так что, оказавшись в тюрьме, я уже был готов воспринять ислам. Среди нас был осужденный из Детройта, которого мы звали Чак, он вырос как мусульманин. Я встретился с ним в мечети. Не поймите меня неправильно, в мечеть ходят не только для молитвы. Там, по существу, ведут все дела. Это место для встречи с другими заключенными из различных камер. Я учил там молитвы, но одновременно получал информацию. Я молился богу и одновременно мог добыть себе пушку калибра 0.45. Дело обстояло именно так. Я люблю Аллаха, но не могу забыть и про то, что я – Майк, и мне начертан свыше этот путь по жизни – интригана, дельца и жулика.

Чак начал учить меня молитвам. Он был ужасным учителем: вел себя очень напористо, грубо и не совсем дружелюбно. Зато он говорил по-арабски. Мы повторяли молитву, и затем он принимался кричать:

– Ты еще не выучил?

– Ты только что произнес ее, как я мог это сделать? О чем ты говоришь? – отвечал я.

Он произносил молитвы, словно наркоман, подсевший на амфетамин, с такой же скоростью. Не исключено, что он баловался риталином[200].

Он слегка сбавил обороты и стал повторять молитву, но в это время объявили: «Прием пищи!», – настало обеденное время, и он прервался.

Я выучил «открывающую молитву»[201] и после этого начал ходить на занятия вместе с Уайно. Его исламское имя было Фарид. Сначала я вел себя грубо и оскорбительно. Брат Сиддик усаживал меня и начинал говорить об исламе, но я раздражался и не хотел слышать об этом. Но однажды, когда мы немного узнали друг друга, Сиддик спросил, не хочу ли я присоединиться к остальным молящимся, и я остыл. У меня вошло в привычку молиться, затем я вместе с Фаридом начал читать Коран. У меня не было каких-то моментов богооткровения. Это просто вот так происходило, и теперь я тот, кто я есть.

В то время я не понимал духовной стороны ислама, это пришло ко мне гораздо позже. На самом деле, тогда я еще не был готов к истинному восприятию религии. В то время ислам являлся для меня возможностью проводить свое время, и это немало помогло мне. Мне требовалось во что-то верить. Я зачастую совершал верные поступки из незавидных побуждений. Но это, вполне определенно, было частью моего взросления и познания любви и прощения. Это была моя первая встреча с настоящей любовью и прощением.

Год назад появились планы выпустить меня. Поговаривали, что мне будет предоставлена возможность досрочного освобождения. Множество представителей прессы, например Грета Ван Сустерен[202], задавались вопросом об обоснованности моего приговора. Мои юристы вели переговоры и с судьями, и с семьей Вашингтонов. Судя по всему, они достигли соглашения. Согласно этой договоренности, я заплатил бы семье Вашингтонов 1,5 миллиона долларов, извинился бы перед Дезире – и немедленно вышел бы из тюрьмы. Мне даже не пришлось бы признаться в том, что я ее изнасиловал, просто извиниться за это. Некоторые из моих друзей, Джефф Вальд например, поддерживали идею об извинении.

– Майк, чтобы, нах… й, выбраться из тюрьмы, я готов признаться, что изнасиловал Мать Терезу, – сказал он мне.

– Если я извинюсь, тюрьма у меня в голове будет хуже той тюрьмы, где я сейчас, – ответил я.

В июне 1994 года меня доставили в камеру судьи Гиффорд на слушания по сокращению срока наказания. На мне были джинсовые брюки, светло-голубая рабочая рубашка и рабочие ботинки. Новый прокурор спросил, что я хотел бы сказать.

– Я не совершал никакого преступления. Я намерен придерживаться этого до самой могилы. Я никогда не нарушал

ничьего целомудрия.

Это не то, что хотели услышать, и меня отправили обратно в тюрьму. Когда я вернулся, все принялись обнимать меня и целовать.

– Х… й с ними, п… рами, – говорили мне.

– Расслабьтесь, – сказал я в ответ. – Я крутой парень. Остаюсь еще на год. Продолжаем вместе жить в этом дерьме.

Я понимал, что это не значило для меня конца всему. Мне было всего двадцать восемь, и я знал, что после того, как я отмотаю свой срок, меня обязательно ожидает награда. Ко мне приходило много журналистов, чтобы взять у меня интервью. Я много читал и стал резким в суждениях, начал интересоваться политикой.

Приходил Ларри Кинг, отснял интервью со мной в тюрьме в двух частях. Ему очень хотелось показать, каково было мне спуститься с вершины мира к тюремной камере.

– О романтической любви: вам не хватает романтической любви? – интересовался он.

Я не мог рассказать ему о своем учителе.

– Может быть, но что такое любовь? Любовь – это игра, любовь – это состязание, схватка. Ко многим людям, которые ослепительно красивы, мужчины и женщины, любовь приходит постоянно, потому что они привлекают ее к себе. Но они никогда не сражались за любовь. На что они готовы ради нее? Любовь – это когда вы готовы на что-то, потому что, если у вас есть любимый человек, может появиться кто-то, кто захочет отнять его у вас. И если вам никогда не приходилось сражаться за любовь, если вам не доводилось хоть как-то бороться за нее, то вы сдадитесь.

– Очевидно, вы уже гораздо лучше владеете обстановкой здесь. Что вы можете сказать о питании? Скучаете ли вы по каким-то блюдам, или нет?

Не мог же я ему рассказать об омарах, блюдах китайской кухни и всем остальном меню, которое регулярно было в нашей камере.

– Это мое личное дело, – ответил я.

– Я просто пытаюсь донести до зрителей, как это, когда больше нет того, что у них есть каждый день, – сказал Ларри.

– Послушайте, есть люди, которые попали в тюрьму и, возможно, оказались в гораздо более кошмарной ситуации, чем я. Но надо просто начать больше любить себя. Насколько я помню, драматург Теннесси Уильямс как-то сказал: «Мы должны испытывать недоверие друг к другу, потому что это единственный способ защитить друг друга от предательства». И я верю в это, я

верю в это всей душой. Я думаю, что каждый, с кем я соприкасаюсь в своей жизни, рано или поздно предаст меня. Я абсолютно верю в это. Многие скажут: «Нет, нет, нет!» Но это то, во что я верю.

– Если вы верите в это, то вы должны быть несчастным человеком, – сказал Ларри.

– Нет, я не несчастен, я просто помню о своих обстоятельствах.

– Я подарю вам нечто чисто человеческое. Вы по ним, должно быть, скучаете. Это аплодисменты, – сказал Ларри. – Вы должны соскучиться по ним.

– Поймите, хвала Аллаху, в душе я аплодирую сам себе сотни миллионов раз в день. Я самый большой поклонник самого себя, во всем мире нет ничего лучше, чем я. Так что я просто не думаю об этом. Эти ребята, в действительности, не понимают, зачем они аплодируют. Я отлично знаю самого себя, и я знаю, почему они должны аплодировать. Они же не знают, они хлопают за нокаут. Вот и все, за что они аплодируют – за нокаут и за выступление на ринге. А я аплодирую, потому что знаю, кто я.

У меня в тюрьме все шло прекрасно до тех пор, пока кто-то не настучал на меня и нарколога. Я уже собирался через неделю выбираться оттуда, если сдам последний экзамен, как вдруг из отдела внутренних расследований пришел парень, чтобы поговорить со мной. Кто-то сообщил им, что я целыми часами находился в комнате вместе с преподавательницей, поэтому они прислали следователя из другой тюрьмы, чтобы опросить меня. Я взмок, как сутенер с одной шлюхой.

– Вы должны выйти уже через несколько недель, но все изменится, если вас признают виновным, – сказал он спокойно.

Ничего себе! У меня сперло дыхание.

– Но я ничего не делал, сэр! Все подтвердят, что я прилежный ученик! – воскликнул я.

Этот маленький белый парень здорово напугал меня, и я стлался перед ним, как дядя Том: «Да, сэр. Нет, сэр».

– Некоторые заключенные утверждают, что вы находились в той комнате вместе с советником чрезмерно длительное количество времени, – сказал он.

– Я ничего не знаю об этом. Я просто делаю свою работу. Мне надо посоветоваться. Раньше я сверх меры употреблял наркотики и алкоголь, и есть много искушений, с которыми я должен бороться каждый день…

Я выдумывал на ходу.

– Знаете, я считаю, что в вашем деле вам жутко не повезло, Майк, но вот этот вопрос – совсем иного рода, и это очень

серьезный вопрос, – сказал он напоследок.

Я уходил от этого парня напуганным до смерти. Я вышел в зону посетителей и вдруг увидел, как она шла ко мне. Я чуть не упал. А затем я увидел белого парня, который, завершив мой допрос, собирался поговорить с наркологом.

– Не меня ли ты ищешь, ублюдок? – начала она орать на парня.

Ничего ж себе! У меня душа ушла в пятки, а яйца провалились в кроссовки. Я не мог поверить своим ушам: она кричала на этого белого парня. Я подумал: *«О боже, мы в ж… пе!»*

– Что, черт возьми, ты хочешь знать обо мне? Я здесь работаю уже семнадцать лет!

Она вцепилась в парня, обругала его, вытащила свою ксиву, короче, совершенно запугала его. Затем она зашла в комнату для свиданий, где я сидел, и начала со мной разговаривать, прикасаясь через брюки к моему члену. Когда он встал, она написала на моих брюках, там, где был член, свое имя.

– Черт, как ты могла так поступить? – спросил я.

Она только улыбнулась в ответ.

Больше я никогда ничего не слышал об этом расследовании. После завершения курсов я успешно прошел свой тест, хотя мог и завалить его. На одном из экзаменов меня попросили назвать «три насущных потребности человека». Я ответил: секс, пища и вода. Именно в таком порядке. Я проигнорировал воздух, только секс, пища и вода.

Мое освобождение было делом нескольких дней. По выходу из тюрьмы мне были обещаны миллионы долларов от телеканала Showtime и гостинично-развлекательного комплекса в Лас-Вегасе MGM Grand – благодаря сделке, заключенной Доном. Многие пытались переманить меня, но Дон казался мне лучшим вариантом. Он предлагал денег больше, чем остальные. А на выходе меня ожидала новая подруга.

Я встретил Монику Тернер несколько лет назад. Она была подругой Бет, одной из моих приятельниц. Бет хотелось свести меня с Моникой, потому что ей казалось, что мы будем подходящей парой. Поэтому Моника прислала для меня письмо в дом Камиллы, к которому приложила фотографию. Я не предпринимал никаких шагов, но за две недели до суда, находясь в Вашингтоне, появился перед ее домом в двух лимузинах. Я держал в голове ее номер, поскольку у меня фотографическая память. Я решил отправиться и взглянуть на нее, потому что лично мы еще не встречались.

– Ты где? – спросила она.

– Перед твоей дверью.

Я встретил ее у двери и попытался уговорить впустить меня, сказав ей, что мы должны подняться наверх, но она не согласилась. Со мной был Крейг Буги, который спросил ее:

– Можно мне воспользоваться туалетом?

И ему она позволила войти.

– Почему же ты позволяешь ему войти? Ведь ты его даже не знаешь? – спросил я.

– Потому что ты хочешь войти, чтобы сделать что-то еще, а он хочет просто попасть в туалет.

Так что, я просто послал ей воздушный поцелуй и ушел, больше я с ней не говорил. Затем однажды я получил в тюрьме от Моники письмо.

– О боже, пожалуйста, позвони мне, – писала она. В письме чувствовалась обеспокоенность и забота, поэтому я позвонил ей с оплаченным вызовом.

– Послушай, хочешь быть моей девушкой? – спросил я ее с места в карьер. Я так всегда и жил – одной минутой.

– Да! Хочу! – ответила она.

Я был рад. Она была славной, умной девушкой. Ей довелось много пережить: с ней плохо обращались, она знала трудные времена. Одно время она общалась с каким-то баскетболистом из «Нью-Йорк Никс», но затем бросила его.

Я отправил ей билеты на самолет, и она прилетела в Индиану. В то время она зарабатывала не так много, так как училась на врача.

Увидев меня в комнате для свиданий, она заплакала.

– Не могу поверить, что ты здесь, – сказала она.

Мы понравились друг другу, и она стала навещать меня, используя любую возможность. Иногда ей удавалось приходить даже два раза в неделю. Пока я был в тюрьме, мы никогда не занимались сексом. Иногда мы слегка дурачились, но я не хотел рисковать, чтобы ей не запретили посещать меня. Я всегда с нетерпением ждал встреч с Моникой, больше, чем с кем-либо другим.

Когда она начала навещать меня, у нее был немного избыточный вес. В то время я был достаточно мелким, поэтому я сказал, что ей нужно сбросить несколько фунтов. Я продумал для нее план физических занятий и стал тренировать ее по телефону. У нее были мотивы, и она похудела.

Я был там три года, и теперь я, наконец, выходил. Я проснулся рано утром и упаковал все свои вещи. Фарид освободился еще раньше, так что у меня не оставалось в тюрьме по-настоящему близких друзей. Но я попрощался с другими заключенным. Пока мне оформляли документы, я ждал, когда

можно будет выйти и поприветствовать сотни журналистов и операторов, которые находились у ворот тюрьмы с середины ночи. Когда я уже совсем готов был идти, ко мне подошла небольшая белая женщина-охранник.

– Я горжусь тобой, приятель, – сказала она мне. – Не верила, что ты сможешь справиться с этим, но ты смог. Ты не позволил им сломить тебя. Поздравляю.

Некоторое время я размышлял о том, что она сказала. Ко мне вернулась мания величия, и я подумал: *«Она не верила, что я смогу справиться с этим? Да знает ли она, б… дь, откуда я? Я родился в институциональной системе. И кто же я, б… дь, по ее мнению?»*

Но она имела в виду другое. Она вела речь о моей долгой опале и привыкании к обществу, где я не считал себя лучше, чем все остальные. Мы были все равны. То, что она сказала, было выше моего понимания, и, несмотря на все мои усилия, становилось для меня все туманней, непостижимей и загадочней с каждым моим шагом наружу, на волю, к внешнему миру.

Глава 10

Ночью накануне своего освобождения из тюрьмы я не мог уснуть. В четыре часа утра я услышал, как в небе гудели вертолеты. Это журналисты новостных каналов готовили прямые репортажи. Парковка рядом с учреждением была забита спутниковыми «тарелками» и автомобилями с репортерами печатных изданий. Рядом с парковкой на кукурузном поле в темноте собралась огромная толпа, надеясь хоть мельком увидеть, как я выйду. В шесть часов утра появились Дон, Рори и Джон Хорн в черном лимузине и въехали на территорию тюрьмы.

Я ждал их, но мне не хотелось покидать тюрьму. Я уже привык к ней. Мне нравилось находиться здесь, расслабившись, и принимать знаменитостей и тележурналистов. Это был вполне заслуженный отдых, но теперь мне приходилось снова возвращаться в мир.

Я глубоко вздохнул, и мы пошли. Это была короткая прогулка до лимузина, но казалось, что прошла целая вечность. Вспышки камер, гул четырех вертолетов, приветствия людей на кукурузном поле. Это была перегрузка чувственного восприятия. На мне было простое черное пальто, белая полотняная рубашка, на голове – белая вязаная куфия[203]. Я пытался выглядеть смиренным братом, но это было трудно.

До того как мы полетели в Огайо, я хотел зайти в местную мечеть и помолиться, сделать искренний жест признательности и благодарности, но даже это превратилось в цирковое шоу. Сиддик договорился с Мохаммедом Али о том, что тот помолится вместе со мной, и он уже ждал в мечети, когда мы появились. Там была толпа народу, и каждый пытался занять удобную позицию, чтобы оказаться со мной в кадре. Я был средством для того, чтобы кто-то был показан по телевидению или упомянут в газетах. Это был дьявол-искуситель, сатана, шайтан в наилучшем виде, и он проявился прямо там.

После того как мы помолились, мы полетели в Огайо, ко мне домой. По иронии судьбы, та же команда, которая навещала меня в тюрьме, теперь сопровождала меня. Я только несколько часов, как вышел из тюрьмы, а Дон уже начал раздражать меня. Он запас в лимузине целую цистерну шампанского «Дом Периньон». На пути к моему дому на деревьях были развешаны желтые ленты и плакаты: «МАЙК, ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ОБРАТНО В СЕМЬЮ» и «ЧЕМПИОН, МЫ СКУЧАЛИ ПО ТЕБЕ».

Когда мы добрались до моего дома, я увидел, что Дон наметил масштабную вечеринку по случаю моего возвращения.

Он пригласил всех тех, кто не имел ко мне никакого отношения, и заказал для стола омаров, креветок, свинину, шампанское – соблазнительные для мусульманина вещи. Я выгнал из дома всех, включая Дона, и затем окончательно оформил наши отношения с Моникой.

Когда Дон пришел на следующий день, я его уволил. У нас должна была быть большая пресс-конференция, посвященная нашим сделкам с гостинично-развлекательным комплексом MGM Grand и телеканалом Showtime, но мне было наплевать. Я вычеркнул его имя из пресс-релиза.

– Майк, пожалуйста, не делай этого! – стал просить Дон. – Не поступай со мной так, как эти белые демоны!

Мне было насрать на его мольбы. Но он открыл кейс, в котором лежал миллион долларов наличными, и это привлекло мое внимание. Никакой другой промоутер не мог бы предстать с таким количеством наличности, поэтому я вновь изменил свое мнение. Я вписал его имя обратно в пресс-релиз, и спустя несколько дней мы провели пресс-конференцию, чтобы объявить о наших новых сделках.

У меня не было времени, чтобы приспособиться к внешнему миру. У меня перед глазами стояло множество людей, которых мне надо было выстроить в очередь для поединков за 200 миллионов долларов. Ситуация была хуже, чем тогда, когда я попал в тюрьму. Все вокруг меня говорили: «Майк – мужчина. Он – мужик». Но теперь у меня было уже другое расположение духа. Я всех боялся. Тюрьма никого не перевоспитывает, она тебя только придавливает, разрушает, девоспитывает, если можно так выразиться. Совершенно неважно, сколько ты будешь получать, выйдя из тюрьмы, поскольку твоя личность станет мельче, чем была тогда, когда ты входил в тюремные ворота. Я стал параноиком. Я считал, что все готовы навредить мне. Я паниковал всякий раз, когда я слышал сирену «Скорой помощи». Однажды мы с Моникой спали, я проснулся, взглянул на нее и схватил: мне почему-то показалось, что кто-то залез ко мне в постель и хочет зарезать меня. Я всерьез испугался.

Я уже не был прежним, я стал жестким, безжалостным. Тюрьма уничтожила во мне все живое. Я больше уже никому не доверял, даже самому себе, когда я был с людьми известного рода. Я больше не хотел попадать в пикантные ситуации с женщинами. Все это бродило в моей голове столько лет, что я был не в состоянии просто так избавиться от него. Оно беспокоит меня до сих пор. Мои друзья говорят: «Пусть это исчезнет, отомрет, сгинет!» – но им это не знакомо, они с таким не встречались. С этим сложно нормально жить.

Я подписал эти два контракта, которые обеспечили нас кучей денег, поэтому никто не хотел и слышать о том, чтобы дать мне какое-то время привести свое душевное состояние в соответствие с новой жизнью. Все ожидали от меня слишком многого. Я был в смятении. Но, хотя и я был напуган, я вновь становился высокомерным. Я хотел получить все. Я считал, что, поскольку я отсидел срок, мне задолжали. Теперь я желал трахать лучших девушек, покупать лучшие автомобили, владеть лучшими домами. Я был графом Монте-Кристо. Я был гладиатором. В мире еще не было бойца лучше. Я размышлял над этим, пугаясь сирен «Скорой помощи».

Я хотел соответствовать самым высоким стандартам, но не знал, смогу ли. Мне было двадцать девять лет, но я чувствовал себя более медлительным, чем должен был быть в таком возрасте. У меня уже не было такого чувства голода, какое было до тюрьмы. И более остро, чем остальные чувства, я испытывал стыд от того, что был в тюрьме. Каждый раз, когда я отправлялся в новый город, я должен был отмечаться там в качестве лица, совершившего преступление сексуального характера. Если я забывал это делать, в аэропорту полицейские отводили меня в сторону.

– Извините, можно с вами поговорить? – обращался ко мне коп. – Я вижу, по прибытии сюда вы не отметились, так что, будьте так любезны, отметьтесь в городе назначения. Будем вам премного благодарны. Я мог бы арестовать вас прямо сейчас, но полагаю, было бы разумным, чтобы вы отметились сразу же по прибытии.

О боже! Эта дерьмовая обязанность на случай поездок возложена на меня до сих пор.

Все ожидали от меня истребления дивизиона боксеров-тяжеловесов поголовно, однако сделать это было не так просто. В истории бокса еще не было таких случаев, чтобы кто-то у кого отнял три года жизни, возвращался на ринг, словно ничего не случилось. У Али отняли титул, но он не был в заключении в течение трех лет, лишенный возможности тренироваться. Все это усиливало психологическое напряжение, в котором я находился.

Выйдя из тюрьмы, я очень старался быть хорошим братом, правильным мусульманином, но меня окружал материальный мир. Слишком многие набрасывались на меня, преследуя свои цели, а я еще не приобрел необходимых психологических навыков. Я продолжал молиться, но разные отвлекающие факторы сбивали меня с толку, подталкивали меня обратно к той, дотюремной, жизни.

Легче всего обвинить Дона в том, что он тащил меня обратно

в этот больной мир безвкусицы, потребления, выпивки и женщин. Возможно, он был искренне обеспокоен тем, что я последую за некоторыми мусульманскими мерзавцами и избавлюсь от его задницы. Но нельзя винить никого, кроме самого себя. Я хотел доказать всем, что я все еще мужчина, хотя и был заперт на три года. За моим накачанным телом скрывался чревоугодник. Будь моя воля, я бы в течение всего дня лопал кексы и мороженое. Мне приходилось подавлять эти побуждения.

Но было не так просто подавить в себе сексуальное влечение. Моника хотела завести со мной крепкую семью, начать счастливую семейную жизнь, но я в то время этого не желал. Стараясь быть семейным человеком, я полностью выпадал из своего холостяцкого клуба. Однако я не был готов к такому повороту событий, я еще не созрел. Моя концепция семейной жизни заключалась в следующей формулировке: «Заткнись и бери деньги». Я был эгоистичной свиньей.

Вскоре после того, как я вышел из тюрьмы, я оказался в Нью-Йорке с Крейгом Буги. Мы шли по улице, я заметил красивую черную девушку и последовал за ней. Я попытался остановить ее, чтобы она заговорила со мной, но она убежала в магазин «Банановая Республика». Я вошел следом за ней и увидел, что она направилась в примерочную. Мы ждали у входа в магазин, пока она не вышла. Но она не захотела говорить со мной и убежала.

Неделю спустя я устроил в своем доме в Огайо фотосессию для какого-то журнала, и неожиданно появилась эта девушка. Оказывается, она была стилистом по фотосъемке.

– Привет, а я тебя знаю, – сказал я. – Думаю, наша встреча была просто судьбой, которая привела тебя в мой дом.

Она была такой привлекательной, что фотограф тоже все время флиртовал с ней. Я вполне достойно поддерживал беседу в псевдоинтеллектуальном тюремно-сутенерском современном духе, который ее даже увлек. Она сказала, что ее зовут Тьюзди[204], и с этого дня мы много вторников провели вместе.

Теперь, когда появилось много денег, было самое время приобрести какую-нибудь недвижимость класса люкс. Поскольку мои поединки планировались в Лас-Вегасе, мне нужно было обосноваться именно здесь, и я купил прекрасный дом на шести сотках по соседству с особняком Уэйна Ньютона[205]. Я прекрасно провел время, занимаясь обустройством дома. Все было от Версаче, от туалетной бумаги до одеял и подушек. Огромные парадные двери были из дерева, с хрустальными ручками. Внутри был гигантский водопад со скульптурами двух львов по обе стороны от него. В доме были сводчатые потолки, струившаяся и ниспадавшая каскадом вода создавала ощущение спокойствия.

Мне нравилось смотреть фильмы с каратэ, поэтому я устроил несколько различных домашних кинотеатров. Моя спальня была оснащена новейшей аудиоаппаратурой. Мне так нравилось слушать аудио, что порой я оборудовал свои автомобили аудиосистемами, которые стоили дороже, чем сам автомобиль. Для фойе наверху я заказал нарисовать на площади в две тысячи квадратных футов всех величайших боксеров. Это обошлось мне в сто тысяч долларов.

Выйдя на задний двор, можно было подумать, что ты оказался в Италии. Или, по крайней мере, в отеле «Белладжио». Там был ров, наполненный водой, а также огромный плавательный бассейн, окруженный статуями великих воинов в семь футов высотой, таких, как Александр Македонский, Ганнибал, Чингисхан, Жан-Жак Дессалин[206]. Просто пойти и купить гигантские статуи Ганнибала невозможно, поэтому я позвонил парню, который в свое время делал скульптуры львов для комплекса MGM Grand. Он пользовался фотографиями, которые я ему дал, а для установки статуй заказывался кран. Двор был окружен экзотическими деревьями стоимостью 30 000 долларов каждое. А на уход за ними требовалось почти 200 000 долларов в год.

Конечно, у меня должен был также быть особняк и на Восточном побережье, так что я купил большой дом в штате Коннектикут, площадью свыше пятидесяти тысяч квадратных футов, с тринадцатью кухнями и девятнадцатью спальнями. Моя цель состояла в том, чтобы одновременно в каждой спальне было по девушке. Это было ранчо на тридцати акрах леса, с крытым и открытым бассейнами, маяком, кортом для игры в сквош, а также настоящим ночным клубом, который я назвал «Клуб Технический нокаут».

Я почувствовал себя в этом доме, как «Лицо со шрамом»[207]. Одна только моя хозяйская спальня занимала пять тысяч квадратных футов. У меня была гардеробная таких размеров и с таким количеством прекрасной одежды, обуви и парфюмерии, что можно было решить, что ты оказался в настоящем магазине Версаче. Когда Моника там жила, у нее была собственная гардеробная площадью более тысячи квадратных футов. В спальне был огромный балкон, который нависал над первым этажом дома. Я мог добраться до спальни либо по двойной винтовой мраморной лестнице, либо на стеклянном лифте. Это был замечательный дом, но можно было сосчитать на пальцах, сколько раз я там был в течение тех шести лет, что я владел им.

Кроме того, у меня оставался дом в штате Огайо. Затем я приобрел и четвертый дом – для Моники, а также хорошее место

на поле для игры в гольф загородного клуба Конгресса в штате Мэриленд, на котором часто играл Тайгер Вудс[208]. Но я тратил деньги не только на недвижимость. Я всячески потворствовал своей автомобильной одержимости. Когда я был в тюрьме, у меня насчитывалось шесть машин. Теперь я вновь принялся коллекционировать автомобили «Вайпер», «Феррари», «Ламборгини», родстеры «Спайдер». Мы устраивали на них гонки вверх-вниз по улице у моего дома в Лас-Вегасе.

Я снабжал шикарными автомобилями всех своих парней. Как-то мы с Рори и Джоном Хорном прогуливались в Лас-Вегасе вдоль автосалона «Роллс-Ройс», поглядывая на витрину. Продавцы внутри были не очень-то высокого мнения о трех черных парнях в кроссовках и джинсах, которые через стекло рассматривали дорогие машины. Когда мы зашли, они не узнали меня и направили к нам какого-то мелкого служащего.

– Вот тот «Роллс» – сколько у вас вообще таких? – спросил я парня.

– Вы хотите опробовать? – спросил он.

– Нет, я просто беру все машины, которые у вас есть в наличии, – ответил я.

После того как я ушел, этого малыша, думаю, назначили генеральным управляющим.

* * *

После каждого своего боя я с Буги ездил в Лос-Анджелес и весь день ходил по магазинам на Родео-Драйв. После хорошего ужина мы брали девушек и ходили по клубам. Время от времени я заходил в магазин «Версаче» в торгово-развлекательном центре «Дворец Цезаря», оставляя там каждый раз по сто тысяч долларов. После нашего ухода место превращалось в сцену из кинофильма «Поездка в Америку», где народ таскал мешки, сумки, чемоданы с барахлом. Ирония заключалась в том, что большинство одежды в моих шкафах просто висело без дела. Я обычно носил просто кроссовки и джинсы или спортивные костюмы. Когда я был в тюрьме, Джонни Версаче присылал мне приглашения на все свои мероприятия. Он знал, что я не мог приехать, но для него это был способ дать мне знать, что он помнит обо мне. Он был потрясающим парнем.

У меня было столько денег, что я порой не мог даже уследить за ними. Один раз Латондиа, помощница Рори, должна была участвовать в вечеринке в доме у Рори в Нью-Джерси. У нее не было времени собрать сумку с вещами, поэтому, когда она

добралась туда, она пошла в комнату для гостей, где увидела большую спортивную сумку «Луи Виттон». Она подумала, что сумка была либо моя, либо Рори, и, рассчитывая найти там чистую футболку, открыла ее. Она была в шоке: там оказался миллион долларов наличными. Она сразу же пошла к Рори в комнату и показала ему свою находку.

– Майк забыл, где он оставил эту сумку, – сказал Рори. – Я прямо сейчас позвоню ему и попрошу одолжить мне двести тысяч долларов.

Эта сумка пылилась там еще неделю. У меня была трудная ночь в городе, и я забыл, где ее оставил. Каждый раз, когда Латондиа брала мою одежду для чистки в Лас-Вегас, она возвращалась с пластиковыми запечатанными конвертами, в который были дорогие браслеты или тысяч двадцать наличными, которые я оставил в карманах. Когда дело доходило до денег, я не вникал в такие мелкие детали.

Но очевидным перебором в моих тратах было мое решение купить тигрят и львят. Еще когда я был в тюрьме, я разговаривал со своим автомобильным дилером Тони. Мне очень хотелось знать, какие должны поступить новые машины, и Тони вдруг сказал мне, что собирается приобрести тигра или льва и ездить с ним в своем «Феррари».

– Послушай, я тоже хочу тигра, – сказал я.

Тони сообщил об этом Энтони Питтсу, и как только, выйдя из тюрьмы, я вернулся домой в Огайо, я увидел на своем газоне четверых тигрят. Они меня очаровали. Я много играл с ними и вскоре понял, что они разительно отличаются от наших домашних кошек. Они были весьма привередливы и злились, когда с ними играли слишком много. Следовало узнать их характер, поскольку через несколько лет они должны были превратиться в зверюг семи футов в длину и весом более четырех сотен фунтов[209]. Повзрослев, они могли встать на задние лапы и ударом лапы раскроить мне череп.

Я подружился с белым тигренком. Это была самка, я назвал ее Кения. Она всюду ходила со мной и даже оставалась со мной в постели. Те, кто был знаком с дикими животными, не мог поверить, что у меня с ней такие отношения. Они утверждали, что за тридцать лет никогда не видели, чтобы белый тигр везде следовал за кем-то, как это делала Кения. Она ходила по дому и кричала, как ребенок, в поисках меня. Если у меня дома была девушка, я запирал Кению снаружи в ее запретной зоне, и она там кричала. В жаркие летние ночи, когда у нее была течка, она стенала до тех пор, пока я не приходил и не гладил ей живот.

Кения довольно часто убегала из самого дома. Очутившись

снаружи, она садилась на козырек бассейна и смотрела через забор на лошадей Уэйна Ньютона. Она могла легко перепрыгнуть через ограду, но никогда не делала этого. Мы наняли дрессировщика, которого звали Кейт, чтобы он работал с ней, и я платил ему за дрессировку 2500 долларов в неделю. Мой помощник Дэррил и те, кто убирал дом, помогли вырастить ее, но теперь они не хотели приближаться к ней. Она порой покусывала их, и они ей не особенно доверяли.

Когда у тебя есть детеныши, ты должен постоянно общаться с ними, потому что, если ты оставишь их на время, а потом вернешься, они уже не вспомнят, кто ты такой, и у тебя будут проблемы. Поэтому я получил лицензии на своих животных и взял два девятиосных фургона для их перевозки. К тому времени у меня остались только два тигренка. Львята вставали на задние лапы и смотрелись устрашающе. Один из них укусил меня за руку, и мне пришлось обратиться в больницу, где мне наложили на рану шесть швов. В пункте неотложной помощи меня спросили: «Послушай, что с тобой случилось?» Я ответил им, что меня покусала собака. Я хотел было прикончить этого чертова льва, но понял, что это я был виноват. Так что, мне на всякий случай сделали прививку от столбняка, и затем я избавился от него.

После нескольких месяцев привыкания к посттюремной жизни я начал тренироваться для возвращения на ринг. Я включил в свою команду нового члена. Я встретил Стива «Крокодила» Фитча несколькими годами ранее в туалете Мэдисон сквер гарден в тот вечер, когда мой противник так и не появился. Он спросил меня, буду ли я драться в тот вечер, и я ответил: «Да, если мой противник появится». Когда я был в тюрьме, я из разговора с Рори узнал, что Крокодил работал с боксером Оба Карром. Рори входил в его управленческую команду, а Дон участвовал в его рекламной кампании, поэтому Рори без проблем нашел Крокодила и устроил нам разговор по телефону. Мы поговорили о некоторых из моих друзей, с которыми он познакомился, когда был в тюрьме. Мы понравились друг другу, поэтому, когда я освободился, я предложил ему общаться с нами. Он был мне по вкусу, это был уличный парнишка.

После того как я вышел из тюрьмы, Дон не слишком много общался со мной. Думаю, он боялся, что я поколочу его. Поэтому он вел со мной переговоры по деловым вопросам через Джона Хорна, а Рори был моим специальным уполномоченным по личным вопросам. Они делили 20 процентов жалованья администратора, но даже при таком раскладе они зарабатывали больше, чем могли мечтать. Помимо Рори и Джона, у меня была

команда обеспечения моей собственной безопасности, которую возглавлял Энтони Питтс. Вначале у меня был также Фарид, мой бывший сокамерник, пока власти не объявили нам, что мы не могли общаться друг с другом, потому что мы оба являлись бывшими преступниками.

Нынешняя команда Тайсон пользовалась высокими технологиями. Вместо телефонов у каждого из нас была рация, чтобы мы могли связываться со всей командой и сообщать о происходящем. У каждого был свой собственный позывной. Рори был «Эль-один», Джон – «Эль-два», Энтони – «Ти-один». Мой друг Горди звался «Грув», а Дон из-за своей прически – «Фредерик Дуглас»[210]. У меня было несколько разных позывных. Иногда меня называли «Безумным Максом», иногда «Арнольдом» в честь Арнольда Ротштейна[211]. Чаще всего меня звали «Дибо». Меня стали так называть в честь хулигана из кинофильма *«Пятница»*, потому что я точно так же клянчил: «Дай мне это, дай мне это», присваивал чужие вещи, съедал у других еду, переключал телепрограммы, которые в это время смотрели.

Честно говоря, мне не нравилась вся эта идея с «уоки-токи», поскольку это означало, что меня можно было отследить гораздо легче. Я старался быть дисциплинированным в лагере, но иногда запах картофеля фри выбивал меня из колеи, и тогда я выскальзывал наружу, чтобы полакомиться. При этом я стремился избавиться от своей охраны и «снять» какую-нибудь женщину. По мере приближения поединка с Питером МакНили, который должен быть состояться 19 августа, я становился все более мрачным. Сначала я был уверен в себе, потому что, выйдя из тюрьмы, был в отличной форме, но когда мы начали спарринги в лагере в Огайо, я пропустил несколько ударов от молодого парня-любителя, и это было чертовски больно. Я не привык получать удары. На этом спарринге я должен был боксировать пять раундов, но уже после второго я сказал: «На сегодня хватит. Я вернусь завтра». Черт, я не мог поверить, что этот маленький ребенок-любитель мог доставить мне такие неприятности. То, что я напропускал удары, безусловно, означало, что я не был в форме. Я подумал: «Как же я смогу побить МакНили, если меня одолел этот любитель?»

В конце концов я все же вернулся в свой рабочий ритм, и, когда наступил август, я был готов к бою. На состоявшейся пресс-конференции до боя я, как всегда, был раздражителен и резок. Я появился в черном костюме и белой панаме. В мире бокса никто не воспринимал МакНили как серьезного соперника. Этот парень в лучшем случае был клубным боксером.

Я назвал поединок с МакНили «Король Ричард – возвращение

короля». Я всегда называл свои поединки именами воинов. Хотя Каса уже давно не было с нами, я поговорил с ним: «Не волнуйся, Кас. Король возвращается. Король Ричард возвращается победителем».

Если у меня и были какие-то сомнения, то все они развеялись, как только я оказался на ринге и взглянул на МакНили. Когда мы подошли к рефери на инструктаж, он не смотрел на меня. Спустя год после боя он признался одному журналисту, о чем он думал в этот момент:

– Когда Тайсон вышел на ринг под эту жестокую бандитскую мелодию, я оказался не готов к тому, что меня будут так запугивать. Я присматривался к нему на пресс-конференциях, и он тогда не смотрелся таким крупным в обычной одежде. Я стоял в своем углу спиной к нему, где тебя никак не могут побить, так как ты не лицом к лицу со своим соперником. Когда мы собрались в центре ринга, я был намерен смотреть только на его пупок, никуда больше. Я все же бросил беглый взгляд, и это оказалось ящиком Пандоры. Он был таким накачанным! Таким мощным! У него были громадные мышцы, шея, череп! Он выглядел совершенно свирепо. Я подмигнул ему и послал воздушный поцелуй, но на самом деле я был запуган.

Я считал, что этот парень просто спятил! Я хотел сказать ему: «Ты просто е… ный мудак! Вали отсюда!» – но я не мог разрушить свой имидж крутого парня. Когда прозвучал гонг, он начал крутиться вокруг меня и доставать меня в моем углу. Я ответил коротким правой, и он упал, но затем подскочил, как черт из табакерки. До того как Миллс Лейн начал обязательный счет до восьми, этот парень пробежался вокруг ринга и затем бросился на меня. Я не мог поверить в это дерьмо. После счета «восемь» он вновь кинулся на меня. Я провел хук левой, затем попал правой, и он вновь упал. Он поднялся и был готов продолжать, но его тренер выпрыгнул на ринг и остановил поединок, пока Миллс Лейн отводил меня в нейтральный угол. Это была ситуация из ряда вон. Публика начала свистеть. Комментаторы повторяли: «Какая досада! Какое разочарование!» Да, мы дрались ради болельщиков в девяноста странах, это была самая большая аудитория в истории, а угол этого парня не позволил ему продолжать.

На пресс-конференции после боя я старался быть смиренным и молился Аллаху.

– Я многому научился. Мне следует и дальше развивать свои навыки, – сказал я журналистам.

Когда меня спросили о решении его угла остановить бой, я ответил:

– Вы же знаете меня. Я кровожаден. И я рад, что они остановили бой. Поединок для меня – это как научные концепции для Эйнштейна, как текст для Хемингуэя. Бой – это проявление агрессивности. Агрессивность у меня в характере. И я не желаю больше говорить о боксе.

МакНили после этого сказал следующее: «Пересмотрите запись поединка! Я пришел, чтобы драться. Когда надо – я разговариваю разговоры, когда надо – сижу сиднем».

«Кроме того, когда надо – он кричит криком, а когда надо – не заморачивается и сразу в обморок», – написала *New York Post*.

Атлетическая комиссия штата Невада приняла решение удержать с его менеджера неустойку. Но менеджер оказался гением. Он сделал два национальных рекламных ролика с МакНили и получил 40 000 долларов от корпорации AOL[212] (на ролике поединок был доведен до конца) и 110 000 долларов от ресторанной сети «Пицца Хат» (на ролике МакНили был нокаутирован основой для пиццы).

Подозреваю, что Дону было неловко от скоротечности этого поединка, который он организовал, и он решил сэкономить моим поклонникам 50 долларов, предоставив им возможность посмотреть мой следующий бой по бесплатному телеканалу. 4 ноября я должен был драться с Бастером Матисом-младшим, поединок транслировали по телеканалу Fox. Я уверен, что Дон выбрал эту дату, потому что именно в этот вечер была платная трансляция третьего поединка между Риддиком Боу и Эвандером Холифилдом. Однако расчет оказался неверным, поскольку мой бой был отложен из-за перелома у меня большого пальца правой руки. Пресса немедленно набросилась на меня. *New York Post* опубликовала статью под заголовком: «Докажи это, Майк!»

И они были правы. В прошлом я уже несколько раз откладывал свои бои в качестве тактического средства для оказания психологического воздействия на соперников. Мой соперник полностью готов к поединку, уф, уф, уф, а я беру и откладываю бой, и он уже никогда не вернет себе прежнего настроя. Они думали, что я упорно весь день работаю в спортзале, а я на самом деле ровным счетом ничего не делал. Затем я перед вновь назначенным днем выкладывался на тренировках – а у соперника пик формы был уже позади. Этому трюку меня научил Кас.

Некоторая проблема заключалась в том, что ожидания того, что я верну свой титул, нарастали, и по мере этого давление на меня также росло.

– Публику не устраивают мои победы над десятью или пятнадцатью пустышками до моего настоящего поединка за

чемпионский титул, – разъяснил я прессе. – И я испытываю сильное давление, от меня требуют продемонстрировать что-то прямо сейчас. Все желают видеть большой бой Майка Тайсона. Но у меня есть эксклюзивные контракты, которые я должен неукоснительно соблюдать. Согласно этим контрактам, по которым мне платят большие деньги, я должен возвращаться на ринг последовательно, размеренно, спокойно. Это бизнес, крупный бизнес. Эти люди заботятся о том, чтобы я вернулся на ринг и обеспечил для них прибыль.

Мы перенесли поединок на 16 декабря, бой проходил в Филадельфии[213]. Подозреваю, букмекеры что-то увидели в моем поединке с МакНили: если ставки против него были 15:1, то против Матиса они стали 25:1. Матис как боксер был гораздо лучше МакНили, но он вышел с небольшим избытком веса. На взвешивании я снял свою футболку с надписью «Принадлежит Аллаху», чтобы продемонстрировать рельефный пресс.

– Высеченный в камне! Просто Адонис! – проревел в восторге Дон Кинг.

Когда настала очередь взвешиваться Бастеру, он не стал снимать футболку. Он весил дряблые 224 фунта[214].

Когда бой начался, Бастер попытался повторить тактику МакНили и принялся наседать на меня. Два раунда прошли в ближнем бою, а в третьем он попытался прижать меня к канатам, но я ушел влево и за счет этого движения провел два правых апперкота. Он упал. Когда меня спросили на пресс-конференции, почему я пропустил так много ударов, я ответил, что «усыплял» Матиса и что пропущенные удары были «ловушкой, заговором, как и все в нашем обществе». На самом же деле в Матиса было очень трудно попасть. Если вы просмотрите все его поединки, вы убедитесь в том, что никто еще не обрабатывал его так, как это сделал я.

Матис был слегка бледен:

– Майк Тайсон сшиб меня, и когда я посмотрел вверх, рефери уже считал: «Пять!» И я сказал сам себе: «Черт, а что же случилось с одного до четырех?»

На первых рядах в зале сидел Фрэнк Бруно, один из действующих чемпионов в тяжелом весе, и мы с Крокодилом провели психическую атаку. Как мы уходили с ринга, Крокодил крикнул ему:

– Майк, вот он! Это наша очередная отбивная! Мы идем за тобой, сынок!

А я показал ему на себя:

– Я – номер один!

Мой поединок с Бастером привлек внимание двадцати девяти

процентов аудитории, это оказался самый высокий рейтинг для телеканала Fox. Однако я не был доволен своими выступлениями после выхода из тюрьмы.

На этот поединок я привез Кению. У Моники уже была дочка, мы назвали ее Рейни. У меня появилась также падчерица Джина, и была еще дочь Майки от одной женщины из Нью-Йорка. Моника или дети не могли общаться со мной, когда рядом была Кения: когда они проявляли ко мне ласку, та готова была напасть на них. На время поединка я оставил ее в гостиничном номере. Вернувшись, я обнаружил, что апартаменты люкс полностью разгромлены: шторы порваны, на полу дерьмо, большой диван в гостиной разорван в клочья.

То же самое она проделала и в таунхаусе Дона Кинга в Манхэттене, когда я остался там после боя. Я оставил ее и пошел в клуб, и она стала там сходить с ума. Она перепортила все, что могла. После этого таунхаус вынуждены были закрыть и провести в нем дезинфекцию. Но мы не извлекли из этого урока. В Огайо Рори запер ее в моем гараже. Когда он через некоторое время пришел за ней, он увидел, что она буквально содрала крышу с одного из моих «Мазерати».

* * *

Едва прошел год с моего выхода из тюрьмы, как Дон уже запланировал мне поединок с Фрэнком Бруно за чемпионский пояс. Для этого я был не в форме ни физически, ни морально. Мои переживания в этой связи можно было почувствовать по моему интервью журналу *«Ринг»*:

– По моим собственным ощущениям, я сейчас нервничаю больше, чем в начале своей карьеры или когда я был чемпионом. Может быть, это легкая неуверенность. Даже на тренировках мне хочется всякий раз выложиться до последнего. Я даже не знаю, хорошо это или нет. Я знаю, что надо делать, но никак не могу отделаться от этих сомнений. И меня здорово раздражает неуверенность в самом себе после успешных выступлений на протяжении стольких лет.

Когда журналист задал вопрос о моем проигрыше Дагласу, я начал выходить из себя:

– Люди говорят: «Посмотри, сколько у него денег!» Я часто слышал неадекватные оценки в свой адрес. Мне трудно представить, что кто-нибудь мог позавидовать моей жизни. Если бы он прошел через все то, через что пришлось пройти мне, он бы, наверное, покончил с собой. Я чуть не сдох. Мои волосы

начали седеть и выпадать, столько мне всего пришлось пережить и передумать. Я мог сойти с ума, но вместо этого я взял себя в руки и весь день занимался в своей камере бегом на месте. Я шел в душ, а там опять начинали лезть в голову эти мысли. Я теперь всякий раз ожидаю худшего. Если происходят хорошие вещи, я радуюсь. Но при этом я постоянно ожидаю худшего. Я всю жизнь ожидал, что меня грохнут. Мне просто нужно вернуть уверенность в себя. После поединка с Бруно, когда на мне будет чемпионский пояс, никто уже не сможет побить меня. Моя уверенность станет выше неба, выше звезд.

Однако на каждого доброжелательного журналиста, с которым я мог поделиться своей болью, приходился тот, кто хотел сделать мне неприятное. Я принимал участие в национальной медиа-конференции по селекторной связи, приглашая на предстоящий поединок, и один из таких парней спросил меня: «Майк, верны ли слухи о том, что у вас повреждены глаза? Если это так, то не является ли это следствием частого воздействия на вас перечного газа во время секса?»

Иногда я просто не знал, как сдержаться и промолчать. На одной из пресс-конференций, посвященной пропаганде бокса, выяснилось, что я передал пятьдесят тысяч долларов Молодежному центру имени Мартина Лютера Кинга в Лас-Вегасе, и я прокомментировал это следующим образом:

– Это не означает, что я стал прекрасным парнем. Для меня сейчас все кажется обузой. Не знаю, следует ли мне использовать слово «обуза», но я просто не отношусь к числу совершенно благополучных парней. Я стараюсь делать все, что в моих силах, но всякий раз немного не дотягиваю до идеала, во мне всегда находятся какие-то недостатки.

Когда репортер спросил меня о моей дочери, я сделал Монике весьма сомнительный комплимент:

– Ее мать очень красива, но Рейни так красива и великолепна, что на ее фоне ее мать выглядит дурнушкой.

И о чем я только думал?

Перед поединком с Бруно у нас был какой-то совершенно сумасшедший лагерь. Крокодил занимался организацией моих спаррингов. Он пригрозил моим спарринг-партнерам, что, если они не будут уважать его, я настучу им по голове. После первого спарринга он пришел ко мне и заявил:

– Майк, а знаешь, все эти парни говорят, что они надерут тебе задницу. И что после этого они вместо тебя будут драться за чемпионский титул.

Он ударил меня прямо под дых. Значит, эти парни теперь собирались угробить меня? Мои спарринг-партнеры намеревались

драться со мной не на жизнь, а на смерть? Что за черт?

Однажды незадолго до поединка я прыгал со скакалкой, когда ко мне подошел Крокодил.

– Ты возвращаешься, чемпион. Али тоже был в изгнании, а затем вернулся и дрался за титул чемпиона мира, – сказал он.

– Да, Али не смог завоевать его, но я дерусь не с Джо Фрейзером[215]. Я дерусь с Фрэнком Бруно. Когда Али вернулся, ему пришлось драться с настоящими зверями. Но я собираюсь вернуть свой чемпионский пояс, – сказал я. – Я собираюсь сделать этого парня.

Эту уверенность я взял с собой на ринг. Меня сопровождал Крокодил, который был одет в черную жилетку с белой надписью на спине: «Любят немногие, ненавидят многие, уважают все». Когда я вышел на ринг, меня освистали впервые за всю мою карьеру, потому что в Лас-Вегас на бой прилетели тысячи бешеных английских фанатов Бруно, но я не слышал этого дерьма.

– *Тайсон – насильник, ла-ла-ла, ла-ла-ла*, – скандировали они. Но я ничего не слышал.

Когда Бруно вышел на ринг, я почувствовал от него запах страха. Его собственный промоутер позже отметил, что, как только распахнулась дверь раздевалки для выхода на ринг, «словно кто-то уколол Бруно, и он будто сдулся». Он перекрестился раз десять, пока исполняли британский гимн. То, что он боялся, придало мне настоящую уверенность. Когда мы дрались с ним первый раз, он дал мне хороший бой. Затем в поединке за титул он побил моего спарринг-партнера Оливера МакКолла, а также нокаутировал Леннокса Льюиса.

Я понял, что Бруно не хочет драться, так что мне оставалось лишь нанести ему несколько по-настоящему хороших ударов, и порядок. В конце первого раунда я ошеломил его ударом правой, который привел к сильному рассечению над левым глазом. Он так много клинчевал во втором раунде, что Миллс Лейн снял с него очко. Но это не имело значения. Примерно спустя полминуты после начала третьего раунда Бруно на секунду встал в левостороннюю стойку, и я потряс его двумя хуками с левой. Он попытался повиснуть на мне, но я провел два отличных апперкота с правой, второй из которых чуть не сбил его с ног. Он провалился в канаты, и я прикончил его. Я провел двенадцать чистых ударов. Миллс Лейн остановил бой, и я стал новым чемпионом в тяжелом весе по версии Всемирного боксерского совета.

Я повернулся к залу и победоносно поднял руки, наслаждаясь похвалой и преклонением перед собой. Затем я

продемонстрировал чувство собственного достоинства: я опустился на колени, приложил лоб к канвасу и отдал дань уважения Аллаху, совершив короткую молитву.

В глубине души я знал, что если бы Бруно дрался со мной в этом поединке с таким же настроем, с каким он делал это в первом бою, то я бы ни за что не победил его. Поэтому я встал и прошел в его угол, где он сидел на табурете и его утешала жена. Я погладил его по голове и поцеловал его в щеку.

В тот вечер я устроил в своем гостиничном номере вечеринку. Пришел мой приятель Зип и куча его ребят из Лос-Анджелеса. Зип любил шампанское, поэтому я заказал сто бутылок «Дом Периньон», и мы пили всю ночь.

Спустя шесть дней после боя я решил отбросить свою скромность. Я должен был драться с Брюсом Селдоном за его чемпионский пояс[216].

– Полагаю, что я заслуживаю гораздо больше, чем тридцать миллионов, и я не думаю, что получил все, на что имею право, – заявил я прессе. – У меня есть дети, о которых я должен заботиться. Никого не будет волновать, если мои дети будут голодать или сидеть на пособии. Никто ведь не придет ко мне, чтобы дать мне подачку, и не скажет: «Ты великий чемпион, мы все в долгу перед тобой».

Я снова был чемпионом, и это означало, что я стал еще более лакомой целью для аферистов, дешевых мошенников, вероломных женщин и обманщиков всех сортов. Мне трудно представить себе, какую кучу денег моей управленческой команде приходилось тратить на то, чтобы держать от меня подальше различного рода ловкачей и адвокатов, навязывающих свои услуги. Рори и Джон Хорн обычно уходили чуть раньше меня из спортзала, Джонни Тоссо отлавливали девушек, которые дожидались меня. Они знали, что стоит только мне поймать взгляд одной из них, я бы сказал: «Поехали!» – и мой режим тренировки был бы сорван.

– Чего вам надо от Майка? – спрашивал Рори у девушек. – Если бы он вам действительно был небезразличен, вас бы здесь не было.

И они давали девушкам немного денег только за то, чтобы те ушли и дали мне спокойно тренироваться дальше.

Моя помощница Латондиа держала под контролем всех психов и мошенников, которые добивались от меня денег. Она платила направо и налево тем, кто подъезжал к офису в инвалидных колясках в гипсе и со справками от врачей и утверждал, что я каким-то образом несу ответственность за их несчастья. Работники в моем доме «падали» с лестницы и

подавали иски. Женщины в лимузинах и норковых пальто часами ожидали в надежде, когда я появлюсь в офисе.

Время от времени у меня возникали конфликты, когда я выбирался из лагеря и напивался, поэтому часть денег уходила на Фонд непредвиденных последствий пьянства.

Ярким примером является случай, который произошел через несколько недель после поединка с Бруно. Я гулял в Чикаго в ночном клубе своего приятеля Леонарда. Я расслаблялся в офисе Леонарда рядом с VIP-зоной вместе с Энтони и парочкой других друзей, когда одна сумасшедшая леди в мини-юбке и с большими сиськами пожелала встретиться со мной. Они привели ее в офис, и мы с ней немного потискались.

– Я хочу тебя, – сказал я ей.

Это был моя манера. Как всегда, я был черным Рудольфом Валентино[217], он же чмошник.

Она возбудилась, и Энтони с ребятами вышли из комнаты в VIP-зону. Я вначале поставил ей небольшой засос на шею, но когда узнал, что она из Индианы, я просто прогнал ее. В буквальном смысле этого слова. Я дал ей пинка под зад. Я выпроводил ее из офиса, и она ушла. Энтони, а это было его работой, не заметил, чтобы она нервничала или как-то еще проявляла себя.

На следующий день Леонарду позвонил парень той девушки и сказал:

– Моя подружка передала мне, что Майк Тайсон приставал к ней в вашем клубе вчера вечером. Она написала заявление в полицию.

Это было паршиво. Я все еще был на испытательном сроке штата Индиана. Если бы я только ущипнул девчонку за зад, судья Гиффорд могла упечь мою задницу обратно в тюрьму еще на девять лет.

Леонард со своим приятелем, крупным предпринимателем, занимавшимся незаконной наркотой, изменяющей сознание, поехали в Индиану встретиться с этой девицей. Она сказала им, что я укусил ее за шею и попытался дотронуться до ее половых органов.

Леонард сразу же осознал, что нам совершенно не нужна новая ситуация «а он сказал, а она сказала». И он понимал, что ее интересует лишь то, как бы отхватить от моих денег приличный ломоть.

– Нам не нужны проблемы, – сказал он. – Сколько тебе надо?

– Вот здесь лежат десять штук, – предложил его приятель-предприниматель.

– Десять штук?! Я хочу десять миллионов, – сообщила им

девица.

– Десять миллионов?! – заржал Леонард. – Что же он сделал? Отпорол твою киску и забрал ее с собой? Мы об этом еще поговорим.

К тому моменту, когда Леонард вернулся по скоростной автостраде в Чикаго, эта история уже была во всех новостях: девица сообщила ее журналистам, как только они уехали.

Они развернулись и поехали опять к ней. У нее дома уже был адвокат за четверть доллара, какой-то парень в дешевом костюме с закатанными рукавами. Он был непреклонен в желании получить десять миллионов.

Леонард с приятелем вернулся в Чикаго. Он пытался выработать тактику действий, когда ему позвонил друг этой девицы, который был уже знаком Леонарду.

– Знаете, что с этой женщиной все было в порядке, – сказал он. – В тот вечер мы вместе ехали обратно, и она совершенно не сердилась на то, что сделал Майк.

Леонард понял, что тот не скотина, и попросил его сделать одно доброе дело. Друг этой девицы оказался трусоватым малым. Он усадил свою подругу в лимузин и повез ее в Чикаго, чтобы изложить всю историю на пресс-конференции, которую созвал Леонард. Леонард встретил их на полпути, переговорил с девицей, а затем трахнул ее на заднем сиденье лимузина.

На следующий день пришли двое полицейских для проведения расследования по полученному заявлению. Леонард сообщил им, что все это время он находился с нами вместе с двумя женщинами, своей племянницей и девушкой, которую он соблазнял. Затем он поехал ко мне в Огайо, где я должен был оставаться до тех пор, пока рассматривались обвинения против меня, чтобы как следует отработать и согласовать мою историю. Рядом с моим домом уже было полно машин с прессой, поэтому Леонард перед тем, как въехать ко мне, снял номера со своей машины. У меня он проинструктировал Рори и Джона, что я должен сказать полиции, когда с меня будут снимать показания на следующий день.

До того как оказаться под домашним арестом, я в воскресенье вечером еще раз съездил в клуб Леонарда на гангстерскую вечеринку. Каждое воскресенье в клуб набивалось две тысячи гангстеров со своей братвой. Я сидел за столиком Леонарда в VIP-зоне, когда ко мне подошла группа молодых бандюг. Я был в подавленном состоянии, размышляя о том, что эта лгунья может отправить меня обратно в тюрьму.

– Эй, Майк, что насчет этой суки? – поинтересовался один из них. – Где она живет, приятель?

Я держал рот на замке, подозревая, что этот парень может быть переодетым копом, который пытался устроить мне ловушку.

Эта леди оказалась не самой заслуживающей у полицейских доверия личностью. Ей было двадцать пять, она работала в косметическом салоне и содержала винный магазин в Гэри, штат Индиана. Ее муж несколько недель назад был убит после того, как ему были предъявлены обвинения в продаже кристаллического кокаина. Кроме того, буквально за несколько дней до инцидента со мной она смогла урегулировать дело о причинении травм в дорожно-транспортном происшествии в 1994 году. Дело было закрыто после того, как коп, который его вел, подал рапорт об отсутствии пострадавших.

Когда полиция отказалась выдвигать против меня обвинения, девица подала иск против клуба Леонарда в федеральный суд, заявив, что там позволили приставать к ней. Она получила свои деньги, когда страховая компания Леонарда урегулировала этот вопрос во внесудебном порядке.

Даже психолог, осуществляющий надзор надо мной во время испытательного срока, попытался поучаствовать в этом деле. Суд Индианы назначил психолога, доктора Кейта Дж. Смеди из Кливленда, обеспечивать надзор за моим испытательным сроком. Все, что я делал, должно было проходить через этого парня. Я даже не мог иметь близости с Моникой без соответствующего разрешения от него. Этот парень был одновременно и глуп, и продажен. У него были интеллектуальные способности, как, б… дь, у боксерской груши. Должно быть, он получил докторскую степень у своего дяди.

Выполняя для штата работу по надзору надо мной, он уговаривал всех моих друзей убедить меня в том, чтобы я договорился о сотрудничестве через его отца. Я знал, что могу взаимодействовать с этим парнем. Если бы у меня были неприятности, он бы не заявил о моих нарушениях, а держал бы эту информацию для возможного шантажа. С течением времени он проявил бы нечистоплотность, поэтому я решил просто сыграть с ним.

Сначала он был весьма строг, заявляя, что я не могу устраивать гулянки ни с кем из своих статусных друзей. Затем он начал заниматься вымогательством. Он узнал об этом чикагском деле и решил, что для него это неплохой шанс. Через несколько недель, когда пыль улеглась и копы отказались выдвигать против меня обвинения, Смеди прислал мне в офис счет за свои услуги:

«7 апреля, во время мусульманских пасхальных богослужений в Чикаго, мистер Тайсон посетил ночной клуб. Существенное падение показателей «доверие» и «положительное направление»

его программы, вызванное проступком мистера Тайсона, и возможное нарушение им правил условно-досрочного освобождения были проанализированы и обработаны доктором Смеди. Были отмечены серьезные проблемы в процессе выздоровления мистера Тайсона после его освобождения! Существует пять возможных вариантов действий применительно к мистеру Тайсону. Доктор Смеди взял на себя ответственность выступить со следующей рекомендацией:

1. Доктор Смеди НЕ выбирает варианта возвращения мистера Тайсона в Индианаполис, штат Индиана, как требовалось изначально, для возможного суда над ним по рассмотрению претензий этой молодой женщины, которая обвинила Тайсона в том, что он укусил ее в ночном клубе за лицо.

2. Доктор Смеди НЕ выбирает варианта возвращения мистера Тайсона в Чикаго, где ему предстоит подвергнуться серьезному допросу чикагских властей.

3. Доктор Смеди НЕ выбирает варианта немедленного повторного лишения свободы мистера Тайсона в ожидании расследования эпизода, имевшего место в Чикаго 7 апреля сего года.

4. Доктор Смеди НЕ выбирает варианта добавления срока для мистера Тайсона к имеющемуся сроку условно-досрочного освобождения и программы коррекции правонарушителя.

5. Доктор Смеди выбирает вариант крупного «денежного вознаграждения» для обеспечения должного уровня мышления и сознания правонарушителя Майка Тайсона.

В силу вышесказанного доктор Смеди налагает штраф в размере семи миллионов долларов (вознаграждение за воздействие изменений поведенческого мышления Тайсона с учетом потенциала заработка Тайсона) за указанный крайне серьезный проступок, который рассматривается в качестве потенциального риска рецидива поведения и нарушения условий условно-досрочного освобождения взамен выше перечисленных альтернативных вариантов действий. Это денежное вознаграждение направлено на оказание воздействия (т.е. шокирование) на мистера Тайсона, каторая (sic) должно остаться у него как «долгосрочная память», чтобы заставить его переосмысливать свои действия и применять в реальной жизни такое «мыслительное озарение», находясь в ночных клубах и других местах, где наблядается (sic)[218] «изобилие молодых женщин», в своей долгосрочной перспективе и особенно после завершения срока своего условно-досрочного освобождения. Безусловно, такой штраф может быть наложен только единовременно в течение срока условно-досрочного

освобождения правонарушителя. Дальнейшие проступки, являющиеся нарушением условий условно-досрочного освобождения, приведут к возможному увеличению срока условно-досрочного освобождения и возможным рекомендациям по повторному лишению свободы. (Данного шага не ожидается с учетом хороших усилий Майка до настоящего времени, которые следует продолжать и наращивать!) Указанная сумма в семь миллионов долларов уменьшается до двух миллионов долларов с учетом комплексных позитивных усилий мистера Тайсона до настоящего момента, исключая инцидент от 7 апреля. Необходимо помнить, что данное вознаграждение выступает заменой продления срока условно-досрочного освобождения, устраняет возможность резких, негативных сообщений в средствах массовой информации в том случае, если Тайсон был бы вынужден предстать перед судом штата Индиана и властями Чикаго и предотвращает «увеличение срока» тех ограничений, которые наложены на Тайсона по условиям условно-досрочного освобождения. Большинство этих ограничений, введенных после инцидента в Чикаго, по состоянию на текущий момент сняты.

Полная расшифровка расходов:

Расходы с апреля по август 1996 года: 182 862,00 долларов.

По состоянию на 7 апреля: проступок правонарушителя/ вознаграждение за ухудшение поведения потенциального нарушителя условий условно-досрочного освобождения: 2 000 000,00 долларов.

Итого доктору Смеди причитается: 2 182 862,00 долларов.

Оплатить в полном объеме необходимо в срок до 15 сентября 1996 года.

С уважением, доктор К. Дж. Смеди».

Ух ты! Я получил за хорошее поведение скидку в пять миллионов долларов! Мы не стали платить этому придурку, а как только мой испытательный срок истек, мы уволили этого козла.

Теперь, когда я вернул свой чемпионский пояс, моя мания величия стала вытеснять мою скромность. Организуя празднование своего тридцатилетия в своем доме в Коннектикуте, я потратил целое состояние на оплату авиабилетов для своих друзей со всех уголков страны и их устройство в соседнем отеле, который мы, по существу, захватили. У нас было тринадцать разных поваров, каждый из которых готовил на собственной кухне. Были все, от Опры[219] до Дональда Трампа[220], от Джей-Зи[221] до уличных сутенеров и их шлюх. Были сигары ручной скрутки (мастера-торседоры – только юноши). Были выступления Фрэнки Беверли[222] и группы «Лабиринт». Дорога в дом была устлана красным ковром. Как

только вы его преодолевали, вас встречали у дверей сорок телохранителей в костюмах «Плода ислама»[223].

Я был настолько маниакально-эгоистичен, что забронировал в своем доме девятнадцать комнат для девушек, с которыми был намерен переспать. Я, на самом деле, сказал Крокодилу: «Видишь всех этих девушек? Они мои». Хоуп была сердита на меня. Раньше она всегда оставалась в доме, но на сей раз я переселил ее в отель, чтобы освободить ее комнату для одной из моих поклонниц. Она была задета. Хоуп была чрезвычайно привлекательной девушкой, своей фигуркой она могла дать фору всем тем, с кем я спал. Она сказала мне:

– Майк, та женщина, которую ты пригласил, такая неопрятная и неряшливая, она испачкает мою постель. Если она, в самом деле, будет здесь спать, тебе придется сжечь матрас.

Я даже не удосужился пригласить Монику. В то время я встречался с ней крайне редко. Она постоянно пыталась все наладить у нас, но я был скотиной и подлецом. Я определенно не был создан для брака.

* * *

Следующим шагом на пути к получению объединенного титула являлось завоевание чемпионского пояса Всемирной боксерской ассоциации. Он пока был на Брюсе Селдоне, но ему оставалось носить его еще недолго. Я не слишком высоко оценивал Селдона как соперника и как конкуренту не придавал ему большого значения. Перед поединком я почти не тренировался. Крокодил пошел вместе со мной на пресс-конференцию до поединка, и мы с ним настолько достали Селдона, что тот начал во время нашего взвешивания делать в вестибюле отжимания на стуле. Он выглядел ошарашенным. Его менеджер стал хвалиться, каким Селдон был замечательным спортсменом – он мог пробежать четверть мили за пятьдесят секунд и прыгал в высоту на сорок дюймов.

– Что же он собирается делать, оказавшись на ринге? – спросил я. – Выпрыгивать оттуда с шестом?

Я вернул себе чемпионский пояс Всемирной боксерской ассоциации менее чем за две минуты. Я ударил Селдона с правой в верхнюю часть головы. Хотя это был не самый тяжелый удар, я зацепил его локтем, пронося руку, и Селдон упал. Как только он встал, я выбросил левый хук, который уложил его на живот. Он вновь поднялся, но так шатался, что Ричард Стил остановил бой. Думаю, что ни один из этих ударов не мог привести к нокауту, но

тренер Селдона позже признался, что тот был так напуган, что у него произошел на ринге нервный срыв.

– Кас так учил: два нокдауна – и готово, – сказал я Ферди Пачеко, когда он брал у меня интервью после боя.

С тех пор как я вышел из тюрьмы, я провел восемь раундов и заработал 80 миллионов долларов. Люди обращают внимание только на это. Никто и никогда не отдал мне должное за то, что я вышел из тюрьмы после трех лет за решеткой и после этого выиграл два чемпионских пояса. Меня сильно ранило такое отношение.

После моего боя с Селдоном ко мне в раздевалку пришел Тупак. Я был счастлив видеть его. Тупак олицетворял собой то, откуда все мы, черные люди, пришли, и все то, что мы пытаемся скрыть. У меня есть друзья-евреи, которые могут, посмотрев на еврейского парня, сказать: «Он тоже еврей». Точно так же и некоторые черные думали о Тупаке. В нем чувствовались горечь, безысходность и бессилие, которое каждый из нас пытался скрыть, чтобы другие не видели этого и не знали, что оно во всех нас заложено. Мы стремимся противостоять этому, но дело заключается не в этом. Если ты черный, ты постоянно борешься с этим чувством. Не имеет значения, насколько ты богат или сколько у тебя власти, оно все равно преследует тебя. И Тупак говорил о черных, о тех, кто устал от побоев и кто всего был лишен. Тупак предъявил нам наше рабское наследие, и большинство черных отдали ему должное за мужество так поступить. Он открыл нам глаза на то, почему в нас должны быть гнев и ярость.

Я строил планы увидеть Тупака позже этим вечером в «Клубе 662» Шуга Найта[224]. Но прежде мне хотелось вернуться домой и побыть со своей дочерью Рейни. Дома я слегка выпил и заснул. Кто-то разбудил меня:

– Майк, Тупака застрелили.

Я не мог в это поверить. Он ехал в машине, за рулем сидел Шуг. Они остановились на перекрестке, и из соседней машины по ним открыли стрельбу. Все было заранее спланировано. Дело в том, что после моего поединка у Тупака в казино возникла ссора с одним бандитом, и он ударил того по лицу. Он не убивал, но все его чувства после этого должны были быть обострены, так что Тупак в тот вечер должен был быть настороже. Когда я ухожу с ринга после боя, все мои чувства находятся на пределе. Я замечаю все вокруг, ощущаю все запахи, слышу все звуки в зале. Очевидно, что и Тупак чувствовал себя точно так же после своей ссоры – настороженным и готовым ко всему. Так что, скорее всего, его заказали – это было заказное убийство, а не случайная

перестрелка.

Поскольку я был уличным парнем, вся эта история показалась мне странной. Как правило, у таких ребят в свите человек сорок телохранителей. Вокруг машины Шуга не было машин из его окружения, чтобы блокировать движение? Если Тупак был их главным гостем и у него только что была драка, ему должны были организовать охрану. Где была охрана? Это был весьма скверный вечер. Тупаку было всего двадцать пять, но у него была целеустремленность и воля. Откуда он взял их? Он был благороден, великодушен и заботлив, и наряду с этим он был настоящим бойцом. Он был прекрасным человеком, я всякий раз наслаждался общением с ним.

Теперь у меня было два чемпионских пояса и тонны денег, и я должен был быть счастлив и доволен собой. Но я стал уже другим. Я постоянно находился в депрессии, я чувствовал себя несчастным. Я с детских лет принимал лекарства, и я, вероятно, продолжал получать их, выйдя из тюрьмы. Затем я начал заниматься самолечением. Мне безумно хотелось покурить травки все то время, что я находился в тюрьме, но я не решался, поскольку иногда там делали анализы мочи на присутствие наркотиков. Но теперь в моем распоряжении был доктор-шарлатан, доктор Смеди, и я знал, что он позаботится о том, чтобы моя моча была чистой.

Я снова стал употреблять кокаин. Сразу после поединка с Селдоном я был с одним приятелем, у которого водился «кокс», и я попросил его дать мне порцию. Ни с того ни с сего. Именно так наркоманы и поступают. Я пятнадцать лет не пробовал этой наркоты, а теперь вдруг, бац, это взяло и вернулось.

Я знаю, что настоящие мусульмане не курят травку, не нюхают кокаин, не пьют шампанское, но я пережил много дерьма. Я уверен: Аллах знал, что в моей жизни было просто ошеломляюще много дерьма и что я в то время не был достаточно сильным, чтобы справиться с ним.

В связи с какой-то фигней началось судебное разбирательство с Ленноксом Льюисом, я вынужден был отказаться от чемпионского пояса Всемирного боксерского совета сразу же после поединка с Селдоном. Льюис был обязательным претендентом, и я хотел объединить титулы. Таким образом, теперь я обладал только чемпионским поясом Всемирной боксерской ассоциации, и моим соперником был Эвандер Холифилд.

Если бы я дрался с Холифилдом в 1991 году, когда был изначально запланирован этот поединок, я бы нокаутировал его. Он знает это, все в его команде знают это. Самой большой удачей

в его жизни было то, что я попал в тюрьму. Вот тогда я утратил способность правильно выбирать момент. К этому моменту я еще не стал стойким и выносливым, способным отмахать на ринге восемь раундов подряд, как делал это раньше. Я говорил всем, что я еще не готов к поединкам высшей лиги, но Дон подталкивал меня, а мне хотелось денег. Я был алчным, поэтому я согласился на этот бой.

В предыдущих боях Холифилд смотрелся совершенно не впечатляюще. Он проиграл пару поединков, но, по крайней мере, он был активен. Я наблюдал за его боем с Бобби Чезом[225], кичливым полутяжеловесом. До того как проиграть в десятом раунде, Чез выбил из него все дерьмо. Так что, я не готовился к первому бою с Холифилдом слишком серьезно. Я посмотрел некоторые из его поединков, но в то время я не вырабатывал на свои бои какой-то определенной стратегии. Обычно я просто выходил и бил соперников. Ставки на этот бой принимались из расчета 25 к 1 в мою пользу.

Позже я узнал, что Крокодил получал информацию от некоторых ловких ребят, которые были близки к миру бокса и вели свою игру. Холифилд семнадцать недель тренировался как проклятый где-то в горах, однако Крокодилу подсовывали дезинформацию, что тот был не в форме.

– Майк, ты прикончишь этого парня, – говорил он мне.

История наших отношений с Холифилдом началась достаточно давно. Мы были вместе на юношеских Олимпийских играх и относились друг к другу по-дружески. Он всегда был на моей стороне, переживал за меня, когда я дрался, и наоборот. Когда он выступал на любительском ринге, у него случались неудачи. Он проиграл несколько таких боев, которые должен был бы выиграть, а затем у него был шумный успех на Олимпийских играх. Когда мы были моложе, мы никогда не думали, что когда-нибудь будем драться друг с другом и зарабатывать столько денег.

Собственно говоря, я именно поэтому и продолжал драться. Мое сердце уже не лежало к боксу, но мне были нужны деньги. Я больше не получал никакого удовольствия от того, что выходил на ринг. Как только я вышел из тюрьмы, весь этот азарт у меня прошел. Вот почему рядом со мной в то время был такой парень, как Крокодил. Он был нормальным парнем, постоянно мотивировал меня, психологически настраивал меня на поединок. Он был фанатом тренировок. Мне как раз был нужен такой человек, который бы подталкивал меня в то время.

Мой первый поединок с Холифилдом начался для меня достаточно удачно. Уже в первом раунде я провел хороший удар

по корпусу, и он вскрикнул. Я был уверен, что выиграю. Но, начиная со второго раунда, я, действительно, отрубился. Я не понимал, что происходило. Уже только во втором поединке я, наконец, осознал, что он намеренно ударял меня головой. Со второго раунда первого боя я дрался уже чисто инстинктивно, я ничего не помнил. В шестом раунде в результате одного из его ударов головой у меня открылось рассечение. В следующем раунде он почти нокаутировал меня ударом головой. В десятом раунде он провел серию из двадцати трех ударов. Я ничего не чувствовал, а только слышал их свист у своей головы. Я держался только благодаря адреналину. Когда я на перерыве ушел в свой угол, я не слышал всей той х… ни, которую говорили мне тренеры. Я не помню, как поднялся, как вернулся на ринг, как дрался. Помню только, что я был там. После боя я по-прежнему был в таком отрешенном состоянии, что спросил своих секундантов, в каком раунде я нокаутировал Холифилд.

В раздевалке Крокодил был в бешенстве.

– Посмотри на свою голову, Майк! – сказал он мне. От ударов Холифилда головой у меня было шесть здоровенных, размером с кулак, шишек. Кроме того, Крокодил был убежден, что Холифилд употреблял стероиды. Один парень из его команды, Ли Хейни, принимал участие в Олимпийских играх, и там его заподозрили в употреблении стероидов. Он сказал, что на взвешивании Холифилд выгляден вполне нормально, но когда он вышел на ринг, он стал похож на Голиафа.

Я был в такой ярости, что хотел немедленно провести с Холифилдом повторный поединок. Я был весь избит, на мне не оставалось живого места, однако уже на следующий вечер я приступил к тренировкам.

Я был страшно зол, что лишился своего чемпионского титула, но я никогда не оглядывался назад, на свои поединки, и не восклицал: «Да пошло оно…» Это случилось, и я начал все по новой.

Многих поражение сильно ранит. Флойд Паттерсон после потери своего титула, выходя на люди, стал носить фальшивые бороды и темные очки. Когда Формана, который проиграл Али, а затем Джимми Янгу[226], журналисты спросили, каково это – потерпеть поражение, он ответил: «Ты словно оказался в глубоком темном небытие, как в открытом море. У тебя ничего нет ни над головой, ни под ногами, совсем ничего. Ничего, кроме ничего. Везде ужасный запах, запах, который невозможно забыть, – это запах сожаления и скорби. В твоей голове множатся горькие мысли, которые раньше никогда не навещали тебя. Когда я оглянулся вокруг, то понял, что мертв. Вот так это было. Я

вспоминал, ради чего я трудился. Я даже не простился со своей матерью и своими детьми. Все свои деньги я упрятал в банковскую ячейку. Когда прикоснешься к сгоревшему листу бумаги, он рассыплется – вот такой стала моя жизнь. Я оглянулся назад и увидел, как она рассыпается, словно надо мной жестоко пошутили».

Я никогда не переживал так сильно из-за поражений. Я знаю, кто я такой – я человек. Такие парни, как Холифилд, всю свою жизнь связывают с боксом, поэтому они и продолжают драться так долго. Меня же воспитал Кас Д'Амато, который всегда говорил, что бокс – это не вся твоя жизнь. Это то, чем ты занимаешься для того, чтобы жить. Это то, чем ты занимаешься, чтобы построить свою жизнь. Но это не твоя жизнь. Он говорил: «Поражения, победы – не принимай этого близко к сердцу». Каждый раз, когда я терплю поражения, я справляюсь с этим, потому что это не стало моей жизнью. Вот то, чему меня научили.

К тому времени Моника была беременна вторым ребенком. Я выслушал много разного дерьма от имама в своей мечети в Лас-Вегасе в связи с тем, что мы все еще не были женаты. Дело заключалось в том, что я редко видел Монику и детей. Я бывал либо на тренировке, либо на встрече с одной из своих многочисленных подружек. В тот день, когда я сделал Монике предложение, Хоуп весь день оставалась с нами, поскольку она собиралась в школу в Вашингтоне, а затем я подбросил ее в школу, а затем направился на романтическую встречу с одной новой девушкой, которую я увидел в Вашингтоне.

Хоуп изводила меня насчет брачного договора. Мне, очевидно, следовало бы его составить, но я вел себя как импульсивный болван. Мы с Моникой все время ссорились, чаще всего по поводу моей неверности.

Я попросил брата Сиддика слетать в штат Мэриленд, чтобы провести там церемонию. Затем он удостоверил документы у местного имама округа Колумбия. Однако мой статус женатого человека ничего не изменил в моих отношениях с Моникой. Я по-прежнему встречался на стороне со своими девушками. Разница заключалась лишь в том, что теперь я должен был тренироваться для повторного боя с Холифилдом.

Когда я начал готовиться к своему матчу-реваншу, я сказал прессе, что, когда я потерпел поражение, у меня был плохой день, но теперь я собираюсь драться с Холифилдом так, словно я однажды уже нокаутировал его. Я научился этой психологической установке у мексиканских боксеров. Когда ты нокаутируешь американского боксера, в следующий раз он ведет с тобой бой очень осторожно. Но если ты нокаутировал мексиканца, он

выходит на следующий бой с тобой так, словно это он однажды уже нокаутировал тебя. Этих парней нельзя запугать. У них нет суеверий, они выходят на ринг без всяких комплексов, просто чтобы драться.

Перед вторым поединком я произвел некоторые изменения в своей команде. Я заменил своего бывшего соседа по комнате Джея Брайта, который был у меня тренером, на Ричи Джакетти. Уволить Джея было легко. Он был, можно сказать, из моей семьи, а члены семьи всегда уходят первыми. Ко второму бою я готовился весьма усердно.

За три дня до боя возникли некоторые разногласия по поводу рефери. Поединок вновь должен был судить Митч Халперн, однако во время моего первого боя с Холифилдом он был в стельку пьян. Когда во время инструктажа он проверял мои перчатки, я почувствовал от него запах. Кроме того, у него были красные глаза. Я сразу определил, в чем дело, поскольку сам употребляю спиртное. Никакой другой рефери не позволил бы так издеваться надо мной, как он позволил это делать Холифилду до одиннадцатого раунда, потому что он был здорово пьян и совершенно не в себе.

Некоторые из моей команды пытались убрать Халперна со второго поединка. Я мало что знаю об этом, я никогда не возражал против кого-либо. Моя работа заключалась в том, чтобы драться и не думать о рефери или судье-хронометристе. Однако Джон Хорн обратился к комиссии и заявил, что Халперн был слишком снисходителен, позволив Холифилду клинчевать и наносить мне удары головой.

– Если бы не Майк Тайсон, вас бы здесь не было, – сказал он членам комиссии.

Это был резко сказано. Комиссия проголосовала за то, чтобы оставить Халперна: четверо «за», один «против». Но после того, как этот вопрос был поднят, Халперн сам снял свою кандидатуру. В свою очередь, команда Холифилда выступила против Джо Кортеса и Ричарда Стила как возможных рефери, поскольку те, как предполагалось, симпатизировали мне. Таким образом, комиссия назначила на этот поединок Миллса Лейна. Миллс Лейн, бывший окружной прокурор и районный судья, часто повторял с жаром, что я был «опасным преступником», которого нельзя подпускать к боксу. Как мог я рассчитывать на справедливое отношение к себе со стороны рефери, который говорил обо мне такие вещи? Во время второго поединка с Холифилдом я еще не знал, что между Лейном и Холифилдом были близкие отношения. Томми Брукс, тренер Холифилда, в свое время заявил, что Миллс Лейн «заливался слезами», когда

Холифилд проиграл Риддику Боу. Я и не знал, что Миллс был влюблен в Эвандера.

Первоначально предполагалось, что мой второй поединок с Холифилдом состоится 3 мая 1997 года, но я во время тренировки слегка повредил голову, и бой был отложен до 28 июня. Я был претендентом, поэтому мне следовало выходить на ринг первым. На мой выход мы поставили песню Тупака. Все думали, что я хотел использовать бандитский рэп для укрепления своего имиджа, но только не в этом случае. Мне просто хотелось при выходе послушать хорошую музыку.

Поединок начался, и я чувствовал себя довольно уверенно. Я был в хорошей форме, двигался быстро. Я был почти неуловим, перемещаясь вокруг Холифилда, и до поры до времени не наносил серьезных ударов, просто боксировал. Затем Холифилд вновь боднул меня головой. Каждому, кто смотрел этот поединок, было очевидно, что тактика Холифилда заключалась в том, чтобы подождать, пока я не выброшу удар, а затем нырнуть в меня головой. Его удары головой не были случайностью, это была стратегия боя.

Во втором раунде стало еще хуже. Только я начал выбрасывать удары, как Холифилд снова нырнул, и у меня над глазом открылось серьезное рассечение. Я тут же обратился к Миллсу Лейну:

– Он боднул меня!

Однако Лейн даже не среагировал, он показал, что Холифилд сделал это непреднамеренно.

Холифилд же стал выцеливать мое рассечение над глазом. Он просто бросался на меня головой вперед. Он был выше меня, так что же его голова делала под моей? Я был обескуражен.

Когда начался третий раунд, я был уже в ярости. Я так рвался в драку, что покинул свой угол без капы, однако Ричи окликнул меня и вернул ее мне. В начале раунда я нанес Холифилду несколько тяжелых ударов. Зрители начали неистовствовать. Они почувствовали, что бой стал другим. Когда Холифилд вновь ударил меня головой, я потерял терпение. У меня на мгновенье потемнело в глазах, и я разъярился. Мне захотелось просто убить его. Тот, кто смотрел поединок, подтвердит, что он ударял меня головой совершенно открыто. Я пришел в бешенство и утратил какой-либо контроль над собой. Потеряв самообладание, я укусил его за ухо.

Все думают, что я выплюнул капу, чтобы укусить его, но это не так. Начиная с этого момента, я мало что помню, потому что был совершенно разъярен. Судя по записи боя, я, должно быть, выплюнул кусок его мочки уха на канвас, потому что я показывал

в том направлении: «На, бери это!» После боя этот кусок подобрали и попытались пришить его обратно, но не получилось.

Холифилд подскочил от боли, и когда он повернулся, чтобы пойти в свой угол, я толкнул его сзади. Мне хотелось пнуть его по яйцам, но я просто толкнул его. Это стало похоже на уличную драку. Доктор осмотрел его и разрешил ему продолжить бой. Миллс Лейн снял с меня два очка, но, как я понял, это уже не имело никакого значения. Сегодня все были против меня. Бой возобновился, и он снова боднул меня. Рефери, конечно же, не реагировал. Когда мы вошли в клинч, я укусил его за другое ухо, но мы продолжали драться до конца раунда.

Началось настоящее светопреставление. Угол Холифилда пожаловался Миллсу Лейну на то, что я снова укусил его, и Лейн остановил бой. Я был слишком взбешен, чтобы расслышать объявление ринг-анонсера: «Рефери Миллс Лейн дисквалифицировал Майка Тайсона за укус Эвандера Холифилда за оба уха!» Холифилд оставался в своем углу. Он больше не хотел ни кусочка этого дерьма, но я все еще пытался добраться до него. Я хотел уничтожить все и вся в его углу. Его заслоняли от меня, а меня оттаскивали прочь. Он же стоял в своем углу, скрючившись, и выглядел испуганным. Я все еще пытался достать его, расшвыривая полсотни людей перед собой и дерясь с копами. Господи! Они должны были успокоить меня электрошокером. Я сам за то, чтобы меня в тот вечер угостили электрошокером.

Каким-то образом меня все же увели с ринга. На обратном пути в раздевалку кто-то бросил в меня бутылку с водой, кто-то «послал» меня, показав средний палец. Я перелез через перила и попытался было добраться до них, но мой секундант оттащил меня. Другие зрители также стали бросать в нас бутылки с газировкой и пивом. Энтони Питтсу испортили костюм за 2500 долларов.

У Миллса Лейна прямо на ринге взяли интервью, и он утверждал, что все удары головой Холифилда были непреднамеренными. Взяли интервью также у Холифилда, который вознес хвалу Миллсу Лейну:

– Я очень рад, что у нас есть такой рефери, как Миллс Лейн, который контролирует ситуацию и отличает непредумышленные действия от умышленных.

Я продолжал бушевать в раздевалке. Не снимая перчаток, я колотил по стенам. Джон Хорн вышел поговорить с Джимом Греем, ведущим телеканала Showtime.

– Я могу сказать лишь, что Майк получил рассечение над глазом длиной в три дюйма[227], а Эвандер – легкий укус уха, который ничего не значит. Он прыгал по рингу, как маленькая

сучка. Последствия от ударов головой будут еще долго проходить. Прикиньте сами: один удар головой еще может быть случайным, но уж никак не пятнадцать, – сказал Джон.

Я с трудом вспоминаю свое интервью после боя. Мое лицо, все разбитое и опухшее, было похоже на уродливую маску. Я смахивал на какое-то чудовище. Джим Грей поймал меня, когда я уже уходил из раздевалки.

– Расскажите нам прежде всего об ударе головой во втором раунде, который привел к рассечению глаза, – попросил он.

– Он боднул меня еще в первом раунде, затем повторил удар головой во втором. Как только он стал наносить удары головой, я начал внимательно следить за ним. Он клинчевал и смотрел прямо на меня. Я видел, что он был намерен продолжать свои удары головой. И он продолжал идти головой вниз. Всякий раз, сблизившись, он бросался на меня опущенной головой. И никто не сделал ему предупреждения, никто не снял с него ни одного очка. Что я должен был делать? Это моя профессия. Я не могу позволить, чтобы меня вот так били головой. У меня дети, которых надо растить, а этот парень бьет меня головой, стараясь нанести мне повреждение, чтобы мне из-за него прекратили бой. Я должен был ответить тем же.

– Вы тут же прекратили драться, обратились к Миллсу Лейну и сказали ему об этом, на что он никак не отреагировал. Что именно вы тогда сказали Миллсу?

– Я не помню точно. Я сказал ему, что тот меня боднул. Я точно знаю, что я жаловался на удары головой, и мы жаловались на это еще во время первого боя. Послушайте, хочу сказать, что Холифилд – вовсе не такой крутой боец, как о нем все говорят. Когда его слегка укусили за ухо, он тут же прекратил бой. У меня поврежден один глаз, у него – нет, у него повреждены уши, я готов отдать ему одно, у меня есть еще одно. Я готов драться. А он не хочет. Я готов драться с ним прямо сейчас.

– Бой остановил Миллс Лейн, а не Холифилд, – напомнил мне Джим.

– Да он просто не хотел драться!

– Миллс сказал, что он останавливает бой. Вы укусили Холифилда. Когда вы укусили его за ухо, вы сделали это в отместку за глаз?

– Независимо от того, что я сделал, он наносил мне удары головой в течение двух поединков! – сказал я

– Майк, но вы должны были обратить на это внимание рефери!

– Я так и делал! Я обращался к рефери прямо на ринге!

– Почему вы поступили так жестоко, Майк? Разве это был

достойный ответ?

Я вышел из себя и закричал:

– Посмотри на меня, приятель! Посмотри на меня! Ну, посмотри же на меня! Я должен вернуться домой вот таким! Мои дети испугаются меня! Посмотри на меня, парень!

Затем я в бешенстве повернулся и ушел прочь. Мы поехали прямо ко мне домой, где нас дожидались женщины. По ряду причин они не смогли поехать на поединок и смотрели его по телевизору.

У ворот дома толпились разгневанные демонстранты. Они гудели клаксонами и кричали: «Договорный бой!» и «Убирайся отсюда!» Кто-то даже забросил на мою территорию рыбью голову. Они шумели до тех пор, пока один из охранников не выстрелил в их сторону из пневматического пистолета.

Пришел врач и наложил мне швы. После этого я начал ходить по столовой и переживать вслух:

– Я не должен был этого делать!

Я раскаивался, но раскаивался с большой неохотой, скрепя сердце. Я утратил контроль над собой, я потерял самообладание.

– Мои фанаты будут ненавидеть меня, – расстраивался я.

Моника проявила понимание и постаралась утешить меня. Она сказала, что каждый человек делает ошибки. Я немного покурил травки, выпил немного и пошел спать.

Возвращаясь к событиям в гостинично-развлекательном комплексе MGM Grand, где состоялся мой поединок, можно упомянуть, что там произошла массовая драка в казино, многие попали в больницу. Игровые столы были опрокинуты, фишки украдены. После этого казино закрыли, просмотрели записи видеонаблюдения, вычислили тех, кто украл фишки, и арестовали их. Это был полный кавардак.

На следующий день настроение у меня было отвратительным. Я понятия не имел, что этот незначительный инцидент мог привести к таким серьезным последствиям. Вся моя жизнь была именно такой. Я говорю или делаю что-либо, на мой взгляд, совершенно обыденное, а весь мир придает этому громадное значение. Я не думал, что моей реакцией воспользуются для того, чтобы повлиять на мою карьеру. Возможно, мне следовало получше просчитывать дальнейшие последствия моих действий, но я просто не привык к этому.

Как утверждали, я будто бы подозревал, что могу потерпеть поражение, поэтому и устроил весь этот спектакль с укусом. Но это полная туфта. Если бы дело обстояло таким образом, я бы поступил так уже в первом поединке. Если я проигрывал в каком-нибудь бою, я достойно принимал свое поражение и никогда не

прибегал к каким-либо уловкам. Никто и никогда не мог назвать меня дрянью. Я разозлился, я распсиховался, я потерял самообладание. Я укусил Эвандера Холифилда за ухо, потому что в тот момент я был в ярости, и мне было не до правил ведения боксерских поединков маркиза Квинсберри.

Громкой огласки избежать не удалось. На обложке журнала *«Спортс Иллюстрейтед»* красовался громадный заголовок: «СУМАСШЕДШИЙ!» Президент Клинтон заявил, что он был «в ужасе». В комедийной телепрограмме «Леттерман и Лено» появились соответствующие шутки. К примеру, я был номинирован на звание «Спортсмена Уха», а сам поединок назвали «Расплатой за перекус». Пресса призвала к моей пожизненной дисквалификации. Меня называли «грубым», «отвратительным», «возмутительным», «диким», «ужасным», «мерзким», «гнусным», а также «каннибальским». Но меня это мало беспокоило. Я уже понял, что в любом случае этот случай будет использован против меня.

Проблема отчасти заключалась в том, что люди реагировали на имидж человека, а не на его истинную суть. По записи поединка можно было сделать совершенно четкий вывод о том, что Холифилд дрался очень грязно, но у него был имидж хорошего парня. Он был единственным, кто шел к рингу, исполняя евангельские песни. Когда позже он попал в стероидный скандал в Мобиле, штат Алабама, об этом не стали писать статьи под огромными заголовками[228].

Наряду с этим нашлось много людей, которые выступили в защиту моего поступка. Я получил большую поддержку от иностранной прессы. Так, Тони Сьюэлл, английский журналист, опубликовал статью под названием «Почему «Железный Майк», которому устроили разнос, все же был прав». Он, в частности, писал: «Весь мир негодует, требуя, чтобы Тайсону впредь запретили приходить в бешенство и крушить все вокруг. Но я чую отчетливый запах лицемерия. Тайсон проявил себя как гладиатор, нарушивший правила. А настоящие дикари – это зрители, которые теперь хотят скормить его львам».

Я оказался в весьма спорной ситуации, в которой может оказаться любой человек, когда в голову приходит такая мысль: «Да, это п… ц, я не должен был этого делать! Но я не мог поступить иначе!» Через несколько дней толпы людей уже аплодировали мне за то, что я укусил этого парня. Все стали думать, что это круто.

– Да, чемпион, я бы тоже укусил этого ублюдка! – кричали они.

Я чувствовал себя гораздо лучше, когда меня осуждали за то,

что я откусил ухо, чем когда меня за это хвалили.

Вскоре после боя начались судебные иски. Один парень подал коллективный иск, чтобы получить компенсацию за свой билет. Еще одна женщина, которая подавала напитки во временном буфете в зале, заявила, что получила травму, когда охранник толкнул ее на стол, когда начались беспорядки. Все эти иски были отклонены.

Жена Холифилда также грозилась подать в суд на Крокодила за то, что в ходе боя тот, среди прочих наставлений, кричал мне:

– Майк, позубастей! Покажи зубы!

Она отказывалась признать, что под выражением «показать зубы» в данном случае имеется в виду не «укусить», а «быть более напористым».

Дон был обеспокоен тем, что мне могут запретить выступать до конца жизни, поэтому он уговорил меня предпринять некоторые антикризисные меры. Он нанял Сига Роджика[229], крупного специалиста по связям с общественностью, чтобы тот написал заявление, с которым мне предстояло выступить в следующий понедельник на пресс-конференции в MGM Grand:

«Я сорвался и вышел из себя. Вечер прошедшей субботы был худшим вечером в моей профессиональной карьере. Сегодня я здесь, чтобы извиниться, чтобы просить тех, кто ожидал большего от Майка Тайсона, простить меня за этот срыв на ринге и за то, что я сделал. Я никогда не делал этого прежде и не намерен делать этого впредь».

Я извинился перед Холифилдом и продолжил читать написанное для меня:

«Я думал, что мог проиграть из-за серьезности рассечения над глазом, и вышел из себя. Могу только добавить, что мне всего лишь тридцать один год, я в самом расцвете карьеры, и я сделал это, потому что у меня не было другого пути. Я вырос на улице, я боролся за то, чтобы вырваться оттуда, и я туда уже не вернусь. Я проделал в своем прошлом трудный путь. Я не оканчивал элитных школ, некому было помочь мне, когда я больше всего нуждался в этом. Я ожидаю наказания и готов заплатить за свой срыв, как мужчина. Я обращался за помощью к врачам-специалистам, чтобы мне сказали, почему я сделал то, что я сделал, и я получу эту помощь. И теперь я буду пытаться тренировать не только свое тело, но также и свое сознание».

Я зачитывал эти слова, написанные для меня, но сам не верил в то, что произносил. Я чувствовал себя весьма дерьмово от того, что мне приходилось говорить все это, поскольку в моем сердце было совсем иное. Я просто соблюдал формальности. Я знал, что в любом случае против меня будут приняты меры, и, если честно,

меня действительно не беспокоило, дисквалифицируют ли меня. Я покупал в Нью-Йорке «Феррари», когда Атлетическая комиссия штата Невада собралась, чтобы решить мою судьбу. Меня представлял Оскар Гудман, который затем стал самым известным в истории мэром Лас-Вегаса. Пресса призывала пожизненно дисквалифицировать меня. Оскар выработал хорошую защиту, но члены комиссии жаждали еще крови. 9 июля, обозвав меня «позором для бокса», они оштрафовали меня на 10 процентов моего состояния, что составило три миллиона долларов, и дисквалифицировали меня по крайней мере на год. После всего того, сколько денег я обеспечил этому городу, я почувствовал себя преданным. Никто даже приблизительно не принес Лас-Вегасу такой выручки, как я.

Это было еще одно Правило Тайсона. Штраф и дисквалификация, как эти, были беспрецедентными для профессионального спорта. В 1977 году Кермит Вашингтон из баскетбольного клуба «Лейкерс» во время игры сломал Хьюстону Руди Томьяновичу из клуба «Рокетс» челюсть и проломил ему череп. Он чуть не убил Руди, который был вынужден завершить свою карьеру после этого удара, – и был оштрафован лишь на 10 000 долларов с дисквалификацией на шестьдесят дней. Хоккеист Дэйл Хантер жестко толкнул Пьера Тарджона сзади на борт после того, как тот забрал у него шайбу и забил гол, который решил игру. Этот удар перечеркнул участие Тарджона в играх серии плей-офф того года – а Хантер был дисквалифицирован всего на двадцать одну игру и потерял 150 000 долларов. Еще более яркий пример: в знаменитой серии финальных матчей по хоккею между Россией и Канадой в 1972 году Бобби Кларк ударил Валерия Харламова, лучшего русского игрока, клюшкой по лодыжке. В результате этого триллера Харламов получил перелом лодыжки, и канадцы выиграли эту серию. Кларк даже не был оштрафован или дисквалифицирован. Он стал в Канаде национальным героем.

– Я не знаю, о чем я тогда думал. Я сделал ужасную вещь, – скажет он позже. – Но чувствовал я себя после этого, конечно, превосходно.

Я уверен, что и Эвандеру тоже знакомо это чувство. Когда ему было восемнадцать лет, он участвовал в турнире «Золотые перчатки» штата Джорджия. В полуфинале он встречался с парнем по имени Джеки Уинтерс. Уинтерс провел Холифилду левый хук по корпусу и левый в голову. Когда Холифилд поднялся, он был ошеломлен и находился на грани нокаута. Поэтому он повис на Уинтерсе, выплюнул свою капу и до крови укусил его в плечо. Уинтерс от боли отшатнулся и закричал.

Затем раздался гонг. Рефери снял с Холифилда очко, и бой продолжился. Уинтерс победил единогласным решением судей. Единственным последствием для Холифилда, укусившего своего противника, явилось ущемленное самолюбие и единогласное судейское решение против него.

Глава 11

На время своей дисквалификации я старался не привлекать к себе внимания. Вначале я практически вообще не появлялся на людях. Одной из причин этого было то, что я проводил много времени в стриптиз-клубах. Всякий раз, когда я встречался с новой девушкой, я вел ее на первое свидание в стриптиз-клуб. Дошло до того, что Латондиа приносила в стриптиз-клуб квитанции, которые я должен был подписать, и я ставил на них свою подпись, когда в десяти футах от меня на шесте танцевала девушка. Я жил в воображаемом мире.

В октябре 1997 года было, наконец, принято решение суда по иску Митча Грина. Митч подавал на меня иск на 3 миллиона долларов для возмещения материального ущерба и на 20 миллионов долларов для возмещения морального ущерба. Я опасался, что жюри с учетом падения моей репутации может принять решение не в мою пользу, и чуть было не предложил Митчу в качестве отступного четверть миллиона долларов, чтобы урегулировать этот вопрос. Хорошо, что я не сделал этого. Жюри пришло к мнению, что меня спровоцировали на драку. В его пользу присудили 100 000 долларов, но при этом определили, что на нем лежит 55 процентов ответственности за телесные повреждения, так что мне пришлось заплатить ему лишь 45 000 долларов.

У меня оставалось мало наличных денег. Хотя с 1995 года по 1997 год я заработал около 114 миллионов долларов, я потратил почти все. Кроме того, мне следовало оплатить налоги на сумму в 10 миллионов долларов. У меня было около 6 миллионов, и Дон предлагал мне ссуду в 4 миллиона, чтобы закрыть налоговый вопрос. Однако я хотел использовать эти деньги на то, чтобы создать доверительные фонды для своих детей. Поэтому я не стал платить налогов, а выделил деньги детям. Оглядываясь назад, следует признаться, что такое решение было неразумным, но в то время я был самонадеянным. Настолько самонадеянным, что считал вполне возможным всю ночь пить и ловить кайф от наркоты, а затем отправиться на мотоцикле из Нью-Йорка домой в Коннектикут, выжимая 130 миль в час.

Это смешно, но когда я разбился, я ехал на скорости всего лишь 10 миль в час. За несколько минут до этого полиция остановила меня и моих приятелей на мотоциклах за превышение скорости, и оказалось, что у меня даже нет водительских прав или чего-нибудь еще. Тем не менее, нас отпустили, сделав нам предупреждение. Мы продолжили путь домой, я начал дремать и

сбавил скорость. Я полз как улитка и клевал носом. На какое-то мгновенье я провалился в забытье, а когда очнулся, то увидел прямо перед собой своего приятеля. Я не хотел въехать в него, поэтому резко ударил по тормозам и перелетел через руль.

Во время моей дисквалификации Латондиа работала в доме в Коннектикуте. Ей позвонил дорожный патруль, который сообщил, что я попал в аварию, но от медицинской помощи отказался. У меня в голове все так перепуталось, что я попросил леди, которая обнаружила меня и хотела доставить в больницу, вместо этого отвезти меня домой. Добравшись до дома, я был совершенно не в себе и хотел только спать. Латондиа позвонила Монике, и та села на первый же рейс из штата Мэриленд, одновременно наказав ни в коем случае не позволять мне заснуть. Очевидно, случилось что-то с ребрами, была ужасная боль. Я говорил, хватая воздух ртом, потому что было пробито одно легкое, но тогда я не понимал этого.

Я продолжал дремать, но меня постоянно тормошили: «Майк, не засыпай!» В конце концов Фарид и Латондиа затащили меня в горячую ванну, чтобы привести в чувство, поскольку мне было очень больно, но и это не помогло. В конечном итоге мы поехали в отделение «Скорой помощи». У меня были сломаны ребро и плечо и пробито легкое. Медсестры были удивлены, что я не переломал ног, потому что при падении мои брюки изорвались в клочья. В то время у меня был избыточный вес, и, подозреваю, именно это несколько смягчило мое падение. Мне вкололи морфий, и я постоянно звонил, требуя еще. Меня вырвало, и из моих легких вышло все это светлое вязкое дерьмо. Но морфий мне понравился.

Через несколько дней я почувствовал себя лучше и выгнал всех из дома. Монику, ее мать, свою дочь Рейни, Рори, своих охранников – я попросил всех уйти. Фарид и Латондия тоже собирались уходить, но я вернул их и попросил остаться. Спустя несколько дней я зашел в офис к Латондии.

– Латондиа, поговори с Шони. Я хочу, чтобы вы поладили и работали вместе. Скоро многое изменится. Ты со мной?

– Конечно. Вы же знаете, – ответила она.

Не думаю, чтобы она восприняла всерьез мои слова, однако я последнее время много разговаривал с женщиной, которую звали Шони Симмс. Ее нашел и представил меня ей Крейг Буги. Буги всегда высматривал людей, которые могли принести мне пользу. Шони жила в Атланте. У нее был хорошо подвешен язык, как у человека, который привык «убалтывать» других ради важной цели. Она утверждала, что может обеспечить мне регулярные денежные потоки, и заявила о желании начать работу по

улучшению моего имиджа с привлечением к этому делу представителей династии Шрайверов[230] и Кеннеди. Я был готов поддержать все, что могло приносить деньги, потому что был на мели и не замечал, чтобы Дон старался заполучить мне какую-либо сделку.

У меня на рассмотрении была сделка с «Всемирным фондом дикой природы» по выступлению на шоу *«Рестлмания»*[231], намеченного на март 1998 года. Я пригласил Шони в Коннектикут для участия в переговорах. Это был первый раз, когда мы встретились, до сих пор мы в течение нескольких недель каждый день общались лишь по телефону.

На переговорах Шони положила свою руку мне на плечо. Когда мы вышли из здания, я отвел ее в сторону.

– Больше никогда не прикасайтесь ко мне на людях, блин! Не прикасайтесь ко мне, когда я общаюсь с бизнесменами! – сказал я.

Я изобразил перед ней Арнольда Ротштейна по полной программе.

Шони, тем не менее, продолжила свои попытки. Некоторые мои друзья с самого начала предупреждали меня о ней. Они подозревали, что Шони использовала их для получения информации обо мне. Они полагали, что она, пользуясь компьютером, целыми днями начитывалась про меня и про последние события в мире бокса, поэтому знала всех его игроков. Они были убеждены, что Шони вовсе не является крупным бизнесменом, а просто обдуманно соблазняет меня. Но я был готов дать ей шанс. Она постоянно убеждала меня в чем-то: «Майк, вам необходима поддержка. Вы должны зарабатывать шестьдесят миллионов за каждый поединок. Бла-бла-бла».

Когда она как-то в очередной раз приехала из Атланты, я неожиданно переспал с ней. Не потому, что меня влекло к ней, просто я был под кайфом. Не думаю, что она пыталась соблазнить меня. Мы больше никогда не спали вместе. В то время я был натуральной свиньей.

Мой контракт с «Всемирным фондом дикой природы» был согласован в конце декабря. Компания «Дон Кинг продакшнз» должна была получить для меня гонорар в размере 3,5 миллиона долларов за то, что я выступлю приглашенным рефери на основном мероприятии шоу *«Рестлмания XIV»*. Я должен был также получить 25 % от выручки шоу, превышающей 600 000 долларов. Это казалось вполне приличной суммой. Однако потом я узнал, что Дон подписал еще один договор, согласно которому он должен был получить 300 000 долларов за использование моего изображения в рекламной кампании «Всемирного фонда

дикой природы». Кроме того, он должен был получить 10 % от выручки шоу, превышающей 600 000 долларов. Как, мать его, Дон исхитрился заработать на моем изображении?

Я обратился к своему приятелю, который работал в индустрии развлечений. В свое время я встретил Джеффа Вальда благодаря Дону, когда я уходил от Кейтона. Он помог мне при разводе с Робин и в целом был классным парнем. Я уважал Джеффа, потому что он, как и я с Доном, преуспел в жизни с нуля. Он рассказал мне, что его отец умер, когда он был ребенком, а мать все время била его.

В конце января я был в Лос-Анджелесе с множеством вопросов о том, как ведется мой бизнес. Я попросил Шони позвонить Джеффу. Было 6.30 утра, и она сообщила ему, что я стоял возле его дома/офиса. Джефф был зол, потому что это был его день рождения, но впустил меня.

– Кто владеет правами на мое изображение? – сразу же поинтересовался я, как только мы сели.

Я рассказал ему, как Дон получил триста штук за использование моего изображения. Он высказался в том духе, что это не лезет ни в какие ворота, и позвонил Дону.

– Вы не можете делать деньги на изображении Майка, – сказал он ему.

– А Майк сидит там? – спросил Дон.

– Да, – ответил Джефф.

– Ладно, я отдам ему оригиналы изображений, но ты не должен встречаться с Майком без меня, сукин сын! – закричал Дон.

Когда Джефф положил трубку, я протянул ему восемь машинописных страниц с подробностями моего последнего финансового отчета. Бегло прочитав их, он был шокирован:

– Почему тебе выставляют счет в восемь штук в неделю за твой дом в то время, когда ты на сборах в лагере? Кроме того, ты платишь тысячи долларов за одни только полотенца. Кто, мать его, твой бухгалтер?

Я сказал, что это Мухаммед-Хан.

– Это бухгалтер Дона, – возразил Джефф. – А кто твои юристы?

Я рассказал ему о своих деловых менеджерах от «Сидли Остин»[232].

– Но это юристы Дона. Я много раз встречался с ними, – сказал Джефф.

Я разозлился. Джефф велел мне прийти на следующий день, чтобы он мог более внимательно просмотреть документы. Я вернулся в свой номер в отеле «Бел Эар».

После того как я ушел от Джеффа, Кинг позвонил ему и пригрозил, что он собирался вылететь в Лос-Анджелес и засунуть Джеффу в задницу ружье. Кинг и в самом деле прилетел в Лос-Анджелес и примчался в отель «Бел Эар» умолять меня, чтобы я образумился. Я как раз садился в свой лимузин рядом с отелем, когда Дон попытался втиснуться вместе со мной.

– Майк, нам надо поговорить, – сказал он. – Почему ты так поступаешь со мной в то время, когда эти белые ублюдки снова тащат меня в суд?

Дело в том, что правительство вновь привлекло его к ответственности за страховое мошенничество.

Я пнул его ногой в голову, и он вылетел из машины. Затем я вышел и еще добавил. Подозреваю, что те, кто в это время ожидал свои машины у отеля, были в шоке.

– Если захочешь встретиться, найдешь меня в офисе Джеффа Вальда, – сказал я и сел в машину.

Я сидел в конференц-зале вместе с Джеффом и его партнером Ирвингом, когда появился Дон.

Джефф был готов к разговору с ним.

– Взгляни-ка на это дерьмо, приятель, которое ты устроил ему, – сказал он, показывая финансовые отчеты. – Это все неправильно.

– Ты бы лучше занимался своим делом, Иуда, – ответил Дон. – Я тебя кормил, давал тебе работу…

Они немного покричали друг на друга, затем Дон попытался предложить компромиссный вариант.

– Вот послушай, я уволю Рори и Джона, и ты с Ирвингом получишь их двадцать процентов, – сказал он.

– Минуту! – воскликнул Джефф. – Здесь сейчас сидит Майк. Это его двадцать процентов. Это он должен выбрать, кто будет управлять его делами, а кто не будет этого делать. Кроме того, хотелось бы знать: ты даешь нам двадцать процентов – от чего? У парня нет лицензии, и ты не сделал ровным счетом ничего, блин, чтобы вернуть ее. Так что пошел ты нах… й!

Они опять начали кричать друг на друга. Мне надоело выслушивать пустые слова, я жаждал действия. Поэтому я схватил вилку и направился к Дону. Джефф бросился вперед и вклинил свои 170 сантиметров роста между нами.

– Стойте, ублюдки! Не сметь делать это в моем доме! – закричал он.

Его секретарша, слышавшая все это из холла, пришла в ужас и бросилась на улицу. Между тем Дон прошел из конференц-зала в мой кабинет, позвонил оттуда Монике и попросил ее успокоить меня.

Обстановка слегка нормализовалась, и Дон вернулся к нам.

– Дон, гляди, сколько чертовых денег ты заработал на Майке! – сказал Джефф.

– Но сколько денег я заработал и для него самого! – ответил Дон.

– Это не дает тебе права обкрадывать его, блин! – сказал Джефф. – Меня не волнует, сколько ты заработал для Майка. Ты не смог защитить его. Ожидалось, что именно ты будешь тем, кто защитит его от белых дьяволов. Тебе следует уяснить, что у тебя нет негра, который пашет на тебя. И в этой комнате единственный белый дьявол – это ты.

Я разразился смехом.

А Дон вышел из офиса.

– Ребята, принимайтесь за работу, – сказал я Джеффу и Ирвингу.

И Джефф тут же приступил к делу. Он пригласил бухгалтера, который затребовал все дела у моего прежнего бухгалтера. Затем он поручил Джону Бранка и его юридической фирме изучить все мои контракты. Бранка был одним из лучших адвокатов в стране.

Между тем Дон использовал любой шанс, чтобы навредить Джеффу. Давая интервью телеканалу Showtime во время одного из поединков, он обмолвился Джиму Грею: «А Джефф Вальд – это Иуда и расист». Джефф смотрел эту передачу вместе с женой, и она не была в восторге, услышав такое. Когда Джефф в следующий раз отправился в Нью-Йорк, он нанял своим телохранителем здоровенного лейтенанта полиции в его неслужебное время.

2 февраля я уволил Джона Хорна и Рори. Бранка направил им соответственное письмо. Я любил Рори, но у меня не было другого выбора, кроме как уволить его вместе с Джоном. Чем больше мы копали, тем больше обнаруживали, что Дон использовал этих парней, чтобы вынудить меня подписывать контракты, которые меня здорово «подставляли». Им же они приносили миллионы долларов. Я был ошеломлен таким предательством. Во мне притупились все чувства, я впал в какой-то ступор, в том числе от наркоты, которую потреблял. Возможно, это было и к лучшему, поскольку в противном случае я бы просто взял пушку и разнес, нах… й, их сраные мозги. Именно так я бы и поступил, если бы был моложе. Оставалось только радоваться, что у меня уже не хватало пороху для этого.

4 февраля офис Джеффа Вальда выступил с официальным заявлением от моего имени:

«В настоящее время я принял управление своими собственными делами, как личными, так и деловыми. Я нанял

новых адвокатов и бухгалтеров, которые подчиняются непосредственно мне. Я создал фирму «Майк Тайсон энтерпрайзис» и продолжаю стремиться к тем целям, которые поставил в своей жизни. Я ценю поддержку, которую всегда получал от американской общественности, и с надеждой смотрю в будущее, ожидая новых ярких свершений.

В настоящее время я не готов отвечать на какие-либо вопросы. Тем не менее, оставайтесь с нами и следите за новостями».

На следующий день я был в Нью-Йорке в кафе «Все звезды» на пресс-конференции, которая была посвящена шоу *«Рестлмания»*. Все журналисты жаждали задать мне вопросы о моих отношениях с Доном, Джоном и Рори. Я подтвердил, что уволил Джона и Рори и пытаюсь освободиться от Дона. Затем я протянул оливковую ветвь Рори:

– Я надеюсь, Рори понимает, что в его увольнении нет ничего личного. Рори остается частью моей жизни. И только от него зависит, какую роль он хочет играть в моей жизни.

Я получил ответ на свой вопрос, когда Дон, Джон и Рори сделали свои собственные заявления. Дон, в частности, сказал:

– Я люблю Майка, и он знает это. Однако зачастую находятся внешние силы и лица, пытающиеся спекулировать на чувстве разочарования и отчаяния, которое испытывает Майк в связи с перерывом в своей карьере в результате дисквалификации.

Джон и Рори, похоже, отказывались признавать очевидные факты. «Полагаем, что иногда даже в лучших дружеских и деловых отношениях может возникнуть разочарование и непонимание. Именно так мы расцениваем случившееся», – говорилось в их совместном заявлении.

Это и был ответ на мой вопрос. Рори согласился связать свою судьбу с двумя негодяями. Меня бросил и предал тот, ради кого я готов был рисковать своей жизнью. Но меня предавали и раньше, и надо было продолжать свою путь. Больше я никогда не обращался к Рори и Джону.

Мы принялись распутывать паутину, которую создал Дон. В частности, непонятная ситуация была с телеканалом Showtime. Мы обнаружили огромные платежи Дону «в интересах Майка Тайсона», но из этих сумм я никогда не видел ни пенни. Showtime утверждал, что я задолжал им эти деньги. Джефф позвонил парням с Showtime, накричал на них и заставил их прийти в Калифорнии на встречу с командой наших юристов.

– Вы, ребята, преступники похлеще, чем Дон Кинг, – сказал он им. – Вы гребаные управленцы.

Все они были озабочены лишь тем, чтобы в конце года

получить свои бонусы. Но мы ничем не могли им в этом помочь – у нас был оформленный надлежащим образом контракт с Showtime.

Я был с управленцами Showtime чуть менее вежлив. Я не лебезил перед ними. Я не считал их такими уж крупными управленцами. Я просто позвонил им и пообещал надрать задницу Джею Ларкину[233]. Они ответили: «Вам должно прийти письмо от нашего адвоката».

– Е… л я вашего адвоката в жопу, уроды! – отреагировал я.

Мы обнаружили столько дерьма в том, что они там налабали с Доном, что Джефф решил переговорить по этому вопросу с Дэйлом Кинселлой, партнером Говарда Вейцмана[234]. Дейл был весьма известным адвокатом, представлявшим на судебных процессах различные стороны. Я встречался с ним несколько раз. Дейл вспомнил ту встречу, когда он дал интервью для документального фильма обо мне:

– Будущее Майка было четко распланировано Доном Кингом еще до его освобождения из тюрьмы. Майк предоставил Дону доверительное управление во многих сферах, и тому удалось устроить все таким образом, что у Майка не было ни юристов, ни финансовых консультантов, ни бухгалтеров. Я вводил Майка в курс дела некоторых юридических документов. Благодаря одному из них Дону удалось взять из кармана Майка 43,5 миллиона долларов и положить их в свой карман. И это лишь один документ из множества.

Да, это была лишь верхушка айсберга.

Хорошей новостью явилось то, что с декабря я стал ходить к психотерапевту. Моника познакомила меня с доктором Ричардом Гольдбергом, начальником психиатрического отделения Медицинского института Джорджтауна. Сначала я не испытывал большого желания открыться перед евреем среднего возраста, но он был, действительно, потрясающий парень, и я извлек пользу из своих визитов к нему. Гольдберг поставил мне диагноз «дистимическое расстройство»[235], которое, по существу, представляло собой хроническую депрессию. Он попал в самую точку. Он назначил мне золофт[236], и, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я почувствовал себя лучше. Конечно же, я дополнял назначенные им препараты своими собственными: наркотики принимались факультативно.

Уверен, что именно золофт подействовал на меня, не позволив впасть в ярость, когда со мной случилось одно нелепое происшествие в ночном ресторане в штате Мэриленд. Я клево тусовался в клубе DC Live в Вашингтоне. Когда клуб закрылся, я пошел перекусить вместе с женщиной, которую звали Адориа и

которая отвечала за связи с VIP-персонами в клубе, а также с ее коллегой и Джеффри Робинсоном, который был как моим другом, так и другом Адории. Мы добрались до ресторана около пяти утра и сели за стол. Затем со своим «телохранителем» и двумя черными женщинами за тридцать подошел Майкл Кольяр, юморист, с которым мы познакомились в клубе. Они захотели сесть вместе с нами, поэтому менеджер переместил всех нас за большой стол в главном зале. Эти женщины с самого начала вели себя вызывающе, поэтому я старался не обращать на них внимания. Когда к нашему столику подошла красивая молодая европейка и попросила разрешения сфотографироваться со мной, черная цыпочка в красном платье начала оскорблять меня.

– Надеюсь, вы получаете удовольствие от общения с Майком Тайсоном, знаменитым дерьмом, – сказала она.

Между тем симпатичная европейка обняла меня, позируя.

– Мои собственные сестры не демонстрировали мне так свою любовь, как она, – сказал я коллеге Адории.

Женщина в красном платье просто обезумела при этих словах.

– Ты не должен хвалить белых женщин и хулить черных в присутствии двух черных дам! – выпалила она.

– Да, тебе не следует проявлять неуважение ко всем черным женщинам в то время, как ты лапаешь эту белую сучку! – добавила ее подруга в черном платье.

Я по-прежнему старался не обращать на них внимания, но женщина в красном продолжала свои оскорбления:

– Ты ничто, ноль, пустое место. Нет, ты даже хуже. Ты просто ниггер из гетто, который сумел заколотить немного денег, – сказала она. – Я – сотрудник исправительного учреждения, и если бы ты был в моей тюрьме, я бы поимела твою задницу после отбоя.

– Пошла нах… й, ты, сука! – Я больше не мог терпеть ее оскорбления. Она ломала мне весь кайф.

Адориа поднялась и велела юмористу увести своих сук из ресторана. Он повел к выходу эту штучку в красном, но она продолжала при этом извергать разное дерьмо:

– Ниггер, ты хуже, чем ничто! Ты даже не ноль, даже не пустое место!

– Да неужели? Я предпочту одну белую шлюшку десятку таких лежалых черных сук, как ты, – ответил я.

После этого она совершенно распсиховалась. Она схватила чашку с кофе с соседнего столика и швырнула ее в меня, испортив мою полосатую рубашку под зебру. Я вскочил и случайно опрокинул секцию стола, стаканы и тарелки полетели

на пол. Я был так разозлен, что Джеффри пришлось сдерживать меня.

Я бросил деньги на стол, и мы уехали. Позже я слышал, что юморист со своими женщинами сели обратно и еще целый час перекусывали, потешаясь надо мной. Когда парень с соседнего столика спросил ее, что случилось, она ответила ему: «Я назвала Тайсона невежественным ублюдком. Я не потерплю, чтобы он был невежлив по отношению к чернокожим женщинам. Мне не понравилось, что Тайсон разговаривает и смеется с этими белыми, когда за столом его сестры».

Я знал про эту сцену, потому что, вернувшись в ту ночь домой, я позвонил Джеффу Вальду, а он тут же позвонил владельцу ресторана, разыскал нужных клиентов и работников ресторана и снял со всех них необходимые показания. Эти две потаскухи хотели вывести меня из себя и спровоцировать на то, за что потом мне можно было бы вчинить иск. Задумка не удалась, однако это их не остановило. Их адвокат связался с моим адвокатом и запросил 20 миллионов долларов. Девять дней спустя две хабалки подали против меня иск на 7,5 миллиона долларов, утверждая, что я словесно и физически жестоко обесчестил их после того, как мои сексуальные домогательства к одной из них были отвергнуты. В иске были перечислены: словесное оскорбление, физическое насилие, побои, распространение порочащих сведений и моральный ущерб. Они были настолько травмированы, что не могли общаться с журналистами на пресс-конференции. За них это сделал их адвокат, специалист по навязыванию услуг:

– Эти женщины были вынуждены пройти через ужасные испытания, их поносили и оскорбляли в присутствии всего переполненного ресторана.

Он слегка изменил тон, когда получил те показания, которые были сняты нами со свидетелей. К концу года они предложили урегулировать вопрос за 2 миллиона долларов, затем снизили цену до 850 000 долларов. В итоге мы заплатили женщине в красном 75 000 долларов, ее подруге – 50 000 долларов. Мы должны были урегулировать это дело. Мое имя и так было вываляно в грязи. Я был высокомерным ниггером, который никому не нравился, особенно представителям среднего класса. Это было для меня трудное время. Уверен, что если бы кто-нибудь убил меня, они бы отпустили его на свободу.

К концу февраля я обновил свою управленческую команду. Я нанял в качестве советников Джеффа Вальда, Ирвинга Азова и Шелли Финкеля, своего старого приятеля, который в свое время был менеджером у Эвандера Холифилда. Они разделили между

собой стандартный оклад менеджера в размере 20 процентов.

Я должен был бы заработать гораздо больше, потому что, пересматривая контракты Дона, среди прочего мы обнаружили, что в дополнение к своим гонорарам как промоутера моих поединков он также получал 30 процентов всех выплат для меня, что было незаконно. За бой с Холифилдом я должен был получить 30 миллионов долларов, а получил лишь 15 миллионов, потому что Дон откусил 9 миллионов, и Джон с Рори поделили 6 миллионов. Дон также отхапал в свою пользу 30 % бонусных денег с телеканала Showtime и гостинично-развлекательного комплекса MGM Grand.

На деле все было еще хуже. Кинг получал всю прибыль от сборов и иностранных телепередач. Когда он заключал мою сделку с MGM Grand, он получил от его руководства кредит на 15 миллионов долларов для приобретения акций MGM Grand, стоимость которых, как было гарантировано руководством «МГМ», к моменту истечения срока договора должна была, как минимум, удвоиться. Я никогда не видел этих 15 миллионов. Дон проводил также незаконные сделки с менеджерами Showtime, которые предусматривали мое участие в различных мероприятиях. Так, они заплатили ему за использование моего имени для рекламы некоторых шоу-программ, в которых я не был непосредственно задействован. Сделка с Showtime позволяла также телеканалу или Дону проверять финансовые документы, а мне запрещала делать это!

Словно ему было недостаточно лишить меня этих денег, Дон использовал мелочные поводы для дополнительной финансовой нагрузки на меня. Он платил огромные гонорары другим боксерам по моим кредитным карточкам, и эти деньги снимались, уходя из моего кармана. Таким образом он заплатил 100 000 долларов – гонорар консультанта за вечер – своей жене и 50 000 долларов гонорара двум своим сыновьям. Дочь Дона получала 52 000 долларов в год за то, что она являлась президентом клуба поклонников Майка Тайсона, клуба, который никогда не существовал. Она даже не утруждала себя тем, чтобы открывать стопки писем, которые приходили в этот мифический клуб.

Я должен был оплачивать огромные гонорары за работы, которые якобы производились в моем доме в Огайо. Мне выставлялись счета за услуги горничной и юристов, за обслуживание бассейна в особняке Кинга в Лас-Вегасе. Я заплатил 100 000 долларов «пошлины за утверждение чемпионского титула» Всемирного боксерского совета, который я завоевал в 1991 году в поединке с «Бритвой» Раддоком. Кроме того, Кинг выставил мне счет на 2 миллиона долларов за

получение прав на рекламу будущего поединка с Раддоком. Все мои поездки организовывались и оплачивались через туристическое агентство, принадлежащее жене Дона. Стоимость его услуг была абсурдно заоблачной. Ах да, и еще я втридорога платил за свои полотенца.

5 марта в окружном суде США в Нью-Йорке мы возбудили иск против Дона на сумму не менее 100 миллионов долларов. В тот же день мой адвокат Джон Бранка прислал мне ободряющее письмо: «Этот шаг позволит вам оставить свой СЛЕД в ИСТОРИИ – стать лидером в стремлении исправить правонарушения и несправедливости, которые совершались Доном Кингом не только в отношении вас, но и в отношении многих других боксеров в последние два десятилетия. В этом качестве вы оставите свой след не только в истории бокса, но также в истории общества и культуры, как это сделали в свое время Артур Эш и Курт Флад[237]. Успех того дела, за которое вы взялись, целиком и полностью зависит от вашей СИЛЫ и вашей убежденности в своей правоте. Дон Кинг будет выискивать в вас любое слабое место, чтобы использовать его в своих интересах. Это потребует от вас САМООТВЕРЖЕННОСТИ и ТЕРПЕНИЯ. Судебный процесс может продолжаться три года, но если вы останетесь тверды в своем решении, то вы выиграете».

Бранка и Джефф Вальд также наметили некоторые шаги, чтобы повысить мои доходы от продаж продукции линии одежды, этикеток на продукции звукозаписывающих компаний, постеров с моим изображением и моей автобиографии.

Спустя четыре дня мы подали в суд на Джона Хорна и Рори Холлоуэя еще на 100 миллионов долларов. Вынудив меня во время моего нахождения в тюрьме подписать контракт с Доном, который, кроме всего прочего, оказался еще и незаконным, они наварили себе по 22 миллиона долларов каждый на тех боях, которые я провел после своего освобождения. Если бы они были настоящими менеджерами, они бы никогда не позволили мне подписать какой-либо контракт из тех, что они приносили мне от Дона, особенно переработанный контракт, который обеспечил ему 30 процентов от моих доходов и бонусов. Вместо того чтобы быть связанным с Доном в течение четырех лет, я был бы свободным агентом[238] и мог бы действовать на основе принципа «работа с промоутером, предлагающим за очередной поединок больше всех денег». Но это была моя ошибка – нанять для продвижения своей карьеры обанкротившегося эстрадного артиста разговорного жанра и парня, способного разве что на роль отвлекающего подругу приглашенной на свидание девушки. Кас однажды сказал мне: «Знаешь, встречаются животные,

переодетые под человеческие существа, и ты оказываешься недостаточно искушен, чтобы отличить их от людей».

От Рори я не ожидал услышать ничего, однако я был удивлен, прочитав то, что сказал Джон Хорн после того, как мы подали на него в суд:

– Майк Тайсон никогда не ценил того, что мы пытались для него делать. Майк Тайсон – это осужденный насильник, опасный уголовник, а мы заключали для него самые крупные сделки в истории бокса. Если ему суждено будет прожить долго, может быть, он еще поймет, какой успех мы ему обеспечили. Так что, Майк, я не твоя шлюха. Я поддерживал тебя исключительно из любви и верности.

После этого он добавил:

– Дон Кинг – великий человек. Если вы услышите, что кто-то дурно отзывается о нем, знайте, что он просто никогда не сидел с Доном за одним столом. Дон Кинг уважает меня, а я уважаю его.

Хотя у меня были советники, работающие ради моей карьеры, трем женщинам – Шони, Джеки Роу и Монике – все равно приходилось делать много повседневной работы. Я не хотел, чтобы Моника каким-либо образом оказалась связанной с миром бокса. Ее следовало уберечь от этого помешательства. Я невольно привлекал к себе различных негодяев. Возможно, они были профессионалами и мастерами в своем деле, но они все же были негодяями, поскольку в их деле крутились большие деньги. Моника хотела просто защитить меня. Сейчас я это хорошо понимаю, хотя в то время не осознавал.

Шони и Джеки были другими. Они обе были крупными, дерзкими женщинами. Джеки была человеком, выросшим на улице и воспитанным улицей. Мы с ней были слеплены из одного теста. Вместо того чтобы обращаться со всеми этими управленцами обходительно и вежливо говорить им: «Майк представляет собой фигуру, крайне привлекательную для деловой деятельности, и с учетом этого фактора корпорация MGM должна в полной мере осознавать, что для нее является безусловной удачей…», – она резала им в глаза всю правду-матку: «Да вы, ублюдки, должны просто лизать этому человеку задницу». Шони не была такой грубой, как Джеки, но она могла проявлять жесткость. Для Латондии иметь дело с Шони и Джеки была выше ее сил. Она заболела от того, что ее постоянно третировали, и уволилась. Я в то время не интересовался этими делами и практически не занимался ими. Я по-прежнему витал на облаках, кайфуя от наркоты и прожигая свою жизнь.

Я серьезно нуждался в деньгах, поэтому я продал свои шестьдесят две машины, в том числе некоторые спортивные

автомобили, шесть мотоциклов «Дукати» и четыре грузовых автомобиля «Хонда», получив за них 3,3 миллиона долларов.

Моя новая команда занялась сделкой с «Всемирным фондом дикой природы». Сейчас, когда Дон уже не был в деле, мы пересмотрели ее условия. Теперь мое вознаграждение стало составлять не 3,5 миллиона долларов, а 6 миллионов. Кроме того, мне полагалось 35 процентов от выручки, превышающей один миллион. Я с нетерпением ожидал работы по линии этого фонда. Когда я был ребенком, я постоянно смотрел рестлинг по телеканалу «WNJU, канал 47» УКВ-телестанции на испанском языке.

Меня много критиковали за участие в шоу *«Рестлмания»*, но это, на самом деле, было одно из самых ярких событий в моей жизни. Высказывались в том духе, что рестлинг – это, мол, полная ерунда и дерьмо, однако чек на 6 миллионов долларов вовсе не был ерундой. Еще в 1990 году я должен был выступить для «Всемирного фонда дикой природы» в качестве рефери на матче с участием Халка Хогана[239], однако после моего поражения в бою с Бастером Дагласом вместо меня пригласили его.

Я получил большое удовольствие от участия в этом событии.

«Всемирный фонд дикой природы» предложил мне принять участие в комедийном телесериале *«Сумасшедшее ТВ»*, были даже подготовлены отдельные сценки. В одной из них я, пародируя телеведущую Марту Стюарт, якобы вел шоу на телеканале «Лайфтайм», который неожиданно стал освещать спортивные темы[240]. Я говорил:

– Я нахожу, что простая цветочная композиция приносит в середине зимы легкое прикосновение весны. Вот посмотрите, я взял эти чудесные ирисы и добавил немного анютиных глазок.

Один из рестлеров поправлял меня, указывая, что нельзя смешивать ирисы и анютины глазки, и мы начинали драться.

В другой сценке пародировалась коммерческая реклама. Парень на вечеринке пытался рассказать интересную историю, но у него это не получалось. Все ушли от него, он остался сидеть в одиночестве. Раздавался голос за кадром:

– И с тобой такое тоже случалось? Но больше такого не будет! Потому что в твой дом придет Майк Тайсон и ударит тебя прямо по лицу!

И затем я бью парня по лицу. Вновь показывается вечеринка, у парня совершенно ох… й вид: опухшее лицо, заплывший глаз, он весь в бинтах, едва может говорить. Однако он пытается что-то произносить и находится в центре всеобщего внимания.

Голос за кадром:

– Если ваша жизнь скучна, просто позвоните нам, и Майк

Тайсон придет и ударит вас по лицу!

Джефф, Ирвинг и Шелли положили конец этим планам. Я бы никогда не получил обратно своей лицензии, если бы они были реализованы.

Мы ездили в разные города для участия в мероприятиях по рекламе шоу, которое было намечено на 27 марта. В Бостоне мы организовали на площади Городского совета масштабное представление. Это было просто потрясающе. Толпа сходила с ума, кричала и материла меня и рестлеров Шона Майклза и Стива Остина, которые держали плакаты «ТАЙСОН КУСАЕТСЯ» и «УШИ БОЯТСЯ ТАЙСОНА». На предыдущем выступлении Остин грязно обозвал меня и толкнул, поэтому теперь, когда Майклс и два его товарища из D-Generation X[241] держали Остина напротив канатов, я запрыгнул на ринг, пнул его несколько раз в голень, а затем влепил ему на лоб большой влажный поцелуй.

На матче, который проходил в спортзале «Флотский центр», я появился в футболке с символикой D-Generation X. Во время матча я с первого ряда откровенно болел за Майклса. Когда Остина нокаутировали и он выпал с ринга, я забросил его обратно. Затем был нокаутирован рефери. Я пошел на ринг и вытащил его оттуда. Майклс и Остин продолжали обмениваться ударами, но Остин в конце концов свалил Майклса на канвас. Судья все еще был без сознания, поэтому я впрыгнул на ринг, но вместо того, чтобы атаковать Остина, я засчитал Майклсу поражение, сделав Остина, таким образом, новым чемпионом. В этой связи мы вместе поликовали, и он подарил мне свою футболку «Остин 3:16»[242]. В это время Майкл пришел в сознание и стал обвинять меня в предательстве. Я уложил его на канвас одним ударом и накрыл его тело футболкой Остина. Затем мы со Стивом обняли друг друга и вот так, обнявшись, ушли с ринга.

На пресс-конференции после матча меня спросили про то, как Дон, Джон и Рори обманули меня на миллионы долларов.

– Я тоже слегка мошенничал, – ответил я. – Поэтому что посеешь, то и пожнешь.

Кто-то спросил меня о том, каким образом я вытащил с ринга рефери, который был без сознания.

– Я ведь нахожусь на режиме условно-досрочного освобождения. Помня о том, что все будет зафиксировано в протоколе, я не швырял судью. Я вежливо унес его с ринга и аккуратно положил его на мат.

Мы с Остином рассказали прессе о том, что все это время мы тайно работали вместе, но я постоянно подрывал его доверие к себе, коверкая его сценическое прозвище[243]. И что я был под таким кайфом от травки, что меня постоянно пробивало на

хавчик.

В мае мы объявили о создании собственной студии звукозаписи «Айрон Майк рекордз». С помощью Ирвинга Азова и Джона Бранка мы нашли основные фирмы звукозаписи для распространения произведений наших клиентов. В то же время я обратился к Джеки Роу с просьбой решить вопрос практической стороны этого дела. Кроме того, мы подключили к нашему иску моих бывших юристов и финансовых менеджеров из юридической компании «Сидли Остин». Я рассчитывал что-то получить от исков, которые сплошным потоком подавались против меня, поскольку расходовал приличные суммы на то, чтобы защитить себя от них. Кроме двух женщин из ночного ресторана, против меня возбудили иски также мой бывший дрессировщик тигра, компания, которой принадлежал дом в Лос-Анджелесе, так как я уклонялся от его покупки, мой ювелир в Лас-Вегасе, подрядчик моего дома в Лас-Вегасе, этот лекарь доктор Смеди и даже Кевин Руни, мой прежний тренер.

Один совершенно невообразимый иск был подан со стороны Ледиуотаусы Эй. Дже, эксцентричной черной девчонки, помощник которой фотографировал ее с ничего не подозревающими знаменитостями на Голливудском бульваре. Я пришел на встречу с режиссером, когда она задрала вверх свою ногу напротив меня, и ее парень щелкнул нас. А потом мы узнали, что она подала иск за насильственные действия сексуального характера, утверждая, что я прижался к ней, стаскивая с нее нижнее белье со словами: «Сфотографируй это!» Как только мы представили несколько свидетелей, она отказалась от своего иска. Но все это получило огласку.

Весьма интересным оказалось развитие событий, касавшихся иска Смеди. Он подал на меня в суд первоначально на семь миллионов долларов, утверждая, что я задолжал их ему. Мы подали встречный иск, и в итоге он был вынужден заплатить мне 50 000 долларов.

Не совсем удачно у меня получилось с Руни. Несмотря на его ссылки всего лишь на устную договоренность о том, что он является моим «пожизненным тренером», и несмотря на свидетельства множества друзей Каса о том, что Кас сильно разочаровался в Руни и хотел его заменить, второй окружной Апелляционный суд США подтвердил принятое за несколько лет до этого судебное решение о выплате ему вознаграждения в размере 4,4 миллиона долларов.

Поэтому пришло время вернуться на ринг. Я просидел на скамье запасных уже год. Джефф говорил с доктором Элиасом Ганемом, который возглавлял комиссию по боксу штата Невада.

Мне нравился доктор Ганем. Он был ливанцем, родился в Израиле, приехал в США и с нуля создал замечательную медицинскую практику, потому что был врачом старой закалки, который действительно заботится о своих пациентах. Он пользовал всех «звезд» Лас-Вегаса: Элвиса Пресли, Майкла Джексона, Уэйна Ньютона, Энн-Маргрет[244]. Кроме того, он любил бокс. Он заверил Джеффа, что я смогу вернуть себе лицензию, поскольку мое наказание было «немного излишним». Еще тогда, после моего инцидента с Холифилдом, он отвел меня в сторону и сказал:

– Ты лажанулся, но все будет в порядке.

Шелли решил, что лицензию мы должны восстановить в штате Нью-Джерси. Он не знал о негласных усилиях и контактах Джеффа, а у Шелли и у меня были хорошие отношения с Ларри Хаззардом, председателем комиссии по боксу в штате Нью-Джерси, который раньше был рефери. Джефф возражал против идеи с Нью-Джерси, но он не мог вмешаться. 29 июля я явился на заседание Атлетического совета по надзору штата Нью-Джерси. Можно было подумать, что это было заслушивание показаний Саддама Хусейна. Мы с Моникой зашли в здание, держась за руки. Нас приветствовало множество зрителей, но было и шестеро протестующих из «Национальной организации женщин». Эта организация практически везде, куда бы я ни пошел, преследовала меня своими протестами.

В зале судебного заседания полицейские находились в готовности пресечь крупные беспорядки. Они, должно быть, здорово боялись меня. Сначала заседание проходило вполне нормально. Моника, в частности, заявила: «Бокс – это его страсть, и ему его очень, очень не хватает. Ему необходим бокс, и я думаю, что боксу тоже необходим Майк». Затем настала очередь бывшего претендента на чемпионский титул в тяжелом весе Чака Вепнера. Он насмешил весь зал, вспоминая инструктаж рефери Тони Переса перед своим поединком с Мохаммедом Али в 1975 году.

– Он предупредил меня, чтобы я не наносил ударов в затылок или удушающих ударов. А это были два моих лучших удара.

Бобби Чез во время своих показаний заявил, что, хотя я и укусил соперника на ринге, мне следует предоставить возможность продолжать драться.

– В него просто въелась уличная обстановка, – объяснил он. – Если бы после моего удара у соперника выпал глаз, я бы съел его до того, как отдать обратно. У боксера именно такой тип мышления. И Майк в этом отношении ничуть не хуже остальных. Он вовсе не такой злодей, как о нем говорят. Да, он совершил

ошибку. Однако я знаю, что он сильно изменился. Майк Тайсон из кожи вон лез, чтобы преодолеть в себе дурные черты.

Была даже показана сделанная в Катскилле видеозапись с Камиллой, которой к тому времени было девяносто три года. Она сказала, что я продолжаю поддерживать ее и называть ее своей «белой мамой».

Мои собственные показания сначала проходили нормально. Я рассказал, что находился словно в тумане от неоднократных ударов головой со стороны Холифилда.

– Я просто решил огрызнуться – и укусил. В тот момент для меня больше ничего не имело значения…

У меня сдавило горло, и пришлось собираться с силами:

– … Я приношу извинения за то, что сделал. Такого больше никогда не повторится. Это будет теперь преследовать меня всю жизнь.

Однако затем, в конце моих показаний, помощник главного прокурора штата Майкл Хаас принялся долбить меня своими вопросами о том, почему же я все-таки укусил Холифилда. Он спрашивал меня снова и снова, смог бы я повторить что-либо подобное.

– Испытание, которому я подвергся, морально опозорило мою жизнь, – ответил я, стараясь сдержать свой гнев. – Неужели вы думаете, что я хочу повторения этого?

Я должен был зачитать заключительное заявление, но меня всего просто трясло.

– Я не желаю сейчас ничего этого говорить, поскольку я зол, – сказал я своему адвокату Энтони Фаско-младшему. – Знаешь, приятель, что я хочу сказать? Пошло оно на хрен! Почему я каждый раз должен проходить через это дерьмо?

– Спокойно, расслабься! – пытался успокоить меня Фаско.

Мать их! Я чувствовал себя, как последний мудак. Мне надоело подавлять в себе бунтарский дух. Я вспомнил Бобби Сила и «Чикагскую семерку»[245], которые не допускали оскорблений и унижений со стороны суда.

Мы были уверены, что, несмотря на мой эмоциональный всплеск, штат Нью-Джерси вернет мне лицензию, хотя главный прокурор штата Нью-Йорк Дэннис Вакко и пытался встрять в это дело. Вакко был в составе группы, возглавляемой сенатором Джоном Маккейном, которая пыталась «навести порядок» в боксе. Они организовали слушания в Вашингтоне, и мне даже пришлось представить туда доклад, который дискредитировал Дона:

– Моя финансовая карьера оказалась в руках промоутера и менеджера, которому дозволено действовать совершенно бесконтрольно. У него неограниченные возможности для

злоупотреблений. Боксерам он может платить, как рабам.

Маккейн внес законопроект о создании национальных правовых норм для бокса. Как раз в этой связи Вакко выступал за то, что штату Нью-Джерси не следует давать мне лицензии до тех пор, пока этого не сделает Лас-Вегас.

– Я был бы очень недоволен, если они, на самом деле, дадут ему лицензию или разрешат ему боксировать в Нью-Джерси, – заявил Вакко прессе. Затем он сообщил журналистам, что он готов лично донести эту мысль до главного прокурора штата Нью-Джерси.

Вся эта полемика беспокоила Джеффа и остальных, поэтому 13 августа, накануне заседания Атлетического совета по надзору штата Нью-Джерси, на котором должна была решиться моя судьба, мои советники отозвали мое ходатайство.

Я был зол на весь мир, поэтому пользовался наркотой, чтобы покайфовать, при любом удобном случае. В конце августа мы с Моникой ехали рядом с ее домом, когда кто-то врезался сзади в ее «Мерседес» после того, как кто-то, в свою очередь, врезался в него. Парень вышел из своей машины, подошел к нашей со стороны водителя и начал пререкаться с Моникой, а затем принялся кричать на того, кто ударил его сзади. Я вышел из машины и стал выбивать дерьмо из всех, кто там был. Я пнул по яйцам первого парня, затем ударил того, кто врезался в его машину. Моника принялась кричать, и я был вынужден осадить своего телохранителя, который был в машине перед нами. Теперь я сожалею об этом, но тогда у меня было крайне угнетенное состояние. Подумайте только: у меня есть жена и дети, а я чувствую себя совершенно беспомощным!

Мы с Моникой сели в машину и уехали. Кто-то позвонил в полицию, и нас остановили в нескольких километрах от места происшествия. Я был под сильным кайфом и начал жаловаться на боли в груди, затем пожаловался на то, что стал жертвой расовой дискриминации. Меня предложили отвезти в больницу, но я ответил, что Моника врач, поэтому мы справимся сами и нас можно отпустить. Я все-таки пошел и проверился в местной больнице, но со мной все оказалось в порядке. Поскольку полицейские не были на месте происшествия, меня в конечном счете могли обвинить лишь в малозначительном преступлении, если бы те парни решили выдвинуть обвинения в словесном оскорблении или физическом насилии.

Что они и сделали. 2 сентября Ричард Хардик, тот парень, который въехал в нас сзади, выдвинул против меня обвинение в физическом насилии за то, что я пнул его в пах. На следующий день другой парень, Абмелек Соседо, подал на меня в суд за удар

кулаком в лицо.

Все, кто работал со мной, очень волновались. Мы уже были готовы ходатайствовать о восстановлении лицензии в Лас-Вегасе, но как члены комиссии отреагируют на мое агрессивное поведение на дороге? Что еще хуже, у меня не истек испытательный срок в Индиане. Судья Гиффорд, если бы хотела, могла бы упечь мою задницу обратно в тюрьму штата Индиана еще на четыре года.

19 сентября я предстал перед комиссией Лас-Вегаса. Я приехал на слушания на одном из своих мотоциклов, в голубых джинсах и черной футболке. Мои юристы в своих костюмах ждали меня на улице. После того как я слез с мотоцикла и швырнул на землю шлем, они рысью умчались прочь, напуганные до смерти. Мы с Джеффом Вальдом смеялись до упаду.

Слушания были насыщены горячими дискуссиями и спорами. Мой адвокат Дейл Кинселла постоянно обращал внимание на несоизмеримость величины наложенного на меня штрафа и х… вости моего финансового положения. Я предоставлял возможность всласть поговорить своим юристам и свидетелям, дававшим показания о моем моральном облике. Когда я отвечал на некоторые вопросы, я поглядывал на доктора Ганема, и если я собирался дать неправильный ответ, он незаметно качал головой, как бы предупреждая: «Нет, не говори так, не говори этого». Слушания длились шесть часов, после их завершения доктор Ганем встретился с прессой и сказал:

– В течение шести часов Тайсон ни разу не вспылил и не вышел из себя.

Как будто это было крупным достижением для меня.

Комиссия не стала принимать решения по моему ходатайству в тот же день. Было выработано предложение о том, что до голосования по вопросу о восстановлении моей лицензии я должен представить подробное психологическое заключение. Мне был предоставлен выбор: обратиться в клинику Мейо, клинику Менингера или Центральную больницу штата Массачусетс. Принять решение было элементарно просто: один из друзей Ирвинга Азова по студенческому землячеству возглавлял отделение психиатрии в Центральной больнице Массачусетса.

Я позвонил двум своим подружкам в Лос-Анджелесе и уговорил их прилететь в Бостон, чтобы встретиться там со мной. Я остановился в гостинице и в дальнейшем каждый день проходил обследование в Центральной больнице Массачусетса. Вечером накануне начала обследования я на лимузине забрал девушек в аэропорту и попросил своего водитель достать немного «кокса». Каждый вечер, пока я там был, мы классно гуляли. Мы

веселились, как сумасшедшие.

Утром на первый прием в больницу я пришел вымотанным и в дурном настроении. Когда меня направили к врачам, я оказался в помещении, похожем на зал ожидания высшего класса или на чью-то гостиную. Я решил, что это такое VIP-обслуживание.

– Приятель, все это фигня, – произнес я вслух. – Я не заслуживаю того, чтобы быть здесь со всеми этими засранцами.

Все находившиеся в зале посмотрели на меня немного настороженно.

Ко мне подошла белая женщина около двадцати девяти лет, которая напомнила мне Велму, персонажа из мультфильмов *«Скуби-Ду»*. На ней был свитер с высоким воротом и большие очки в роговой оправе, стрижка – «под горшок». Она села рядом со мной, вид у нее был озабоченный. Я предположил, что это один из профессоров из психиатрического отделения.

– Что с вами? Вы выглядите уставшим, – поинтересовалась она.

– Они думают, что я сумасшедший, потому что укусил этого ниггера за ухо, но они не знают всей правды. Я укусил его за то, что он бил меня головой, и судья не прекращал боя. Я был в отчаянии, и у меня не было выбора. Это – единственная причина.

Она на минуту задумалась, затем спокойно произнесла:

– Вы дрались. Вы сражались.

Я был под сильным кайфом, но эти слова пронзили меня насквозь, словно древняя мудрость учения дзен.

Черт подери, я ведь, действительно, сражался. Я сразу почувствовал себя исцелившимся. Она сказала это так авторитетно. Я был поражен тем, как она меня глубоко поняла после нескольких секунд общения со мной. *«Вот почему психиатрам надо платить большие деньги»*, – подумал я.

Моя эйфория была прервана появлением медсестры.

– Нэнси, пришло время приема лекарств, – сказала медсестра женщине, с которой я разговаривал.

– Засунь их себе в жопу! – обозлилась та и выбила лекарства у медсестры из руки. Тогда медсестра подала знак, появились два крепких санитара и надели на даму смирительную рубашку. Она яростно сопротивлялась, пока они, наконец, не одолели ее.

Я осмотрел зал. В углу сидел парень, который пускал слюни и разговаривал сам с собой. И я осознал, что я не в зале ожидания высшего класса, а в психиатрическом отделении, и все находящиеся здесь, включая двойника Велми из *«Скуби-Ду»*, – это сумасшедшие и придурки.

Члены комиссии Лас-Вегаса должны были вынести решение о восстановлении моей лицензии 19 октября, поэтому мои юристы

работали сверхурочно, чтобы урегулировать вопрос с двумя парнями – участниками того дорожного инцидента. За мировое соглашение я был готов заплатить каждому 250 000 долларов. Кроме того, каждый из них получил бы от телеканала Showtime по 150 000 долларов после моего первого поединка при восстановлении лицензии. Они также подписали заявление под присягой, в котором говорилось, что хотя они и полагали, что я был тем человеком, который ударил их, с учетом «нарушения их ориентировки в пространстве и времени и неразберихи, которой сопровождались события, имевшие место в тот день», они не могли «быть абсолютно уверены в том, что это был именно мистер Тайсон, который ударил их».

Один из членов комиссии настаивал на том, чтобы результаты моего психиатрического обследования были обнародованы до слушаний по моему делу, то есть до 19 октября. Это был новая куча дерьма, и мои юристы боролись с этим, не покладая рук, однако существовал какой-то малопонятный закон, согласно которому голосование по моему делу, действительно, могло состояться только после обнародования результатов обследования. Должно быть совершенно ясно, насколько неуверенно я себя чувствовал. Хотя у меня была постоянная депрессия, в медицинском заключении значилось: «Мистер Тайсон психически здоров для того, чтобы вновь заниматься боксом в соответствии с существующими правилами и нормами, без повторения событий 28 июня 1997 года. Отмечая импульсивность, эмоциональные и когнитивные проблемы, изложенные выше, мы полагаем, что ни одна из них по отдельности или в сочетании друг с другом не делают мистера Тайсона психически непригодным в этом отношении».

Иными словами, я был больным придурком, но еще мог драться на ринге и выбивать из кого-то дерьмо.

На следующем заседании комиссии показания давал Мэджик Джонсон[246]. Он проявлял горячее стремление обеспечить рекламу бокса и, безусловно, воспринимался членами комиссии как очень спокойный, безобидный черный. Однако так, как он относился ко мне, раздражало меня:

– Майк знает, что такое деньги, но не понимает, как их можно заработать, и я надеюсь научить его, чтобы он понимал это. Он должен стать бизнесменом. Майк – это единственный известный мне парень, который может сделать сто или двести миллионов долларов, но предпочитает не иметь их. Он предпочитает их раздаривать. Ему следует завести у себя менеджера по управлению денежными средствами, и я хотел бы довести эту мысль до команды Майка Тайсона.

Я сохранял хладнокровие, несмотря ни на что. В тот же день комиссия проголосовала за восстановление моей лицензии. Четверо «за», один «против».

Теперь я мог вернуться на ринг и сделать некоторые деньги. К настоящему моменту я задолжал Федеральному налоговому управлению 13 миллионов долларов. Многих такая сумма способна шокировать, но я привык к гонорарам в несколько миллионов, поэтому я знал, что смогу все отдать. Забавно, но где-то в это время мои новые бухгалтеры обнаружили существование персонального пенсионного счета на мое имя, на котором на протяжении многих лет лежало чуть более четверти миллиона долларов.

Когда бухгалтеры начали копать, они обнаружили, что этот счет открыл для меня в свое время в Катскилле еще Кас. Когда мне об этом сообщили, я плакал, как ребенок. Впервые в своей жизни я понял, что означает выражение: «Важен не подарок, а внимание». Кас, должно быть, понимал, что я растранжирю все свои деньги. Я никогда не задумывался над тем, что кто-то любит мою черную задницу. Мне в тот момент это помогло в какой-то мере вернуть веру в человечество.

1 декабря мы заявили о нежелании оспаривать обвинение в агрессивном поведении на дороге в Мэриленде. Так как мы уладили этот вопрос с двумя парнями, мои адвокаты были уверены, что я отделаюсь легким приговором, который должны были вынести где-то в феврале 1999 года.

Мое возвращение на ринг было намечено на 16 января. Я должен был встретиться с южноафриканским боксером Франсуа Ботой по прозвищу «Белый буйвол». Он не был мальчиком для битья. В 1995 году он выиграл чемпионский титул Международной боксерской федерации, но позже выяснилось, что у него был положительный тест на стероиды, и его лишили чемпионского пояса. Затем он дрался в поединке «на разогреве» перед моим первым боем с Холифилдом, а затем продемонстрировал прекрасный бой с Майклом Мурером за чемпионский титул Международной боксерской федерации, хотя был нокаутирован в последнем раунде, так что я не мог относиться к нему легкомысленно.

За четыре дня до поединка я сделал посадку в Лас-Вегасе для того, чтобы дать ряд интервью спутниковому телевидению и радио. Мое первое интервью было с Рассом Зальцбергом для 9-го канала Нью-Йорка.

– Майк, судя по ставкам «шесть к одному», Боту считают мальчиком для битья. У вас есть какие-либо опасения в связи с предстоящим боем? – спросил он.

– Я ничего не знаю о цифрах и ставках. Я знаю только, что я хочу сделать. А я собираюсь прикончить этого ублюдка.

– Хорошо, – сказал он, немного опешив. – Вы всегда приносите на ринг много ярости. Это помогает вам, или же иногда это вам вредит?

– А какая разница? Я буду драться в любом случае. Какое это имеет значение?

– Ну, например, ярость в поединке с Эвандером Холифилдом навредила вам.

– Да идет оно все нах… й! Это же бой! Это драка! Так что уж что происходит, то и происходит.

– Майк, вы собираетесь и дальше разговаривать в такой манере?

– Я разговариваю с вами в такой манере, в какой я хочу разговаривать с вами. Если у вас какие-то проблемы, то просто выключитесь.

– Знаете что? Я думаю, мы закончим эту дискуссию прямо сейчас, – сказал Расс.

– Вот и хорошо! Мать твою!

– Все ясно. Удачного вам боя, Майк.

– Отъе… сь! Засранец!

– Ты отличный парень, братан!

– Да пошел ты!

Я был так воинственно настроен отчасти потому, что за неделю до боя перестал принимать свою ежедневную дозу золофта.

Поединок показал, что я был в плохой форме. Для меня это был кошмарный вечер. Бота постоянно висел на мне. Когда он в конце первого раунда начал клинчевать в углу, я своей правой рукой поддел его левую руку и попытался сломать ее. Это был грязный прием. Я не должен этого говорить, но это правда. Думаю, я действительно хотел, чтобы обо мне говорили как о грязном и жестоком боксере. Когда после боя меня спросили, умышленно ли я пытался сломать руку сопернику, я ответил: «Да, именно так».

Я выиграл только один раунд из первых четырех, и в этом раунде Ричард Стил снял с меня очко. Ребята из Showtime – Кенни Альберт, Ферди Пачеко и Бобби Чез – думали, что Бота выведет меня из себя обилием клинчей и что поединок превратится в уличную драку. Но после четвертого раунда я сказал Крокодилу и своему новому тренеру Томми Бруксу, что Бота уже устал и что я достану его. По-видимому, Ферди Пачеко не верил в это:

– Тайсон действует, словно при замедленном

воспроизведении пленки. Он не может нанести двух ударов подряд. А если боксер уже не может выбрасывать ударов, это признак его усталости… О-о!

Мне не потребовалось наносить двух ударов подряд. В то время, как Ферди произносил это, я провел правый кросс в подбородок. Бота рухнул на канвас. Он попытался встать, но не смог сделать этого до окончания счета. Затем он свалился на канаты и рухнул обратно на канвас. Это был некрасивый бой, но я выиграл его одним мощным нокаутирующим ударом. Бота упал, словно подстреленный из слонобоя. «Белый бизон» был повержен. Он был разделан под орех.

В моей собственной команде также не обошлось без интриг. Шелли и Шони, объединившись, ополчились на Джеффа и Ирвинга. Джефф еще не оправился после операции, причем ему пришлось вернуться в Лос-Анджелес, чтобы совместно с Розанной Барр организовывать новое шоу. В этой связи он практически перестал заниматься моими делами. Моя карьера была в руках Шелли, Шони и Джеки Роу.

Что касается происшествия в Мэриленде, то 5 февраля 1999 года я появился в небольшом суде в Роквилле. На мне был темно-серый костюм и черный жилет. Со мной была Моника и, по меньшей мере, дюжина моих адвокатов и советников. Я заявил о нежелании оспаривать обвинение, мои адвокаты выработали соглашение, которое позволило бы мне избежать тюрьмы. Предполагалось, что я просто выплачу штраф, получу условный срок и буду направлен на общественные работы. Но меня вновь жестоко нае… ли.

Новый окружной прокурор Даг Ганслер и его помощница Кэрол Кроуфорд явились в суд с документом, где на одиннадцати страницах я был представлен кем-то вроде нацистского военного преступника. Кроуфорд, казалось, питала ко мне особое отвращение. Эта женщина мужеподобного вида с простой короткой стрижкой, похоже, выместила на мне весь свой гнев против мужчин. Я служил ей экспонатом.

Вместо того чтобы неукоснительно выполнять свой долг, эти два лжеца насобирали все, что только могло подорвать мою репутацию, включая высказывания Тедди Атласа о том, что Кас испортил меня, когда я был ребенком. Они процитировали мои собственные интервью, в том числе интервью журналу *«Плейбой»* в 1998 году, в котором я сказал журналисту Марку Краму, что я «весьма омерзительный придурок», способный «в один прекрасный день взорваться». Они цитировали также самого Крама, который писал, что я был «самой таинственной фигурой в спорте», которую он когда-либо встречал.

– Примечательно то, что этот комментарий принадлежит человеку, который в свое время встречался с отбывшим наказание преступником, гневно осуждаемой легендой бокса Сонни Листоном, который умер при подозрительных обстоятельствах от передозировки наркотиков. По странному совпадению, этот комментарий сделан относительно ответчика-боксера, который очень похож на него, – написали Ганслерн и Кроуфорд в своем юридическом заключении для приговора.

Они даже смогли по-своему истолковать мое психиатрическое заключение, подготовленное в Центральной больнице Массачусетса, в котором, вообще-то, отмечалось, что я здоров, если не считать депрессии:

– Возможно, мы не сможем обнаружить, что с ответчиком «что-то не так, неладно», что можно было бы обнаружить в отношении какого-нибудь местного хулигана. Для этого хулигана, однако, поприщем является весь мир. Один из комментаторов, кандидат наук, клинический психолог Роберт Баттерворт высказал, возможно, самую ценную для суда мысль. Изучив интервью, которое ответчик дал Краму, господин Баттерворт сказал: «Если он сообщает нам обо всем, что он собирается сделать, надо быть идиотами, чтобы не предвидеть этого». Хотя мы в данном случае не выносим превентивного наказания, при вынесении соответствующего приговора суд всегда должен помнить о безопасности обвиняемого, а также общественности. Ответчик – это не что иное, как бомба замедленного действия, которая заложена на нашем собственном заднем дворе.

Можете вообразить себе? Это что, сталинская Россия? Эти два лжеца хотели использовать интервью, в котором я выпускал пар, и диагноз того самого доктора Баттерворта, который никогда не видел меня, чтобы засадить меня за решетку прежде, чем взорвется эта «бомба замедленного действия». Легко можно понять, что эти люди вышли за рамки допустимого и превратно истолковали мои слова, но ведь это никого не волновало, поскольку, очевидно, все уже решили, что я заслужил это.

– Хотя в нашем государстве мы не выносим превентивного наказания (но это было именно то, что они отстаивали), лишение свободы, в качестве отправной точки, преследовало бы двойную цель: наказания и устрашения. Реабилитация, благодаря качественным программам нашей юрисдикции, может быть начата уже во время тюремного заключения и продолжаться во время испытательного срока. Учитывая отказ ответчика от ответственности, его вызывающее поведение, его замечания о своем характере и его предсказания своего будущего поведения,

цели сдерживания и реабилитации могут никогда не быть достигнутыми. Однако, по крайней мере, на период отбывания наказания широкая общественность была бы защищена от его потенциала насилия.

Судья Джонсон согласился. Он приговорил меня к двум годам лишения свободы, с одним годом условно, штрафу на 5000 долларов, двум годам испытательного срока и двум тысячам часов общественных работ. Он также отказал мне во временном освобождении под залог в случае обжалования приговора.

В забитом до отказа зале судебного заседания раздались возгласы изумления. Я сам был ошеломлен. Моника начала плакать в истерике. На меня надели наручники и отправили прямо в тюрьму.

Ганслер получил свои пятнадцать минут славы. На самом деле все были возмущены тем, что меня могли отправить в тюрьму на год после того, как мы достигли с прежним прокурором штата договоренности о том, что мне не будет грозить тюремное заключение.

– Любой прокурор поступил бы так, как я, – сказал Ганслер корреспонденту агентства Ассошиэйтед Пресс. – А что уж говорят, то пускай говорят.

Меня бросили в камеру пять с половиной футов на восемь футов Второго тюремного корпуса, их вариант изолятора для содержания под стражей для обеспечения безопасности. Это означало, что я был отделен от остальных заключенных, которые были в основном белыми привилегированными детьми из округа Монтгомери. В моем блоке было всего несколько людей, либо слишком слабых, чтобы находиться среди остальных, либо слишком агрессивных. Я просил направить меня в общий корпус. Мне важно было оказаться там, чтобы воспользоваться своими привилегиями. Я был так воспитан. Вместо этого я был в изоляторе, а вокруг сновали охранники, которые фотографировали меня и продавали эти снимки газетам.

Я находился там две недели, а затем меня отправили в их вариант карцера. Это началось, когда для моего осмотра прислали тюремного психотерапевта. Я наблюдался у доктора Голдберга, одного из лучших психиатров страны, поэтому я отказался даже разговаривать с этим болваном. Он сократил вдвое мою обычную дозу золофта. Когда мне принесли таблетки, которые выглядели по-другому, я отказался принимать их. Спустя два дня я разговаривал по телефону в общей комнате, когда один охранник-садист подошел и повесил трубку прямо посреди разговора. В тюрьме я становился другим человеком: я был более обидчив, чем дома. Любая мелочь – и я мог сорваться и поднять

шум.

Я вышел из себя, стащил телевизор с металлического кронштейна и швырнул его на пол, а затем поднял и бросил его на решетку камеры, через которую за мной наблюдал начальник тюрьмы и двое охранников. Небольшой пластмассовый осколок, пролетев сквозь решетку, попал в одного из охранников. Меня тут же перевели на строгую изоляцию. Я находился взаперти двадцать три часа в сутки, мне не разрешали покупать закуски из столовой, я был лишен посещений и разговоров по телефону. Исключения составляли лишь мои адвокаты и врачи. Доктор Голдберг посетил меня на следующий вечер и вернул мне мою очередную порцию золофта.

После инцидента с телевизором тюремная администрация обвинила меня в нарушении общественного порядка, хулиганском поведении, уничтожении имущества и применении насилия в отношении сотрудника исправительного учреждения, поскольку в него попал небольшой пластмассовый осколок. Они бросили меня в карцер, и это не доставило мне никакого удовольствия. Я сравнивал себя с теми немецкими политическими заключенными из фильма «Комплекс Баадера – Майнхоф», которые сходили с ума, когда их посадили в тюрьму. Они могли убить охранников, могли убить даже самих себя. Я стал носить на голове небольшую испанскую бандану, ходил с голым задом и бросался в охранников различными предметами.

Меня приговорили к двадцати пяти дням изоляции, но мой адвокат обжаловал это решение, и я вышел через пять дней. Мне действительно не нравилась эта тюрьма. Я хотел, чтобы меня отправили обратно в Индиану. В этой тюрьме у меня не было никого, с кем можно было бы пообщаться, кто принес бы мне какие-нибудь вещи или привел бы мне девушек. Я все еще находился на испытательном сроке штата Индиана, поэтому меня могли легко перевести туда. Проблема заключалась в том, что меня могли заставить досидеть четыре года моего срока по предыдущему приговору. Джим Войлес, мой адвокат в штате Индиана, совершил около двадцати поездок, мотаясь в Мэриленд и обратно, и, наконец, достиг договоренности о том, что я досижу шестьдесят дней в тюрьме штата Мэриленд, и Индиана навсегда избавится от меня. Судья Гиффорд была более чем рада завизировать это. Никто не хотел моего возвращения в Индиану.

Вначале я был вне себя. Я хотел подать в суд на судью, чтобы вернуться в Индиану. Но когда меня перевели в тюрьму Мэриленда, это оказалось не так уж плохо. Моника начала готовить для меня, и мне было разрешено получать эту еду. Через несколько месяцев я набрал так много веса, что спросил, не мог

ли я заниматься на беговой дорожке и велотренажере, и мне разрешили. Я всегда был привилегированным полудурком в тюрьме.

Когда я там был, меня даже сфотографировали для обложки журнала *«Эсквайр»*. Моника как-то пришла в тюрьму вместе с нашим маленьким сыном Амиром, и нас сняли для статьи обо мне в этом журнале.

Я начал общаться с другими парнями из изолятора. Там было несколько молодых ребят, которые сидели за убийство. Пока я там был, двое из них повесились: один парнишка был богатым израильтянином, а другой – черным пареньком. Я оплатил похороны последнего, потому что у его родителей не было денег. Мне было больно смотреть, как молодые красивые ребята из малообеспеченных семей подсаживались на наркоту, а затем совершали какую-нибудь глупость вроде убийства ради ста баксов. Когда я выходил из тюрьмы, у меня на внутреннем счете оставалось 12 000 долларов, и я договорился с администрацией, чтобы эту сумму разделили между пятью парнями, которые были в изоляторе вместе со мной. Это не были какие-то там крутые парни. Это были просто дети, у которых не было ни денег, ни дома, в который можно вернуться.

В этом изоляторе я стал кем-то вроде местного Дона. Другие парни посылали мне через охранников записки и просили меня обсудить с ними их проблемы. Некоторые из охранников приходили ко мне и рассказывали о парнишке, у которого, кажется, появилась какая-то проблема, и я посылал ему записку с просьбой успокоиться.

В тюрьме штата Мэриленд у меня было не так много посетителей. Приходила Моника, Крейг Буги, появлялись некоторые приятели. Как-то пришла моя ямайская подружка Лиза. Она написала свое имя в журнале посетителей, а спустя несколько часов пришла Моника, увидела ее имя и закатила мне скандал. Хорошо еще, что нас разделяло небольшое стеклянное окошко.

Но среди всех посетителей всеобщее внимание привлек, конечно же, Джон Кеннеди-младший. Он пришел ко мне однажды вечером. Когда этот факт получил огласку, сразу нарисовался с десяток новостных бригад, которые несколько часов дежурили снаружи. Внутри тоже было столпотворение. Я велел Джону поздороваться со всеми остальными заключенными в изоляторе: «Эй, обнимите за меня вашу маму! Поцелуйте малыша!» Я играл роль большого Дона.

Мы с Джоном познакомились в Нью-Йорке. Как-то я встретил его на улице, и он пригласил меня к себе в офис журнала

«Джордж»[247]. Он был привлекательным человеком, не витал в облаках, катался по Манхэттену на велосипеде, зачастую пользовался общественным транспортом. Когда он пришел навестить меня, он сразу же сказал:

– Вся моя семья отговаривала меня от встречи с вами. Поэтому, когда увидите их и все они скажут вам: «Привет!» – вы будете доподлинно знать весь расклад.

Непосредственно перед приходом Джона у одного из его двоюродных братьев были неприятности, потому что тот поимел нянечку или что-то вроде этого.

– Да, мой кузен – это просто воплощение дрянного мальчишки, – сказал Джон.

– Что бы вы ни делали, не проявляйте на публике неуважения к своей семье. Так нельзя поступать, поскольку все именно этого и желают. Вас постоянно хотят сломать и превратить в ничтожество, – сказал я ему. – Можете называть провинившихся членов семьи мудаками сколько угодно – но только в узком кругу, в частной беседе. Никогда не делайте этого прилюдно.

Мы достаточно долго разговаривали о семье Кеннеди, особенно о его деде. Похоже, Джон не очень-то много знал о нем, кроме того, что тот не учил своих сыновей вести бизнес:

– Никто в моей семье не знает, как вести бизнес, поэтому все и ушли в политику. Он баловал нас.

Подозреваю, именно поэтому он и создал свой журнал – чтобы узнать практическую сторону дела. Ему показалось, что он ничего не достиг в жизни, и это было единственным, что давало ему основания надеяться на свою успешность.

Мы поговорили немного о моем деле.

– Слушайте, я знаю: единственная причина, по которой вы здесь, – потому что вы черный, – сказал он мне. Тем самым он дал мне понять, что осознает, какие это были времена.

В какой-то момент я сказал ему напрямик: «Вам следовало баллотироваться на политический пост».

– Что? – Он, казалось, немного растерялся. – Вы так думаете?

– Вы обманули ожидания моей матери, ожидания ее родителей. Они знали вас еще ребенком. Вы не можете позволить, чтобы потерянное поколение, которое верило в вашу семью, разочаровалось в вас. Речь идет не обо мне, черт бы меня побрал, я буду делать то, что я и делаю, но вы не можете обмануть ожидания этих людей. Ваш отец и ваш дядя были их надеждой, и они возлагают надежды и на вас, поскольку вы из этой семьи, – сказал я.

Он ничего не ответил. Должно быть, он решил, что я спятил.

«Ниггер, какого рожна тебе надо? Ты совсем спятил? Для чего

ты живешь? Ты рожден только для одного. Все мечтают пользоваться тобой, приятель. Это тяжелое бремя, но, если ты недоволен, тебе следовало обзаводиться другими отцом и матерью».

Из него получился бы великий политик. Он, действительно, заботился о людях, это было именно так. Об этом свидетельствовало то, как он общался с людьми, как ловил взгляды тех, с кем он даже не был знаком. Он не опасался, что его могли заметить в общественных местах; он появлялся там, чтобы обсудить какие-либо проблемы. Я считаю, что это был интересный парень.

В тот вечер он выглядел усталым. Он сказал, что ему придется пить много кофе, потому что он собирался в тот вечер лететь обратно в Нью-Йорк. Он прилетел сюда вместе со своим пилотом-инструктором.

– Нет, приятель. Вам бы лучше отдохнуть у меня дома. Езжайте к Монике и детям, – предложил я ему. – Надо спятить, чтобы сейчас лететь на самолете куда бы то ни было.

– Вы не знаете, как я чувствую себя там, в воздухе. Я чувствую себя таким свободным! – сказал он мне.

– Вы должны чувствовать себя идиотом там, в воздухе, если вы не соображаете, что делаете. Если вам надо лететь, хорошо, летите сами. Но, пожалуйста, не берите с собой в самолет того, кого вы любите.

Он ничего не сказал мне, но в тот вечер он поехал к Монике, и она потом передала мне его слова: «Майк сказал, что я был бы идиотом, если бы полетел. А он побывал в аварии на мотоцикле».

Мы также говорили о том, как погуляем, когда я выйду из тюрьмы. Он упоминал других женщин, и у меня сложилось впечатление, что он хлебнул со своей женой.

– Когда вы освободитесь, дайте мне немного времени утрясти некоторые вопросы со своей женой. И после этого нам можно будет погулять. Вам надо поехать со мной в Аспен[248].

– Аспен? – спросил я. – В Аспене не водятся ниггеры. И меня вряд ли там полюбят.

– Хм-м. Там бывает Линн Суонн[249], – сказал Джон.

– Но Линн Суонн – не ниггер, – уточнил я.

– Да, вы правы, – признал он.

Конечно же, я попросил помощи в деле своего освобождения. Я был в тюрьме уже почти четыре месяца. Я полагал, что этого вполне достаточно. Одна из двоюродных сестер Джона, Кэтлин Кеннеди Таунсенд, старшая дочь Роберта Фрэнсиса Кеннеди, была в то время вице-губернатором штата Мэриленд.

– Вытащите меня отсюда, – попросил я. – Обратитесь к вашей

чертовой кузине.

– Майк, но я совершенно не знаю ее, – ответил он.

Возможно, у него было достаточно опыта, чтобы не говорить чего-либо в комнате для свиданий.

– Вы не знаете ее? Что, черт возьми, вы имеете в виду? Вы же все вместе играете в футбол там, в Хианнис-порт!

Он улыбнулся и вышел. На выходе его сразу окружила пресса.

– Я нахожусь здесь, чтобы поддержать своего друга, – сказал им Джон. – Майк совсем другой человек, он разительно отличается от того имиджа, который сложился в общественном мнении. Он тот человек, который действительно в корне изменил свою жизнь и способен и впредь держаться этого курса. Я надеюсь, что после того, как я приехал сюда и рассказал об этом, все поверят этому, потому что у него была непростая жизнь.

Затем он сел в лимузин и поехал ко мне домой, чтобы выпить кофе. Вскоре после того, как Джон-Джон[250] побывал у меня, бац, я вышел из тюрьмы.

Глава 12

Как только я вышел из тюрьмы, в самый первый день, я поехал домой, взял сумку и отправился в Нью-Йорк. Я не отдыхал, не общался со своей семьей, как это следовало бы сделать. Просто, бац, я сел в машину и отправился в Нью-Йорк, чтобы встретиться с одной из своих подружек. У меня не было навыков, опыта человека с чувством ответственности. Или же элементарного желания приобрести их. Ты не можешь быть наполовину приличным женатым человеком, а наполовину – сексуальным подонком. Обилие всех этих подруг при моем женатом состоянии было для меня своего рода наркотиком. И если мне был нужен кто-то еще, я просто выходил на улицу – и женщины бросались на меня. Я был рабом беспорядочного образа жизни знаменитости. Я бы и хотел прекратить это, но не мог.

В то время в моей жизни все было как-то беспорядочно. Мои новые деловые партнеры договорились о новых сделках с телеканалом Showtime и руководством MGM Grand, поскольку Дон уже не принимался в расчет, но на мне все еще висели те миллионы, которые были предоставлены мне руководством Showtime и осели в кармане Дона. Кроме того, за мной по-прежнему числился долг налоговому управлению.

Я переехал в Финикс, чтобы начать подготовку к следующему бою. Одновременно в начале июня я приступил к общественным работам в печально известной тюрьме шерифа Джо Арпайо[251] в Финиксе. Он был весьма взволнован, увидев меня в своем заведении. Я ходил по его палаточному городку, разговаривал с заключенными, советовал им держаться подальше от неприятностей. Между тем инспекторы, наблюдающие за условно осужденными, относились ко мне так, словно я был Джон Готти. Они старались в своих отчетах описать каждый мой шаг. Если до них доходили слухи, что я был в клубе, они звонили моему адвокату, и нам приходилось искать свидетелей, чтобы опровергнуть это. Адвокат писал им: «Как я сообщал вам, Майк не посещал ночного клуба «Амазонка» во вторник, 29 июня, и Моника подтверждает данный факт. Майк находился в это время в своей комнате и спал».

Мой адвокат даже предупреждал моих телохранителей, чтобы они были начеку:

– Как вы знаете, отдел по условному осуждению взрослых правонарушителей округа Марикопа усиливает надзор за Майком. Энтони уже поставлен в известность и приступил к исполнению, теперь я хотел бы проинформировать и вас, что

устанавливаю следующие правила. Если Майк покидает отель после десяти часов вечера, вы должны сообщить об этом Полю и его офицеру службы наблюдения Чаду. У Энтони есть их номера. Кроме того, прошу сообщать мне на голосовую почту и оставлять мне сообщения, куда Майк направляется. Если он уходит в другой клуб или даже в ресторан, важно, чтобы вы сообщали об этом по телефону обоим офицерам отдела по условному осуждению и мне, информируя всех нас о его маршруте. Я уже обсудил с Энтони тот момент, что крайне важно, чтобы Майк оставался спокойным вне зависимости от того, как обстоит дело с испытательным сроком. В случае, если возникает какой-либо конфликт с отделом по условному осуждению, или же он назревает, прошу немедленно звонить мне.

Я – Аль Капоне! Я – скверный ниггер, страшный и ужасный! И моя самовлюбленная, эгоистичная, страдающая манией величия натура с этим легко согласилась. Они относились ко мне так, словно я был крестным отцом, криминальным авторитетом.

И меня, как и прежде, легко можно было огульно обвинить в чем угодно. Однажды в августе я выполнял свою отработку в городке шерифа Арпайо, когда он позвал меня в свой кабинет.

– Майк, одна из моих судебных исполнительниц выдвинула обвинение против вас. Она заявила, что вы ударили ее и сбили с ног. Не знаю, почему у нее ушла целая неделя на оформление этого обвинения, – сказал он.

– Все это время вы были вместе со мной. Вы знаете, что это чушь собачья, – сказал я.

– Не представляю, как вам удалось бы сделать это, – согласился он.

Все это было, конечно, фигня, но, тем не менее, через эту фигню мне пришлось пройти. Быть обвиненным в чем-то, когда ты на общественных работах? Они изучили видео– и фотосъемку того места, где имел место предполагаемый инцидент, судебная исполнительница была там со мной и широко улыбалась. Дело было прекращено, но у меня был шанс вновь загреметь в тюрьму штата Мэриленд. Подозреваю, что подчиненные просто желали сбить Арпайо с толку. Его судебные исполнители не особенно-то любили его.

Я вернулся на ринг в Лас-Вегасе 23 октября 1999 года. Моим противником был Орлин Норрис. Не знаю, кем был этот парень в то время, когда я был чемпионом, но он появлялся на моих пресс-конференциях и тупо пялился на меня. Он участвовал в боях «на разогреве» перед моими поединками, но я не помнил его. Я думал: *«Может, у этого ниггера есть пушка? Кто он? Может, я оскорбил его или выиграл у него в кости все деньги?»* Он меня

пугал. Никто еще не отваживался так вести себя со мной: он просто смотрел на меня, молча, ничего не произнося. Я уже начал думать, что я его, быть может, случайно обидел на улице.

Он был чемпионом мира в первом тяжелом весе по версии Всемирной боксерской ассоциации, поэтому знал, как надо драться. В течение первого раунда мы прощупывали друг друга, и прямо во время гонга я провел левый апперкот, который отправил его на канвас. Ричард Стил снял с меня два очка за удар после гонга, но это уже не имело значения. Норрис вернулся в свой угол, сел на табурет и больше уже не вставал. Он утверждал, что при падении повредил правое колено и не мог продолжать бой. Зрители начали свистеть и бросаться разными предметами. Затем на ринге появилось полсотни копов в форме. Опять пошло-поехало! Сколько можно? Я был в хорошей форме, мог бы прибавить темпа и в следующем раунде нокаутировать его, но он не слезал со своего табурета. Забавно посмотреть видеозапись: он поднимается и направляется в свой угол, вполне здоровый, выслушивает своего тренера, который указывает ему на ошибки. А затем он отказывается от боя, и это еще одна черная метка для меня в Лас-Вегасе. Бой был признан несостоявшимся. В то время я этого еще не знал, но это был последний раз, когда я выступал на ринге в Лас-Вегасе.

Шелли Финкель полагал, что для меня может быть лучше некоторое время проводить поединки за пределами США, чтобы в Лас-Вегасе успокоились после фиаско с Норрисом. Поэтому он организовал для меня бой в Англии, в Манчестере, запланировав его на 29 января 2000 года. Я должен был драться с Джулиусом Фрэнсисом, чемпионом Великобритании в тяжелом весе. Это была отличная поездка! Куда бы я ни пошел, везде собиралась толпа. Когда я приехал в гетто в Брикстоне, там собралось столько моих поклонников, что я был вынужден укрыться в полицейском участке. Я еще подумал, что, похоже, в первый раз в своей жизни я пришел в полицейский участок по своей воле.

За неделю до поединка я дал интервью телеканалу Sky TV.

– Как вы полагаете, к вам здесь справедливое отношение? – спросил ведущий.

– По сравнению с тем, как поступают в США, здесь ко мне относятся с предельной деликатностью. Там у меня иногда даже пропадает желание выходить на улицу, но я отношусь к сильным личностям, и ничто не может остановить меня. Ничто не может сломить меня или подорвать мой дух. Что бы ни происходило со мной, я встречаю это с высоко поднятой головой.

– Двадцать одну тысячу билетов на ваш поединок раскупили за два дня. Как вы думаете, что в вас привлекает поклонников

бокса?

– На этот вопрос я не знаю ответа. Но я точно знаю, что еще шестьдесят тысяч человек не смогли достать билетов. Полагаю, что им следует просто сломать двери и прорваться в зал, и я верю, что именно так они и поступят.

– Майк, не подавай им такой идеи! – В его голосе звучал ужас.

– Вот что им нужно – им нужна идея. Они хотели бы увидеть мой бой. Я как поклонник Дюрана собирал кучу парней с улицы, и мы прорывались прямо через двери: «Давай, старик, давай! Нас не остановят!»

– Еще несколько вопросов о Джулиусе Фрэнсисе. Дайте прогноз этого поединка. Какой будет результат?

– Я не знаю. Думаю, что я прикончу Джулиуса Фрэнсиса, – сказал я невозмутимо.

– Вы ведь не имеете в виду, что вы его по-настоящему прикончите? Если я это повторю, то все ухватятся за эту цитату и будут говорить: «О-о, Майк Тайсон хочет прикончить Джулиуса Фрэнсиса!»

– Все в порядке. Вот послушайте, что я вам скажу. Меня не очень-то беспокоит то, что обо мне говорят. Майк и Тайсон – это два разных человека. Для своих детей и жены я – Майк и папа. Но здесь я – Тайсон. Тайсон – это просто такой тип, который зарабатывает кучу денег. Меня никто не знает, никто никогда не считался с моими чувствами, с моей болью, с тем, что у меня было в моей жизни. Никто не имеет ни малейшего понятия, кто я и что я. Никто даже не знает, почему он болеет за меня. Потому что я хороший боксер? Потому что я могу постоять за себя? Тайсон – это не то, что я есть. Я становлюсь порой этой личностью, но прежде всего я – Майк и папа, и это для меня гораздо важнее.

– Вы становитесь этой личностью, только когда выходите на ринг? Так?

– Прямо сейчас! Я Тайсон прямо сейчас!

– Тот самый Тайсон?

– Да, я тот парень, который собирается устроить двадцать девятого числа настоящее гребаное шоу. Каждый может прийти и посмотреть, как я кого-нибудь прикончу, или набью кому-нибудь морду, или кого-нибудь отправлю в нокаут. Тайсон – это билет на зрелище, Тайсон – это выгодное дело. Не так много тех, кто действительно заботится непосредственно о Майкле, потому что Майкл – это просто какой-то ниггер из Бронсвилля, Бруклин, который однажды смог выкарабкаться оттуда и добиться успеха или которому повезло в этом. Там, откуда я родом, я был никем,

дыркой от бублика. Но бог, возможно, благословил меня, не знаю, а может, он определил мне этот путь, не знаю. Так что не судите меня строго, ладно?

Я не мог ходить по улицам Лондона, поскольку наше появление приводило к массовым беспорядкам, поэтому по магазинам мы исключительно ездили. Однажды мы остановились на светофоре, и когда народ увидел меня, машину принялись раскачивать. Кто-то нырял в машину с головой. Это было похоже на сцену в стране третьего мира, когда диктатор пытается сбежать, а толпа мешает ему, останавливает автомобиль, срывает крышу. Но этими людьми руководила любовь.

– Мы любим тебя, Майк! Мы любим тебя! – кричали они.

Это было похоже на битломанию. Со мной была одна подружка, так с ней чуть не случился сердечный приступ.

– Вот черт! – сказала она, оборачиваясь, чтобы взглянуть на меня. – Кто же ты такой, черт бы тебя побрал?

Мы вернулись в свой отель, но под его окном собралась толпа, которая принялась скандировать мое имя. Она не разошлась, пока я не вышел на балкон, не поприветствовал их и не показал им: «Все отлично!» Я был похож, блин, на Карла Великого.

Но у меня были также и явные недоброжелатели. Женские сообщества не желали демонстрировать мне поддержку. Они бойкотировали мои появления на публике. Я был приглашен в Британский парламент, но все его представительницы заявили протест. Возможно, причиной послужило мое высказывание во времяпосещения музея восковых фигур мадам Тюссо: я назвал фигуру Уинстона Черчилля «еще одним бриттом, проклятым лайми»[252].

Мне доставляло удовольствие противоборство с этими группами протеста. Я наслаждался имиджем гребаного мерзавца международного уровня. Я чувствовал себя как Диллинджер[253]. С такой отвратительной репутацией, практически репутацией международного гангстера, я без малейших проблем заходил в любые клубы и тусовался там.

– Х… й с ними, Майк, с этими пид… ми, – говорили они. – Мы с тобой.

В своем отеле я познакомился с одной шикарной русской девушкой, которая, взглянув на мои украшения, предложила мне навестить ее в магазине «Графф дайемондз», самом дорогом ювелирном магазине в мире. Она работала там переводчиком для российских олигархов и их жен, когда они заходили в этот магазин. Я отправился туда вместе со своим промоутером Фрэнком Уорреном, который являл собой Дона Кинга в Европе.

Она уже ждала меня и сразу же начала флиртовать. Она спросила меня, что я за парень, и я ответил ей: «Я обычно граблю и ворую».

– Хватит играть! – сказала она.

– Нет, в самом деле! Я врывался в дома и грабил под дулом пистолета.

Она показала мне двое замечательных часов с инкрустацией стоимостью около 800 000 долларов каждые. Уоррен попытался выглядеть «большой шишкой» и сказал девушке:

– Я хочу купить эти для него.

У него были связи с владельцами магазина, поэтому я взял двое часов вместе с парой украшенных бриллиантами музыкальных карманных часов и браслет с бриллиантами, все вместе за 865 000 долларов.

Я забрал также и девушку и несколько раз переспал с ней, прежде чем мне пришлось отправиться в Манчестер на поединок. Я совершенно не беспокоился за исход боя. Можно было видеть, что Фрэнсис не готовился к бою серьезно: его вес составлял 243 фунта[254]. Он тренировался в каком-то армейском лагере и получал там жирную пищу. Не думаю, что английская пресса высоко оценивала его шансы. Лондонская газета *«Дейли миррор»* заплатила ему 50 000 долларов, чтобы разместить рекламу о себе на подошвах его боксерских ботинок. И она не прогадала, эти деньги окупились. В первые четыре минуты боя я пять раз отправлял Фрэнсиса в нокдаун, прежде чем рефери остановил поединок.

Вернувшись в Лондон, я позвонил своей русской подружке. Пока я разговаривал с ней, я услышал, как какой-то парень спросил ее: «Это кто, Тайсон?» Она повесила трубку и сразу же пришла ко мне в отель. Я, однако, начал нервничать, поскольку при нашей первой встрече она рассказала мне, что встречается с китайским торговцем оружием по имени Майкл.

«Дело дрянь! – подумал я. – *Я труп, мать твою!»*

Я был уверен, что он последует за ней до моего отеля. Когда она пришла, я сразу же забросал ее вопросами:

– А Майкл не будет злиться? Он ревнив?

– Да черт с ним! – ответила она. – Меня это больше не волнует. Он просто пристал ко мне, как банный лист. У него куча денег, и он заботится обо мне.

В комнате была Джеки Роу, которая совершенно по-уличному «наколола» эту наивную девушку. Та была безумно красива и, похоже, не привыкла мошенничать. И если она не собиралась потерять своего папика, то ей не следовало делать ничего необдуманного. На следующий день я должен был возвращаться в Америку. Мне хотелось бы взять ее с собой, это было совершенно

невозможно. Именно это Джеки и изложила.

– Нет, нет, нет! – сказала ей Джеки. – Вы должны вернуться к нему и сказать, что все в порядке. Не следует резко вытаскивать голову из пасти льва. Делать это надо медленно и осторожно. Подумайте сами, ведь вам нужны деньги. А Майк собирается домой. Так что, не теряйте своего парня.

Она позаботилась обо всем. Я знал, что этот парень должен был забрать ее обратно. Это была, в самом деле, шикарная леди.

Я вернулся в Штаты, но очень скоро вновь попал в передрягу. 18 мая я со своим приятелем Маком отдыхал в Лас-Вегасе в стриптиз-клубе «Гепарды». В то время, когда мне хотелось быть с ясной головой, я шел в стрип-клуб. В начале 2000-х годов так было модно.

Так вот, я сидел на диване в глубине клуба рядом с кабиной диск-жокея и беседовал со своим приятелем Лонни, который был одним из менеджеров. Ко мне подошла стриптизерша, чье настоящее имя было Виктория, но она выступала под именем «Цветочек» и спросила меня, не желаю ли я танец на коленях. Я от нее ничего не желал, однако она была настойчива. Она настаивала на том, чтобы подарить мне танец на коленях. Она несколько раз подходила ко мне, а затем попыталась сесть ко мне на колени. Я поднял руку, чтобы остановить ее, она потеряла равновесие на своих высоких каблуках и упала на спину. Помню, я еще обозвал ее «уродиной» и «грязной шлюхой». Она, сконфуженная, ушла в свою раздевалку.

Из раздевалки она позвонила мужу и рассказала ему, что случилось. Тот, в свою очередь, позвонил в полицию и заявил, что в настоящий момент я с приятелями нахожусь в «Гепардах» и развлекаюсь рукоприкладством к стриптизершам и швырянием их по всему клубу. На место происшествия направилось восемь полицейских машин Лас-Вегаса. Я беседовал с одним из полицейских, который рассказал мне, что, когда он работал в подразделении, занимавшимся проституцией, стриптизерши не понимали ответа «нет». Они были обыкновенными проститутками, которые старались выдоить клиентов до последней капли. Полицейские отвели «Цветочек» в сторону, допросили ее как следует, и она призналась, что я никогда не ударял ее, что с ней все в полном порядке и что она была просто сконфужена. Она сообщила копам, что ее гордость была уязвлена и что она сказала мне, что если бы я дал ей 500 долларов, такого бы никогда не случилось. «После того как я так оконфузилась, я должна была бы что-то получить за это», – объяснила она им. Копы уехали, и поскольку никакого инцидента не было, против меня не стали выдвигать никаких обвинений. «Цветочек» успешно

завершила свою смену, делая танцы на коленях и танцы у шеста.

Подозреваю, что, когда она пришла домой к своему мужу-мошеннику, он разобрался с ней как следует, потому что на следующий день она изменила свой рассказ и подала заявление в полицию, утверждая, что «Тайсон протянул руку и ударил/толкнул ее в район груди, что привело к тому, что она буквально пролетела по комнате и приземлилась на пол. Она была ошеломлена, а Тайсон после этого назвал ее «уродливой шлюхой» и «сукой». В результате инцидента она получила синяки». Полиция возобновила расследование и вновь не нашла причин для возбуждения дела, назвав выдвинутые обвинения «совершенно необоснованными».

Но это не остановило ее. Через несколько месяцев она подала на меня в суд. В иске было сказано: «Жестокий и болезненный удар Тайсона отбросил Викторию на несколько футов, и она упала на пол на копчик, причем при падении получила сильный удар по ноге каблуком своей туфли». Она требовала возмещения ущерба в связи с эмоциональными страданиями, телесными повреждениями и стрессом в супружеских отношениях, который привел к прекращению их супружеской деятельности.

Дело затянулось. В апреле я давал показания. Мне не доставляло никакого удовольствия сидеть там и выслушивать идиотские вопросы ее адвоката. Он просил меня подробно изложить все детали той ситуации, когда она подошла ко мне.

– Вы сидите, если я правильно понимаю, я постараюсь выражаться покороче, итак, вы сидели, как я предполагаю, на диване рядом с кабиной диск-жокея, все правильно?

– Да.

– И каким же образом она приставала к вам?

– Она – шалава. Она настаивала на том, чтобы изобразить мне танец на коленях. Я сказал ей: «Нет». Я не хотел никакого танца на коленях. Она ушла, но затем вернулась и продолжала настаивать. Она попыталась залезть на меня, и я выставил руку.

– Ваша рука вступала в контакт с мисс Бьянкой?

– Да, могла, но исключительно в результате ее агрессивного поведения. Моя рука была выставлена в ее направлении, но для того, чтобы удержать ее подальше от меня, а не потому, что я проявлял агрессию.

Он продолжал изводить меня. Я обозвал его куском дерьма и е… ным мудаком. Он сказал, что ему надо прерваться, и уединился с моим адвокатом. Мы предложили ему десять штук, чтобы уладить это дело, те запрашивали сорок. Когда они вернулись после переговоров, он заявил, что не намерен больше задерживать меня.

– Мне нет смысла оставаться здесь, потому что ваш клиент лжет. Вы не хотите больше задерживать меня. Я не сделал ничего плохого, – подвел я итог.

Когда дело было передано на разрешение третейского суда, их адвокат заявил, что мы согласились урегулировать вопрос за сорок штук. Судья третейского суда вынес решение не в ее пользу. Они подали апелляционную жалобу. Мы вновь передали вопрос третейскому суду, и в результате она получила 8800 долларов, плюс я должен был заплатить третейскому судье 1615 долларов. Мой адвокат запросил за свои услуги 25 000 долларов. У меня еще никогда не было такого дорогого танца на коленях.

К июню я вернулся в Финикс для подготовки к следующему поединку. У меня было отвратительное настроение, и я выплеснул его на своего офицера отдела по условному осуждению, в принципе, приятную женщину. Я не загремел обратно в тюрьму только благодаря одному из самых замечательных юристов, с которыми я когда-либо сталкивался. Его звали Дэрроу Солл, и он был еврейским стилягой, бывшим «зеленым беретом»[255]. Он не выглядел крутым, он был крупным, но не мускулистым. Он был весь такой основательный. Мы сблизились. Дэрроу был по-настоящему толковым парнем с левыми взглядами, люди такого типа шли в «Американский союз защиты гражданских свобод»[256]. Он сказал мне, что его отец был убит одним из представителей белой арийской расы, но он, тем не менее, защищает и парней арийской нации. Обычно Дэрроу занимался делами черных парней, которые несправедливо были приговорены к смертной казни, и даже не брал за это платы, хотя у него уходила на это половина времени. Он был прекрасным человеком.

У него были связи с юристами в Финиксе, и он на протяжении многих лет помогал мне разгребать там дерьмо. Мой офицер отдела по условному осуждению Эрика пыталась заставить меня продолжать общественные работы, но в двух местах отказались принять меня, поэтому пару раз я накричал на нее по телефону. Дэрроу, однако, успокоил ее, объяснив, что причиной моего плохого поведения являются проблемы «медикаментозного характера».

«Есть хорошие новости. После долгих обсуждений Эрика согласилась исключить словесные выпады Майка из своих отчетов начальству. В значительной степени она поступила так с учетом того, что Майк в ходе последней встречи с ней принес свои извинения», – написал он моей команде в своей докладной записке.

Мои английские промоутеры были обеспокоены в связи с

этим чертовым иском от девицы из «Гепардов». Если бы у меня был плохой отчет по своему испытательному сроку, то мне, вполне возможно, не разрешили бы вернуться в Великобританию для поединка с Лу Саварезе. Я должен был отправиться туда 16 июня, однако я вернулся в Нью-Йорк, потому что 10 июня был убит один из моих лучших друзей Дэррил Баум. Его называли «Убийцей», но я продолжал звать его изначальным уличным прозвищем – «Душка-шибздик». Он ненавидел это прозвище, потому что ему было ненавистно все то, что могло проявить в нем мягкость и ранимость. Душка-шибздик был из моего района, и у него была дурная уличная слава человека, обижавшего других. Я постоянно видел его ошивавшимся с крутыми парнями в нашем районе. Эти ребята были настоящими отморозками, он же был всего лишь ребенком, но было похоже, что он у них главный.

Его звали «Убийцей», потому что, когда ему было только двенадцать лет, он стал мастером нокаута. Он подходил к кому-нибудь на улице, с одного удара вырубал его и затем забирал украшения или дубленку. В 1986 году за грабеж он отправился в тюрьму на срок от двух до шести лет. В тюрьме он вел себя так буйно, что отсидел два срока. В конце концов, он освободился 31 декабря 1999 года. Когда он вышел, я выделил ему немного денег и купил шикарный «Ролекс», цепочку и «Мерседес-Бенц». Я также предложил ему работу в качестве одного из своих охранников. Я хотел вытащить его с улицы и выправить ему жизнь.

– Побудь со мной, – сказал я ему. – Не занимайся больше этим дерьмом, мы могли бы вместе делать деньги.

– Майк, я не собираюсь брать у тебя этих сраных денег, – ответил он. – Слишком много людей брали у тебя деньги.

Душка-шибздик был бандитом до мозга костей. Он хотел жить именно так. Он был замешан в ссоре между двумя конкурирующими бандами, связанными с наркотой, и его застрелили через шесть месяцев после того, как он вышел из тюрьмы. Разве это не безумие? Все мои старые друзья либо убиты, либо они кого-нибудь убили. Это были нормальные люди, но они подсели на наркоту и секс – и смерть. Вся моя жизнь тоже была именно такой – безрассудной.

Я оплатил похороны Шибздика. Я арендовал в Бруклине большой роскошный итальянский похоронный зал, и пришлось добавить еще три комнаты, столько людей пришло проститься с ним.

С учетом всего этого на самолет в Англию, чтобы прибыть на поединок, я садился без всякой охоты. Прилетев в Лондон, я стал искать свою русскую девушку, но ее к этому времени уже уволили из магазина «Графф дайемондз». Оказывается, Фрэнк Уоррен, мой

промоутер, не заплатил за те украшения, которые он приобрел для меня, когда я был в Лондоне на поединке с Фрэнсисом. Хуже всего было то, что в «Графф дайемондз» собирались подать на меня в суд. Я был в ярости. Я был избалованным, самовлюбленным маленьким ребенком, так что мистеру Уоррену следовало заплатить за меня.

Я велел Томми Бруксу, моему тренеру, передать Уоррену, чтобы тот зашел ко мне в номер.

У Уоррена, по общему мнению, была репутация такого же гангстера, как и у Дона Кинга. Он запугал и согнул в бараний рог всех европейских боксеров, поэтому, когда он пришел ко мне, он был безмерно заносчив и спесив.

– Вы не заплатили за те украшения, которые хотели приобрести для меня, – сказал я. – Дон Кинг, случайно, не ходит у вас в приятелях?

– Да, – ответил он высокомерно.

– А Дон не рассказывал вам, что произошло, когда он проявил ко мне неуважение?

– Да, он рассказал, как вы поколотили его.

– И вы не заволновались, когда он вам рассказал это? Вы не испугались?

– Нет, – произнес он с презрением.

Это сегодня я довольно законопослушный парень, но если в то время кто-то открыто грубил мне, дело кончалось расправой. Речь не шла о возможном выходе из кризисной ситуации средствами дипломатии. То, как он вел себя передо мной, когда я задавал ему эти вопросы, было неприемлемо. Он смотрел мне прямо в лицо и говорил мне: «Нет», – но в действительности это значило: «Ты не в Америке. Ты просто е… ная срака, чертов ниггер».

Мне пришлось надрать ему задницу. Р-раз! Одним ударом я сломал ему челюсть. Когда он упал, я пнул его и сломал ему ребра. Затем я взял со своего туалетного столика пресс-папье, ударил им по лицу и переломал ему глазницы. После этого я подтащил его к окну и стал выталкивать на улицу. Он начал просить о пощаде.

– Что, теперь ты уже не такой крутой, да, ублюдок?

Я швырнул его обратно на пол.

– У тебя хватило мозгов, чтобы так говорить со мной и так со мной поступать? – закричал я на него. – Раздевайся, мать твою! Догола!

– Нет! – взмолился он.

Я ударил его ногой по голове.

– Вы избили меня, разве этого не достаточно? – зарыдал он.

– Когда ты не оплатил счет, ты так не думал, верно? Раздевайся прямо сейчас!

Он слегка пришел в себя, поднялся на ноги и бросился к двери. Я погнался за ним в прихожей, но на мне были одни носки, и я постоянно поскальзывался. Он смог сбежать. Я был в ярости.

Когда я оказался в Шотландии, настроение у меня поднялось. Поединок планировался в Глазго, и прием, устроенный мне, был просто ошеломительным. Перед поединком я нюхал «кокс» и курил травку. С кокаином не было никаких проблем, потому что он сразу же выходит из организма. Что же касается травки, которая на некоторое время остается, то я был вынужден прибегнуть к своему гидроэкстрактору, искусственному пенису, в который заливалась чья-то чистая моча, чтобы пройти допинг-тест на наркотик. Стив Томас, помощник Джеффа Вальда, обычно сопровождал меня в поездках и внес свой посильный вклад в это дело.

Перед поединком я находился под сильным кайфом. Меня одели в юбку-килт, и я приветствовал толпу, стоя на крыше «Мерседес-Бенца». Я прыгал на машине с криками: «Чемпион! Чемпион!» – и все буквально сходили с ума. Ко мне подошел какой-то немец и сказал мне, что это немецкий автомобиль. Тем самым он пытался впечатлить меня информацией о том, что автомобиль был весьма дорогим.

– Просто ох… ть можно! – воскликнул я. – Так вот как вы поступили с деньгами, которые украли у евреев! Вы напокупали на них автомобилей!

Я не должен был говорить этого. В тот момент я был похож на омерзительного политикана.

Саварезе был для меня интересным соперником. Его никак нельзя было считать мальчиком для битья. Казалось, что он уже сошел с дистанции, проиграв в 1997 году раздельным решением судей Джорджу Форману. Но в 1998 году он нокаутировал Бастера Дагласа в первом раунде. Из сорока двух боев в тридцати двух он победил нокаутом. Тем не менее, я не думал, что он мог создать мне какие-либо проблемы.

Раздался гонг, и на скачке левым крюком в висок я отправил его на канвас. Он поднялся, я стал обрабатывать его. Он вновь начал падать, когда рефери влез между нами. Я не понимал, почему рефери останавливает бой, поэтому, продолжая наносить удары, случайно задел его левым крюком и сбил с ног. Британские телеведущие позже запустили шутку о том, что именно рефери никогда не умели держать удар.

Я относился к числу избалованных боксеров. Хотя я ударил рефери, я смог остаться безнаказанным и не попасть в беду. Но на

этот раз я, действительно, не хотел его ударить. Я просто стремился расправиться с Саваризом. И я психологически был настроен на это. Я постарался объяснить все это в интервью, которое я дал после боя Джиму Грею из Showtime.

– Майк, это был ваш самый короткий поединок?

– «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и еще свидетельствую, что Мухаммад, мир ему, – Посланник Аллаха»[257]. Я посвящаю этот бой своему брату Дэррилу Бауму, который умер. Я встречу тебя там, я увижу тебя, я люблю тебя всем сердцем. Хвала моим детям, я люблю тебя, о Аллах, о Аллах! Что ты сказал?

– Это ваш самый короткий бой из всех, которые вы когда-либо проводили, верно? Как любитель или как профессионал, на протяжении всей вашей карьеры.

– Ассаламу алейкум, мир тебе. Я не знаю, приятель. Да, Леннокс Льюис, Леннокс, я иду за тобой.

– Поделитесь, насколько это неприятно: так упорно тренироваться, как это делаете вы, а затем все завершается через семь или восемь секунд?

– Перед этим поединком я тренировался, наверное, только две или три недели. Мне пришлось похоронить моего лучшего друга, и я не собирался драться, но я посвятил ему этот бой. Я хотел вырвать сердце своему противнику, я лучший, я самый жестокий, самый ужасный, самый беспощадный чемпион, который когда-либо был. Меня никто не может остановить. Леннокс – победитель? Нет! Я – Александр Великий, Александр Македонский, он – не Александр. Я лучший! Нет и никогда не было никого, столь же безжалостного. Я – Сонни Листон, я – Джек Демпси, я – их ровня, нет никого, сравнимого со мной. Никто не может сравниться со мной. Мой стиль – это стремительность, моя оборона неприступна. Я свиреп и жесток, и я хочу вырвать его сердце, я хочу съесть его детей, хвала Аллаху!

И с этими угрозами я умчался прочь. Я так демонстративно рвал и метал, поскольку уже терял рассудок. Я был под сильным кайфом, мои мозги были одурманены. Я выдергивал фразы из фильмов про карате студии «Шоу бразерс», таких, как *«Пять смертельных ядов»*. Я цитировал Апокалипсиса, своего любимого мультипликационного персонажа. Он был просто офигенно крут и всегда говорил так возвышенно: «Смотри на меня и дрожи, поскольку я приношу непорочность милости в твой мир». Я был простым парнем, но любил высказываться вот так возвышенно. Я говорил на жаргоне «Уорлд рестлинг интертейнмент»[258]: «Я съем его детей!» Я думал, что я крутой парень, а на самом деле я просто был врожденным шоуменом.

Когда я вернулся в Лондон, там назревал конфликт. Я по-прежнему был готов убить Фрэнка Уоррена. Тот, кто видел мой поединок, мог убедиться в том, в какой я был ярости. Я искал его после поединка, поскольку он был совершенно бесстыдным человеком. У него были сломаны глазницы, скула и челюсть, и все равно он пришел посмотреть бой, но, вернувшись в Лондон, он пропал. Газета *«Дейли рекорд»* на первой полосе опубликовала статью о том, что я напал на него в своем номере люкс за то, что он остался должен 630 000 долларов за ювелирные изделия. Уоррен заявил им, что эта история – «полный бред». Для решения проблемы я был вынужден провести пресс-конференцию, так как после моего возвращения в Штаты у моего офицера по условному осуждению могли возникнуть ко мне некоторые вопросы.

– Вы ударили его? – спросил меня журналист.

– Нет, сэр.

– Вы пытались выбросить его из окна?

– Нет, сэр. Я люблю Фрэнка Уоррена.

Когда я вернулся в Штаты, офицер, отвечавший за мое условно-досрочное освобождение, был обеспокоен моими комментариями после поединка с Саварезе и предполагаемой ссорой с Уорреном. Дэрроу все это разрулил. Мне даже разрешили общаться с Оуи.

Одним из условий моего условно-досрочного освобождения было посещение психиатра, поэтому в городе Темпе, штат Аризона, я пришел на прием к доктору Барксдейлу и его помощнику. Наша встреча прошла не совсем гладко. Но опять-таки на помощь пришел Дэрроу.

«Насколько я могу понять, первая встреча с вами и вашим коллегой, возможно, получилась шероховатой, – написал он Барксдейлу. – Примечательно, однако, что вчера вечером Майк позвонил мне по другому, не связанному с этим, делу и прямо спросил, не мог ли он вновь встретиться с вами и вашим коллегой. Должен сказать вам, что, учитывая опыт моего общения с Майком, это весьма обнадеживает».

Я вернулся в Лас-Вегас. Я находился в такой отличной форме во время двух поединков в Великобритании, среди прочих причин, еще и потому, что я ходил тридцать миль в день, иногда при 40-градусной жаре. Обычно я ходил в одиночестве. Были у меня глупые приятели, которые считали, что это может оказаться неплохим развлечением – прогуляться вместе со мной, подхватить по дороге девочек, но это было совсем не так. Во время ходьбы не было никаких разговоров, никаких остановок, я просто отрешался от всего постороннего. У одного моего приятеля, который пошел со мной, случился сердечный приступ.

Я начал совершать эти длительные прогулки, прочитав книгу об Александре Македонском и его армии. Они проходили по шестьдесят миль в день. И я сказал себе: «Черт, я тоже могу сделать это!» Вначале я добился того, что преодолевал десять миль в день. Мои подошвы горели, словно к ним приложили паяльную лампу. У меня были замечательные кроссовки, «Нью Баланс», у них был такой вид, будто их поджаривали на огне. Дальнейшее чтение прояснило для меня, что эти великие воины совершали свои марши, находясь под кайфом. История войн – это история наркотиков. Каждый великий полководец, каждый воин испокон века потреблял наркотики.

Поэтому я включил в свой режим ходьбы травку и алкоголь. В целом, я постоянно был раздражен, но ходьба под кайфом при 38-градусной жаре выводила сидевшее во мне двухполярное дерьмо на качественно новый уровень. Алкоголь, травка и жара не сочетаются. Я ходил с обнаженным торсом, обматывая рубашку вокруг головы. Мои брюки спадали, потому что я потерял довольно много веса. Солнце поджаривало меня, я стал черным, как деготь. Я был похож на наркомана. Те, кто меня встречал, не узнавали меня. Один парень подошел ко мне за автографом, и, бац, я врезал ему. Как-то я встретил девушку, с которой я однажды переспал, она работала в магазине «Версаче». Она заволновалась обо мне.

– Майк, с тобой все в порядке? – спросила она меня.

– Да пошла ты, сука! – заорал я на нее. – Я тебя на дух не переношу! Я никогда не любил тебя!

Похоже, солнце выпарило мне мозги и я потерял рассудок.

Я не брал с собой денег, и когда я чувствовал обезвоживание, я заходил в какие-нибудь лавки, и ребята там давали мне воды. Иногда над моей головой гудели вертолеты местной прессы, словно я был Симпсоном из Бронко[259].

Мои занятия ходьбой сводили мою службу безопасности с ума. Они прозвали меня «Гамп» в честь Форреста Гампа[260]. Энтони Питтс пытался следовать за мной на некотором расстоянии, но зачастую я его терял. Иногда я даже не знал, находится ли он рядом. Я доходил от своего тренажерного зала до стрип-клуба «Гепарды», и Энтони наказал менеджерам вызвать его, если я там окажусь. Затем Энтони с другими ребятами по очереди ждали на автостоянке, высматривая меня.

Однажды я во время своей ходьбы зашел в парикмахерскую к своему приятелю Маку. Был особенно жаркий день, а у меня с собой была приличная порция травки. Я потусовался дома у Мака, но затем тому надо было забрать одежду из химчистки, и я пошел домой. Я был в приподнятом настроении, разговаривал

сам с собой. Пройдя несколько кварталов, я вдруг заметил Энтони, который следовал за мной на внедорожнике. Я был таким обкуренным, что пришел в ярость. Мне стало все равно, жив я или уже умер. Я осознавал окружающее какими-то кусками. В приступе паранойи я вообразил себе, что Энтони шпионил за мной. Почему он, блин, оказывался везде там, куда шел я, мать его? Эта мысль запала в моем одурманенном мозгу, и я решил отплатить ему.

Итак, я повернул вниз по переулку, который вел к полицейскому участку. К моменту, когда Энтони подъехал, я успел пожаловаться на него копам. Энтони вышел из машины и сказал:

– Меня наняли, чтобы присматривать за вами, и теперь вам нужно сесть в машину. Давайте, мы возвращаемся домой.

– Я никуда не собираюсь садиться, – сказал я. – Этот парень меня беспокоит! Я хочу, чтобы этого человека арестовали! Он меня преследует!

Я вопил, и все это время при мне была нехилая порция марихуаны.

Копы начали задавать Энтони вопросы, а я сбежал. Я был уже в нескольких кварталах от участка, когда Энтони вновь догнал меня. Я был так зол, что взял кирпич, который лежал в канаве, и швырнул его прямо в лобовое стекло его внедорожника. Шони на следующий день дала ему денег для замены стекла.

22 августа я был оштрафован на 187 500 долларов за случайный удар рефери в Глазго. Это был самый большой штраф в истории Великобритании. Я расценил его как налог на добавленную стоимость. В это время я готовился заработать 20 миллиона долларов за поединок с Анджеем Голотой, «Грязным поляком». У Голоты, здоровенного джентльмена польского происхождения, была репутация одного из самых грязных боксеров в мире. Он выигрывал в двух боях с Риддиком Боу, но был дисквалифицирован за неоднократные удары ниже пояса. Я ходил в ту же образовательную спецшколу, что и Боу, так что я был психологически настроен на то, чтобы выиграть бой и отомстить за него.

14 сентября мы провели в Лос-Анджелесе пресс-конференцию, чтобы «раскрутить» предстоящий поединок, и я был в своем репертуаре.

– Я – осужденный насильник! Я – животное! Я – самый тупой боксер! Мне нужно убираться отсюда, или же я убью кого-нибудь, – потешался я, умирая со смеху.

– Я сейчас сижу на золофте, верно? Но это и все, что удерживает меня от того, чтобы прикончить всех вас. Поэтому-то

я и сижу на нем. Вот смотрите, я сейчас выхожу на бой, так? Меня пока держат на разном дерьме, чтобы я никого, нах…й, случайно не е…нул, меня пичкают всем этим дерьмом, так? И я пока держусь, так? Я не хочу принимать золофт, но все обеспокоены тем, что я жестокий человек, что я просто зверь. И меня хотят видеть зверем только на ринге.

Я был в ударе. Или, по крайней мере, в отрубе от хорошей травки.

– Вы пишете о боксе, но вы все ведь никогда не дрались, никогда не были чемпионами, и вам неведома наша боль, наш пот. Вы не знаете, как бывает чертовски одиноко. Бокс – это самый одинокий вид спорта в мире. Понимаете, о чем я говорю? Я не трахал свою жену целый год. Да мне наплевать на Анджея Голоту, это ясно? Я месяцами не видел своих детей.

– Почему? – прервал мой монолог один из журналистов.

– Не твое собачье дело, белый пацан, суть в том, что я не видел их уже несколько месяцев. И мне наплевать на тебя и на любого из вас, это ясно? Мне не важно, жив я или нет. Я – неадекватный подонок. Приведите Анджея Голоту, приведите всех этих парней, пусть они сохранят свой титул, я не хочу их титула, я хочу, б… дь, лишить их здоровья. Потому что я сам испытываю боль и хочу, чтобы и они ее узнали. Я хочу, чтобы их дети увидели, как им больно. Я хочу, чтобы дети Леннокса Льюиса спросили: «Папочка, с тобой все в порядке?» Да, мне на них наплевать, потому что им наплевать на меня и на моих детей.

Вернувшись к себе домой в Лас-Вегас, я забавлялся игрой с двумя новыми котятами, которых мне добыли контрабандой. К тому времени я вынужден был избавиться от Кении. Мы держали ее в Техасе, и мой дрессировщик показывал ее некоторым любителям животных, которые, по их утверждению, работали с тиграми. Не знаю в точности, что произошло, но, насколько мне известно, одна из таких любителей перелезла через забор, чтобы взглянуть на Кению, и все окончилось печально. Звери, попробовав крови, становятся уже другими, так что мне пришлось избавиться от Кении. Мы безвозмездно передали ее в зоопарк в Калифорнии. На меня, как всегда, подали в суд, но я выиграл дело. Я не должен был пострадавшей леди никаких денег, но я чувствовал себя неловко, поэтому дал ей 250 000 долларов. «Она заслужила хоть что-то», – подумал я.

Поединок с Голотой должен был состояться в Детройте 20 октября[261]. В ночь перед боем я сильно волновался. Когда я собственнолично увидел Голоту на взвешивании, я испугался. Он, действительно, был крупным и казался безумным. По всей спине у него были большие красные шишки от приема стероидов. Он

был похож, б… дь, на прокаженного. *«Какого х… я мне сдался бой с этим здоровенным психом?»* – думал я, лежа в постели и пытаясь уснуть. Я запалил косячок, и после первой же затяжки мое настроение изменилось. *«Нах… й! Все будет за… сь!»* – подумал я. Блин, мне нужен был этот косячок!

Я отказался сдавать анализ мочи на допинг-тест накануне боя, до выхода на ринг. Я решил после поединка воспользоваться своим приспособлением, получив его от Стива Томаса. В зале были Паффи, Лил Уэйн и другие рэперы из группы «Кэш мани», музыка которых сопровождала меня до ринга. Когда мы встретились в центре ринга, я смог сделать совершенно потрясающее выражение лица. Мне стало жаль, что рефери был такого маленького роста. Кто-то из нас двоих – я или Голота – мог случайно настучать ему в бубен.

В первом раунде я много работал по корпусу и чувствовал, как Голота выдыхается. Я очень плавно передвигался и качественно работал джебом. Удар в лицо, бац, бац, затем несколько ударов по корпусу. Он низко держал свою левую. Он выбросил несильный джеб, я нырнул под него и, бац, рассек ему левый глаз. За десять секунд до конца раунда я жестко попал прямой правой, и он упал.

В начале второго раунда я набросился на него. Я наносил массу беспорядочных ударов, в большинстве своем промахиваясь, но некоторые удары по корпусу все же достигали цели. К концу раунда он просто отступал, выбрасывая удары в моем направлении.

Я уже был готов начать третий раунд – и не мог поверить своим глазам: Голота конфликтовал со своим углом. Позже я пересмотрел материал Showtime, как Голота отказывался выходить на следующий раунд, а его секундант, этот маленький итальянец в возрасте, Аль Серто, кричал на него.

– Работай правой, б… дь! – кричал Серто.

– Я прекращаю драться, – ответил Голота.

– Не вздумай, ты, пид… р! Ты выигрываешь этот бой!

– Все, останавливай! – сказал Голота.

– Заглохни! Давай же, ты, мать твою! Ты выигрываешь!

– Я прекращаю бой, – сказал Голота. Он встал, оттолкнул Серто и направился по рингу. Я не знал, б… дь, чего ожидать от этого психа.

– Нет! Нет! – вопил на него Серто.

Голота подошел к рефери и сказал ему:

– Я прекращаю.

И судья остановил бой.

Но Серто еще не завершил. Когда Голота вернулся в свой

угол, Серто попытался запихнуть ему в рот капу и вытолкнуть его на ринг. Однако с Голоты было довольно. Он надел свой халат и помчался с ринга. На пути к раздевалке в него кидали разное дерьмо. Кто-то швырнул в него «Апельсиновую содовую», которая разлилась по всему его телу.

Потом Голота пытался обвинить меня, заявив, что прекратил бой, поскольку у него началось головокружение от ударов головой, но он прекратил бой, сидя на своем табурете. Он был одним из тех, кто способен спятить от напряжения боя. На следующий день жена Голоты отвезла его в больницу в Чикаго, и врачи поставили ему диагноз: сотрясение мозга и перелом левой скулы в результате того удара правой, который уложил его на канвас.

Как только я вернулся в свою раздевалку, там появились чиновники из Мичигана, чтобы взять у меня анализ мочи для допинг-теста. Судя по всему, из-за Голоты они делали тестирование на наличие стероидов, но у меня не было времени, чтобы получить от Стива Томаса свое приспособление, и я был вынужден предоставить им свою собственную мочу. Конечно же, у меня обнаружили следы марихуаны. Мне следовало бы дать премию за ведение боя под наркотой, поскольку это притупляет агрессивность. Вместо этого меня дисквалифицировали на девяносто дней, что не имело ровным счетом никакого значения, так как я все равно не планировал драться в это время. Кроме того, меня оштрафовали на 5000 долларов и вынудили пожертвовать 200 000 долларов для благотворительного фонда в Мичигане. «Победа техническим нокаутом» была заменена на «решение не принято»[262].

Даже с учетом того, что за этот поединок я получил 20 миллионов долларов, в финансовом отношении я был в глубокой жопе. Дошло до того, что я начал переговоры с какими-то малазийскими промоутерами, которые хотели организовать у себя мои поединки. Чтобы убедить меня, они прислали леди, которую звали Роуз Чу, и она провела в моем доме несколько недель. Мне предложили гонорар в размере 16 миллионов долларов и дали миллион долларов аванса. Я даже позволил им заплатить 200 000 долларов за ремонт моего дома и погашение взноса за новый «Роллс-Ройс».

В начале 2001 года мои бухгалтеры прислали мне отчет о состоянии моих денежных средств за 2000 год. Я начал год с 3,3 миллиона долларов в минусе. В 2000 году я заработал 65,7 миллиона долларов, в том числе 20 миллионов в результате урегулирования дела с Сидли, моим бывшим бизнес-менеджером. Они прекрасно понимали, что то, что они творили с Доном, было

грабежом на большой дороге, поэтому они были рады урегулировать данный вопрос. Проблема заключалась в том, что в течение года я потратил 62 миллиона долларов: 8 миллионов ушло на налоги, 5,1 миллиона – на оплату юридических услуг, 5 миллионов – для Моники, 4,1 миллиона – на погашение кредита от одного из моих промоутеров, 3,9 миллиона – за судебный иск Руни, 3,4 миллиона – на зарплату персоналу, 2,1 миллиона – на автомобили, 1,8 миллиона – на обеспечение звукозаписывающей студии «Айрон Майк рекордз» и остальное на разное прочее дерьмо.

У моей новой управленческой команды не было ответов на мои вопросы, они лишь враждовали друг с другом. Так, Джеки утверждала, что Шони обдирала меня как липку.

– Майк, она крадет деньги. Всякий раз, когда вы проводите поединок и покупаете новый автомобиль, она покупает себе такой же. Она – игрок, но играет она не в шашки, а в шахматы, – говорила мне Джеки.

Когда же я сводил их вместе и пытался прояснить ситуацию, Шони начинала плакать: «Я говорила тебе, что я ей не нравлюсь!»

Шони была в офисе площадью семьдесят пять тысяч квадратных футов, который Джеки открыла в Бруклине для студии «Айрон Майк рекордз», и решила, что ей нужны такие же элитные заведения в Атланте, где она жила. Я, как последний идиот, согласился. Я в них так ни разу и не побывал.

Правда состояла в том, что мне было наплевать на свой бизнес. Я желал лишь бороться со своими недостатками – и ничего больше. Мое отношение было таким: на все насрать. Почему я так вел себя, находясь на пике своей карьеры? Печальная истина заключается в том, что никто никогда, кроме Каса, не принимал мои дела близко к сердцу. Я до сих пор не могу поверить, что он отложил мне деньги на пенсионный счет. Когда я думаю об этом, у меня и сейчас появляются слезы на глазах.

Когда в июне 2001 года умерла Камилла, стало еще хуже. Моя депрессия усилилась, и я стал употреблять больше наркотиков. Мне надо было начинать подготовку к следующему поединку, намеченному в Дании, поэтому мы организовали лагерь в городке Биг-Беар, округ Сан-Бернардино, штат Калифорния.

Пришла Моника с детьми, чтобы побыть со мной несколько дней. На следующий день после их ухода я с Риком Бауэрсом, одним из своих охранников, пошел в магазин «Кмарт», поскольку это было единственное место в городе, где можно было добыть определенные продукты. Там на кассе сидела пожилая женщина,

лет пятидесяти или где-то в этом роде. Она была далеко не красавица, но у нее было классное тело. Уже на выходе она попросила у меня автограф и одновременно подсунула мне свой номер телефона. И я, подлец такой, позвонил ей, и она пришла туда, где остановились мы с Риком.

Мы занимались сексом на диване в гостиной. На следующее утро Рик повез Крокодила в пункт медицинской помощи, так как тому требовалось что-то осмотреть. В магазине «Кмарт» та женщина была на месте, и она сообщила Рику, что она «сделала то, что не следовало делать». В тот вечер я сказал ей, что нам не следовало заниматься сексом, потому что я тренировался. Она также сообщила Рику, что во время секса я нанес ей повреждения и что ей требуется лечение. Затем она поинтересовалась у него, что я думаю о ней, учитывая, что у нас был секс. Позже она позвонила Рику и договорилась встретиться с ним в магазине «Дэнни». Там она рассказала Рику, что я ей понравился и что она огорчилась, увидев, что я не пришел вместе с ним. Она добивалась, чтобы Рик позвонил мне и попросил меня приехать, потому что она вновь хотела бы встретиться со мной.

Затем она позвонила Рику на сотовый и предупредила, что мы должны уехать из города, потому что окружной прокурор вынуждает ее возбудить дело. Она также сообщила, что собирается обратиться в какой-нибудь журнал. Рик поинтересовался: «Как нам это уладить?», на что та ответила: «Мне просто нужен новый автомобиль». У нее была какая-то развалившаяся колымага.

Рик вернулся домой и спросил:

– Что там с той леди из магазина «Кмарт»? Она говорит, что вы нанесли ей повреждения.

– Да? – Я понятия не имел, о чем он говорит.

Мы решили пойти к ней на работу и открыто поговорить с ней. Когда мы встретились с ней на автостоянке, она совершенно спятила: все время повторяла, что расскажет журналу всю историю и что ей нужна новая машина. Я послушал несколько секунд, потом повернулся к Рику и сказал:

– Сваливаем отсюда. Я же говорил тебе, что это психованная.

И тогда она по-настоящему психанула. Вокруг нас на автостоянке были люди, и она почувствовала себя задетой.

На следующий день, 18 июля, мы открыли газеты и прочитали историю этой ненормальной о том, что я ее изнасиловал. Когда я пришел в спортзал, там уже были орды газетчиков, рассчитывавших, что я сделаю заявление.

В течение нескольких часов Дэрроу предпринял необходимые шаги. Он появился в зале и велел Рику вернуться в дом и собрать

наши вещи. Через полчаса все мы были в небольшом турбовинтовом самолете, направляясь в Лос-Анджелес. Сам Дэрроу вернулся в Биг-Беар и взялся за дело.

Просто удивительно, как эта история схожа с историей Дезире Вашингтон. Они обе пытались после секса переговорить со мной, а я не отвечал на их звонки. Они обе вышли из себя, когда я потом обращался с ними по-скотски. Разница заключалась в том, что на этот раз у меня был гениальный адвокат, который сработал на опережение, чтобы защитить меня.

Он начал с опроса тех, кто вместе с этой женщиной работал в магазине «Кмарт». Он нашел ее близкую подругу, работавшую вместе с ней, которая сообщила ему, что предполагаемая жертва на следующий день подошла к ней на работе и рассказала, что «занималась любовью» со мной. Она описала меня как «милого» и «приятного», сказала, что ей «понравились» мои поцелуи и ласковые речи. Она также нарисовала на листке бумаги большой пенис и сказала своей подруге, что я был таким большим, что ей, действительно, после секса со мной было больно. Она попросила свою подругу отвезти ее ко мне домой, чтобы она могла получить от меня извинения за неуважительное отношение к ней. Она была разочарована, так как ожидала от меня особого обхождения, а я даже не предложил ей никаких напитков. Она также рассказала своей подруге, что хотела бы, чтобы все «зашло немного дальше», чтобы отомстить мне, потому что я не извинился перед ней.

Дэрроу не остановился на достигнутом. Когда ему позвонил племянник той леди из «Кмарта», Кермит, они договорились о встрече на квартире у Кермита. Кермит сказал Дэрроу, что он арендует эту квартиру, а затем добавил: «Как хорошо было бы, если бы у меня было два миллиона долларов, чтобы снять все это здание!» Тогда Дэрроу спросил Кермита, может ли он записать их разговор, на что тот ответил: «Я так свои дела не веду. Подозреваю, что вы не хотите заключить со мной сделку».

Дэрроу нашел администратора магазина «Кмарт», который сказал ему: «Не верьте ничему, что она говорит». Он также сообщил Дэрроу, что она открыто обсуждала свои обвинения в изнасиловании со всеми, кто готов был ее выслушать, в том числе с клиентами магазина. Она наслаждалась вниманием со стороны журналов. Дэрроу поговорил с арендодателем леди, который проинформировал его, что та не относилась к числу «людей, заслуживающих доверия». Дэрроу даже нашел одного покупателя магазина «Кмарт», у которого был компьютерный бизнес. Он дал Дэрроу запись своего разговора с этой леди. Она добивалась встречи с ним после работы, а на встрече рассказала, что была разочарована тем, как у нее дома складывались отношения с

мужем, и искала сексуального общения на стороне. Когда компьютерный парень сообщил ей, что он не имеет желания вступать с ней в связь, она начала изводить его телефонными звонками.

Последнее, но не менее важное: Дэрроу получил официальное письменное показание двух известных врачей, заявивших, что боль и/или кровотечение достаточно часто являются результатом секса по согласию сторон.

Дэрроу изложил все эти показания на ста пятидесяти страницах и представил их районному прокурору округа Сан-Бернардино. Он сообщил прокурору, что в соответствии с уголовным кодексом штата Калифорния окружной прокурор «обязан довести до сведения большого жюри свидетельства, которые обоснованно опровергают обвинения», и что его расследование выявило множество свидетельств тому, что решительно подтверждает «категорическое утверждение мистера Тайсона о том, что он не был вовлечен *в какое бы то ни было уголовное правонарушение*».

Между тем леди из «Кмарта» наняла Глорию Оллред, адвоката, навязывающего свои услуги, чтобы та представляла ее при ведении дел по гражданским искам. Телеканал Showtime был обеспокоен тем, что прессе по всему миру стали известны новые обвинения в мой адрес, поскольку это могло «серьезно помешать возможностям телеканал осуществлять свою подготовку к следующему поединку Тайсона в Копенгагене». Они хотели располагать достоверной информацией о том, будет ли окружной прокурор выдвигать обвинения. И они получили такую информацию. После того как Дэрроу направил прокурору округа Сан-Бернардино свой потрясающий документ, тот отказался выносить обвинение против меня. Думаю, что иногда справедливость все же торжествует.

Затем меня снова попытались подставить. Спустя несколько недель я валялся в телевизионной комнате в своем доме в Лас-Вегасе и смотрел передачи спортивного центра канала ESPN. До меня доносился запах жареной курицы, которую шеф-повар Дрю готовил на кухне к обеду. Было обычное утро в Лас-Вегасе, пока в комнату не ворвался мой помощник Дэррил:

– Майк, мне кажется, здесь талибы!

Он, похоже, был в истерике.

– Дэррил, заткнись! – велел я ему. После террористического акта 11 сентября прошло всего десять дней.

– Нет, мне, на самом деле, кажется, что у нас на территории талибы! – Дэррил был совершенно серьезен.

– О чем ты говоришь? – спросил я.

– Майк, посмотри! – сказал он.

Мы вышли наружу.

Там было около сотни парней в зеленом камуфляже, с оружием в руках, ручными гранатами на ремнях. Каждый держал большой прозрачный защитный щит. Они медленно двигались к дому, периодически прячась за стволами больших пальм. Вдобавок ко всему, через большие кованые ворота моего участка въезжали два огромных стенобитных тарана, на боку которых было слово SWAT[263]. Мы услышали гул в воздухе и посмотрели вверх: в небе кружили вертолеты. Мой дом был захвачен.

Весь батальон был готов осуществить прорыв через парадную дверь. Они держали перед собой щиты, в руках – оружие, форменные брюки были заправлены в берцы. Затем они вытянулись в цепь перед нами.

– Стоп! Не двигаться! – рявкнул один из них.

Я стоял не шевелясь.

«Щелк, щелк, щелк», – раздался звук взводимых винтовок.

– Здесь нет бен Ладена! Мы не имеем отношения к одиннадцатому сентября, мы тут ни при чем! – сказал Даррел. Похоже, он насмотрелся новостей по каналу CNN. Парни выглядели как вояки на учениях в пустыне. Проблема заключалась только в том, что их полигоном был мой участок с домом, моя собственность.

Они, наконец, прояснили, кто они такие. Это не были талибы, это была полиция Лас-Вегаса. Я еще никогда в своей жизни не видел так много полицейских в одном месте в Лас-Вегасе. Они сказали, что им поставлена задача расследовать обвинение в том, что я захватил заложницу, молодую женщину, и три дня удерживал ее в своем доме, постоянно насилуя. Некоторые из моих охранников в доме были вооружены, Дэррил устроил для них пост охраны. Подозреваю, эта молодая леди рассказала властям, что у нас в доме есть оружие, поэтому к нам заявились полностью подготовленными. Незадолго до этого у нас изменился график дежурств, и охранники работали в темное время суток. Когда полиция ворвалась к нам, было около одиннадцати утра, охрана ушла до вечера, и ворота были открыты.

Как только Рик увидел, что нас захватывают военные, он позвонил моему адвокату Дэрроу Соллу. Дэрроу велел ему вытащить меня из дома и ничего, ни одного слова, не говорить полиции. Это был правильный совет. Нас обыскали, затем приказали всем покинуть здание. Дэррилу велели остаться, так как он был управляющим и мог обеспечить им доступ везде, куда они хотели попасть. По ряду причин шеф-повару Дрю также разрешили остаться. Дело было в том, что пока его держали

лицом на полу, из кухни пошел запах паленой курицы, поэтому ему разрешили подняться и вернуться на кухню, чтобы не сгорел весь дом.

Итак, внутри находились только Дэррил и Дрю, и полиция начала потрошить мой дом, комната за комнатой, шкаф за шкафом, бумажка за бумажкой. С кроватей подняли пружинные сетки и матрацы. Пересмотрели каждое видео. Операция продолжалась с одиннадцати утра до часа ночи следующего дня. Черт, в какой-то момент они даже заказал пиццу и устроили себе обеденный перерыв. Они были достаточно любезны и предложили кусочек Дэррилу, но тот отказался.

В результате конфисковали кучу вещей, в том числе мои личные записи с сексуальными сценами. Я названивал весь день:

– Дэррил, они еще там?

– Да, Майк, они потрошат весь дом.

Я поехал в спортзал, затем попросил своего телохранителя Рика подбросить меня к одной моей подруге. Я был совершенно сбит с толку: зачем эти парни вторглись в мой дом? Как оказалось, дело было так. Я встретил девушку, которая звонила в полицию из парикмахерской Мака. Я привез ее к себе, и, по существу, она просто переехала ко мне где-то на неделю. Отправляясь на тренировку, я оставлял ее одну. Она выбиралась на кухню в одной моей футболке, шеф-повар Дрю на скорую руку готовил что-нибудь для нее. Она знала все коды безопасности для дома и для ворот, поэтому могла приходить и уходить, когда ей вздумается. О каком похищении могла идти речь? Когда она, наконец, покинула дом, Рик отвез ее домой. Она осталась довольна. Что же заставило ее сделать такое заявление насчет меня, которое привело к полицейскому рейду?

Я понял это, когда мне из Хьюстона позвонил один мой приятель, режиссер звукозаписи. Он рассказал, что эта девочка встречалась еще с одним очень известным боксером. Когда она после меня вернулась к нему, он пришел в ярость. Он избил ее, а затем велел пойти в полицию и сообщить, что я ее похитил и насильно удерживал ее.

Я был, в самом деле, очень разозлен. Я не мог быть полностью уверен в том, что именно этот боксер стоял за всем этим дерьмом, но если это было так, то его можно было считать трупом. Я убежден, что существует судьба, что с плохими людьми случаются плохие вещи. Я прикидывал, как бы отметелить его, и он, должно быть, почувствовал это, так как усилил меры безопасности. Однако телохранители при нем ровным счетом ничего не значили. Я знал в своем районе одного паренька, который был осужден за групповое изнасилование. Он обычно

отвозил меня на общественные работы. Он пообещал мне, что достаточно одного моего слова – и по его сигналу в моем распоряжении будут двести человек, все с оружием. Я был признателен за это предложение, но отклонил его. Я никогда не увлекался мщением. Спустя несколько лет я даже вместе с этим боксером выкурил травку. Но тогда мне, на самом деле, хотелось вздрючить его. Хорошо, что я спустил эту проблему на тормозах.

После полицейского рейда в мой дом всплыло имя той девушки, и журналисты смогли добраться до парикмахерской, чтобы попытаться взять у меня интервью. Мак спрятал меня в задней комнате и на все вопросы отвечал, что в тот день меня не видел. Мак даже позвонил окружному прокурору Стюарту Беллу и сообщил ему, что это он познакомил со мной девушку, что она не была пленницей и даже каталась на моей машине по всему городу. Мак также заявил ему о своей обеспокоенности в связи с тем, что я должен был бы скоро лететь в Копенгаген для следующего поединка.

– Не беспокойтесь, – ответил ему Белл. – Майк может спокойно отправляться туда на поединок. Мы проведем дополнительное расследование, и если что-нибудь случится, то оно случится уже после поединка.

На рейсе в Копенгаген, куда мы направлялись для моего боя с Брайаном Нильсеном, у нас произошел инцидент. Крокодила начало тошнить, а затем он потерял сознание. У него была передозировка. Его отвезли в больницу. Прошло три дня, и мы уже решили, что он умер, но когда мы пошли на взвешивание, он вдруг появился, как ни в чем не бывало, словно ничего не случилось. Крокодил был одним из тех ребят, которые могли принимать наркотики круглые сутки, затем резко «завязывать» и шесть недель обеспечивать тренировки. А затем вновь вернуться к наркотикам и получать кайф, как будто не было никакого перерыва.

– Эй, приятель, чем занимался? – спросил я его.

– С момента, как мы виделись последний раз, я еще не торчал, – ответил он.

– А я не прекращал с момента, как мы виделись последний раз, – сказал я. – Черт, как это у тебя так получилось?

Дело в том, что когда я начинаю торчать, то меня надо арестовать, чтобы остановить.

В этой поездке вместе с нами был Дэрроу. Вскоре после того, как мы добрались туда, один здоровяк, похожий на типичного датского байкера, что-то сказал жене Энтони Питтса. Тогда Дэрроу развернулся и, бац, одним ударом сбил парня с ног. На самом деле он с этим ударом опередил Энтони.

– Просто превосходно! – сказал я. – Со мной в одном лице мой адвокат и мой, блин, телохранитель.

Дания была от нас в полном восторге. Билеты в огромный зал были распроданы мгновенно. Я не выходил на ринг уже больше года и считал, что мне потребуется несколько раундов, чтобы справиться с Нильсеном. Он в то время был чемпионом по версии Международного боксерского совета, однако это ни о чем не говорило. Его называли «Супер Брайан», и его показатель был 62:1, но он по-настоящему не дрался ни с одним из боксеров высокого класса, находящимся в хорошей форме. Он побил «Костолома» Смита, Тима Уизерспуна и Ларри Холмса, но на момент боя с ним все они уже завершали свою карьеру. Он был здоровым парнем, ростом 6 футов 4 дюйма и весом 260 фунтов[264], для меня это была неплохая мишень. Уже в первом раунде я наказал его ударами по корпусу, а за несколько секунд до окончания третьего сбил его с ног серией сокрушительных комбинаций. Он упал, как вековой дуб. Если бы канаты не смягчили его падение, думаю, он мог бы расколоть ринг надвое. Это был всего лишь второй раз, когда он оказался на канвасе за всю свою долгую карьеру. В этот раз я с пользой проводил на ринге время. К этому времени я заметно прибавил в весе, якобы потому, что соперник много весил, но на самом деле я особенно не тренировался перед этим боем. Я вышел на ринг с 239 фунтами[265], это был рекордный в моей карьере вес, поэтому я хотел побоксировать еще несколько раундов.

Я гонял его по рингу шесть раундов. В начале седьмого он просто остался сидеть на своем табурете. У него было рассечение над левым глазом, и я работал над этим весь вечер. Он сказал рефери, что ничего не видит из-за повреждения глаза, но на самом деле он просто выдохся. Он был нормальным парнем. Он никому не нравился, потому что был весьма заносчивым, но я к нему относился хорошо.

После окончания боя мы устроили вечеринку по всей форме. Я занимал большой номер люкс, у нас с Крокодилом была травка и выпивка, и к нам подошли девушки. Это были нормальные, правильные, деловые девушки, работающие с девяти до пяти, не какие-то там проститутки или танцовщицы. В Дании с ее секс-клубами был широкий выбор вариантов для секса, но даже для меня это было слишком большим безумием. У концепции секса в Дании, Германии, в балканских странах слишком вызывающий характер.

Крокодил там буквально рехнулся. Вначале он трахнул дочку промоутера. Затем он утащил в туалет моего люкса одну палестинку, и я там наткнулся на них.

– Эй, эй, дружок! – Я похлопал его по плечу, и мы начали командную игру. Когда мы вернулись в номер, там обнаружились другие девочки, и мы начали заниматься сексом с ними. Я был в одном углу комнаты, а Крокодил – в другом, и я слышал, как одна из девочек говорила ему: «Я люблю тебя, Крокодил!»

– Как же ты можешь любить его? – крикнул я через всю комнату. – Ты ведь знаешь его всего неделю!

Я поимел даже суровую телохранительницу, которая возглавляла группу безопасности, нанятую датским промоутером. Она выглядела очень несговорчивой, с волосами, собранными в пучок, поэтому Крокодил был поражен, когда он зашел ко мне в комнату и обнаружил ее в моей постели с распущенными волосами, в моей футболке, весьма женственную. Она, действительно, влюбилась в меня. Она даже проводила меня обратно в Штаты, но я не стал продолжать наших отношений.

Через несколько дней после вечеринки в Копенгагене все вернулись домой, кроме нас с Крокодилом: мы с ним остались и два месяца гуляли по всей Европе. Конечно же, мы отправились в Амстердам. Всю поездку мы курили травку. Именно там я, наконец, узнал, как свернуть «дурку». Я был под сильным кайфом, кроме того, я еще не отошел после боя, поэтому мы набирали девушек в свои огромные гостиничные «люксы» и практически все время проводили там.

Из Амстердама мы отправились в Барселону. Мы побывали везде. Но затем один из моих тренеров начал названивать Крокодилу, чтобы тот уже возвращался, поэтому в конечном итоге мы вернулись обратно.

Я немного потусовался в Нью-Йорке, затем вместе с Крокодилом поехал в Браунсвилл, чтобы посмотреть на свой старый район. Крокодил находился за рулем одного из моих «Роллсов», и было уже за полночь, когда мы остановились на углу. К машине подошло где-то около сотни парней, и мы совершенно потерялись в этой толпе. Они были рады меня видеть. Я раздал им немного денег. Тем же вечером я пришел переночевать к Джеки, а Крокодилу велел идти в гостиницу. Проснувшись на следующее утро, я выглянул в окно и увидел там около тридцати парней, которые стояли у моей машины, наблюдая за спавшим Крокодилом.

– Ты почему не спал в гостинице? – спросил я его.

– Приятель, мне просто захотелось поспать в машине, – ответил он. Однако позже я узнал, что он расценивал гостиницы в этом районе как ночлежки.

В ожидании переговоров с Шелли Финкелем[266] относительно следующего поединка за чемпионский титул в

тяжелом весе я провел разминочный бой. В ночь на 16 декабря я был в клубе «Шугар хилл диско» в Бруклине. Я расслаблялся с моим другом детства Дэйвом Мэлоуном и кучей девочек, когда к нам подошел здоровый высокий парень. На нем была большая норковая шуба и шикарная шляпа. Я подумал, что наверняка это гангстер.

– Майк, выпей со мной! Ты еще не зае… лся крутиться с маленькими людишками? – предложил он.

Я проявил к нему уважение, и мы выпили несколько бокалов шампанского и выкурили косячок. Он сказал, что его зовут Митчелл Роуз и что он был первым, кто побил «Баттербина»[267].

– Майк, если бы мы с тобой дрались, ты бы атаковал, а я бы контратаковал, – стал он бахвалиться.

– Брат, не был бы ты так любезен, чтобы повторить это еще раз? – попросил я. – Мне показалось, что ты что-то сказал, но я не совсем уверен.

– Если бы мы с тобой дрались, ты бы атаковал, а я бы уклонился и контратаковал, – повторил он, дернув косячок.

– Передай мне косячок, – попросил я.

Он передал его мне, и прежде, чем дернуть, я оборвал тот его конец, к которому прикасались его губы. Затем я попросил:

– Передай мне мое шампанское.

Он дал мне бокал. Я швырнул его на пол и прорычал:

– Уе…й отсюда, ниггер!

Я поднялся и собирался наброситься на него прямо в клубе, но Дэвид разрядил обстановку. В конце концов Митчелл ушел.

Через некоторое время мы с Дэвидом и где-то с четырьмя девочками покинули клуб. Прямо там, на тротуаре, нас дожидался Митчелл Роуз.

– Эй, Майк, отправляйся домой с этими глупышками, – сказал он, показывая на девушек.

Ну что ж! Я провел прямой по корпусу, и его норковая шуба слетела с него. Я стал наносить яростные удары с левой и правой, но он ускользнул от моих пьяных движений и слинял. Тогда я поднял норковую шубу, спустил свои штаны и вытер норкой свой зад. К тому времени уже встало солнце, много людей шло на работу, мимо проезжали автобусы, весь клуб высыпал на тротуар – и все глазели на то, как я вытирал задницу его шубой. О боже! Если бы такое произошло сегодня, когда во всех телефонах есть видеокамеры!

Только я сам мог выставить себя в таком дурацком свете. В этом отношении я очень похож на свою мать. Когда она заводилась, она могла рвать и метать, кричать всем: «Полижи мою киску!» и «Отъе… сь!» Потом мы оба очень жалели о том, что

мы натворили.

Спустя четыре месяца Роуз подал против меня иск на 66 миллионов долларов. Он хотел компенсации за попытку покушения на него и причинение повреждения своей норковой шубе. Он также хотел 50 миллионов долларов в качестве возмещения морального ущерба. Этот парень до сих пор преследует меня, пытаясь прославиться за мой счет. Он даже наваял какие-то самиздатовские брошюры под названием «Майк Тайсон пытался убить моего папу».

Переговоры по поединку с Ленноксом Льюисом были на завершающем этапе, мы собирались провести его в апреле, поэтому я решил еще немного погулять, прежде чем приступать к тренировкам. Менее чем через неделю после уличной драки с Митчеллом Роузом я взял двух молоденьких уличных девушек для отдыха на Ямайке. Они были моими партнерами по тусовкам. Я пошел в магазин «Версачи» и одел их. Мы занимались сексом и вместе курили травку, и если мне хотелось других девочек, они добывали мне замечательных цыпочек. У меня всегда были девушки, которые обеспечивали мне других девушек. Так что, если меня видели с красивой девушкой, можно было бы подумать, что я занимаюсь с ней сексом, но скорее всего она была гомиком или бисексуалом, но в любом случае ее интересовал не я. Мне обеспечивались девочки, так что мы оба помогали друг другу.

Когда Шелли услышал, что я собираюсь на Ямайку, он очень разволновался. Он знал, что я носил самые дорогие ювелирные украшения, а в то время на Ямайке грабили и убивали сплошь и рядом. Поэтому он попросил известного ямайского боксера Майкла Маккаллума, чемпиона мира в трех весовых категориях, забрать у меня украшения.

– Привет, Маккаллум, рад тебя видеть, – сказал я. – А что ты здесь делаешь?

– Меня попросили приехать и забрать ваши вещи, – ответил он.

– Идем, гульнем вместе, братан. Будет преотлично! – предложил я.

– Хорошо. Только сначала вам надо снять все свои украшения. Здесь люди бедны, Майк, и если они увидят это, они это заберут, – сказал он.

– Х… ня все это! – сказал я. – Вряд ли они хотят забрать это. Они хотят видеть это на мне. Они не будут уважать меня, если я выйду без своих украшений.

Он настаивал на своем, но я не уступил. В конечном итоге мы побывали в самых опасных районах Ямайки, и с нами ничего не

случилось. Мы получали только любовь. У Дээмиана Марли[268], в доме его отца, я получил такой кайф от травки, как никогда в жизни. Мы так классно забалдели, что даже взмокли. После той травки не было депрессии, она приводила в какое-то оцепенение. Ощущения были очень необычными, глубокими и в то же время мягкими.

Однажды ночью Маккаллум взял меня, кто бы мог подумать, в стриптиз-клуб, и я мог насладиться видом прекрасных ямайских девушек.

– Майк, я бы хотел, чтобы кто-нибудь из них проводил меня в отель. Как ты думаешь, сколько это будет стоить? – спросил я его.

– Вы могли бы получить вон ту за сорок тысяч, – ответил он.

– За нее – сорок тысяч долларов? – Я не мог в это поверить.

– Нет, нет, это ямайские деньги. Это двадцать долларов США – пояснил он.

– Вот это да! Давай возьмем их всех! Скажи, чтобы заведение закрыли, – сказал я.

– Они не могут этого сделать, Майк, – возразил он. – Выберите трех из них.

Я выбрал трех горячих девушек, мы вернулись в мой отель и там повеселились.

Уже совсем в канун Нового года я решил покинуть девушек на Ямайке и провести нескольких дней новогодних праздников на Кубе. Рик, парень по обеспечению моей безопасности, настаивал на том, чтобы поехать со мной. У него хранился мой паспорт. Тогда я не знал этого, но Шелли очень нервничал, опасаясь, что, если в моем паспорте появится печать правительства Кубы, американские власти не позволят мне вернуться в страну.

Как только я вышел из самолета, я почувствовал себя так, словно оказался на небесах. Я будто вернулся в машине времени в 1950-й год. Там ездили старинные американские автомобили 50-х годов, и дома выглядели так, словно они были из той же эпохи. Как только мы зарегистрировались в своем отеле, я сбежал от Рика. Мне хотелось посмотреть на обыкновенных людей. На самом деле я сделал это уже во вторую очередь. Первое же, что я сделал, – это я нюхнул немного «кокса». Я привез своей наркоты с Ямайки.

Кубинцы были совершенно замечательными людьми. Я везде гулял, и ко мне никто не приставал. Никто не бросался ко мне с разговорами, подходили только для того, чтобы спросить, можно ли обнять меня, или уточнить, не нужно ли мне чего-нибудь. Все были очень гостеприимны и старались защитить меня. Не было каких-то сумасшедших массовок, как в Шотландии, или Англии, или Японии. Кубинцы не были назойливыми. Возможно, они

думали, что я псих, но хороший, добрый псих, потому что все они улыбались мне и смеялись.

Я уже пару часов гулял по Гаване, пробираясь через гетто и переулки, когда ко мне подошел этот парень. Он прекрасно говорил по-английски.

– Мистер Тайсон! Мистер Тайсон! Я видел, как вы гуляете, и не мог поверить, что это были вы. Вам не следует гулять на этих улицах одному. Вам нужна семья. Эй, папаша, пошли со мной! Пошли ко мне!

– Хорошо, заметано! – ответил я. Я был решительным парнем.

Он привел меня в свой дом, и теперь оставалось только выбрать женщину.

– Ну, и что же тут такое? – спросил я. – Покажите мне дам. А то я пойду в ночной клуб.

– О нет! Вам не надо за этим ходить в ночной клуб. Вам нужна жена? Побудьте здесь!

Он выбежал из дома, нырнул в переулок, скрывшись из глаз, и через несколько минут, откуда ни возьмись, вернулся с красивой молодой леди в летнем платье.

– Я достал тебе жену, – сказал он. – Она тебя устраивает?

Я не мог поверить всему этому, лучше и быть не могло. Мне не хотелось напортачить. Я боялся, что девушка могла вдруг подумать, что она мне не нравится. Как он смог найти такую классную леди?

– Она просто замечательная! – ответил я.

Я решил, что это какой-то сутенер со своей шлюшкой и полез в карман.

– Сколько я должен? Сколько денег?

– Нет-нет! – сказал он. – Вы теперь член семьи, и это ваша жена.

Она была прекрасна. Когда мне что-нибудь требовалось, она мне это сразу же доставала. Она была очень внимательна. Мы немного прогулялись, затем вернулись в дом к этому парню, потому что он хотел устроить нам хороший ужин.

Его жена приготовила прекрасных омаров, парень принес к столу пару бутылок вина. Я не мог поверить своим глазам: там была бутылка «Лафит Ротшильд» за 2000 долларов. Но уэтих людей не могло быть таких денег! Они жили в совершенно обычном обветшалом многоквартирном доме. Я решил, что, может быть, кто-то из семьи этого парня работал в одном из отелей Меира Лански[269], и, когда пришла революция, они взяли себе эту бутылку. Стараясь быть гостеприимным, парень достал свое лучшее вино, но я просто не решился пить его и предложил открыть бутылку подешевле.

Мой хозяин предусмотрел для нас большую культурную программу. Было запланировано захватывающее театрализованное представление в кабаре «Копа рум» в старом отеле «Ривьера-Гавана», который ранее принадлежал Лански. Единственная проблема заключалась в том, что на пути к отелю мне пришлось высунуть голову из такси, и меня вырвало. Тогда я не понял, в чем дело. Как оказалось, омары были сварены в грязной воде, и меня, надо полагать, настигла «месть Монтесумы»[270] в тяжелой форме.

Я попытался досмотреть шоу, но не мог. Я был слаб, как последний сукин сын, что, однако, не остановило меня от садомазохизма: я хотел поехать с девушкой в свой гостиничный номер. Я полагал, что тошнота пройдет, и с моим членом все будет в порядке.

Я забрал свою жену, поблагодарил своего хозяина, подарив ему красивый дорогой рубиновый браслет, который был на мне, и мы на такси вернулись в отель. Девушка еще никогда не была в таком шикарном отеле, потому что кубинское правительство не разрешает местным жителям пользоваться отелями для туристов. Этот делается под предлогом защиты туристов от проституток, которые могут подсыпать им в выпивку «Микки Финн»[271] и ограбить их. Я думаю, кубинские власти просто не хотят, чтобы народ получил вкус к красивой жизни.

До того как добраться до своего номера, я наткнулся в фойе на съемочные группы кубинского телевидения. Подозреваю, что обо мне уже стало известно.

Я был голым по пояс, на мне не было нижнего белья, на брюках оставались следы рвоты, можно было заметить, что я под кайфом, так что я меньше всего хотел, чтобы меня засняли папарацци. И я вышел из себя. Я схватил их аппаратуру и швырнул ее в них, а затем сорвал с дерева три стеклянные елочные игрушки и бросил их в репортеров. Кроме того, я ударил одного из фотографов по голове. Я совершенно распсиховался, но папарацци подхватили свои камеры и свалили.

Когда мы добрались до стойки регистрации, я предполагал, что мне придется прибегнуть к хитрости, чтобы провести к себе девушку, но портье сказал мне, что в отель уже звонили правительственные чиновники и что для меня все улажено: мне разрешено приводить в свой номер любых гостей.

Мы легли в постель, девушка была на мне, но я был настолько слаб, что не мог ничего сделать. Я почувствовал себя лучше лишь утром, а на Ямайку мы с Риком возвращались ранним рейсом. До отъезда у меня с девушкой был секс, и она огорчалась, что я ухожу.

Я отдал все свои деньги и большинство украшений, за исключением алмазной цепи за пятьдесят или шестьдесят тысяч, которая была на мне. Для меня это было все равно что купить шоколадный батончик. Она не решалась брать это, но я заставил ее. Я надеялся, что она продаст это и получит достаточно денег, чтобы поддерживать всю свою семью как минимум в течение нескольких лет.

Я оставил девушку в гостиничном номере и встретился в холле с Риком. Мы поехали в аэропорт, чтобы дождаться своего самолета. Мы оба были жутко голодными, но у Рика тоже при себе не было денег. Меня окружили туристы, которые просили автограф, и я решил организовать бартер.

– Не были бы вы так добры купить нам еды в обмен на автограф? – просил я. Если кто-то не говорил по-английски, я показывал на стоявшую там еду и изображал, будто бы я ел.

Когда я прилетел на Кубу, я весил где-то 270 фунтов, но когда я вернулся на Ямайку, я потерял около тридцати фунтов[272]. Я не считал, что у меня было пищевое отравление или что я подхватил каких-то паразитов. Я не думал так до тех пор, пока я не встретился с одной из девочек, которых я привез из Нью-Йорка. То, что она сказала, страшно обеспокоило меня:

– Майк, ты так сильно потерял в весе даже без тренировок. Ты прекрасно выглядишь!

«Черт побери!» – подумал я.

Я был уверен, что подхватил СПИД. Когда я в ту ночь, прежде, чем отправиться на Кубу, взял домой тех стриптизерш, я трахал одну из них, и у меня соскочила «резинка». Как только женщина поняла, что произошло, у нее на лице появилось очень странное выражение.

Я был уверен, что она заразила меня СПИДом. А может быть, она думала, что это я заразил ее.

Глава 13

Я волновался весь рейс до Нью-Йорка. Я был еще слегка под кайфом после последней порции «кокса», которую я принял на Ямайке. Обычно я с королевскими почестями без малейшей задержки проскакивал таможенный контроль, но на этот раз меня встретили люди из национальной безопасности. Все эти ребята были большими задирами.

– Что вы делали на Кубе? – спросил один из них.

Откуда они знали, что я был на Кубе? В моем паспорте об этом не было никаких отметок. Затем я вспомнил о драке с папарацци в холле отеля. Это уже появилось в новостях.

– Я отдыхал там на Новый год, – ответил я.

– То есть вы вообразили себе, что можете просто взять и на денек слетать на Кубу на новогодние каникулы, не обращая внимания на имеющиеся законы, которые запрещают поездки на Кубу, – сказал чиновник.

– Я полетел туда из Ямайки, – сказал я, словно это решало проблему.

– Вы расходовали американские денежные средства? – спросил он.

– У меня были кубинские деньги, но никто не принимал их. Все там принимали только доллары США – ответил я. Я приобрел кубинские деньги, думая, что они там пригодятся, но, как оказалось, я попался на удочку.

Это было не лучшее время для того, чтобы быть пойманным пробирающимся на Кубу. Только что избрали Буша, и он заявил, что намерен запретить какие-либо отношения с правительством Кастро. Я решил разыграть религиозную карту.

– Меня здесь задерживают потому, что я мусульманин? – задал я вопрос тоном человека, производящего допрос. – Здесь нет никакого мусульманского дерьма. Я просто хотел хорошо провести время, брат.

Они все засмеялись. Стоит мне вызвать у окружающих смех, я превращаюсь в балаганного шута. Так что, я выдал им пару клоунских номеров, и они сказали: «Проходите. Вы можете идти».

Когда я вернулся в Штаты, я все еще был слаб и терял вес, поэтому первое, что я сделал, – это записался на прием к врачу. Я точно знал, что у меня СПИД. Я обзвонил всех своих друзей, чтобы попрощаться с ними. Я позвонил даже Монике и сообщил ей, что у меня СПИД и что я умру. Возможно, это был не самый умный шаг.

Я пошел к врачу-испанцу, и он сделал мне тест на СПИД. Он

оказался отрицательным.

– Нет, доктор, он у меня есть. Вы как-то не так сделали этот гребаный тест. Пусть его сделает другой доктор, – попросил я. Он начал смеяться.

– Майк, у вас отрицательный диагноз ВИЧ, – сказал он.

– Вам кто-то заплатил, чтобы вы сказали, что у меня его нет? – спросил я. Наконец он все же убедил меня, что у меня нет СПИДа.

Меня больше не одолевали заботы. Через несколько месяцев мне предстоял крупный поединок с Ленноксом Льюисом за титул в супертяжелом весе, а я трахался на Ямайке и на Кубе и не то что не тренировался, а просто вел образ жизни настоящего наркомана. Я должно быть, совсем спятил.

Затем начали сказываться результаты моей поездки на Кубу. Дэрроу был серьезно обеспокоен тем, что администрация Буша собиралась наказать меня в назидание другим.

Он направил информационную записку моим партнерам в боксерском мире и моей юридической команде:

«Как вы, несомненно, осведомлены, считается, что Майк якобы ездил на Кубу и в период своего пребывания там совершил нападение на кубинского журналиста. Я в меньшей степени обеспокоен упомянутым нападением (вряд ли кубинское правительство будет добиваться выдачи Майка с учетом нынешнего состояния кубино-американских дипломатических отношений), нежели тем фактом, что Кубино-американский национальный фонд (КАНФ)[273] обратился в Министерство юстиции и Министерство финансов США с просьбой провести расследование уголовно наказуемых нарушений закона «Меры регулирования для осуществления контроля за кубинскими активами»[274] и «Закона о торговле с враждебными государствами»[275] со стороны Майка. Трудно определить, насколько серьезно администрация Буша намерена заниматься этим вопросом. К сожалению, администрация Буша, стремясь возместить ущерб, причиненный администрацией Клинтона в результате дела Элиана Гонсалеса[276], обещала таким организациям, как КАНФ, усилить уже имеющиеся ограничения на поездки на Кубу и торговлю с ней.

Откровенно говоря, я не был осведомлен о поездке Майка на Кубу. В том случае, если Майк находился там как лицо, пользующееся привилегиями в соответствии с законом, или же, если расходы Майка во время его пребывания на Кубе были покрыты лицом, на которое не распространяется юрисдикция США при условии, что Майк не предоставлял каких-либо услуг правительству Кубы или кубинским гражданам, мы должны как

можно скорее подтвердить это.

И наконец, я настоятельно рекомендую Майку воздержаться от каких-либо новых заявлений относительно его поездки на Кубу. В связи с этим я связался с Томом Фаррэем из ESPN, у которого, якобы, имеются многочисленные фотографии и высказывания Майка, относящиеся к его поездкам. Майк будто бы заявил, что он был там в качестве туриста для того, чтобы поддержать «народ» Кубы. Мы отказались подтвердить, что Майк находился на Кубе. Наиболее важный момент заключается в том, что Майк не должен посещать другую страну без предварительной консультации с адвокатом. Это особо актуально, принимая во внимание его статус как правонарушителя и поставленного на учет лица, совершившего преступление сексуального характера».

Дэрроу всегда защищал мои интересы. Поездка на Кубу не имела для меня никаких последствий.

Но сразу же после моего возвращения Моника подала на развод. Подозреваю, ей надоели мои выходки, которых было уже предостаточно. И мой звонок о том, что я болен СПИДом, наверняка также не способствовал укреплению наших отношений. И то, что стриптизерша из Финикса только что родила мне мальчика, только усугубляло ситуацию. Я не мог винить Монику. О каком браке могла идти речь, если я мог в течение вечера трахнуть пять разных девушек, а затем просто послать ей деньги? Я не уверен, любили ли мы вообще друг друга.

Я встретился с матерью моего будущего ребенка, Шелли, в стриптиз-клубе в Финиксе. Мне она очень понравилась. Шелли содержала свой дом в идеальном порядке и много чего делала для меня. Она была помешана на поддержании хорошей физической формы, поэтому, когда я в ходе тренировок делал пробежку, она бегала вместе со мной. Я пробегал пять миль, а она – десять. Она всегда переигрывала меня. Однажды мы с Дэррилом, моим помощником, перебрасывались набивным мячом весом пятнадцать фунтов, и Шелли также приняла в этом участие. И я, и она сделали двести пятьдесят бросков, затем я почувствовал боль и остановился, а она продолжала работать с Дэррилом. Этот худой цыпленок весом девяносто фунтов[277] сделал, должно быть, пятьсот бросков. Она совершенно загнала нас.

Шелли пыталась как-то повлиять на наши отношения. Она переговорила с Хоуп и выслушала ее советы о том, как сделать меня счастливым. Когда она забеременела Мигелем, я понятия не имел, как мне позаботиться о другом ребенке. В то время я был на мели, у меня была куча долгов. Она говорила, что намерена

сделать аборт, но не решилась на это.

Поединок с Льюисом был запланирован на апрель, так что у меня оставалось не так много времени для того, чтобы остановиться с «коксом» и травкой и начать всерьез тренироваться. Когда я 22 января прилетел в Нью-Йорк на большую пресс-конференцию с Ленноксом, я все еще был под кайфом от «кокса». Нас поставили лицом друг к другу на чуть приподнятых помостах на большой сцене в театре «Хадсон». Диктор Showtime Джимми Леннон-младший представил каждого из нас, словно перед настоящим поединком. Как только объявили Льюиса, я совершенно потерял голову. Я смотрел на него и хотел врезать этому уроду. Я сошел со своего помоста и приблизился к нему, глядя прямо ему в лицо. Подозреваю, что Льюис ожидал неприятностей, потому что рядом с ним ошивалось около десятка здоровенных амбалов, и как только я подошел к нему, все они подтянулись. Со мной было всего несколько телохранителей, Энтони и Рик, а также мои тренеры и Шелли Финкель. В лагере Льюиса, должно быть, решили, что мы, увидев их амбалов, пойдем на попятный.

Я поднялся на подмосток, чтобы встать прямо перед Льюисом, и один из его телохранителей оттолкнул меня. Я врезал ему левым хуком, Льюис ударил меня правой, Энтони ответил Ленноксу, и началось настоящее светопреставление. Я оказался на полу вместе с Ленноксом, но он был таким высоким, что, когда мы свалились, я упал не рядом с его головой, а рядом с его ногами, поэтому укусил его за бедро. Он утверждал потом, что отпечатки моих зубов еще оставались некоторое время после этого.

Нас оттащили друг от друга, и я не смог приблизиться к нему, но увидел его телохранителя, который толкнул меня, и плюнул прямо ему в лицо. Энтони рассказал мне потом, что я был в такой ярости, что схватил огнетушитель и пригрозил ударить им его, Энтони.

– Майк, не стоит бить меня этим, – сказал он мне. – Все в полном порядке: я люблю тебя, а ты любишь меня. Опусти огнетушитель и давай уе… вай отсюда.

Но вначале я устроил представление для журналистов, столпившихся перед театральной сценой. Я вскинул вверх руки, чтобы продемонстрировать свои бицепсы, а затем схватил себя за промежность.

– Наденьте на него смирительную рубашку! – крикнул кто-то.

– Надень смирительную рубашку на свою мать, ты, молокосос, белый сопляк! Иди сюда и скажи мне это здесь! Я вые… у тебя в жопу, ты, белый сопляк! – закричал я в ответ. – Ты,

пидор! Ты не рискнешь даже прикоснуться ко мне, так как ты не мужчина! Я сожру тебя вместе с дерьмом, ты, сука! Никто здесь не рискнет связаться со мной! Это будет конченый человек! Пошел нах… й, ты, сучара!

Шелли Финкель пытался удержать меня, но я отмахнулся от него.

– Иди и скажи это мне прямо в лицо! Я у всех на глазах выe… у тебя в жопу! Давай, сука, ты просто жалкий трус! Ты не мужчина, чтобы связаться со мной! Ты не продержишься со мной и двух минут, сука! Взгляни на себя, ты обделался со страха, ты, сучара! Ты зассал, как маленькая белая прошмандовка! Ты испугался настоящего мужика! Я буду е… ать тебя, пока ты не полюбишь меня, пидор!

Так нагло отвечать меня обучил Кас. Но примерно так же выражалась и моя мать. Она ругалась очень похоже. Сейчас я весьма сожалею, что наговорил всего этого тому журналисту. Я вышел из себя, поскольку в тот момент был под кайфом.

После пресс-конференции я со своим приятелем, которого звали Зип, поехал посмотреть своих голубей в Бруклине. Он был по-настоящему обеспокоен.

– Майк, что ты делаешь, мать твою? Ты, блин, соришь деньгами. Ты ведешь себя как ниггер. Они могли запросто арестовать тебя, – сказал он мне.

– А что мне оставалось? Они первыми напали на меня, – ответил я.

– Это был не Льюис. Как я слышал, ты угрожал чьей-то жизни. Если тот журналист испугается, он может выдвинуть против тебя обвинение, приятель. Ты сошел с ума, мать твою? Ведь это почти террористическая угроза. Ты жуткий ублюдок, Майк. Для нас-то все по-другому, но для них ты жуткий ублюдок.

Мы немного погоняли птиц, покурили немного травки, я сделал немного «кокса». И затем Зип продолжил:

– Ты прое… ваешь свое время, Майк. Что ты здесь делаешь, бл…дь? С какой стати ты здесь е… шься с этими голубями? Возвращайся и тренируйся, чувак! Наше место на яхте рядом с пляжем. Тренируйся и дерись, Майк!

22 января, в тот же день, когда в Нью-Йорке состоялась моя с Льюисом пресс-конференция, полицейское управление Лас-Вегаса заявило, что в ходе рейда на мой дом были обнаружены доказательства, подтверждающие обвинения женщины, что она была изнасилована и удерживалась в качестве заложника. Теперь они лишь ждали, выдвинет ли обвинения против меня окружной прокурор.

Между тем Дэрроу Солл проделал громадную работу. Он

получил письменные показания под присягой всех тех, кто видел эту женщину в доме. Он вызвал всех служанок, озеленителей, поливальщиков растений – всех, кто ее видел. Все они засвидетельствовали, что молодая леди была более чем рада находиться в доме, совершенно свободно, по своей воле прогуливаясь в одной футболке.

К этому времени девушка отказалась от своих первоначальных показаний, пришла к моему другу Маку и сказала ему, что на нее оказывали давление как полиция, так и ее парень, вынуждая ее выдвинуть обвинения. Ее отчим также сообщил Маку, что она солгала.

Однажды я был в парикмахерской, когда туда вошла черная леди, работавшая на ФБР, которая хотела что-то сделать с бровями.

Увидев меня, она сказала:

– Я видела на пленке, как вы работаете, вы смотритесь очень хорошо.

Я сразу же понял, что она имела в виду мои личные записи сексуальных сцен, которые копы конфисковали у меня дома.

– М-м-м, – продолжила она. – Вы – это просто нечто. Такое надо еще поискать.

Благодаря Дэрроу дело было закрыто. Окружная прокуратура выступила против копов, и после ознакомления с так называемыми доказательствами, которые были представлены полицией, было решено отказаться от обвинений в мой адрес. Тем не менее, мое имя вновь просто так, без всяких на то причин, вываляли в грязи.

Из-за потасовки на пресс-конференции с Льюисом чиновники Невады лишили меня лицензии для проведения поединка на территории штата, результаты голосования: четыре «за», один «против». Почему я оказался виновным? На последней пресс-конференции Льюиса, во время интервью для ESPN, он устроил с Хасимом Рахманом[278] в прямом эфире гораздо более серьезную драку с нокдауном, чем та небольшая стычка, которая случилась в Нью-Йорке. Теперь требовалось подыскать новое место для проведения поединка, и он был отложен до июня. Эта отсрочка дала мне еще немного времени, чтобы половить кайф.

В феврале член сената штата Техас заявил, что в случае моего возвращения на территорию штата я должен быть арестован, поскольку во время организации тренировок в Сан-Антонио в 2001 году я не зарегистрировался в качестве лица, совершившего преступление сексуального характера.

Это было полной ерундой, так как на самом деле я зарегистрировался. Непонятно, зачем надо было подтасовывать

факты. Когда мы объявили о проведении поединка в Мемфисе, чиновники в Теннесси и Миссисипи заявили о том, что перед поединком я должен зарегистрироваться в качестве лица, совершившего преступление сексуального характера. Почему я был изгоем в своей собственной стране? За рубежом все знали, что это было за время. Всякий раз, когда я выезжал за границу, меня встречали как героя, особенно в бывших коммунистических странах.

Для подготовки к поединку я направился на Гавайи, где был организован тренировочный лагерь. Попробую дать некоторое представление о том, насколько сильно я был мотивирован на предстоявший бой. Там водилась самая классная травка в мире. Я выкуривал свои мозги напрочь. Даже перспектива вернуть себе чемпионский пояс в то время значила для меня не так много. Я не заострял на этом внимания, просто не думал об этом.

Судя по всему, я в то время окончательно запутался и прочно подсел на травку. А остатки «кокса» выходят не сразу, особенно в психологическом отношении. Гавайская марихуана словно специально создана для того, чтобы давать любопытные пресс-конференции. Встретившись с прессой в одном из самых безмятежных мест в мире, я принялся разглагольствовать о лицемерии общества:

– Я похож на всех вас. Я так же, как и вы, наслаждаюсь в жизни запретными плодами. Думаю, что это просто не по-американски: отказываться от женщины, от красивой женщины, отказываться от предложения отсосать тебе… Если это так, как я сказал, то все в нашей стране – большие чертовы лгуны. Пресса сообщает… что вот этот человек сделал так, а вот этот – так, и мы обнаруживаем, что все мы просто люди. Мы узнаем, что Майкл Джордан обманывает свою жену, как и все остальные. Мы все так или иначе обманываем наших чертовых жен, либо эмоционально, либо физически, либо сексуально. Нет ни одного совершенного человека. Мы всегда будем поступать так. И Джимми Сваггерт[279], и Тайсон – похотливые развратники, но мы не преступники, по крайней мере, я не преступник, не в уголовном смысле. Может быть, мне бы хотелось прелюбодействовать больше, чем остальным, но я просто такой уж человек. Я стольким пожертвовал в своей жизни, так могу я, по крайней мере, хоть потрахаться? Я имею в виду, что у меня украли большую часть моих денег, так могу я, по крайней мере, получить оральный секс, и чтобы при этом меня не захотели преследовать и бросить в тюрьму?

– Я – большой, сильный ниггер, который нокаутирует, насилует, грабит. Я ничего не знаю о том, как это – быть

чемпионом мира в супертяжелом весе, единственное, что я знаю, – это как драться. Я – ниггер, верно? Нет, действительно, я ведь не говорю, например, что я – чернокожий человек, что я человек с улицы. Я даже не хочу быть человеком с улицы, мне даже не нравятся типичные люди с улицы. Но это все потому, кем я стал, и что случилось в моей жизни, и через какие несчастья мне пришлось пройти, которые сформировали меня таким. А там были и сутенеры, и шлюхи, и наркоманы, и те, кого отвергли, и кого оболгали, и кого ложно обвинили, и те, кого приговорили к смертной казни, и те, кого казнили за преступления, которых они никогда не совершали. Все это мой народ. Я понимаю, что это звучит отвратительно, но они – единственные, кто проявил ко мне свою любовь.

– Но я – Майк, я не какой-то злобный тип или что-то в этом роде, я просто тот, кто я есть. И я просто хочу жить своей жизнью. И я знаю, что вы, ребята, рассказываете обо мне разные позорящие меня вещи, и я хотел бы убедиться в том, что именно вы рассказываете обо мне. Потому что ваши внуки и дети именно по этим рассказам узнают обо мне и будут по ним обо мне судить. Я собираюсь убедиться в этом. Они никогда не забудут меня. И ваши правнуки скажут: «Ух, какая экстравагантная личность!»

Иногда мне кажется, что я не был предназначен для этого общества, потому что все здесь – чертовы лицемеры. Все говорят, что они верят в бога, но они не делают Божье дело. Все поступают не так, как на самом деле велит бог. Если бы Иисус был здесь, то, как вы думаете, проявил бы Иисус ко мне хоть немного любви? Я – мусульманин, так как вы думаете, возлюбил бы меня Иисус? Я думаю, что Иисус выпил бы со мной и поговорил бы со мной на тему: «Почему ты себя так ведешь?» Он был бы классным парнем. Он бы поговорил со мной. Ни один христианин еще не поступал так. Они бросили меня в тюрьму и писали обо мне мерзкие статьи, и после этого они ходят по воскресеньям в церковь и говорят, что Иисус – это замечательный человек и что он вернется, чтобы спасти нас. Но они не понимают, что когда он вернется, эти безумные, жадные капиталисты вновь вознамерятся убить его.

Кем я хотел показаться, современным Ленни Брюсом[280]? Журналисты сидели, насмехаясь над всем этим, анализируя каждое слово, чтобы добраться до сути сказанного мной, но было совершенно очевидно, что эту речь произносила гавайская марихуана. Я был в неадеквате, обкурившись до бессознательного состояния. И точка.

Я дал множество безумных интервью, и кульминацией

явилось мое появление в ток-шоу *«Фактор О'Рейли»* на телеканале Fox. Интервьюировала меня Рита Косби. Она вела себя весьма воинственно, задавая мне оскорбительные вопросы просто для того, чтобы вынудить меня сказать что-нибудь бредовое, что могло вывести ведущего О'Рейли из себя, вырвать сказанное мной из контекста и поиздеваться надо мной.

– Вы ведете себя как животное? – спросила меня, к примеру, Косби во время интервью.

– В случае необходимости. Это зависит от того, способствует ли этому та ситуация, в которой я оказываюсь… Когда я дерусь, потому что подвергаюсь постоянным нападкам ваших соратников или людей с улицы, которые чувствуют, что у них есть право осуждать меня в силу того, что написано в газетах и помня о судебных процессах, – что ж, в этом случае вы правы, тогда вы совершенно правы.

Я сказал ей, что сообщил своим детям о том, что они ниггеры и что «это общество всю их жизнь будет относиться к ним как к гражданам второго сорта, поэтому есть те вещи, из-за которых им не следует расстраиваться. Они должны просто бороться».

– Вы – дьявол? – спросила она.

– Я думаю, что способен быть дьяволом точно так же, как и любой другой.

Ей, похоже, доставляло удовольствие расспрашивать меня о моем финансовом положении.

– Мне нужны деньги. Вот почему они называются «деньгами» – потому что они всем нам нужны. Это наш идол. Это то, чему мы поклоняемся, и тот, кто скажет мне что-нибудь иное, тот лжец. Брось работу, начни жить на улице и покажи мне, насколько сильно бог позаботится о тебе.

– Откуда в вас столько ярости? – спросила она меня под конец.

– Ты такая белая. Откуда в тебе столько ярости, что ты так побледнела? – ответил я.

Мы с Ленноксом должны были провести бой в Мемфисе 8 июня. Откуда бы ярость ни пришла, но к этому моменту она уже прошла, даже несмотря на то, что в день боя Моника подала новые документы о нашем разводе. Кроме того, каждый норовил подать на меня в суд. Со мной был маленький сынишка, потому что его мать подбросила его мне, и я ухаживал за ним. Был полный кавардак. Но в раздевалке перед поединком была праздничная атмосфера. Было полно народа. Когда еще был Кас, я никогда перед боем не целовал детей, не смеялся, не позировал для фотографий. Однако в этот вечер все было именно так.

Шелли избавился от Крокодила и Томми Брукса, и мне

наняли нового тренера, Ронни Шилдса. Крокодил пришел посмотреть на поединок и заглянул ко мне до его начала. Я крепко обнял его.

– Крок, я так устал! – сказал я ему. – Я так устал!

Когда на ринге организовывалось представление участников поединка, ринг разделили двадцатью охранниками в желтых рубашках, которые образовали стенку между мной и Ленноксом. Начался бой, и я в первом раунде был весьма агрессивен: я преследовал его по всему рингу, заставляя так часто клинчевать, что рефери вынужден был сделать ему предупреждение. Но после этого раунда произошло что-то странное: я просто перестал драться. Словно у меня в голове что-то отключилось. Ронни Шилдс и мой второй тренер Стейси Маккинли, оба кричали мне указания, но я не слышал ни слова из того, что они там старались довести до меня.

В зале было очень жарко, и у меня началось обезвоживание. Было такое впечатление, что я не мог заставить себя начать драться. Раунды проходили, а я просто стоял перед ним и получал удары. Я знал, что был не в таком состоянии, чтобы побить любого, особенно боксера такого уровня мастерства, как Леннокс. За последние пять лет я провел на ринге лишь девятнадцать раундов. Все эти годы потребления «кокса», и спиртного, и травки, и перепихона с огромным количеством кем попало не прошли даром.

Многие из моих близких друзей и помощников думали, что во время боя я был в наркотическом дурмане, что этим объяснялась моя пассивность. У меня было совершенно поганое настроение, и мне было трудно выбрасывать удары. Было так, словно все эти герои, идолы бокса, боксеры прежних времен изменили мне. Или же я изменил им. Все мои герои были, поистине, жалкими ублюдками, а я всю мою карьеру стремился полностью, на все сто, подражать им. Но на самом-то деле я никогда не был одним из этих парней. Я бы хотел быть, но я не был.

К тому времени я уже несколько лет лечился у различных психиатров. Цель лечения заключалась в том, чтобы обуздать некоторые мои наклонности, в том числе стремление к разрушению, благодаря которому я стал «Железным Майком». «Железный Майк» принес мне слишком много боли, слишком много судебных исков, слишком много ненависти общественности, клеймо насильника и социально опасного элемента № 1. Каждый удар, который я получил от Льюиса в последних раундах, ослаблял этот имидж, эту рисовку, этот выпендреж. И я сам был готов принять участие в его

окончательном уничтожении.

Так продолжалось восемь раундов. В восьмом раунде я получил сильный удар с правой и упал. У меня были рассечены оба глаза, был также поврежден нос. Рефери отсчитал десять секунд и зафиксировал мне нокаут.

После боя Джим Грей взял у нас совместное интервью. Во время интервью Эмануэль Стюард, тренер Леннокса, перебил Грея.

– Я остаюсь одним из самых больших поклонников Майка, – сказал он. – Еще начиная с его боя с Родериком Муром, я получил массу острых ощущений. Мы все были просто восхищены. Он – самый впечатляющий боксер в супертяжелом весе за последние пятьдесят лет.

– Парни, вы не испытываете сожаления, что этот бой не состоялся много лет назад, когда вы, Майк, были в своей лучшей форме, и вы, Леннокс, также были не так потрепаны? – спросил Грей.

Когда Леннокс начал отвечать, я стер кровь с его щеки.

Он сказал:

– Боксеры-тяжеловесы созревают в разное время. Майк Тайсон был зрелым тяжеловесом в девятнадцать лет. Ничто не стояло на его пути, и он в то время властвовал во всем мире. Но я был похож на хорошее вино. Я пришел позже, выждал, когда настанет мое время, и вот теперь властвую я.

– Майк, а вы не сожалеете, что этот бой не состоялся несколько лет назад?

– В нем тогда не было смысла. Я знаю Леннокса с шестнадцати лет. Я его безумно уважаю. Все, что я говорил про него, предназначалось только для рекламы поединка. Он знает, что я люблю его самого и его мать. И если он считает, что я не люблю его и не уважаю, тогда он просто псих.

– Так вы говорите, что вели себя подобным образом только для того, чтобы было продано побольше билетов, и что это не отражало ваших истинных чувств? – казалось, Грей был потрясен.

– Он знает, кто я и что я не могу проявить к нему неуважения. Я уважаю этого человека как брата. Он великолепный, потрясающий боксер.

Мой короткий жест, когда я вытер кровь с щеки Леннокса, был отмечен всеми спортивными журналистами. Они считали, что я стал героем, потерпев поражение. И впервые многие из них за чисто внешней стороной, кажется, увидели во мне человека. Почти.

«Тайсон – это отвратительная личность. Это насильник и бандит. Вряд ли вы хотели бы, чтобы телефон вашей дочери

оказался в его записной книжке. Однако сейчас презирать его будет немного сложнее», – писал мой недруг в журнале *«Спортс Иллюстрейтед»*.

Как только бой закончился, я получил полное право вернуться к своим порокам. Я познакомился с привлекательной доминиканской девушкой по имени Луз. Она пришла на мой поединок с Льюисом с другими парнями, и мы стали проводить время вместе. Она жила в Нью-Йорке в Восточном Гарлеме, и в ту осень я переехал к ней. Я оказался в прежней обстановке: заброшенные здания, наркоманы на улице, чуваки после передозы, толстая леди, толкающая вниз по аллее коляску с младенцем, который уже под дурью, ниггеры с пивом, палящие друг в друга. Извините, это как раз моя стихия.

Ничего хорошего в том, что я вновь оказался в своей стихии, не было, но раз я уж там оказался, мои чувства обострились. Я снова был параноиком, постоянно настороже, постоянно ощущал угрозу. Переехав в Восточный Гарлем, я вновь стал Майком из Браунсвилла. Люди кормили меня. Я бесплатно получал наркотики. Я начал тусоваться по наркоманским притонам.

Как я очутился там? Сначала я поприветствовал ублюдка: «Дай пять!» Затем я позволил ему сфотографироваться со мной. А потом я очутился там, в наркоманском притоне, где голые женщины упаковывали порции «кокса». Как же я очутился там? Я нюхал «кокс», а этот человек говорил: «Нет, это дерьмо только для тупых крэкнутых ниггеров. А вот это медицинский кристаллический кокаин. Ты должен попробовать это, папашка».

Я попробовал порцию этого дерьма, и у меня, блин, потемнело в глазах.

Затем я пошел в ресторан, который был на углу, и они бесплатно накормили меня. Я попробовал рис и бобы, меня также угостили спиртным, хотя было еще раннее утро. Подъехали некоторые мои приятели-гангстеры, которые хотели повидаться со мной. Они были на «Роллс-Ройсах» и других дорогих машинах.

– Что, мать твою, ты тут, с этими сучками, делаешь? – спросил один из них. – Приезжай жить в моем доме.

– Нет, мне здесь хорошо, ниггер, – ответил я. – Это моя женщина, мне здесь хорошо.

– Майк, тебе следует опасаться этих ниггеров, – предупредил он.

– Нет, приятель, это хорошие люди, – сказал я ему.

Я тусовался с этими людьми, понимая в глубине своего сердца, что в тот момент являюсь их частичкой. Я ощущал себя именно так. Потому что в гетто все было по-другому: здесь меня могли бесплатно накормить, дать мне наркотики, позаботиться

обо мне. И если со мной что-то случалось, я шел туда, к этим людям. У меня были свои недостатки, но люди в моем районе понимали мое состояние.

В то время я общался сразу, по крайней мере, с двадцатью девушками. Иногда они пересекались, и тогда я принимал на себя удар. Кто-то, с кем я встречался, слышал, что я был с кем-то еще. Можно было бы решить, что надо выжить из ума, чтобы поднять руку на Майка Тайсона. Но когда они сердились, им было на все наплевать. Они били меня, царапали мне лицо. А затем, когда вроде бы все уже было позади и все успокаивались, я знакомился с очередной девушкой, мне ударяла в голову такая блажь, и опять все становились злы, как черти, и все начиналось по новой.

* * *

13 января 2003 года мой развод был завершен. Моника получила дом в Коннектикуте, свой дом и 6,5 миллиона долларов из моего будущего заработка. В перспективе она должна была получить залоговое право на мой дом в Лас-Вегасе. В тот момент она была настроена ко мне довольно враждебно, но, когда я обеспечивал ее необходимыми средствами, у меня не было повода для беспокойства. Ведь я был парнем с улицы, и я был готов башлять на улице.

Хотя моя душа больше и не лежала к боксу, мне все же надо было как-то зарабатывать. Я поручил Шелли организовать мне 22 февраля поединок с Клиффордом Этьеном. За неделю до боя я пошел сделать себе татуировку, которая стала затем притчей во языцех. Я обратился с просьбой набить мне рисунок на лице к татуировщику С. Виктору Уитмиллу, известному под псевдонимом Парадокс. Я ненавидел свое лицо и, в буквальном смысле, хотел обезобразить его. Я предложил набить по всему нему миниатюрные сердечки. Это не было какой-то уловкой, чтобы сделать себя более привлекательным для женщин. Я просто хотел спрятать свое лицо, замаскировать его. Но Виктор отказался делать это. Он сказал, что у меня вполне нормальное лицо. Взамен он предложил этнический рисунок племени маори, и я обещал подумать насчет него. Чем больше я думал об идее сделать на лице татуировку, которая использовалась воинами для наведения в бою ужаса на своих врагов, тем больше она мне нравилась. Поэтому я согласился.

К предстоящему поединку я тренировался гораздо активней, чем к поединку с Льюисом. К моменту боя я весил менее 225 фунтов, на девять фунтов легче[281], чем во время поединка с

Льюисом. У Этьена был хороший показатель, он входил в десятку лучших боксеров обеих боксерских организаций[282], но у него был «слабый подбородок»[283]. В двадцати шести боях его десять раз отправляли в нокдаун.

В то время обо мне снимали документальный фильм, и я устроил перед поединком очередное представление:

– Я ненавижу Майка Тайсона. Больше всего я хотел бы, чтобы Майку Тайсону было как можно хуже. Вот почему я не люблю моих друзей и самого себя. Меня привлекают крайности. Возможно, в следующей жизни у меня будет лучшая жизнь. Вот почему я с нетерпением жду, чтобы отправиться в мир иной – я ненавижу то, как я сейчас живу. Я ненавижу свою теперешнюю жизнь.

Не знаю, почему я лучше собрался перед поединком с Этьеном, чем перед боем с Льюисом. Я отрешился от всего. Раздался гонг, и я набросился на Этьена. Когда мы оказались у канатов, я утащил его за собой на канвас. Думаю, что один из моих первых ударов доставил ему неприятности. Мы поднялись, я нырнул под один из его ударов, выбросил ответный удар, который пришелся ему в челюсть, и он упал. Я считал, что он вполне мог бы подняться. Не думаю, что это был настолько сильный удар, чтобы вырубить кого-нибудь. Но я не могу что-либо сказать наверняка, потому что удар был очень точным. После того как рефери отсчитал ему десять секунд, я помог ему встать, и мы обнялись. Клиффорд что-то шепнул мне на ухо.

На ринг вышел Джим Грей, чтобы взять интервью.

– Он сказал что-то вам на ухо, чего никто не мог слышать. Что именно он сказал?

– Честно говоря, он сказал: «Ты должен прекратить свою фигню и стать серьезным. Ты все делаешь несерьезно, поэтому ты сейчас здесь валяешь дурака». И он прав.

– И он, действительно, прав? – переспросил Джим.

– Да, он прав. Я счастлив, что я снова в Мемфисе и выступаю здесь на достойном уровне. Я рад, что брат Клиффорд дрался со мной. Нас не понимают, как мы можем проявлять друг к другу любовь и уважение, когда мы деремся друг с другом. Но мы таким образом придаем благородство своему образу жизни.

– Майк, вы действительно были больны на этой неделе? В чем заключалась проблема?

– Я повредил себе спину.

– Что вы имеете в виду? Что означает: повредили себе спину?

– У меня повреждена спина.

– Позвонок или участок?..

– Сегмент позвоночника.

– Это произошло во время спарринга?

– Нет, в результате аварии на мотоцикле. Врач обнаружил это. Я делал приседания, обычно я делаю 2500 приседаний в день с нагрузкой в двадцать фунтов[284], а тут я не мог выполнить эту норму. И я спросил врача: «Что такое?» И он ответил: «Хотите – верьте, хотите – нет, но у вас небольшое повреждение спины».

– И у вас сейчас есть боли? Вам делали какие-либо инъекции? Как вам удалось продержаться в этом поединке?

– Для меня инъекции сейчас исключены. Вы же знаете, что я должен проходить допинг-тест. Но, хвала Аллаху, все уже позади. Не знаю, как я смог продержаться. Я рад, что я могу драться, что я могу наносить хорошие и точные удары.

– Майк, вы были готовы к этому бою? Я имею в виду то, что ваш тренер Фредди Роуч за четыре дня до поединка советовал вам отказаться от него. Были ли вы готовы драться?

– Нет, я не был готов. Но я был обязан это сделать. Я должен был поступить как мужчина и драться. Я и так слишком много боев отменил в своей карьере, и я не хотел, чтобы кто-нибудь подумал, что я испугался. Кроме того, мне нужны деньги, мне постоянно нужны деньги, и я рад, что мы оба смогли заработать. Я очень уважаю его как человека, он мой друг.

Грей начал расспрашивать меня, намерен ли я еще раз встретиться с Льюисом. Была такая идея: еще один крупный поединок с Льюисом, чтобы заработать много денег.

– Я не готов драться с ним сейчас. У меня нет желания вновь быть побитым. И я не знаю, захочу ли я еще драться, если мне придется вновь провести бой с Льюисом. Мне бы хотелось сейчас собраться с мыслями, навести порядок в голове. В ней сейчас все перепутано. Мне бы хотелось навести порядок в своей жизни.

В этом мрачном настроении я вернулся в свой номер люкс, где съемочная группа продолжила делать документальный фильм обо мне. Я провел видеоконференцию со своими детьми, чтобы убедиться, что они видели, как их отец выиграл. Затем я выпроводил съемочную группу из своего номера и организовал вечеринку со своим другом-сутенером/бандитом. Он привел с собой своих девушек, а также девушку, которая была подружкой моего друга. Я принял немного «кокса», слегка покурил травки, и мое настроение поднялось. Мы открыли несколько бутылок шампанского «Дом Периньон». Мой друг рассказал одну из своих военных историй, мы все рассмеялись, и девушка, которая была подружкой моего друга, в шутку сказала: «Ух, ты полон дерьма, ниггер!»

Бац! Мой друг схватил бутылку шампанского и ударил ее по голове. Я попытался остановить его, но не успел. Кровь струей

забила у нее из головы, как гейзер.

Я решил, что на моей жизни теперь поставлен крест. Мы были на Юге. Девушка, которая была замужем за всем известной знаменитостью, кричала, как сумасшедшая. Мой друг был готов укокошить всех вокруг, и я был причастен к этому. Затем, неожиданно для всех нас, мой друг и девушка стали совершенно спокойно разговаривать друг с другом, как ни в чем не бывало. Все это было похоже на обычную гребаную разборку сутенера со шлюхой.

Благодаря своему поединку с Этьеном я смог заработать еще 5 миллионов долларов, но у меня по-прежнему был огромный долг. Мой иск против Дона Кинга все еще проходил по разным инстанциям судебной системы. Дон очень нервничал в связи с предстоящим заслушиванием меня в суде, поэтому он пытался переговорить со мной. У меня не было долговременного контракта с Шелли, поэтому в тот период времени я был своего рода свободным агентом. Дон решил, что он мог бы склонить меня к сотрудничеству. Он подумал, что, если он поманит меня деньгами, я вернусь к нему и откажусь от иска.

Мне были нужны деньги во что бы то ни стало. Я не мог ждать несколько лет, пока мое исковое требование, наконец, будет удовлетворено. Мне были нужны деньги прямо сейчас. Даже незамедлительное вознаграждение не представлялось мне достаточно быстрым решением проблемы. В этой связи я вышел на Джеки Роу, чтобы она помогла мне уладить мое дело с Доном. Джеки была как питбуль. Когда я просил: «Бэби, достань мне это!», она шла и делала для меня это. А я после этого шел и ловил кайф.

В апреле этого года я попросил Джеки уговорить Дона приобрести мне три машины «Мерседес-Тигуан». По моей просьбе одну из них он должен был записать на имя Джеки, другую – на Луз и третью – на имя моего друга Зипа. Мы решили разыграть Дона: пообещать ему, что, если он предоставит наличные и машины, то я, может быть, откажусь от иска. Дон раз за разом назначал встречу, рассчитывая на то, что одурачит меня, заставив практически за бесплатно подписать новое соглашение об урегулировании дела, а я каждый раз грабил его или избивал.

Однажды я привел с собой в гостиничный номер, где остановился Дон, двух друзей детства. Когда мы пришли, Дон стал грубить им и угрожать. «За мной три трупа, два занесены в протокол», – бравировал он. Затем он бросил взгляд на моего друга, но тот ничего не сказал ему в ответ. Предполагалось, что мой друг должен напугать Дона, но Дон удивил его своим поведением. Я смотрел на своих приятелей и думал: *«Вы же*

должны показать себя крутыми парнями, мать вашу!» Затем я внезапно поднялся и врезал Дону.

– Заткнись, ублюдок, нах… й! – сказал я.

И мои парни, те, которых я привел, чтобы разобраться с Доном, набросились на меня, чтобы утихомирить.

Между тем я продолжал встречаться с Доном всякий раз, когда он хотел переговорить со мной. Я очень рад, что на этом этапе своей жизни мне уже недоставало смелости, которая была у меня в молодые годы, иначе я, действительно, не оставил бы от Дона и мокрого места.

Однажды Дон позвонил мне и сказал, что он хочет подъехать в мой офис в Лас-Вегасе и завезти мне 100 000 долларов. Мой друг Зип был в городе, поэтому мы вдвоем были на месте, поджидая Дона.

Наконец, появился Дон с «дипломатом», набитым деньгами.

– Я должен расплатиться кое с кем, – сказал он и принялся отсчитывать 100 000 долларов. Зип подошел к нему, молча взял «дипломат» и принес его мне.

– Большое спасибо. Пожалуйста, проводи Дона на выход, – попросил я.

Зип схватил Дона за руку и вытащил его наружу. Там он сказал Дону:

– Нам с чемпионом сейчас надо поработать.

– Эй, приятель, мне нужны эти деньги! Я должен расплатиться кое с кем! Я же сказал это вам! – завопил Дон.

– До встречи, Дон. Был рад видеть вас. Всегда был вашим большим поклонником, – сказал Зип и закрыл дверь перед его носом. Мы принялись считать деньги. Там их была просто уйма.

Мой адвокат Дейл Кинселла узнал об этих встречах с Доном и в конце мая составил письмо к его адвокату:

«*Я шокирован тем, что имело место последние тридцать дней и в чем принимал непосредственное участие ваш офис.*

1. Я и Джерри Бернштейн являемся официально зарегистрированными юрисконсультами Майка. Рискованные попытки исключить нас из того, что происходит, должны вызвать у любого, а уж тем более у судьи Дэниэлса, серьезные опасения по поводу любого предложенного урегулирования.

2. Очевидно, Дон абсолютно не уяснил себе сути этого судебного процесса. А ведь именно его настойчивость в том, чтобы завладеть денежными средствами Майка, будь то в офисе или в гостиничном номере, и склонить его к оформлению документов *без каких-либо независимых юридических или финансовых консультаций, и является одним из основных тем данного судебного процесса.* Я действительно, не могу понять, о

чем думает ваша сторона.

3. Склонность Майка к подписанию соглашений, а уж тем более соглашений об урегулировании претензий, под влиянием людей, которых он уважает, которым доверяет и/или в которых он уверен, что может им доверять (хотя бы на данный момент) подтверждена документально. Его недавнее решение урегулировать вопрос о своем разводе с Моникой без адвоката или консультаций по финансовым аспектам (которое пришлось отменить на основании неправомерного воздействия на него) является ярким примером того, о чем я веду речь.

4. После начала судебного процесса по иску Майка и после вызова Джерри, вас и меня для выступления в суде эти вопросы, наряду с другими, будут подняты в обязательном порядке. Я разделяю мнение суда о том, что дело Майка – это его дело, а не его адвоката, однако в наших общих интересах любое соглашение об урегулировании претензий, достигнутое между Майком и Доном, следует представлять (а точнее, должно представляться) на рассмотрение того, кто является независимым представителем Майка.

В связи с этим я был бы очень признателен, если Дон и/или ваш офис сочтете нужным поставить Джерри и меня в известность, что на данном этапе происходит».

Дейл, однако, не знал, что за несколько недель до того, как он послал это письмо, я попросил Джеки тайком от всех переговорить с Доном. Мой помощник Дэррил позвонил Джеки и передал ей, что мы израсходовали последние 5000 долларов. У нас не было денег, чтобы оплатить счета за дом, заплатить обслуге, ну, и так далее. Джеки приехала в Лас-Вегас и убедилась в том, насколько тяжело мое финансовое положение.

– Я хочу получить у Дона свои гребаные деньги, – сказал я ей.

Дон был в полном восторге, услышав от Джеки последние новости. Он уже отчаялся уладить дело, поскольку судебное заседание было назначено на сентябрь. Как только мы узнали об этом, Джефф Вальд сказал мне, что Дон собирается прибегнуть к своей магии и что нам предстоит увидеть, почему он был Доном Кингом. Джефф не знал, что я, пытаясь получить от Дона хоть какие-то деньги, просил Джеки напрямую переговорить с ним. Дон предложил мне за урегулирование претензий 20 миллионов долларов в обмен на получение им возможности вновь стать промоутером моих поединков. Я сказал Джеки, что прежде, чем приступать к разговору о совместной работе и урегулировании претензий, я бы хотел получить три вещи, которые пока еще были у Дона: «Роллс-Ройс» зеленого цвета, картину, которую подарил мне премьер-министр Италии Сильвио Берлускони и которая

должна была немало стоить, а также то, что меня интересовало больше всего, – мое изображение в центре группы персонажей из комиксов «Люди Икс», которое сделал Стэн Ли.

Дон позвонил Джеки и сообщил ей, что для выработки соглашения об урегулировании претензий он организует нам перелет во Флориду и наше размещение в отеле «Делано». Мы с Джеки, ее сыном и моей подругой Луз сели в частный самолет Дона и полетели на юг. У меня была с собой приличная порция «кокса» и спортивная сумка с марихуаной на полфунта. Я наслаждался своим «коксом», курил косячки, слушал плеер и ловил кайф. У меня был улет выше полета самолета – как вдруг мне пришло прозрение:

«Это же мой самолет, мать его! Я заплатил за этот самолет. А этот сукин сын ведет себя так, словно он делает мне одолжение, организуя мне полет на юг на моем собственном гребаном самолете. Этот ниггер издевается надо мной!»

Наркотики одурманили мне мозги, я стал подозрительным и нервным. Короче, я распсиховался.

Дон встретил нас в частном аэропорту на своем «Роллс-Ройсе». С ним был шофер Изадор Болтон, который раньше, до того, как Дон украл его у меня, был моим шофером. Изадор был за рулем первой машины, в которой расположились помощники Дона. Мы поехали на юг из Форт-Лодердейла в Майами по автомагистрали I-95. Джеки была на переднем сиденье, я – на заднем вместе с Луз и сыном Джеки. Дон сказал что-то совершенно безобидное – и тут меня охватила ярость. И я врезал ему по его гребаной голове. Хрясь! Не поворачивайся спиной к кокаинисту, который в ярости! Не отказывай ему в помощи!

Дон съехал на разделительную полосу, и я начал, перегнувшись с заднего сиденья, душить его.

– Нет, Майк, отпусти его! – закричала Джеки.

– Джеки, держи этого ниггера, я сейчас переберусь к вам! – велел я.

Она ответила:

– Хорошо, я держу его!

Я вышел из машины, чтобы пересесть на переднее сиденье и еще надрать Дону задницу, но Джеки не могла удержать его, она была в шоке, и Дон, освободившись, поехал прочь по разделительной полосе.

Я остался стоять, б… дь, на автомагистрали. Дон немного проехал и выпустил из машины Джеки с сыном и Луз. Они подошли ко мне с моей сумкой, в которой было полфунта марихуаны. Заначка «кокса», когда я вышел из машины, была при мне.

– Почему ты дала ему уехать, Джеки? – закричал я. – Мы остались здесь, на этой е… ной дороге!

Мимо нас проносились машины и грузовики. Вдруг появился Изадор. Он приехал забрать нас, поскольку потерял из вида нашу машину, и, когда позвонил Дону, тот велел ему развернуться и взять нас.

Вслед за этим появился и Дон. Он подъехал ко мне, опустил окно и велел мне сесть в машину.

– Да пошел ты, ублюдок, – закричал я.

Изадор вышел из машины и оказался прямо напротив меня. Я дважды ударил его по лицу, сломав ему левую скулу. От ударов он свалился обратно на водительское сиденье, тогда я набросился на него, схватил его за ногу и укусил ее. Изадору удалось оттолкнуть меня и закрыть дверь, поэтому я ударил по ней снаружи, помяв обшивку. Я уже собирался разбить стекло, но ему удалось отъехать.

Его ботинки остались на дороге, он поехал босиком.

Подъехали полицейские. Они стали разговаривать с нами, при этом у меня было полкило «кокса», а Луз держала спортивную сумку с полуфунтами травки. Копы были так рады меня видеть, что, блин, даже не поинтересовались, что мы вчетвером делали на обочине автомагистрали. Стоило им только пошевелить своей задницей, и за такое количество «кокса» они могли запросто засадить нас за решетку на всю жизнь. Я ведь максималист. Почему я не мог купить просто «осьмушку»[285]? Нет, мне надо было полкило. Ребята, которые продавали мне «кокс», сказали: «Майк, здесь столько, что это явно на продажу, а не для себя. Полиция не поверит, что тебе для кайфа надо полкило». Но я брал это как раз только для себя.

Копы предложили подвезти нас к месту назначения, мы набились в одну из машин, и нас доставили в Саут-Бич. Дон зарезервировал для нас пол-этажа в отеле, и мы решили оторваться по-полной. Джеки попросила Дона дать нам немного денег, и он прислал парнишку с парой сотен «кусков».

Весь месяц каждый вечер мы устраивали гулянки, затем приехал мой приятель на экскурсионном автобусе, мы подхватили пару девушек и объехали все восточное побережье.

В июне я получил еще один удар в связи с новым делом по вопросу пресловутого отцовства. Лживая девка Вонда Грейвс заявила, что в 1990 году я изнасиловал ее и, таким образом, являюсь отцом ее сына. Вести дело взялся адвокат Рауль Фелдер, этот кусок дерьма, который в свое время представлял Робин Гивенс. Он хвастался, что сможет «вновь нанести Майку Тайсону поражение на ринге». Они оба заткнулись, когда пришел тест на

ДНК, который показал нулевую вероятность того, что я был отцом.

Но ангелом я в то время все же не был. Как-то в июне я гостил у своего друга детства Дэйва Мэлоуна, мы гоняли голубей в Браунсвилле. Вечером Дейв отвез меня назад в отель «Марриотт», в котором я остановился. У отеля два достаточно пьяных парня, которые возвращались в свои номера, подошли попросить у меня автограф. Я был под кайфом от кокаина. Позвольте кое-что объяснить насчет себя. Когда я нахожусь под кайфом ночью или рано утром, то со мной лучше не связываться. Я тогда становлюсь злобным и лезу на рожон. У меня случаются, б… дь, резкие перепады настроения, совсем как в этой чертовой истории с доктором Джекиллом и мистером Хайдом.

Так вот, эти два пуэрториканца подошли ко мне и попросили у меня автограф. Я попросил их отъе… ться от меня.

– Ты особенно-то не задавайся, – сказал один из них. – У нас пушки, а у тебя только кулаки.

Если бы я не был под «коксом», наверное, ничего бы не случилось. Но я был, так что я загнал их в холл, а затем погнал наверх по эскалатору. Когда мы одолели эскалатор, я с первого же удара нокаутировал одного из них. Другой парень попытался спрятаться за стойкой регистрации, но я вытащил его оттуда и ударил. Его спасла появившаяся охрана отеля.

Драка была моей ошибкой. Против меня хотели выдвинуть обвинения в физическом насилии, не представляющем общественной опасности, а против этих парней – в угрозе и преднамеренном причинении беспокойства. Я был вынужден на следующий день пойти в суд. Вернувшись, я показал Дэйву и Зипу пухлое полицейское досье, которое было частью протоколов судебного заседания.

– Они уже родились ублюдками, – сказал Дэйв. – Только взгляни на их досье!

– Дело в том, что это мое досье, – поправил я его.

– Приятель, мы тусуемся с тобой, потому что считаем тебя знаменитостью, но ты нам открыл глаза, – сказал Зип. – Твое полицейское досье хуже нашего, ниггер.

В то время я жил одним днем. Я уже устал от всего этого дерьма, которое окружало меня. У меня не было ощущения, что в моей команде был кто-нибудь, кому я мог бы доверять. Я уже устал от всех этих хитроумных попыток захватить власть в моем лагере, поэтому я избавился от всей своей управленческой команды.

Таким образом, у меня был только Шелли для того, чтобы как-то спланировать остаток моей карьеры. В моем контракте

отдельным пунктом значился матч-реванш с Ленноксом Льюисом, и у него было намерение снова встретиться со мной, чтобы еще раз получить хорошие деньги. Но я вовсе не хотел, чтобы мою задницу надрали второй раз. Если бы я был мотивирован и находился в хорошей форме, я, без сомнения, смог бы накостылять ему. Но меня не интересовал бокс, меня интересовали наркотики.

Поэтому Шелли и люди Льюиса пришли с предложением моего участия в бое «на разогреве» следующего поединка Леннокса. Я был бы объявлен «со-знаменитостью». Однако я отказался выступать в бое «на разогреве», потому что для меня это было бы оскорблением. Итак, мы ответили на предложение команды Льюиса отказом, тогда они решили подойти с другой стороны и подали в суд на меня с Доном Кингом на 385 миллионов долларов, заявив, что Кинг побуждал меня игнорировать контракт, чтобы он мог организовать мне другие поединки.

Моей последней надеждой на получение каких-то средств оставался мой иск к Дону. К этому моменту Джефф Вальд уже знал, что я встречался с Доном, и был в ярости. Он сказал мне, что Дон будет до последнего, до самого начала суда затягивать все судебные иски, поданные против него, а затем все уладит. Джефф и Дейл Кинселла говорили мне, что мы могли бы где-то за 60 миллионов долларов согласиться на отказ от своих претензий на 100 миллионов долларов и что я мог бы даже получить обратно свою коллекцию записей поединков, которая долгие годы была бы для меня своего рода банковским депозитом. От меня требовалось лишь продержаться до суда, который был намечен на сентябрь.

Однако мое финансовое положение было настолько катастрофическим, что те, кто каждый день встречался со мной, предлагали мне объявить о банкротстве. В то время мы с Джеки сблизились с Джимми Хенчменом, рэп-предпринимателем, который участвовал в рекламных акциях Олимпийских игр и был генеральным директором компании «Царь энтертеймент». Джимми привела Барри Хенкерсона, режиссера звукозаписи, менеджера Тони Брэкстон[286] и Ар Келли[287]. Все они уговаривали меня объявить о банкротстве. Хенкерсон сказал Джеки, что мне следовало бы воспользоваться главой 11 «Кодекса законов США о банкротстве», и Джеки зашла в Интернет и просмотрела в поисковой системе «Гугл» «Главу 11 Кодекса законов США о банкротстве». Вот чем я занимался в то время. Джеки была хорошим человеком, но эти вопросы все же были выше ее понимания. Никто из нас не имел ни малейшего понятия о

крупных финансовых операциях или банкротстве. Мы просто весело проводили время и тратили деньги.

Итак, я позвонил Джеффу Вальду и сказал ему, что мне предлагают объявить о банкротстве.

– Не надо этого делать, поскольку в ту минуту, когда вы объявите о банкротстве, мы не сможем контролировать иск. Это будет делать только судья. И иск выскользнет из ваших рук, – попытался объяснить он.

– И это означает, что я проиграю дело? – спросил я.

– Вы не должны проиграть. Это несомненно, – ответил он.

Я, однако, не был в этом так уверен. Во время моего первого показания против Дона под присягой я пролил себе на колени кувшин с водой. А теперь еще в распоряжении Дона был инцидент с избиением во Флориде, который он мог использовать против меня.

Вальд был убежден, что Дон проводит работу со всеми моими друзьями, включая Джеки, чтобы повлиять на меня и подтолкнуть меня к тому, чтобы я заявил о банкротстве. Он названивал мне по нескольку раз в день, умоляя меня не делать этого шага. Я, однако, не верил, что мои друзья брали на лапу.

И когда я посмотрел на горы счетов, которые я не мог оплатить, я решился все же заявить о банкротстве. Хенкерсон предоставил мне юриста по делам о финансовой несостоятельности, и первого августа мы сделали соответствующее заявление. В тот же день мы вместе с Хенкерсоном, Хенчменом и моим телохранителем Риком прошлись по магазинам на Родео-Драйв. Ведь то, что я заявил о банкротстве, вовсе не означало, что у меня совершенно не было денег. У меня просто не было 100 миллионов долларов, чтобы оплатить свои долги, а так я продолжал заниматься всеми остальными делами. Пресса подняла большой шум по поводу моего похода по магазинам на Родео-Драйв, но никто из журналистов не был там со мной. Я разговаривал с мусульманами, которые держали магазины с одеждой высокого качества, показывал им свою мусульманскую карточку в расчете на скидку:

– Брат, как насчет того, чтобы я отдал полторы тысячи долларов за этот костюм стоимостью три тысячи долларов? Тебе ведь известно «золотое правило» ислама: пожелай своему брату то же, что желаешь самому себя[288].

На следующий день все газеты пестрели подробностями моего финансового положения. Мой долг составлял около 27 миллионов долларов, 17 миллионов из которых представляли собой задолженность налоговому управлению США и

задолженность по английским налогам. Еще 10 миллионов долларов относились к личным расходам, включавшим, в частности, те деньги, которые я задолжал Монике в связи с разводом, банкам по ипотеке, а также огромные судебные издержки.

Я находился в таком подавленном настроении в связи с банкротством, был в таком отчаянии, что решил отказаться от своего дома.

– Да и х… с ним! Забирайте, нах…, этот дом! – сказал я своим адвокатам, и они выставили его на аукцион. Я в то время так торчал от наркоты, что не мог заниматься больше ничем другим. Я просто тренировался в зале. У меня не было намечено никаких поединков, я просто тренировался и получал кайф от наркотиков.

Я умел достаточно легко приспосабливаться к новой обстановке. Я мог жить и в роскошных условиях, и в трущобах. Я знал всех сутенеров и наркодилеров, и я умел рисковать своей жизнью. Даже когда я жил в трущобах, на мне были брюки и обувь за 2000 долларов. У меня в кармане могло не быть и пяти центов, но я по-прежнему волочился за девушками и флиртовал с красотками.

Я провел некоторое время в Финиксе с Шелли, матерью моего ребенка. Приезжал Дэйв Мэлоун и немного пообщался со мной. Я был совершенно без средств, поэтому на ужин мы ели хлопья в сахарной пудре и конфеты «Твиззлерс». У нас не было денег, чтобы что-либо организовать, так что мы просто сидели во дворе и наблюдали за моими голубями. В то время я завел правило, к которому периодически прибегал: за свой автограф я брал двадцать пять баксов, просто чтобы решить хоть какие-то первоочередные проблемы. Я был настолько беден, что парень, который украл у меня кредитную карту, пожаловался в Интернете, что он не смог по ней даже заплатить за ужин, настолько я оказался разорен.

Но в этой ситуации были и свои преимущества. Я вернулся на Восток, где тусовался со своим приятелем Марио Костой, который в обмен на право пользоваться первыми рядами в зале во время моих поединков содержал моих голубей. В Джерси-Сити у него был ресторан и бар. Как-то в один из дней мы с ним сидели на заднем дворике, где были голуби. Было красивое бабье лето. Я заснул, и Марио отошел. Через два часа я проснулся с криком: «Я богат! Я богат!» Марио прибежал назад и спросил:

– С тобой все в порядке, чемпион?

– Я богат, Марио, – сказал я. – У меня нет ни часов, ни денег, ни телефона, но я чувствую себя так спокойно. Никто не указывает мне: «Иди сюда! Иди туда! Сделай это!» У меня были

автомобили, которые я никогда не водил, и я даже не знал, где были от них ключи. У меня были дома, в которых я не жил. Все меня обкрадывали. Теперь у меня ничего нет. Никто не звонит мне, никто меня не беспокоит, никто меня не ругает. Это так спокойно. Такое спокойствие дано только тому, кто богат, приятель.

Некоторые из моих друзей попытались решить мои проблемы. Так, мой друг Эрик Браун и его брат выделили мне от своей компании CMX Productions ссуду 50 000 долларов. Возможно, я что-то и мог сделать для них, но мне никогда не пришлось.

Между тем в августе мой приятель Крейг Буги начал переговоры относительно меня с одной из организаций кикбоксинга по версии К-1[289]. Поскольку мне негде было жить, люди из К-1 поселили меня в Лос-Анджелесе в номере люкс отеля «Беверли Уилшир», оплатив все мои расходы. Мне это пришлось весьма кстати, поскольку к тому времени меня уже изгнали из всех крупных отелей Лас-Вегаса и его южных пригородов. В обмен я участвовал в их рекламных акциях.

– Майк, вы нужны нам, чтобы обеспечить аудиторию на мероприятии на Гавайях.

Бац – и я полетел на юг на Гавайи. В следующем месяце я полетел куда-то еще. Я получил пятьдесят штук за это, сто штук – за то. Я сделал эти деньги, ничего не делая. И вместо того, чтобы экономить и оплачивать свои счета, я купил «Астон Мартин Ванквиш» и кабриолет «Роллс-Ройс». У меня были все эти автомобили, мне их было некуда девать. Каждый гребаный день я совершал покупки на Родео-Драйв. Я прогуливался по магазинам, смотрелся в зеркала, прикидывал, как я буду выглядеть, когда пойду сегодня вечером тусоваться. На мне будут брюки за 3000 долларов, рубашка за 4000 долларов и блейзер за 10 000 долларов. При всем при том я был совершенно нищим. Я был гол как сокол.

В «Беверли Уилшир» меня все знали. В одном из конференц-залов отеля проводились вечеринки для избранных, и я проникал на них без приглашения. Если там, к примеру, организовывались дебаты на палестино-израильскую тему, я на них неизменно присутствовал. Я был знатным халявщиком.

Я устраивал в своем номере вечеринки, заказывал стейки, омаров и икру с шампанским «Кристаль». Я приглашал на них самых известных наркодельцов, сутенеров и жуликов, и мы играли в кости. Вначале я обыгрывал их, а затем срался с ними:

– И это все ваши деньги, ниггеры? Я-то думал, что вы, бл… дь, солидные игроки здесь, в Лос-Анджелесе, что вам нет равных.

Вот что происходит, когда вы рискнули связаться с настоящим «Железным Майком». Вы думали, что я просто боксер? А я, оказывается, настоящий ниггер-камнелом, приятели. С таким же успехом вы можете попытаться выиграть в лото – меня вы никогда не обыграете.

Я жил в этом номере люкс два года. Я развлекал свою задницу, торчал от травки и «кокса», приводил девушек. От ночных перекусов я здорово прибавил в весе.

Сразу же после того, как в августе я подписал контракт с К-1, они выпустили пресс-релиз о моем предстоящем поединке с Бобом Саппом, бывшим игроком Национальной футбольной лиги США ростом 6 футов 5 дюймов и весом 390 фунтов[290], который был одной из звезд кикбоксинга по версии К-1. Я, однако, никогда не собирался драться с кикбоксером.

– Вполне возможно, что это было бы совершенно замечательно, – сказал я журналисту *New York Times*, когда он позвонил мне. – Но только в рамках правил маркиза Квинсберри. Я не имею ни малейшего желания, чтобы меня ударили ногой по голове. Вы меня понимаете?

15 августа я появился на больших поединках К-1 в отеле «Белладжио» в Лас-Вегасе. После того как Боб Сапп выиграл поединок, он вызвал меня на ринг и бросил мне вызов.

– Я готов сделать это прямо здесь, – сказал я собравшимся. – Достаньте мне шорты, и я буду драться с ним сегодня вечером по правилам маркиза Квинсберри. Подпиши договор, здоровяк.

В рестлинге именно так несли всякую чушь. Мне нравились подобные выступления.

Спустя несколько недель после того, как я переехал в «Беверли Уилшир», я посетил «Неверленд»[291], чтобы увидеть Майкла Джексона. Мне было приятно пообщаться с ним. В то время он был весьма сдержан и скромен. Он спросил меня, чем я занимаюсь, и я ответил, что просто отдыхаю.

– Отдых – это хорошо. Отдых – это, в самом деле, очень хорошо, Майк, – сказал он мне. – Отдыхай как можно больше.

Я не знал тогда, что он вообще не мог спать.

В апреле 2004 года я вместе с Али появился на одном из больших мероприятий К-1. Вновь было объявлено о том, что я подписал контракт с представителями К-1 о проведении поединка и что мой дебют состоится этим летом. Одна из их знаменитостей заявила на пресс-конференции, что предвкушает бой со мной.

– Я мог бы согласиться на бой по правилам бокса, – сказал Жером Ле Банне[292]. – Но как только я окажусь на ринге, я ведь все равно буду делать все, бл…дь, что захочу… Западный стиль бокса или нет, я буду бить его ногой… Тайсон однажды уже

откусил ухо, пусть теперь попробует на вкус ногу двенадцатого размера.

Я был бы сумасшедшим, если бы согласился драться с этими чудовищами. Я предпочел бы вернуться в свой гостиничный номер и просто расслабиться.

Процедура моего банкротства шла своим чередом. В июне Дон окончательно урегулировал претензии по иску. Судья по делам о банкротстве разрешил ему оплатить лишь 14 миллионов долларов. Он опять всех переиграл. Я не получил ни прав на коллекцию записей поединков, ничего другого. Моника была первой, кто получил выплаты за счет урегулирования. Юристы по делам о банкротстве в конечном итоге обошлись в 14 миллионов долларов. Им было заплачено еще до налогового управления.

Я оставался в крайне незавидном положении, поэтому мне пришлось поручить Шелли организовать для меня поединок. Он остановил выбор на английском боксере Дэнни Уильямсе. Согласно подписанным документам я должен был драться в Луисвилле 13 июля. Ранее Уильямс был чемпионом Великобритании в тяжелом весе и пытался завоевать титул чемпиона мира. Последних двух соперников он победил нокаутом, но в свое время проиграл Джулиусу Фрэнсису, так что я не слишком беспокоился в связи с предстоящим с ним поединком.

Я должен был опять общаться с прессой. Когда за пару недель до боя я встретился с журналистами, я, как обычно, был оптимистичен и уверен в себе.

– Майк, более всего интересует следующий вопрос: где вы обретете душевное спокойствие в своей жизни? – спросили меня.

– Я не знаю. Согласен, я не единственный человек, который оказался в такой ситуации. Вы должны понять, что я потерял все. Я имею в виду: вообще все. Всех, о ком я когда-либо заботился, кого я когда-либо любил, романтические чувства – я потерял все это. Деньги, дом – я все потерял. Если быть таким воинственным и ненормальным, как я, то немудрено отпугнуть всех тех, кто любит тебя. Вы так или иначе потеряете все это. И в какой-то момент своей жизни вам захочется вернуть их обратно, но, подозреваю, это уже станет частью нашей усиливающейся боли. Мы теряем людей, которых мы больше всего любим и о которых заботимся, чтобы начать свою жизнь с нуля, с чистого листа.

Я принимал наркотики до самого поединка. Перед боем я весил 232 фунта[293], но я был в довольно хорошей форме. Когда я вышел на ринг, у меня не было сопровождающих. Я сделал одним из своих секундантов своего охранника Рика. В первом раунде я потряс Уильямса и почти сделал его. Но он был умным

боксером: он повис на мне и смог продержаться до конца раунда. За тридцать секунд до окончания раунда, выбросив удар, я почувствовал, как в моем левом колене что-то порвалось. Позже я узнал, что у меня произошел разрыв мениска, поэтому, начиная со второго раунда, я дрался на одной ноге. Тем не менее, я все-таки сумел потрясти его во втором раунде. Затем уже я не мог перемещаться и уходить от ударов, и он начал весьма основательно молотить меня по корпусу. В третьем раунде рефери снял с него два очка за удары ниже пояса и удар после остановки боя.

К четвертому раунду я утратил всякую подвижность и превратился в неподвижную мишень. Он обрушил на меня град ударов, а я совершенно не мог двигаться из-за своего колена и недостаточного кондиционирования. В конце концов, после удара правой я оказался на полу. Я сидел напротив канатов и наблюдал, как рефери отсчитывает мне секунды. Этот поединок сломил мой дух.

Я вернулся в Финикс в дом Шелли, и мне сделали операцию на колене. Некоторое время я пользовался инвалидной коляской, затем – костылями. Безусловно, это был очередной повод принимать наркотики. Следующие несколько месяцев я провел в глубокой депрессии, просто болтаясь по двору и гоняя своих птиц.

Мое затворничество окончилось в октябре, когда я отправился в Нью-Йорк, чтобы посмотреть в спорткомплексе Мэдисон сквер гарден поединок между Тринидадом[294] и Майоргой[295]. Я был там со своим другом Зипом и новым телохранителем из Бронкса. Когда мы шли к своим местам в зале, все сошли с ума. Меня не видели уже долгое время, поэтому зрители совершенно слетели с катушек. Мне аплодировали стоя. Я люблю Зипа как брата, но он не понимал, что люди просто выражали мне признательность. Зип же пришел в сильное возбуждение.

– Мы вернулись, Майк, мы вернулись! – обрадовался он. – Тебя скоро пригласят в рекламные ролики! Тебя будут снимать в фильмах! Мы заключим сделку о книге, которая будет нарасхват! Ты смог все пережить, брат! Мы вернулись!!

Забудьте про то, что я был законченным наркоманом, – мы вернулись!

После поединка мы отправились на вечеринку в клуб в центре города. Я сидел и выпивал вместе с Зипом, когда он показал мне на танцплощадку.

– Можешь проверить своего охранника, – заявил он.

Я оглянулся и увидел, как мой новый телохранитель с

бутылкой шампанского в руке танцевал с белой девушкой, обняв ее. Мы еще некоторое время побыли там, а затем я, Зип и телохранитель с девушкой вернулись в гостиницу.

Мы с Зипом расслаблялись в номере, покуривая травку, когда вдруг раздался стук в дверь.

Я ответил. Там стоял какой-то парень.

– Майк, ваш охранник в лифте с голым задом.

– Что?!!

Мы с Зипом бросились к лифту и увидели, что охранник лежал в лифте со спущенными брюками. Мы натянули ему брюки и затащили его в номер, затем вернулись в свой.

Через несколько минут пришли копы. Они сказали мне, что видели весь инцидент по камерам наблюдения. Девушка, которая пошла с моим телохранителем, обвинила его в изнасиловании, но на записи было видно, как она подсыпала ему в выпивку «Микки Финн» и затем стащила с него брюки. Она подставила его, чтобы ограбить. Поэтому не должно было быть никаких обвинений или же огласки.

Я закрыл дверь, и мы еще немного покурили травки. Через несколько минут в дверь снова постучали. Я посмотрел в глазок и увидел еще четырех копов.

– Эй, эй! Хватит! Оставьте меня в покое! Я уже разговаривал с вашими парнями! Я ничего не делал, я только что разговаривал с копами! Пожалуйста, оставьте меня в покое!

Той же ночью я договорился, что Зипа на лимузине отвезут домой, а сам поехал с ним ради интереса. Он был все еще расстроен из-за телохранителя.

– Приятель, мы уже почти вернулись, – повторял он. – Почти вернулись. Про нас уже снимали фильмы, мы комментировали бои. Мы уже почти вернулись, Майк, а этот тупой гребаный охранник все прое… л!

Еще через месяц я снова попал в передрягу. Я был в Финиксе, остановился в отеле со своим постоянным парнем по безопасности Риком. Меня забрали некоторые из моих друзей в Аризоне, а Рик остался в отеле. Мы пошли в бар «Пуссикэт лаундж» в Скотсдейле, изрядно поддали и нанюхались «кокса». Когда мы вышли из клуба, мы были уже, бл…дь, никакие. Переходя улицу, мы увидели машину, которая быстро к нам приближалась.

– Сейчас я перепрыгну через машину! – сказал я одному из своих приятелей и остановился посреди улицы. Но водитель тоже остановился. Я вскочил на капот, встал на колени, опершись на руки, и принялся орать и выбивать из машины дерьмо. Из машины вышел парень, собираясь накричать на меня. Но когда он

увидел, что это был я, он запрыгнул обратно в машину. Мои друзья стащили меня и успокоили водителя. Однако на следующий день тот снова осмотрел свою «Тойоту» и заметил, что весь капот был во вмятинах, поэтому он вызвал полицию. Против меня выдвинули обвинение в преступлении небольшой тяжести – преступном причинении ущерба, но подключился Дэрроу, и парню заплатили.

Приближался Новый год, денег у меня по-прежнему не было. Шелли снова была беременна, и в марте у нас родилась дочь, которую мы назвали Эксодус. Я позвал другого Шелли и сказал ему, что мне срочно необходима некоторая сумма денег. И он организовал мне поединок с весьма посредственным малоизвестным боксером Кевином МакБрайдом. Бой запланировали в Вашингтоне, округ Колумбия, на 11 июня. Мой соперник был, конечно, слабаком, но он был крупноразмерным слабаком, ростом 6 футов 6 дюймов и весом 271 фунт[296].

После одной из тренировок со спарринг ко мне домой в Финикс приехал журналист из газеты *USA Today*, и я высказал все, что у меня накопилось:

– Я никогда не буду счастлив. И я думаю, что умру в одиночестве. Мне бы хотелось, чтобы было так. Всю свою жизнь я был одинок, я всегда оставался один на один со своими тайнами и своей болью. На самом деле, я заблудился в своих поисках, но я пытаюсь найти себя. Я действительно являю собой весьма печальный, жалкий пример. Вся моя жизнь прошла впустую, я проиграл. Я хочу просто сбежать от действительности. Я, на самом деле, запутался в себе самом и в своей жизни. Мне бы хотелось стать миссионером. Полагаю, я мог бы делать это, сохраняя чувство собственного достоинства, скрывая то, что меня выгнали из страны. Мне бы хотелось поскорее преодолеть этот этап своей жизни. Мне бы хотелось превратить свою жизнь в миссионерскую деятельность. Я не собираюсь становиться фанатичным проповедником христианства. Но вот за это я бы отдал свою жизнь. Я люблю Иисуса, и я верю в Иисуса, хотя я и мусульманин. Послушайте, я понимал имама, я понимал раввина, я понимал католического священника, я понимал его преподобие – я понимал всех их. Но я не хочу быть фарисеем. Я хотел бы помогать всем и вместе с этим иметь любовниц.

В нашей стране из меня ничего хорошего не выйдет. Меня в ней так обесчестили и заклеймили позором, что я уже ни при каких обстоятельствах не смогу здесь подняться. После своего последнего боя я был очень расстроен. Я тусовался с кучей проституток и всякого сброда. Я чувствовал себя подонком, поэтому общался с подонками. Я все время был под кайфом. Но в

конце концов необходимо понять, что следует отказаться от наркотиков и решать проблемы, связанные с реальной жизнью.

Мне никогда не следовало быть таким на ринге. И я таким еще никогда не был. Я беспорядочно выбрасывал удары, стоял на месте, быстро уставал. Это был безобразный бой. В конце шестого раунда, когда мы были у канатов, МакБрайд просто навалился на меня, и я упал на задницу. Я сидел, раскинув ноги, пока не раздался гонг, и только затем смог с трудом подняться. Угол МакБрайда работал над рассечением, которое он получил от столкновения головами. Я в своем углу сказал новому тренеру Джеффу Фенеку, что все кончено. Я отказался проводить седьмой раунд.

Ко мне подошел Джим Грей, чтобы взять интервью.

– Майк, давайте начнем с вас. У вас было желание продолжать?

– Ну, мне бы хотелось продолжать. Я видел, что у меня преимущество. Я понял это, но не думаю, что смог бы его удержать, потому что, хм-м… У меня была возможность поддерживать физическую форму, но я утратил боксерскую выносливость, и больше ее уже, я думаю, не будет.

– Когда же вы это поняли, на каком этапе поединка?

– Не знаю, в самом начале боя. Мне очень жаль, что я всех подвел. Просто у меня больше не лежит к этому сердце.

– А когда вы начали поединок, у вас лежало к нему сердце?

– Хм, пожалуй, нет. Вообще-то я дрался для того, чтобы оплатить свои счета. У меня теперь для настоящего боя кишка тонка, с этим уже покончено. Я теперь больше думаю о своих детях. У меня теперь нет прежней свирепости. Я теперь уже не зверь, я перестал быть им.

– Значит ли это, что мы больше уже не увидим вас на ринге?

– Да, скорее всего, я уже больше не выйду драться. Я не хочу больше позорить вид спорта, проигрывая боксерам такого уровня.

– Почему вы были так пассивны в этом бою?

– Я ничего не отнимаю у Кевина. Мне больше не доставляет удовольствия делать это. Мне не нравится драться с 1990 года. Однако Кевину – поздравления по случаю успеха в карьере и удачи! Желаю всего наилучшего и заработать много денег.

После поединка я последний раз встретился со спортивными журналистами. Я прошел в комнату для интервьюирования, и там мне аплодировали стоя.

Я попросил их присесть и повторил то, что уже сказал Джиму Грею. Я больше не собирался драться, потому что не хотел позорить этот вид спорта.

Затем я последний раз покинул зал в качестве боксера. Я уже

забыл о планах заняться миссионерской деятельностью или принять участие в жизни общества. Я просто сказал себе:

– Ух, все это позади. Теперь я могу пойти и по-настоящему весело провести время.

Глава 14

Как-то, когда мне было десять лет, я принял участие в грабеже вместе со старшим парнем по прозвищу Бу. Он велел меня пролезть в окно дома, который он присмотрел, и мы взяли крупный куш: здоровенный телевизор, прекрасное стерео, несколько пушек и деньги. Бу также знал меня как хорошего шустрилу. Он заманивал мной в комнату парня, который хотел трахнуть маленького мальчика, и там вместе с приятелями избивал того и отнимал у него деньги.

После того грабежа Бу взял меня на хату той старой черной леди. Вообще-то она была бессовестной, отвратительной сукой, но когда я с ней познакомился, она была очень добра и внимательна. Там была куча парней, которые валялись вокруг и торчали от героина. Бу дал ей денег, и она вручила ему конверт с каким-то белым порошком. Я не мог оторвать глаз от Бу, когда он насыпал порошок в ложку и нагрел ее зажигалкой. Когда это дерьмо начало пузыриться, он достал шприц и через иглу всосал жидкость. Затем он пережал себе руку и уже был вколоть себе это дерьмо, но вдруг обернулся ко мне.

– Отвернись-ка, детка! Отвернись, малыш! – сказал он мне.

Само собой, после этого мне еще больше захотелось попробовать героина. И когда старший по возрасту, уже подсевший на герыч, велел мне не связываться с наркотой, я в ответ думал: *«А почему? Они-то сами ведь могут?»*

Когда я был моложе, я однажды попробовал героин. Я покурил его и после этого почувствовал себя очень плохо. Мне пришлось проблеваться. Уже одного только вида нариков на герыче было достаточно, чтобы отбить у меня охоту употреблять героин. Посмотрев на героинового наркомана, я мог увидеть, что его душа отравлена дурью. И можно было вполне представить себе, что тебя ожидает.

Я начал покупать и нюхать «кокс» с одиннадцати лет, а спиртное я попробовал еще ребенком. Я вообще родом из уважаемой династии пьяниц. Моя мать обычно давала мне бормотуху «Тандерберд» или джин «Гордонс», чтобы я заснул. Когда мне было десять, я с приятелями покупал крепленое вино «Мэд дог 20/20», крепкий ром «Бакарди 151», алкогольный коктейль «Брасс манки» – дешевое пойло, прожигающее кишки насквозь. Мы также курили марихуану, гашиш и даже опиум и «ангельскую пыль». Когда я был молод, я один раз даже принял немного ЛСД. Когда мы заторчали от него, мы пошли воровать, но особого толка из этого не вышло. Выхватив сумку, мы

захохотали и дали деру, а затем с криком: «Копы! Копы! Вот они!» – заржали и спрятались под машину.

За исключением одного двухлетнего периода и своего тюремного срока, я всегда пил. И это было неудивительно, так как все мои образцы для подражания, о которых я читал, были заядлыми алкашами. Микки Уокер, Гарри Греб. Моими героями были эти белые ирландские пьянчуги. Они были теми парнями, которые гуляли в барах, пили и веселились, в то время как их соперники изнуряли себя бегом и работой со скакалкой.

Выпивка проявляла во мне самые дурные черты. Когда я напивался, мне становилось совершенно наплевать на чувства других людей. Я дрался со всеми подряд, даже с копами. Все, кто знал меня, говорили: «Не позволяйте Майку пить. Можете дать ему даже марихуану, только не позволяйте ему пить». Когда я торчал, накурившись травки, я был счастлив. Я готов был плакать и раздавать всем свои гребаные деньги. Это продолжалось до тех пор, пока меня не просили прекратить балдеть от травки. Потому что, когда меня просили об этом, я сердился. Когда же были согласны с тем, чтобы я торчал, тогда: «Уверен, что тебе не нужен вон тот шикарный «Порше»?»

Думаю, что одной из причин, по которой я стал употреблять так много «кокса», явилось то, что во время своей боксерской карьеры я испытывал сильную физическую боль. Некоторые хоккеисты рассказывали мне то же самое. Тот, кто испытывает такого рода боль, не может ни с кем нормально общаться. Он – как лев с раненой лапой. Когда зверь ранен, он понимает, что на него могут напасть другие звери. Вот как я чувствовал себя, когда испытывал боль, – беззащитным и напуганным. И чтобы избавиться от этого чувства, ты употребляешь немного «кокса». Ты в комнате один, с «коксом», тебе хочется, чтобы с тобой была женщина, потому что чувствуешь вину от того, что принимаешь наркотик, а когда ты с женщиной, то чувство вины уходит.

У меня не было проблем с получением кокаина, даже когда я был совсем на мели. Я знал многих крупных наркодилеров, еще когда они были мальчишками, и я проявлял к ним немного любви. Теперь они стали мультимиллионерами, владели крупными клубами, и когда мы встречались, они относились ко мне очень хорошо. Я по-прежнему относился к ним так, словно они были еще теми самыми мальчишками. И я просто говорил: «Я хочу пойти куда-нибудь, подкинь мне этих маленьких пакетиков». Или я мог встретиться с совершенно незнакомым человеком, который знал наркодилера, и они договаривались между собой: «Дай-ка Майку пару «осьмушек» за мой счет».

Когда начинаешь принимать «кокс», вдруг обнаруживаешь,

что тот, кого ты знал всю свою жизнь и уж кого никак не мог в этом заподозрить, тоже принимает «кокс». Я как-то выпивал с одной крупной знаменитостью, и он вдруг обратился ко мне:

– У вас не найдется, случайно, немного порошка?

– Что?

Я постарался проявить осторожность. Откуда, бл… дь, он узнал, что я принимаю дурь?

– Ну-у, немного, конечно, найдется. Но откуда вы узнали? – спросил я его.

– Майк, тот, кто занимается этим, узнает того, кто занимается этим, – ответил он. – У нас есть такой локатор.

Когда у тебя кокаин, ты можешь посреди бл… дской ночи оказаться в пустыне Мохава, вдыхая свою понюшку, и вдруг из ниоткуда возникает сучка в купальнике. «Кокс» – это настоящий локатор. Женщинам, с которыми я общался, так нравился «кокс», что мы даже начали называть его в их честь. Если кому-то захотелось какого-то «кокса», то он просил: «Где там эта белая сучка? Мне бы хотелось эту шлюшку». Мы также называли «кокс» «блонди» или «белой девочкой».

Я впервые по-крупному имел дело с «коксом», когда при мне было его полкило. Его было столько, что это подпадало под категорию «на продажу», но мне было наплевать, я просто хотел поделиться им и обеспечить балдежом всех своих друзей. Я подходил к любому и предлагал: «Не хочешь нюхнуть?» Соглашались даже те, о ком я и подумать не мог. Пикантно, но все эти ублюдки нюхали мою дурь и, потребляя это, делали еще какие-то критические замечания.

Или же какой-то парень, с которым ты раньше никогда вместе не снюхивал, теперь вдруг становился экспертом. Он снюхивал несколько дорожек, изящно вытирал нос, затем делал вид, что глубоко задумался, и говорил: «Я могу предложить кое-что получше» – раз, и он уже подсел.

Иногда встречались парни, которым не терпелось приобщить тебя к своему «коксу».

– Майк, ты готов попробовать это дерьмо? Наверняка готов, – предложил как-то один из таких. – Добро пожаловать в чертов город под названием «Блаженство», приятель!

Он выложил несколько дорожек, и я снюхал их.

– Настоящие «перуанские хлопья»![297] – сказал он с такой гордостью, словно только что открыл бутылку вина «Лафит-Ротшильд».

И он был прав. Это дерьмо было настолько хорошо, что у меня глаза полезли из орбит.

* * *

После поединка с МакБрайдом я в подавленном состоянии тусовался с приятелями в Лос-Анджелесе, когда зазвонил мой телефон. Это был Джефф Грин, мой новый приятель. На первый взгляд, могло показаться маловероятным, чтобы мы были приятелями. Джефф был еврейским бизнесменом, который заработал миллиард долларов, играя на рынке недвижимости, а я – боксером-мусульманином, который истратил почти миллиард долларов на проституток, автомобили и судебные издержки. Мы встретились благодаря нашему общему другу. Сошлись мы совсем недавно. Он стал приходить на мои поединки в Европе, а я стал путешествовать вместе с ним по всему миру на его яхте. Он пригласил меня к себе на ужин на Рош ха-Шана[298], блин, и я был вынужден читать Библию во время Седера Песах[299].

– Эй, Майк, почему бы вам не присоединиться ко мне на моей яхте в Сен-Тропе? Я зафрахтую самолет, чтобы доставить вас во Францию, а там мой парень заберет вас и доставит на яхту.

Джефф боялся, как бы я не впал в депрессию, размышляя о своем уходе из бокса, и решил, что общение с самыми красивыми женщинами в мире и вечеринки могли бы оказаться как раз тем, что мне сейчас было нужно.

Прежде чем отправиться в путь, я позвонил Зипу, чтобы узнать, не хочет ли он поехать вместе со мной.

– Нет, приятель, я не могу, – ответил он. – Какой-то ниггер стрелял в меня, и я хочу выяснить почему.

– Зип, полетели! Нам дают частный самолет, мы будем тусоваться на яхте по всему Средиземноморью…

– Все это фигня, приятель. В меня стреляли. Кто-то тоже должен получить выстрел. Выстрел за выстрел.

– Мы собираемся оказаться там, где будут лучшие киски в истории человечества, а ты ведешь речь о том, что кто-то должен получить пулю! Их не волнует, наркоман ты или банкрот, если ты окажешься там, то тебя обслужат, – уговаривал я. Но он зациклился на том, чтобы отомстить.

Итак, я отправился туда, и там было клево. Я не чувствовал какого-либо дискомфорта. Я встретил там тех, кого я знал, и они меня везде сопровождали. Я завтракал на яхте Джеффа, затем садился на один из его гидроциклов и разъезжал везде. Меня увидели ребята с Уолл-стрит[300] и пригласили на свою яхту.

– Эй, наша яхта больше, чем у Джеффа, – похвастались они. – Приходите к нам, устроим вечеринку на нашей яхте.

Не знаю, что эти ребята имели в виду. Я ведь не ниггер в аренду. Джефф был моим другом. Кроме того, яхта Джеффа была

самой впечатляющей. В длину она была более 150 футов[301], и значительное пространство на ней было отведено под развлечения.

Поначалу я немного нервничал, считая, что не совсем подхожу остальным приятелям Джеффа.

– Джефф, вообще-то это рай для беложопых. Не знаю, насколько тут впишется мистер Салям Алейкум, – сказал я.

Это было мое знакомство с настоящим торжеством еврейского начала. Дениз Рич[302], увидев меня, подошла и познакомила меня со своим другом, пытаясь помочь мне освоиться. Она была такой красивой, элегантной, изысканной леди. И никто там не комплексовал по поводу меня. И тогда я понял, что я был единственным, кто там комплексовал.

Я сидел, осваиваясь со своими новыми друзьями-евреями, и вдруг к нам подошел грубый, наглый, беспардонный, богатый саудовец.

– Мой сын хотел заплатить пятнадцать миллионов долларов, чтобы вызволить вас из тюрьмы, когда та девушка сказала, что вы изнасиловали ее, – сказал он. Он даже не поздоровался: «Мистер Тайсон, рад видеть вас…»

– О-о, благодарю вас, сэр, – ответил я

Дениз Рич грустно посмотрела на меня и сказала:

– Я сожалею. Очень сожалею.

Каким надо быть, чтобы так вести себя? Какое высокомерие! А если бы мои новые друзья, которые были здесь, не знали, что я отсидел в тюрьме за изнасилование? Они, очевидно, мучились бы вопросом: «А за что вы сидели в тюрьме, Майк? Наверное, за растрату? Или, очевидно, за использование конфиденциальной информации?» Благодарю вас, мистер Жокей Пустыни, за то, что вы все это объяснили в мельчайших деталях всему еврейскому началу. Мы не общались с этим парнем весь остаток вечера.

Более приятная случайная встреча у меня произошла в Сен-Тропе. Я был на яхте другого богатого еврейского парня и наблюдал сцену, как он всматривался в молодого еврея, чья яхта была пришвартована поблизости. Они смотрели друг на друга, совсем как черные. Ну, всем известно, как мы иногда смотрим друг на друга. И затем один из них спросил:

– Гарвард, семьдесят девятый?

– Да! Курс макроэкономики?

– Да-а! А вы, случайно, не встречались с Синди из Хайаннис-порт?[303] Я встречался с ней на втором курсе.

Так вот, я находился на этой яхте – и вдруг увидел здорового черного парня, который был телохранителем у хорошо известного международного торговца оружием. Я долго всматривался в него

и никак не мог вспомнить, где же я с ним встречался. Наконец он подошел ко мне и спросил:

– Споффорд, семьдесят восьмой?

– Точно, блин! Ниггер, мы встречались в изоляторе! – вспомнил я.

– Да, я попал туда за драку с одним парнем в столовой.

– Все правильно, это ты!

После Сен-Тропе мы на яхте ходили повсюду. Мы обошли все побережье, и каждый раз, когда мы останавливались в какой-нибудь стране, возникал ажиотаж, когда узнавали, что на яхте Джеффа был я. Это было бесподобно. Можно было где угодно сойти с трапа самолета – и почувствовать себя так, словно ты никуда и не улетал. Доводилось встречаться с королями, королевами и принцами. Была предоставлена полная свобода действий, были открыты все двери. Чтобы попасть в какой-нибудь клуб, в очереди ждать никогда не приходилось. В лучших ресторанах мира всегда выделялся столик. Это был просто замечательный мир, в котором было замечательно жить. Все было словно в легкой дымке. Но я отдавал себе отчет в том, что ничто из этого не способно заполнить пустоту в моей душе. Я никогда по-настоящему не ценил звание чемпиона, оно далось мне достаточно легко. Я приложил немало усилий, чтобы достичь того, к чему я стремился, но я принял это как должное.

Пришвартовавшись в Сицилии, мы побывали на вечеринке, и обратно на яхту нас сопровождало около сотни людей. Все они хотели увидеть меня и сфотографироваться со мной. Внезапно яхта начала опрокидываться и тонуть.

Всем хотелось погулять со мной. Моих духов-искусителей это вполне устраивало, в этом не было никаких сомнений.

Мы остановились на Сардинии, и это оказалось совершенно потрясающее место. Я очень люблю историю, поэтому Сардиния всегда напоминает мне о Пунических войнах и Ганнибале. Тут ощущалась атмосфера великих войн прошлого. Мы с Джеффом зашли в местечко, которое называлось «Клуб миллиардера». Оно оправдывало свое название: бутылка шампанского здесь стоила примерно 100 000 долларов.

– Вам не придется беспокоиться о том, что сегодня вечером я могу напиться, – поделился я шуткой с Джеффом. Но нам все равно присылали несколько бутылок.

На Сардинии мы тусовались с Кавалли и Викторией Бекхэм[304]. Он пригласил меня на свою яхту, которая была просто шикарна: она могла менять свой цвет. Я сел на один из гидроциклов Джеффа и перебирался от одной яхты к другой, на каждой перекусывая и выпивая.

На Сардинии у нас был один неприятный инцидент. На яхте Джеффа был один парень, его английский приятель. Он привел на борт двух француженок, и мы все заторчали от «кокса». Я взял одну из девушек к себе в каюту и занялся с ней сексом. Затем я поднялся на палубу, а когда спустился обратно вниз, я увидел, что моя девушка шарит по другим каютам. Я был под сильным кайфом, но здорово обозлился на нее. Я подумал: «Черт побери! Если что-нибудь пропадает, обвинят меня. Я здесь единственный ниггер». Поэтому я схватил ее за волосы и спросил: «Что, мать твою, ты делаешь?» Затем я вытащил ее на палубу. Я был здорово расстроен, моя подозрительность после «кокса» усилилась, и я уже готов был выбросить ее за борт, когда это заметил парень на соседней яхте.

– Нет, Майк! Стой! – закричал он.

Теперь на нас все смотрели. Я схватил обеих девиц и велел персоналу выпроводить их с яхты. Это была не моя яхта, и я чувствовал ответственность за все, что могли сделать эти девицы. Мы покинули Сардинию и были уже примерно в ста милях от Капри, когда к нам подошел полицейский катер. На нем был пулемет, и выглядел он слегка устрашающе.

На нашу яхту высадилась полиция береговой охраны, чтобы расследовать факт моего предположительного нападения на девушку. Им пришлось опросить кучу людей, и когда подошла моя очередь, я сказал всю правду:

– Эта девушка воровала вещи из каюты, поэтому я схватил ее…

– Подождите! – сказал коп на ломаном английском. – Нет, это не то, что случилось. Скажите снова. Скажите, что случилось, снова.

Я «въехал» и повторил уже правильно:

– Она была в каюте, воровала, я не знал, что делать, и она просто сбежала с яхты, я не смог ее поймать.

– Да, это, действительно то, что случилось, – сказал он и занес это в протокол.

Когда полицейские высадились на борт, во мне проснулся параноик. Дело в том, что у меня был большой пакет с травкой, и я не хотел, чтобы они начали обыск и наткнулись на него, поэтому я попросил свою подружку Дженни, которая загорала с голым задом, сесть на мою травку. Полицейские посмотрели на нее, но не попросили встать или что-нибудь еще.

Мы сделали еще несколько остановок, в том числе одну в Турции, где я познакомился с премьер-министром и пообщался с ним. Однако я с нетерпением ожидал поездку в Москву, чтобы встретиться со своим психотерапевтом. Ее звали Мэрилин

Мюррей, она была классным семидесятилетним психологом, с которым я встречался с 1999 года. Я познакомился с ней в то лето, когда я был вынужден пойти на сеансы по умению владеть собой, предписанные судом после инцидента с моим агрессивным поведением на дороге. Вместе со мной пошла и Моника, мы решили одновременно проконсультироваться и по вопросам брака. Мы обратились в соответствующее заведение в Финиксе. Я обставил свое появление так, словно я был президентом Соединенных Штатов. Два лимузина, телохранители в черных костюмах, смахивавшие на сотрудников секретной службы. Я специально нацепил на себя дорогие ювелирные украшения и бриллианты, надел одежду от Версаче и обувь из крокодиловой кожи за 6000 долларов. Мы с психотерапевтом сели, и сеанс начался. Я был убежден, что Моника заранее сговорилась с этим парнем. Они оба буквально растерзали меня. Психотерапевт практически не занимался Моникой, он долбал только меня одного.

– А пошли вы оба! Считайте, что уже вылечили меня! – завопил я и выскочил из кабинета.

Через шесть месяцев я вернулся один, в такси, все просрав, разорившийся и сломленный.

– Нельзя ли попробовать это еще раз, пожалуйста, сэр? – попросил я смиренно.

И на этот раз он отвел меня к Мэрилин. У нее было весьма интересное прошлое. Одно время у нее была собственная художественная галерея в Финиксе, однако в связи с болезнью она была вынуждена пройти курс лечения: еще в детстве она столкнулась с насилием. Когда ей было сорок пять, она возобновила учебу, получила степень по психологии и стала психотерапевтом. Несколько лет она на добровольных началах работала в тюрьмах штата Аризона с сексуальными преступниками, жестокими насильниками и растлителями малолетних. У нее была репутация специалиста, занимающегося очень трудными случаями, людьми, которые пережили в своей жизни много психологических травм.

Посчитали, что я ей как раз подхожу. Я много лет проходил разные курсы лечения, но все те парни, которые их вели, были для меня слишком консервативными. Сначала я уж было подумал, что она из тех вздорных белых женщин, которые считают, что могут запросто изменить меня. Я собирался играть роль хорошего черного, чтобы она не смогла рассмотреть моей сути. Но я не знал, что Мэрилин была настоящим мастером своего дела. Она не велась ни на какую лажу. Она уже встречалась со всеми уловками. Я даже не предполагал, что она

знала про мою фишку, которая была мне свойственна еще с детских лет при общении со всеми психологами.

Тот, кто хочет наладить со мной отношения, должен, чтобы привлечь мое внимание, иметь что-то от рыкающего свирепого зверя. Он может все делать крайне тактично, так, чтобы это не было заметно невооруженным глазом, но я должен чувствовать, что в нем это есть. Это может проявляться в быстром, едва уловимом взгляде. И в Мэрилин это было.

Через некоторое время для меня стало очевидно, что работа Мэрилин заключалась в том, чтобы помочь людям. Некоторые не могут даже представить себе этого. Им трудно вообразить себе такого человека, чья цель – это отдать свою жизненную энергию заботе о ком-то другом. Мы приучены к тому, что у таких людей имеются какие-то скрытые мотивы. Но у нее была миссия. В свое время Кас выразился так: «Моя работа с парнишкой заключается в том, чтобы поставить на место здоровых сильных ужасных мужиков». Точно так же и работа Мэрилин заключалась в том, чтобы взять здоровых сильных ужасных мужиков, которых отвергло общество, и сделать так, чтобы общество приняло их снова и чтобы они преуспели после того, как будут приняты.

Мэрилин ознакомила меня с концепцией под названием «нормальный исходный уровень» образа жизни и психики. У здорового человека в качестве нормального состояния может быть высокий исходный уровень, но у меня это была безнадежная нищета. Моим нормальным состоянием исходного уровня был секс, алкоголь, наркотики, насилие, и еще больше секса, алкоголя и насилия, и полный хаос. Я сказал Мэрилин, что самым ужасным днем в моей жизни был тот, когда я выиграл чемпионский пояс, а Каса уже не было рядом. У меня была эта куча денег, а я понятия не имел, что же мне делать. И вот тогда-то и появились стервятники и пиявки.

Я был чмошником без чувства собственного достоинства, но все вокруг твердили, что я велик, и я стал самовлюбленным эгоистичным чмошником без чувства собственного достоинства. Мэрилин считала, что я так и не избавился от ощущения неустроенности и хаоса, которое я вынес из своего детства, поэтому каждый раз, когда со мной случалось что-то хорошее, я поступал так, чтобы непременно испортить его. Так, я женился на враче, и у меня было двое прекрасных детей, а я имел беспорядочные связи со стриптизершами-вымогательницами, употреблял наркотики и надирался до бесчувствия. Мэрилин хотела преодолеть мое пристрастие к хаосу и поднять мое общепринятое состояние исходного уровня до нормального, здорового.

Все, что она говорила мне, было верным на сто процентов. Я знал, что, куда бы я ни пошел, меня везде и всегда преследовали демоны-искусители из моего детства. Мэрилин хотела разобраться с тем маленьким мальчиком, который жил во мне в течение всей моей боксерской карьеры, с тем мальчиком, над которым издевались, которого подвергали жестокому обращению и насилию. Когда я был чемпионом мира, я не знал, как позаботиться о нем, и теперь мне предстояло понять, как взрастить его, как дать ему любовь, которой он никогда не видел.

Мэрилин стала для меня чем-то бóльшим, чем психотерапевт, она стала моим наставником. Она приглашала меня на ужин, водила меня в кино. Мы осматривали достопримечательности, она рассказывала мне все о Финиксе. Мы очень сблизились. Ее сердце было переполнено любовью, заботой, душевным волнением. Она не стремилась хоть как-то заработать на мне, она просто хотела добиться улучшения моего состояния. Даже не знаю, что она увидела в таком неисправимом типе, как я.

Сразу после террористических актов 11 сентября 2001 года Мэрилин пригласили в Россию для какого-то проекта, и с 2002 года она каждый год проводила в Москве четыре месяца. Мэрилин была просто ниспослана свыше для работы в России, столько там можно было встретить психологических травм и наркомании. Поэтому в 2002 году она сказала мне, что больше уже не может быть моим психотерапевтом и что мне нужен кто-то другой, кто может уделять мне достаточно времени. Я любил Мэрилин и не хотел, чтобы она уходила.

– Почему ты должна уходить? Останься, будь моей матерью! – умолял я ее. – Останься присматривать за мной! Как бы там ни было, ты должна работать только со мной, ни с кем другим!

Она действительно стала матерью для меня. Она изо всех сил боролась за меня, использовала для этого все свое политическое влияние. Она выступила в крестовый поход, чтобы спасти мою задницу. Самое смешное заключалось в том, что в то время мне это было совершенно не нужно. Я просто не осознавал, насколько я был болен. Мэрилин была вынуждена показать мне, как я все просрал в своей жизни.

Поэтому я и сказал Джеффу Грину, что собираюсь поехать в Россию. Он ответил, что мы могли бы на яхте добраться до Балкан, а затем сделать остановку на Украине. Я каждые несколько дней звонил Мэрилин и сообщал ей, что я уже на пути к ней: «Мэрилин, я сейчас в Сен-Тропе!.. Мэрилин, я уже в Сардинии!.. Я в Стамбуле, скоро увидимся!»

Когда мы добрались до балканских стран, мы столкнулись там с полным беззаконием. Гангстеры там действовали

совершенно безнаказанно. То, чем занимаются парни, которых мы у себя называем «гангстерами», ничто по сравнению с тем, что вытворяют эти ребята. Они спокойно ходят по улице, и никто не знает, кто они на самом деле, и закон полностью на их стороне. Эти ребята с удовольствием тусовались со мной. Они довольно часто похищали меня, угощали вином, кормили и давали мне все, чего бы я ни пожелал.

В какой-то момент я оказался в Румынии, гулял со всеми этими наркодельцами и бандитами, и они решили осчастливить меня.

– Какую дурь ты пользуешь? – спросили они меня.

– У вас есть кокаин? – уточнил я.

Эти ребята не употребляли кокаина. Но они позвонили, пришел какой-то парень с большим пакетом наркотиков и положил его на стол.

– Это то, что вам нужно? – спросили они.

Я покопался в нем и сказал им, что мы все должны это попробовать. Двое из них присоединились ко мне, а затем они столько всего наговорили, что сами не могли этому поверить. Я был настоящим чудовищем. Я подсадил на «кокс» румынскую мафию.

Мы добрались на яхте до самой Украины. Мы с Джеффом и нашим приятелем Мохаммедом сидели в ресторане и ели, и вдруг откуда ни возьмись тысячи людей сбежались, чтобы увидеть меня. Было крайне неприятно, полиция была вынуждена сопровождать нас в гостиницу. Позже в тот же вечер мы с Мохаммедом пошли на встречу с некоторыми местными «бизнесменами». Они обсуждали со мной возможность участия в рекламе их водки. У парня, затеявшего это шоу, был просто громадный особняк из мрамора в стиле баронов-разбойников[305], который производил поистине царское впечатление. Мы должны были провести деловой ужин с некоторыми парнями. Перед обедом ко мне подошел хозяин:

– Идемте со мной. Я хочу вам кое-что показать.

Мы направились к южной части дома, миновали большой балкон и по коридору подошли к одной из комнат. Хозяин распахнул дверь – там на кровати лежали две красивые женщины.

– Это вам на десерт после ужина, – сказал он.

Я направился за Мохаммедом, чтобы показать это ему.

– Мы намерены пропустить ужин и перейти сразу к десерту, – сказал я.

И мы остались в этой комнате. Вряд ли украинские парни считали, что это так круто. Кто бы пропустил важный ужин ради каких-то бабенок? Они полагали, что это весьма странное

решение.

Во всех этих странах: на Украине, в России, Болгарии, – все крутилось вокруг секса и власти. Как только мы вышли из самолета, прилетев из Украины в Москву, ко мне сразу же стали подходить с предложениями: «У вас все в порядке? Вам нужна женщина? Вы устали, вы, очевидно, хотите женщину».

Можете представить себе, как чувствует себя в России бабник вроде меня? Вы общаетесь с нужными людьми, и они в буквальном смысле этого слова хватают девушку с улицы, сажают ее в машину рядом с вами и говорят ей: «Пойдешь с ним!» Именно так все и происходило, блин.

Ребята, заинтересованные в рекламе своей водки, разместили меня в отеле «Хаятт» в «люксе» за 5000 долларов за ночь площадью, по крайней мере, десять тысяч квадратных футов. Когда мне звонили в дверь, пока я добирался до двери, было слишком поздно: звонивший уже уходил.

Парни, имевшие там большие деньги, были из первого, может быть, из второго поколения обеспеченных людей. Их родители, дедушки и бабушки были в основном крестьянами, поэтому эти парни тратили свои деньги, как сумасшедшие. Они истратили 300 000 долларов, просто чтобы развлечь меня на один вечер. В эту сумму даже не входил выход в свет и танцульки, столько стоили одни лишь напитки с легкой закуской. Они заказали огромную банку икры за шестьдесят кусков и большие бутылки коньяка «Реми Мартин Луи XIII» за несколько тысяч долларов. Я имел все, что мне стоило только захотеть. Деньги для них не имели значения.

Заселившись поздно вечером, я позвонил Мэрилин и сказал ей, что прежде, чем вся страна узнает, что я в Москве, я хотел бы посмотреть некоторые достопримечательности. Когда я приехал, в аэропорту ошивалось не более трех папарацци. Мой отель находился всего в нескольких кварталах от Красной площади. В 2005 году Россия была очень похожа на старый Дикий Запад с похищениями и взрывами террористов через день. Когда мы с Мэрилин были на пути к Красной площади и только что прошли большой памятник Карлу Марксу возле площади Революции, рядом с нами вдруг затормозили два больших черных джипа и два длинных седана «Мерседес». Из них выскочили четверо парней с автоматами «узи», а в «Мерседесах» сидели амбалы в кожаных куртках с пистолетами. Мэрилин, увидев это, запаниковала, но парни сказали, что они телохранители и их послали украинские бизнесмены.

– Не думаю, что мне когда-либо так вот, с «узи», обеспечивали безопасность, – сказал я Мэрилин.

Теперь мы дефилировали все вместе: я с Мэрилин, телохранители в камуфляже и трое папарацци, которые следили за мной от отеля. Все, кто видел такую свиту, высыпали из магазинов или выходили из своих машин. К моменту, когда мы добрались до Красной площади, за нами уже следовала целая толпа.

Несмотря на такое столпотворение, нам удалось устроить себе небольшую экскурсию. Я очень хотел посетить дом Толстого, и переводчик, который сопровождал нас, был поражен тем, что я знал имена всех детей Толстого и историю развития его отношений с женой. Мы побывали также в Пушкинском музее. Было крайне сложно долго находиться рядом с Кремлем, когда за нами следовали все эти люди.

Мы с Мэрилин весело провели время в этот день. Затем она пошла домой, и началось настоящее веселье. В Москве можно было получить все, что пожелаешь. Москва – это Нью-Йорк на стероидах. Однажды вечером я побывал в гостях у одной «большой шишки». У него был огромный особняк, часть которого занимала здоровенная парилка с деревянными лавками и простынями. Рядом с парилкой располагалась комната, в которой были одни только девушки, по крайней мере, человек четырнадцать. Вы выбирали девушку и брали ее в парилку. В комнате был телефон, и если вы хотели другую девушку, вы просто звонили, и вам присылали другую.

Благодаря своему интересу к голубям я познакомился с настоящим русским гангстером. Через несколько дней после своего приезда мне захотелось увидеть русских голубей, и я поинтересовался у своего гида, кто в Москве самый большой любитель птиц. Она отвела меня к парню из русских мафиози. Он жил на окраине Москвы в самом шикарном доме, который я когда-либо видел. Одна только его голубятня была размером с мой дом в Лас-Вегасе. Его земли простирались, насколько хватало глаз.

Тем не менее, лучшее время я все же провел с одним казахстанским предпринимателем-мусульманином, с которым я встретился тем вечером, когда гулял вместе со своим сербским приятелем. Я решил, что он приехал в Москву из Казахстана по делам. Он вел себя как нормальный парень с деньгами, проявляя щедрость и оплачивая все наши счета. Мы зашли в мечеть и вместе помолились, затем выкурили травку, и он сказал: «У меня в городе есть танцевальный клуб для девушек. Не хотите сходить туда?»

Он привел нас в клуб, мы прошли в частную секцию, где он опустил ширму – и за ней оказалось двадцать красивых русских

девушек. Самой старшей было, наверное, двадцать. Они начали танцевать для нас, и он спросил: «Какую из них вам хочется?»

Я не хотел никого выбирать, потому что мог выбрать ту, которой я не нравился, и ей пришлось бы идти со мной. Я был по-прежнему закомплексован в связи с участием женщин в тех странах, куда я приезжал драться, в акциях протеста против меня.

– Послушай, брат, просто спроси, кто хотел бы пойти со мной, и этого будет достаточно. Какая-нибудь из них согласится, – в тот момент для меня было главным, чтобы они только существовали на свете.

Он засмеялся:

– Хорошо, кто хотел бы пойти с Майком?

И я услышал в ответ крики, повторившиеся повсюду эхом:

– Я! И я! Возьми меня! И меня!

Они все хотели пойти со мной в отель.

– Теперь вам придется выбирать, потому что иначе они все пойдут с вами, – сказал он.

– Ну, хорошо. Как насчет вот этой? Она такая заводная! И вон та брюнетка с короткими волосами тоже хороша. И вон та блондинка – тоже! Я как только пришел, она мне сразу понравилась. А как насчет той девушки в конце второго ряда?

– Майк, вы не можете взять всех четырех девушек! Что вы будете делать сразу с четырьмя? – спросил он.

– Я должен познать их всех, брат, иначе я буду думать о тех, которых я не познал.

Итак, я вернулся в отель с четырьмя девушками. Мы славно покайфовали с «коксом» и спиртным. В разгар веселья одна из девушек позвонила своей матери:

– Ма, я тут с Майком Тайсоном!

Она была очень возбуждена. Она уверяла меня, что ее мать тоже весьма заводная, но четырех девушек было вполне достаточно.

Девочки по вызову в Штатах совершенно иной породы, чем русские девушки. Девушкам в Штатах все равно, что делать, они готовы на что угодно, лишь бы удовлетворить вас в сексуальном плане. Это их единственная цель. Что же касается этих русских девушек – они говорили на четырех разных языках. Я позвонил своему приятелю в Бельгию, и одна из них, взяв телефон, помогла мне объясниться с оператором. Затем я позвонил в Португалию – и она бегло поговорила с португальцами. Мы сделали звонок в Словакию – у нее и здесь не было с языком никаких проблем.

Я подумал: *«Как бы мне заполучить этих девушек в Штаты?»* Они могли бы запросто возглавить компанию из списка «Форчун 500»[306]. Все они с высшим образованием. Рядом с этими

девушками по вызову я, ловкий парень, знающий несколько умных слов из словаря, чувствовал себя полным интеллектуальным пигмеем. Эх, как мне хотелось взять их с собой домой! Черт бы побрал это банкротство! Если бы не «Глава 11 Кодекса законов США о банкротстве», я бы за минуту решил вопрос с этими девушками.

Они были у меня только один этот вечер. Поскольку в этот раз я проявил себя большой свиньей, следующий вечер надо было уделить другим завоеваниям. Это были классные девушки, но настало время перейти к следующей главе истории моего пребывания в Москве.

Мы кутили весь вечер, а рано утром я бодро поднялся, чтобы вместе с Мэрилин пойти в музей. Она сразу же все поняла. Мне не потребовалось ничего ей говорить – Мэрилин было достаточно лишь взглянуть на меня. Затем она спросила: «И когда же мы начнем трудиться над выздоровлением?»

Однажды у нас был поздний завтрак на Красной площади, и к нам подошел парень, еврей, владелец торгового центра. Он сказал мне, что он поставлял форму олимпийским командам России.

– Сегодня вечером у нас специальная акция: мы представляем новую форму российской сборной на зимних Олимпийских играх 2006 года. Вход – только по приглашениям. Там будут все чиновники от спорта России. Не хотели бы вы быть нашим уважаемым гостем?

Обычно мне платили немалые деньги за появление на мероприятиях, но меня заинтересовала возможность встретиться со всеми этими замечательными спортсменами. Я сказал ему, что буду рад присутствовать на этой акции, и в знак благодарности он провел меня через весь торговый центр к лучшему итальянскому магазину одежды и подарил мне отличную одежду.

В тот вечер мы с ним вместе поужинали. Он пригласил Вячеслава «Славу» Фетисова, бывшего хоккеиста, который тогда возглавлял весь спорт в России[307].

О моем участии заранее не объявляли, поэтому, когда после начала мероприятия меня представили и я появился, спортсмены чуть не разнесли все здание. Меня с Мэрилин посадили на большом подиуме, который был похож на олимпийский факел, и Мэрилин ослепили фотовспышки журналистов. Когда мероприятие завершилось, все спортсмены бросились к нам, чтобы получить мой автограф, и я попросил здоровенных охранников присмотреть за Мэрилин. Она могла пострадать в этой давке.

Как-то мы с Джеффом и Мэрилин обедали в ресторане «Нью-

Йорк» в центре Москвы, где тусовались все спортсмены, и увидели там одного чеченского политика, который гулял вместе с нами в Сен-Тропе. Он был одним из сенаторов от Чечни в российском парламенте. В Сен-Тропе и на Сардинии он был весьма скромным, приятным, вежливым. Он выглядел и вел себя как настоящий дипломат. Я обратился было к нему: «Эй, брат», но здесь, в Москве, он уже не был таким же приятным парнем, каким казался в Сен-Тропе.

– Майк, он совершенно не такой дружелюбный, каким он был на яхте. Что за черт? – воскликнул Джефф.

Это не сулило мне ничего хорошего. Когда мы тусовались на яхте, эти чеченские ребята достаточно часто поддерживали меня на плаву. Я говорил им: «Я – ваш брат мусульманин. Пожалуйста, дайте мне немного денег, мне здесь плохо». Денег было у них немерено, чаевые они раздавали просто огромные. Ну, а мне сейчас деньги были нужны. Сделка с представителями украинской водки исчерпала себя, и они были намерены прекратить оплату моего номера люкс в отеле.

Но дела, похоже, пошли гораздо лучше, когда сенатор подошел к нашему столу и сел.

– Со мной один человек, который очень, очень хочет встретиться с Майком, – сказал он нам. – Это исключительный человек.

Я сказал: «Конечно!», мы встали, оставили на столе наш обед и пошли за сенатором в банкетный зал на другой стороне ресторана. Там был стол, за который мы все сели. Спустя несколько секунд открылась дверь, и вошел Рамзан Кадыров, чеченский лидер. Я знал все о чеченских войнах, которые были несколько лет назад. Отец Рамзана, Ахмат, был одним из наиболее влиятельных полевых командиров в Чечне и одним из лидеров движения за отделение от России. Это была кровавая, очень кровавая борьба, и русские сделали Ахмата президентом Чечни, рассчитывая на то, что этот шаг поможет подавить сопротивление. Спустя год его убили, и тогда новым лидером сделали его сына Рамзана. Рамзан был большим фанатом бокса и очень хотел встретиться со мной.

Рамзан сел за стол прямо напротив меня. Ему было около двадцати восьми лет, но выглядел он гораздо моложе. Поговорив немного, он обратился ко мне с просьбой посетить Чечню. Следует отметить, что когда американцы попадали в Россию, первое, что им говорили, было: «НЕ ЕЗДИТЕ В ЧЕЧНЮ». В 2005 году там было еще весьма опасно.

Пока я размышлял об этом, в зал вошел молодой, высокий, дюжий парень. Было похоже, что он серьезно качался. На нем

была черная кожаная куртка, и когда он расстегнул ее, стали видны два больших автоматических пистолета, на портупее, пересекавшей его грудь. Это был один из телохранителей Рамзана.

– Думаете, если об этом рассказать в Аризоне, кто-нибудь поверит? – прошептал я Мэрилин.

Рамзан продолжал уговаривать меня приехать в его республику, и на следующий день мы устроили обед в отеле «Хаятт». Это был мой последний день в отеле. Когда я рассказал им о своей гостиничной ситуации, мне предложили переехать в огромный отель «Россия», свободный от туристов, который находился прямо возле Красной площади. Его владельцем был приятель Рамзана. В этом отеле было, должно быть, десять тысяч номеров. Когда Мэрилин приехала утром забрать меня, ей понадобилось полчаса, чтобы добраться от фойе до моего номера.

На третье утро моего пребывания в отеле Мэрилин, придя за мной, не застала меня там. Она прождала в холле целый час, потом пошла домой и принялась лихорадочно звонить Дэррилу, моему помощнику, в Лас-Вегас, чтобы сказать ему, что она потеряла меня. Он также не имел понятия, где я мог быть. Позже этим вечером ей позвонил один из ее друзей:

– Я только что видел Майка по телевизору. Он в Чечне.

Тем утром я уехал с Рамзаном и его эскортом. Я не мог отказаться от тех денег, что они предлагали. Чечня оказалась удивительным местом. Как только я оказался там, мне вручили автомат. Я чертовски нервничал. Вообще-то я не любитель пострелять, но, черт возьми, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Подавляющее большинство населения Чечни – мусульмане, поэтому мне дали куфию[308] и называли меня моим исламским именем – Малик Абдул Азиз, что на арабском означает «Король и Слуга Всемогущего».

Мне-то больше нравится, когда меня называют просто Абдул. А если не Абдул, то Майк. Меня чествовали по всей Чечне как исламского героя. Какой там, в задницу, герой – я был просто обдолбанным кокаинистом!

В Чечне была, по существу, первобытная культура. В результате войн с Россией половина страны была сожжена. Там, где я побывал, никаких магазинов практически не было. Была только земля – и ничего, кроме земли, никаких строений. Мэрилин потом сказала мне, что она очень беспокоилась за меня, потому что некоторые повстанцы были против режима Рамзана. Однако, если бы кто-нибудь осмелился посмотреть на меня искоса, телохранители заставили бы его отвести свой взгляд.

Я показался перед всеми на большом футбольном стадионе.

Суть организованного ими развлечения заключалась в том, чтобы понаблюдать, как кто-то едет на заднем колесе мотоцикла в стиле Ивела Книвела[309]. Таков был уровень их культуры! Однако когда они мне что-то показывали, я всегда говорил: «Это здорово!» Из этой поездки я вынес следующий урок: надо позволять людям чувствовать себя главными. У меня не было желания вступать в какие-либо конфликты.

Моя основная задача заключалась в том, чтобы принять участие в открытии четырехдневного национального турнира по боксу, который был организован в память отца Рамзана.

– Я рад, что нахожусь в Чеченской Республике, о которой я столько читал и слышал, – сказал я собравшимся. – И я рад, что нахожусь среди мусульман. Мы смотрели по телевидению передачи о несправедливой войне, которая велась в Чеченской Республике в течение длительного времени. Мы в Америке молились за то, чтобы она окончилась.

Я вернулся в Москву в тот же день поздно вечером. У меня не было возможности познакомиться с какой-нибудь чеченкой. Эта поездка была всецело посвящена духовному началу, Аллаху и исламу.

Вернувшись в Москву, я провел некоторое время с Мэрилин. Встреча с ней и курс лечения у нее являлись целью моей поездки в Россию. И если бы я когда-нибудь вновь имел дело с судом, я мог бы сказать, что в России я проводил время с Мэрилин, так что и с этой точки зрения данный шаг был для меня хорошо продуманным ходом.

Однажды вечером Мэрилин устроила ужин в грузинском ресторане, где я встретил некоторых очень известных крупных предпринимателей. На следующий день я сказал Мэрилин, что больше не хочу встречаться с известными людьми. Я хотел пообщаться с ее личными друзьями. Поэтому Мэрилин пригласила меня на обед к себе домой. Я был шокирован, когда увидел, в каком доме она жила. Он напомнил мне сдаваемые в аренду многоквартирные дома, в которых мне пришлось жить еще ребенком. Даже вонь мочи в коридорах была такой же. «Мэрилин, что вы здесь делаете?» – спросил я ее. Но она хотела быть именно здесь – с людьми. После обеда Мэрилин пригласила где-то около семи своих близких русских друзей. Это были психологи, священники, все – люди интеллектуального труда.

Мы сели кружком в гостиной у Мэрилин, и ее гости начали делиться со мной своими историями. Большинство из них было из семей, где страдали алкоголизмом. Когда я жил вместе с Касом и Камиллой, я уже уяснил из их рассказов, что при коммунистическом режиме у людей была на него болезненная

ответная реакция такого рода. Когда гости начали делиться своими историями, я не хотел, чтобы они чувствовали себя неуютно при мне. Они могли подумать, что это все устроили только ради меня потому, что я знаменит и всемирно известен. Возможно, они также думали, что у меня нет с ними ничего общего – пока я не начал рассказывать свою историю. У нас было нечто общее – это истории нашей жизни. Пройдя в течение многих лет через разные исправительные учреждения и психотерапевтические группы, я уже привык делиться своей историей, поэтому выложить ее для них мне не составило труда. Я рассказал им о насилии, с которым мне пришлось столкнуться в детстве, и о проблемах с моей матерью, и о том, как меня все время запугивали и издевались надо мной. После этого все они почувствовали себя более непринужденно.

Рядом со мной сидела женщина, чей отец был офицером российской армии. Их дом взорвали террористы, когда она была еще ребенком, и ее отец погиб, пытаясь спасти ее. В результате взрыва она получила тяжелые ожоги, ее руки теперь просто обрубки, а все тело в шрамах. Она стала деканом кафедры консультативной психологии Московского городского психолого-педагогического университета.

– Вот я – сама психолог, но никто никогда не помог мне разобраться с моей собственной болью, со всей моей душевной болью, с потерей моего отца. У меня такое чувство, словно я всю жизнь ждала Мэрилин, чтобы она пришла и помогла мне, научила меня, как справиться с этой болью, – сказала она.

Рассказывая о себе, она начала плакать, и, пока она говорила, я соскользнул со своего места, сел на пол у ее ног и взял в свои руки то, что осталось от ее рук. Когда она закончила, я остался сидеть на полу.

Все мы, находившиеся в этой комнате, очень сблизились друг с другом. Предполагалось, что наша встреча продлится два часа, на самом деле она растянулась на шесть часов. Когда мы уходили, ко мне подошла одна из гостей.

– Мы думаем, что вам следовало бы быть либо политиком, либо священником, – сказала она. – Вы могли бы баллотироваться на пост президента России и победить.

Но я знал, что в России для меня нет места. В России даже нет такого слова, как «гармоническое сочетание». В России нет равновесия, пропорциональности, баланса. В России есть только крайности. Вот почему я там так хорошо вписываюсь. Это место просто идеально подходит для меня и моих духов-искусителей. Мне нравилось бывать в России. Я мог совершенно безнаказанно делать все, что хотел.

Джефф вернулся в Штаты, а я отправился в Португалию. На следующий день я позвонил своему португальскому приятелю Марио, чтобы встретиться с ним, но он не мог все бросить и приехать. Я зарегистрировался в курортном отеле, достал немного «кокса» и начал наслаждаться им. До этого я провел несколько бессонных дней, и в сочетании с тем количеством «кокса», которое я принял, этого оказалось достаточным, чтобы я вырубился. Леди, с которой я был, решила, что я уже перестал дышать, и вызвала гостиничного врача. Однако к моменту, когда он появился, со мной уже было все в порядке. Он предложил мне поехать в больницу для обследования, но я отказался.

Мне совершенно не нравилось то место, где я остановился в Португалии. Для меня там была удушающая атмосфера. Все были слишком серьезными и важными. Мужчины – все в костюмах. Целая страна одних трудоголиков. Там не с кем было перекинуться в картишки. Я заскучал и на второй день направился в Амстердам. Голландцы-то уж знали, как погулять. Я прилетел вместе с девушкой, с которой познакомился в Румынии. Это была чудесная девчушка, но она разнервничалась, когда я употребил тонну кокаина и пригласил в наш номер проституток. Она сказала мне, что не употребляет наркотиков, и пошла домой. А я продолжил свои оргии и гулянки. Спустя две недели я дошел до ручки, и мне пришлось просить Дэррила приехать и забрать меня. Но даже после того его приезда я кутил еще две недели, прежде чем он смог убедить меня вернуться домой.

Я прилетел обратно в Лас-Вегас, а затем сразу же отправился в Лос-Анджелес. Я пробыл там целый день, после чего один полетел в Нью-Йорк. Я зарегистрировался в отеле «Сейнт-Реджис». Это был мой любимый отель, поскольку там у дверей вашего номера дежурит слуга по вызову. Я пристроил свои чемоданы и сразу же ударил по «коксу». После этого мне захотелось выйти и погулять, поэтому я открыл один из своих чемоданов и обнаружил, что моя одежда измята. Я был в панике. У меня заболела голова, сердце застучало, я был на грани нервного срыва. Когда я вызывал слугу, я был под сильной дозой:

– МНЕ НУЖНО ЧТОБЫ ПОГЛАДИЛИ МОИ БРЮКИ! СЕЙЧАС ЖЕ! НЕМЕДЛЕННО!

На том конце телефона посмеялись над тем, в какой я был панике по поводу своих брюк. Я вышел из отеля и решил немного пройтись, пока гладили мои брюки. Я хотел было перекусить, но после «кокса» у меня пропал аппетит, и я понял, что прогулка поможет мне слегка сбить уровень моего балдежа. Я прошелся по Пятой авеню, прогулялся по Таймс-сквер и затем вернулся в отель.

На следующий день я полетел во Флориду, чтобы посмотреть поединок между Роем Джонсом-младшим[310] и Антонио Тарвером[311]. Я был под кайфом и очень устал, но все то время, пока я там был, Тарвер крутился вокруг меня и повторял: «Мы с тобой должны сразиться, приятель!» Он постоянно бубнил мне это в ухо.

– Нет, дружище, – сказал я, наконец, ему. – У меня сейчас тяжелые времена. Я даже не знаю, хочу ли я остаться в Америке. Я сейчас в депрессии и не собираюсь драться с кем-либо.

Я по-прежнему принимал «кокс». Я делал это постоянно, начиная с того времени, как поехал в Европу. И у меня было только одно желание – принять это дерьмо. Когда твой организм получает кокаин, у тебя случается послекокаиновая депрессия, потому что все твое нутро уже отравлено этим. Но это не остановило меня от того, чтобы поехать в «Цветной город» и «Либерти-Сити» в пригороде Майами, чтобы добыть там «кокса» и кубинских шлюх. И конечно же, как и всегда, когда я появлялся в гетто, меня остановила полиция.

– Майк Тайсон? Что, черт возьми, вы здесь делаете, приятель? Майк, это опасное место, – просветил меня коп. – Садитесь в машину, мы отвезем вас в какое-нибудь безопасное место.

– Нет, офицер, со мной все в порядке. Вы можете уезжать. Пожалуйста, не создавайте мне проблем, сэр.

– Мистер Тайсон, я прошу вас. Им ведь наплевать, что вы – чемпион, так что это не то место, где следует находиться, – настаивал коп.

– Сэр, если вы будете здесь торчать, у меня может появиться масса проблем. Со мной все в полном порядке.

Я пытался добыть наркоты и кубинок, а эти ребята мешали мне. Когда я появлялся в этих пригородах, на меня всегда смотрели вопросительно: «Что случилось, чемпион? Что вам здесь надо?»

Все все прекрасно понимали. Все знали, что я хотел словить кайф.

Я непрерывно кутил, потребляя наркоту и спиртное, с того времени, как покинул ринг после поединка с МакБрайдом. После своих поездок по всему миру я вновь осел в Лас-Вегасе, и у меня сложился распорядок потребления наркотиков. Я старался проснуться к десяти вечера и к одиннадцати часам уже принять душ, привести себя в порядок и быть готовым к выходу. К этому времени кто-нибудь должен был подъехать за мной, и я до выхода принимал немного «кокса». Мы ехали в гетто в Норт-Лас-Вегасе и ошивались там по барам где-то до часа ночи, пока там можно было застать что-то интересное, к примеру, нового наркодилера,

приехавшего в город. Затем я заходил в некоторые клубы на бульваре. Там можно было узнать все о разных делишках, тусовках в номерах люкс и элитных проститутках. Я ошивался там до четырех или пяти утра, а затем мы направлялись в те места, которые работали позже всех, такие, как ночной клуб «Драй». Потусовавшись там около часа, мы шли в стриптиз-клубы типа «Симлесс», где всегда было полно народа. В этих местах, работавших в неурочное время, можно было увидеть всех: от знаменитостей и роскошных моделей до закоренелых жуликов и крутых сутенеров.

Все эти замечательные красавцы и красавицы были наркошами. Их нельзя было увидеть днем идущих к стоматологу или в торговом центре. Их жизнь была похожа на мою: весь день они спали, а затем всю ночь гуляли. Надо отметить, что у всех них прекрасные дома.

Как-то уже под утро мы тусовались вместе после посещения самого позднего ночного клуба. Это были либо торговцы наркотиками, либо богатенькие детки, дурное семя. С ними в клубах всегда тусовалась куча народа, и они всегда платили за всех по счетам.

Я уже побывал во всех клубах, и после этого обнаружил себя вместе со всеми этими людьми в комнате в большом особняке. Я даже не помню, как мы добрались до этого дома из клуба. К этому моменту я уже потерял свою даму и захотел стать устроителем этого сборища. Аниматором, так сказать. Те, кто находится под дурью, всегда по какой-то причине находят меня симпатичным. И вот дамы этих очень крутых парней решили, что им хочется полапать меня. Просто зашибись! Я и говорю: «Стойте! Стойте! На самом деле это не то, что сейчас здесь кажется. На самом деле это единство душ! Чувство локтя! Дух товарищества!»

Но я занервничал, поскольку крутой парень следил за тем, как его дама изготовилась лапать меня. Я совершенно протрезвел и пришел в себя, так как страх и кайф не сочетаются. И я почувствовал себя отвратительным жирным ублюдком. Могу сказать, что тот парень был дурным человеком. Видимо, он уже отмотал срок и не боялся кого-то убить. И у него была чокнутая дама, которая намеревалась полапать меня.

Я научился обращаться с женщинами в подобных ситуациях. Я всегда принижаю себя, не заношусь. У меня это хорошо получается.

– О детка, ведь я наркоман. Пожалуйста, дочка, не связывайся со мной. У меня целый букет разных болячек. Удивляюсь, как ты еще не подцепила ни одну из них только от одного моего присутствия.

Я знаю, как отбить у женщин охоту общаться со мной. И это идет только на пользу моему здоровью. Иногда женщина может поставить на кон всю жизнь мужчины. Женщина способна овладеть духом мужчины, его волей. Она может взять своего парня-подкаблучника и превратить его в настоящего психопата. Поэтому я никогда не недооценивал парней такого типа.

Одним из интересных людей, которых я встретил в то время, был сутенер, которого я звал «Шансом». Я был в одном из стриптиз-клубов, а может, в каком-то ночном клубе, и он подошел ко мне.

– Эй, мистер Тайсон! Я всегда хотел встретиться с вами. Ведь вы постоянно повторяете, что вы крутейший человек на планете, а я все время говорю себе, что я крутейший сутенер на планете. Как круто вы деретесь, так же круто и я делаю свое сутенерское дело.

– Это правда, ниггер? – спросил я.

– Да, приятель, я не собираюсь засирать тебе мозги. Я знаю о твоем банкротстве, я знаю о том, как тебя обворовали. Послушай, ниггер, ты сейчас со мной, а у меня ничего нет, кроме денег. Видишь всех этих людей? Все они были в завязке, пока не появился я. Я могу достать все.

Я начал тусоваться с Шансом. У него были прекрасные машины: «Порше», «Феррари», «Мазератти», «Ламборгини». Я думал, что ему, должно быть, нравится кокаин, но этот парень был таким типом провинциального сводника. Он навешивал лапшу на уши, чтобы казаться бывалым человеком, но на самом деле принимал лишь слабые наркотики, такие, как экстази.

Я был на мели, и однажды вечером я попросил:

– Достань мне кокаин, ниггер.

– Кокаин? – переспросил он. – Мне надо позвонить своему человеку.

Когда мы встретились в следующий раз, у него был «кокс». Он позвонил своему приятелю-наркодилеру, и у того оказалось немного «снега». Я втянул немного и передал ему:

– Давай, приятель, дерни! Это как экстази, ниггер, только накрошенное.

Он втянул пару дорожек, но, как выяснилось, на «кокс» он реагировал плохо. И сразу.

– О-о, моя голова! – закричал он и упал на пол. – О черт! Майк! Это свалило меня!

Я думал: *«Черт побери, этот парень сейчас загнется!»* Мы были с его племянником, поэтому я велел ему отвезти Шанса домой. Я сидел на переднем сиденье его четырехдверного «Мазератти», а Шанс лежал на заднем и стонал. Надо отметить, что я был таким заядлым наркоманом, что мог употребить и

плохой «кокс», не озаботившись тем, что он способен прикончить Шанса. Мы привезли его домой, и я забрал себе весь запас наркоты. Плохой «кокс» все же лучше, чем отсутствие «кокса». А Шанс пришел в себя через несколько дней.

Где-то в это же время я начал тусоваться с парнем, которого звали Майкл Полиц. Мы вместе сидели в тюрьме в штате Мэриленд. Он периодически попадал туда, поскольку, как он объяснил, его сумасшедшая подружка добилась судебного запрета на его встречи с ребенком, которые он систематически нарушал. Майкл использовал по полной все возможности ночной жизни Лас-Вегаса, но при этом вел правильный образ жизни, не пил, не употреблял наркотики, поэтому был для меня идеальным трезвым компаньоном. Я потреблял наркотики за нас обоих. Однажды вечером он узнал о вечеринке, которую устраивал стриптиз-клуб «Скорз» в зале для боулинга отеля «Палмз». В городе была конференция постановщиков и участников видеоклипов для взрослых, и на вечеринке было полно красивых порнозвезд. Я присмотрел парочку, но при них были их парни. Тем временем Майкл стал клеиться к миловидной официантке. Тогда я коротко переговорил с одной из девушек, улучив момент, пока нас не слышали эти парни, и вернулся к Майклу.

– Иди сюда! – сказал я ему и потащил его прочь от официантки. Мы перешептывались, как маленькие девочки.

– Слушай меня! – велел я. – Вон там туалетная комната. Я хочу взять этих двух девушек туда и там их трахнуть. Теперь слушай, что я хочу от тебя здесь. Видишь тех двух парней? Это парни этих девочек. Тебе надо будет их отвлечь.

– Что?! – воскликнул Майкл.

– Все будет хорошо, брат, не волнуйся, – сказал я.

– А если эти парни трахнут меня?

– Не беспокойтесь, у меня будет возможность все слышать. Если я услышу шум и пойму, что тебе надирают задницу, я тут же выйду из туалета помочь тебе. Все будет хорошо, – заверил его я.

Нашептывая всю эту хрень, я прижимал свое лицо к его уху. И вдруг Майкл, продавая меня с потрохами, выпалил во всеуслышание: «Майк, мне неудобно сейчас, когда твой рот так близко к моему уху».

Его услышал весь зал. Я стал истерически смеяться. Это был сумасбродный белый парень.

– Теперь ты, действительно, будешь мне должен, ублюдок, – сказал я.

– Хорошо, ступай, – ответил он мне.

Я пошел в туалетную комнату с одной из девушек, в то время как Майкл отвлекал внимание парней. Затем, пока он

рассказывал им разные истории про Майка Тайсона, в туалет проскользнула другая девушка. Когда парни поняли, что девушек с ними нет, и поинтересовались, куда они ушли, Майкл ответил, что все мы, очевидно, вышли на минутку выкурить косячок.

Вот так я в то время поступал. Я болтался без дела и притягивал к себе такого рода энергетику. Я набрал вес и стал похож на жирную рок-звезду. Однако благодаря «коксу» моя уверенность в себе была заоблачной.

Тусуясь по клубам, я употреблял «кокс» все более и более открыто. Как-то вечером я был со своим приятелем Маком-парикмахером, мы ошивались в баре отеля-казино «Винн». В перерывах между раздачей автографов и фотографированием я наведывался в туалетную комнату. В конце концов, к Маку подошли охранники.

– Вам следует пойти забрать своего друга, – сообщили они ему. Меня застали за тем, что я в туалете принимал наркотик, и выгнали меня из отеля.

Вот как все тогда происходило. В ночных клубах либо со мной обращались по-королевски, либо выкидывали меня на улицу, потому что охране сообщали, что я нюхаю «кокс» в туалете, либо я драл там какую-нибудь бабенку. Я был дружен со многими швейцарами, поэтому мне разрешали вернуться, но в некоторых клубах ввели полный запрет на мое появление.

Вот почему мне всегда больше нравилось ходить в стриптиз-клубы.

– Почему мы гуляем в танц-клубах, когда можем пойти в стриптиз-клубы? – сказал я своим приятелям. – В танц-клубах у девушек одежда и гонор. В стриптиз-клубах у девушек нет ни одежды, ни гонора. Почему бы не перейти сразу же к сути дела!

Все хозяева стриптиз-клубов сотрудничали со мной. В некоторых клубах у меня была собственная туалетная комната. Я мог находиться там часами, а затем выходил оттуда и беседовал с хозяином. Я был такой примадонной, что, если ко мне подходил парень из охраны, я мог накричать на него:

– Убирайся прочь! Убирайся от меня, я никому не мешаю!

Я уже совершенно открыто, не таясь, носил свой пакет с «коксом» и соломинкой, торчавшей из него, как молочный коктейль. Я передавал приятелю порцию наркотика, он полагал, что это небольшая доза, а затем взвизгивал, обнаружив, сколько «кокса» на самом деле в этом пакете. Все после это начинали кашлять и плеваться.

Я стал встречаться с некоторыми стриптизершами, и порой возникали весьма щекотливые ситуации. Находясь под кайфом, я замечал одну из своих девушек с клиентом и пер прямиком к ней.

– Почему ты не отвечала на мои звонки? – кричал я на нее. Она исполняла приватный стрип-танец для какого-нибудь парня, а я начинал приставать к ней.

– Эй, если есть какая-то проблема…, – испуганно говорил мне клиент.

– Занимайся своими делами, а я разговариваю с ней, – рычал я на него.

Затем девушки, с которыми я встречался, стали ревновать меня и устраивать потасовки друг с другом прямо в клубе. Поэтому мне стали запрещать появляться в некоторые смены девушек.

Как-то я заснул в стриптиз-клубе. Я взял жареную курицу и ел ее, а затем просто отрубился, потому что целыми днями бодрствовал. Пока я спал, стриптизерши съели мою курицу, а заодно обшарили мои карманы. Проснувшись, я устроил драку с дивами в набедренных повязках, и не потому, что они обшарили мои карманы, а из-за курицы, поскольку я был жутко голоден. Когда приходишь в себя после «кокса», ты просто умираешь с голода.

К ноябрю 2005 года я дошел уже до ручки. Я отправился в Лос-Анджелес на премьеру альбома Фифти Сент[312] *«Стань богатым или умри, пытаясь»*. Я был под сильным кайфом от кокаина, там была Робин. Она, должно быть, видела, как я там бегал до начала показа, приставая к девушкам и просто дурачась.

Когда показ закончился, я встал со своего места и обнаружил, что она была рядом. Она обняла меня, и я ее поцеловал. Я надеялся, что мне удастся снова трахнуть ее. Но она просто сказала: «Тпру!» – и ушла. Как только она удалилась, я повернулся, и тут Наоми Кэмпбелл взяла и обняла меня. Она, очевидно, видела, как я обнимал Робин, и, наверное, подумала: *«Он не должен был обнимать эту сучку. Как он мог обнимать ее после того, как прошел из-за нее через все это дерьмо?»*

Наоми освободилась от объятий и посмотрела мне в глаза:

– Майк, говорят, ты употребляешь много наркотиков. Тебе нужно остановиться, иначе ты прое… шь свою жизнь.

Она была вне себя и серьезно отчитала меня, прочитав мне пару абзацев из «Закона о нарушении общественного порядка». Най-Най[313] всегда искренне переживала за меня и наоборот. Она была верным товарищем.

Но я не прислушался к ее совету. Я продолжал употреблять наркоту. Теперь мне бы хотелось уточнить следующий момент: если ты под кайфом от «кокса» и рядом с тобой нет девушек, то это не полный кайф. И если рядом с тобой девушки, но нет «кокса», то это тоже не совсем здорово. Наилучшим вариантом

является тот, когда у тебя есть и то, и другое. Я любил говорить, что мне нужно «погоняло и раздувало», имея в виду шлюшек и дурь. Может возникнуть вопрос о том, способствует ли употребление кокаина занятию сексом, но ведь для этого и существуют «Сиалис» и «Виагра».

Где-то в это же время я вновь начал общаться с Крокодилом. Он завершил тренировать кого-то к поединку и был в полной готовности к участию в вечеринках. Один раз мы были в моем гостиничном номере в Лас-Вегасе вместе со знаменитой порнозвездой и ее бойфрендом. Мы устроили все так, чтобы она пришла в номер заняться с нами сексом. Как только они вошли, мы с Крокодилом начали раздевать ее. Ее бойфренд был согласен, чтобы мы оба занимались сексом с порнозвездой, пока он не увидел нас голыми.

– Нет, пожалуйста, не делай этого! – закричал он своей подруге.

– В чем дело, что это с братаном? – спросил я у нее. – Я думал, он к этому относится спокойно.

– Нет, нет! Достаточно просто орального секса с ними! – взмолился он.

– Нет, дружище, мы хотим попользоваться этой киской, – сказал я ему.

Он отчаянно зарыдал, и порнозвезда поднялась.

– Я не могу так. Мы уходим, – сказала она, и они оба ушли.

Крокодил был ненасытен. Каждый раз, когда он видел меня с девушкой, он непроизвольно начинал раздеваться.

– Крокодил, но это моя женщина! – говорил я ему. – Так что, не в этот раз.

– Ах, виноват, виноват! – извинялся он.

На вечеринке по случаю встречи Нового 2006 года мы с Кроком были в Финиксе. Там были также Дэннис Родман и Чарльз Баркли[314]. В конце вечеринки я заметил очень красивую девушку, одну из самых изысканных девушек, которых я когда-либо встречал. Она была актрисой и «козыряла» такими известными именами, как Чарли Шин. Она держалась вблизи Крокодила, но я не мог понять, на самом ли деле она была с ним. Я поймал ее взгляд и спросил ее: «С кем вы?» И она ответила, что она с Крокодилом. *«Это становится интересным»*, – подумал я.

Мы привезли ее в тот дом, который я приобрел в Финиксе, и начали заниматься с ней сексом. Однако мы оба были под таким сильным балдежом, что у нас ничего не получалось с эрекцией, хотя мы целовались с ней и сосались. Тогда мы пошли в какой-то круглосуточный порномагазин и купили там какие-то грязные порнофильмы. Но даже это не помогло. Мы испытали такое

разочарование! Это был лучший образец девушки, который я когда-либо встречал в своей жизни, и я не мог ничего сделать. Мы с Кроком были похожи на двух маленьких детишек на Рождество, которые оказались недостаточно сильными, чтобы открыть коробку с игрушками. Я был страшно зол на самого себя за то, что в эту ночь не запасся упаковкой «Сиалиса». Я просто находился под кайфом и не предполагал, что мне предстоит иметь дело с какой-нибудь киской.

Я смог купить этот дом в Финиксе, потому что время от времени у меня появлялись деньги, которые не направлялись прямиком к моим кредиторам. Так, одна японская компании принесла мне 800 000 долларов за использование моего образа в игровом автомате «Патинко» и дополнительно 100 000 долларов за то, чтобы одеть этот образ в спортивные трусы, которые были не черного цвета.

Так что, мои вечеринки вскоре переместились в Финикс. В Финиксе я провел много времени с Шелли Финкель, поэтому у меня появились тесные связи с некоторыми состоятельными людьми там. Если еще до того, как я купил этот дом, мне нужно было где-то остановиться, мне всегда что-нибудь находили. Для устройства вечеринок в Финиксе меньше возможностей, чем в Лас-Вегасе, но в некоторых отношениях там все происходит гораздо более впечатляюще и эксцентричней. Финикс похож на тихий городок, но по ночам он превращается в маленькую сексуально озабоченную сучку. Вечеринки там всегда были высокого класса, все отрывались в особняках или же в больших гостиничных номерах люкс.

На вечеринках я познакомился с множеством врачей. Один из них был пластическим хирургом, который стал приглашать меня в свой офис. Он усаживал меня в одной из комнат для обследования, с одной стороны у меня был кокаин, с другой – травка, на столе – «Виагра».

– Эй, док, мне как-то нехорошо. Мне не нравится то, как я себя чувствую, – сказал я ему однажды.

– Не волнуйтесь, сейчас я все устрою, – сказал он и вышел в другую комнату.

Через несколько минут он подкатил одну из капельниц для внутривенного вливания и подключил меня к ней.

– Это позволит прямо сейчас получить облегчение, – сказал он.

– Что это? – спросил я.

– Морфин внутривенно, – ответил он.

Этот пластический хирург гулял как сумасшедший. Однажды он ехал один в своей машине, принимая «кокс», и перевернулся.

Он вылетел через стекло, расцарапав все лицо о деревья и кусты, через которые он пролетел.

Вскоре после этого я наведался к нему домой и был потрясен, когда он открыл мне дверь.

– Взгляни на свое лицо, приятель! – воскликнул я. – Где ты так нае… нулся?

Вся кожа на его лице была ободрана кустарником, все его лицо превратилось в сплошную кровавую маску. Ему еще повезло, что он был пластическим хирургом.

Я настолько ухайдокался в Финиксе, что у меня начались галлюцинации. Однажды я ехал в машине, за рулем был мой помощник Дэррил. Мы подъехали к дому одного моего знакомого, и я сказал Дэррилу: «Взгляни! Все эти люди там, у дома, машут нам!» Но там не было никаких людей, это от ветра качались ветви деревьев.

В июле 2006 года представители ФБР нанесли мне еще один визит. Накануне вечером я был на вечеринке, и когда на следующий день я увидел, как на крыльцо моего дома поднимается специальный отряд быстрого реагирования ФБР, я побежал к задней двери, но они уже были и там.

– Мистер Тайсон? Нам нужно поговорить с вами, чемпион.

«Вот дерьмо! – подумал я. – *Чью задницу я мог хватать прошлым вечером?»*

– Мы хотели бы знать, какие у вас отношения с этим джентльменом на снимке. Его зовут Дейл Хаузнер, – сказал один из агентов.

Я посмотрел на снимок. На нем мы с этим парнем Дейлом пожимали друг другу руки, как закадычные друзья.

– Вы знаете этого человека? Он журналист и фотограф, освещающий события в мире бокса, – сказал агент.

– Да, я помню этого человека. Он приходил ко мне, когда я работал в своем спортзале. Там еще было несколько мексиканских боксеров, и они начали оскорблять его.

«Вали отсюда, ты, чертов гомик! – сказал ему один из мексиканцев. – Чемпион не собирается беседовать с тобой».

Но это был мусульманский месяц Рамадан, поэтому я вступился за журналиста и объяснил боксерам, что сейчас время мира и что каждый занимается своим делом. Поэтому я позволил ему взять у меня интервью. Мне очень жаль, если он каким-то образом был оскорблен. Я не хотел причинить ему никакого дискомфорта.

– Нет, нет, вы-то ему понравились, мистер Тайсон, – сказал агент ФБР. – Ему не понравились только те восемь человек, которых он убил, и другие девятнадцать человек, в которых он

стрелял.

Как оказалось, полиция проводила расследование по делу Хаузнера и его друга в связи со стрельбой из автомобиля, которую они устраивали в Аризоне в период с мая 2005 года по июль 2006 года. Очень хорошо, что я остановил тех ребят и проявил к этому парню некоторое уважение, иначе он мог подстеречь меня у спортзала, чтобы застрелить.

В конце августа я получил халтуру – приглашение принять участие в боксерских показательных выступлениях в отеле «Аладдин» в Лас-Вегасе. Это была легкая и приятная работа. Мне дали хороший костюм и заплатили мне за то, чтобы я работал в комнате, где был устроен боксерский ринг. Тысячи людей, приходившие в отель, могли увидеть, как я работал в спарринге и с тяжелой боксерской грушей. Я получал бесплатное питание, все, что я хотел, у меня была полная свобода действий. Я позвонил всем своим друзьям:

– Приходи сюда. Я буду здесь в течение месяца. Можешь заказывать все, что угодно. Все за счет сучки, ниггер.

«Сучкой» я тогда называл отель. Это я попробовал примерить на себя менталитет сутенера.

В городе в то время был Бобби Браун[315], и я пригласил его вместе с Каррин Стеффанс[316], известной также под именем «Супердевушка», с которой он в то время встречался, прийти посмотреть на меня. Я флиртовал с ней и раньше, так что, как я думал, все должно было быть хорошо. Она была из тех девушек, которых не часто удается заполучить, но когда это получается, то все выходит просто здорово.

Вот только у Бобби были на ее счет серьезные намерения. А я этого не понимал. Он приехал вместе со своим отцом и несколькими приятелями. Они прибыли первыми, и я устроил им королевский прием. Затем уже появился Бобби. Я находился в холле, когда он приехал, и мы вместе поднялись на лифте. Те, кто видел нас, буквально сходили с ума. Там стояла одна пара, и жена, не выдержав, воскликнула: «Черт побери! Это же Майк Тайсон и Бобби Браун! Эти два ниггера вместе! Детка, это что-то, это что-то!» Все знали, что мы оба доставляем окружающим одни неприятности.

Я хотел, чтобы Бобби немного отдохнул и расслабился со мной. Было здорово потусоваться с Бобби, потому что, когда он был женат на Уитни[317], она никогда не позволяла ему общаться со мной, хотя я и не мог ее за это винить.

Где-то в это время у меня начались проблемы с приобретением «кокса». Это было вызвано не недостатком наркоты в Лас-Вегасе, а тем, что дилеры не желали поставлять ее

мне. Дилеры известны своими опозданиями, а у меня не хватало терпения их дожидаться, так что я зачастую перехватывал косячок на стороне. У меня начались проблемы с наркотиками в гетто. Во-первых, меня перестали пускать в туалетные комнаты в барах Вест-Сайда. А затем меня отказались обслуживать наркодилеры.

«Иди, тренируйся, Майк. Мы хотим, чтобы ты тренировался», – говорили они мне. Эти ребята выросли со мной в Лас-Вегасе, в течение многих лет видели, как я тусовался рядом с парикмахерской, и они не хотели способствовать моему падению и окончательному крушению. Я обычно раздавал этим парням индеек, когда они были еще детьми, и они чувствовали, что нас, действительно, связывают узы. Поэтому в силу возникшей необходимости я стал общаться с белыми людьми из заведений на бульваре Лас-Вегаса. Встречающие в казино, швейцары в клубах – все они были связаны друг с другом.

Все это время я находился в отеле «Аладдин», принимая участие в показательных выступлениях. Как-то я позвонил одному парню и заказал себе в номер люкс «осьмушку». Они прислали порцию с каким-то деревенским гребаным ниггером. Он был страшно возбужден, наверное, думал, что ему предстоит развлекаться со мной и кучей девочек. Он был готов стать душой компании и полагал, что все будут обязаны ему за этот «кокс». Я открыл ему дверь и впустил его.

– У тебя с собой, что надо? – спросил я.

– Да. А где все остальные?

– Больше никого нет. Здесь только я, ниггер, – ответил я. – Ты продаешь наркоту, так? Ну, так и продавай мне наркоту, мать твою!

И я выхватил пакет из его рук.

– Б… дь, не надо тебе этого дерьма, Майк, – сказал он. – Ты – чемпион. Мы любим тебя, Майк.

– Собственно говоря, я сейчас и разомнусь, вышвырнув тебя отсюда!

Я открыл дверь, а засранец вдруг схватил пакет с «коксом» и побежал прочь, прокричав мне на бегу: «Иди, б… дь, тренируйся, Майк!» Я побежал за ним следом. Я был толстым, рассерженным, на мне не было никакой одежды, кроме полотенца, обмотанного на поясе.

– Вернись, ты, ублюдок! Я убью тебя!

Он был в хорошей форме и сбежал от меня. Я действительно, был готов надрать ему задницу. Кем он себя вообразил? Флоренс, мать его, Найтингейл[318]?

Я начал обирать тех немногочисленных наркодилеров, которые пока еще продолжали поставлять мне товар, когда у

меня было мало наличности. Однажды ко мне обратился за помощью один из таких дилеров.

– Послушай, Майк, не можешь мне помочь? Скажи, пожалуйста, Крокодилу, чтобы он вернул мне мои деньги. Я ведь отдал весь «кокс»!

Если уж он сказал мне такое, значит, дела у него были совсем ни к черту. Я знал этого парня как слабака и понимал, что если он не мог заставить платить Крокодила, то и мне больше никогда не придется платить ему за наркотики.

– Конечно, я поговорю с Крокодилом, а пока дай-ка прямо сейчас мне твой товар! – и я выхватил «кокс» прямо из его рук.

– О-о, приятель, мой босс убьет меня! Мне нужно вернуть ему деньги! – взвыл он.

– Твоему боссу нужно стрясти эти деньги с другого ниггера, – сказал я.

– Нет, приятель, я должен получить их у тебя.

– Ну, тогда скажи своему боссу, чтобы он приехал и поговорил со мной о деньгах. Слушай, ты подсадил меня на наркоту, а теперь ты еще хочешь содрать с меня деньги, ублюдок? Да я уже одурел от твоего «кокса», ниггер!

Однажды, когда у меня уже совсем перестало хватать денег на «кокс», я отправился в район Саммерлин, где жили большие «коксовые» короли. Я встречался с ними в их огромных особняках, часами общался и фотографировался с ними, позировал для них. Затем, когда дело, наконец, дошло до переговоров, я устроил им спектакль. Когда они назвали мне цену, я вознегодовал:

– Как? Что такое? Ты, в самом деле, хочешь продать мне это дерьмо, брат? Мы тусовались с тобой весь день, а теперь ты хочешь, чтобы я заплатил тебе за это дерьмо?

– Ладно, забирай! – говорили мне в конце концов.

Кокаин – это сущий дьявол, в этом нет никакого сомнения. Когда дело касалось женщин, я всегда был шовинистом. Даже когда я был на мели, я никогда не позволял им платить за мой ужин. Но когда мне как-то были нужны деньги для дозы и я увидел, что моя подруга выронила деньги, я выждал, а затем подобрал их и положил себе в карман. Я испытал тогда самое пакостное чувство, какое только возможно было испытать. Я больше не хотел играть с дьяволом, но он все еще хотел играть со мной, и эта игра могла закончиться только по его желанию, никак иначе.

Я до такой степени поиздержался, что даже отправился в Янгстаун, штат Огайо, чтобы 20 октября принять там участие в показательном поединке продолжительностью четыре раунда с

моим давним спарринг-партнером Кори Сандерсом. Промоутером поединка выступил бывший боксер Стерлинг МакФерсон. Даже не помню, заплатили ли мне за это выступление, хотя Стерлинг продал четыре тысячи из шести тысяч мест по цене от 25 долларов до 200 долларов и назначил разовую абонентскую плату в 29,95 доллара за просмотр трансляции этого мероприятия. Я тогда просто решил, что если бы я был чем-то занят, то мог бы отказаться от наркотиков. Макферсон вел речь о гастролях с показательными выступлениями по всему миру, поэтому, может быть, в последующем я и получил бы какие-то бабки.

Выступление потерпело полное фиаско. Боя не получилось. Кори вошел на ринг с весом триста фунтов, примерно на пятьдесят фунтов[319] больше, чем у меня. Он надел шлем, за что зрители освистали его. Мы начали спарринг, я выбросил хороший удар и отправил Кори на канвас в первом же раунде. Я создавал ему проблемы и в третьем, и четвертом раунде, но не добивал его. Это не затронуло в моей душе никакой струнки.

Сразу же после выступления я вернулся в Лас-Вегас и продолжил принимать наркотики по нарастающей. Однажды вечером я был в городе и наткнулся на парня, который несколько лет назад наставлял на меня пушку в ночном клубе «Бентли» в Нью-Йорке. Он был с женой, они увидели меня в клубе, и я выглядел так паршиво, что они пожалели меня.

– С тобой все в порядке, приятель? – спросил он меня.

Он вполне мог надрать мне зад прямо там. Я тогда был совершенно беззащитен.

К этому времени мой нос был в таком плачевном состоянии от постоянного употребления «кокса», что я начал курить. Нет, не крэк, а другое. Я вытряхивал из сигареты часть табака, брал обычный измельченный «кокс» и добавлял его в сигарету. Мы обычно делали так в Бруклине, когда были детьми. Все нюхари, те, кто нюхал кокаин, все они ненавидели меня за то, что я курил «кокс». У горящего кокаина самый отвратительный в мире запах. Он пахнет, как горелый пластик и крысиный яд, вместе взятые. Один мой знакомый как-то сказал мне, что, если ты хочешь узнать хоть что-то о чем-нибудь, разведи под ним огонь, и огонь поможет тебе узнать все. Если хочешь узнать что-то о любом ублюдке, поджарь его задницу. Когда ты помещаешь кокаин в огонь, ты узнаешь всю правду, из чего он сделан – вся отрава, все это дерьмо выходит наружу, и начинает смердеть, как в аду.

Я курил это дерьмо даже в своем любимом стриптиз-клубе в Лас-Вегасе. Хозяин позволял мне пользоваться туалетной комнатой, чтобы посмолить там. Он помогал мне убивать себя. В

Финиксе мне тоже разрешали курить «кокс» в клубе. Слава богу, копы никогда не заходили туда в то время, когда я занимался этим. Принять порцию «кокса» для меня стало уже ритуалом. Я создал в стриптиз-клубе целую систему своих ритуалов. Меня окружали мои вещи: свой коньяк «Хеннесси», свое средство для повышения потенции «Сиалис», свои сигареты «Мальборо». И конечно же, свой «кокс», который я предлагал всем своим друзьям.

В это безумное время, когда я принимал всю эту наркоту и кувыркался со шлюхами, я каждый день слышал в своей голове голос Каса. Но мне было насрать, потому что он не был передо мной во плоти. Жизнь в этом мире для меня в то время не выступала в качестве основного приоритета. Теперь – да, теперь все, что я хочу, – это жить, но тогда, в самом расцвете своей жизни, она для меня ничего не значила. К тому времени, когда я стал чемпионом в двадцать лет, многие мои друзья либо умерли, либо были убиты. Некоторые из них были брошены в тюрьму на такой длительный срок, что, когда они освободились, они были зомби. Они не понимали, на какой они планете. Некоторые даже намеренно что-то совершали, чтобы вновь очутиться за решеткой.

В те годы для меня принять «осьмушку», то есть три с половиной грамма «кокса», означало обеспечить себе хороший, приятный вечер. Однако чем больше я занимался этим, тем больше мне хотелось делать это в одиночку. Возможно, я был такой скотиной, а может быть, мне не хотелось, чтобы меня видели в таком непотребстве. К тому времени «кокс» уже приводил не в состояние эйфории, а просто в ступор, в состояние отупелого оцепенения. Под «коксом» я даже не занимался больше сексом с женщинами. Время от времени у меня еще появлялась девушка, но скорее уже для того, чтобы расслабиться и успокоиться, чем для секса.

Я жил совершенно безумной жизнью. Сегодня я барахтался в канаве с какой-то уличной шлюхой, пытаясь заняться с ней сексом без презерватива, а завтра уже в отеле «Бель Эйр» вместе с богатыми знакомыми со счастливым лицом праздновал еврейский Новый год Рош ха-Шана. После этого я оказался на самом дне: я был в Финиксе в гостиничном номере люкс, мне делали морфин внутривенно, при мне был мой «Сиалис» и моя бутылка «Хеннесси». А еще при мне были семь шлюх. Внезапно доза «кокса» сделала меня параноиком, я решил, что эти женщины хотят меня подставить и ограбить – и принялся их избивать. Именно тогда я понял, что мной овладели не просто духи-искусители, а сам дьявол. И что он победил. Я выгнал шлюх из своего номера и принял остатки своего «кокса».

Некоторые из моих подруг, не любовницы, а просто подруги, говорили мне, что это как раз было самое время для того, чтобы я нашел себе женщину. Они даже сформулировали это как-то так: «Чтобы вместе умереть».

– Я собираюсь пройти этот путь до конца, малыш. Я собираюсь доиграть до того момента, когда я больше уже не смогу играть, – говорил я им.

Я говорил чушь. Я должен был найти самого себя, прежде чем я мог бы найти кого-то другого. Джеки Роу пыталась читать мне лекции о вреде наркотиков, но я отвечал ей: «Если ты любишь меня, то позволь мне делать это».

– Послушай, Майк, я не хочу тупо сидеть здесь и смотреть, как ты выходишь в расход, словно последний неудачник. Мы же – победители! – говорила она.

Она обшаривала все мои брюки и куртки, прежде чем отправить их в химчистку отеля, чтобы убедиться, что там не было наркотиков.

Я знал, что все мои друзья были озабочены тем, что я принимаю наркотики. Но они понимали, что нельзя сказать мне прямо в лицо, чтобы я перестал делать то, что я любил делать. Я начал отдаляться от всех и уединяться, чтобы мне не приходилось слышать этого дерьма. У меня был только один друг, который мог безнаказанно сказать мне такое. Это был Зип. И он делал это весьма мудро. Он сидел со мной, расслабляясь и покуривая травку, а затем с серьезным выражением лица поворачивался ко мне:

– Не волнуйся, Майк, мы устроим тебе шикарные похороны. Я уже отложил для этого деньги. Мы покурим травки, попьем приличного шампанского, «Кристал» например, и повспоминаем тебя. Я закажу такой лафет, который тащат лошади, мы поставим на него твой гроб и провезем твое тело через все районы города, приятель. Это будет шикарно, чувак!

В конце октября я обедал в Финиксе вместе со своим психотерапевтом Мэрилин, которая вернулась из Москвы. Сидя в ресторане, я заметил одинокую красивую молодую леди за соседним столиком и сказал официанту, что оплачу ее обед. Леди подошла к нашему столику и оставила мне номер своего телефона.

Когда она ушла, Мэрилин помолчала секунду, а затем сказала:

– Держу пари, что вы не сможете продержаться шесть недель в реабилитационном центре.

Это задело меня за живое как мужчину:

– Что вы такое говорите! Да я запросто смогу выдержать эти

шесть недель! Я всегда был дисциплинирован!

По правде говоря, я уже вполне был готов к этому. Мне надоело во всем терпеть сплошные неудачи. Я испортил отношения со своими детьми. С матерями своих детей. Со многими своими друзьями. Некоторые просто боялись находиться рядом со мной.

Я хотел отправиться на шесть недель в турне по Англии, чтобы в качестве «звезды» пообщаться с прессой и раздать автографы, поэтому я решил на время этого турне завязать с наркотиками, даже с травкой – для того, чтобы, когда я вернусь в Финикс в реабилитационный центр, я уже был подготовлен. Итак, я остановился. Я не употреблял ни «кокса», ни травки. Я даже бросил пить.

И вот тогда-то я и понял, что у меня, действительно, были проблемы. Первые несколько часов я просто терял рассудок. Я разгромил свой номер в отеле, я сходил с ума, но я не стал принимать наркотики. Это была весьма скверная поездка, но я ни разу не притронулся к наркоте. Поэтому, когда я вернулся в Финикс, я уже был чист и готов к реабилитационному центру. Я уже прошел через серьезную ломку.

Мэрилин привезла меня в местечко под названием «Мидоуз»[320]. Когда мы там оказались, оно мне сразу же напомнило скорее тюрьму, чем реабилитационный центр. Первым делом они накачали меня различными лекарствами. Все там были толстыми и неторопливыми. Если ты ввязывался в драку, то им требовалось часа два, чтобы вмешаться. Итак, они вкололи в меня кучу лекарств и забрали меня на собеседование с наркологами. Я-то думал, что реабилитационный центр – это место, где ты просто бездельничаешь и смотришь телевизор, пока твое время не истечет. Я не знал, что мне придется беседовать о своем далеком прошлом и психических травмах. Эти чокнутые, навязчивые ублюдки достали меня своими вопросами:

– Как давно вы принимаете наркотики?

– Какие именно наркотики вы употребляли?

– Какие внешние обстоятельства привели к употреблению вами наркотиков?

– Какова была ваша домашняя жизнь, когда вы были ребенком?

– Вы, случайно, не гомосексуалист?

Черт возьми, эти ребята мордовали меня без передышки! Этот парень, которого я знать не знал и который вылез непонятно из какой задницы, ожидал, что я отвечу на все эти глубоко личные вопросы? Я не желал обсуждать, кто я такой и каковы мои отношения с духами-искусителями.

– Знаешь, что? Отъе… сь от меня, ублюдок! И пошли вы все нах… й! – сказал я. – Как ты смеешь так разговаривать со мной, ты, наглое белое быдло!

Назавтра я оттуда уехал.

Глава 15

Неделю спустя я зарегистрировался в другом реабилитационном центре, в Тусоне. Мэрилин убила бы меня, если бы я не вернулся на лечение. Она могла показаться милой, невинной, ласковой, этакой сестрой Ордена Введения Пречистой Девы во Храм. Но она не была такой. Она не позволила мне сдаться. Она подвергла меня жестокой энергичной порке. Она сказала: «Нет-нет, мы должны довести наш спор до конца». Вот тогда я увидел ее с другой стороны: в ее глазах появился блеск. Для нее это было не баловство, а настоящее дело. Поэтому я предпринял в Финиксе еще одну попытку.

Во втором реабилитационном центре люди мне понравились. Я сблизился с одной молодой состоятельной девушкой, которая училась на модельера. Ее совершенно вымотало пристрастие к героину. У меня там возникли проблемы, потому что кто-то задел мои чувства, рассказав что-то обо мне одному из сотрудников центра, и я обругал их. Когда я сказал все, что я думал, все перепугались, потому что там не привыкли, чтобы ниггер разговаривал с ними таким образом. Те, кто там работал, сказали мне: «Вам надо уйти, все напуганы». Тогда я позвонил этой девушке, с которой я встречался. Она пришла, она меня поняла. После этого я оттуда ушел.

Финикс – это консервативный город, живущий, блин, строго по правилам. Когда ты проходишь здесь антинаркотическую реабилитационную программу, ты можешь почувствовать расистское высокомерие всех этих многоопытных врачей и тех, кто, как предполагается, должен был помочь тебе.

Я был для них знаковым негром, негром-символом. У персонала было стереотипное предвзятое представление о черных людях, и, в особенности, о черных спортсменах. Главный администратор даже имел наглость заявить мне:

– У нас здесь были и другие спортсмены, и у всех них были украшения. Я заметил, что ты, в отличие от них, не швыряешься напоказ деньгами налево и направо.

– Это потому, что у меня совсем нет денег, – ответил я ему сухо.

Я уловил скрытый смысл его ремарки. Он просто опустил слово «черные», но думал он именно так.

Мэрилин видела все это и постоянно пыталась найти такое место, где могли бы помочь мне. Но у меня в то время были другие, более важные дела. Это было Рождество 2006 года, и я был полон решимости превратить его в Аризоне в Рождество со

снегопадом[321]. Пока мой помощник Дэррил спал в другой комнате, я выскользнул из дома, прыгнул в свою «БМВ» и поехал в бар «Пуссикэт лаундж». Добравшись туда, я нашел администратора, сексапильную восточноевропейскую девушку, к которой я всегда был неравнодушен.

– Где раздобыть «белой сучки»? – спросил я ее.

– Могу достать это для вас, одну минутку, – ответила она.

Вернулась она с тремя маленькими пластиковыми пакетиками, в каждом – по грамму «кокса».

Затем она чрезвычайно меня удивила, спросив:

– А можно мне немного?

Никогда не было ни малейших признаков того, что эта девушка проявляла ко мне интерес. Мы прошли в офис, и каждый из нас сделал себе несколько дорожек.

– Майк, вы выпили, – заметила она. – Может быть, мне отвезти вас куда-нибудь?

– Нет, со мной все в порядке, – отказался я.

Я не мог поверить, что я сказал так. Это был мой шанс заполучить киску, которой я домогался многие годы. Конечно же, на меня повлиял мой дух-искуситель. Я подумал: *«Я не позволю ей подвозить себя, она просто хочет моего кокаина. Пусть эта сучка отъе… ся!»* Я хотел быть наедине с девушкой своей мечты, с настоящей «белой сучкой». Я просто был эгоистичен по отношению к кокаину. Я мог бы поехать домой вместе с девушкой, которую так долго пытался заполучить, но я не захотел делиться с ней «коксом».

Поэтому я пошел и сел в машину. Я тут же высыпал большую часть «кокса» из одного из пакетиков на среднюю консоль. Затем я вытащил свои сигареты «Мальборо», вытряхнул из одной сигареты где-то половину табака, зачерпнул «кокса» и насыпал его в эту сигарету. Сделав несколько затяжек, я поехал домой.

Надо признаться, я не самый умелый водитель, даже когда я трезв, как стеклышко. Я двигался, меняя полосы, по пути миновал полицейский контрольно-пропускной пункт по проверке на трезвость. Я не понял этого, но копы заметили, как я вел машину, и последовали за мной. После того как я проскочил знак остановки, а затем чуть не задел полицейскую машину, они остановили меня. Когда полицейский подошел к моей машине, я лихорадочно пытался смахнуть «кокс» с консоли, но ее кожаная поверхность была пористой, поэтому даже попытка смыть «кокс» плевком была бы бесполезной: наркота все равно бы впиталась и затем проступила.

Я опустил окошко, и коп попросил мои права и документы на машину. Затем он узнал меня. А вслед за этим он увидел

безобразие на консоли.

– Майк, мне трудно поверить в это дерьмо! – сказал он.

Он вытащил меня из машины и на месте провел несколько алкотестов, которые я не смог пройти, так как был под балдежом. Обыскав меня, он обнаружил в кармане брюк два других пакетика. Затем копы привели собаку, натасканную на наркотики, и та унюхала «кокс», который оставался в машине. Меня арестовали.

Прежде чем допросить, полицейские отвели меня в камеру. Я был здорово зол. У меня нашли достаточно «кокса», чтобы обвинить меня в тяжком уголовном преступлении. Однако всякий раз, когда я сидел, всегда находился белый парень, который разбирался во всей этой кухне. И этот раз не стал исключением.

– Эй, чемпион, ты за что здесь? – поинтересовался у меня один белый парень.

– Приятель, меня застукали с кокаином, – ответил я.

– А тебя когда-нибудь раньше арестовывали за наркотики? – спросил он.

– Меня арестовывали много раз, но не за наркотики.

Его лицо просияло.

– Не волнуйся, братан. Ты не пойдешь в тюрьму, – сказал он. – Они не могут упечь тебя за решетку после первого ареста за наркотики. Вначале тебе должны попытаться помочь.

Теперь, когда я знал всю подоплеку дела, я был готов к своему допросу. Полицейский, который арестовал меня, привел меня в кабинет.

– Какие наркотики или лекарства вы принимаете? – спросил он.

– Золофт, – ответил я.

– Что-нибудь еще?

– Марихуану и кокаин. Золофта я принимаю одну таблетку в день.

– А сколько вы выкуриваете марихуаны?

– Две сигареты, рано утром.

– Когда вы последний раз употребляли кокаин, до сегодняшнего случая? – спросил он меня.

– Вчера.

– Как часто вы его употребляете?

– Каждый раз, когда могу его найти. Я принимал его сегодня утром, около девяти часов.

– Почему вы употребляете и марихуану, и кокаин?

– У меня пристрастие к ним.

– И вы употребляете их одновременно?

– Да. Когда я употребляю их вместе, это позволяет мне

хорошо себя чувствовать.

– А для чего вам нужен золофт? – поинтересовался он.

– Он приводит меня в порядок. Мне х… во.

– Вы не похожи на того, кому х… во, – сказал он.

– Я знаю, парень, но мне х… во, – сказал я, а потом начал громко смеяться, совсем как парень в фильме *«Косяковое безумие»*[322] после того, как он выкурил косячок.

Я рассказал ему, что я курил «кокс» при помощи сигарет «Мальборо». Он заинтересовался, как я это делал, и я объяснил ему в подробностях весь этот процесс.

Другой офицер, который там был, спросил меня, нормально ли я себя чувствовал с учетом того, что я уже находился под воздействием наркотика, в то время как был за рулем. Я ответил, что ранее в этот день я чувствовал себя вполне нормально.

– Хотел бы поблагодарить вас за готовность к сотрудничеству, Майк, – сказал первый полицейский.

– Я довольно-таки клевый парень, – ответил я.

– В моем городе меня застыдят, когда узнают, что я арестовал вас, – сказал он.

Я не знал, как реагировать на это, поэтому повел себя, как настоящий псих. Я уставился вниз, в пол, и произнес низким голосом:

– Б… дь, я ненавижу тебя! Пошел ты нах… й, ты, паразит! Нах… й!

– Майк, вам кто-нибудь когда-нибудь доставляет неприятности? – спросил первый полицейский.

– Все время. Но я забивал на это и не принимал близко к сердцу, – ответил я.

Коп выключил магнитофон и сопроводил меня в мобильное подразделение государственной исполнительной службы округа Марикопа. Там меня оформили и устроили в одиночную камеру. В камере даже был телефон, и я провел большую часть вечера, делая звонки за счет вызываемого абонента.

Когда я на следующее утро внес залог, пришел Дэррил, чтобы забрать меня. Мы обнялись. Все эти годы, начиная с Лас-Вегаса и кончая Амстердамом, Дэррил пытался наставить меня на путь истинный. Это была трудная работа.

– Майк, почему ты сбежал прошлым вечером, ничего не сказав мне? – спросил он.

– Жизнь – это тяжелая штука, брат. Жизнь – тяжелая штука, – ответил лишь я.

Дэррил отвез меня в дом Шелли, где я принял душ, увидел своих детей Мигеля и Эксодус, хорошо поел. Затем я нанял адвоката. Я обзвонил своих знакомых в Лас-Вегасе, и мне

предложили Дэвида Чесноффа, адвоката, имеющего большие связи. Он был партнером Оскара Гудмана, который, в свою очередь, представлял меня в ходе усилий по восстановлению моей боксерской лицензии. Хотя этого и не требовалось, тем не менее, план действий Чесноффа заключался в том, чтобы как можно скорее устроить меня в реабилитационный центр, мне же самому – заняться значимой общественной деятельностью, чтобы продемонстрировать суду, что я серьезно настроен начать вести правильный образ жизни.

Итак, я попал в уже третий по счету реабилитационный центр в Финиксе. Он представлял собой небольшой дом, где проживал парень, который и заведовал этим центром. Парень был настоящим мерзавцем, который изо всех сил старался воспользоваться мной в своих интересах. Я там подружился с одним классным парнем из Бруклина, хотя и итальяшкой. Это был один из тех чуваков, которые живут по принципу «От винта! Понеслась!» Широкая улыбка, неуемная энергия. Если бы не он, меня бы вытурили оттуда намного раньше. Но остальные опасались меня. Парень, который заведовал этим местом, вышиб меня оттуда под тем предлогом, что я забыл запереть свои лекарства.

В тот момент я мог бы запросто сказать: «Да пошли вы все! С меня хватит!» Но к этому времени мы с Мэрилин слишком сблизились и уже имели друг перед другом определенные обязательства. Поэтому Мэрилин с моим адвокатом провели изыскания и вышли на доктора Шейлу Балкан, известного криминолога, которая специализировалась в разработке вариантов лечения в качестве альтернативы тюремному заключению. Она направила меня в очередной центр реабилитации, который находился в районе Голливуд-Хиллз и назывался «Уандерлэнд»[323]. Шейла и Гарольд, один из ее коллег, приехали, чтобы забрать меня и отвести туда. Какая-то часть меня была в таком исступлении от одной мысли, что мне приходится вновь и вновь возвращаться в места такого рода, что перед самым отъездом я опять словил сильный кайф. Многие наркоманы напоследок, перед тем, как приступить к лечению, погружаются в наркотический угар. Однако те, кто приехал за мной, были действительно классными людьми. Они не стали осуждать меня. Таким образом, когда мы попали в «Уандерлэнд», я был в полном раздрае, настолько я накурился дури.

В отличие от других реабилитационных центров, где я уже успел побывать, «Уандерлэнд» был реальной действительностью. Здесь не существовало традиций штата Аризона: нам была предоставлена определенная свобода. Нам не приходилось иметь

дела с людьми, осуждающими нас. Здесь были очень интересные люди, не боявшиеся сложных парней вроде меня. «Уандерлэнд» относился к тем качественным реабилитационным центрам, которые были созданы для обеспечения детей элиты: «звезд» кино, банкиров, ну, и все такое. Пребывание там было похоже на жизнь в большом особняке, как раз к которой я и привык. Стоило это непомерно дорого, но я думаю, что для меня было сделано исключение, поскольку в то время денег у меня не было.

Я сразу же влюбился в это место. Я чувствовал, что оно может спасти меня. У меня была своя собственная комната, и я был окружен всеми этими классными парнишками, которым на тебя не наплевать. Отсюда было рукой подать до старого дома Марлона Брандо и до того места, где Джек Николсон жил в течение многих лет. После того как я устроился, я начал ходить на собрания анонимных алкоголиков и наркоманов. Нам там позволяли самостоятельно ходить в город, необходимо было только вернуться к определенному часу.

Однако через несколько недель в умонастроениях администрации наметились некоторые перемены. Потому что я был осужденным преступником третьего уровня и был обвинен в изнасиловании, администрация стала опасаться моего совместного пребывания с другими пациентами. Если бы вдруг что-нибудь случилось, можно было бы подать в суд на любого, включая штат Калифорния. Я подозреваю, что Шейла устроила мою задницу в это место, воспользовавшись своими связями, но теперь было совершенно неясно, смогу ли я остаться. Однако я к этому времени подружился со всеми этими парнишками, и они взяли на себя ответственность за меня. Каждый вечер я ходил в город и приносил для всех мороженое. На собрания анонимных алкоголиков и наркоманов я приносил печенье и молоко. Так что мы действительно жили там одной семьей. В конце концов, было организовано собрание, на котором каждый должен был высказать свое мнение, например: «Майк должен остаться. Не выгоняйте Майка». Все высказались в мою пользу, и я остался.

Я всегда гордился своей дисциплинированностью, но лечение от пристрастия к «коксу» было, блин, весьма болезненным. Во время этого лечения ко мне вернулась вся боль, полученная мной на боксерских поединках. «Кокс» и спиртное были для меня чем-то вроде новокаина. Когда я прекратил принимать их, у меня обострился артрит. Я чувствовал себя калекой, я не мог нормально ходить, у меня сильно болели ноги. Даже сейчас я до сих пор вынужден делать укол кортизона каждый раз, когда меня скручивает боль.

В «Уандерлэнде» я вел исключительно правильный, строго

выверенный образ жизни. Порой там бывали искушения. Так, на лечении вместе со мной находилась одна известная молодая актриса. Каждый вечер она выезжала в город со своими друзьями. Приезжали четыре или пять лимузинов и «Тигуанов» и забирали их. Это была целая колонна. У нее был черный парень, который организовывал для нее шоу, и однажды вечером он пригласил меня поехать вместе с ними.

– Нет, я не могу. Если даже меня просто сфотографируют, как я тусуюсь с этими ребятами, я прямиком загремлю в тюрьму, – ответил я ему.

Мне страшно хотелось поехать, во мне еще осталось желание погулять, но я сопротивлялся ему. Надо сказать, что эти детишки нарушали правила сплошь и рядом. Один богатый паренек смог тайком пронести в свою комнату пятьдесятидюймовый телевизор с плоским экраном, чтобы играть в видеоигры. Его застукали за этим делом и выгнали из центра.

Через некоторое время я вошел в ритм этой жизни. Я активно посещал собрания анонимных алкоголиков и наркоманов. Я лучше, чем кто-либо, проходил реабилитационную программу «12 шагов»[324]. Я был образцом пациента, осуществляющим эту программу. От каждого пациента требовалось, чтобы он посещал одно собрание в день, я же посещал три или четыре собрания. Когда примерно через три месяца после того, как я попал в этот центр, ко мне приехала Мэрилин, я взял ее на одно из моих собраний на Сансет-стрип[325]. Вначале я обошел всех с корзиной, чтобы собрать пожертвования для кофе и чая. Затем, когда собрание закончилось, я убрал стулья, вымел и вымыл пол. Когда я делал все это, у меня было хорошее настроение.

Я испытывал противоречивые чувства в отношении всего этого. Многие мои герои оказывались неудачниками, когда им приходилось устраивать свою жизнь, но в своей области они были чемпионами. Их хотели перевоспитать и вылечить от пристрастия к алкоголю и наркотикам, чтобы спасти их, но зачастую без алкоголя и наркотиков они утрачивали свои замечательные качества. В моей жизни все были счастливы, когда я был трезв, но я сам при этом чувствовал себя несчастным. Я хотел просто умереть.

Однако, когда я размышлял об этом, у меня перед глазами всегда была Мэрилин.

– О чем вы говорите? Вы должны проходить программу реабилитации! – кричала она. Она превращалась при этом из симпатичной светловолосой леди в какого-то дьявола. Этой леди было судьбой предназначено войти мою жизнь. Когда ты погряз в своих грехах, ты не способен осознать, что ты болен и насколько

ты болен. Например, я сам считал, что любая болезнь вылечивается пластырем или капельницей. У меня не было ни малейшего понятия о том, что такое болезнь психики.

С учетом моей известности вначале меня направили на закрытые собрания анонимных алкоголиков и наркоманов. Побывав на них, я был шокирован. Я встретил там кое-кого из числа самых громких имен в мире. И они также были обрадованы, увидев меня: они-то ведь думали, что я очень крутой. Меня спрашивали: «Майк, вам нужны деньги?» И кто-то из них клал деньги на мой счет. На этих собраниях я уяснил для себя следующую вещь: если ты употребляешь наркотики, то об этом узнают все. Однажды я встретил на закрытом собрании всемирно известного актера, одного из самых знаменитых. Он поприветствовал меня и сказал: «А мы ждали здесь вас. Я уже и местечко для вас забронировал».

«Но откуда, черт побери, он знает, что я употребляю наркотики?» – подумал я. Однако если ты их употребляешь, то каждый, кто также делает это, знает, что ты их употребляешь. Мы полагаем, что нас никто не видит, но мы прозрачнее, чем считаем.

Я понял, что собрания за закрытыми дверьми – это не мое. И я стал ходить где-то четыре раза в день на обычные собрания. Парни, которые проходили закрытые программы реабилитации, относились к числу элиты, поэтому у них была их собственная программа. Мне же было необходимо пройти программу Билла[326]. Я должен был проходить ее вместе со всеми остальными обычными пациентами.

Я обязан Мэрилин за то, что она ввела меня в мир пытающихся реабилитироваться. Этот долг я вряд ли когда-нибудь смогу отдать. Она ввела меня в мир, который завораживает и восхищает. Думаете, самое крепкое братство в мире у копов? Или у гангстеров? Все это ничто по сравнению с миром тех, кто реабилитируется. Он включает в себя федеральных судей, судейских чиновников, приставов, прокуроров. Будьте осторожны, пытаясь подшутить над реабилитирующимся от алкогольной или наркотической зависимости, потому что это одна большая мощная семья. И никогда не стоит недооценивать силу мира пытающихся реабилитироваться, иначе вы окажетесь в числе проигравших. Люди, принадлежащие этому миру, имеют доступ ко всем, включая президента.

Это достаточно разношерстная команда. Я встречал среди них бывших «Ангелов ада»[327], прежних бандитов, странных ребят, единственная цель в жизни которых состояла в том, чтобы

заставить людей перестать пить и употреблять наркотики. Вы понимаете меня? Некоторые из этих парней провели в тюрьме большую часть своей жизни, а теперь их цель в жизни – это спасти как можно больше других людей, заставить их жить нормальной жизнью, преодолевать свои страхи трезвыми. Это особые люди, и Мэрилин в их числе. Это люди другой породы. Весь накопленный мной опыт по запугиванию своих соперников – фигня, применительно к ним он не работает. Эти люди, посещающие собрания анонимных алкоголиков и наркоманов, не боятся никого: ни жестоких убийц с ножевыми шрамами на лице, ни отпетых бандюг. Заставить бояться наркомана почти невозможно. Даже если он говорит, что он боится тебя, на самом деле это не так.

Если бы кто-нибудь на этих собраниях поднялся и сказал что-то неуважительное о Мэрилин, я бы послал их мир нах… й. Даже у миллиардера не хватило бы денег, чтобы заплатить этим людям, мы в долгу перед ними всю оставшуюся жизнь. Они живут в мире с самими собой. Они делают свое дело не ради денег, они делают это для морального удовлетворения. Многие из этих ребят соблюдают внешние приличия, они улыбаются, они спокойны и невозмутимы, пока не начинают действовать. У нас в «Уандерлэнде» работал щуплый еврейский паренек, который везде нас развозил. В один прекрасный день мы собрались купить мороженое и сели в машину. Один пациент немного запоздал, и когда он подбежал и сел в машину, от него можно было почувствоовать запах алкоголя. Этот тщедушный паренек из персонала центра вышел из машины, распахнул заднюю дверь и вытащил этот пьяного пациента из автомобиля. «Вот черт!» – воскликнул я. Я был чемпионом мира в тяжелом весе, почему же я не сделал этого? Я почувствовал к этому тщедушному заморышу большое уважение. В нем не было заметно ни ярости, ни агрессии, ни силы, пока в нужный момент не сработал какой-то переключатель – и тогда он сделал это. Он широко улыбался нам: «Прекрасный денек, правда?», до тех пор, пока не почувствовал запаха спиртного.

В «Уандерлэнде» меня изо всех сил поддерживали. Когда один знаменитый рок-музыкант, проходивший курс реабилитации, узнал о моих проблемах, он сразу же позвонил мне:

– Майк, если вам будет что-нибудь нужно, приходите ко мне.

Он знал, что происходит у меня на душе. Он был потрясающим парнем. Однажды один известный британский актер пришел навестить меня в «Уандерлэнде» и поведал мне о своей борьбе с алкоголизмом. Это тоже оказался прекрасный

человек. Все считают наркоманов бомжами и страшилами, а они – гении нашего времени.

Реабилитация не всегда завершается благополучно, но если эти усилия успешны, то это – дар небес. Члены нашей семьи, проходящие программу, готовы ко всему: умереть, сбежать, одурманиться, отравиться смертельной дозой наркотика. Мы все еще больны, мы все еще обижены, обмануты, обойдены в этой жизни, но у нас появилась реальная возможность справиться со своими проблемами. Участие в программе реабилитации явилось одним из самых значительных событий в моей жизни. Те, кто занимается ей, – это великие люди, и они не получают должного признания со стороны нашего общества.

Курс лечения в «Уандерлэнде» стал переломным моментом в моей жизни. Я мог и сам заняться своей корректировкой, Кас научил меня этому. Но это было трудно, поскольку вся эта наркота вытравила во мне то хорошее, что там было. Просто вернуться в нормальный ежедневный режим: ходить на какие-то занятия, ходить на собрания, ходить на ужины со своими сверстниками – уже само по себе было здорово. А когда я увидел, как другие, считавшиеся неизлечимыми наркоманами, так здорово делали все, что надо, на собраниях, во мне взыграла моя наклонность к соперничеству. Я просто подпрыгнул, увидев это. Если это могли сделать те парни, которых я знал, то и я мог сделать это. Я не мог позволить никому превзойти себя. Один парень соблюдал трезвость в течение десяти лет. Встретив этого парня, можно было бы решить, что он святой. Но его родители так и не стали вновь общаться с ним. Большую часть своей жизни он был просто чудовищем. Теперь же у него была работа, он обеспечивал свою семью, и его главной целью в жизни было помочь другим, оказавшимся в подобных обстоятельствах, реабилитироваться.

Многие, оказавшись в реабилитационном центре, снова берутся за старое, но я себе не мог такого даже представить. Если бы я вдруг вернулся к наркотикам в таком месте, я бы почувствовал себя полным неудачником. Целью моего лечения в центре был отказ от наркотиков. Когда я нахожусь вблизи положительной энергии, я ее впитываю, как губка. Мне очень хорошо подходит роль капитана группы поддержки: «Эй, мы здесь, чтобы быть трезвыми! И мы сделаем это вместе! Да, давайте сделаем это!» Но если бы я остался один, это выглядело бы уже по-другому: «Эй, у тебя не найдется шприца?»

Одним из самых пугающих дел, которое наряду с этим приносило наибольшее удовлетворение, было откликаться на обращения в рамках программы «12 шагов». Некоторые ребята

соблюдали трезвость, возможно, лет двадцать, и вдруг вы узнавали о том, что они оказались в больнице, потому что оступились и снова начали пить. Мы с некоторыми парнишками тайком уходили из «Уандерлэнда», чтобы найти их. Я был просто пациентом, и меня посылали отыскать этих ребят. Мы ехали в район «Голливуд и Вайн»[328], шли прямиком к точке сбыта наркотиков и находили их именно там. Они сидели на улице. Выглядели они настолько ужасно, что их едва можно было узнать. Солнце так опалило их кожу, что они были уже не белыми, а какими-то темными. В том году я видел много ужасных вещей.

Пока я находился в «Уандерлэнде», я видел психологов всевозможного рода. В свое время меня обвинили в агрессивном поведении на дороге, поэтому направили на курсы по умению владеть собой. Курсы вел небольшой паренек по имени Ян. Я не мог понять, что он же мог знать об умении владеть собой. Но через некоторое время я смог убедиться в том, что Ян вполне производит впечатление человека, готового в любую минуту взорваться. Полагаю, что он очень хорошо подходил для своей работы. На первом же занятии он научил меня еврейской мудрости: «Яркий свет, темные тени. И чем ярче свет, тем темнее тень». Он объяснил мне, что самые крупные звезды являются самыми темными, вот почему я был здесь, с ним.

Мэрилин предложила, чтобы я встретился также с психологом по сексуальным отношениям. Она направила меня к одному из них в Аризоне, но реально я приступил к этому вопросу только тогда, когда попал в «Уандерлэнд». Когда я отдыхал вместе с Мэрилин, она каждый раз отмечала, как я реагировал на женщин, которые подходили ко мне. Мне всегда казалось, что у тех девушек, которые ко мне обращаются, есть какие-то проблемы.

– Вы тратите на разговор слишком много времени, – читала мне лекцию Мэрилин. – Вы ведь не говорите: «Спасибо» – и затем просто даете им автограф. Нет, вы всякий раз интересуетесь у них, откуда они родом, как давно живут здесь, замужем ли. Мы здесь тридцать минут, а у вас уже десять телефонных номеров. Есть ли кто-нибудь, кого вы отвергли?

Я обратился к Шону МакФарлэнду, психотерапевту по аддиктивному поведению, который специализировался в вопросах сексуальной зависимости. У него был офис в районе Венеция[329]. На первый прием к нему вместе со мной пошла Шейла Балкан. Я был несколько скептически настроен относительно такого понятия, как сексуальная зависимость.

– Хорошо, предположим, вот вы специалист по сексуальной зависимости. Как это вообще работает и что это означает? –

спросил я его.

Шон показал на фотографию своего сына и жены, которая висела на стене его кабинета.

– Майк, это замечательный вопрос. Мне нравится трахать уличных проституток, а этот красивый мальчик и женщина на этом снимке – это мои жена и ребенок. Поэтому, когда я пью, употребляю наркотики и скандалю, я говорю им: «Пошли нах… й!», потому что они испортили мою жизнь, так как я не могу делать то, что я хотел бы делать. Вот что такое сексуальная зависимость применительно ко мне.

Я сразу же подписал с ним договор. Мы провели вместе много времени. Шон курировал собрания анонимных сексуальных наркоманов, и я стал ходить на них каждые понедельник, среду и субботу. Работать в этой группе доставляло мне наибольшее удовольствие. Там были классные парни, и было интересно послушать о нарушениях нормальной деятельности в этой области. Однажды на нашем собрании выступал парень, который считал, что с учетом своей ситуации он лучше всех нас.

– Думаю, что я не отношусь к вашей категории, ребята, – сказал он. – Я никогда не преследовал женщину на улице и не говорил ей, что хочу ее трахнуть. Единственная причина, по которой я нахожусь здесь, – это то, что моя жена фригидна.

– Уже одно только то, что вы это сказали, показывает, что вы относитесь к нашей категории, – сказал я ему. – Не пытайтесь понять все это за один день. Просто продолжайте приходить, ладно?

Я накапливал большой жизненный опыт в результате посещения этих собраний. Я действительно изменил свой взгляд на то, как я отношусь к женщинам. Я никогда не думал, что являюсь сексуальным наркоманом. Будучи чемпионом, я рассматривал занятия сексом со всеми этими женщинами в качестве своего рода бонуса. Предполагалось, что можно владеть всеми этими телами вокруг, горящими желанием. Все те, кому я поклонялся, были сексуальными завоевателями. Я читал про Эррола Флинна[330], Джека Джонсона, Джека Демпси, всех этих великих людей и про то, что всех них объединяло, – их победы над женщинами. Поэтому я всегда считал, что для того, чтобы быть значительной фигурой, необходимо одерживать в своей жизни победы над женщинами, и чем больше такого рода побед ты одержишь, тем станешь более значительной фигурой. Я никогда не знал, что если заниматься сексом со многими женщинами, то это у тебя больше отнимает, чем дает тебе. Я никогда по-настоящему не создал для себя идеального образа, к которому хотел бы стремиться, поэтому, читая о многих людях,

которых я считал великими, я брал какие-то качества от каждого из них. Я был слишком молод, чтобы знать, что и у великих людей бывают плохие качества. Даже Кас в своем мышлении старался ориентироваться на образ «настоящего мужчины». И все это обилие секса принесло мне только гонорею, хламидиоз и кучу других болезней с другими научными названиями.

Для меня женщины всегда были доступны, но я слишком потакал своим прихотям в сексе. У меня в номере было десять женщин, мы получали кайф от наркоты, а я должен был дать пресс-конференцию, так я некоторых из них взял с собой и поместил их в номер, где они должны были дожидаться меня, пока я не закончу давать интервью. Всякий раз, когда девушка изъявляла желание, я делал это. Либо я волочился за ними, либо они волочились за мной. Проблема заключалась в том, что я пытался удовлетворить каждую из них и сам при этом быть довольным. А это неправильно. Невозможно удовлетворить всех, некоторые из них были совершенно очумелыми, такими же больными на голову, как и я, если не больше. Можно потерять рассудок, пытаясь достичь этого.

У меня были свои женщины в каждом городе на планете. Вы бы видели мою картотеку! Слава богу, что изобрели компьютер. Я как-то в Финиксе назначил свидание девушке, которая увидела, как я занимаюсь своими голубями, и она мне сказала:

– Ваши птицы похожи на ваших женщин. Вам необходимо много птиц, так как если вы потеряете одну, у вас останутся другие. Вот поэтому вы и не держите никогда десять или двадцать птиц, у вас их всегда пятьсот. Вы настолько эмоционально привязаны к ним, что готовы смириться с утратой одной, только если у вас остается еще четыреста девяносто девять. Точно так же вы поступаете и с женщинами.

Она сама была совсем еще молодым птенчиком, но она была права. Я был неуверен в себе, опасался потерь, боялся оставаться один. В конце своей карьеры я продвигался вперед вместе с женщинами, переходя от одной к другой. Когда я рассказывал обо всем том дерьме, которое происходило в гостиничных номерах, это вызывало весьма болезненные чувства. Так всегда поступала моя мать. Переход от одного мужчины к другому. Не имело никакого значения, сколько у меня было денег, я унаследовал от своей матери ее черты. Я тоже переходил от одной женщины к другой. Сразу же после одной, раз, к другой, раз, к следующей, раз, и к следующей.

Я мог бы сказать: «Я просто ненормальный!», пытаясь время от времени обратить все в шутку, но что-то здесь было не так. Большинство тех, кого я привлекал, были жестокими,

вспыльчивыми лжецами и лгуньями. Даже женщины были сумасбродными. Большинство знаменитостей боялись своих нежеланных ухажеров. Я же готов был в плане траха заниматься садомазохизмом. Они ждали внизу, швейцар не пускал их, вмешивался я:

– Я не слишком благочестив для вас? Тогда поднимайтесь!

Они могут быть сумасбродными, но они отлично выглядели. У меня были «бегущие» светодиодные индикаторы, которыми можно запрограммировать свои собственные сообщения. Я составил следующие: «ОТЛИЧНАЯ КИСКА ПОТРЯСАЮЩАЯ СУЧКА. ОТЛИЧНАЯ КИСКА ПОТРЯСАЮЩАЯ СУЧКА». Это было смонтировано в моей спальне и в кромешной темноте смотрелось великолепно.

Для меня соблазнительная бабенка всегда была как наркотик. Когда я пытался добыть ее, на всей планете не было никого отчаяннее меня. В этом отношении со мной могли поспорить лишь педофилы или пансексуалы[331]. Пансексуал – это тот, кто способен найти оленя, убить его, притащить домой и трахнуть. И ты можешь узнать об этом только тогда, когда проходишь соответствующую программу лечения.

Я был настолько повернут на сексе, что не мог контролировать себя, даже когда в 1989 году получал почетную докторскую степень Центрального государственного университета штата Огайо.

– Не знаю уж, какой я доктор, но глядя на присутствующих здесь прекрасных сестричек, я подумываю о том, не стать ли мне гинекологом, – сказал я в своем выступлении.

Я пытался сделать комплимент женщинам, но они не восприняли его должным образом. Тем не менее, после моего выступления ко мне выстроилась в очередь целая толпа женщин. Мне понадобилось несколько лет, чтобы понять, насколько безобразна была та шутка. Я только недавно узнал, что моя мать ходила в школу вниз по улице как раз от Центрального государственного университета. Моя мать и ее родственники считали, что образование поможет им стать кем-то. Я мог бы высказать только свое удивление по этому поводу. Я всегда в первую очередь думал только о своем члене. Соответствующим поведением я компрометировал всю свою семью и являлся причиной громадных финансовых проблем на много лет вперед.

Что же представляли собой все мои победы на сексуальном фронте? Когда ты трахаешь всех этих девочек, это заставляет тебя чувствовать себя последним дерьмом, но ты уже не можешь остановиться. Ты ненавидишь самого себя, и тебе жаль девушек. Я никогда не любил их. Все, что я говорил им, было, блин, ложью,

даже если я в то время это и не осознавал. Находиться среди всех этих женщин было все равно, что рукоблудствовать. Я получал кучу удовольствия, но это не давало мне ровным счетом ничего. Я полагал, что получал эмоциональное удовлетворение от секса с ними, но я был настоящим простаком. Я был влюблен в саму любовь, а не в какие-то конкретные лица.

Я чувствовал себя оказавшимся в тупике. Чем больше я трахался, тем больше я чувствовал нараставшее отчаяние. Это совершенно ужасное чувство, когда все ушли, и ты остался в своей спальне один, и ты еще можешь ощутить их влагу на кровати. Это был сущий ад. Я чувствовал себя бездушным, бессердечным. И чтобы не думать о том, что ты чувствуешь, ты просто берешь еще больше девочек. Честно говоря, мне был нужен кто-то, чтобы удержать меня, поскольку в конечном итоге я чувствовал себя, как кусок дерьма. Вся та энергия, которую я получал от разных людей, была для меня сущей пыткой. Я чувствовал пустоту. В какой-то момент вся моя сексуальная жизнь превратилась в сплошные оргии. Я трахался с тремя, четырьмя, пятью цыпочками. Я даже не понимал, что, черт возьми, тогда происходило.

Тогда я никогда не думал об этом, но я испытывал громадный стресс: я пытался быть лучшим любовником для всех тех, кто трахал «Майка Тайсона». Ведь для них это свидание было таким событием, о котором они потом будут всегда вспоминать. Я понял, однако, что не бывает так, чтобы все подходили друг для друга. Секс – это очень сложное стечение обстоятельств. Каждый приходит со своим опытом. Я до сих пор не понимаю, что важно для секса: чувственное удовлетворение или фактическая близость? Я встречал людей, которые отклонялись от нормы. Я встречал людей, которые хотели полностью принадлежать партнеру, людей, которые хотели, чтобы им причиняли боль или чтобы в них плевали. Я знал девушку, которая хотела быть со мной, и она сказала: «О-о, я могла бы выдержать сильный удар!» Но я просто не мог поступить так.

После того как я многое прошел по своей программе, я понял причину, по которой я всегда хотел доставлять наслаждение женщинам: я надеялся, что они удовлетворят меня не только в сексуальном отношении, но и своей любовью. С помощью секса я хотел получить близость. И чтобы добиться этой близости и привязанности, мне приходилось заниматься сексом. Ты не получишь от нее желаемого, если не займешься сексом, но это, в действительности, не секс как таковой. Так что я был такой же проституткой, как и моя мать. Просто это было по-другому. У этой проститутки были деньги. Если я не порадовал тебя и не

удовлетворил тебя в сексуальном плане, как насчет этого «Мерседес-Бенца»? Этот автомобиль действительно доставляет оргазм, не так ли?

Это звучит банально, но я, очевидно, искал кого-то, кто бы относился ко мне по-матерински. Всю свою жизнь я искал любви своей матери. Моя мать никогда не дарила любви мужчине. Она одаривала их головной болью, она ошпаривала их, она ранила их ножом. Я никогда не видел, чтобы мама целовала мужчину. Я видел ее в постели с ними, но я никогда не слышал фразы: «Я люблю тебя» – и не видел, чтобы кто-то целовал ее в лоб.

Хотя я уже в молодом возрасте познал славу, меня всегда привлекали уличные девки. Это осталось во мне от матери. По крайней мере, моя мать поддерживала меня, а эти девушки – никого, кроме своих детей, но я-то не был их ребенком. Эти женщины были просто отвратительны, они были убоги и ничтожны для каких-либо отношений. Совсем как моя мать. Они прекрасно подходили для сострадания и любви к детям, но мужчина для них был лишь объектом для использования в своих интересах. Мне всегда нравился такой тип женщины, поэтому-то в моей жизни все так паршиво и сложилось. Все происходило по схеме: «бизнес-леди желает провести со мной время – к черту! – я иду и трахаю шалаву».

Когда я был в реабилитационном центре, я видел фильм об Эдит Пиаф *«Жизнь в розовом цвете»*. Этот фильм очень сильно напомнил мне мою собственную жизнь. Люди с улицы питают к тебе искренние симпатии, а какой-то бандюган учит тебя уму-разуму. Кто-то убивает его, и никого это не волнует, поскольку он был плохим парнем, но для тебя-то он был великим человеком. Общаться с ним приносило определенные блага – деньги, шмотки, ты мог что-то купить своей сестре. Точно так же, как герой этого фильма выбивал дерьмо из своей женщины, а они отобрали ее у него – то же самое произошло и со мной. С точки зрения всех остальных, то, как с ней поступили, пошло ей только на пользу. Но для нее самой – это было совсем не так. Ведь это была ее жизнь, она хотела жить с проститутками и сутенерами, это была ее семья. Было мучительно смотреть, как ее уводили прочь, а она кричала что-то проституткам. Вот так же и я терял в своей жизни и мог только рыдать. Счастье – это сложное понятие. Ты можешь находиться в аду и при этом быть счастлив. Некоторые прекрасно чувствуют себя в нищете. Ты вытаскиваешь их из нищеты, обеспечиваешь им нормальную жизнь – а они умирают, эмоционально и духовно, потому что боль и страдания – их единственная отрада. Им даже в голову не может прийти, что кто-то способен любить их и помогать им, ничего не требуя

взамен.

Покончить со своей сексуальной зависимостью – это в какой-то степени другая вещь, чем покончить с алкогольной или наркотической зависимостью, но в любом случае тебе необходимо сказать твердое «Нет», как и в случае с наркотиками. Здесь требуется большая работа над собой, и даже если ты взрослый человек, ты должен до известной степени вести себя как ребенок. Тебе следует постоянно анализировать, что ты делаешь, как ты разговариваешь с женщиной, даже то, какое количество времени ты можешь потратить на взгляд в ее сторону. Мой предел – три секунды.

Один из способов покончить с сексуальной зависимостью, по крайней мере для меня, – это оказаться на мели. Когда я оказался без денег, мне все это дерьмо перестало доставлять удовольствие. Когда я разорился, я просто перестал озабочиваться мыслями о том, как бы кого-нибудь трахнуть, поскольку, по моим бредовым понятиям, мой секс должен сопровождаться моим величием. Я для этого должен быть в роскошном номере люкс или на каком-нибудь красивом острове. Если же мне приходится заниматься этим в захудалом мотеле, то у меня пропадает всякий энтузиазм.

Это, действительно, весьма сложно – контролировать свои сексуальные пристрастия. Любая мелочь может привести к необратимым результатам. К примеру, я иду по улице и вдруг слышу цоканье, цок, цок, цок, это идет женщина на высоких каблуках – и со мной все решено. Или, например, я иду в три часа утра по темной аллее, поворачиваю и неожиданно вижу красивую женщину. И невольно я задаюсь вопросом: «А не шлюшка ли она? Что это она делает на улице в такое позднее время?»

Я совершил множество поездок в Финикс для участия в различных судебных процессах, и во все эти поездки я всегда брал с собой Шона. Он был родом из Финикса. С ним было здорово общаться. Он знал, о чем я думаю, он знал, что я буду прислушиваться к тому, как цокают высокие каблучки, и что это меня возбуждает. Когда я слышал цокание высоких каблучков, это было равнозначно тому, что кто-то стучится в мою дверь.

Во время очередной поездки мы с Шоном отправились перекусить. Он хорошо знал моих духов-искусителей. Уже когда мы вернулись после обеда, он обратился ко мне:

– Майкл, что с тобой?

– Когда я вошел в ресторан, я прочитал мысль всех, кто там присутствовал: «Взгляни на этого здоровенного, тучного, побитого жизнью ниггера!»

После этого мы разработали некоторые сигналы. Когда мне становилось не по себе, я очень вежливо хватал его за руку. Так я

сигнализировал Шону, что ему пора сказать мне: «Все в порядке, брат, мы спокойны и уверены в себе».

Порой вся эта работа утомляла меня. Когда мы первый раз вернулись в Аризону, Шон посчитал, что у меня настолько высок риск сорваться, что он предложил остаться со мной в гостиничном номере.

– Нет-нет, не стоит, – ответил я. – Не надо никому оставаться со мной в номере.

– Тогда вернемся на самолет. Я ведь знаю, какие у тебя планы. Ты собираешься кого-нибудь прихватить и скрыться от меня. Все это совершенно не круто. Итак, как же мы поступим?

Я чуть не врезал ему. Но в конечном итоге мы спали в гостиничном номере бок о бок.

Он всегда мог почувствовать, что я готов впасть в ярость.

– О чем ты думаешь прямо сейчас? Ты хочешь ударить меня, не так ли? – интересовался он.

– Да, мне не нравится, когда ты, б… дь, так смотришь на меня своими ирландскими глазами.

– Я знаю это, брат, я это знаю. Давай просто сделаем это.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как рассмеяться.

– Да ты, блин, просто псих, Шон.

– Да, но ты тоже псих, Майкл. Давай поговорим об этом.

Я знал, что, когда я был в «Уандерлэнде», на карту была поставлена моя жизнь. И я стремился выиграть. Когда ты, работая по программе анонимных алкоголиков и наркоманов, в течение определенного времени соблюдаешь правильный режим, тебе выдается жетон. Я относился к этим жетонам крайне набожно. Я по натуре своей – фанфарон, бахвал, и для меня всегда важно доказать, что я чего-то достиг. А это как раз был тот способ, который мне был знаком. Эти жетоны были похожи на мои чемпионские пояса. В нашем сообществе жетоны пользовались большим уважением. У тебя могла быть немереная куча денег, но ни жетонов, ни тюремного срока за спиной, и тогда к тебе не было никакого уважения. Мне жетоны безумно нравились. Я всегда с нетерпением ждал очередного из них.

В целом соблюдая принципы своего лечения, мне все-таки удавалось нарушать некоторые правила. Я проходил программу всего несколько недель, когда на одном из собраний встретил эту заводную цыпочку из Марокко. Ее звали Пола, она была удивительной женщиной. Однажды я пришел на собрание, и я увидел, как она стояла у двери, здороваясь со всеми. На ней была облегающая футболка «Адидас», сквозь которую просматривались большие, как торпеды, груди, которые были настоящими!

В этой комнате меня никто толком не знал, я был там

единственным черным парнем и представлял собой достаточно пугающий, ужасный на вид персонаж. После нескольких встреч с Полой на собраниях я подошел к ней:

– Послушайте, я прочитал всю книгу. Я дошел до восьмого шага…

– Майк, вы не помните меня? – перебила она меня.

Она напомнила мне об одном инциденте, который произошел несколько лет назад. Я ехал в Лос-Анджелесе по бульвару Сансет и увидел Полу, которая шла по улице. Я опустил окно, притормозил и попытался, как последний извращенец, заполучить ее к себе в машину.

Что ж, я могу повторить свою попытку.

– Послушайте, я знаю, что, проходя программу анонимных алкоголиков и наркоманов, нам нельзя назначать друг другу свидания, пока не пройдет первый год, но я упорно работаю над своим поведением. Как вы думаете, могли бы вы стать моим наставником? Мне бы хотелось подружиться с вами, – сказал я.

Паула была на четыре года старше меня, и она проходила курсы реабилитации в течение восемнадцати лет. Она была ведущим участником программы, девушкой того типа, которые просто просятся на обложку. Когда у нее наступил кризис, она собиралась издать книгу о программе анонимных алкоголиках и наркоманах. Вся ее жизнь вращалась вокруг этой программы, поэтому она хорошо знала, что с нами может случиться – то, что знающие люди называли «13-й шаг». Я же проходил программу реабилитации всего несколько недель.

Вначале мы стали вместе проводить время, как друзья, но через некоторое время мы начали ухаживать друг за другом. Я получил от администрации «Уандерлэнда» разрешение на то, чтобы провести ночь с Полой. Наши отношения мне дали очень много. У меня была подруга, которая в течение восемнадцати лет вела трезвый образ жизни и помогала мне в этом. Я еще никогда не общался с такой правильной цыпочкой, как она. Мне нравились женщины, которые вели правильный образ жизни, но поддерживать с ними отношения в течение длительного времени мне не удавалось. Во мне просыпался нарушитель норм, и я разбивал вдребезги их правильный образ жизни. Но с Полой было по-другому, и у нас все шло хорошо.

Я слегка нарушил еще некоторые правила, когда, находясь в «Уандерлэнде», снял документальный фильм о своей жизни. Ко мне обратился мой друг Джим Тобэк, талантливый режиссер, с которым я работал несколько лет назад над авторским фильмом *«Черное и белое»*. В то время я считал, что вряд ли смогу быть актером. Я сыграл свою роль исключительно ради Джима, мне за

это не заплатили, и я с этого ничего не имел. Все время, пока шли съемки фильма *«Черное и белое»*, я был под сильным кайфом от травки. Мой диалог был полностью импровизированным, поскольку я даже не мог прочитать сценарий. У меня была сцена с Робертом Дауни-младшим, и Джим хотел, чтобы я его ударил. Но я не смог даже сфокусироваться на нем, настолько сильно я торчал, и я ударил его не туда, куда надо было. Дауни оказался на полу и принялся пинать меня: «Перестань, мать твою, меня бить! Прекрати, б… дь, бить меня!»

Я хотел сделать этот документальный фильм, потому что мог получить за это хорошие деньги, а деньги мне были нужны позарез. Я уже продал по бросовой цене весь проект, и только после этого спросил Шона, правильно ли я все сделал. Я вел об этом речь так, словно собирался дать небольшое интервью, а затем все это вылилось в часы съемки в арендованном доме в Беверли-Хиллз и на берегу океана в Малибу. Забавно сейчас смотреть этот фильм. Хотя, пока шли съемки, я не пил и не употреблял наркотиков, для меня очевидно, что у меня все еще сохранялись черты наркозависимого. По существу, я снимал наркоманский документальный фильм.

Моя реабилитационная программа шла хорошо, и 24 сентября мы с Шоном полетели в Аризону, чтобы явиться в суд, где я признал себя виновным в хранении «кокса». Месяц спустя я вернулся, чтобы выслушать свой приговор. Пока я был в реабилитационном центре, я обошел весь город, чтобы обсудить проблему наркомании. Я ходил на судебные заседания, на которых рассматривались дела о наркотиках, я бывал в районах, где действовали молодежные группы, я давал свидетельские показания, от которых зависело, освободят ли обвиняемого от уголовной ответственности для прохождения программы реабилитации, или же его отправят в тюрьму. Я обошел множество мест и затратил на эту работу множество часов. Я сделал все, чтобы внести свой вклад в это дело. И когда мы представили судье всю информацию о моей общественной деятельности, это выглядело очень впечатляюще. Я получил замечательные письма от своих врачей и консультантов в реабилитационном центре, а также письма поддержки от своих друзей: от Шугара Рэя Леонарда и замечательного юриста Роберта Шапиро. Он потерял сына, который пристрастился к наркотикам. Роберт Шапиро основал фонд; он организовал показательные выступления боксеров со сбором денежных средств, на которых он дрался с Дэнни Бонадьюсом[332], и я выводил его на ринг в качестве тренера.

Тот факт, что я добровольно обратился в реабилитационный

центр и успешно проходил там соответствующую программу, произвел впечатление на судью, которая оказалась приятной либеральной леди. Она вполне могла бы определить мою задницу за решетку на несколько лет. Вместо этого она присудила меня к двадцати четырем часам тюремного заключения и 360 часам общественных работ и дала мне три года испытательного срока. Все выглядело достаточно оптимистично. В течение всего этого процесса меня очень поддерживала Моника. Без ее помощи мне пришлось бы тяжело. Наш брак был ужасен, но мы смогли остаться большими друзьями. Моника устроила хороший обед для моих адвокатов и меня с Шоном. Я собирался, вернувшись в Калифорнию, купить дом и продолжить свои усилия по реабилитации. Кто знает, может быть, я бы затем женился на Поле или на ком-нибудь другом в реабилитационном центре и стал одним из тех, кто является основой реабилитационных программ, кто не может спокойно наблюдать за тем, как вокруг пьют или курят травку.

Казалось, все шло хорошо, пока окружной суд штата Аризона не принял решения получить обо мне еще одну, последнюю информацию из полицейских досье. И они выяснили, что реабилитационный центр «Уандерлэнд» находился вблизи одной из школ. Таким образом, я, как сексуальный маньяк/правонарушитель, должен был зарегистрироваться в штате, поскольку пребывал в непосредственной близости от указанной школы. В результате нас предупредили, что, если я полечу обратно в Калифорнию, штат Аризона проинформирует полицейское управление Лос-Анжелеса (штат Калифорния) о необходимости арестовать меня в аэропорту. На самом деле это реабилитационный центр «Уандерлэнд» был виноват в том, что я не был зарегистрирован. Когда мы узнали об этом, один из моих адвокатов сказал мне, что я мог бы возбудить иск против реабилитационного центра. Я не мог поверить в это. Эти люди рисковали, спасали мою жизнь, а я теперь должен был судиться с ними? Нет, я не мог поступить так бесчестно.

Но я мог опять вернуться к наркотикам. Мой план вернуться в свое сообщество в Калифорнии, которое воспитало меня, провалился. Меня должны были отправить обратно в Калифорнию, а меня вернули меня в Финикс, и без той системы, которая меня поддерживала, шесть недель спустя я вновь обратился к наркотикам – и мы с Полой расстались. Мы еще встретились друг с другом пару раз, но теперь это уже не работало. Я начал сбиваться с пути, возвращаясь в мир наркотиков, а она осталась на правильном направлении.

К образу жизни заядлого кокаиниста я, правда, не вернулся. Я

принял такую кучу лекарств в реабилитационном центре, что это не могло не сказаться. И раз уж мне не было суждено начать новую жизнь в Калифорнии, я решил продать свой дом в Финиксе и приобрести дом в Лас-Вегасе. Я хотел быть там, где бурлила жизнь. Поэтому я купил дом в Хендерсоне. В январе я пригласил одну из своих подруг побыть со мной, и этот телефонный звонок оказался судьбоносным.

Я знал Кики Спайсер, когда ей было еще тринадцать. Ее отчим, Шамсуддин Али, был весьма уважаемым и влиятельным мусульманским священнослужителем. Он руководил самой большой мечетью в Филадельфии и имел тесные связи со здешней демократической политической элитой, в том числе с мэром Филадельфии и губернатором Пенсильвании. Ее мать, Рита, была журналистом, они освещала многие мои поединки. Когда в 1995 году я встречался с Бастером Матисом, возникла проблема с проведением поединка в Атлантик-Сити, и тогда отец Кики помог перенести его в Филадельфию. Он привел Кики на встречу со мной во время пресс-конференции, организованной перед боем, и она вместе со своей семьей отдыхала затем в моем гостиничном номере. Я настолько привык к тому, что различные люди знакомят меня со своими детьми, что я воспринимал это как само собой разумеющееся. У меня состоялся весьма интересный разговор о религии с ее отцом, имамом, и в моем больном воображении вдруг возникла мысль о том, что он предлагал мне Кики или одну из ее двоюродных сестер. Я безусловно, остался неравнодушен к Кики, однако у меня сложилось впечатление, что ей было неловко, неуютно со своими родителями. Ей, похоже, не хотелось быть вместе с ними.

С тех пор между нами ничего не происходило, пока год спустя я не узнал ее по-настоящему. Ее отец был вынужден поехать в командировку куда-то в район Питтсбурга и взял вместе с собой Кики и ее мать. Они позвонили мне и сообщили, что остановились в отеле всего в двадцати минутах езды от моего дома в Огайо. Когда я услышал, что их дочь была с ними, я ухватился за возможность, которая мне представилась.

– Нет-нет, не останавливайтесь в отеле, приезжайте ко мне домой, – предложил я.

Для меня это был шанс заполучить эту девушку. Когда они добрались до моего дома, я настоял на том, что имам и Рита воспользовались моей кроватью. Я мог заночевать в любой из многочисленных спален в другой части дома. Например, в той спальне, которая располагалась неподалеку от комнаты, предназначавшейся для Кики. Она отправилась спать, а я стал смотреть телевизор. Немного погодя Кики вышла из своей

комнаты и пожаловалась мне на то, что на ее подушке были какие-то волоски. Мы нашли другую наволочку, после чего она спросила, нельзя ли ей посмотреть со мной телевизор. Мы некоторое время смотрели его, а затем разговорились и болтали, казалось, несколько часов. Наконец, я перешел к решительным действиям.

– Ты такая красивая. Ты такая особенная. Можно, я тебя поцелую?

Конечно же, она клюнула на приманку. В то время ей было девятнадцать, поэтому произвести на нее впечатление не составляло труда.

Все завершилось тем, что в ту ночь мы спали в одной постели, но она мне не отдалась. Она мне нравилась, ее поведение трогало меня до слез. Мы были похожи на двух расшалившихся детей. Мы прятались от ее родителей, чтобы пообниматься. За те четыре дня, что они гостили у меня, мы с ней вплотную подошли к тому, чтобы заняться сексом, но этого так и не случилось. Когда для ее родителей пришло время уезжать, она попросила меня поинтересоваться у них, нельзя ли ей остаться у меня. Но это было совершенно невозможно.

– Думаю, будет лучше, если Кики на этот раз поедет с нами, – имам был весьма дипломатичен.

Перед тем как она уехала, я подарил ей цепочку с прекрасной алмазной подвеской от Шопара, выполненной в форме слоника. Она была недорогой, всего за 65 000 долларов или где-то так, я раздавал такие безделушки бездомным. У меня было их очень много, но Кики эта очень понравилась, и мне было приятно доставить ей радость. Я надеялся, что она отдастся, прежде чем уедет, но этому не суждено было случиться.

Мы несколько раз разговаривали по телефону, и я никак не мог забыть о ней после их посещения. Я не знал, как мне снова встретиться с ней: она постоянно была с родителями, куда бы они ни пошли. Подозреваю, что мое увлечение Кики стало очевидным для остальных, потому что Дон Кинг как-то предупредил меня:

– Держись подальше от дочки имама. Если возникнут неприятности, нам с ними не справиться. Ты слышишь, что я говорю?

Дон знал, что ему не одурачить отца Кики. И ему совершенно не хотелось, чтобы рядом со мной появился такой влиятельный человек. Однако его слова еще больше раззадоривали меня: я хотел добиться Кики. Я пригласил Кики, ее брата Азима и ее двоюродную сестру Асию на вечеринку по случаю моего тридцатилетия. Однако на этом мероприятии у меня было слишком много женщин, поэтому я не стал ухаживать за ней.

Для этой вечеринки я ввел дресс-код: все должны были одеваться строго, даже изысканно; джинсы не приветствовались. Конечно же, чуть позже я появился именно в джинсах и с прекрасной парой бриллиантовых браслетов от Картье. Этому научил меня Кас: ты всегда должен создавать такую обстановку, где ты можешь выделяться среди других. Ты устанавливаешь правила. Это был один из элементов его психологической войны. Он мог мастерски привести противника в смятение.

Родители Кики отправили ее учиться на третьем курсе за границу в Италию. Я узнал у них номер ее телефона там и позвонил ей. В свою очередь, у нее я узнал ее адрес и пообещал, что приеду навестить ее. Однако затем я попал на мотоцикле в аварию, и мы встретились лишь 2 декабря 2000 года в Лас-Вегасе во время поединка между Фернандо Варгасом и Феликсом Тринидадом. Ей разрешили посмотреть этот бой. Я столкнулся с ней в секции, где размещались раздевалки. Увидев ее, я подхватил ее и крепко обнял. На следующий день она пришла ко мне, и пять лет нашего ожидания наконец-то завершились.

«Теперь ты моя», – сказал я ей. Позже в тот же день я должен был выехать в Финикс на тренировки, и я попросил ее поехать со мной. Она провела со мной несколько дней, а затем вернулась в Нью-Йорк, где она в то время жила. Я не хотел, чтобы она уезжала, поэтому через несколько дней я позвонил ей и уговорил ее вернуться в Финикс. Некоторое время мы так вот и жили. Кики работала стилистом для видеоклипов, поэтому чувствовала себя достаточно свободной, чтобы немного погодя оставить это занятие.

Нам было очень хорошо вместе, пока я не повел себя по-хамски и не разрушил все это. Однажды вечером мы были вместе в Лас-Вегасе, пошли на обед в ресторан «Браун дерби», затем попали на кинофильм «Короли комедии». Было уже около половины первого ночи, и по дороге домой мне позвонила одна стриптизерша, с которой я встречался. Вернувшись домой, я сказал, что я собираюсь пойти встретиться со своим другом. Кики было по-настоящему больно, хотя тогда она и не стала этого показывать. Я же полагал, что все должны принимать мое поведение как должное. И всю мою жизнь они так и делали. Когда на следующее утро я вернулся, ее вещи уже были собраны, и Даррел был готов отвезти ее в аэропорт.

– Куда это ты? – спросил я ее. – Ты собираешься уходить?

– Да, – ответила она.

– О-о, я просто придурок! Ты же знаешь это! – сказал я.

После этого в 2001 году я несколько раз звонил ей и просил ее вернуться, но она не хотела со мной говорить. Тем не менее,

летом 2002 года мы опять были вместе. Я пригласил Кики на мой поединок с Ленноксом Льюисом. Она приехала за неделю до боя и осталась у меня в доме, который я снял. После поединка Кики на неделю осталась со мной в этом доме, помогая мне залечить свои травмы. Затем мы полетели на частном самолете в Нью-Йорк, и я поселился в ее квартире в Нижнем Манхэттене. Мы проживали вместе, но на самом деле не жили вместе. Мы были похожи на соседей по комнате. Я мог вечером пойти и начать тусоваться где-то. Иногда она встречала меня около клуба, и мы вместе возвращались домой. Даже когда я трахался с другой девушкой, я все равно этим вечером возвращался к ней домой. И она никогда ни на что не жаловалась. Она была очень сдержанной.

Одновременно я втайне встречался и с Лиз. Однажды вечером я признался ей, что у меня появилась новая подруга. Она помедлила, прежде чем ответить.

– Безусловно, мне это не нравится, но я никуда не уйду, – сказала она.

Однако наши отношения все же резко изменились. Подозреваю, что ей не хотелось быть половиком для вытирания ног. После одной телефонной ссоры между нами она решила, что хватит уже мне использовать ее квартиру в качестве складского помещения, упаковала мое барахло и экспресс-почтой отправила его ко мне домой в Лас-Вегас. Таким образом, в течение считаных месяцев я жил вначале с Лиз, затем переехал к Кики, а потом вернулся к Лиз. У меня был такой стиль жизни в то время. Когда я жил с Кики, я в первый раз понял, что я способен на это, что я, на самом деле, могу жить вместе с другим человеком.

Спустя год с небольшим ее гнев стих, и мы иногда пересекались то там, то тут. Неважно, с кем она встречалась в то время, она просто делала небольшой перерыв, чтобы несколько дней пообщаться со мной. Нам было очень хорошо вместе, а затем мы расставались на несколько месяцев или даже на год. Я вновь увидел ее в 2004 году на том поединке с Феликсом Тринидадом в Мэдисон сквер гарден, когда симпатичная шлюшка опоила моего нового телохранителя клофелином. Я пригласил ее поехать потусоваться со мной на вечеринке в клубе в районе Митпакинг. Она пришла и села за мой столик. Я разговаривал с разными людьми, и когда Кики на секунду отвернулась, одна белая девушка, которая принимала участие в вечеринке и которую я видел первый раз в жизни, подошла ко мне и, ни слова не говоря, уселась мне на колени. Через мгновенье, бац, Кики ударила меня по лицу.

Все просто остолбенели. Зип думал, что я выйду из себя и

поколочу ее, но я любил ее, поэтому я просто рассмеялся. Я знал, что она накопила на меня обиду за то, что я дурно поступил с ней в истории с Лиз, в то время, как она ухаживала за мной после моего боя с Льюисом.

После этого мы долгое время не разговаривали. Я вновь увидел ее в Лас-Вегасе в конце 2005 года на шоу иллюзионистов. Я столкнулся с ней, когда при мне находились две прелестные спутницы, с которыми познакомился этим вечером. Пока она была в Лас-Вегасе, мы пообщались и, как всегда, очень хорошо провели время.

Переехав в свой новый дом в Лас-Вегасе после приговора по делу о задержании меня полицией в Финиксе в связи с употреблением «кокса», я пребывал в подавленном состоянии. Врачи из реабилитационного центра «Уандерлэнд» так накачали меня лекарствами, что я был сонным и апатичным. Дэррил очень беспокоился насчет меня.

– Вы выглядите не совсем хорошо, Майк. С вами все в порядке? – поинтересовался он у меня. – Послушайте, я узнал номер телефона Кики. Я знаю, что каждый раз, когда вы поговорите с ней, вам становится лучше. Могу я связаться с ней?

Мы позвонили ей, и я попросил ее навестить меня. Кики как раз только что порвала со своим парнем и была в депрессии. Позже она рассказала мне, что она к тому времени пришла в себя после разрыва со мной и спросила мать, стоит ли ей приезжать ко мне.

– Что ты теряешь? Тебе всегда было хорошо с ним, – ответила ей Рита. – Езжай просто для того, чтобы лучше понять саму себя.

Кики приехала ко мне в январе 2008 года. В ту минуту, когда я взглянул на нее, я, похоже, полностью изменил свое представление о ней. *«Ух ты, какая же она классная!»* – подумал я. Возможно, это произошло потому, что я первый раз увидел ее, находясь в трезвом состоянии. Она превратилась в очень красивую женщину. Я хотел понять, мог ли я быть преданным одному человеку. Но мы оба в то время были в достаточно сильно подавленном состоянии. Я пытался вести правильный образ жизни после своей программы в реабилитационном центре, а Кики затронули испытания, выпавшие на долю ее семьи последние несколько лет.

Администрация Буша, по-видимому, пыталась подавить структуры демократической власти в Филадельфии. Было организовано прослушивание городской мэрии и офиса имама. Имама и Риту преследовали, их обвинили в том, что в мусульманской школе, которой они руководили, были хищения федеральных средств. Против Кики и ее брата были даже

выдвинуты обвинения в преступном сговоре, мошенничестве с использованием почты и хищении средств федерального бюджета. Кроме того, Кики обвинили в даче ложных показаний большому жюри. Каждому из них грозило более ста лет тюрьмы. Дело с самого начала было полной фигней, но Кики, ее мать, брат и отчим были осуждены. Главный вопрос заключался в том, вела ли Кики занятия в школе, которая финансировалась правительством. Кики дала свидетельские показания о том, что, насколько ей известно, она вела. Это, однако, не устроило прокурора.

– Нет, на этот вопрос надо отвечать «да» или «нет». Вы вели занятия?

– Да, насколько мне известно, – повторила Кики.

И это продолжалось снова и снова. Она не могла допустить, чтобы прокурор запугал ее. В конце концов, из-за этого ее признали виновной в лжесвидетельстве, но назначили достаточно мягкое наказание: шесть месяцев домашнего ареста. Федералы, однако, не перестали преследовать ее и обжаловали ее приговор. Они добились пересмотра судебного решения, и она была повторно осуждена за то преступление, за которое уже была осуждена на домашний арест. Это стало сенсацией, и она была уволена с работы. В этой связи она также была в сильной депрессии.

Мы оба целыми днями непрерывно смотрели по телевизору сериал *«Закон и порядок»*. Я в полусонном состоянии валялся на диване, проводя время за поеданием печенья и «Дэйри куин». Назначенные мне лекарства действовали на меня успокаивающе. У меня не было обычного фанфаронства. По вечерам мы посещали клубы, но я был настолько отрешен от действительности, что с трудом узнавал своих приятелей.

Сдвиг восприятия был не у меня одного. Кики полагала, что она знала меня уже много лет. Однажды она пришла в комнату, когда я там хрустел сладкими хлопьями «Кэптен кранч» и играл в видеоигру, и сказала:

– Вот как интересно получается: ты считаешь, что знаешь кого-то, но ты их совершенно не знаешь. Ты считаешь, что они такие, а они совершенно другие. Ты ведешь себя совершенно иначе, чем ты есть на самом деле, Майк!

Проведя со мной несколько дней, Кики принялась изучать лекарства, которые мне были назначены врачами реабилитационного центра. Вот их список[333]:

Депакот
Нейронтин
Зипрекса

Абилифай
Симбалта
Велбутрин XL
Трайкор
Зокор

Последние два препарата предназначались для лечения у меня высокого уровня холестерина и триглицеридов. Все же остальные являлись наркотиками для головы. Один из них был стабилизатором настроения у психически больных, два препарата – антидепрессантами, еще два – регуляторами настроения при циркулярном психозе. Один из препаратов применялся для лечения эпилепсии, которой у меня никогда не было. Кики составила целый список побочных эффектов этих препаратов и показала его мне, и я согласился с тем, что должен очиститься от них. Она пошла и принесла средства китайской травяной медицины для очищения моего организма.

Я дополнил эти травы своим собственным режимом употребления кокаина. Я, конечно, был зомбирован этими таблетками, которые были прописаны мне для головы, но, тем не менее, смог позаботиться о получении необходимого мне «кокса». Я бы предпочел курить травку, но не мог этого себе позволить, потому что раз в месяц все еще проверялся у своего инспектора по надзору за условно осужденными. Дело в том, что марихуана остается в организме и обнаруживается в моче в течение более шести месяцев. Для меня и еще дольше, наверное, потому, что я патологически ожирел, а тетрагидроканнабинол, активное вещество марихуаны, связывается напрямую с жировыми клетками. Что же касается «кокса», то он остается в организме в течение трех дней, а затем выходит. Это именно тот наркотик, который необходим находящимся на испытательном сроке.

Кики отправилась обратно в Филадельфию, где ей повторно выносился приговор, так что я мог скрыть от нее то, что я употреблял «кокс». 1 апреля, в день дурака, ее одурачили, когда судья вынес решение, согласно которому ее вновь приговорили к шести месяцам заключения. Однако на этот раз вместо домашнего ареста ей пришлось отправиться в тюрьму. Все были просто шокированы. Я не хотел, чтобы она пропадала на шесть месяцев. Она была готова отправиться в тюрьму в тот же день, но ей дали тридцать дней, чтобы привести свои дела в порядок, так что прибыть в тюрьму она должна была не раньше 1 мая.

Когда Кики уехала, я решил попытаться посещать собрания анонимных алкоголиков и наркоманов в Хендерсоне. Сам город новый, он прекрасно выглядит, но собрания были организованы в

совершенно жутком районе. Я побывал на одном из собраний и не смог там не упасть духом. После собрания я пошел и принял дозу. Я был мастером рецидива. Тот, кто читал что-нибудь о собраниях анонимных алкоголиков и наркоманов, должен знать, что рецидив является частью реабилитации. Невозможно реабилитироваться и окончательно излечиться без рецидивов. У тебя еще остаются духи-искусители, с которыми надо бороться. Дьявол все время вмешивался в мои дела. Он знал, что я мастер рецидива, поэтому приходил ко мне. Если бы он считал, что я сильный, он не стал бы даже приближаться ко мне. Дьявол был в курсе дела, что я знал, что не особенно нравился богу, поэтому он хотел, чтобы я бунтовал.

Кики вернулась, чтобы побыть со мной, прежде чем 1 мая отправиться в тюрьму. Где-то за неделю до того, как ей надо было уезжать, она подошла ко мне, когда я смотрел внизу в гостиной телевизор.

– Детка, нам нужно поговорить, – сказала она мне весьма драматично.

Мне вспомнился эпизод с Джонни Деппом в фильме *«Кокаин»*, когда девушка приходит, чтобы сказать ему, что она умирает. Когда Кики так странно посмотрела на меня, я находился под кайфом, поэтому струхнул. Я был просто уверен, что она сейчас сообщит мне о том, что у нее рак.

– О нет, детка! Нет! – сказал я. – Ты больна?

– Нет. Ты просто тупица. Я беременна.

Я почувствовал себя так, словно с меня свалился тяжкий груз. Я только что побывал в аду и спасся оттуда. Однако мне пришлось сделать ей внушение:

– Ты же знаешь, что это не может быть веским аргументом. Все мои браки складывались ужасно. Я обожаю тебя, но я не однолюб. У меня никогда больше не появится денег. Сейчас я банкрот. Прежним мечтам, когда я был твоим прежним парнем, уже нет места. Тебе уже не суждено разъезжать в лимузинах. Возможно, тебе и не придется выстаивать очередь в ресторан, но тебе не суждено больше носить дизайнерские вещи, придется пользоваться магазинами уцененных товаров. Я стану для тебя просто образцом разорившегося парня, какие только были у тебя раньше.

– Послушай, тебе нет необходимости заниматься ребенком, – возразила она.

Да, всю эту фигню я уже слышал – пока не появлялся ребенок и не наступали трудные времена, и ты получаешь эту гребаную повестку о вызове в суд. Так вот все и происходит.

– Послушай, – сказал я, – что ты от меня хочешь? Я буду

помогать тебе. Мы все будем делать вместе. Я дам тебе все лучшее, что только смогу…

Я-то знал, что все это завершится плачевно.

– … Но вряд ли нас ожидает какая-то слава. Никаких телевизионных камер, журналистов, «юпитеров», ничего такого. Телевизионные камеры будут только на моих похоронах. Нам придется жить так, как будут позволять обстоятельства. Если ты готова разделить со мной такую жизнь, то хорошо.

Пока Кики находилась в тюрьме, я не так часто разговаривал с ней. Я вновь достаточно глубоко погрузился в вечеринки с кокаином, и Кики не звонила мне, потому что ей совершенно не хотелось обнаружить, что я был в стриптиз-клубе, и слышать хихиканье шлюх на заднем плане. Я не мог отвечать за то, что она услышит, и не был способен обеспечить ей то, что она хотела бы услышать. Насколько это меня касалось, я уже обозначил свои обязательства перед ней.

Непосредственно перед тем, как Кики отправилась в тюрьму, я ей сказал:

– Когда ты освободишься, ты станешь моей девушкой. По-другому для нас с тобой и быть не может. Когда ты освободишься, я буду принадлежать тебе и ребенку. У меня не будет никаких беременных подружек, и я скажу всем этим женщинам, что моя женщина сейчас в отъезде, а когда она вернется, со всем этим будет покончено.

По правде говоря, я собирался устроить такой шестимесячный мальчишник. Слава богу, что я не подхватил СПИД или что-то в этом роде. Кики была расстроена, потому что, пока она находилась в тюрьме, она видела несколько фотографий меня с другими женщинами, однако ей пришлось пережить это. Мне также пришлось кое-то пережить. Что касается взаимоотношений между людьми, то следует смириться с прошлым своего партнера. Я не стыдился того, что я сделал, потому что мы жили в двух разных мирах. И я не знаю, кто позвонил ей или навестил ее, меня это не волновало.

18 мая в Каннах был показан мой документальный фильм. При перелете в Канны я был под кайфом. Я прихватил с собой какую-то девушку из округа Колумбия, и все то время, пока мы там находились, мы гуляли. Она пригласила еще девочек, и мы спали с ними. У нас были веские причины для гульбы: мой фильм получил восторженные отзывы критиков в Каннах. Я дал прессе свою собственную краткую аннотацию на фильм:

– Это как греческая трагедия. Суть только заключается в том, что главный объект трагедии – это я сам.

Вернувшись в Лас-Вегас, я продолжал непрерывные гулянки.

У нас с моим другом Мартином был приятель, которого звали Парис, старый крутой ублюдок. Ему было, по крайней мере, лет восемьдесят, и он был крупным наркоторговцем. Как правило, он работал распорядителем в одном из казино на Лас-Вегас-Стрип и всегда с шиком одевался. Мартин дружил с Парисом уже сорок лет, и ему не понравилось, когда я начал тусоваться с ним, потому что Мартин полагал, что тот плохо влияет на меня и подталкивает к наркотикам. Сам Мартин был парнем из сельского штата Миссисипи. Он увидел, как торчу на «коксе», и сказал: «Ты что, наркоман с Гималаев? Ниггер, ты же не какое-то там дерьмо. Ты уже подсел на кокаин. Как ты можешь заниматься этим дерьмом? В результате у тебя нет ни денег, ни даже шлюх, у тебя ничего нет, ниггер!»

Даже Парис старался избегать меня. Я как-то пригласил его пойти потусоваться, и сначала все было классно, но потом он увидел, как я поступаю с кокаином, и, поскольку сам он употреблял только чистый кокаин, сказал мне, высокомерный ублюдок:

– Майк, вам не надо ничего этого. Ступайте к своим белым приятелям, которые пользуются шумным успехом, употребляйте их поганую наркоту, которую они где-то добыли. Вы не потянете это дерьмо, Майк, вам нужны наркотики белых.

Когда Парис умер, на похоронах огласили его волю:

– Единственные два моих друга – это Мартин и Майк Тайсон. Я хочу, чтобы они унаследовали все мое добро.

А какое может быть добро у наркоторговца? Его запас наркотиков, нычка. После похорон Мартин забрал эту нычку и передал мне пожелание Париса, чтобы я взял его «кокс». Однако когда я попросил у Мартина этот «кокс», он ответил:

– Майк, сейчас вы поступаете нехорошо. Я сейчас не могу с чистой совестью отдать вам это.

– Мартин, но ведь это же – мое! Как можно не отдать мне то, что мне принадлежит? Ты же не мой отец!

– Мой мальчик, я просто не могу этого сделать.

Мартин был до мозга костей христианином-баптистом из южных штатов. Он совершал все грехи, которые перечислены в Библии, но мог умереть за Иисуса и убить за Иисуса. Я был уверен, что по праву принадлежащее мне дерьмо находилось в доме у Мартина, и я так нуждался в нем, что сделал сам себе приглашение переночевать у Мартина.

– Кики в тюрьме. А я побуду здесь, с вами, – сказал я Мартину.

Как только Мартин ушел на работу, я принялся шмонать его дом. У него в шкафах хранилось, по крайней мере, сотня

костюмов от Стэйси Адамса, и я лихорадочно порылся в каждом кармане, чтобы обнаружить нычку.

«Майк, успокойся, – велел я сам себе. Я взмок, как последняя свинья, настолько я был возбужден. – *Все в порядке. Вспоминай тактику выживания в трущобах. Вспомни свой район. Если бы ты был в районе, где бы ты спрятал свою наркоту?»*

Я осмотрел стволы пушек Мартина. Я исследовал каждый ботинок. Я заглянул под кровать, под матрас. На каком-то этапе я, просматривая все пустые консервные банки Мартина, наткнулся на небольшой комочек «кокса», который кто-то дал ему лет двадцать назад. Это был именно комочек в буквальном смысле этого слова. Вся грязь, все микробы за последние двадцать лет въелись в этот «кокс». Он стал уже не белого цвета, а какого-то болезненно серовато-зеленоватого.

Через пару часов пришла уборщица.

– УБИРАЙСЯ! УБИРАЙСЯ ОТСЮДА! – завопил я на нее.

Это была испанка, которая не смогла понять, что такое с этим психом, который накричал на нее, поэтому она позвонила Мартину, и тот велел ей прийти на следующий день.

В конце дня домой вернулся Мартин. Он вышел из дома трезвым, но весь день на работе пил, поэтому был в стельку пьян. Он увидел бандану, которая лежала на столе в гостиной, подобрал ее и швырнул на пол.

– Ты приводил сюда женщину, ублюдок! – сказал он.

– Нет, Мартин, я никого не приводил, – ответил я ему.

– Нет, у тебя здесь была шлюха, – настаивал он.

При Мартине всегда крутился мальчишка из пригорода, потому что он давал тому немного денег на различные домашние дела. Я поднял бандану и обратился к нему:

– Молодой человек, как вам должно быть известно, это не женский чулок, а бандана.

– Я знаю, что это такое, – ответил мальчишка.

– Тогда объясните это ему.

Мартин, однако, был настолько пьян, что не мог опознать своей банданы, которой он каждый вечер, перед тем, как идти спать, повязывал голову.

Придя в свою спальню, Мартин был шокирован.

– Что, черт возьми, здесь случилось? – печально поинтересовался он.

Я разобрал его кровать и, подозревая, что «кокс» может быть спрятан в ножках каркаса, выломал их. Все ящики комода были вытащены и перерыты. Стенной шкаф был разломан. Я превратил этот дом в руины.

– Майк, зачем, мать твою, ты это сделал? – спросил он.

– Потому что я искал «кокс», – ответил я.

– Я положил его в сейф в своем кабинете. Его здесь нет.

– Мартин, почему же ты не сказал мне это? Почему же ты просто не отдал его мне, б… дь? Он – мой.

– Нет, черт подери! После того что ты здесь натворил, я не отдам тебе это дерьмо!

И он никогда так и не отдал мне этот «кокс».

К тому времени я стал очень тучен, я весил почти 360 фунтов[334]. В нормальном состоянии я даже не смотрел на девушек, понимая, что я им противен. Но после «кокса» я набирался достаточно смелости, чтобы подойти к кому-нибудь. И после этого я тусовался с кучей незнакомых девиц, полагая, что безумно красив.

У меня дома опять начались оргии. Двадцать голых людей толпились в моей гостиной, все под «коксом», и никто не говорил в мой адрес ни единого дурного слова. Все девушки окидывали меня взглядами, прикасались ко мне, обжимались со мной, целовали меня.

Однажды вечеринка продолжалась у меня всю ночь. По всему дому все занимались сексом. Я находился в своей спальне с двумя женщинами. Я не спал уже два дня. Вдруг в спальню вбежала еще одна цыпочка:

– Майк, там в дверь стучится ваш инспектор по надзору за условно осужденными.

Мой член сразу же упал. Как только прозвучала фраза об инспекторе по надзору за условно осужденными, стоящем у двери, один из парней из числа досрочно освобожденных швырнул свою одежду, рванул к задней двери, перепрыгнул через забор и был таков. Я тайком выглядывал из окна, бросая взгляды на передние ворота, чтобы понять, там ли еще инспектор. Я был напуган до усрачки, однако через несколько минут инспектор ушел.

Была совершенно удивительная история, когда я встретился в Лас-Вегасе с двумя девушками по вызову. Когда мы поздно вечером загуляли на Лас-Вегас-Стрип, мы, чтобы не возвращаться в Хендерсон, решили снять номер в гостинице, имея в планах поторчать от наркоты. Я уже был в номере, а моя девушка пока еще обслуживала клиента. Вместо того чтобы курнуть, я втянул носом дозу своего хорошего «кокса», и у меня онемел весь нос. Я позвонил своей подружке. Она ответила, и я мог слышать в фоновом режиме, как ее там трахают.

– С тобой все в порядке, детка? – поинтересовалась она.

– О-о, у меня онемел нос. Я в гостиничном номере. Я умираю, детка.

– Возьми еще одну дозу, – посоветовала она.

Я последовал ее совету.

– Эй, теперь все в порядке. Это все, что мне надо было сделать?

Я принял еще одну дозу.

– А теперь и вообще все в полном порядке, – сообщил я ей.

– Ладно, если я вам понадоблюсь, звоните, – ответила она и вернулась к своему клиенту.

Я много раз гулял в ночных клубах, а затем отправлялся к кому-то домой продолжать вечеринку. Однажды я был с одной из своих подружек из числа проституток, и мы отправились к моему приятелю Брайану. Я со своей девушкой пошел прямо в заднюю комнату и там получил кайф от «кокса» и «грибочков»[335]. Выйдя оттуда, я обнаружил, что там была новая команда, которая пришла на вечеринку. Это была группа радостных белых парнишек, славных ребят, которые хотели просто сделать несколько дорожек. Я вернулся в комнату, побалдел там со своей девушкой, а когда еще раз вышел, то увидел, что белых парнишек сменили мексиканцы. Они были спокойными и скромными. Я повеселился с ними немного и вернулся к себе. Выглянув наружу в следующий раз, мы с девушкой наткнулись на команду черных. Я все еще находился в отличном нарконастроении и поэтому особенно не задумывался о калейдоскопе разноцветных команд, мелькавших у меня перед глазами. Я был уверен, что некоторые из этих парней хотели бы познакомиться с моей девочкой, но я не зацикливался на этом, потому что, если бы они хотели это сделать, им бы пришлось заплатить ей, это было именно так.

Я вышел к ним.

– Привет, ребята, что-нибудь нужно?

Я из кожи вон лез, чтобы изобразить из себя безобидного дядю Тома, верно? Они посмотрели на меня и, ничего не ответив, пренебрежительно покачали головами. Как только они это сделали, мне в голову стали приходить разные мысли:

«Ух, эти ниггеры не знают, кто я? Тогда им следует это узнать. Я – Майк Тайсон. Как они смеют не благоговеть передо мной?»

Я был под воздействием «грибочков», а «кокс» усугублял дело.

«Эти ублюдки ведут себя так, будто я обязан им тут помогать, – думал я. – *Они даже не сказали «Нет, спасибо» – или что-нибудь в этом роде».*

Я пошел в ванную, а когда вернулся, то увидел, что эти ребята подсыпают моей девушке клофелин. Я пришел в ярость. С какой стати, мать их, они делали это прямо у меня на глазах?

«Эти ниггеры, должно быть, думают, что меня здесь просто нет. Они думают, что я жирное ничто, что я уже не тот парень, которым я был раньше», – подумал я.

Я наблюдал за тем, как один из парней смотрел на мою девушку, буквально погружаясь взглядом в ее тело. Затем он засмеялся и похлопал меня по руке.

– Ты просто псих, Майк, – сказал он.

И тогда у меня в голове что-то словно щелкнуло.

«Я убью этих ниггеров», – подумал я.

Я пришел в боевую готовность. Весь принятый кокаин, все «грибочки», все «Хеннесси» уверяли меня в том, что эти ублюдки должны пасть передо мной ниц. Поэтому я встал, схватил клюшку для игры в гольф хозяина дома и ринулся на этих парней. Я так завопил, что моя девушка вышла из оцепенения. Один из парней подбежал к окну и выпрыгнул из него. Другой заперся в ванной. Я изловил того, который пытался спрятаться за диваном.

– Послушай, ниггер, я, мать твою, сейчас устрою здесь бойню, приятель, ведь я убийца. Если вы все чего-то хотите, вам следует вежливо меня об этом попросить. Вам следует обращаться ко мне: «Да, сэр», «Нет, сэр», «Мистер Тайсон».

Между тем моя девушка умоляла меня:

– Нет, детка! Детка, не надо! Нет, детка! Пожалуйста, пойдем со мной! Детка, давай уйдем!

«Б… дь, эта шлюха не знала, что я такой, так ведь?» – подумал я.

Пока все это происходило, парень выбежал через переднюю дверь к своим приятелям. Затем мы тусовались там еще около трех часов. А потом мы услышали голос из ванной:

– Я прямо сейчас звоню копам. Если вы не выпустите меня отсюда, я позвоню копам.

– Б… дь, а этот ниггер все еще заперт в ванной? – удивился я. Мы и думать про него забыли.

Я пытался убедить себя, что мне наплевать на то, что моя девушка продавала свое тело. Но я слишком эмоциональный парень для того, чтобы на самом деле смириться с этим. Однажды вечером я тусовался в доме одного парня, через которого мы проводили разные дела с наркотиками и деньгами. Моя девушка вернулась от клиента, выглядела она замечательно.

– Ты готова ехать домой? – спросил я ее.

– Иди домой, детка. Я на некоторое время останусь здесь с этим парнем. Увидимся дома чуть позже.

– Хорошо, детка, – сказал я и поцеловал ее. И когда я шел к своей машине, у меня появилось странное чувство.

«Эй, что же, б… дь, такое получается? – подумал я. – Я что же,

только что участвовал там в игре с этим мерзким белым парнем?»

Я приехал домой, и когда моя девушка вернулась, она сразу же подошла ко мне.

– Знаю, ты не зацикливаешься на этом дерьме, – сказала она. – Но знай: если бы этот ублюдок когда-нибудь сказал хоть что-то неуважительное о тебе, когда я прыгала на нем, я бы перерезала ему его гребаное горло.

Она была крутой итальянской цыпочкой.

– Детка, мы за счет этого живем, – сказала она. – Ты ведь больше не дерешься. Это дерьмо ничего не значит для меня. Я ведь возвращаюсь к тебе домой, детка.

Эти девочки кормили меня, потому что я был на мели, но я не хотел, чтобы они раздаривали свою мохнатку. Я был единственным парнем, который вынуждал своих подружек-проституток бросать его, потому что я был против того, чтобы они работали. Подозреваю, что мой отец и Айсберг были правы: я неправильно вел себя с женщинами. Во мне не было сутенерской закваски. Всем бросался в глаза мой агрессивный имидж, и поэтому считали, что я Сутенерский Король, но я был скорее клиентом, чем сутенером. Я был мистер Клиент с островов Ару.

* * *

Во время своего шестимесячного академического отпуска от Кики я вновь неотвратимо погружался в пучину кокаинового ада. И Мэрилин попыталась спасти мою задницу. Она позвонила мне, когда я находился под кайфом.

– Майк, где ваша Большая книга «Анонимных алкоголиков»? Давайте прочтем ее вместе прямо сейчас. Читайте страницу пятьдесят вторую.

Находясь под кайфом, я разговаривал с ней по громкой связи. Я открыл страницу, которую она упомянула, и начал читать ее вслух:

– «Проснувшись утром, надо подумать о предстоящих двадцати четырех часах жизни. Рассмотрим наши планы. В самом начале дня мы просим Бога направить наши помыслы в верное русло, уберечь нас от жалости к себе, бесчестных поступков, корыстолюбия».

Я читал это, а Мэрилин покрикивала на меня: «ГРОМЧЕ!! ЧИТАЙТЕ ГРОМЧЕ!!»

Я не бросил трубку и не сказал, что занят, потому что хотел, чтобы мне помогли.

«Практика показывает, что наиболее стойкий иммунитет

против алкоголя дает интенсивная работа с другими алкоголиками».

Чтение напомнило мне: я думал, что я был просто кокаинистом, но нет, я был алкоголиком. Я всегда употреблял «кокс» после выпивки. Таким образом, стоило только мне выпить, и все подвергались опасности, включая меня самого.

Я хотел устроить вечеринку в Нью-Йорке, но этот план сорвался, когда меня обвинили в том, что заплатил 50 000 долларов за убийство парней, которые в 2000 году якобы убили моего друга Дэррила «Убийцу» Баума. Это предположение было высказано в ходе судебного процесса по делу одной из организаций «Кэш мани брозерс», которая контролировала оборот наркотиков в некоторых кварталах Бруклина. Один из парней, убивших Баума, вроде бы слышал об этом вознаграждении, планировал убить меня и чуть было не осуществил свои планы летом 2000 года, когда я был в Бруклине. Меня выследили, когда я катался в одном из своих «Рэндж Роверов» по Атлантик-авеню, но некоторые из парней из группировки «Кэш мани» были против моего убийства, поскольку я был мусульманином.

Все это была, конечно, полная чушь, однако упоминание моего имени в связи с убийствами торговцев наркотиками способствовало распространению слухов о том, что я такой весь из себя крутой психопат. Я тогда все еще находился на испытательном сроке, поэтому меня предупредили, что мне нельзя появляться в своем родном городе.

Это был мир, в котором я вырос. Все мои друзья убивали ради наркотиков. Я пошел одним путем, они – другим, но мы продолжали общаться. Теперь же я вновь опрокинулся в этот мир, и это было кошмаром. Я чувствовал себя так, словно весь мир рушился на меня.

Я оставался на Западе и продолжал болтаться без дела, изводя себя наркотой. В декабре я взял одну из своих подружек из числа девушек по вызову на премьеру нового фильма Уилла Смита «Семь жизней». Кики, находясь в тюрьме, увидела фотографию меня и девушки на красной ковровой дорожке и здорово разозлилась. Я тоже разозлился, но потому, что чувствовал себя дерьмом. Непосредственно перед вечеринкой по случаю мероприятия я позвонил своей старой подруге Хоуп и попросил ее приехать и забрать меня. Она подъехала, я выбежал, сел в ее машину и уехал, оставив на вечеринке и свою девушку, и своих телохранителей.

Мне просто необходимо было сбежать. Мне звонили телохранители, все были шокированы, и я передал свой телефон Хоуп.

– Он в полном порядке. Пусть он немного придет в себя. Я привезу его обратно, – сказала она им.

Я не хотел возвращаться, я хотел просто исчезнуть. Хоуп, однако, привезла меня обратно и пошла вместе с нами на вечеринку. Я там просто отрешенно бродил, не обращая ни на кого внимания.

Чуть позже в том же месяце я пошел в один из своих клубов в Лас-Вегасе. Я прошел к своему обычному месту в зоне для ВИП-гостей, когда увидел большую толпу рядом с ограждением. Как оказалось, администратор не пропускал парней из числа крупных наркоторговцев, которые обычно располагались в ВИП-зоне. Меня, однако, он пропустил. Я занял свое обычное место за столиком и начал пить коньяк «Хеннесси». За соседним столиком была компания, которая пила и веселилась. Я посмотрел на них и подумал про себя: «Кем они, б… дь, возомнили себя? Это наше место!» Затем я увидел одну из близняшек Олсен и догадался, что вся эта компания относится к шоу-бизнесу. Эти белые смотрели на меня, незваного черного гостя в углу. Но это было мое место. Как я полагал, я тоже был крутой большой шишкой Лас-Вегаса. Затем, неожиданно для всех, ко мне подошел комический актер Зак Галифианакис.

– Послушайте, через две недели мы будем снимать фильм с вашим участием, – сказал он.

– Зае… сь! В самом деле?

Зак рассмеялся. Должно быть, он подумал, что я подначиваю его, но это, действительно, оказалось для меня новостью. Я ничего не знал ни о каком фильме. Я, как обычно, встречался с разными людьми, раздавал автографы, лишь бы добыть достаточно денег на наркотики. А тут, оказывается, шла речь о фильме. Круто, давай делать фильм! Я понятия не имел, какого черта я впутываюсь в это дело.

– Идемте к нам, выпьем, – предложил Зак. Он был отличным парнем.

Через пару недель я был на съемках фильма «Мальчишник в Вегасе». Я был толстым, совершенно не в форме и в дурном настроении. Но режиссер Тодд Филлипс и актеры были просто замечательными. Не знаю, возможно, они считали, что я способен психануть на съемочной площадке, но Тодд и продюсеры постоянно присматривали за мной.

– У вас все в порядке? Вам не нужно сделать перерыв? – интересовался Тодд. – Вы не могли бы сейчас сделать еще один дубль? Если вы не хотите, то не надо.

Я был просто счастлив работать. Я просил Бога дать мне еще один шанс, чтобы я больше никогда не возвращался к

наркотикам, хотя я не мог отказаться от «кокса». Я принимал «кокс» все то время, пока мы снимали «Мальчишник в Вегасе». Со мной на съемочной площадке была одна из моих подружек-проституток. Как-то во время съемок к нам заехал Шон. Он бросил взгляд на зад моей девушки и покачал головой:

– Как я вижу, эти дни вы вряд ли часто вспоминали обо мне или о «Кэш мани брозерс». Так ведь, Майк? – спросил он.

Мне нравилось на съемочной площадке. Там были установлены столы с закусками, с отличными пирожными, печеньем, конфетами. Я порой прерывал съемку очередной сцены, чтобы еще раз подойти к этим пирожным.

Я не ожидал многого от этого фильма. Но Тодд утверждал, что получится замечательный фильм и что после его выхода я снова окажусь на вершине славы. Это, конечно, было круто, но меня больше привлекало то, что я вновь способен развлекать людей. Я понял, что даже тогда, когда я был боксером, для меня важнее было развлекать людей, чем одерживать победы в поединках. Кас всегда обеспечивал присутствие рядом со мной всех этих харизматических и притягательных личностей от шоу-бизнеса и средств массовой информации. Я понял, что Кас весьма заботился об искусстве. Когда Кас говорил о том, как вложить свои мысли в головы других людей, это тоже было искусством, пусть даже и темным искусством. Искусство войны, искусство выживания – мы всегда на все смотрели как на искусство. Не могу утверждать, что я хороший артист, но я знаю, что такое искусство. С таким же основанием я могу заявить, что я не был хорошим боксером, но я знал, как драться по-настоящему хорошо.

24 декабря 2008 года у Кики родилась дочь Милан. Она только что вышла из тюрьмы и была направлена в больницу в Филадельфии, где роды были вызваны искусственно, поскольку она уже пару недель перехаживала. Кики позвонила, чтобы сообщить мне эту новость, и я был ошеломлен. Это был день рождения моей мамы. Я снял для Кики небольшую квартиру возле своего дома в Лас-Вегасе и устроил там все для нее и ребенка. Она уже собиралась выписываться, когда вмешалась судьба. У меня оказался грязный анализ мочи на наркотики, и власти Финикса подумывали о том, чтобы отправить меня обратно в тюрьму. Мой адвокат, однако, убедил их, что для меня будет лучше реабилитационный центр, поэтому в январе я оказался в Малибу в шикарном центре реабилитации под названием «Промисиз».

Это была удивительная клиника. Она располагалась в большом особняке. Это было все равно, что проходить реабилитацию на дому. Мы ходили на собрания, встречались со

своими психотерапевтами. Надо мной трудились со всех сторон, чтобы я мог получить хороший отчет и закрыть свое дело по наркотикам. Четыре недели все шло хорошо. Затем мое время истекло. Я не хотел уезжать, но моя комната уже была забронирована для кого-то другого. Я чувствовал, что еще не полностью выздоровел. Я позвонил своему приятелю Джеффу Грину и попросил его, чтобы он приехал за мной.

Джефф забрал меня и отвез к своему приятелю, владельцу одной из компаний по производству энергетических напитков. Джефф не знал, что в это время в доме этого парня была организована широкомасштабная вечеринка, в комплекте с кучей красивых молодых девушек.

– Сиди здесь, Майк, и не двигайся, – велел мне Джефф.

Но, конечно, вечеринка нас не миновала, и вскоре я оказался в окружении красивых женщин в купальниках.

Джефф собирался на следующий день отвезти меня в другой реабилитационный центр, поэтому я должен был переночевать у него. Джефф выдвинул мне жесткие условия. Я не мог никуда перемещаться, я не мог флиртовать с девушками, я был его пленником. В конце концов, мы поехали домой, а на следующее утро Джефф отвез меня в филиал реабилитационного центра «Промисиз» в Западном Лос-Анджелесе.

– Послушай, Джефф, я без гроша. Тебе придется заплатить за это дерьмо, парень. И я хочу выздороветь. Понятно? – сказал я.

Мы приготовились к собеседованию с леди из администрации, которая зарегистрировала меня. Я заметил, что она носит звезду Давида. Когда она вышла, чтобы принести бланки для заполнения, я набросился на Джеффа:

– Послушай, Джефф, она из твоего окружения. Все идет нормально, мы прилично заработаем на этом. Они знают, как надо оформлять документы. Поговори с ней, Джефф.

Она вернулась и подсела к нам. Она, однако, оказалась несговорчива и занимала жесткую позицию. Она не позволяла нам отклоняться от своего плана. Каждый раз, когда она упоминала новый аспект лечения, это означало дополнительные деньги. Три штуки за это, четыре за то, двадцать пять штук еще за это. Вы будете принимать еще вот эту таблетку, это еще пять штук.

Когда Джефф услышал, сколько денег ему предстоит выложить, он, по его собственному выражению, обделался от удивления.

– Твою мать, Майк! Бог мой, приятель, давай-ка поскорее трезвей! – сказал он мне.

21 января меня на один день отпустили из

реабилитационного центра, чтобы я смог присутствовать на кинофестивале «Сандэнс» на премьере в США моего документального фильма. Со мной в качестве трезвого компаньона пришел Шон. Я должен был первый раз увидеть Милан. Мы встретились с Кики в аэропорту. Она спустилась по трапу вместе с нашей маленькой дочкой, и у нее был болезненный вид, как у бездомной. Я посмотрел на Милан, сказал: «Привет!», попытался понять, похожа ли она на меня. Кики плакала в аэропорту, я же по-прежнему был весь задолбанный от наркоты, поэтому у меня не было никакого сопереживания. Даже смотреть на Милан для меня было как-то странно. Это было похоже на что-то вроде: *«Вот и еще один внебрачный ребенок. Я смог сделать еще одного»*. Это было совсем не то, что мы оба ожидали. Я даже не помню, чтобы я поцеловал Кики, когда я увидел ее. Это было просто нелепо.

Мы сходили на премьеру фильма, потом вернулись в отель. Я не мог заниматься сексом с Кики, потому что у нее были швы после родов, а также потому, что там был Шон, который в любом случае воспретил бы мне секс с ней. Я любил Милан, но ее постоянный плач просто раздражал меня. В то время я очень резко реагировал на шум. Поэтому у нас не было веских причин для оргазма, это точно.

На следующее утро я вернулся в реабилитационный центр в Лос-Анджелесе, а Кики с Милан отправились в квартиру, которую я снял для них в «таунхаусе» в Лас-Вегасе. Кики была там в полном одиночестве, потому что ее мама в связи со своим сфабрикованным приговором все еще проживала в Филадельфии в общежитии для лиц, освобожденных из мест заключения. Я звонил Кики из «Промисиз», она была в депрессии, и я тоже. Она в то время не очень-то переживала за меня, она видела во мне великовозрастного, избалованного, плохо воспитанного ребенка, который стонет по разным поводам, пребывая в загородном клубе для наркоманов. Однако филиал реабилитационного центра «Промисиз», в котором я оказался, совершенно не походил на аналогичное заведение в Малибу. Он располагался в городе, на углу какой-то улицы, куда кто угодно мог забраться и похитить тебя или сделать что-нибудь еще.

Кики в то время очень волновалась по поводу денег, потому что я не мог дать ей что-либо для малыша. Она могла с трудом позволить себе подгузники. Она даже пригрозила пойти вместе с нашим ребенком в органы соцобеспечения и оформить документы на пособие. Но я, действительно, был на мели. На моем банковском счету было что-то около 7000 долларов, а ежемесячно по алиментам я должен был платить более 8000 долларов. Джефф

платил за мое лечение в реабилитационном центре. Чтобы получить хоть сколько-то денег, я, насколько это было возможно, ангажировал свое появление на различных мероприятиях за 10 000 долларов. Поэтому угроза пойти в органы соцобеспечения меня не очень-то обеспокоила. Я ведь предупредил ее, что ей не придется жить со мной в роскоши. Так пусть идет и пристраивает свою задницу в очередь в органы соцобеспечения. Подозреваю, что она, действительно, уже стояла в этой очереди, когда к ней пришел Дэррил и дал 250 долларов из банкомата на продукты питания и подгузники.

В феврале я вышел из реабилитационного центра и вернулся в Лас-Вегас. Мой план состоял в том, что я буду жить в своем доме и навещать Кики с ребенком, которые жили в «таунхаусе» по соседству. Но я чувствовал себя таким измученным и разбитым после реабилитационного центра, что, придя в «таунхаус», я просто остался там с Кики на две недели. Я в буквальном смысле этого слова боялся выходить из дома, потому что я не доверял самому себе. Я опасался, что могу сорваться. К нам с Кики вернулось то, что мы утратили, когда она оказалась в тюрьме. Мы много смеялись, болтали, смотрели телевизор, играли с Милан. Спустя две недели к нам зашел Крокодил, и мы с ним начали навещать парикмахерскую Мака и пару часов после обеда проводить там. Но я не попадал ни в какие неприятности.

Когда мои анализы оказались плохими, контроль за прохождением мной испытательного срока переместился из Лас-Вегаса в Финикс. Но мой инспектор по надзору в Финиксе был отличным парнем. Я вместе с Кики и Милан приехал к нему, он убедился в том, что я справляюсь с проблемами, узнал о моем новом ребенке и позволил мне жить в Лас-Вегасе и раз в месяц просто информировать его в Финиксе о себе. Через день-другой мы вернулись в Лас-Вегас, и прежде, чем завезти Кики с Милан в таунхаус, я решил заглянуть к себе домой. И снова вмешалась судьба. Оказалось, что в моей посудомоечной машине лопнула труба, и затопило весь дом. Не знаю, возможно, это было божественное вмешательство, чтобы еще больше сблизить меня и Кики, но это принесло мне массу неудобств.

Я поселился вместе с ними в небольшом таунхаусе. Мы были в таких стесненных обстоятельствах, что в магазинах заранее подсчитывали стоимость покупок в тележке, чтобы быть уверенными, что не превысили своего бюджета. Иногда я выкладывал некоторые покупки из тележки, хотя Кики заверяла, что все подсчитала правильно. Я просто не хотел опозориться на кассе. Последний раз я поступал так, когда моя мама жила на пособие по социальному обеспечению. Как-то кассирше тогда

пришлось выложить то, что мы собирались купить, потому что у нас не хватило денег. Поэтому я вновь стал проявлять нервозность, бывая с Кики в магазинах. Всю свою взрослую жизнь я действовал по принципу: я могу купить все, что я увидел. Теперь же вид обычных продуктов пугал меня. Можете ли вы себе такое представить? Я, самый злобный, самый жестокий, самый агрессивный боксер в своей жизни, пугался стоимости чертовой пачки каши.

Мы с Кики все больше сближались. Мы много играли в викторины, целыми днями викторины, викторины, викторины. Я еще недостаточно выздоровел, чтобы выходить наружу и сталкиваться с реалиями этого мира. Очевидно, Кики втайне была рада, что она заполучила меня. Думаю, что мой прежний имидж все еще имел для нее серьезное значение.

Через несколько недель после того, как я переехал жить к Кики, мы вместе с Крокодилом днем пошли в спортзал, чтобы посмотреть на тренировки некоторых боксеров. И на сей раз после того, как мы сделали это, я сказал Крокодилу, что я не прочь дернуть немного «кокса». Мы вернулись в «таунхаус» около десяти часов, что было для меня достаточно поздно. Кики спала на втором этаже. Я появился в спальне, такой радостный, оживленный, о чем-то возбужденно толкуя.

Она выскочила из постели, словно Линда Блэр в фильме *«Изгоняющий дьявола»*.

– Ты принимал «кокс», так? – закричала она.

– Нет, детка, нет!

– Тогда почему, черт возьми, ты говоришь так быстро? И пусть Крокодил убирается нах… й! Я думала, он поможет тебе, он уводит тебя и принимает с тобой наркоту, – негодовала она.

– Не говори ничего Крокодилу. Он не знает, что я сделал это, – солгал я.

– Ты, действительно, думаешь, что я настолько тупая, чтобы поверить, что он не знает об этом?

За то, что я принял «кокс», она выгнала меня из дома. По моему разумению, она сделала мне одолжение. Я был только рад уйти. В то время я предпочел употреблять «кокс», чем сидеть взаперти в этой маленькой квартирке.

Я два дня ширялся «коксом», а затем вернулся к Кики. Она страшно переживала. Я поклялся больше не оступаться, и все вернулось в нормальное русло.

Так продолжалось, по крайней мере, до марта, пока мама Кики, Рита, выйдя из общежития для лиц, освобожденных из мест заключения, не приехала к нам. Жить вчетвером в такой тесной квартирке, в том числе вместе с матерью твоей подружки, было

удовольствием ниже среднего. Я даже не мог заниматься любовью без того, чтобы мать Кики не слышала нас, поскольку стены были слишком тонкими.

Примерно в это время у меня вновь начались рецидивы. Я держался несколько недель, а затем уходил из дома и безумствовал. Я пропадал на несколько дней, потом возвращался и каялся.

– Я просто кусок дерьма. Лучше, чтобы я подох. Мне жаль, что я так поступаю с тобой, – говорил я.

После этих загулов я был похож на какое-то чудовище. Когда я ширялся «коксом», у меня по всему телу начинали идти пятна, как у прокаженного. У меня было обезвоживание, на лице появлялись язвы. Я не мог ни с кем целоваться, поскольку с влагой губ другого человека мне могли передаться вирусы. У меня шла кровь из носа. Я не мог нормально говорить – у меня першило в горле.

Кики так злилась на меня, что принималась кричать, обзывая меня придурком и куском дерьма.

– В чем дело? Почему ты так? – пытался я понять.

Затем она ушла, а я настолько отрешился от всего происходящего, что даже не осознал, что она сделала это. Вот так все тогда и происходило. Когда я ловил кайф, я чувствовал себя прекрасно, но те, кого я любил, чувствовали себя плохо. А когда они чувствовали себя нормально, мне было плохо, потому что я был трезвым.

После этих рецидивов я держался неделю или две, а затем начинал нервничать и приходил в возбужденное состояние.

– Ты опять готов сделать это, так ведь? – говорила Кики. – Время пришло.

Она совсем загрустила, потому что видела, что я, действительно, ничего не мог с собой поделать. Она умоляла меня оставаться дома и даже была согласна, чтобы я тут употреблял «кокс», если уж без этого никак, чтобы у меня не было где-то неприятностей. Полное излечение невозможно без рецидивов, и я изо всех сил старался оставаться трезвым.

Где-то в это время Крокодил уехал из Лас-Вегаса. Он сказал мне, что слишком сильно любит меня, чтобы, находясь рядом, тем самым невольно способствовать моему дальнейшему падению. Он переехал в Аризону, перевел на нас стрелки и превратился из закоренелого мусульманина в утвердившегося в вере христианина. Я сказал ему, что Иисус – это, конечно, круто, но ему не стоит терять своей индивидуальности. У Иисуса были одни варвары и дикари. Я сказал Крокодилу, что, если он захочет наставлять в христианской вере, ему предстоит стать парнем из

фильма «Бак и Проповедник» и взять Библию в одну руку, а пистолет – в другую. Крок «завязал» с наркотой и не употреблял ее с 2010 года.

Мои проблемы с наркотиками оказались для Кики совершенно новым делом. Как-то она зашла в Интернет, чтобы посмотреть, где рядом с нашим домом могут проводиться собрания Общества анонимных наркоманов. Она взяла адрес, и мы отправились туда. Опоздав на пару минут, мы сели и принялись слушать, как присутствовавшие делились своими историями. Были очень интересные истории про то, как кто-то потерял все свои деньги, играя в азартные игры. Через несколько минут я прошептала Кики на ухо: «Мы не туда пришли». Это было собрание Общества анонимных игроков.

Я не хотел никого обижать, уходя в то время, как там делились историями со своей группой, но я, действительно, не хотел там оставаться. Поэтому через полчаса я встал и обратился к присутствовавшим:

– Парни, извините меня, пожалуйста! Мне очень жаль, но моя девушка решила, что это Общество анонимных наркоманов. У меня нет проблем с азартными играми. Да хранит вас бог, парни!

В течение всего этого трудного времени Кики старалась не падать духом. Она всегда была настроена оптимистично. У меня сплошь и рядом случались передозы – а она вела речь о том, что хорошо бы открыть свою собственную продюсерскую компанию и оформить лицензию на мое изображение для всякого рода продукции. У нее всегда были радужные планы на наше будущее и разные мечты. У меня тоже были планы и мечты. Я каждый день через наркотический дурман наблюдал за Кики и Милан, видел, как Кики питает надежды на то, что у нас все сложится. И однажды я проснулся и сказал себе: *«С меня хватит этого дерьма!»* Я хотел очнуться от своего дурмана, я хотел стать нужным, я хотел начать жить по-настоящему, в полную силу работая мозгами и по полной мере отвечая за все сделанное. Вот такой жизнью я хотел начать жить.

А затем я получил звонок, которого не пожелаю никогда получать никому из родителей. Из Финикса звонила Шелли, мать двоих моих детей.

– Мой ребенок мертв! Мой ребенок мертв!

Глава 16

Положив трубку, я оцепенел. Кики с мамой, узнав печальную новость, горько заплакали, словно это был их ребенок. Дэррил бросился к машине, и мы с ним поехали в аэропорт. Кики с Ритой и Милан в Финикс повез Зип. Добравшись до места, я помчался в больницу.

До сих пор я не могу понять, что именно произошло и как это могло случиться. Мне сообщили лишь то, что предохранительный шнур тренажера каким-то образом захлестнул шею моей четырехлетней дочери. Когда мой сын нашел свою сестру в таком положении, он побежал и сообщил об этом Шелли, и она позвонила по телефону 911. Когда я оказался в больнице, Эксодус находилась в реанимации без какой-либо надежды.

Я был в ярости. Я хотел, чтобы кто-то заплатил за то, что случилось. Затем меня обступили родители других детей, находившихся в больнице при смерти. Они подходили ко мне, чтобы утешить меня. Теперь я стал членом клуба, в который никому никогда не хотелось попасть, – клуба скорбящих родителей.

Как бы то ни было, у меня до сих пор осталось много вопросов. На мой взгляд, не было проведено тщательного расследования обстоятельств ее смерти. Потеряв Эксодус, я испытал самое острое чувство горечи и беспомощности в своей жизни. Мой сын Мигель теперь уже никогда не станет таким, каким был раньше. С ним навсегда останется воспоминание о том, как он нашел свою сестру с удавкой на шее. Как смогут у нас зарубцеваться раны от трагедии, подобной этой? Как кто-то может вынести такого рода потерю? В книге «Анонимные алкоголики» об этом не написано. Скажите мне, какая книга может дать мне ответы на эти вопросы, это книга, которую я хотел бы прочитать. Утрата Эксодус – это единственное в моей жизни, чему я не могу найти никакого оправдания. И кто-то должен заплатить за ее смерть и принять эту боль, даже если это буду я. Вот уже четыре года, как она умерла, и я до сих пор не знаю, как мне пережить это. Я часто думаю, что, если бы я там был, может быть, все сложилось бы по-другому.

Кики и все остальные поселились в отеле «W». Я в тот же вечер пришел туда, разбитый и опустошенный. Все старались утешить меня, но как, черт возьми, можно утешить того, кто только что потерял своего ребенка? Я старался держать себя в руках, но, в конце концов, я просто разрыдался и лишь затем смог собраться с духом. Мне совершенно не хотелось прибегать к

наркотикам, поэтому Кики дала мне каких-то китайских трав, чтобы я успокоился.

Эксодус отключили от системы жизнеобеспечения на следующий день. Я совершенно не представлял себе, что мне надо было делать на ее похоронах. Предстояло вставать и благодарить всех за то, что пришли, произносить слова признательности за поддержку. Мне пришлось встать.

– Большое спасибо за то, что пришли, – смог я выдавить из себя.

Я не знал, что же мне, черт побери, делать дальше, поэтому я сел. Но затем поднялся и начал говорить мой сын Амир. Хотя я был в полном отчаянии, я все же понимал происходившее и следил за тем, что он излагал. Амир рассказывал истории о своей сестре, и делал он это очень спокойно, очень хорошо. *«Что, черт возьми, здесь происходит?»* – я не знал, что и подумать. А происходило вот что: старший брат рассказывал о своей сестре для того, чтобы все присутствовавшие лучше узнали о ней. Он делал удивительное дело. Когда он завершил, я почувствовал себя гораздо лучше.

Все поддерживали нас как могли. Была Мэрилин, она сидела рядом со мной. Как ветеран войны, она хорошо знала, что такое смерть. Большое впечатление на всех произвела Моника. Амир и Рейни всегда были близки к Мигелю и Эксодус, и в то время, когда я был на мели, Моника оплачивала их квартиру и их счета. Была также моя старшая дочь Майки, моя падчерица Джина. Я был так горд, что пришли все мои дети, чтобы почтить память своей сестры, и что они крепко держались друг за друга. Мы с Кики решили, что ей с Милан будет лучше остаться в отеле, чтобы случайно не задеть чувства Шелли, которая только что потеряла свою девочку. Перед лицом трагедии мы все были одной большой семьей.

Для Эксодус были организованы похороны, достойные какого-нибудь сановника. Обычно дома слушали испанскую музыку, а ее любимым артистом был Нигга, «звезда» реггетона[336] из Панамы. Я позвонил Луису де Куба, который свел меня с Роберто Дюраном. Сын Роберто использовал свои связи, и Нигга приехал, чтобы спеть и сыграть. Это был замечательный парень. Я до тех пор не осознавал, насколько мне всегда нравился Дюран. Я не знаю, как воздать ему за то, что он договорился о приезде Нигга, который выступил в честь моей дочери. Я всегда буду в долгу перед ним и Нигга за их сострадание. Я хотел бы сделать что-нибудь для них. Я был очень благодарен всем за поддержку, которую нам оказали. Все расходы, включая медицинские счета и счета за организацию

самих похорон, составили 200 000 долларов, и это было оплачено за счет пожертвований.

Мы еще на несколько дней остались в Финиксе, затем вернулись в Лас-Вегас. Я взял с собой своего сына Мигеля, потому что Шелли очень сильно переживала в связи со смертью Эксодус. Моя старшая дочь Майки тоже вернулась вместе с нами. Таким образом, теперь в нашем крошечном «таунхаусе» вместе со мной, Кики и Ритой жили все наши дети.

* * *

Выражение поддержки от незнакомых мне людей по-настоящему поразило меня. Это так меня потрясло, что я почувствовал желание приносить пользу обществу, а не просто быть помешанным на собственных проблемах и беспокоиться только о себе. Я хотел понять, как мне прекратить свои беспорядочные связи и стать верным только одной. Я хотел понять, как мне стать взрослым человеком, ответственным за свои поступки, как мне стать настоящим отцом. Я не знал, как это сделать, но я этого очень хотел. Добившись всех этих денег, всей этой славы и всех этих титулов, я в результате мог похвастаться лишь разводами и кучей детей-сирот. Однако после трагической смерти Эксодус все мое мировоззрение изменилось. Я понял, что все, что я всегда считал истиной, было ложью, поэтому мне предстояло заново начать свою жизнь.

Я хотел создать для Эксодус, там, на небесах, какое-то наследие. Я хотел, чтобы она знала, что ее отец ведет себя достойно, что он справляется с приступами своей ярости и в целом переходит на совершенно другой уровень жизни. Я потерял Эксодус, но у меня была Милан. Я хотел, чтобы у Милан была сестра-погодка и чтобы они могли вместе расти. Я искренне верил всем своим сердцем, что Милан была мне даром свыше, чтобы помочь мне пережить эту трагедию, хотя она и не могла заменить Эксодус. Это была для меня возможность стать для нее настоящим отцом. А затем уже, отталкиваясь от этого, я мог бы восстановить свои отношения с другими детьми. Целые годы у меня ушли на собрания анонимных алкоголиков и наркоманов, на изучение Большой книги «Анонимные алкоголики», на выполнение своей программы реабилитации. А затем, внезапно, умирает моя дочь, и все эти знания исчезают, испаряются, словно я никогда и не накапливал их, словно их и не было в помине. Просто все разом обрушилось, бац. И это произошло не в одночасье, я постепенно соскальзывал вниз, и это все

накапливалось во мне. Майк, работайте над своей похотью. Майк, работайте над своим поведением с женщинами. Майк, откажитесь от наркотиков. Майк, сгоняйте вес и ведите здоровый образ жизни. Майк, не смотрите на женщину больше чем три секунды. Не хочу, чтобы это прозвучало зловеще, будто бы мной управляли или что-то в этом роде, но все, чему меня учили в разных реабилитационных центрах, словно защелкнулось у меня в голове.

Проведя много времени с Касом, я приучился к железной дисциплине, но все, чему я научился у него, – это как обеспечить превосходство над остальными. Теперь я использовал те же самые методы, но с другой точки зрения: не превосходства, а смирения. Но я все еще страдал манией величия, поэтому мое смирение было гипертрофированным. Мегаломаньяк во мне говорил: «Ты непременно должен это сделать, ты должен страдать». Я привык к этому. Ничего, кроме результата, не имело значения.

Но все это оставалось голой теорией. Я почувствовал настоящую боль через неделю после смерти Эксодус. Кики и Рита куда-то отлучились, и я велел своей дочери Майки запереть за мной дверь, а сам пошел и принял немного «кокса». Когда я поддаюсь своему желанию, я становлюсь совершенно неуправляемым. И я заторчал на несколько дней. Кики была настолько расстроена и озабочена, что больше уже не могла мне ничем помочь. Никто не мог удержать меня от дури. Кики скрепя сердце просила меня никуда не уходить и употреблять «кокс» хотя бы уж дома, чтобы она могла быть уверена, что со мной ничего не случится. Однажды я всю ночь бодрствовал, был дома, ширялся «коксом». Кики тоже была на ногах, мы беседовали. Наутро она должна была встретиться со своим инспектором по надзору за условно осужденными. Мы той ночью обсудили некоторые непростые моменты в наших отношениях и решили, что нам надо в ближайшее время пожениться. Когда она уезжала, я был возбужден. Я несколько раз обнял ее и поцеловал. Потом я вышел на балкон и помахал ей на прощанье.

– Я люблю тебя, – сказал я ей и послал воздушный поцелуй, когда она садилась в машину.

Кики встретилась со своим инспектором по надзору, и та направила Кики на последний выборочный анализ мочи. Через несколько минут инспектор вернулась и сообщила:

– У вас обнаружен кокаин.

– Это невозможно. Я не употребляю наркотиков, – запротестовала Кики.

– Это очень серьезное дело, Кики. Вы кормите грудью свою дочь. Положительный тест на «кокс» может послужить причиной

того, что ребенка заберут из дома и поместят под опеку приемного родителя.

– Что?? Но я не употребляла «кокс»! – закричала она. – Подождите. Может ли быть, положительный результат теста на «кокс» от поцелуев с кем-нибудь?

– Я никогда не слышала об этом. Но если вы предполагаете, что «кокс» мог попасть в ваш организм таким образом, то почему бы вам не задержаться еще на час, и мы проведем повторный анализ вашей мочи. Если это такое ничтожное количество наркотика, то он к этому времени выйдет из вашего организма, – предложила инспектор по надзору.

Через некоторое время у меня раздался звонок телефона.

– Ты, чертов ублюдок! – закричала Кики в трубку. – У меня собираются забрать моего ребенка из-за тебя, е… ный ты наркоман! У меня оказался положительный тест на «кокс»! Теперь твое пристрастие к наркотикам сказывается, б… дь, на моей семье! Я могу потерять свою дочь! Как ты мог принимать «кокс», а затем целовать меня на прощанье этим утром?

Она застала меня очень не вовремя. Я как раз принял дозу и закайфовал. И принял я не тот хилый остаток «кокса», который мог заваляться в сложенном клочке бумаги, а «кокс» из консервной банки. Я лизнул содержимое банки и получил порцию чистого кокаина. Такую солидную, что перестал чувствовать свой язык.

Я повесил трубку, сказал Майки, чтобы она заперла за мной дверь, и отправился в путь. Я прошел двадцать миль от своего дома в Хендерсоне до гетто в Западном Лас-Вегасе. Я был под дурью и взмок, как скотина. Все притормаживали и предлагали подвезти меня.

– Эй, Майк! Садись в машину, приятель! – кричали они мне.

– Нет, отстань от меня, чувак. Мне сейчас хреново.

– Может быть, мне вызвать полицию?

– Нет-нет, со мной все в порядке, – отвечал я.

Наполеон как-то сказал: «От великого до смешного лишь один шаг». Я сделал сто тысяч шагов. Кики через час сдала повторный анализ, и на этот раз он был отрицательным, но я этого не знал. Я просто шел и шел, и когда я вернулся домой, я ширнулся «коксом» и ушел в загул на два дня.

Затем настала моя очередь провалить ссаный тест. Моя моча тоже оказалась грязной. Обычно меня это не беспокоило, поскольку партнер моего адвоката был близким другом моего инспектора по надзору. Однако на сей раз он не стал спускать проблему на тормозах. Таким образом, с учетом результата моего теста и рапорта инспектора Кики об инциденте с поцелуем меня

могли запросто упечь обратно в тюрьму или, по крайней мере, направить вновь в Аризону и поместить там под гораздо более строгий надзор. Это означало, что нас с Кики могли разделить, потому что она находилась под надзором здесь, в Лас-Вегасе.

– Майк, если ты сядешь в тюрьму, я в качестве твоей подруги не буду иметь никаких прав, я ведь тоже на испытательном сроке, – сказала мне Кики как-то. – Я не смогу даже навещать тебя, хотя у нас общий ребенок. Это одна из причин, почему я хочу, чтобы мы поженились. Мы ведь в любом случае собирались пожениться.

– Хорошо, когда ты бы хотела это сделать? – спросил я.

– Честно? Завтра, – ответила она.

– Почему бы не сегодня вечером?

Было около шести часов вечера, 6 июня, спустя десять дней после смерти Эксодус. Кики забросила в поисковик «Гугл» «церкви со службой бракосочетания», сделала несколько звонков, и в церкви при отеле «Хилтон» в Лас-Вегасе ей сказали, что они могут принять нас прямо сейчас. Кики все это воспринимала как чисто практический вопрос, но я любил эту сумасшедшую женщину. Я не хотел жениться на ней только для того, чтобы она с ребенком могла навещать меня в тюрьме. Я хотел жениться на ней, потому что не мог жить без нее. Мы поговорили на эту тему, и она сказала, что не собирается ставить мне ультиматума, но если я не женюсь на ней, она не собирается ждать годы, чтобы выйти замуж. Она может воспользоваться другой ситуацией, если она подвернется, потому что она хочет быть замужем.

После того как я предложил пожениться в тот же вечер, у меня появилась невыносимая боль в шее от защемления нерва или по какой-то еще причине. Мы ехали к отелю «Хилтон», и я буквально извивался от этой боли.

– Тебе нет необходимости жениться на мне. Я не хочу заставлять тебя делать это, – сказала Кики и расплакалась.

– Я хочу жениться на тебе, мне просто сейчас чертовски больно, детка. Почему все всегда должно быть связано обязательно с тобой? Почему я должен веселиться и хихикать, как ты? Мне сейчас чертовски больно.

В моих делах был полный хаос, все шло как-то шиворот-навыворот. От употребления «кокса» на губах у меня был герпес. У меня был лишний вес, а теперь еще и это защемление нерва. Кики между тем занималась разной свадебной фигней. Поскольку она была суеверна, требовалось что-то голубое из одежды, поэтому она надела голубые трусики. Требовалось также что-то от другого человека, поэтому она надета браслет своей мамы. Что же касалось старой вещи, то их у нее было много, так что с этим

не было никаких проблем. Мы добрались до часовни, и я с трудом мог поверить своим глазам – парень, который сочетал нас браком, выглядел, как «Слик»[337], рестлинг-менеджер, который ведал делами «Биг Босс Мена»[338]. Мы оба с Кики выглядели настолько неудачно, что сначала даже не захотели делать никаких фотографий, но затем «сломались» и все-таки сфотографировались. Когда мы начали просматривать снимки, парень, который сочетал нас браком, сказал: «Это будет пожертвование, оно от семидесяти пяти долларов». Как можно назначать цену за пожертвование? Я чувствовал, что он был готов позвонить в полицию, словно мы собирались сбежать вместе с фотографиями.

Когда мы вернулись домой, Милан плакала, поэтому Кики побежала наверх покормить ее. Рита смотрела телевизор.

– Мама, мы только поженились, – сказал я ей.

– Да ладно! Не может быть! И кто же сочетал вас браком? – спросила она.

– «Слик» из Всемирной федерации рестлинга, – ответил я. Затем я рассказал ей, как все было на самом деле. Она была очень взволнованна.

Мы не обменивались кольцами, не устраивали себе медового месяца. Кольцами мы вообще обзавелись только через год, а наш медовый месяц закончился уже через пару дней. Мы с Кики никогда не ссорились. Мы соблюдали полное спокойствие до тех пор, пока я не говорил: «Я вот сейчас покажу тебе!», и после этого мы начинали ссориться, как не знаю кто. Когда проблемы совсем допекли меня, я подумал: *«Что же, черт возьми, происходит?»* У меня еще сохранялась склонность к наркотикам, и порой я переходил границы дозволенного. Мы ругались по поводу моих отлучек из дома. Я сделал шаг в правильном направлении: я стал употреблять «кокс» не каждый день, а раз в неделю, затем раз в две недели, затем раз в три недели и, наконец, довел это до одного раза в месяц.

Каждый раз, когда я оступался, мне было стыдно за то, что я возвращался домой в таком состоянии к Кики, ее маме и нашему малышу. Я возвращался потный, как свинья, весь в жару, и Рита делала мне холодные компрессы в то время, как Кики ругалась на меня почем зря.

– Не видишь, как поступает твоя мать? Не говори, б… дь, ничего, – учил я Кики. – Делай, как твоя мать.

– Моя мать не замужем за тобой, – отвечала она.

Через неделю после моего дня рождения я пошел с одним приятелем и всю ночь ширялся «коксом». Кики не могла уснуть, потому что я не пришел домой, и стала искать по «Гуглу» мое

имя, чтобы понять, не арестован ли я. Вдруг она закричала и побежала в комнату Риты.

– Майк мертв! Я только что видела его в Интернете!

Там было сообщение о том, что я с приятелями отмечал свой день рождения и скончался от тяжелого сердечного приступа.

Рита сразу же взяла телефон и позвонила в морг.

– Поступал ли к вам Майк Тайсон? – спросила она.

– А почему вы это спрашиваете? – ответили там.

– Потому что он умер, – сказала она.

– А как вы узнали, что он умер?

– Вот в том-то и дело! Мы не знаем, умер ли он, поэтому и звоним, – объяснила Рита. – Это его теща и его жена. Мы пытаемся выяснить, поступало ли к вам его тело.

Они попросили Риту подождать, а затем один парень ответил:

– Нет, под таким именем к нам никто не поступал.

На следующий день я вернулся, довольный и беспечный.

– Привет, ребята, – сказал я. Я был под сильным кайфом.

– Ты просто идиот! – сказала Кики. – Я искала тебя повсюду, зашла в Интернет, а там было сообщение, что ты умер от сердечного приступа.

Я начал смеяться.

– Сообщения о моей смерти сильно преувеличены, – перефразировал я Марка Твена.

Кики, однако, не находила это смешным. Она схватила Милан, выкрикнула: «Я ухожу отсюда!» – и побежала вниз по лестнице к машине.

– Куда ты? – спросила Рита.

– Просто ухожу, – ответила Кики. – А ты остаешься с ним?

– Да, кому-то ведь надо остаться, – сказала Рита.

– Не волнуйтесь, мамочка. Я буду заботиться о вас, – заявил я, словно моя обдолбанная наркотой задница была в состоянии заботиться о ком-либо. Я едва мог держаться на ногах.

Кики выпустила пар и вернулась домой. Ее беспокоило то, что она заставила меня жениться на себе, что именно поэтому мы ссорились и я срывался.

– Ты не сердишься на меня? – интересовалась она у меня.

– Ты же знаешь, что никто не может заставить меня делать то, чего я не хочу, – успокаивал я ее.

Мне уже самому опротивели свои срывы. За несколько недель до этого вышел фильм «Мальчишник в Вегасе», он имел большой успех. Как-то приняв дозу, я позвонил режиссеру Тодду Филлипсу.

– Тодд, послушай, когда следующий фильм, блин? Хочу сняться в нем, Тодд. Не обмани меня, приятель.

В связи с тем что «Мальчишник в Вегасе» был номинирован на «Премию молодежного выбора»[339], в июле мы все отправились в Лос-Анджелес. Я взял Рейни, свою дочь от Моники, и она была очень рада встретиться там с «Джонас Бразерс»[340]. Эти парни были там распорядителями, и им хотелось сделать пародию с моим участием, в которой я выступил бы в роли садистского парикмахера, который стрижет одного из братьев.

Через несколько недель мы вновь вернулись в Лос-Анджелес для участия в церемонии вручения наград ESPY[341]. Это поездка прошла не так хорошо, как в прошлый раз. Мы так нуждались, что не могли даже позволить себе остаться в отеле, в котором телеканал ESPN разместил нас, на несколько лишних дней. После окончания церемонии мы с Кики поссорились на обратном пути в отель, поэтому, когда мы туда добрались, она с Милан, Ритой и Дэррилом поднялась наверх, в номер, а я тайком прокрался к своей машине. Я привез с собой немного «кокса», о котором они не знали, и время от времени втихую ширялся, а также выпивал, так что к этому времени я был довольно сильно пьян. Я завел машину и вдруг вспомнил, что оставил свой телефон на скамейке автостоянки, где я пережидал, поэтому я вышел и взял телефон, но случайно при этом захлопнул машину на замок.

Зрители покидали церемонию, и я увидел молодую белую леди, с которой я как-то провел одну ночь несколько лет назад. Она тоже остановилась в отеле.

– Привет, как поживаешь? – сказал я.

Она взглянула на меня и испугалась. Она увидела, что со мной не все в порядке.

– Нет-нет, я просто иду к себе в номер, – сказала она и поспешила прочь.

Я решил, что это и для нее была только встреча на одну ночь. Я позвонил в «Американскую автомобильную ассоциацию», они приехали и открыли мою машину и даже не взяли за это денег. Я сел за руль и поехал. У одного из моих приятелей в доме на Беверли-Хиллз была вечеринка с кокаином, так что мне не следовало упускать такую возможность. Я, однако, понятия не имел, как добраться от отеля в центре Лос-Анджелеса до шоссе на Беверли-Хиллз. Подозреваю, что я немного повилял, а затем сделал причудливый поворот. Вслед за этим я увидел в зеркале заднего вида свет фар и услышал сирену и команду по громкоговорителю: «Прижмитесь к обочине дороги!»

Я не только прижался к обочине, но и выехал, б… дь, на нее, настолько я был обдолбанным. *«Вот черт!»* – подумал я. Мне вновь светил тюремный срок. Коп вышел из своей машины и подошел ко мне. Я опустил стекло.

– Майк Тайсон! Вот это да! – воскликнул он. – Послушайте, у вас отлично получилось в «Мальчишнике в Вегасе»! Майк, мы следовали за вами некоторое время. Вы постоянно виляли на дороге.

Должно быть, мне вспомнились навыки, полученные от Каса, но в долю секунды, услышав нотки дружелюбия в его голосе, я проявил к нему все добрые чувства, на которые только был способен. Мне пришлось это сделать, поскольку мои права были временно недействительными и у меня не было с собой документов на машину.

– Послушай, приятель, извини, если я вел машину не совсем ровно. Дело в том, что я, похоже, слегка заблудился. Я пытаюсь найти дом своего друга в Беверли-Хиллз, но не знаю, как добраться до шоссе. Не могли бы помочь мне? Вот адрес.

И я дал ему адрес своего приятеля. Он взял мою бумажку и направился к своей машине. Он там прокопался ужасно долго, я даже испугался, что он проверяет данные обо мне и сейчас увидит, что мои права временно недействительны. Я здорово перенервничал. Наконец он вернулся к моей машине.

– Майк, мы узнали, где это. Следуйте за нами, и мы покажем вам дорогу.

Да! Сегодня вечером я смог весьма удачно разыграть свою карточку знаменитости под названием «Освобождение из тюрьмы»[342]. Я не думаю, что офицер собирался продемонстрировать мне какую-то особую симпатию, но в конечном итоге именно это он и сделал. Они доставили меня на вечеринку, проводив меня, по существу, до самой двери!

Мой друг был достаточно сильно удивлен, увидев меня в сопровождении двух офицеров Департамента полиции Лос-Анжелеса.

– Мы оставляем под вашу ответственность Майка Тайсона, и вам лучше убедиться, что утром он благополучно доберется домой. Если только мы узнаем, что он был за рулем, – учтите, что ваш адрес у нас записан, – сказал один из копов.

Нет более крутого кайфолома, чем заявиться на вечеринку с кокаином с двумя полицейскими. Поэтому, как только копы исчезли, все завершили свое веселье. Я вернулся к своей машине, совершенно безобразно пьяным и под дурью, и каким-то образом смог добраться до отеля «Беверли Хилтон». Там я бросил свою машину и пошел в отель выпить и позвонить насчет новой дозы «кокса». Когда я вернулся, служащий автостоянки отказался отдать мне ключи от машины.

– Вы не можете вести машину в таком состоянии. Я присмотрю за ней, – сказал он. Поэтому я позвонил Кики и

попросил ее забрать меня. Прежде чем она приехала, я переменил свое решение, поймал такси и поехал на бульвар Сансет в сигарный бар своего приятеля Марка. Самого Марка не оказалось на месте, но там был партнер. Как только он увидел меня, он весьма обеспокоился, немедленно выставил всех, закрыл заведение и позвонил Марку. Марк, появившись, забрал меня и отвез домой к моему приятелю Джеффу Грину.

Между тем Кики бросилась в отель и обнаружила там машину, но не меня. У друзей она узнала, где я. Однако к моменту, когда она попала в сигарный бар, меня там уже давно не было. В конце концов, мы пересеклись в отеле «Андаз» на бульваре Сансет, где провели ночь перед возвращением в Лас-Вегас.

Когда мы вернулись в Лас-Вегас, у меня было еще несколько рецидивов, и Кики решила, что пришло время отправить меня обратно в реабилитационный центр. На этот раз у нас совершенно не было денег, и она, конечно же, не собиралась устраивать меня в теплый летний лагерь для знаменитостей типа «Уандерлэнд» или «Промисиз». Она полагала, что мне нужна реальная программа. Поэтому она зашла в Интернет и нашла там программу под названием «Импакт», которую предлагали в Палм-Спрингс, примерно в часе езды от Лос-Анджелеса. Кики прочитала онлайн-брошюру и подумала, что все, о чем там было написано, должно подходить для меня. Ведь мне нужен нормальный подход, без всяких излишеств, без всякого баловства и без всей остальной туфты для знаменитостей. Она ничего не знала о реабилитационных центрах и не имела ни малейшего понятия о том, что данное заведение, похоже, было предназначено для реабилитации разных забулдыг и неудачников. Она капала мне на мозги до тех пор, пока я, наконец, не согласился туда поехать.

Я заныкал пару «осьмушек» «кокса», упаковал сумку, попрощался с Дэррилом и отправился в Калифорнию. Добравшись до места, я последний раз ширнулся «коксом». Я зарегистрировался, и тогда один из консультантов реабилитационного центра спросил меня, имеются ли при мне какие-либо наркотики, чтобы сдать их. Я отдал ему то, что у меня осталось, то есть почти «осьмушку» «кокса».

– Годится! – сказал он и исчез у меня за спиной. Когда он снова появился, он вел себя весьма странно. Этот ублюдок употребил мой «кокс»! А это был очень хороший «кокс»! В реабилитационном центре работали наркоманы! Они показали мне мою комнату, она была в трейлере. Все это место, по сути дела, представляло собой трейлерный парк.

Я не был счастливым обитателем этого реабилитационного центра. Он был переполнен агрессивными наркошами, сидевшими на «винте»[343], и бандитами, которые по решению суда должны были проходить курс лечения. Я не исключал, что с последними мне, возможно, придется драться. Я продержался ночь, дождался восьми утра и заявил им, что ухожу. Они позвонили Кики и сообщили ей, что я недоволен и намерен уйти. В одиннадцать часов утра они вновь позвонили ей.

– Послушайте, он действительно недоволен.

Потом ей позвонил я.

– Мне трудно поверить, что ты засадила меня в это место. Я не могу здесь больше оставаться, я хочу уйти.

– Попробуй еще немного, – попросила она.

Спустя полчаса я сломал один из стульев, который был больше похож на элемент садовой мебели, и меня отвезли к ближайшей автобусной станции. Это место оказалось для меня слишком крутым. Однако должен признать, что, когда я находился в реабилитационных центрах «Уандерлэнд» и «Промисиз», потребовалось от восьми до четырнадцати месяцев, чтобы привести меня в чувство. В этом же месте понадобилось лишь полдня на то, чтобы я, вернувшись домой, в дальнейшем, за исключением одного небольшого срыва, больше уже никогда не напивался и не употреблял «кокс».

Успех фильма *«Мальчишник в Вегасе»* сыграл основную роль в том, что я начал вести правильный образ жизни. Помню, только что состоялась его премьера, и на улице мимо проходили маленький ребенок со своим отцом.

– Пап, посмотри! – Мальчишка остановился и показал на меня. – Вон актер Майк Тайсон.

– Малыш, одно время я был также лучшим боксером в мире, – сказал я.

И это происходило снова и снова. Целое поколение детей знало меня уже как актера, а не как боксера. И это произошло в мгновение ока. Я самоубийственными дозами ширялся «коксом», вел жизнь полного неудачника и вдруг – бац! Это произошло так быстро, что было как-то даже неуютно. Но я знал, что нельзя упустить эту возможность переосмыслить свою жизнь и переделать себя. Однако прежде чем приступить к этому, я должен был кое-что серьезно перепрограммировать.

– Я собираюсь измениться, я собираюсь быть победителем, я не собираюсь так оканчивать свою жизнь, – твердил я себе.

Я вернулся к практике Каса. Никто не сможет остановить меня. Моя власть будет безграничной и необоримой. Сидя на «коксе», я даже не представлял себе, какая меня ожидает власть. Я

понял, что это был не бокс, но здесь требовалась такая же система взглядов, такое же упорство, такая же жажда и такой же голод, чтобы осуществить задуманное.

Только это были уже другие голод и жажда. Когда я был ребенком, подрастая, я тоже питал какие-то надежды на будущее. Тогда я тоже верил в то, что кем-то стану. А теперь я валялся в постели в дурном настроении, загубив все свои мечты и надежды.

Известные режиссеры и актеры звонили мне и просили меня продолжать сниматься в фильмах.

– Вы должны продолжать делать комедийные роли, – говорили они. – Забудьте образ крутого парня и головореза. Вы хороший парень, Майк. Этого никто не видит, потому что на первый план выступало все то дерьмо, которое было у вас в жизни. Но вы должны оставаться на виду, потому что в свете юпитеров вы смотритесь совершенно замечательно.

Они были правы. Все отрицательное, отталкивающее, дурное, что было во мне, – это была лишь поза. Это Кас создал мне такой образ. Кас стремился к тому, чтобы меня боялись. Он использовал меня для того, чтобы осуществить свою давнюю мечту. Не поймите меня неправильно. Это была очень достойная мечта, и если бы он вновь обратился ко мне с просьбой сделать это, я бы сделал это снова и даже стал бы еще более жестоким и злобным.

Таким образом, у меня, у человека, у которого не было никаких надежд, вновь появилась цель. Что случилось? Во мне взыграло самолюбие. Все говорили мне: «У вас так здорово получилась роль в фильме, вы должны продолжать сниматься». Затем я посмотрел на себя в зеркало.

«Это тело не подходит для кино, – подумал я. – *Кто захочет иметь дело с этим парнем? Кто способен подумать, что я заводной и горячий? Я – просто настоящий Толстяк Альберт*[344]*, блин! Я вешу 380 фунтов, а учитывая, что экран увеличивает задницу, я буду выглядеть на все 680 фунтов*[345]*. Костюмы мне должен шить Омар-палаточник*[346]*».*

Таким образом, мне следовало вернуться в нормальную форму. Я в течение пяти недель питался только томатным супом с базиликом. Моя жена решила на одну неделю перейти на вегетарианскую диету, и я присоединился к ней. Только я на этом не остановился. Что это? Строгая форма вегетарианства, веганство? Хорошо, я стану настоящим веганом.

Мне уже надоело быть жирной свиньей. Я стеснялся заниматься сексом со своей женой, таким я был толстым. У меня опять появилась самовлюбленность с манией величия! У меня в роду были страдавшие от ожирения. И я стал таким же. Но поскольку я тщеславен, я предпочел, в буквальном смысле этого

слова, как следует поработать над своей задницей, делая то, что мне было ненавистно, – лишь бы не быть тем толстым парнем, которым я и был. Во мне проснулась моя склонность к дисциплине. Все должно было быть спланировано. Я созывал у себя в голове совет правления, проводил небольшое совещание и раздавал приказы: «Нам предстоит сделать вот это. Нам необходимо предпринять эти конкретные шаги, чтобы достичь вот такой цели».

Я не страдал из-за отсутствия мяса. Однажды я слегка сжульничал и съел крошечный кусок говядины – после этого у меня начались боли, меня рвало. Было похоже на то, что теперь мясо стало для моего организма ядом. Раньше употребление мяса провоцировало у меня агрессию, а от молочных продуктов у меня начинались проблемы с кишечником и метеоризм. Теперь же я ел много фасоли, и Кики готовила вкусные фруктовые и овощные коктейли. Когда я полностью перешел на веганство, у меня прошли все мои болезни. Повышенное кровяное давление, артрит, высокое содержание глюкозы – все это прошло. До того я был живым трупом, ходячим мертвецом, питался разным дерьмом, курил сигариллы «Аль Капоне». Теперь же я придерживался здорового питания, каждый день три часа занимался физическими упражнениями с кардионагрузкой. Я всегда был максималистом. Либо йога, либо игла в руку. Либо то, либо это.

В октябре Опра попросила меня принять участие в ее шоу. В августе вышел на DVD мой документальный фильм, и все говорили, что шоу – отличный шанс для его рекламы. Но я еще только привыкал к своей диете и был тучным, как слон. Однако раньше я еще никогда не был на шоу Опры, поэтому я решил участвовать в нем. Мы обсудили все: и смерть Эксодус, и мои непростые отношения с Робин. Опра даже привела на шоу Кики и Милан. Но по-настоящему Опра оживилась, когда речь зашла об инциденте с откусыванием уха у Эвандера.

– Когда вы извинялись, вы делали это искренне? – спросила она.

– Нет, я не был искренним. Это было лицемерие и все такое.

– Благодарю вас за это признание. Когда я узнала про это, я так и подумала, – сказала она. – Зачем же вы так поступили? Очевидно, вы считали, что должны были сделать это?

– Наверное, так. Все в моей команде оказывали на меня давление. И я сказал: «Хорошо, я извинюсь». На самом деле, меня самого покоробило это извинение, поскольку оно было неискренним. Мне всегда хотелось, чтобы я мог просто сесть с ним, поговорить, пожать ему руку, открыться перед ним.

– А вы разговаривали с ним? – поинтересовалась она.

– Нет. Вы же понимаете, что, когда я с ним иногда встречаюсь, он относится ко мне с некоторым подозрением.

После выпуска этого шоу Опра получила массу писем и звонков. Кто-то высказывал недовольство тем, что в ее шоу принял участие осужденный насильник, но большинство электронных писем и звонков выражали одобрение и поддержку. Люди поняли мои чувства и что мной руководило. Опре позвонил Эвандер и попросил ее организовать шоу, на котором мы с ним могли бы встретиться. Опра ухватилась за эту идею, и спустя неделю я вернулся в Чикаго.

Было здорово вновь увидеть Эвандера. Мы с ним оба были из трущоб и затем стали авторитетными, уважаемыми боксерами. Я получил возможность по-настоящему извиниться перед ним и перед всеми. Мы смогли показать молодым ребятам, что раз уж мы смогли помириться, это должно послужить примером для всех них. Следует надеяться на то, что они перестанут с бессмысленной жестокостью убивать друг друга.

Опра смогла обеспечить обратную связь еще кое с кем. Робин на некоторое время выпала из поля зрения общественности, поэтому она позвонила, чтобы выразить протест против той части моего первого появления на шоу, когда мы обсуждали ее. Опра продемонстрировала вырезку из той передачи *«20/20»*, где Робин поносила меня, в то время как я отмалчивался.

– Почему вы все это время просто отсиживались? – спросила меня Опра.

– Не знаю. Я был просто потрясен, – ответил я.

– Вы были удивлены тем, что она говорила такие вещи?

– Да. Я действительно, хотел дать ей тумака в этот момент, но просто не мог этого сделать.

Весь зал рассмеялся от моих слов.

Робин была разгневана. Она даже вынудила Опру пригласить ее на шоу, чтобы опровергнуть мои слова и заново начать свою карьеру. Я всем оказал посильную помощь.

Нам звонили все наши друзья, чтобы сказать, какое удачное получилось шоу Опры с моим участием. Я, однако, не решился просматривать его. Мне было очень неловко за свою тучность, это меня слишком угнетало.

Я продолжал свое веганство, я упорно работал над этим, и медленно, но верно лишний вес стал исчезать. В конце января 2010 года я отправился в один бар в гетто Лас-Вегаса. Там был мой приятель, и как-то так сложилось, что я опять ширнулся. К этому времени у меня не было срывов уже шесть месяцев. Не знаю, почему я вдруг расслабился и решил выпустить джинна из

бутылки, но это произошло. Я принял совсем немного, но это был «кокс». В тот вечер я вернулся домой довольно рано, Кики еще не спала, и она сразу поняла, что я под кайфом. Она не стала кричать, ругаться, проклинать меня и грозиться уйти из дома вместе с ребенком, как она делала это раньше, когда у меня случались срывы. Она просто ушла спать к Милан. Я пришел туда поговорить с ней, я чувствовал себя очень виноватым. Я не хотел расстраивать ее, и особенно мне не хотелось, чтобы Милан когда-либо видела меня под дурью.

– Итак, сегодня вечером ты принимал «кокс», верно? – спросила Кики.

– Да, – ответил я.

– Черт! Проклятье! Майк, давай же! Тебе надо вернуться в реабилитационный центр и завершить там курс лечения. Мы должны покончить с этим.

– Нет, я прошу дать мне еще один шанс, – сказал я. Я ни за что не хотел возвращаться в ад трейлерного парка того чертова реабилитационного центра.

– Тебе надо пойти туда завтра утром, – продолжала настаивать она.

– Со мной все будет в порядке. Со мной все будет хорошо. Просто дай мне еще один шанс.

Она согласилась. И с тех пор я не пил и не вынюхал ни одной дорожки «кокса».

У нас по-прежнему были финансовые проблемы. В феврале мы поехали в Европу, где у меня было публичное выступление в Англии и встреча с общественностью и прессой во Франции. В Швейцарии мне заплатили за то, чтобы я пришел в один крупный клуб и просто потусовался там. Но сначала мы поехали в Италию, где я появился на их переложении *«Танцев со звездами»*. Вначале я колебался, но они увеличили гонорар, а нам были нужны деньги. Когда Кики увидела мою партнершу, она осталась не слишком довольна. Это была привлекательная итальянская девушка, которая изо всех сил кокетничала со мной. Я как-то стал доставать из кармана свои сигареты, но она сказала: «Позвольте, я помогу вам», и я разнервничался, когда она дотронулась до меня. Кики могла наблюдать за нашими репетициями из-за двустороннего стеклянного зеркала, и я чувствовал, как она смотрит на меня через стекло. Я начинал потеть, девушка пыталась своей рукой вытереть мне пот, и это был полный атас. Эта юная леди была мне совершенно не интересна, но я представлял себе, какие мысли сейчас проносятся в голове у Кики с учетом того, как я раньше себя вел. Все, однако, закончилось благополучно: мы отработали свой номер и представили его, не

оконфузившись.

Вернувшись в Штаты, я принял участие в съемках телесериала *«Красавцы»* в качестве приглашенной звезды. Некоторое время назад, разговаривая в одном из клубов в Лас-Вегасе с Джейми Фоксом[347], я встретил там Джереми Пивена[348], однако я тогда был слишком под кайфом, чтобы подойти к нему поздороваться. Спустя некоторое время мне позвонили и сообщили, что меня хотели бы пригласить на съемки в качестве одного из клиентов Ари Голда, который жалуется, что у него недостаточно работы. Это была смешная эпизодическая роль, в кадре должны были появиться еще двое моих детей, так что для них это было здорово.

Все актеры, вся съемочная группа была просто замечательной, и мы очень сблизились с создателем сериала Дагом Эллином. У Кики и ее брата появилась идея для телесериала, основанная, в общих чертах, на истории боксера, похожего на меня. Она поделилась ей с Дагом, и тому она понравилась. Телесериал *«Красавцы»* уже завершался, и он искал другой проект. Даг нанял сценариста с хорошим опытом, они подготовили пробу для телекомпании HBO и пригласили режиссером Спайка Ли. Сериал назывался *«Да Брик»*, он наделал много шума, но в конце концов HBO отказалась от него.

В июле меня на платной основе пригласили на кинофестиваль в Казахстане. Мы планировали после этого совершить паломничество в Мекку. Непосредственно перед нашим отъездом Кики узнала, что она снова беременна. Мы с ней обсудили вопрос относительно второго ребенка, и я подумал, что для меня было бы хорошо находиться вместе с Кики в течение всего времени ее беременности. Последний раз у меня не получилось сделать это, поскольку она была в тюрьме.

Однако на фестивале все пошло шиворот-навыворот. Мы были там на премьере фильма братьев Вайнштейн, на которую пригласили некоторых знаменитостей. Перед тем как оказаться на красной ковровой дорожке, мы с Кики серьезно поссорились, затем между нами произошла еще одна ссора на коктейле перед фильмом. Поэтому сразу же после демонстрации фильма Кики вернулась в отель и прошла в номер своей матери.

Я вошел в номер несколько минут спустя.

– Послушай, нам нужно расстаться, ясно? – сказал я ей.

– Хорошо, я согласна, – ответила она.

Кики поискала, какие были рейсы обратно в Штаты, и нашла один через несколько часов. Мы не пробыли там и дня, но она взяла Милан и свою мать и улетела домой. Я действительно, считал тогда, что наш брак вряд ли сохранится.

Тем не менее, я все же решил совершить паломничество. Вместе со мной находился мой бывший сокамерник Фарид, он тоже был мусульманином, поэтому на следующий день мы отбыли в Мекку. Я с нетерпением ожидал хаджа, хотя не был настоящим мусульманином в буквальном смысле этого слова. Я родился католиком, моя мать была католичкой. Хотя мой отец и не был особенно искушен в этих вопросах, но он был из Южных баптистов[349] и настоял на том, чтобы я, мой брат и моя сестра крестились. Мне было десять лет, когда меня повели креститься. Это выглядело так: все возлагают на тебя руки и восхваляют бога, а ты должен потерять сознание. Я отказывался терять сознание.

– Если ты не теряешь сознание, что означает, что в тебе дьявол, – сказала моя тетушка.

– Я не собираюсь, блин, терять сознание, – настаивал я на своем.

– Послушай, если ты не потеряешь сознание, это будет означать, что в тебе дьявол, и тогда тебя свяжут и бросят в костер, – пригрозила моя сестра.

– Что? – поразился я.

Как только священник дотронулся до меня, я тут же упал, как подкошенный.

Мой брат с сестрой ходили в маленькую католическую школу-развалюху. Думаю, что тоже ходил туда, но в памяти у меня осталось только то, как монахини кричали на меня. Мы не были какими-то там суперкатоликами, но я в основном делал все, что мне велела мать. Если совершишь зло, то будешь гореть в аду вечно. Ешь тело Христово, пей «Кулэйд»[350]. Я был просто бедным черным ублюдком, ожидающим, когда можно будет хлебнуть «Кулэйд». Я просто знал, что церковь была местом, куда можно прийти помолиться Богу, чтобы другие дети в районе перестали меня колотить.

У меня ушло не так много времени на то, чтобы уяснить, что все этобыло лажей. Священник, которого я знал в наших бедных кварталах, одевался лучше всех, имел самую шикарную машину и трахал всех жен, сестер и дочерей в округе. И все они обожали его. Священник был самым уважаемым человеком во всей округе. Мы обсуждали его и смеялись над ним, но когда он велел нам куда-нибудь пойти и что-нибудь сделать, все делали это. Он обладал такой властью. Мы знали, что он был грязным ублюдком, но когда он приказывал: «Марш!», мы все исполняли. Потому что в глубине души мы знали, что, если бы у нас была такая же власть, мы бы поступали точно так же.

Меня спрашивают, пошатнулась ли моя вера в Бога от того, что погибло много моих друзей. Это не так. В большинстве

случаев, если кто-то из моих друзей погиб, то из-за того, что сам хотел убить кого-то или же каким-то другим образом совершить насилие над кем-то. Это являлось неписаным правилом игры. Рискуя жизнью, ты в любой момент можешь совершить ошибку и потерять ее.

Весьма забавно, как я пришел к исламу. Когда я был молодым, я со своими приятелями, бывало, бил и грабил на улице мусульман. Мы ненавидели их.

– Мать твою, ты говоришь всю эту х… ню, словно какой-то иностранный ниггер! – возмущались мы.

А сейчас Бог дал мне именно это. Мы всегда становимся теми, над кем мы смеемся. И в один прекрасный день настанет и моя очередь. Кто-то будет вымещать злость на мусульманах и надерет мне задницу.

Я был очарован исламом, наблюдая за мусульманскими парнями в тюрьме. В заключении я стремился расти, и мне всегда нравилось слушать людей и получать от них знания. Мне нравилось изучать основы ислама и становиться их сторонником, начинать любить весь мир и всех Божьих тварей. Вот почему я перестал убивать ястребов и соколов. Раньше я стрелял в них и ставил на них ловушки, когда они прилетали за моими голубями. Но потом я понял, что они тоже Божьи твари. Это был тот путь, который Бог предначертал им. И если вы любите Аллаха, вы должны любить и всех Его тварей. Подозреваю, что многие мусульмане верят, будто бы это сатана создал свинью, но я думаю, что даже свинья – это творение Аллаха, поэтому и ее вы должны любить. (Это не значит, что вы должны ее есть.)

Вот таким образом я изучал ислам, увлекался им и начинал постепенно исповедовать его. Это не было для меня каким-то откровением. Просто я постепенно приходил к пониманию того, что мусульманин – это тот, кем я и был. Я поступал со всеми так, как хотел бы, чтобы поступали со мной. То, чего я хотел для себя, я хотел и для всех тех, кто мне нравился. Когда я впервые стал изучать ислам в тюрьме, я был настроен ко всему очень враждебно, и я стал слишком радикальным мусульманином. Я был излишне вспыльчив и жесток и привнес эту вспыльчивость и жестокость в свою религию. Ислам – это не религия войны, это религия гуманности. Вначале я этого не понимал. Я был настроен враждебно ко всему. Если вы не верили в то, во что верил я, значит, вы были врагом. Я просто был ожесточен на весь мир. Но затем я пошел дальше, кое к чему присмотрелся, кое-что изучил, кое-что узнал – и понял, что это был не тот путь, по которому следовало идти. Вот почему я стал более смиренным, более покорным – потому что ислам учит именно этому. Ислам – это

любовь, мир и покорность. То, что вы тихо повинуетесь, – не демонстрация вашей слабости, просто вы смиряетесь таким образом перед лицом Бога.

Из ислама я узнал, что у всех нас свои собственные отношения с Богом. Бог не намерен отправлять кого-либо в ад за мои ошибки. Таким образом, только Богу и мне предстоит решать вопрос о моем спасении. Если разобраться, то все религии говорят о том, что мы должны любить своего ближнего. Мои детишки любят Рождество. Разве я скажу им, что это плохо, что это языческий праздник, что мы не будем отмечать христианские праздники? Нет, я не скажу им этого. Вместо этого я говорю: «Давайте возьмем елочные игрушки и будем отмечать Рождество каждый день». Они знают, что я Санта-Клаус. Если им нравятся рождественские колядки, это прекрасно. Кроме моей семьи и моей матери, все, кого я знаю, либо христиане, либо иудеи. Если я обойду здесь, в городе, десять домов, не думаю, что в каком-либо из них окажется мусульманская семья. Но когда я иду молиться, все там – мусульмане.

Утверждают, что только мусульмане будут на небесах. Если я окажусь на небе и там будут только мусульмане, я останусь без своих друзей, которых я знаю и люблю. В таком случае я не хочу там быть. Я хочу быть в том месте, где могу смеяться и ссориться со всеми своими друзьями и близкими, независимо от их религии. Я не хочу пребывать на небесах с кучей парней, которые верят в того же Бога, что и я, но которых я не знаю. Я хочу быть с теми, кому я могу доверять, даже если у нас разные боги. Мир больше, чем наша религия. Как я буду делать добро, если я буду на небе все время проводить в молитвах? Колени мои будут испачканы, в голове моей будет хаос, со мной не будет моих друзей – а я должен буду на небе все время есть ягненка и инжир. У нас на небесах будет двадцать миллиардов мусульман или триллион? Подводя итог: я не хочу на небо, если это означает, что я окажусь в одиночестве. Я совершенно серьезно: возьмите меня в ад, где окажутся все мои друзья, где окажутся те, кого я знал и уважал, когда я жил.

Некоторые утверждают, что у них глубокие знания о Боге, но я так, конечно же, не делаю. Для меня Бог – это непостижимо. Мы созданы по подобию Божьему? Мы даже и помыслить не можем, что мы на одном с ним уровне. Разве Бог – свинья, лжец, извращенец? Это мы такие. Это мы – эротоманы, наркоманы, самодуры, интриганы и эгоисты. Если Бог такой, то нас поимели.

Иногда я думаю, что эта жизнь – всего лишь иллюзия. Только представьте себе: я потерял ребенка, я думаю об этом – и как будто ее и не было. В самом деле, как же быть с моим ребенком?

Как же быть с Касом? Я все время думаю о нем. Они оба занимают большое место в моей жизни, я все время думаю о них. И чем больше я размышляю на эти духовные темы, тем больше понимаю, что я ничего не знаю.

Концепция существования Бога представляется мне слишком сложной. Размышляя о духовном начале, я рассматриваю это понятие прежде всего со своей, мусульманской, точки зрения. Я никак не могу постичь, что такое религия и что такое Бог. Я хочу это сделать, но не могу. Расхожий аргумент: «Пусть ваш разум проникнется верой и прислушается к сердцу» – для меня не подходит, потому что тот, кто слепо ведет, оказывается слепо ведом. Я не желаю выслушивать эту фигню, я не желаю делать этого. Это может звучать по-разному, но в конечном итоге это просто сводится к тому, что вы следуете за кем-то, о ком вы даже не знаете точно, существует ли он. Даже если вы скажете: «Я не верю в официальную религию. Я верю лишь в духовное начало». Чьей концепции духовного начала вы доверяете? Вашей собственной? В таком случае вы обманываетесь и как ученик, и как учитель. Смотрите, что получается: нам говорят, кто есть Бог, и мы верим тому, что нам говорят.

Не могу постичь того, что мне рассказывают о Боге. Это ничего не объясняет моей израненной душе и не приносит ей успокоения. Но должен же быть какой-то смысл в этой вселенной! В ней слишком много хаоса, поэтому должна быть какая-то гармония, которая позволит нам сориентироваться и вычленить наиболее важное в этом сумасшедшем сумбуре. Однако большинство верующих, которые ходят в церковь, – их используют в коммерческих целях. Вот во что я верю. Поэтому у меня должен быть свой собственный путь спасения, согласованный с Богом. Мне нравится концепция любящего Аллаха. Я не знаю, так ли это на самом деле, но это та концепция, которую я люблю. По-моему, она замечательная.

Поездка в Мекку и Медину дала мне удивительный опыт. Я еще ближе подошел к своей вере, наряду с этим действия некоторых моих мусульманских братьев породили в моей душе сомнения. Сразу же по моему приезду мою поездку стали широко освещать, чтобы показать, что ислам лучше, чем христианство или остальные религии. И дело было не в том, что я как личность становлюсь лучше, это было больше похоже на то, что «У нас есть могучий Майк Тайсон, который совершает здесь хадж!». Их волновал не я как личность, они были озабочены рекламой. Я был для них просто тупым ниггером, меня всегда кто-то использовал в своих целях.

«Мы сделаем так, чтобы Америка узнала, что вы –

добродетельный мусульманин», – по существу, сказали они мне.

И я задавал сам себе вопрос: *«Черт побери, если я не был добродетельным христианином, то как я собираюсь быть добродетельным мусульманином?»*

Это религия должна быть в человеке, а не человек – в религии. Смотрится просто детским лепетом, когда видные представители исламского духовенства ссорятся друг с другом: «Мой пророк лучше, чем твой!»

Но, несмотря на некоторые политические проблемы, я чувствовал себя там хорошо. И все там чувствовали себя так. Сотни тысяч людей, все в одинаковом одеянии, все прибыли туда, чтобы отправить религиозный обряд и усмирить себя. Я был в состоянии гармонии, я был в гармонии сам с собой.

* * *

Поездка помогла мне успокоиться и собраться, настроиться на исламское состояние духа. Это помогло мне сосредоточиться на том, что мне предстояло сделать после возвращения домой. Как я должен был строить свою жизнь. Не обязательно в плане ислама, имеется в виду более правильная жизнь, более чистая, без наркотиков и вызванных этим проблем. Эта поездка придала мне новые душевные силы. Она была мне необходима.

Во время хаджа я понял, что я никогда не смогу быть добродетельным мусульманином в строгом, ханжеском смысле этого слова. Ведь я привнес в свою веру многое из своего прошлого. Однако я мог слушать учение Пророка и стараться жить, не отклоняясь от этого учения, но по-своему. Оценивать людей по доброте их сердец. Для меня нелегко так жить. Если ты исповедуешь ислам в чистом виде, то ты похож на коврик у двери, слабака и рохлю. Я не хочу прожить свою жизнь таким образом. Жить так – вовсе не означает быть верующим, это означает быть смиренным. И никто из нас не способен быть по-настоящему смиренными. И если вы упоминаете слово «смиренный», это уже само по себе говорит о том, что вы не являетесь смиренными. Человеку не предназначено быть смиренным, ему предназначено смириться.

Я не мог быть смиренным, когда меня вытолкнули в первый ряд, чтобы поцеловать Черный камень. Сам камень встроен в восточный угол Каабы, древней каменной постройки в Мекке, к которой мусульмане всего мира обращаются во время молитвы. Во время хаджа необходимо обойти вокруг камня семь раз и по возможности поцеловать его. Паломников очень много, но бывает

так, что, хотя некоторые люди готовились совершить паломничество в Мекку всю свою жизнь, им не удалось поцеловать Черный камень. Я поцеловал его за тридцать минут четыре раза. Когда я был там, всех разделили, как Красное море два континента, и меня привели прямо туда, где можно было поцеловать его. Верующих оттеснили в сторону, чтобы я мог прикоснуться к нему своим грязным, больным, лизавшим «кокс» ртом. Я из-за этого чувствовал себя ужасно. Нас пытаются заставить чувствовать себя лучше, чем все остальные, и полюбить религию. Но когда так поступают со мной, я говорю в ответ: «Вы позволяете нам протиснуться вперед, отпихнув всех этих прекрасных людей? Я не хочу принимать в этом участия». Как говорил Граучо Маркс[351], «я никогда не соглашусь стать членом клуба, который даже меня готов принять в свои члены».

Я чувствовал себя виноватым оттого, что Кики не смогла приехать и совершить хадж. Мы не разговаривали пару недель после того, как она покинула Европу. Мы оба понимали, что это может стать концом нашего брака. Я позвонил ей из Мекки и извинился перед ней, и мы пообещали друг другу забыть про нашу ссору.

Кики глубоко в своем сердце является христианкой. Она была так воспитана. Черты ее характера присущи христианам. Ее мать вышла замуж за имама, это был крутой поворот в ее жизни, в результате которого она стала носить хиджаб[352]. Что же касается Кики, то она свободна в своей любви. Она хочет принимать активное участие во всех мирских делах, наряду с этим придерживается исламской морали. Однако, как черная американка, она не потерпит, если ее муж, как разрешает Коран, заведет четырех жен.

* * *

В декабре я вместе с Фаридом поехал в Азию. Меня назначили послом бокса в Китае. Я вел себя там на «отлично». Ко мне подошел один парень и сказал, что он снабжает травкой всех «звезд», которые приезжают в Китай.

– Вы не можете быть моим другом, – сказал я ему. – Вы, должно быть, хотите подставить меня. Вы ведь знаете, что здесь за косячок расстреливают.

После Китая я отправился в Бангкок на съемки фильма «Мальчишник 2: Из Вегаса в Бангкок». Еще до начала съемок возникли некоторые разногласия. Был заключен контракт с Мелом Гибсоном, согласно которому тот должен был сыграть

эпизодическую роль бангкокского татуировщика. Однако Зак и другие члены труппы пошли к Тодду и настояли на том, чтобы он отказался от услуг Мела. Я бы не стал доводить дело до этого. Я как-то встречал Мела Гибсона, и для меня он был джентльменом. Конечно, его пьяные антисемитские высказывания заслуживали всяческого осуждения, но я обычно воздерживаюсь от того, чтобы с ходу кого-то осудить. Когда у меня спросили, как я отношусь к его увольнению, я мог сказать лишь: «В каждом из нас есть этот парень – Мел Гибсон».

Кики была уже на позднем сроке беременности и не смогла поехать со мной на съемки, и это было обидно, потому что ей нравился Таиланд. Там все было очень красиво. Сцену с моим участием снимали на острове, и у меня был большой номер в отеле «Времена года» с захватывающим видом на океан. Когда мы ехали из аэропорта, на дорогу откуда-то выбежал слон. К этому времени я уже потерял сто фунтов[353], так что мне доставило удовольствие сняться в своей кульминационной сцене, где я пел «Одна ночь в Бангкоке». По сравнению с моим первым знакомством с Тоддом и другими актерами это было небо и земля. Теперь я был абсолютно трезв и наслаждался каждой минутой. Раньше, когда я был под кайфом, я вынуждал всех бегать вокруг меня и обеспечивать меня то тем, то этим. Теперь же, пока я не был нужен, я даже не выходил из своего номера. Тодд со своей командой, очевидно, полагал, что я просто ублюдок, который пытается лизать задницу, но я был чрезвычайно благодарен всем им за то, что они сделали для меня. Боже, я перед этими ребятами в неоплатном долгу!

Я вернулся в Лас-Вегас и провел большую часть января с Кики, ожидая рождения нашего сына. Мы пережили трудные времена и теперь, действительно, ладили друг с другом. На двадцать седьмой неделе беременности у Кики возникла угроза преждевременных родов, поэтому ей прописали постельный режим и какие-то лекарства, а затем ей пришлось каждую неделю приходить на прием для снятия показаний о работе сердца ребенка. Я ходил с ней на каждый прием и все время гладил ее живот. Мне очень нравилось быть с Кики. И я хотел быть хорошим родителем. Не знаю, были ли у меня способности к этому, но такое желание было. Роды предстояло вызвать искусственно. Я привез Кики в больницу вечером 24 января, а наш сын Марокко появился около полудня следующего дня. Устроив Кики, я уехал из больницы около четырех часов утра, чтобы дома заняться физическими упражнениями и переодеться. После этого, тщательно одевшись, я вернулся в больницу.

– Прекрасно выглядишь, – отметила Рита.

– Это знаменательное событие. Сегодня у меня рождается сын, – сказал я.

Я был в палате, когда он родился. Я пересел к Кики, потому что мы с ней оба не хотели, чтобы я находился прямо напротив родового канала. Я сел сбоку от нее, и всякий раз, когда Кики бросала на меня взгляд, я строил ей смешные рожицы. Я никак не ожидал, что я буду так нервничать. Но он, наконец, появился, восемь фунтов тринадцать унций[354]. С самого начала он был очень красивым ребенком.

В этом году у меня было еще одно знаменательное событие. В июне я был включен в Международный зал боксерской славы. Я никогда не думал, что буду включен в Зал славы. В то время в мире бокса меня не любили, у меня была слишком дурная репутация. В Зал славы были включены парни, которые начали заниматься боксом уже после меня, поэтому я понял, что уже никогда не буду удостоен этой чести. Я знал, как должны были чувствовать себя старые боксеры. Выброшен за борт жизни, без денег, никому не нужен, и каждый день ждешь звонка, которого можешь и не дождаться.

Но в феврале у меня раздался звонок, и парень на том конце провода сказал: «Вы только что избраны в Зал славы». Я повесил трубку и заплакал. Всю свою жизнь я был одержим боксом. Я шел спать, нежно прижимая к себе свои боксерские перчатки. Я хотел стать только боксером. Сейчас уже глупо рассуждать на эту тему, но я мог бы стать великим боксером, таким, которого мир еще никогда не видел, вторым Ахиллом. Мое высокомерие, мое самолюбие здорово измотали меня, поэтому я просто был вынужден отказаться от них. Они побуждали меня достичь многих высот, но, в конце концов, я отказался от них, поскольку хочу сохранить семью.

Честно говоря, вовсе не для того, чтобы похвалить самого себя, а для понимания истории бокса хотел бы отметить, что сложно найти парня, который мог бы зарабатывать столько денег, сколько заработал я в свое время. Сегодня боксеры не понимают сути спорта, они не понимают, как следует выступать перед зрителями. Они недостаточно усердны для того, чтобы изучать прошлое и узнавать факты не только о самих боксерах, но и о круге их общения. Джин Танни[355] и Бенни Леонард общались с Джорджем Бернардом Шоу, Микки Уокер[356] и Гарри Греб – с Хемингуэем.

Вопреки тому что кто-то сказал: «Майк Тайсон ужасен, он просто заштатный боксер», я представлял всех боксеров старого поколения. Я не позволял забыть о том, кем они были. Если я использовал какой-то удар, о котором я узнал от Бенни Леонарда

или Гарри Греба, я всегда воздавал им должное за это. Такие парни, как Джо Ганс[357], Леонард, Джон Л. Салливан были первыми, а первых всегда надо почитать. Они превратили бокс в искусство.

Я был рад тому, что за меня проголосовали, избрав в Зал славы, но я не был уверен, следует ли мне идти на церемонию. Вероятно, я был слегка обижен на то, что меня отвергали раньше. Однако мой приятель Дэйв Мэлоун[358], находясь у меня в гостях, произнес для меня на эту тему небольшую речь:

– Послушай, приятель, это, мать твою, проявление уважения к тебе. Ты старался не только для себя, ты старался для Браунсвилла, ты старался для всех в гетто. Это значительное достижение. Ты выбрался из гетто и смог попасть, мать твою, в Зал славы. Ступай туда и сделай все, что надо!

Он был прав. Когда я был на церемонии, я думал о Касе. Когда мне было четырнадцать, я всегда спрашивал его: «Как вы думаете, я буду в Зале славы?» Каса восхищала моя одержимость всем, относящимся к боксу. Он говорил всем: «Я еще никогда не видел, чтобы кто-то относился к боксу с таким воодушевлением, как этот парень». Я знал историю спорта как свои пять пальцев. Я знал, что большинство известных мне боксеров в конечном счете оказываются без денег, остаются без средств к существованию или берутся за самую черную работу. Я знал, что это может случиться и со мной, но хотел принадлежать к братству этих парней. Пусть они уже были мертвы или находились в преклонном возрасте, об этих парнях продолжали говорить в местах мужских сборищ.

В мире нет другого вида спорта, в котором кипели бы такие же страсти, как в боксе, если только все правильно организовано. Ты готов поколотить своего брата или отца, потому что парень, за которого ты болеешь, – это ты сам. Он так же чувствует и так же думает, как и ты. Сейчас смешанные боевые искусства более популярны, чем бокс, потому что там на арене много страсти. В боксе больше нет такой страсти. Уже больше не найдется парня, у которого хватило бы духа сказать: «Пусть боги спасают меня и мучают меня, но придет день, и я буду царствовать наравне с ними». Сегодняшние парни не говорят такой ерунды, у них нет мужества, они вырастают в такой скудной среде, которая не позволяет им постичь подлинной сущности моего поколения. Они не хотят этого делать, потому что они боятся, что потерпят неудачу и над ними будут смеяться. Вот почему сегодняшние боксеры не пользуются всеобщим уважением – они боятся достичь истинного величия. Они смотрят на бокс как на чек на предъявителя, они не рассматривают его как нечто благородное.

Они хотят денег и похвал. Я же хотел похвал, преклонения и бессмертия.

В боксере захватывает его способность и готовность причинить боль другому человеку. Именно эта черта присуща великим боксерам и «суперзвездам». Когда я был на ринге, я представлял себя в качестве зверя. Я должен был развлекать публику, как медведь в клетке. И чем сильнее я причинял боль, чем быстрее я ее причинял, тем больше похвал от толпы я получал, и это был мой хлеб. Сегодня уже не стремятся к тому, чтобы причинить сопернику боль. Бокс стал похож на потасовку слабаков. А ведь в свое время Шугар Рэй Робинсон, Роки Марчиано были готовы умереть за чемпионский пояс, и надо было убить их, чтобы забрать его у них.

Многие заявляют о том, что бокс ушел в прошлое, но я считаю, что такие заявления пока еще преждевременны. Поверьте мне, бокс еще вернется. Официально он появился почти двести лет назад. И он не сдаст своих позиций так легко. Просто дождитесь следующего действительно талантливого боксера в тяжелом весе. Вам захочется смотреть его выступления снова и снова.

В конце июня мы с Кики решили повторить свои брачные обеты. Это была моя идея. У нас ведь никогда не было настоящей свадьбы. В конце июня был мой день рождения, а у Кики – в середине месяца, поэтому мне пришла в голову идея пригласить людей на совместное празднование этих дней рождения. И на этом мероприятии мы хотели удивить их объявлением о нашей свадьбе. Сначала мы собирались пригласить только человек двадцать пять, но затем их число увеличилось до более чем двухсот пятидесяти. Мы сняли банкетный зал в отеле «M Resort» в Лас-Вегасе, в нескольких минутах ходьбы от нашего дома. Кики наняла одного известного организатора свадеб. У нас был коктейль, на котором мы оба поприсутствовали около десяти минут, а затем мы выскользнули, переоделись в свадебные наряды, и Рита сделала для всех гостей заявление.

– Я знаю, все вы думаете, что находитесь здесь на вечеринке, но на самом деле Майк и Кики собираются повторить свои брачные обеты, – сказала она.

Затем занавес раздвинулся, и перед всеми предстала красиво оформленная дорожка для молодоженов. Гости были просто поражены. Прямо перед тем, как пройти по этой дорожке, мы с Кики затеяли глупую ссору.

Мы уже готовились выходить, когда Кики велела мне: «Заткнись!» Я ответил: «Да пошла ты! Сама заткнись!»

– Я не хочу за тебя замуж, – сказала она.

– А я не хочу на тебе жениться, – ответил я.

Мы просто нервничали. Даже не представляете, сколько требуется нервов, чтобы дать перед всеми обет. До этого я уже был дважды женат, но это была первая официальная свадьба для нас обоих.

Тем не менее, церемония продолжилась, и у нас получился очень хороший прием. Затем между мной и Кики разгорелась еще одна перепалка. Именно поэтому свою вторую брачную ночь я спал в номере на диване, а Кики – в постели. Между нами постоянно возникали трения на пустом месте, поскольку мы оба были вспыльчивыми. Но наутро все уже было в порядке, и мы отправились домой.

Это хорошо, что мы помирились, потому что в то время мы с Кики пытались заработать на новый автомобиль для меня. После того как телекомпания HBO отказалась от нашего проекта, мы решили попробовать что-нибудь другое. В октябре 2009 года мы с Кики пошли в отель «Винишэн», чтобы увидеть Чезза Палминтери[359] в его моноспектакле *«Бронкская история»*. Мы оба были просто поражены тем, как он мог увлечь весь зал и один держать его в напряжении в течение полутора часов.

По дороге домой я был очень воодушевлен.

– Это очень похоже на то, что мне приходится делать, когда я оказываюсь в Европе или Азии, – сказал я Кики. – Люди задают мне вопросы, и я так долго отвечаю на один вопрос, что остальные начинают злиться, потому что не могут задать своих вопросов. Забавно, но я терпеть не могу смотреть на себя, зато люблю рассказывать о себе. Думаю, что смогу это сделать. Однако, малыш, мое шоу будет слегка душераздирающим.

Кики была взволнована. Вернувшись домой, она сразу же написала несколько страниц, это было введение. На следующий день я прочитал его, это было великолепно. Она изложила все так, как это сделал бы я сам.

Но это оказался длительный и напряженный процесс, потому что Кики была готова сидеть и записывать, но я предпочел бы избежать ее участия в этом, потому что мне было мучительно рассказывать о своих взлетах и падениях в жизни.

В отеле «M Resort» нам обычно делали семейный массаж, и однажды массажистка передала нам визитку одного парня из Нью-Йорка, которого звали Адам Штек и который устроился на работу в Лас-Вегасе. Он попросил обслуживающий персонал передать нам, что хотел бы создать вместе со мной моноспектакль. Мы позвонили ему, пригласили его в гости, и он изложил нам свою идею. Это была счастливая случайность, поскольку мы уже начали работать над таким моноспектаклем.

Адам уже принимал участие в постановках шоу в больших отелях, таких, как шоу *«Гром из-под земли»* и травести-шоу *«Дивы Лас-Вегаса»*. Адам привел режиссера-постановщика, которого звали Рэнди Джонсон. Кики уже написала весь сценарий, но Рэнди оформили как соавтора, поскольку у него было имя. К началу 2012 года моноспектакль был готов.

В течение одной недели, с 13 по 18 апреля, представление шло в гостинично-развлекательном комплексе MGM Grand. Я на сцене веселился от души. Выступал не только я один. У нас был еще джазовый певец и рок-группа. Они играли в начале представления, затем представляли меня, и все зрители буквально неистовствовали. Я начинал свой монолог, но у нас был еще пианист, и я мог выступать вместе с ним. Группа исполняла песню «Полночь в оазисе», но мы изменили слова на «Полночь у шлюхи Азис», и все вокруг танцевали. Я был парнем, ведущим представление, таким черным Уэйном Ньютоном[360]. Я рассказывал о печальном в своей жизни, но демонстрировал при этом, что мне все трын-трава. Это был Вегас, у меня была группа, и я устраивал феерию.

Представление получило прекрасные отзывы. Мы мечтали о том, что, возможно, мы могли бы отправиться с ним в тур по стране и даже попасть с ним на Бродвей. На следующий день после завершения представления мы с Кики полетели в Великобританию на одну из моих встреч с общественностью и прессой. Затем мы отправились в Польшу, поскольку у меня было соглашение о рекламе с компанией по производству энергетического напитка. Когда мы были в Польше, мне позвонил Спайк Ли. Один из его людей посмотрел мой моноспектакль, и он ему понравился. В этой связи Спайк позвонил продюсеру Джимми Недерландеру, и тот изъявил желание сделать постановку моноспектакля на Бродвее под руководством Спайка. К июню мы уже приступили к репетициям, и в августе спектакль в течение десяти дней шел на Бродвее.

Версия Спайка была намного мрачнее, чем наше представление в Лас-Вегасе. Спайк хотел, чтобы спектакль был полон сурового реализма, чтобы это поистине было представление одного исполнителя. По ходу моего повествования на большом экране позади меня демонстрировались слайды, звучали музыкальные проигрыши. Мне, на самом деле, больше нравилась постановка в Лас-Вегасе, но публика, похоже, оценила и вариант Спайка. Для нашего тура по стране, который состоялся в 2013 году, мы использовали спектакль в постановке Спайка.

Выход на сцену, где обнажаешь свою душу, во многом схож с выходом на боксерский ринг. Мне не терпелось выйти на сцену,

но я и боялся этого до смерти. Я был похож на скаковую лошадь, готовую выскочить из стартовых ворот. Выходя на сцену, я полностью контролировал себя, но одновременно это было и не так. Я должен был сдерживать себя, чтобы не говорить слишком быстро. Я не был прирожденным рассказчиком, но я научился этому и полюбил это. Как почти во всем остальном в моей жизни, Кас и на этот спектакль тоже оказал большое влияние. Дело в том, что я унаследовал от Каса способность рассказывать разные истории. У меня это получалось не так хорошо, как у него, но такая способность у меня была, потому что Кас постоянно потчевал меня историями о классическом боксе, имевшими эпические масштабы, преданиями о различных приключениях и о предательстве.

Я всегда испытывал глубочайшее благоговение перед великими свершениями. Деньги для меня никогда не имели значения, но рассказы о великих свершениях всегда вдохновляли меня на великие дела. Для меня развлекать людей оказалось не так легко, как боксировать. Я ненавижу то, к чему меня принуждает актерская игра, но мне нравятся те чувства, которые я испытываю при этом. Я готов на что угодно, чтобы только развлечь кого-либо.

Я взялся за подготовку своего спектакля так же, как Кас учил меня относиться к боксу. Когда ты на сцене, ты должен отрешиться от своих чувств, эмоций и страстей. Ты должен быть бесстрастным, но делать это со всей страстью, на которую ты способен. Все мои проблемы в жизни возникали тогда, когда я был Майком Тайсоном и полагал, что я достоин разного дерьма: красивой женщины, шикарной машины, особняка. Вот тогда-то я и попадал в беду. Я всегда находился под грузом своих эмоций. И вскоре эмоции породили несбыточные мечты, галлюцинации, бред. Так я прожил всю свою жизнь с тех пор, как встретил Каса, – стараясь превзойти самого себя.

Но сохранять эту маску, когда настало время во время моноспектакля рассказывать про Эксодус, было невозможно. Я провел с Эксодус больше времени, чем с любым другим из моих детей. Я очень хорошо знал ее. Она была по-настоящему свободным человеком. Не прошло ни одного дня без того, чтобы я, давая волю чувствам, не плакал о своем ангеле. Во время представления я ношу наушники, и Кики, сидя за кулисами, делает мне какие-то подсказки, когда они мне бывают нужны. Когда наступает время рассказать про Эксодус, на большом экране появляется ее красивая фотография. Кики всегда говорит мне при этом: «Оглянись и посмотри на фотографию». Но я не могу этого сделать, потому что после этого я не смогу

продолжить свой спектакль.

В начале 2013 года я два раза снимался в качестве приглашенного гостя в высокорейтинговых телевизионных сериалах. В частности, 6 февраля меня показали в сериале *«Закон и порядок: Специальный корпус»*. Я играл Реджи Родоса, убийцу, приговоренного к смертной казни, который получает отсрочку в исполнении приговора после того, как он против своей воли свидетельствует о том, что человек, которого он убил, сексуально надругался над ним, когда он был еще ребенком. Я постарался серьезно настроиться на эту роль. На этот раз это был не тот случай, когда я играл самого себя. Пришлось потратить целый час для того, чтобы наложить мне на лицо макияж и стереть мои татуировки. Для меня была большая честь работать с такими знаменитыми актерами, которые снимались в этом сериале. Однако прежде, чем сериал появился на экранах, возник один конфликт.

Одна женщина организовала электронную петицию с требованием к телеканалу NBC отменить показ сериала или же вырезать из него эпизоды с моим участием, поскольку я являлся насильником, признанным виновным по суду. Данная инициатива получила достаточно широкую поддержку, петицию подписали более шести тысяч человек, в том числе звезда телесериала *«Морская полиция: Спецотдел»* Поли Перретт. Мой агент по связям с общественностью предложил мне выступить с заявлением по этому вопросу.

«Я сожалею, что у нас имеются расхождения во взглядах, но она имеет право на собственное мнение. Я сожалею, что она недовольна, но я никого не насиловал и не делал ничего подобного. Этой леди не было там, и она не может знать, так это было или по-другому. Я не цепляюсь за эту роль, я не пытаюсь стать богатым и знаменитым, я просто хочу прокормить свою семью. Почему к этому аспекту проявляют такое внимание? Поскольку я уже пять лет веду правильный образ жизни и не пью, я не нарушал никаких законов и не совершал никаких преступлений. Я просто пытаюсь жить своей жизнью».

Это был мой ответ в духе дяди Тома. На самом же деле я осознавал, что вот уже десять лет я нахожусь на мели. Я был должен кормить семью и поддерживать ее. У меня не было планов разбогатеть в результате съемок в телесериалах в качестве приглашенного гостя. Чего хотят эти люди? Моей смерти? Как мне еще зарабатывать на жизнь? Если я не смогу сниматься в общедоступных фильмах, мне останется только идти сниматься в порно, они этого хотят?

К счастью, продюсер телесериала Дик Вульф не поддался

давлению и выступил со следующим заявлением:

«Я приглашаю вас посмотреть Эда Эснера, Андре Брауэра и Майка Тайсона в качестве приглашенной «звезды» в эпизоде «Наследие монстра» сериала *«Закон и порядок: Специальный корпус»*, который будет транслироваться в среду, 6 февраля, в 9 часов вечера на канале NBC. На мой взгляд, это один из наших самых сильных эпизодов за последние пять лет, поскольку он сосредоточивает внимание на том, что может произойти, когда под давлением эмоций спешат с вынесением приговора».

Меня особо порадовало то, что мои друзья, дамы из ток-шоу *«Взгляд»*, также выступили в защиту моего права на труд.

Мои другие съемки уже не сопровождались такими проблемами. Я играл самого себя в эпизоде комедийного сериала *«Как я встретил вашу маму»*. Этот опыт был просто удивительным. Сериал снимался совершенно замечательными женщинами, которые создали фильм полностью семейного типа. Все сценаристы, продюсеры, даже охранники и сотрудники химчистки работали вместе в течение многих лет. Женщины способны на такие вещи, на которые не способны мужчины. Работать там было все равно что составлять большой паззл – у каждого был свой фрагмент мозаики, и каждый исполнял его безупречно. Я отлично провел это время. Не знаю, хороший ли я актер, но я знаю, что я люблю сцену, и я знаю, как вести себя на ней, чтобы получилось что-то хорошее.

13 февраля 2013 года началось мое турне по стране с моноспектаклем *«Майк Тайсон – беспощадная истина»*. По странному совпадению, премьера состоялась в Индианаполисе. Честно говоря, я боялся возвращаться туда, где я провел в заключении три года. Я чувствовал себя объектом ненависти. Приехав из аэропорта в свой отель, проходя регистрацию, я чувствовал, что что-то надо мной довлеет, это было отчетливое ощущение дискомфорта. За день до своего представления я отправился в тюрьму. Мне надо было это сделать. Согласно своему изначальному контракту, мне надо заглаживать свою вину перед людьми за свое прошлое плохое поведение, а когда я был в тюрьме, я там был просто каким-то зверем и скотиной.

Я был потрясен, обнаружив, что начальник тюрьмы Славен все еще на своем месте. Когда я сидел, он был помощником начальника тюрьмы, а теперь он стал начальником. Он работал там сорок четыре года. Славен всегда был замечательным парнем. Он пришел в отель и общался со мной несколько часов. Когда я увидел его, я понял, что мы близки друг другу. Он объяснил мне, что официально с учетом своей должности он не мог общаться со мной, но он собирался в ближайшее время выходить на пенсию и

разыскать меня. Он выглядел совсем по-другому. Он теперь был совсем седым. Он был таким худым, поджарым. Но его энергия поражала. Он был настоящим христианином: когда он появлялся перед вами, вы могли ощутить его духовность.

Когда я, пообщавшись, вышел из тюрьмы, я расплакался. Я не ожидал, что сделаю это, но я почувствовал, как с моих плеч упал груз. Я понял, что у меня не было никаких проблем с вольной жизнью, у меня были проблемы с тюрьмой. И я почувствовал себя очистившимся, увидев Славена. Это было невероятно, я даже не предполагал, что на этом этапе своей жизни я был способен ощутить это чувство.

После своего тура по стране я понял, что знаю, как развлекать людей. Мне наплевать, это десять тысяч человек или всего-навсего пять, мне нравится выступать. Это нелегко, потому что я, по существу, застенчив. Еще в детском возрасте у меня было желание выступать. Но когда я пытался что-то сказать, всегда находился какой-то парень, который пинал меня и говорил: «Ниггер, заткнись!» Кас пропагандировал идею о том, что мое предназначение – развлекать людей. «Если ты прислушаешься ко мне, то всякий раз, когда ты будешь входить в комнату, от тебя не смогут отвести глаз. Ты будешь заполнять все пространство в комнате», – говорил он. Я чувствовал себя как павлин.

Я знаю, что никогда больше не смогу включить «Актуальные новости»[361] и услышать: «Майк Тайсон только что подписал многомиллионную сделку». Те времена прошли. Но я могу продолжать развлекать людей. Я не буду заколачивать кучу денег, но я смогу делать то, что мне нравится делать. И просто делать то, что нравится всем вам, и будет хорошо, если из этого удастся извлечь какую-то пользу.

* * *

Когда я оглядываюсь на свою жизнь, трудно поверить, каких вершин славы я смог достичь. Я не был похож на других звезд, потому что на общем фоне я был слишком ярким. Я был незрелым ребенком, и у меня просто ум за разум заходил. Я чувствовал, что большую часть своей карьеры боксера я был участником фрик-шоу, цирка уродов. А затем я и вообще чувствовал себя просто придурком. Всем большое спасибо, я не желаю так больше жить. Как говорится, я все переосмыслил. Теперь вместо того, чтобы обеспечивать зал на стадионе на семьдесят тысяч мест, я занимаюсь более сокровенными делами.

Даст бог, я справлюсь с этим.

В то время я хотел быть обаятельным и знаменитым. Вот почему я прое… л все свои деньги. Я хотел только славы, славы, славы. Твоя единственная цель – это стяжать славу, но с течением времени я понял, что славу нельзя стяжать, ее можно только потерять. И тогда мне пришло прозрение: все, что я знал, было ложью, и мне надо было все начать сначала. Мне следовало с уважением относиться к своей жене. Мне не следовало больше относиться к женщинам как к шлюхам, а к парням – как к ниггерам. Мне не следовало быть женатым и иметь сорок пять подружек. Какого черта я так поступал? Ты еще можешь позволить себе так вести себя, когда ты обычный, ничем не приметный, рядовой парень, но ведь я вел себя так, когда я был чемпионом мира! Можете ли себе такое вообразить? Я постоянно сталкивался с проблемой беременности, абортов, болезней. Одна подарила мне гонорею, другая наградила инфекционным мононуклеозом. Я жил словно в гиблой заразной трясине Западного Нила.

Если у тебя никогда ничего не было, как только появляется такая возможность, ты стараешься накопить побольше. Но когда ты становишься старше, то ты понимаешь, что в жизни все сводится не к накоплению, а к потерям. И чем старше ты становишься, тем больше у тебя опыт потерь. Мы теряем волосы, мы теряем зубы, мы теряем своих близких. Хотелось бы надеяться, что эти потери закаляют нас и что мы в состоянии передать свою мудрость тем, кого мы любим.

Я причинил другим много неприятностей. В молодости я был весьма эгоистичен. Я первым кричал: «Стреляй в этого ублюдка, этот ниггер должен умереть!» А затем, наблюдая, как парни истекали кровью на полу, я смеялся. Встречаясь со своими старыми приятелями из Бруклина, я спрашиваю: «А помните, как мы тогда отп… дили того парня, который пытался нас убить?» Мои приятели отвечают: «Да и х… й с ним, Майк, главное – что с нами все о’кей». Очевидно, они думали, что я слишком возбужден. Они не любили вспоминать о тех вещах, которыми мы занимались. Мой друг Дэйв Мэлоун всегда говорил: «Майк, по милости Божией с нами все о’кей».

Я очень рад, что я больше уже не тот парень. Теперь я полон сострадания ко всем. И это не какой-то там религиозный треп. Я не верю в то, что, исповедуясь в своих грехах, можно попасть в рай. Я не верю в загробную жизнь. Существует только этот мир. И поэтому для твоего же собственного нравственного облика имеет смысл делать добро в этом мире. Поверьте мне, уж я-то знаю: когда ты делаешь добро, ты чувствуешь себя лучше, чем когда

делаешь зло. На моей совести много нехороших дел. Удовлетворение испытываешь только тогда, когда делаешь добро.

Я пришел к пониманию необходимости прощения. У меня нет чувства обиды ни на кого, как было раньше. Я раньше не понимал, что это просто пустая трата времени. У меня нет чувства ненависти ни к Биллу Кейтону, ни к Джимми Джекобсу за то, как они поступили со мной. Для всех нас это было хорошее время, эти люди дали мне старт в жизни, и мне следует быть им очень благодарным. Я больше сержусь на самого себя, чем на кого-либо другого.

У меня была необыкновенная жизнь: и хорошая, и плохая, и неприглядная, и не такая уж отвратительная, и совершенно безобразная. Я даже не затаил озлобления к Дону Кингу. Я слышал, что у него какие-то нелады со здоровьем. Вот сейчас я пишу книгу. А эти ребята думали, что к этому времени я либо умру, либо стану психом. Они бы никогда не подумали, что я смогу рассказать о них всю правду. Они полагали, что их ложь так и умрет вместе с ними.

Мне еще предстоит много сделать. Я должен постараться возлюбить сам себя. Не на поверхностном уровне: «Я такой великий», а так, чтобы по-настоящему разобраться, кто же я такой. Это потребует существенных усилий, существенного умственного напряжения, существенного лечения. Нельзя недооценивать роль лечения в том, что в моей жизни все изменилось. Я вспоминаю Мэрилин, всех своих врачей и наркологов в различных реабилитационных центрах, в которых я побывал. Я всегда буду им благодарен за их труд. Мэрилин устроила меня в такой центр, куда я сам никогда не смог бы попасть. Возможно, я не полностью прошел там курс лечения, но там, куда она меня устроила, я смог жить, я смог выжить в той сложной, запутанной ситуации, в которой я оказался. У меня еще остаются кое-какие психические и эмоциональные проблемы, но я учусь жить в этом мире и быть в нем счастливым. Раньше же я и с сотней миллионов долларов никогда не был счастлив. Я мог бы отказаться от этих денег, но это не приблизило бы меня к счастью. А сейчас у меня нет и одной сотой от них, и я счастлив. Мэрилин дала мне наглядное представление о порядочном человеке, живущем со своей семьей, в своем доме. Раньше меня было невозможно удержать в доме.

Когда ты – молодой парень с кучей денег и девочек, Бог вряд ли имеет первостепенное значение в твоей жизни. Как ты взрослеешь, к тебе приходит понимание того, что с духовной точки зрения твоя жизнь прошла впустую. Ты никогда ничего не делал для того, чтобы помочь людям. Мне следовало быть

полезным людям, а не просто тусоваться, раздавать автографы и собирать деньги. Я после своих выступлений чувствовал грязь на душе. Ко мне подходили и говорили: «Вы были великолепны! Вы были моим героем!» Нет, я не был им. Я был отвратительным и гадким. Но я хотел бы сейчас возместить это, каким-то образом вернуть свой долг. Я не хочу задеть того, кто, возможно, почитает меня, но для меня этот шаг совсем не труден, я просто хочу сделать что-то хорошее и помочь людям.

Мы с Кики основали благотворительный фонд[362]. Мы предоставляем средства для детей из распавшихся семей, но я хочу сосредоточиться в первую очередь на психическом состоянии этих детей. Детям нельзя дать шанс на успех, если не настроить их дух на борьбу. Я знаю, каково это, если тебе в раннем детстве поставили неверный диагноз и пичкают лекарствами, способными убить тебя. И речь идет не только о детях. Знаете ли вы, сколько людей, которые прямо сейчас сидят в тюрьмах, нуждаются в психиатрической помощи, а не в тюремной решетке? Мы должны изменить эту ситуацию.

Люди часто спрашивают меня, о чем я жалею в своей жизни. Я сожалею о том, что спал со всеми этими женщинами. Обычно я хвастался этим, но теперь все эти победы меня компрометируют и приводят в замешательство. Я так счастлив быть с одной женщиной. Мне по-прежнему нравится смотреть на девушек, но я никогда больше не помышляю о том, чтобы зайти слишком далеко и сказать что-либо неприличное. Меня больше нельзя увидеть в разделах журналов, посвященных сплетням и слухам о знаменитостях, или в ночном клубе за столиком с кучей авантюристок.

Я, наконец, понял, что мне следует искать иной тип женщины, чем моя мать. Ее отношения с другими людьми были ненормальными. Чем больше моя мать давала отпор, тем больше мужчины любили ее. Чем чаще она ошпаривала их кипятком или тыкала в них ножом, тем больше подарков они ей покупали. Такова была структура власти в нашем доме. Это был дом, в котором женщины вели войну с мужчинами. Но Кики была не такой. И я рад, что мне удалось сломать эту систему, вырваться из этого порочного круга.

Кики вытащила меня из сточной канавы и привела в порядок. Я многим обязан ей за то, что добился успеха в качестве дееспособного человеческого существа. Я никогда не думал, что после бокса еще раз стану знаменитым, просто живя своей обычной жизнью, делая карьеру из своей собственной жизни. Насколько я представлял себе, я мог бы просто умереть или, в лучшем случае, владел бы какой-нибудь рюмочной. Я вполне мог

представить, что перестану употреблять кокаин, но я никогда не думал, что способен отказаться и от алкоголя. Я предполагал, что так и буду до конца своей жизни страдать от избыточного веса. На самом же деле я сейчас вполне отвечаю за свои действия, работаю, отвожу своих детей в школу. Всем этим я обязан Кики.

По знаку зодиака я Рак, и я всегда старался спасать женщин. Но я не рассматриваю Кики как барышню, попавшую в беду, о которой я должен позаботиться. Я рассматриваю ее как равную мне. Она способна делать все то, что могу делать я. Если кто-то предоставляет мне работу, я делаю ее в совершенстве. И только когда мне нечего делать, у меня появляется соблазн побездельничать и заняться разной фигней. Меня не арестовывали с тех пор, как я с Кики, поскольку мне есть чем заняться. И мы делаем наше дело хорошо. Даже если, на чей-то взгляд, это и не так, для нас все идет хорошо.

Я никогда не думал, что когда-либо скажу что-то вроде этого, но я очень счастлив, что женат на своей жене. Она – лучшее, что было у меня в моей жизни. С ней я в безопасности. Однажды один журналист спросил меня, где я чувствую себя более комфортно – прогуливаясь в Каннах или же ошиваясь на улицах Бруклина. И я ответил ему, что наиболее комфортно я чувствую себя в присутствии всех членов своей семьи, когда у нас все благополучно. Когда я могу проснуться утром, и все рядом, и я могу всех увидеть.

Иногда мне кажется, что я переключил свою зависимость от наркотиков и алкоголя на участие в жизни своей семьи. Я знаю, сколько горя и унижения я могу принести ей всего лишь одной порцией наркотика или одним глотком «Хеннесси». Я ни в коем случае не хочу обмануть их ожидания. Как я выкладывался в боксе, точно так же и здесь я хочу сделать все от меня зависящее, чтобы продолжать жить со своей семьей. Я знаю, что во мне есть некая пустота, и я много лет пытался заполнить ее наркотиками, выпивкой и сексом. Я думаю, что всему причиной то, что мы смертны. Мы знаем, что все это временно. Мне предстоит состариться и умереть завтра, или через десять лет, или, если мне повезет, через сорок лет. Но когда ты со своей семьей, у тебя появляется чувство, что ты будешь вечно.

Когда-то ты достигаешь такого возраста, когда ты благодарен Богу за то, что живешь еще один день. Он не был нам должен этот день. И тебе следует проживать каждый день так, словно это твой последний день. Тебе следует нести за все личную ответственность. Ты не можешь ни в чем винить общество. Если ты хочешь стать лучше, тебе следует присмотреться к самому себе и преодолеть свои недостатки. Твой злейший враг – это ты сам. Я

знаю, что мой злейший враг – это я сам. Если кто-то и готов прикончить меня, так это только я сам. Если бы кто-то обращался со мной так же, как я сам обращаюсь с собой, я бы, б… дь, вышиб ему его гребаные мозги.

* * *

Я не намерен читать наставления. Я совершенно не хочу никого учить жить. Я не в состоянии устроить и свою-то жизнь. Я просто иду по карте. Вы меня понимаете? Я следую за звуками этой гребаной флейты. Живу одним днем. Я ненавижу эту фразу, но часто прибегаю к ней, чтобы держать себя под контролем. Иногда я вновь начинаю думать, что после всех лет, проведенных в реабилитационных центрах, и траты сотен миллионов долларов я держу ситуацию под контролем. Это мое величайшее заблуждение. Я считаю, что я еще ого-го, а на самом деле я просто лоботряс.

Я всегда искал утешения в своих голубях. Где бы я ни жил, они всегда были со мной. Я собираю голубей особой породы. Они называются роллеры. Сэр Энтони Хопкинс, который в знаменитом фильме сыграл Ганнибала Лектера, говорил о них так:

«Знаете ли вы, Барни, что такое голуби роллеры? Они взмывают высоко и быстро, потом переворачиваются и так же быстро падают вниз, к самой земле. Бывают голуби роллеры, которые не рискуют и летают высоко. А бывают такие, которые опускаются очень низко. Этих нельзя скрещивать, иначе их потомство будет стремиться опуститься еще ниже – и будет гибнуть, разбиваясь о землю».

* * *

Неудивительно, что меня влечет к роллерам. Есть что-то захватывающее в том, как они взмывают выше всех остальных птиц, прокладывая путь ввысь, к небу и облакам, а затем просто скатываются, сваливаются, кубарем соскальзывают вниз, и, если им повезет, то они еще успевают отвернуть от земли до того, как ударятся об нее. Роллеры, которые являются потомками пары, оба голубя из которой привыкли падать низко, не могут этого сделать. Они пикируют так быстро, что вокруг них происходит разрежение воздуха, и они не уже могут расправить свои крылья – и просто взрываются при ударе. Для тех, кто наблюдает за ними, это выглядит просто ужасно. Но если попытаться представить

себя этой птицей, то совершенно не будет ощущения, что ты стремительно падаешь, несешься вниз. Это больше похоже на шведский стол с эндорфином, дофамином[363] и адреналином. Все равно как немного нюхнуть «кокса» и глотнуть «Хеннесси», пока ты подключен к капельнице с морфином.

Мои родители были роллерами, привыкшими падать низко. Я родился, чтобы подняться на вершину неба и упасть вниз. И я искренне благодарен за то, что нашел свои крылья, чтобы расправить их прежде, чем удариться о землю.

Эпилог

Иногда я просыпаюсь и понимаю, что предстоит скверный день. Меня начинают одолевать мысли о том, что меня никто не любит и что жизнь у меня складывается не так, как хотелось, когда я только становился на ноги. Затем я размышляю о том, что мог кого-то обидеть. Затем мне хочется выпасть из жизни и отрешиться от всего. Я не знаю, как проживать каждый день, как жить изо дня в день. Я стараюсь. Я делаю все от меня зависящее, чтобы воспретить любое насилие. Я мог бы позволить любому вздуть меня почем зря, только бы это удержало меня от того, чтобы дать сдачи. Я полагал, что в этом возрасте человек становится более выдержанным, но сам я становлюсь все более раздражительным и озлобленным.

Хотя у меня есть любящая жена и дети, я чувствую себя так, словно я потратил свою жизнь впустую. Не поймите меня неправильно, я люблю свою семью. Я готов умереть или убить за нее. Но это только часть проблемы. Когда я умру, я хочу, чтобы мои дети жили лучше, но я не знаю, будет ли так на самом деле. Не знаю, будет ли у них жизнь гораздо лучше, чем та, что была у меня в Браунсвилле. Они, вероятно, относятся к детям родителей из средних слоев общества. Сейчас я езжу на «Кадиллак Эскалейд». Некоторые, возможно, полагают, что это здорово, но, на мой взгляд, «Кадиллак Эскалейд» недостаточно хорош даже для того, чтобы подарить его проститутке. Я все еще должен налоговому управлению. Вероятно, я умру прежде, чем успею расплатиться с ним. Сейчас я зарабатываю совсем немного. Я выгляжу хорошо, при этом я ничего не делаю. Я дилетант, ханыга, лодырь, приживальщик. Не могу поверить, что моя жена все еще замужем за мной. Я чувствую себя полной дрянью.

Мне не хватает самооценки. Иногда я себя просто ненавижу. Мне порой кажется, что я ничего не заслуживаю. Иногда я начинаю воображать себе, как я вышибаю кому-то мозги и получаю возможность сесть в тюрьму на всю оставшуюся жизнь. Работа над этой книгой привела меня к мысли, что вся моя жизнь была какой-то шуткой. Я представляю собой мрачного и пресыщенного подонка. Ненавижу жить сейчас как обыватель. Не знаю, смогу ли я дожить до следующего дня. Не исключено, что когда-нибудь я просто скажу: «А пошло все оно!..» – и прыгну, чтобы уйти.

Иногда я никак не могу заснуть. Думаю, что причина, по которой я так эмоционально отношусь ко всему, заключается в тех наркотиках, которыми я накачивался все эти многие годы.

Эмоции начинают перехлестывать через край. Мне больно от этого, и непонятно, как от этого избавиться. Я был самым крутым парнем на планете, а сейчас принимаюсь плакать по малейшему поводу. Я не могу понять, что со мной не так. Иногда мне кажется, что я распадаюсь на какие-то отдельные мозаичные фрагменты.

Я представляю собой отходы производства, отбраковку. Шлак, отбросы. Я в своей жизни умел только драться, трахаться и плодить детей. Бокс, шлюхи и детишки. Мой исходный уровень, способный погубить меня. И когда я воздерживаюсь от этого, мне кажется, что я достоин награды. Я, по сути своей, типичный наркоман. Я – кусок дерьма, который думает, что мир вращается вокруг него. У меня самая низкая в мире самооценка, но самый непомерно раздутый эгоизм, который только возможен. Я представляю собой всем известного наркомана, которому надлежит умереть на глазах у изумленной публики. Я не могу умереть в одиночестве. Я должен еще выкрикнуть напоследок разную х… ню типа: «Сколько там людей на планете? Пять миллиардов? Я могу победить каждого из них в честной драке». Кто еще способен на такую ахинею? У многих есть деньги, у многих есть слава, но ни у кого не было такого нахальства, самонадеянности и бесстыдства, как у меня. Самые известные люди позволяли, чтобы их слава переросла их и сопровождала их затем по жизни. Я же хотел перерасти свою собственную славу.

Я совершил столько предательств в своей жизни, что уже не доверяю никому. Когда тебя заставляют понять, что тебя уже не полюбят, в тебе это чувство остается навсегда, оно уже никогда не исчезнет. И когда ты понимаешь, что тебя уже никогда не полюбят, у тебя возникает желание причинять боль другим и делать дурные вещи. Зачем делать хорошее при таком раскладе?

Я размышляю о том, откуда мои отец и мать. Мы – люди с улицы. Я делал то, что они и вообразить себе не могли. Знаю, что это ровным счетом ни для кого ничего не значит, но, если у тебя за спиной лишь грязь, нищета и трущобы, то это значит очень много. Даже мои дети не знают, кто я такой и что у меня в прошлом. Знаю, у них тоже есть свои детские проблемы, которые им приходится решать, но они никогда не жили с крысами и собаками на помойке. Они не знают, каково это – прятаться в отвратительной жиже сточной канавы, чтобы тебя не убили. И я горжусь тем, что я из этого мира. Тут нечем гордиться, но я, тем не менее, горжусь. Мои дети могут читать и писать лучше, чем я, но они никогда не смогут превзойти меня в умении переносить тяжелые удары жизни. И я не хочу, чтобы у них когда-либо появился такой опыт.

Я до сих пор провожу время в гетто. Я – настоящее дитя гетто. Иногда я смотрю на Фарида и спрашиваю его: «Фарид, почему мы здесь, когда мы могли бы быть на яхте в Сен-Тропе? Почему мы с этими нищими ниггерами?» Да потому, что эти нищие ниггеры – это наши братья. И они борются за жизнь, день и ночь. Я люблю этих низких, грязных ублюдков, хотя и не доверяю им. Впрочем, я и сам способен «кинуть» их.

Я могу понять многое и принять это. Например, я много думаю о Ницше. Я понимаю, что такое сверхчеловек. Я знаю, что способен стерпеть поведение какого-либо человека, не калеча его, потому что могу сдержать свои чувства. Некоторые не соблюдают никаких приличий, у них нет уважения к окружающим. Когда я встречаю такого парня, я всякий раз думаю, что хотел бы, чтобы он нахамил моей жене – и тогда я бы вышиб ему мозги. Подобные ситуации случаются сплошь и рядом, но я должен отказаться от таких мыслей. Я пытаюсь сдерживать себя, стараюсь стать другим. Но сколько же мне придется еще насиловать себя, чтобы переродиться и стать этим другим?

Почему я уже больше не беспокоюсь о том, как бы трахнуть кого-нибудь еще, с тех пор, как это случилось последний раз? Всю свою жизнь я думал только об этом. Но сейчас меня уже больше не донимают мысли о том, как бы потрахаться с кем-нибудь. Получается, что я уже повзрослел? Что же мне делать, мне, женатому человеку с двумя детьми? Я ведь не сторожевой пес и не домашняя собачка, я – бездомная собака. Если бы я все еще считал себя выродком с большим членом, шляющимся по шлюхам, то я бы не жил так, как живу сейчас. То есть получается, что либо я переборол самого себя, либо просто совсем уже упал духом. Я предпочел бы думать, что не изменяю своей жене потому, что готов уже уняться в своих безобразиях, потому, что я люблю ее. Или же я просто-напросто сломался и ничего не представляю собой как мужчина?

Куда подевались та ярость и та энергия, которые побуждали меня трахать всех тех женщин? Почему я утратил свой сексуальный натиск? Это просто процесс старения и снижения гормональной деятельности? Теперь при виде девушки я могу еще подумать: «Ух ты!», но у меня уже нет желания сказать ей: «Привет, детка!» И не надо ничего мне рассказывать про «Виагру» или «Сиалис». У этого дерьма нет ничего общего с естественным желанием. Оно не создает нужного расположения духа. Это как пистолет без пуль. Это дерьмо не будит игры воображения, которая необходима для нужного расположения духа.

Всю свою жизнь я занимался тем, что зарабатывал деньги для других. Мои чувства, моя любовь всегда находились в зависимости

от того, насколько успешно Майк Тайсон это делал. Кем бы я был, если бы я не стал Майком Тайсоном? Как бы я строил свои отношения с другими? Я не знаю, каково это – выйти на улицу и начать разговор с кем-нибудь. Мне никогда не приходилось этого делать. Иногда я смотрю на себя и говорю: «Майк, ты придурок и слабак. И что же ты, черт возьми, делаешь? Ты скоро умрешь. И ты намерен поставить крест на своем шарме и всю оставшуюся жизнь оставаться с этой женщиной, с которой ты спишь с тех пор, как ей было двадцать четыре года?» Я уверен, что порой надоедаю своей жене, поскольку провожу с ней практически все время. Но я веду себя так, чтобы она поняла: я не выхожу из дома для того, чтобы показать ей, что я здесь, рядом с ней. Раньше у нас были проблемы доверия друг к другу. Теперь же я стал обузой для нее, проводя дома слишком много времени.

Я никак не могу добиться гармонии в наших отношениях. Я не отношусь к числу уравновешенных людей. Это, конечно, не означает, что я способен сказать ей: «Пощу-ка я другую женщину, которой можно было бы увлечься». Если я не буду жить с Кики моногамным браком, то у нас начнутся неприятности. Я тогда вернусь к наркотикам, опять начну трахать кучу стриптизерш и проституток, могу подхватить какую-нибудь болезнь, нарвусь на какого-нибудь ревнивого парня, и тот вышибет мне мозги.

Я не отношусь к числу парней, рожденных для любовной связи. Я не склонен яростно отстаивать своих прав в любовных отношениях. Но мне не нравится, когда так же поступают и со мной. Если я не слабая сторона в любовных отношениях, то я должен быть лидером. Либо я играю роль ниггера-суки-подкаблучника, либо я должен обращаться с женщиной грубо и жестоко. Или одно, или другое, компромисса быть не может. И поскольку мне совершенно не хочется обращаться с женщинами грубо и жестоко, все завершается тем, что я оказываюсь слабаком.

Я начинаю испытывать неуверенность, когда речь заходит о том, как быть, когда находишься в любовных отношениях. Но почему бы и нет? Когда я был маленьким, я видел, как мужчины бьют своих женщин, как женщины ошпаривают своих любовников, как один человек убивает другого из-за женщины или наоборот. Это был мой быт. Сейчас у меня такие любовные отношения, когда я подавляю свое состояние исходного уровня, чтобы сохранить нормальные любовные отношения. Эгоистичный наркоман во мне взывает: «Что мне за это будет? Думаю, что я заслужил большего для себя за то, как я сейчас живу». Я желаю для себя награды за совершенствование самого себя как личности. За миллион лет моя жена никогда не поймет, что такое мое

состояние исходного уровня. Оно напугает ее до смерти. Мое состояние исходного уровня – это куча девиц здесь и сейчас, и неважно, если это их матери или сестры, и пошли все нах… й. На эту территорию не допускается ни одна женщина, которая не блудит и не замечена в разврате. Это, конечно, грубо. Я от всего этого отказался. Я уберег свою жену и своих детей от всех своих гнусных болезней и всех своих непристойностей. И я хочу кое-что взамен.

Я не могу поверить даже в то, что у меня есть любовные отношения. Не думаю, чтобы я был достойной добычей. Я необразован, косноязычен, не умею правильно говорить, но все до сих пор горят желанием пообщаться со мной, потому что я – Майк Тайсон. Но я – незавидная добыча. Я весьма эгоистичный ребенок. Я не могу жить сам по себе, не хочет ли кто-нибудь пожить со мной? Всякий раз, когда я заводил любовные отношения, я думал: «Фигня, это не может быть настоящим. Эта женщина не любит меня. Как я могу быть для нее кем-то более особенным, чем любой другой человек?»

Иногда я думаю, что одна из причин, почему я женился, – это, чтобы, наконец, пристроить свою задницу. Лучше быть женатым на одной женщине и радоваться тому, что ты с ней, чем быть жертвой надувательства, приманкой для всего злоеб… чего племени женщин.

Вся моя жизнь была постоянной борьбой за выживание. Когда я говорю об этом своей жене, она отвечает: «Нет! Мир прекрасен и восхитителен!» Моя жена – педагог-организатор. Она привыкла заботиться о других. Она хочет, чтобы все были счастливы, довольны и не сердились. В жизни такого не бывает. Кики хочет быть всем другом, но когда ты друг всем, ты оборачиваешься врагом самому себе.

«Ну-ка, попробуй распространить свою идею на весь мир», – говорю я ей.

Она называет меня жалким веганом. Но ты не можешь сделать кого-то счастливым насильно. Если ты не осознаешь происходящего, то тебя будут трахать, причинять тебе боль и использовать тебя в своих целях. Она не видит в людях зла, а я вижу. Я смотрю на мир глазами дьявола.

У меня начинаются галлюцинации: мое имя опять на первых полосах газет, я снова в новостях. Я начинаю беспокоиться, что я не смогу справиться со своей славой и что вновь стану проявлять агрессию. Моя жена постоянно говорит: «Ты с этим справишься». Но мне не нравится быть такого рода мишенью. Теперь, когда моя жена занимается сочинительством, возможно, она сможет запустить еще несколько шоу. И тогда она будет принята в мир

сочинителей, в писательский мир. Но мне приходится очень сильно беспокоиться о ней, поскольку она – все, что у меня есть. У меня больше нет сорока пяти других шлюх. Все мое внимание сейчас направлено на свою семью, и порой это сопровождается проявлениями властности и заносчивости. У меня возникает чувство опасения. А когда у меня возникает это чувство, на первый план выходит мудила «Железный Майк».

Теперь я артист эстрады и принадлежу совершенно иному миру – миру шоу-бизнеса. Я мечтаю о том дне, когда мы сорвем куш, и все опять станет замечательно, и я смогу обеспечить своих детей, и я смогу достойно умереть. Но вряд ли такое случится. Все знают, как могут повернуться дела в шоу-бизнесе. Вначале я лоханулся, и мной все время крутил Дон, затем я был вынужден постоянно кому-то причинять боль. И это – мир шоу-бизнеса? Затем я узнал, что такое мир насилия. Затем я вернулся к наркоте, и моя жена обнаружила, что она вышла замуж за кого-то другого, и он, вероятно, дрючит моих собственных дочерей. Вот так оно все и происходит.

Бесспорно, у меня есть проблемы, связанные с ненавистью к самому себе. Я приносил зло другим людям. Я могу прочитать любую из известных книг о нравственном законе: Тору, Коран, Новый Завет, Бхагавад-Гиту, какую-либо другую, это не принципиально – я и так знаю, что попаду в ад. Я родился уже в аду. И каждый раз, когда я совершал в жизни какой-либо поступок, я делал шаг по дороге из ада. Думаю, что я раздарил и растранжирил столько денег (речь не идет о покупке машин для проституток) отчасти по той причине, что я был просто полуграмотным, неразвитым ребенком и верил, что тем самым я искупаю свои грехи и приобретаю себе путь на небеса. Я был щедрым и помогал людям, потому что душа моя была черной от прошлых неблаговидных дел.

На что я трачу свою жизнь? Мне нравится развлекать людей, но я с удовольствием занимаюсь этим лишь то короткое время, когда нахожусь на сцене. Какое-то время я с удовольствием занимался боксом, но это в основном ушло, когда ушел Кас. Я никогда не хотел быть Железным Майком. Я ненавидел этого парня. Я должен был стать этим парнем для того, чтобы выжить. Но я оказался глуп для того, чтобы так поступить.

Иногда я даже не уверен в том, создан ли я вообще для жизни. Возможно, я представляю собой плод какого-то психоза этого гребаного мира. Я имею дело с теми, кто постоянно ранит меня и наносит мне оскорбления. И никто не услышит, как я кричу, корчась от боли. Я ненавижу свою жизнь, я ненавижу самого себя. Если бы у меня было достаточно мужества, я бы покончил с собой.

Вот что я чувствую, именно это…

Затем в комнате появляется мое солнышко Милан, и тучи рассеиваются.

Это моя награда за то, что я стал ответственным человеком, здесь и сейчас. Когда она в школе, я всегда всем недоволен, но в ту минуту, когда она появляется дома, вся моя жизнь сразу же меняется. Вот когда перестает проявляться мой эгоизм, здесь и сейчас. Я вспоминаю некоторые свои ненормальные поступки, например, инцидент с проявлением агрессии на дороге в штате Мэриленд. Я весьма сердит на себя за него. Больше я так никогда не поступлю. Даже если бы я вновь испытал такие же чувства, мне теперь и в голову не могло бы прийти так себя вести. Я больше не позволю разочароваться в себе, как это происходило с другими моими детьми. Я никогда не позволю потерять над собой контроль настолько, чтобы подвергнуть опасности Милан или Рокко. Лучше пускай меня пристрелят. Благодаря своим детям я научился держать язык за зубами. Я теперь могу удержать себя от сквернословия. Теперь настала моя очередь призывать к ответственности. Это все же легче, чем драться. Я могу ошибаться, но это гораздо легче.

Я не могу поверить, как же так получилось с моими детьми от Моники. Когда я был моложе, я презирал детей такого типа. У них было все: хороший дом, хороший автомобиль, поездки по Европе, хотя они были еще и молоды. У них всю жизнь были служанки. Мне углы комнаты всегда напоминают о побоях от моей матери. А у моего сына нет страха. Я всегда считал, что, если дети хотят что-то получить, они должны чем-то пожертвовать. Так воспитал меня Кас. Если ты выигрываешь этот бой, ты получаешь от меня вот это. Мой сын получит то, что он желает, вне зависимости от того, сделает он что-то хорошее или нет.

Все дело в том, что, когда я рос, я не чувствовал любви, я не чувствовал себя в безопасности. Я смотрю на своих детей и поддразниваю их, утверждая, что они слабаки и рохли. Но как раз то же самое могло бы быть и со мной, если бы я вырос в атмосфере любви. Я тоже был бы слабаком и рохлей. Это уже теперь, с опозданием, я встретил в своей жизни любовь. Я раньше был способен на такие поступки, как откусить ухо Эвандеру, что привело к тому, что моих детей стали дразнить. Вот с чем им приходится иметь дело. Конечно же, издевались и потешались над ними не так жестоко, как надо мной. Их не отлавливали на улице и не избивали. Они ходят в частные школы и, теоретически, у них отличные друзья. Моими друзьями были сутенеры и убийцы, грабители и воры.

У меня совершенно нет никаких родительских навыков, даже по сей день. И я знаю, что моя жена, должно быть, считает меня неандертальцем, но я делаю все, что в моих силах. Мои старшие дети должны быть благодарны за то, что у них не было такого отца, какой был у меня. У него не было привычки спокойно дожидаться, когда же ему принесут полагающееся. Он вразумлял девушек: «Я вам ничего не должен. Вы сидите на том, чем можно прекрасно заработать». Я никогда никого не принуждал продавать свою честь. Все видели, как отвратительно, когда мой отец брюхатил их матерей.

Говоря о детях, я хотел бы проявить заботу о том пятнадцатилетнем мальчике, который до сих пор живет во мне. У меня есть возможность сделать это сейчас. Он не никуда не исчез. Он по-прежнему травмирован, но сейчас он живет полноценной жизнью. Это просто удивительно! Я не смог добиться этого, когда у меня было 300 миллионов долларов. Сейчас же я воспитываю детей, являюсь добропорядочным мужем, не имею причин беспокоиться о том, что моей жене передастся венерическое заболевание. Я еще никогда не жил такой жизнью, и это просто удивительно. Никогда не думал, что я когда-нибудь угомонюсь и стану оседлым человеком. Но сейчас я чувствую себя в безопасности. Мне нравится такая жизнь. У меня есть хорошая возможность воспитывать своих детей, лучше понимать свою жену – и я ощущаю умиротворенность в своей душе. Вот почему меня это устраивает.

Я никогда больше не смогу пойти вечером из дома. Такого больше никогда не случится. Я никогда больше не повторю своих прежних ошибок, потому что я многих сделаю несчастными. Я верю, что сохраню мир и душевное спокойствие, проводя много времени дома, потому что в этом случае не будет оснований подозревать, что я где-то занимаюсь тем, чем не следовало бы заниматься. Порой мне кажется, что моя жена была бы даже не против того, чтобы я иногда выходил из дому. Когда ты слишком долго ошиваешься рядом, ты можешь стать слишком заносчивым и самонадеянным. Меня не волнует, кто тот, кто в тебе сидит. Возможно, он хотел бы потусоваться с друзьями и поиграть в кости, повеселиться и оторваться. Но я больше никогда не буду этого делать. Радость жизни теперь для меня заключается в общении со своей маленькой дочкой, в узнавании ее и Рокко. И я надеюсь на то, что мне удастся наладить отношения со всеми своими остальными детьми. Моя старшая дочь Майки сейчас живет вместе со мной в Лас-Вегасе, и это здорово. И мое жилище вовсе не похоже на мужскую берлогу, где я с приятелями напропалую дымлю и смотрю футбол.

Еще одна из причин, по которой я много времени провожу дома, – это мое стремление избегать случайных встреч на улице. До того как отправиться в турне по стране со своим шоу *«Беспощадная истина»*, я практически все время оставался дома, чтобы не встречаться с незнакомыми людьми, способными повлиять на меня плохой энергетикой. Я выходил наружу буквально на минуту или две, а затем тут же возвращался обратно. Когда мне раньше доводилось подолгу бывать вне дома, вначале все могло складываться хорошо, но в конце дня я неизбежно платил из своего кармана, чтобы урегулировать различного рода конфликты, извинялся перед кучей телевизионщиков, а возможно, даже и отбывал наказание. Мне не хотелось бы повторять этот печальный опыт. И я остаюсь, блин, дома, чтобы не оказаться в какой-либо конфликтной ситуации. Можете ли вы в это поверить, блин? Но такова суровая реальность. Кас так закодировал мой душевный настрой, что он способен мгновенно меняться. Я могу находиться на грани эмоционального срыва, а затем в одно мгновение – бац, и все поменялось. Иногда мне даже бывает боязно выйти на улицу, потому что я совершенно не представляю, что со мной может вдруг случиться. Действительно, не представляю. Когда я на улице, я сам опасаюсь своего поведения: я могу воспринять ситуацию совсем не так, как это следовало бы сделать. Когда я был моложе, я контролировал себя гораздо лучше. Когда я был моложе, я был постоянно настроен на агрессию. Вот почему, уже имея чемпионский титул, я так часто попадал в уличные драки. Мое самолюбие постоянно было ущемлено и требовало дать сдачи. Кас также был весьма самолюбивым парнем:

– Что тебе сказал этот парень? И как ты поступил в ответ?

Я был маленьким зае… ным пацаненком, а он продолжал: «И что же ты все-таки сделал в ответ?» В душе мне всегда хотелось просто сбежать, потому что я никогда не знал, что именно могло спровоцировать меня на агрессию. Даже от совершенно безобидного: «Послушай, парень!» – я мог прийти в полную ярость.

Сейчас у меня довольно хаотичный режим. Я иду спать около шести или семи, если только моя жена не принуждает меня смотреть вместе с ней какое-нибудь телевизионное шоу, тогда это может быть и в девять. Где-то в полночь или в два часа ночи я просыпаюсь, в течение часа занимаюсь на велотренажере и на беговой дорожке, затем делаю приседания. Сегодня я два часа бегал с грузом на ногах.

К этому времени Кики уже встает. Когда я вижу, как она берет обоих моих детей и покидает дом, у меня всякий раз

возникает опасение, что они больше никогда не вернутся. Сейчас это мой самый большой страх. Когда она уходит, я прихожу в ужас. Мне очень жаль, когда я остаюсь дома один. Раньше мне нравилось быть в одиночестве, но это было до того, как у меня по-настоящему появилась семья. У меня сейчас и мыслей никаких не возникает сделать что-либо неблаговидное. Мне больше не хочется попадать в тюрьму. Вся моя работа сейчас заключается в том, чтобы просто заботиться о своей семье и пытаться помогать людям, которым повезло меньше, чем нам. Не могу поверить, что я стал таким.

Из-за того, что я насмотрелся в своей жизни на разные ужасные вещи, я стал чрезвычайно осторожен. Я всегда велю своей жене запирать двери, все время быть начеку, присматривать за прислугой. Я рассказал ей, как однажды я гостил у своих друзей, а затем уехал, а потом узнал, что несколько часов спустя всех в этом доме убили. У меня в памяти хранятся такие вот жуткие истории. Моя жена считает меня совершенно ненормальным. Такого, как я, еще не было. Если к нам домой приходит кто-то из чужих, я всякий раз начинаю соображать: *«Кто этот парень? Кто привел его сюда?»* После того как он уходит, я могу попросить ее достать шалфей и очистить энергетику дома. В прежние времена для меня вполне допустимым было прийти в чужой дом и положить на него глаз. После моего ухода в этот дом вваливались вооруженные бандиты и приказывали: «Всем лечь!» Вот какие раньше для меня существовали принципы и нормы.

Когда Кики с детьми уходит, у меня достаточно времени для того, чтобы подумать. И я думаю о том, какое странное у меня было детство, оно почти целиком зависело от моей матери. Как же я смог выбраться из этого ничтожного, жалкого мирка? Как такой мальчишка, как я, смог вырваться из Браунсвилла и стать чемпионом мира в тяжелом весе? Перелистывая страницы истории бокса, можно убедиться в том, что единственное, что меня объединяло с большинством чемпионов, – это была наша бедность. Джек Демпси был, блин, безработным, перебивающимся случайными заработками. Я пытался опереться на этот факт, чтобы придать смысл своему повествованию, но у меня это не получилось. Как же я встретился с Бобби Стюартом, который познакомил меня с Касом? Как же Кас смог вложить в меня столько детской восторженности и энтузиазма? Как же у меня хватило духа сказать себе: «А давай сделаем это»? Откуда взялся этот настрой? Оттого, что я хотел следовать своим героям, когда был молод? А затем я уже перестал мыслить себя без бокса.

Кас всем рассказывал, что молния ударила в него два раза и у

него будет новый чемпион в тяжелом весе. Но мне тогда было всего тринадцать лет. Когда он впервые увидел меня, я еще не провел в своей жизни ни одного любительского боя.

Как он мог знать, что, когда он умрет, я стану таким парнем? Он никогда не видел воочию, чтобы я намеренно причинял кому-то вред. Он никогда не видел воочию, как с каждым разом растет на ринге моя уверенность в себе и чувство превосходства. Хотел бы я знать, что бы подумал о том, кем я стал. Он был жестким парнем. Он мог сказать о каком-нибудь боксере: «У этого парня кишка тонка. Оставь его там подыхать». Кас считал, что на ринге тебе следует умереть на щите, но ни в коем случае не сдаваться. Теперь, однако, я понимаю, что нет ничего важнее самой жизни. Ни кубок, ни чемпионский пояс, ни слава – ничто не сопоставимо с жизнью и людьми, которых ты любишь. Я привык быть первым в своей готовности с честью умереть на ринге. Но теперь с этим покончено. Это игра для простаков. И я был, очевидно, самым большим простаком, который когда-либо играл в нее.

Я знал, что являюсь чемпионом мира, еще до того, как завоевал чемпионский пояс. Он просто подтвердил этот факт. Но во мне жила еще другая сущность Майка Тайсона, с которой я никак не мог справиться. Я не мог понять, блин, что же это за чувак. Перед всеми представал такой классный парень, весь из себя суперчемпион, а кем я был на самом деле, так и оставалось скрыто от посторонних глаз. Можно было подумать, что я относился к числу наиболее разыскиваемых опасных преступников США. Инспекторы по надзору за условно осужденными желали иметь подробные отчеты о том, где я находился в каждый конкретный момент времени. Все по-настоящему боялись меня. Я был таким милым прелестным ребенком, но имел имидж злобного, жестокого существа. Это возбуждало и отравляло. Мне всегда хотелось показать людям, что никого и ничего не боюсь, и здесь я перегибал палку. Я считал, что должен быть крутым и злобным, поскольку Кас пестовал такой образ мышления. «Исключительный» было его любимым словом. Я был исключительным боксером.

Если бы Кас был сейчас рядом, он бы сказал: «Майк, тебе следует драться. Или ты спятил?» Но я ни минуты не жалею о том, как все сложилось. Все великие боксеры: Рэй Робинсон, Питер Джексон, Джо Ганс, Тони Канцонери[364] – все они умерли под забором или же на склоне лет работали вышибалой в какой-нибудь забытой богом гостинице. Они были настолько увлечены боксом, что никогда не думали о завершении своей спортивной карьеры. Но, как бы потом ни сложилось, это стоило того, чтобы быть чемпионом. Я был бы готов на любые испытания и любые

унижения, лишь бы прожить всего один год как Майк Тайсон, как настоящий чемпион. В самом деле, черт побери!

Не хочу, чтобы все это прозвучало так, будто бы я совершенный отшельник. Я все-таки выхожу из дома и делаю какие-то дела за его пределами. Когда мы писали эту книгу, мы вместе с Ратсо[365], моим соавтором, пошли на четвертый поединок между Пакьяо[366] и Маркесом[367]. Посещение вместе со мной этого поединка являлось одним из лотов аукциона моего первого мероприятия по сбору средств в рамках фонда Mike Tyson Cares. Победителями были двое очень приятных молодых мексиканцев, которые сидели вместе со мной и Ратсо. Это было также первое после выборов появление на публике Митта Ромни[368]. Мы с Ратсо не поверили своим глазам, когда увидели, как он со своей женой спускался к своему месту на первых рядах.

– Эй, Митт, у нас сорок семь процентов! – прокричал я ему. На меня, должно быть, повлияло пребывание в одном доме с либеральной женщиной, которая смотрит кабельный телеканал MSNBC круглосуточно без выходных дней.

– Митт, ты немного опоздал с ухаживаниями за мексиканскими избирателями, – добавил я еще. Публика в зале состояла в основном из мексиканских поклонников Маркеса. Сам поединок был просто отличным. Это был один из тех вечеров, которые напоминают о том, каким может быть большой бокс.

Месяцем ранее мы с Кики и Ратсо пошли в гостинично-развлекательный комплекс MGM Grand на концерт Барбары Стрейзанд. Барбара мне всегда нравилась. В молодости я прочитал, что ее самолюбие могло бы затмить самолюбие Эла Джолсона[369]. Меня всегда привлекали люди с большим самолюбием, потому что Кас говорил, что люди могут стать лучше, думая о себе как об идеале. Они всегда будут стремиться быть таким идеалом. Я познакомился с Барбарой, когда она пришла ко мне в раздевалку после моего поединка с Ларри Холмсом. Она была как раз той, кого бы я и назвал «суперзвездой». Она очень душевная, и я говорю это не с расовой точки зрения. Она своим пением доставляет настоящее наслаждение. Таким, как она, завидуют и пытаются как-то задеть их, потому что невозможно выплеснуть столько энергии, выказать столько любви, заставить так откликнуться сердца других, как это может сделать Барбара.

Я был восхищен ее выступлением. После него мы поднялись к ней в гримерку и сфотографировались там с ней и Мари Осмонд. Я и на следующий день еще ощущал эмоциональный подъем после того вечера. Это было так захватывающе – быть рядом с ней и видеть, как она поет. Она очень много значила для моей матери

и других людей в моей жизни. Мне просто повезло, что я застал ее в своей жизни.

Однако даже посещение этого концерта явилось для меня довольно тяжелым испытанием. Пока мы шли к залу через казино, я видел некоторых своих прежних приятелей из числа сутенеров и наркоторговцев. И они тоже видели меня с моей женой. Они знали достаточно, чтобы не вступать со мной в разговор. Они знали, что я нахожусь в постоянной битве с духами искушения. И когда я вот так иду в подобном месте, это означает, что я просто иду.

Мы втроем побывали как-то еще на другом концерте, в то время как я работал над своей книгой. Майк Эппс[370] давал эстрадное представление в отеле «Палмс». Моя жена находилась за мной и не видела, что, когда я подошел к столику, одна леди поднялась и попыталась обнять меня.

– Нет, я не могу обнять тебя, – сказал я ей. К счастью, между нами как раз в это время оказался какой-то парень. Он подмигнул мне:

– Смотри-ка, как я тебя выручил!

С Кики, наверное, случился бы инфаркт, если бы это произошло. Вот почему мне не нравится выходить из дома слишком часто. Я предпочитаю отдыхать в домашней обстановке. Когда я нахожусь вне дома, то получаю удовольствие, если ситуация полностью под контролем. Однако в большинстве случаев все навеселе и могут вступить с тобой в конфликт. Я стал больше оберегать свою жену. Если точнее, то я стал более ревнив, чем тогда, когда мы только познакомились. Полагаю, что я всегда был обязан защищать ее. Однако Кики хорошо умеет обращаться с мужчинами, которые ухаживают за ней. Я уже не помню, как она обращалась со мной, когда я ухаживал за ней все эти годы, прежде чем мы, наконец-то, соединились. Кики очень умная и искушенная в жизни леди. Она знает свой путь в жизни. Я могу порой думать о ней как о своем ребенке, но на самом деле это скорее я ее ребенок, чем она мой.

Всякий раз, когда я иду на выступление какого-нибудь большого артиста, я испытываю трепет от той мысли, что мы принадлежим одному братству. Если бы я мог так и прожить оставшуюся жизнь, оплачивая свои счета, я был бы рад своей судьбе. Платить по счетам, не иметь арестов, не сидеть в тюрьме, не попадать ни в какие нервотрепки. Меня даже не беспокоит то, что я ничего не оставлю своим детям. Просто жить, когда никто не причиняет тебе боли, – одного этого уже вполне достаточно. Я никогда не думал, что окажусь в таком отчаянном положении в связи с финансовыми затруднениями. Я – настоящий ниггер.

Некоторые вредные привычки пропадают весьма медленно. Я не хочу, чтобы так продолжалось. Я не хочу заботиться о своей одежде больше, чем о своем здоровье. Когда я умру, я хочу, чтобы мои похороны были самыми дешевыми, насколько это возможно. Просто положите меня в землю, не надо ни гроба, ни чего-либо другого, просто бросьте меня там. Не надо навещать меня, не надо никакой этой ерунды. Я уверен, однако, что некоторые боксеры будут искать мою могилу, как это в свое время делал я с прежними боксерами. Я был бы счастлив, если бы ко мне отнеслись так же, как я относился к своим героям. Не исключено, что на моей могиле будет надгробный камень, на котором можно будет прочитать: «Теперь я упокоился».

Когда я думаю о себе и Кики, я не перестаю удивляться. Наша любовь расцвела во время невзгод. Со мной очень трудно жить. Как Рак, я притягиваю к себе разное дерьмо и впитываю его. Это звучит очень круто: жить с человеком, чувства которого созвучны твоим, но в этом нет ничего крутого. Чувства могут быть созвучны и в своей иллюзорности, обманчивости, бредовости. Я благодарен своей жене за то, что она смогла пройти через все испытания ожидания меня, пока я перерождался. Пока я изменял свое недостойное мнение о женщинах в целом. Для нее это было все равно, что пройти испытания испанской инквизиции.

Я просто восхищаюсь своей женой. Когда мне хочется вышибить самому себе мозги, она заставляет меня полюбить самого себя. Я уважаю ее за то, сколько сил она вкладывает в чувства, в близость между нами. Если бы она в какой-то момент сказала: «А пошло оно все!» и заимела бы ребенка где-нибудь на стороне, я был бы только рад. У меня нет ни малейшего представления о том, почему я остался преданным этой девушке. Я даже не знаю, что дало мне силы попытаться изменить свой стиль жизни, сложившийся за последние сорок лет. Я никогда не знал, что такое верность и преданность. Раньше я влюблялся без памяти в девочек, но всегда изменял им и морально, и физически. Кики сделала меня достаточно сильным, чтобы попробовать переродиться в человека, знающего, что такое верность и преданность. Это уже само по себе великое дело, даже если эта попытка не доведена до конца, даже если она провалилась. Вот настолько сложна ситуация в этом вопросе. Представьте себя на месте такой личности, подумайте, чего бы вы могли достичь. Вот тогда вы станете настоящим примером нравственных достоинств.

Я признателен Кики за все. Даже если бы моя жена была проституткой со СПИДом с развернутой клинической картиной, я все равно не был бы достоин ее. Это, действительно, так. Я не заслуживаю своей жены. Она мне дана, должно быть, за то, кто я

такой и каковы мои прошлые заслуги, а также за то, что я, в общем-то, порядочный человек – но я никоим образом не заслужил быть с ней. По сравнению с ней я совершенно никчемный человек.

Что мы на самом деле знаем о любви? Любовь повелевает нами, а не мы ею. И когда она повелевает тобой, тебе остается только откликнуться на этот зов. Никто никогда не в состоянии отказать зову любви, даже если природа любви безжалостна. Я могу не понимать, что это любовь, но я страдаю от ее симптомов: от безрассудства и полного рабства на непостижимом уровне, на уровне, недоступном пониманию. Наряду с этим она может также повелеть тебе приложить все свои силы и сделать невозможное. Для одних любовь может означать просто оргазм, для других это может быть мечтой о любви, игрой воображения, которую мы стремимся постичь и воплотить в жизнь. Я сказал жене, что люблю ее каждое мгновенье каждого дня, но что же такое моя любовь? Она изматывает, порой отравляет, она возвышена и похотлива, она девственна, она многогранна и неисчерпаема. Любовь жертвует ради себя твоим самообладанием. Утратить самообладание гибельно, и ради чего? Ты в полном неведении, но готов пойти на это, потому что так повелевает любовь. При этом ты не уверен, будет ли лучше для любви утрата самообладания. И ты одновременно сходишь в ад и возносишься на небо. Иногда нам нравится принимать похоть за любовь. Мы считаем, что раз это чувство так захватывает, то это непременно должно быть любовью. Любовь – это жертва. За любовь стоит умереть, за нее можно убить, история это подтверждает. Но у нас в нашем путешествии по жизни должен быть некий моральный компас. Не всякое удовольствие относится к числу добродетельных.

У меня есть любимая книга, которую я стараюсь читать каждый день. Это книга *«Самые известные письма мира: От Древней Греции до XX века»*. Мне нравится таким образом изучать прошлое. Можно многое узнать об этих людях, читая их письма. Некоторые из них настолько эгоистичны, что даже не допускают возможности, что кто-нибудь еще способен любить так, как они. Многие из этих парней любители покомандовать, диктаторы по натуре, и они расценивают как личное поражение тот факт, что на их любовь не ответили достаточно быстро. То, как пишут эти люди, очень поэтично. Когда читаешь, как они выражают в письмах свои чувства, просто захватывает дух. А тем, кому они писали, порой было на них совершенно наплевать.

Читая эти письма, я плачу. Вот, например, Наполеон, этот выдающийся мировой лидер – а вот его письмо, в котором он умоляет прийти к нему свою возлюбленную Жозефину, а она

отказывается. Взгляните сами:

«4 апреля 1796 года.

Какими чарами сумела ты подчинить все мои способности и свести всю мою душевную жизнь к тебе одной? Это волшебная, упоительная любовь, которая закончится только со мной. Жить для Жозефины! Вот история моей жизни… Я пытаюсь быть рядом с тобой, я умираю от желания быть рядом с тобой. Было время, когда я гордился своим мужеством, с которым встречал то зло, которое мне могли причинить, и свою судьбу. Я твердо смотрел, не отводя взгляда, на ужасные, неслыханные несчастья без недовольства, без удивления. Но сейчас одна только мысль о том, что моей Жозефине может быть плохо, мысль о том, что она может быть больна, и, самое главное, жестокая, гибельная мысль о том, что она может любить меня меньше, заставляет мою душу увядать, леденит мне кровь, повергает меня в уныние и лишает меня всяческого мужества, оставляя взамен гнев и отчаяние. Я часто повторял себе, что нельзя властвовать над тем, кто умирает без жалоб и раскаяния. Но сейчас я понимаю, что умереть, не насладившись твоей любовью, – это адская мука, это верный образ полного уничтожения. Моя единственная подруга, избранная судьбою для совершения нами вместе тяжкого жизненного пути, – в тот день, когда твое сердце не будет больше мне принадлежать, мир утратит для меня всю свою прелесть и соблазн. Люблю тебя, твои глаза, но этого безумно мало, тебя саму, больше, чем тебя саму, твои мысли, твою душу, твой взгляд, всю тебя. Возлюбленная моя, прости меня, я изнурен. Тому, кто чувствует так остро, тому, кого ты любишь, недостает жизненных сил.

Твоя болезнь – вот что занимает мой ум день и ночь. Без еды, без сна, забыв о своих друзьях, славе, Отечестве – рядом с тобой весь остальной мир больше не существует для меня, словно он истреблен. Я дорожу честью только потому, что ты ценишь ее. Я дорожу победой только потому, что она доставляет тебе удовольствие. Я готов отказаться от всего, что не доставляет тебе радости, и броситься к твоим ногам. В своем письме, моя возлюбленная, остерегайся признаться мне, будто бы ты убеждена в том, что я люблю тебя сверх всякой меры, с напряжением всех своих душевных сил. Что ты уверена в том, что тебе посвящен каждый момент моей жизни. Что не проходит и часа, чтобы я не подумал о тебе. Что мне в голову никогда не приходят мысли о какой-либо другой женщине».

Мне нравится то, как он излагает свои чувства! Наполеон – это парень что надо! У него это получилось просто здорово! А Жозефине было на Наполеона совершенно наплевать. Все это

очень похоже на ситуацию с Робин Гивенс.

Иногда я беру эту книгу в спальню и читаю письма из нее Кики. Вот мое любимое письмо. Оно написано великим немецким поэтом и драматургом Генрихом фон Клейстом. Осенью 1811 года он влюбился в домохозяйку Генриетту Фогель. Ему было тридцать четыре года, ей – тридцать один год. Они разделяли страсть к музыке. Но Генриетта умирала от рака матки. Генрих был склонен к депрессии, беден и стремился обессмертить себя. Фогель была не первой леди, к которой он обращался с просьбой совершить вместе с ним самоубийство, но она была первой, которая ответила согласием. Они провели вечер в небольшом трактире, где пили вино и кофе с ромом. На следующее утро они, словно в трансе, спустились к озеру. Сначала он выстрелил в Генриетту, а затем застрелился сам. Это одно из его последних писем к ней:

«Моя Жанет, мое сердечко, моя бесценная, моя преданная, моя любовь, моя дорогая, моя возлюбленная, моя жизнь, мой свет, моя преисполненная благости, моя тень, моя крепость, мое поле, моя трава, мои виноградники, о мое солнце, о моя жизнь, солнце, луна, звезды, небеса, мое прошлое, мое будущее, моя невеста, моя девочка, мой любимый друг, моя суть, моя кровь, звезда очей моих, о драгоценная, как мне еще назвать тебя? Мой золотой ребенок, моя жемчужина, мой драгоценный камень, моя корона, моя королева, моя императрица! Ты возлюбленная моей жизни, моя лучшая, моя самая драгоценная, мое крещение, мои дети. Ты мои пьесы, ты моя посмертная известность, ты мое второе «я», лучшее, что только есть, ты моя добродетель, ты моя заслуга, ты моя надежда, мое небо, мое дитя Божье, ты моя заступница, ты моя защитница, мой ангел, моя любовница! Как я люблю тебя!»

Я читаю это вслух, а затем мы с Кики вместе плачем.

Разве это не замечательно?

Постскриптум к эпилогу

Сначала я хотел закончить книгу именно так: мы с Кики сквозь слезы читаем в постели любовные письма великих людей, моя мгла ушла, мой дух воспарил от вдохновенных слов великих людей истории. Но, как я уже сказал в своей книге, следует жить одним днем. И я не смог бы жить в ладу с самим собой, если бы лгал и пытался скрыть, что произошло в последние несколько месяцев.

Возможно, это не давало покоя моей душе и копилось в ее темных закоулках, чтобы честно ответить Ратсо на его вопросы о моей жизни. Нельзя исключать, что это произошло от подспудного желания вернуться в мир бокса и еще раз появиться на ринге, на этот раз уже в качестве промоутера и воспитателя молодых боксерских талантов. Конечно же, с учетом моего давно сложившегося негативного имиджа не требуется больших усилий для того, чтобы разрушить радость и счастье, которые вошли в мою жизнь.

Так или иначе, но это случилось, и я должен рассказать об этом. Спустя где-то месяц после того, как я завершил работу над книгой, в апреле 2013 года я вновь сорвался, впервые с января 2010 года. Как-то вечером я вышел из дома и выпил. А затем добавил. И еще раз. Я здорово напился, поэтому, чтобы окончательно «догнать», выкурил немного травки. Когда я тем вечером вернулся к Кики и детям, я чувствовал себя ужасно. Но не настолько ужасно, чтобы остановить меня от следующих нескольких срывов в июне и июле того же года. И в августе, за неделю до моего первого поединка в качестве «Железного Майка»-промоутера, который транслировался по телеканалу ESPN, я вернулся к прежней привычке и вновь «забухал».

Я патологический наркоман, и если я не возьму себя в руки, то сдохну. Поэтому я вновь стал посещать собрания анонимных алкоголиков и наркоманов – в качестве одного из важных шагов, чтобы загладить свою вину.

Непосредственно перед своим первым поединком в качестве промоутера я подошел к Тедди Атласу, своему прежнему тренеру, который делал комментарий для ESPN. Я протянул руку и извинился перед ним за то, что произошло в Катскилле в 80-х годах. Я не говорил с Тедди почти двадцать лет, а обстановка как раз способствовала тому, чтобы принести извинения за прошлое. Я думаю, что этот жест многое значил для всех, поскольку это был первый вопрос, который задавали как во время поединков, так и в ходе интервью, которое я дал между боями.

Я уже испытывал чувство вины и стыда за свои последние рецидивы, поэтому, когда я увидел Тедди и принес ему извинения, я почувствовал себя гораздо увереннее. Я осознал, что больше не смогу продолжать лгать и притворяться, будто бы я по-прежнему веду здоровый образ жизни, будто бы я не пил и не курил травку. Поэтому, когда кто-то во время пресс-конференции после боя спросил меня, каково это было – вновь увидеть Тедди, мне пришлось излить душу:

– Я знал, что существовала такая возможность – оказаться мне здесь вместе с Тедди. И вначале у меня не было никаких идей насчет этого, поскольку я вредный по характеру и необразованный. И меня подмывает делать разные гадости. Меня подмывает одному ошиваться там (я показал на собственную голову), где одному ошиваться опасно, верно? Это способно прикончить любого. Это способно прикончить и меня. Поэтому я пошел на собрание анонимных алкоголиков и наркоманов и объяснил своим товарищам по несчастью, алкоголикам и наркоманам, что я хотел бы разобраться в этой конкретной ситуации. Я объяснил, какие чувства я испытываю в результате всего этого. Я попытался объяснить им, что это что-то вроде, хм, вражды Хаттфилдов и Маккоев[371]. Я принял верное решение. Кас гордился бы мной. Я и сам теперь могу гордиться собой.

Я ненавижу себя. Я сам пытаюсь покончить с собой. Я очень сильно ненавижу себя, но я поступил так, что теперь могу гордиться собой, и это не так уж и мало. И я рад, что так поступил. Может быть, мой поступок для Тедди оказался неожиданным и ошеломил его, и поэтому он пока еще не понял его. Но он должен знать, что это было сделано искренне. Я больше не хочу ссориться с тобой. Я был неправ. Я сожалею. Я был неправ. Поэтому я хотел принести свои извинения. Принял он их или нет, но по крайней мере теперь, умерев и отправляясь в могилу, я могу сказать, что я принес извинения всем, кому я причинил боль. Это то, что я хотел сказать о любви и прощении, и для того, чтобы те парни простили меня, другие парни, я бы хотел, чтобы меня простили за все то, что я сделал.

Я негодяй. Я сделал очень много дурного, и я хочу, чтобы меня простили. А для того, чтобы меня простили, я должен надеяться, что меня смогут простить. Поэтому я хочу изменить свою жизнь, хочу сейчас начать другую жизнь. Я хочу жить трезво. Я не хочу умирать. А я балансирую на грани смерти, потому что я патологический алкоголик. Ух! Боже, я хотел бы признаться в следующем.

У меня перехватило горло, и затем я признался во всем:

– Я не пил и не принимал наркотиков последние шесть дней,

и для меня это выдающееся событие. Я обманывал всех тех, кто считал, что я вел трезвый образ жизни. Я его не вел. Это всего лишь шестой день моего трезвого образа жизни. И я больше никогда не намерен изменять его.

Журналисты в зале стоя аплодировали мне, но для меня это ничего не значило: никто не аплодирует тебе стоя, когда ты в номерах делишься тем, что у тебя на душе.

Это было 23 августа 2013 года. К тому моменту, когда я сейчас пишу эти строки, я добавил к своему итогу еще несколько дней. Я надеюсь, что смогу вести здоровый образ жизни и добавлять все больше и больше дней, получать все больше и больше жетонов. Подозреваю, я был слишком самонадеянным, думая, что мог бы справиться с этим без помощи своей команды поддержки и своей семьи анонимных алкоголиков и наркоманов, которые принадлежат к единственному клубу, принимающему в свои члены людей, подобных мне. Я не хочу умирать. Я хочу продолжить свою боксерскую карьеру в качестве промоутера. Я хочу создать новое представление одного исполнителя. Я хочу участвовать в съемках новых фильмов.

После своего последнего рецидива мне пришлось очень несладко. У нас с Кики настало тяжелое время. Я частично даже попытался возложить ответственность за свой рецидив на психологический гнет того, что я женат. Затем пришли гранки моей книги. Во время работы над книгой вместе с Кики у меня было духовное возрождение. Когда мы дошли до главы об Эксодус, нам было очень тяжело, мы оба плакали. И именно тогда я понял, почему я женился на Кики. Я вдруг получил ответ на вопрос: «Почему парню вроде меня надо жениться?» Я осознал, что наш брак был больше, чем мой союз с Кики. Я должен был жениться на Кики, чтобы исполнить завет Эксодус. Мой брак позволит мне сделать это и обеспечит мне возможность быть хорошим отцом. Я стал лучше, потому что в моей жизни была Эксодус, и, когда она ушла, я дал обет постепенно становиться все лучше. Я очень хочу укрепить свои отношения с Кики и увидеть, как мои дети растут здоровыми и счастливыми. Но я не смогу сделать что-либо, если я утрачу власть над собой. Я не смогу помочь кому-либо, если я буду болен, и я отчаянно хочу выздороветь. Я испытываю большие страдания и очень хочу исцелиться. И я буду делать все от меня зависящее, чтобы сделать это. Постепенно, шаг за шагом. Живя сегодняшним днем.

Примечание относительно лексики

Есть два слова, которые я часто использую в этой книге и которые требуют некоторого разъяснения.

Одно из них – «ниггер» («nigga»). Это слово получило широкое признание и повсеместное применение в сообществе молодых чернокожих посредством его использования такими представителями раннего хип-хопа и рэпа, как Грэндмастер Флэш[372], группа «Ниггеры с мнением», Тупак, «Грязный Старый Ублюдок»[373], а также комедийными актерами Полом Муни и Крисом Роком. То, что использую я этот термин уничижительно или ласково, зависит от контекста. Соответственно, я могу сказать как: «Б… дь, я ненавижу этого ниггера!», так и: «Я обожаю этого ниггера, я готов умереть за него». Необходимо отметить, что я не применяю это слово исключительно для обозначения людей определенного цвета кожи. К примеру, в Браунсвилле мы часто говорили: «Чувак, вон те здоровенные старые тупые белые итальянские ниггеры пытаются надуть меня». Уже позже, после того, как я обсуждал вопросы, связанные со своими поединками, на встречах с представителями телекомпания HBO или руководителями телеканала Showtime, я высказывался так: «Да хрен с ними, с этими нигерами!» «Что, черт возьми, ты говоришь? Это же евреи!» – удивился один из моих друзей. «Нет, они ниггеры. Ниггер – это такой менталитет. Умонастроение. Состояние души».

Если отдельно взятое слово «ниггер» может использоваться как в положительном, так и в отрицательном смысле, то при его сочетании со словом «дерьмо» оно может рассматриваться только как осуждение. К примеру, у твоего приятеля несколько прекрасных дам, с которыми он желает развлечься. Он обращается к твоим друзьям с предложением принять участие в вечеринке, а тебе самому предлагается встать на шухере, и ты, таким образом, фактически выпадаешь из социальных контактов. Как раз в этом случае используется выражение «дерьмовый ниггер» в качестве определения поведения, характерного для эгоистичного, грязного ублюдка.

Другое слово, которое нуждается в пояснении, – это термин «чмошник» («smuck»). Мой соавтор Ларри «Ратсо» Слоумен – еврейского вероисповедания. Услышав, как я несколько раз произнес это слово, он не преминул отметить, что я искажаю в произношении существующее в идиш слово «schmuck». Изначально слово «schmuck» на идиш означало «половой орган», «пенис», «поц», но в дальнейшем его смысл получил более

широкое толкование для обозначения того, кто крайне глуп, то есть идиота, болвана, придурка, – короче, чмо, или же, как крайний случай, для обозначения презренных, подлых, недостойных и гнусных людей. В некоторых еврейских домах это слово считалось настолько вульгарным и грубым, что на него было наложено табу. Несколько раз подправив это слово, я сообщил Ратсо, что создал новый термин – «чмошник», который полностью отвечает предъявляемым требованиям. В моем использовании «чмошник», «smuck», – это примерно наполовина «чмо», «schmuck». Чмо занимает более высокое положение, чем чмошник, этому презренному типу следует воздать должное. Чмо – это все-таки настоящее чмо, тогда как чмошник не достоин даже статуса чмо. В своей книге я сознательно использую оба этих слова.

Слова благодарности

МАЙК ХОТЕЛ БЫ ПОБЛАГОДАРИТЬ:

Каса д'Амато, моего наставника, друга и не только. Благодаря вам моя жизнь достигла таких высот, которых я не мог себе и вообразить. Мне трудно представить, где бы я был сегодня и кем бы я был, если бы не вы. Моя благодарность вам безмерна. Пока я дышу, ваше наследие будет жить. Наши имена навсегда связаны друг с другом, они теперь неотделимы. Невозможно назвать мое имя без упоминания вашего, точно так же, как нельзя упомянуть вас, не вспомнив про меня.

Я хотел бы выразить особую благодарность моему соавтору Ларри «Ратсо» Слоумену за то, что он был таким крутым «друганом». (Это любимое словечко Ларри. Мне пришлось в рукописи вычеркнуть многие из них.) Процесс создания книги для меня не всегда проходил легко. Порой было очень сложно ворошить прошлое и пересказывать некоторые мрачные моменты в своей жизни. Временами Ларри представлялся мне надоедливым комаром, которого хотелось прихлопнуть. Но он знал, когда лучше убраться прочь, чтобы затем прилететь обратно в более благоприятный момент. Я благодарен за ваше терпение и трудолюбие. Вы действительно знаете, как противостоять ударам судьбы. Не знаю, нашелся бы еще какой-нибудь писатель, который мог бы сделать лучше эту работу. Когда дело доходило до сочинительства, вы превращались в «самого ужасного человека на планете». Вы для меня больше, чем просто писатель, вы – моя семья. С нетерпением ожидаю совместной с вами работы над многими другими проектами в самое ближайшее время.

Спасибо Давиду Виглиано, генеральному директору компании «Виглиано Ассошиэйтс», за общую координацию. Давид, вы замечательный человек. Вы больше, чем просто литературный агент. Я считаю вас своим другом.

Спасибо Дэвиду Розенталю, владельцу издательства «Блю Райдер Пресс», за его терпение и энтузиазм в отношении этого проекта. Я очень благодарен за то, что вы поверили в этот замысел и полностью поддержали его.

Хотел бы также поблагодарить мою группу юристов из юридической фирмы «Грубман, Индарски, Шайр и Мейселас» и, в частности Кенни Мейселас, за формирование такой замечательной команды юристов. Спасибо Джонатану Эрлиху за его помощь в согласовании контрактов, тщательность которого была похожа на расчесывание мелким гребнем в парикмахерском искусстве.

Спасибо также Дэймону Бингэму и Харлану Вернеру за то, что они рекомендовали меня компании «Виглиано Ассошиэйтс».

Хотел бы выразить свою искреннюю любовь и признательность моей семье, друзьям и поклонникам за то, что смогли выделить в своем насыщенном деловом графике время для того, чтобы поделиться с Ратсо своими историями.

Особую признательность выражаю своим детям: Майки, Джене, Рейни, Амиру, Мигелю, Милан и Марокко. Все, что я делаю, я делаю для всех вас. Я люблю тебя, Эксодус Сьерра Тайсон. Ты мой непреходящий ангел. Не проходит и дня, чтобы я не вспомнил тебя. Четыре года, которые я делил с тобой в этом мире, были лучшими в моей жизни. Ты никогда не будешь забыта.

И наконец, моя дорогая жена Кики. Благодарю тебя за твою безграничную любовь и поддержку, за твою выдержку и терпение со мной. Я знаю, что это не всегда легко, но я очень признателен за все, что ты делаешь. Я люблю тебя.

ЛАРРИ ХОТЕЛ БЫ ПОБЛАГОДАРИТЬ:

Майкла Джерарда Тайсона. Сказать, что этот проект был работой для души, означало бы проявить излишнюю скромность. Я уже давно хотел поработать с Майком, начиная с 1994 года, сразу же после публикации книги *«Части тела»*, написанной мной в соавторстве с Говардом Стерном. Для меня Майк был одним из наиболее интересных деятелей культуры, и я чувствовал, что его история будет весьма поучительна и тронет читателя за душу. В то время как Майк отбывал срок в Индиане, я прислал ему экземпляр автобиографии Ницше *«Ecce Homo»* и предложил поработать вместе над мемуарами.

В 2008 году благодаря рекомендации Харлана Вернера, который в то время был его доверенным лицом, и доктора Монике Тернер, его бывшей жены, Майк выбрал меня своим соавтором. Как ясно из книги, то время не благоприятствовало литературной деятельности Майка, и проект был отложен. Четыре года спустя обстоятельства Майка изменились в лучшую сторону, и мы приступили к работе.

Совместная работа с Майком был самым необычным и благодарным занятием за всю мою карьеру хроникера знаменитостей. Как всем известно, он болезненно честен и невероятно впечатлителен. Когда в наших беседах затрагивались определенные темы, и в этом отношении наиболее яркими примерами являются его детство и роль его наставника Каса д'Амато, Майк мог прослезиться и иногда даже безудержно порыдать. С другой стороны, посреди своих любимых историй он

вскакивал, исполнял короткий танец по комнате, затем возвращался на место и приветствовал меня жестом «дай пять». Пожалуй, Майк Тайсон применял ко мне этот жест раз в пять чаще, чем с кем-либо еще, но я выжил, чтобы рассказать эту историю. Человек не осознает своей силы.

Майк не такой парень, чтобы сесть и начать спокойно излагать истории из своей жизни. Я записывал на пленку беседы с ним в его гараже на звуковом фоне воркующих в любовном экстазе голубей, в задней комнате парикмахерской, где он проводил время в Норт-Лас-Вегасе, на пассажирском сиденье его машины, когда он отправлялся в школу забрать свою дочь, в магазине «Сальваторе Феррагамо» в отеле «Цезарь» в Лас-Вегасе, пока он примерял рубашки. Я носил с собой свой магнитофон «Касио» круглосуточно без выходных дней, потому что никогда не знал, когда он вдруг решит порассуждать о Касе или вспомнит какую-нибудь удивительную историю из своего детства.

Я провел несколько месяцев в доме Майка в Лас-Вегасе, записывая наши беседы, перечитывая его пухлые юридические досье, расспрашивая некоторых из его ближайших помощников. Нелегко и не всегда увлекательно так долго находиться вдали от дома, но меня приняли две семьи в Лас-Вегасе, каждая из которых сделала мою жизнь гораздо более приятной.

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить замечательную семью Майка. Его жена Кики – это блистательная помощница Майка, и если бы не она, вам бы не довелось сейчас читать эту книгу. Рита, теща Майка; Азим, брат Кики, и его жена Джахира; Майки, старшая дочь Майка, – они всегда были готовы позаботиться обо мне, накормить меня, а также утешить, когда Майк больше интересовался магазинами, чем разговорами со мной. Помощник Майка, Дэвид Барнс, он же Уайно, он же Фарид, всегда был готов помочь и не жалел для меня своего времени. А двое маленьких детей Майка, Милан и Рокко, всегда были источником радости и веселья.

В Лас-Вегасе у меня есть также другая знакомая семья. Работая с Майком, я останавливался в так называемой «Тюряге», удивительном доме моего дорогого друга Пенна Жиллетта[374]. Пенн, его жена Эмили Золтен и двое его детей, дочь Мокси и сын Золтен, были очень любезными хозяевами. Вечерами, когда мне было скучно, я ходил смотреть представление Пенна и Теллера. Когда же мне захотелось посмотреть видеосериал «Уровень Си»[375], Пенн и Эмили организовали вечерний домашний кинотеатр, что превратилось в приятное и шумное времяпровождение.

Я признателен всем замечательным друзьям и коллегам

Майка, которые нашли время в своем плотном графике, чтобы дать мне интервью. Спасибо Брайану Хэмиллу, Крейгу Буги, Кэлвину Холлинзу, Эрику «Эбу» Брауну, Дэвиду Чесноффу, Стиву Крокодилу Фитчу, Дэвиду Мэлоуну, Фрэнки Минчели, Джеффу Грину, Хоуп Хандли, Джеки Роу, Джею Брайту, Лэнсу Шерману, Латондиа Лоусон, Стиву Лотту, Маку Смиту, Мэрилин Мюррей, Марио Коста, Марку Д'Аттильо, Дэррилу Фрэнсису, Энтони Питтсу, Майклу Полицу, Рику Бауэрсу, Родни Тайсону, Шону МакФарлэнду, Мухаммеду Сиддику, Тому Патти, Тони Андерсону, Дэймону Бингэму, Джиму Войлнсу и Джеффу Вальду. Мы также признательны тому человеку, с которым мы никогда не встречались, но которого слышали. Еще в начале проекта Майк воспроизводил для меня целые часы бесед Каса, его друзей и коллеги с молодым журналистом Полем Цукерманом, которые были записаны им в Катскилле. Эти интервью оказались неисчерпаемым источников возможностей понять мысли, планы, намерения Каса в то время, когда Майк только что появился в его жизни. Мы попытались найти Цукермана, но безуспешно. Будем, тем не менее, надеяться, что его рассуждения о Касе и его удачные интервью когда-нибудь увидят свет.

Я бесконечно благодарен Дэвиду Розенталю, исключительно талантливому издателю, за его бесконечное терпение, уравновешенность и мудрость. Спасибо также всем сотрудникам издательства «Блю Райдер Пресс», особенно редактору Ванессе Керен. Хотел бы выразить отдельные слова благодарности Айлин Бойл, Саре Гочман, Греггу Кулику, Фиби Пикерингу, Брайану Улики, Джо Бенинкейсу, Мередит Дрос, Линде Розенберг, Робу Стерницки и Элизе Розенберри.

Я, как всегда, признателен своему прекрасному литературному агенту Дэвиду Виглиано за его настойчивость и за его советы, а также его помощнику Мэтью Карлини за обеспечение всех публикаций этой книги за рубежом.

Проект с изданием книги Майка Тайсона не мог бы быть осуществлен без поддержки некоторых юристов. Недавно умерший адвокат Лори Рокетт, которого я давно знал, преодолев трудности, в 2008 году подготовил наше первоначальное соглашение. В 2012 году к делу подключился Эрик Рейман и сотворил чудо, возродив этот проект. И Линда Кауэн прекрасно поработала, подготовив рукопись для издателя. Как всегда, хотел бы выразить признательность своему адвокату Чарльзу Де Стефано, который всегда готов прийти мне на помощь.

Я благодарен также самому выдающемуся расшифровщику аудиозаписей Джиллу Мэтисону, который приносил всего себя в жертву, чтобы сделать свою работу в срок. Я также в долгу перед

Закари Циммерманом за его добросовестную научно-исследовательскую работу. Для него не существовало нерешаемых проблем – он входил в Интернет и решал очередную проблему.

И наконец, я всегда в неоплатном долгу, прежде всего, перед своей семьей, перед Кристи Смит-Слоумен и Люси. В то время как я работал за тысячи километров от них, они пережили ураган «Сэнди», питаясь при свечах арахисовым маслом и желе (или же, в случае с Люси, это было арахисовое масло производства «Ньюмен'з оун», лакомство для собак). Кристи всегда оказывает поддержку моим проектам и фантазиям, и я бесконечно благодарен ей за ее любовь. И до тех пор, пока то самое лакомство будет в наличии, Люси также будет оставаться в моей команде.

Об авторах

Майк Тайсон – бывший абсолютный чемпион мира по боксу в тяжелой весовой категории; первый боксер, который когда-либо одновременно обладал тремя основными титулами чемпиона мира в тяжелом весе в профессиональном боксе: по версии международных боксерских организаций «Всемирный боксерский совет» (WBC), «Всемирная боксерская ассоциация» (WBA) и «Международная боксерская федерация» (IBF). Неизменная популярность Тайсона обеспечила ему карьеру в индустрии развлечений: он сыграл яркие роли в кассовых фильмах «Мальчишник в Вегасе» и «Мальчишник 2: Из Вегаса в Бангкок», а в последнее время он имел огромный успех, представляя автобиографическое шоу «Майк Тайсон: Беспощадная истина». Тайсон создал компанию по продаже одежды («Майк Тайсон коллекшн», «Mike Tyson Collection») и компанию «Тирраник продакшнз» («Tyrrhanic Productions»), у которой в настоящее время на стадии разработки находится несколько кинопроектов. В 2011 году Тайсон был включен в Международный зал боксерской славы. Он живет со своей женой Кики и детьми в Лас-Вегасе.

Ларри «Ратсо» Слоумен больше всего известен как автор книг «Части тела» («Private Parts») и «Мисс Америка» («Miss America»), которые он написал в соавторстве с Говардом Стерном. Последние из опубликованных Слоуменом книг – это «Тайная жизнь Гудини: Создание первого супергероя Америки» («The Secret Life of Houdini», написана в соавторстве с теоретиком иллюзионного жанра Уильямом Калушем), «Таинственный незнакомец» («Mysterious Stranger», написана в соавторстве с иллюзионистом Дэвидом Блэйном), «Моя жизнь с группой «Kiss' и не только» («Makeup to Breakup: My Life In and Out of Kiss», написана в соавторстве с ударником Питером Криссом) и «Паутина из шрамов» («Scar Tissue», мемуары вокалиста рок-группы «Горячие перцы» Энтони Кидиса). Все шесть книг входят в список книг-бестселлеров, который составляется изданием «Книжное обозрение «Нью-Йорк таймс».

notes

Примечания

1

Дашики – яркая рубашка в африканском стиле. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Сантерия – синкретическая религия, распространенная на Кубе, а также в среде афрокубинских эмигрантов в США и других странах; представляет собой верования народа йоруба, смешанные с элементами католичества и африканскими синкретическими религиями.

3

Древний арабский орден благородных мистиков Храма – североамериканское парамасонское общество, основанное в 1870 году.

4

Симон Визенталь (1908–2005) – архитектор и общественный деятель, «охотник за нацистами»; посвятил все свои силы поиску нацистских преступников, скрывающихся от наказания.

5

«Дом на полпути» – учреждение для реабилитации отбывших наказание заключенных, вылечившихся наркоманов, алкоголиков, психических больных.

6

В оригинале – игра слов, основанная на их созвучности: в переводе с английского языка *prosecutor* – «прокурор», *persecutor* – «преследователь», «гонитель».

Суть этой юридической казуистики в том, что понятие «свидание» подразумевает, что между встречающейся парой существуют романтические отношения, которые потенциально могут перерасти в сексуальную связь, но в случае изнасилования эти отношения не могут служить оправданием насильнику.

8

В США пенитенциарные учреждения имеют уровни безопасности от 1 до 4.

9

В оригинале прозвище Curlee – «Кучерявый».

10

Просторечное название бруклинского района Бэдфорд-Стайвесент.

11

Ментоловые удлиненные сигареты.

12

Бруклинская Высшая техническая школа, престижная государственная специализированная естественно-научная средняя школа.

13

Эдвард Г. Робинсон (1893–1973) – известный американский актер, получивший признание за роли гангстеров.

14

Фирменное название прачечных самообслуживания.

15

Арчи и Вероника – герои подростковых комиксов для «приличных семей» из среднего класса, совершенно неприемлемых в гетто.

16

Правила маркиза Квинсберри в 1882 году положили основу всем современным правилам любительского и профессионального бокса.

17

Игра слов: *jailbird* (дословный перевод – «птица в клетке») означает «арестант, заключенный».

То есть более трех метров.

19

Хлорпромазина гидрохлорид, первый синтезированный антипсихотик, на сленге – «большой Т».

20

Метилфенидат, ранее применялся как психостимулятор при угнетении нервной системы.

21

Мультипликационный комедийный сериал.

22

Кинотеатр с порнофильмами.

23

Более 77 кг.

24

Короткий резкий прямой удар в голову.

25

Бенни Леонард, настоящее имя Гершон Бен Авраам (1896–1947) – американский боксер-профессионал, выступавший в легкой весовой категории.

26

Эдвард Генри «Гарри» Греб (1894–1926) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в полутяжелой и средней весовых категориях.

27

Джек Джонсон, настоящее имя Джон Артур Джонсон (1878–1946) – американский боксер-профессионал, первый чернокожий чемпион мира в тяжелом весе.

28

Роберто Карлос Дюран Саманьего (род. в 1951 г.) – панамский боксер-профессионал, чемпион мира в легкой (версия WBA, 1972–1978 гг.; версия WBC, 1978 г.), полусредней (версия WBC, 1980 г.), первой средней (версия WBA, 1983 г.) и средней (версия WBC, 1989 г.) весовых категориях; признан лучшим легковесом XX века.

29

Около 5, 12 и 15 метров, соответственно.

30

Дзэн-буддизм – разновидность японского буддизма, проповедующая медитацию, созерцание и интуицию как путь к достижению гармонии с окружающим миром.

31

Автор произведения – Ойген Херригель.

32

Рокки Грациано, настоящее имя Томас Рокко Барбелла (1922–1990) – американский боксер-профессионал середины XX века, чемпион мира в среднем весе.

33

«Закон притяжения» – философско-оккультная концепция из арсенала Нью-Эйдж о том, что намерения и взгляды привлекают людей и вещи, соответствующие этим намерениям и отношению к себе.

34

Фиорелло Ла Гуардиа (1882–1947) – мэр Нью-Йорка в 1934–1945 годах; занимал этот пост три срока подряд после Великой депрессии, активно поддерживал «новый курс» президента Франклина Рузвельта, проявил себя как неутомимый борец с коррупцией и организованной преступностью.

35

Юлиус Розенберг и его жена Этель – американские коммунисты, обвиненные в шпионаже в пользу Советского Союза и казненные за это в 1953 году; дело Розенбергов вызвало сильный общественный резонанс, поскольку возникло в разгар «холодной войны» в условиях «маккартизма», сопровождавшегося антикоммунистической истерией в США.

36

Флойд Паттерсон (1935–2006) – американский боксер-профессионал, олимпийский чемпион 1952 года, чемпион мира в тяжелом весе.

37

Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) – один из главных генералов американского штаба, действовавшего в период Второй мировой войны; принимал самое активное участие в ходе проведения кампаний в Северной Африке, на Сицилии, во Франции и Германии с 1943 по 1945 год.

38

Уилфред Бенитес (род. в 1958 г.) – пуэрториканский боксер-профессионал, чемпион мира в первой полусредней (версия WBA, 1976 г.), полусредней (версия WBC, 1979 г.) и первой средней (версия WBC, 1981–1982) весовых категориях.

39

Ларри Холмс (род. в 1949 г.) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе по версиям WBC (1978–1983), IBF (1984–1985), а также по версии журнала «Ринг» (1980–1985).

40

Шугар Рэй Робинсон, настоящее имя Уолкер Смит-младший (1921–1989) – американский боксер-профессионал, выступавший в легкой, первой полусредней, полусредней, первой средней, средней, второй средней и полутяжелой весовых категориях; чемпион мира в полусредней (1946–1950) и средней (1951–1952, 1955–1957 и 1958–1960) весовых категориях.

41

Уильям Харрисон Демпси (1895–1983), Джеймс Джексон Джеффрис (1875–1953), Джозеф Луис Бэрроу (1914–1981) – американские боксеры-профессионалы, чемпионы мира в тяжелом весе.

42

Франклин Рой Бруно (род. в 1961 г.) – британский боксер-профессионал, чемпион мира среди профессионалов в тяжелом весе по версии WBC (1995–1996), чемпион Европы по версии EBU (1985 г.); встречался с Майком Тайсоном на профессиональном ринге в 1989 г. и в 1996 г., оба раза проиграл, после последнего поражения (М. Тайсон победил нокаутом в третьем раунде) ушел из бокса.

43

Эдвард Патрик «Микки» Уокер (1903–1981) – профессиональный американский боксер, чемпион мира в полусреднем и среднем весе.

44

Джон Лоуренс Салливан (1858–1918) – американский боксер-профессионал, первый в современной истории чемпион мира по боксу в тяжелом весе.

45

Эззард Мак Чарльз (1921–1975) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

46

Генри Армстронг, настоящая фамилия Джексон (1912–1988) – американский боксер-профессионал, единственный в истории профессионального бокса спортсмен, который одновременно владел тремя титулами «чемпион мира» (в полулегкой, легкой и второй полусредней весовых категориях).

47

Альболен – средство для усиления эффекта потоотделения.

48

Джон Эдгар Гувер (1895–1972) – американский государственный деятель, занимавший пост директора Федерального бюро расследований с 1924 года по 1972 год.

49

Свинг – размашистый боковой удар с дальнего расстояния.

50

Микки Уокер был известен также как страстный игрок в гольф и талантливый художник.

51

WBC (World Boxing Council) – «Всемирный боксерский совет», создан в 1963 г., к настоящему времени включает более 160 стран, является одной из четырех наиболее авторитетных международных организаций профессионального бокса.

То есть около 86 кг.

53

Клэренс Сьюард Дэрроу (1857–1938) – одним из самых известных американских юристов, один из руководителей Американского союза гражданских свобод.

«Ангельская пыль» – смесь кокаина, морфия и героина.

«Кокс» – кокаин на сленге.

56

«Тайсон Фудз» – американская компания по производству продукции животноводства.

57

Сисели Тайсон (род. в 1933 г.) – американская актриса, обладательница премий «Эмми» и «Тони».

58

Панчер – боксер с хорошо поставленным ударом, который побеждает обычно не по очкам, а нокаутом.

59

Соответствует 91 кг.

То есть около 97,5 кг.

61

Майкл Дуэйн Уивер (род. в 1952 г.) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелой весовой категории по версии WBA (1980–1982).

62

Кеннет Ховард Нортон (1943–2013) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе, топ-боксер 70-х годов.

63

Уолтер Джек Пэланс (1919–2006) – американский актер; получил признание в жанре вестернов; большинство сыгранных им ролей были отрицательными персонажами.

64

Ричард Уидмарк (1914–2008) – американский актер; играл преимущественно отрицательных персонажей.

65

Бейб Рут (1895–1948) – профессиональный бейсболист, признан спортсменом века по версии Ассошиэйтед Пресс.

66

Арчи Мур, настоящее имя Арчибальд Ли Райт (1916–1998) – американский боксер, чемпион мира в полутяжелой весовой категории в 1952–1960 гг.

67

Эдвин «Эль-Чапо» Росарио (1963–1997) – пуэрториканский боксер-профессионал, 4-кратный чемпион мира в легком весе (по версии WBC, 1983–1984, по версии WBA, 1986–1987, 1989–1990, 1991–1992).

68

Непередаваемая игра слов – предложеное Касом Д’Амато прозвище Tan Terror дословно переводится как «Желто-коричевый (или дубленый) Ужас», но первое слово на жаргоне означает еще и «бить, дубасить».

69

Бруно Леопольдо Франческо Саммартино (род. в 1935 г.) – итало-американский профессиональный борец-рестлер.

70

Горилла Муссон, настоящее имя Роберт Джеймс «Джино» Марелла (1937–1999), Билли Грэм, настоящее имя Элдридж Уэйн Коулмэн (род в 1943 г.), «Убийца» Ковальски, настоящее имя Владек Ковальски (1926–2008 г.), Николай Волков, настоящее имя Иосип Николай Перузович (род. в 1947 г.), Джордж «Животное» Стил (род. в 1937 г.) – известные американские борцы-рестлеры.

71

WBA (World Boxing Association) – «Всемирная боксерская ассоциация», создана в 1921 году (до 1962 года – Национальная боксерская ассоциация), является одной из четырех наиболее авторитетных международных организаций профессионального бокса.

72

Норман Кингсли Мейлер (1923–2007) – американский писатель, журналист, драматург, сценарист, кинорежиссер.

73

Гэй Тализ (род. в 1932 г.) – американский писатель, журналист.

74

Пит Хэмилл (род. в 1935 г.) – американский журналист, прозаик, эссеист, редактор и педагог.

75

Более 113 кг.

«Качание маятника» – один из ключевых технических элементов стиля «пикабу» (pick-a-boo), разработанного Касом Д'Амато (постоянные уклоны и ныpки, работа корпусом – боксер должен все время находиться в движении, его голова никогда не должна оставаться на одном уровне, чтобы затруднить противнику прицеливание и одновременно скрыть начало собственной атаки).

77

HBO (Home Box Office – «Хоум бокс офис») – одна из первых американских компаний кабельного телевидения.

78

Митч Грин тоже вырос в Браунсвилле и в детстве входил в банду, противоборствующую банде, в которую входил Майк Тайсон.

79

Чарльз Л. Листон, более известный как Сонни Листон (1932–1970) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе. Был известен своей агрессивностью на ринге и за его пределами.

80

Игра слов: «ЧБСЧ» – «Что бы сделал Чак?», фраза из популярного в США пародийного телевизионного сериала «Чак», переиначена в «ЧБСК» – «Что бы сделал Кас?»

81

Американский боксерский слэнг: «драться на велосипеде» – отступать от противника, бегать от него.

Данный поединок получил название «Судный день».

83

«Малыш Шоколад», прозвище Элихио Сардиньяса Монтальво (1910–1988), кубинского боксера 1930-х годов.

84

Управление по борьбе с наркотиками – федеральное ведомство в составе Министерства юстиции США.

85

Гарри Гудини, настоящее имя Эрик Вайс (1874–1926) – знаменитый американский иллюзионист, гипнотизер, прославившийся разоблачением шарлатанов и сложными трюками с побегами и освобождениями.

86

Рик Джеймс, настоящее имя Джеймс Амброуз Джонсон (1948–2004) – американский музыкант и композитор; приобрел популярность благодаря своему разгульному образу жизни и злоупотреблению наркотиками.

87

Энтони Майкл Холл (род. в 1968 г.) – американский актер, продюсер и режиссер кино и телевидения.

88

«Соул Трейн» («Soul Train», возможный перевод – «Негритянский караван») – американское музыкально-танцевальное телешоу.

89

Игра слов, построенная на противопоставлении двух понятий: «Рут» («ruth») – жалость, сострадание, милосердие, «Рут-лесс» («ruth-less») – без-жалостный.

90

Джон Патрик Макинрой-младший (род. в 1959 г.) – американский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира; известен своим неспортивным поведением и неконтролируемыми вспышками гнева.

91

Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930—1940-х годов, носивший прозвище «Король Голливуда».

Этот поединок получил название «Величайший».

93

Лас-Вегас-Стрип – центральная и самая фешенебельная часть Лас-Вегаса, примерно 7-километровый участок бульвара Лас-Вегас, где сосредоточено большинство казино, гостиниц и бутиков.

94

Деннис Ли Хоппер (1936–2010) – американский киноактер, кинорежиссер, художник и фотограф.

95

Филип Майкл Томас (род. в 1949 г.) – известный американский киноактер.

Данный поединок получил название «Тяжеловес истории».

97

Неологизм, изобретенный автором от слова «эдипов» и обозначающий, по его логике, бессознательное сексуальное влечение к родителю того же пола.

98

Айсберг Слим, настоящее имя Роберт Ли Маупин (1918–1992) – американский писатель, описывавший на основе собственного опыта криминальную жизнь.

99

Леон Айзек Кеннеди (род. в 1949 г.) – американский актер, продюсер, сценарист.

100

Аскотский галстук – галстук с широкими, как у шарфа, перекрещивающимися концами, закрепленными булавкой.

101

Около 106, 6 кг.

102

Предполагалось, что данный бой объединит титул абсолютного чемпиона мира в тяжелом весе, вакантный титул чемпиона мира авторитетного ежемесячного журнала «Ринг», титул Линейного чемпиона (то есть боксера, который стал чемпионом, победив действующего чемпиона), именной пояс WBC (с элементами, выполненными из чистого золота) и звание сильнейшего боксера в тяжелом весе.

103

IBF (International Boxing Federation) – «Международная боксерская федерация», образована в 1983 году, объединила боксеров-профессионалов США и других стран, не вошедших в другие международные организации профессионального бокса.

Данный поединок получил название «Раз и навсегда».

105

Куинс – район в Нью-Йорке.

Используется для лечения психозов.

107

Чуть больше 15 метров.

108

Дональд Джон Трамп (род. в 1946 г.) – американский магнат и писатель, Ивана Трамп (Зельничкова, род. в 1949 г.) – его супруга (развелись в 1992 г.), американская бизнесвумен, писательница, светская львица, бывшая чехословацкая спортсменка, актриса и фотомодель.

109

Говард Рубинштейн – американский юрист, признанный специалист в области связей с общественностью.

110

Доктор Фу Манчу – литературный персонаж, созданный английским писателем Саксом Ромером; является воплощением зла, криминальным гением, вроде профессора Мориарти или Фантомаса; его образ широко используется в США в кино, телевидении, радио, комиксах.

111

Шелли Финкель – авторитетный менеджер в профессиональном боксе, спортивный советник братьев Кличко.

112

Роберт «Боб» Арум (род. в 1931 г.) – основатель и главный исполнительный директор американской промоутерской компании в области профессионального бокса «Top Rank».

113

Слова из популярной песни американского рок-певца Джеймса Гана.

114

Пи Дидди – сценический псевдоним Шона Джона Коумза (род. в 1969 г.), американского рэпера и продюсера, одного из самых влиятельных и состоятельных деятелей в мире хип-хопа.

115

Канье Уэст (род. в 1977 г.) – популярный американский рэпер.

116

Фильм 1972 года о наркодилере по прозвищу «Крутой».

117

«Джет» – американский еженедельник, издающийся с 1951 года и ориентированный на афро-американских читателей.

118

Эндрю Дайс Клэй (род. в 1957 г.) – известный американский комик.

119

Кинен Айвори Уэйанс (род. в 1958 г.) – американский режиссер и актер.

120

Джейми Фокс, настоящее имя Эрик Марлон Бишоп (род. в 1967 г.) – американский актер и певец, стал одним из немногих афроамериканцев, удостоившихся премии «Оскар».

121

Джо Торри (род. в 1965 г.) – американский актер и комик.

122

Кимберли Ноэль Ким Кардашьян (род. в 1980 г.) – американская звезда реалити-шоу, актриса, фотомодель, светская львица, фигурантка многочисленных секс-скандалов.

123

«Крипы» (от сокращенного cripples – «калеки», «инвалиды», «хромые»; прозвище возникло после того, как члены банды начали носить с собой трости, подчеркивая свой статус «официальных» сутенеров) – название афроамериканской уличной банды, действующей преимущественно в Лос-Анджелесе и отличающейся особой жестокостью; символикой банды является синий цвет одежды, тогда как у их соперников, банды «Бладс» («Кровавые»), отличительным признаком является красный цвет.

124

Клановые цвета «крипов» – синие.

125

Около 115,6 кг.

126

Тим Уизерспун (род. в 1957 г.) – американский боксер-профессионал, двукратный чемпион мира в тяжелой весовой категории (версия WBC, 1984 г., версия WBA, 1986 г.).

127

Справедливости ради необходимо отметить, что Бред Питт лишь участвовал в пробах на роль Нео в фильме «Матрица» (1999) братьев Вачовски.

128

14 февраля – День святого Валентина, праздник всех влюбленных.

129

Хэви Ди («Heavy D») – сценическое имя Дуайта Эррингтона Майерса (1967–2011), американского рэпера, певца, продюсера и актера, бывшего лидера хип-хоп группы «Heavy D & the Boyz», которая имела широкую аудиторию в США.

130

Ал Би Шуа! («Al B. Sure!») – сценическое имя Альберта Джозефа Брауна III (род. в 1968 г.), популярного американского музыканта и продюсера.

131

Джон Джозеф Готти Младший (1940–2002) – глава клана Гамбино в 1986–1992 гг., контролировавшего организованную преступную деятельность в Нью-Йорке.

132

Донован Раддок (род. в 1963 г.) – канадский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории, двукратный чемпион Канады в тяжелом весе среди профессионалов, получил прозвище «Бритва» за свой резкий джеб.

133

Сэмюел Джордж «Сэмми» Дэвис-младший (1925–1990) – американский эстрадный артист, киноактер и певец.

134

Джордж Бернс (1886–1996) – американский актер, комик, писатель, лауреат премии «Оскар».

135

Милтон Берл (1908–2002) – американский комик.

136

Фанни Брайс (1891–1951) – американская комедиантка, певица, театральная и киноактриса.

137

Руби Килер (1910–1993) – американская актриса, певица и танцовщица.

138

Эл Джолсон (1886–1950) – американский артист, стоявший у истоков популярной музыки США.

139

«Крысиная стая» – команда деятелей американского шоу-бизнеса 1950-х и 1960-х, которая группировалась вокруг Хамфри Богарта и его супруги Лорин Бэколл, коллектив олицетворял гламурный гедонизм Голливуда пятидесятых годов.

140

Максимиллиан Адольф Отто Зигфрид Шмелинг (1905–2005) – немецкий боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории; первый (и до 2007 года единственный) немецкий чемпион мира в тяжелом весе (1930–1932).

141

Джо Максим, настоящее имя Джузеппе Антонио Берардинелли (1922–2001) – американский профессиональный боксер, чемпион мира в полутяжелом весе (1951–1952).

142

13,6 кг.

143

Около 100 кг.

144

Речь идет о череде неожиданных побед над сильными соперниками.

145

Около 30 см.

146

«Глазной утюг» – применяемая в боксе металлическая пластина для уменьшения отека на лице в результате ударов, охлаждается при помощи льда.

147

Тони Зейл, полное имя Энтони Флориан Залески (1913–1997) – американский боксер-профессионал, двухкратный чемпион мира в среднем весе.

148

Уильямсберг – один из самых грязных и криминогенных районов Бруклина, бывшая промышленная зона.

149

Эмиль Альфонс Гриффит (1938–2013) – американский боксер-профессионал, чемпион мира во втором полусреднем (1961–1963) и среднем весе (1966, 1967).

150

Согласно другим источникам Натали Фиерс в 1991 году заявила, что беременна от Майка Тайсона, и подала иск для взыскания денег для ребенка; результаты тестов, однако, не подтвердили отцовство Тайсона, и иск был отклонен.

151

Джордж Форман (род. в 1949 г.) – американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории; олимпийский чемпион 1968 года; чемпион мира (по версии WBC, 1973–1974 гг.; по версии WBA, 1973–1974 гг. и 1994 г.; по версии IBF, 1994–1995 гг.).

152

Около 5,4 кг.

153

Данный поединок получил название «Жесткий черный ход».

154

Спайк Ли (род. в 1957 г.) – американский кинорежиссер, сценарист и актер; во многих его фильмах затрагивается тема расовых конфликтов в США.

155

Согласно правилу трех нокдаунов, боксер, трижды в течение одного раунда побывавший в нокдауне, автоматически считается нокаутированным; правило действует в боях под эгидой Всемирной боксерской ассоциации.

156

Майкл Маршалл Доукс (1958–2012) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в тяжелом весе.

157

В оригинале игра слов, основанная на мнрогозначности глагола smoke – курить, дымиться, стрелять.

158

«Нация ислама» – негритянская религиозная и националистическая организация в США, основанная в 1930 году в Детройте, штат Мичиган, Уоллесом Фардом Мухаммедом; в организации превалирует националистический и расистский компонент, основанный на противостоянии белым и американскому государству.

4,5 кг, 0,45 кг и 15,8 кг соответственно.

160

Уитни Элизабет Хьюстон (1963–2012) – американская поп-, соул– и ритм-н-блюзовая певица, актриса, продюсер, фотомодель.

161

Блэк Экспо (Черное Экспо) – американская НКО, занимающаяся вопросами этнокультуры.

162

Элвис Аарон Пресли (1935–1977) – американский певец и актер. Джеймс Байрон Дин (1931–1955) – американский актер. Мэрилин Монро, урожденная Норма Джин Мортенсон (1926–1962) – американская киноактриса и певица. Джуди Гарленд, урожденная Френсис Этель Гам (1922–1969) – американская актриса и певица. Упомянутые Доном Кингом деятели культуры отличались экстравагантным поведением и в ряде случаев имели определенные проблемы с законом, однако никогда не находились под судом.

163

Альфред Чарлз Кинси (1894–1956) – американский биолог, профессор энтомологии и зоологии, основатель института по изучению секса, пола и воспроизводства при Индианском университете в Блумингтоне; исследования Кинси в области человеческой сексуальности глубоко затронули социальные и культурные ценности в США и многих других странах в 60-х годах XX века.

164

«C.S.I.: Место преступления» – американский телесериал о работе сотрудников криминалистической лаборатории Лас-Вегаса («CSI» – «Crime Scene Investigation», «расследование на месте преступления»).

165

BET («Black Entertainment Television», «Развлекательное телевидение для черных») – американский канал кабельного и спутникового телевидения для афроамериканских зрителей.

166

«Дочери американской революции» – женская общественная организация, основанная в 1890 г.; ее членами могут быть только прямые потомки участников войны за независимость США.

167

«Пятьдесят оттенков серого» – эротический бестселлер британской писательницы Э. Л. Джеймс с элементами садомазохизма и доминирования, содержащий откровенные сцены сексуального характера. В 2012 г. книга взорвала мировые рынки художественной литературы, возглавив продажи во многих странах (в т.ч. и в России).

168

Групп – девушка-подросток, поклонница ансамбля поп-музыкантов, повсюду следующая за ним.

169

Фрэнсис Ли Бейли (род. в 1933 г.) – известный американский адвокат, принимал участие на стороне защиты в ряде громких уголовных дел.

170

Около 0,3 см и 0,9 см соответственно.

171

Речь идет об Уильяме Кеннеди Смите, против которого в 1991 году выдвигалось обвинение в изнасиловании.

172

(Мульт) фильм категории «Х» – порнографический, только для взрослых.

173

Районы на юге и среднем западе США.

174

Негритянская религиозная музыка, сочетающая элементы спиричуэл, блюза и джаза.

175

В оригинале – candy guy, что также можно перевести как «продавец наркотиков» или «любовник», «любитель женщин».

То есть 2,4 на 2,7 метра.

177

То есть 1,8 на 2,7 метра.

178

Мухаммед Сиддик – в описываемый период был имамом в тюрьме, в которой Майк Тайсон отбывал срок.

179

Артур Роберт Эш (1943–1993) – первый теннисист негритянского происхождения, добившийся заметных успехов; был также политическим активистом, боровшимся за права чернокожего населения в ЮАР.

180

Майя Энджелоу, настоящее имя Маргарит Энн Джонсон (род. в 1928 г.) – американская писательница и поэтесса, обладательница множества наград и почетных докторских степеней.

181

Содержится намек на деятельность ультраправой организации «Ку-клукс-клан», символом которой является горящий крест.

182

Джордж Джефферсон – популярный персонаж американских комедийных сериалов.

183

Исправительная тюрьма Пендлтон – федеральная тюрьма округа Мэдисон.

184

Тевин Джермод Кэмпбелл (род. в 1976 г.) – афроамериканский певец, автор песен и актер.

185

Настоящее имя – Стэнли Либер.

186

Майки Лорна родилась в 1990 году.

187

Бетти Шабазз (1934–1997) – американский педагог и борец за гражданские права.

188

Малкольм Икс или эль-Хадж Малик эш-Шабазз (1925–1965) – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права человека.

189

Джеймс Джозеф Браун-младший (1933–2006) – американский певец и музыкант, один из отцов-основателей стиля фанк.

190

Джеки Уиилсон (род в 1984 г.) – афроамериканский певец, работавший на стыке ритм-энд-блюза и рок-н-ролла.

191

Отис Рэй Рэддинг-младший (1941–1967) – классик соул-музыки, погибший в авиакатастрофе в возрасте 26-ти лет.

192

Тупак Амару Шакур, настоящее имя Лесэйн Пэриш Крукс (1971–1996) – американский рэпер, киноактер и общественный деятель.

193

Хьюи Перси Ньюютон (1942–1989) – американский пропагандист и правозащитник, один из основателей организации «Черные пантеры», ставившей своей целью защиту гражданских прав чернокожего населения; была активна в США с середины 1960-х по 1970-е годы.

То есть около 59 кг.

195

Мать Тупака, Афени Шакур, состояла в «Черных пантерах» почти всю свою жизнь.

196

Рубин «Ураган» Картер (род. в 1937 г.) – афроамериканский боксер-профессионал, выступавший в среднем весе; провел в тюрьме 19 лет за тройное убийство, которого не совершал.

197

Джеймс Скотт (род. в 1947 г.) – американский боксер-профессионал, выступавший в полутяжелом весе; большую часть жизни (начиная с 13 лет) провел в тюрьме.

198

Около 123, 5 кг и 100 кг соответственно.

199

Элайджа Мухаммед (1897–1975) – американский общественный и религиозный деятель, лидер организации афроамериканцев «Нация ислама» в 1934–1975 гг.

200

Риталин, или метилфенидат – лекарственное средство из группы психостимуляторов; «гиперактиватор», производящий эффект, подобный воздействию кокаина и амфетамина; изъят из оборота лекарственных средств в ряде стран, в том числе в РФ.

201

«Открывающая молитва», или «Фатиха» («Открывающая Коран») – сура (глава Корана), которой начинается чтение Корана в молитвах.

202

Грета Ван Сустерен (род. в 1954 г.) – комментатор и телеведущий на канале Fox News, бывший адвокат по уголовным и гражданским делам.

203

Куфия – мужской головной платок у арабов, неотъемлемая часть мужского гардероба в арабских странах. В данном случае (особенно с учетом последующей фразы) является указанием на принадлежность Майка Тайсона к сторонникам ислама.

204

«Тьюзди» («Tuesday») по-английски означает «вторник».

205

Карсон Уэйн Ньютон (род. в 1942 г.) – американский певец и артист, один из самых известных артистов в Лас-Вегасе.

206

Жан-Жак Дессалин (1758–1806) – основатель независимого гаитянского государства, первый правитель (император Жак I) и национальный герой Гаити.

207

«Лицо со шрамом» – прозвище известного американского гангстера Аль Капоне.

208

Элдрик Тонт «Тайгер» Вудс (род. в 1975 г.) – американский гольфист, 14-кратный победитель турниров «Мэйджор», первый в истории США спортсмен-миллиардер.

209

2,1 м и 181, 4 кг соответственно.

210

Фредерик Дуглас (1818–1895) – американский писатель, просветитель, аболиционист, редактор и оратор, руководитель негритянского освободительного движения; имел густую пышную шевелюру.

211

Арнольд Ротштейн (1882–1928) – американский предприниматель и азартный игрок, ставший значительной фигурой в еврейской мафии Нью-Йорка.

212

AOL (сокращение от «America Online») – американский медийный конгломерат, поставщик онлайн-служб и электронных досок объявлений, владелец поисковой системы, социальной сети Bebo, провайдер первого уровня.

213

Данный поединок получил название «Презумпция невиновности».

214

101,6 кг.

215

Джозеф Уильям «Джо» Фрейзер (1944–2011) – американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории; олимпийский чемпион 1964 года, чемпион мира (по версии WBC, 1970–1973 гг.; по версии WBA, 1970–1973 гг.); в 1971 г. одержал победу в поединке с Мохаммадом Али).

216

Речь идет о чемпионском титуле Всемирной боксерской ассоциации.

217

Рудольф Валентино (1895–1926) – американский танцор и киноактер итальянского происхождения; считался воплощением мужской красоты.

В обоих случаях, обозначенных латинским (sic) (так в тексте), доктор Смеди допускал грамматические ошибки, которые мы и постарались наиболее адекватно передать в переводе.

219

Опра Гэйл Уинфри (род. в 1954 г.) – американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опры Уинфри».

220

Дональд Джон Трамп (род. в 1946 г.) – американский бизнесмен, известная личность на телевидении и радио, писатель.

221

Джей-Зи, сценическое имя Шона Кори Картера (род. в 1969 г.) – популярный американский рэпер.

222

Фрэнки Беверли (род. в 1946 г.) – американский певец, музыкант, автор песен, продюсер.

223

«Плод Ислама» – военизированное крыло негритянской религиозно-националистической организации «Нация ислама», члены которого носят характерные голубые или белые костюмы с головными уборами.

224

Мэрион Хью «Шуг» Найт-младший (род. в 1965 г.) – основатель и генеральный директор звукозаписывающей компании «Black Kapital Records», соучредитель и бывший генеральный директор звукозаписывающей компании «Death Row Records», которые издавали звезд хип-хопа.

225

Бобби Чез (род в 1962 г.) – американский боксер-профессионал, выступавший в полутяжелых весовых категориях; бывший чемпион мира в полутяжелой (по версии IBF, 1986–1987) и первой тяжелой (по версии WBA, 1991–1992) весовых категориях.

226

Джимми Янг (род. в 1948 г.) – американский боксер-профессионал, выступавший в тяжелой весовой категории.

227

То есть около 7,6 см.

228

В 2013 году американская газета «Times Union of Albany» сообщила о том, что Эвандер Холифилд был в списке клиентов компании «Applied Pharmacy» (зарегистрирована в г. Мобил, штат Алабама), принимающих стероидные препараты. При этом Э. Холифилд проходил в списке компании не под своим именем, а под прозвищем, и был привлечен к судебному разбирательству в качестве свидетеля.

229

Зигмунд «Сиг» Роджик – исландский/американский бизнесмен, президент компании «Rogich Communications Group», занимающейся обеспечением связей с общественностью и антикризисного управления, рекламной и маркетинговой деятельностью; являлся консультантом президентов США Рональда Рейгана и Джорджа Буша-старшего, а также Фрэнка Синатры.

230

Династия Шрайверов – династия, связанная родственными узами с династией Кеннеди по линии Юнис Мэри, родной сестры президента Джона Кеннеди.

231

«Рестлмания» – главное шоу компании WWE («World Wrestling Entertainment»), занимающейся проведением мероприятий профессионального рестлинга; шоу проходит ежегодно в марте и в апреле.

232

«Сидли Остин» – ТОО крупная американская корпоративная юридическая фирма с годовым доходом более одного миллиарда долларов.

233

Джей Ларкин (1950–2010) – исполнительный директор программ боксерской тематики и развлекательных программ телеканала Showtime с 1984 года по 2005 год.

234

Говард Вейцман (род. в 1940 г.) – известный американский судебный адвокат, признанный специалист в области уголовного права, член правления ряда юридических фирм.

235

Дистимическое расстройство (или малая депрессия) – длительно протекающее нарушение настроения, характеризующееся общей подавленностью, отсутствием интереса к нормальным действиям повседневной жизни и постоянной «хандрой».

236

Золофт – торговое название сертралина, является антидепрессантом класса серотонин.

237

Кертис Чарльз Флад (1938–1997) – знаменитый профессиональный игрок высшей бейсбольной лиги США, отстаивавший в Верховном суде США права профессиональных игроков в бейсбол.

238

Свободный агент – спортсмен, ни с кем не связанный профессиональными контрактами.

239

Халк Хоган, настоящее имя Терри Джин Боллеа (род. в 1953 г.) – рестлер, актер и шоумен, является 12-кратным чемпионом мира в тяжелом весе по версии Федерации профессионального рестлинга.

240

Комизм данной сценки заключался в том, что телеканал «Лайфтайм» специализировался на фильмах, комедиях и драмах, где главные роли играли исключительно женщины, а телеведущая Марта Стюарт вела программу по домоводству.

241

D-Generation X – группировка рестлеров; Майк Тайсон являлся ее неофициальным членом.

242

Фраза, ставшая популярной в истории рестлинга после того, как Стив Остин, одержав в 1996 году победу над Джейком Робертсом, который был известен своей набожностью и во время рекламных акций читал отрывки из Библии, обратился к нему со словами: «Ты говоришь о своих псалмах, о своем Иоанне 3:16, так вот Остин 3:16 только что надрал тебе задницу». В главе 3, стих 16 из Евангелия от Иоанна, говорится: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного Сына, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную».

243

Сценический псевдоним Сива Остина («Ледяная глыба») на английском языке имеет обратную последовательность слов («Stone Cold»), Тайсон же называл его в «правильном» порядке – Cold Stone, превращая в прозаический «Холодный камень».

244

Энн-Маргрет Ульссон (род. в 1941 г.) – популярная американская актриса, певица и танцовщица.

245

Роберт Джордж «Бобби» Сил (род. в 1936 г.) – американский политический активист, один из основателей «Партии черных пантер»; был одним из подсудимых по делу «Чикагской восьмерки», обвиняемых в заговоре и подстрекательстве к беспорядкам в Чикаго в 1968 году; в последующем дело Б. Сила выделили в отдельное производство, и дело «Чикагской восьмерки» превратилось в дело «Чикагской семерки».

246

Ирвин Эффей «Мэджик» Джонсон (род. в 1959 г.) – американский баскетболист, 5-кратный чемпион НБА, олимпийский чемпион 1992 года.

247

Джон Кеннеди-младший создал собственный журнал «Джордж» (в честь первого президента США Джорджа Вашингтона) в 1995 году и работал в нем шеф-редактором.

248

Аспен – город в штате Колорадо, известен дорогим горнолыжным курортом и наличием недвижимости политических деятелей, «звезд» спорта и шоу-бизнеса.

249

Линн Кертис Суонн (род. в 1952 г.) – американский профессиональный футбольный игрок, спортивный комментатор, в последующем – политический деятель; афроамериканец.

250

«Джон-Джон» – прозвище Джона Фицджеральда Кеннеди-младшего.

251

По инициативе Джо Арпайо при тюрьме округа Марикопа (штат Аризона) был создан палаточный городок с крайне тяжелыми условиями содержания заключенных.

252

«Лайми» («limey») – аббревиатура от «lime-juicer» («человек, пьющий сок из лайма»), первоначальное полупрезрительное обозначение английского матроса: раньше на британском военно-морском флоте давали сок из лайма в качестве противоцинготного средства.

253

Джон Герберт Диллинджер (1903–1934) – американский преступник середины 1930-х годов, грабитель банков, «враг общества номер 1» по классификации ФБР.

Чуть более 110 кг; сам Майк Тайсон на момент поединка весил 101,5 кг.

255

«Зеленый берет» – военнослужащий диверсионно-разведывательных подразделений США.

256

«Американский союз защиты гражданских свобод» – некоммерческая, неправительственная организация США, провозгласившая своей целью «защиту и охрану частных прав и свобод, гарантированных конституцией и законами»; деятельность организации направлена главным образом на участие в судебных процессах, законотворчество и осуществление образовательных программ.

257

Майк Тайсон произносит шахаду – в исламе свидетельство о вере в Единого бога (Аллаха) и посланническую миссию пророка Мухаммада.

258

«Уорлд рестлинг интертейнмент» – крупнейшая в США федерация профессионального рестлинга.

259

О. Джей Симпсон – знаменитый американский футболист и актер, в 1994 году был обвинен в убийстве своей бывшей жены, пытался скрыться от полиции; телевидение вело с вертолета прямую трансляцию полицейской погони.

260

Форрест Гамп – главный герой одноименного романа (автор – Уинстон Грум) и культового фильма (режиссер – Роберт Земекис). Один из знаковых эпизодов повествования – трехлетний забег Гампа через США, начатый без особой цели и смысла и закончившийся без причины.

261

Данный поединок получил название «Разборки в Мотауне».

262

Аналогично формулировке «бой признан несостоявшимся».

263

SWAT (Special Weapons Assault Team, сейчас чаще Special Weapons And Tactics) – полицейское подразделение специального назначения.

1,9 м и 118 кг соответственно.

265

108, 4 кг.

266

Шелли Финкель (род. в 1944 г.) – американский менеджер и промоутер в области бокса и музыки.

267

«Баттербин» (дословный перевод – «Каролинский боб») – прозвище Эрика Скотта Эша, американского боксера-тяжеловеса, кикбоксера и бойца смешанных единоборств.

268

Дээмиан Марли (род. в 1978 г.) – ямайский музыкант, регги-исполнитель, обладатель трех наград «Грэмми».

269

Меир Лански (1902–1983) – один из лидеров американской организованной преступности; принял активное участие в создании игорной империи, которая включала игорные концессии на Кубе.

«Месть Монтесумы» – диарея, вызванная приемом пищи при поездке в менее развитую страну (Монтесума – вождь ацтеков).

271

«Микки Финн» – вещество, вызывающее немедленный понос.

122,5 кг и 13,6 кг соответственно.

273

Кубино-американский национальный фонд (КАНФ) – основанная в 1981 году на территории США эмигрантская организация кубинской антикоммунистической оппозиции, являвшаяся активным сторонником изоляции Кубы со стороны США.

«Меры регулирования для осуществления контроля за кубинскими активами» – закон, принятый в США в 1996 году в рамках антикубинских санкций.

275

«Закон о торговле с враждебными государствами» – был принят в США в 1917 году.

276

Элиан Гонсалес – кубинский мальчик, получивший известность в результате судебного скандала в США после попытки его матери в 1999 году незаконно эмигрировать в США; решением Федеральной судебной палаты США Элиан был возвращен отцу на Кубу.

6,8 кг и 40,8 кг соответственно.

278

Хасим Рахман (род. в 1972 г.) – американский боксер-профессионал, выступающий в тяжелой весовой категории; чемпион мира в тяжелой (по версии WBC, 2001 г. и 2006 г.; по версии IBF, 2001 г.; временный титул по версии WBC 2005 г.) весовой категории.

279

Джимми Ли Сваггерт (род. в 1935 г.) – американский пастор, евангелист, проповедующий в рамках своей еженедельной телепередачи.

280

Ленни Брюс, настоящее имя Леонард Альфред Шнайдер (1925–1966) – американский сатирик, мастер юмористической импровизации, автор книг, статей и пластинок, получивший известность в 1950—1960-х годах; смелость суждений, образ жизни, аресты и скандальные судебные разбирательства, обстоятельства смерти (по официальной версии, была вызвана наркотической передозировкой) обеспечили Ленни Брюсу культовую посмертную популярность.

281

102 кг и 4 кг соответственно.

Имеются в виду Всемирная боксерская ассоциация и Всемирный боксерский совет.

283

Иметь «слабый подбородок» (или «стеклянный подбородок») – на боксерском жаргоне означает плохо держать удары соперника.

284

9 кг.

285

«Осьмушка» на сленге – одна восьмая часть унции кокаина (или 3,5 г).

286

Тони Мишель Брэкстон – американская певица в стиле ритм-н-блюз, автор песен и актриса, обладательница шести премий «Грэмми».

287

Ар Келли, сценическое имя Роберта Сильвестра Келли, – музыкант в стиле ритм-н-блюз, обладатель трех премий «Грэмми».

288

13-й хадис пророка Мухаммада гласит: «Тот не познал истинной веры, кто не желает своему брату (в исламе) того же, чего желает самому себе».

289

В версии К-1 смешанных единоборств разрешены удары коленями.

1,96 м и 176,9 кг соответственно.

291

«Неверленд» – поместье (ранчо) в Калифорнии, до 2008 года принадлежавшее Майклу Джексону, который построил на его территории развлекательный парк отдыха и открыл частный зоопарк.

292

Жером Ле Банне (род. в 1972 г.) – французский профессиональный кикбоксер, боксер, реслер и боец смешанного стиля, известный благодаря своим выступлениям в К-1.

293

105,2 кг.

294

Феликс Тринидад (род. в 1973 г.) – пуэрториканский боксер-профессионал, выступавший в полусредней, первой средней и средней весовых категориях; чемпион мира в полусредней весовой (по версии IBF, 1993–1999 гг.; по версии WBC, 1999 г.), первой средней (по версии WBA, 2000 г.; по версии IBF, 2000 г.) и средней (по версии WBA, 2001 г.) весовых категориях.

295

Рикардо Майорга (род. в 1973 г.) – никарагуанский боксер-профессионал, выступающий в первой средней весовой категории; бывший чемпион мира в полусредней (по версии WBA, 2002–2003 гг.; по версии WBC, 2003 г.) и первой средней (по версии WBC, 2005–2006 гг.) весовых категориях.

1,98 м и 122,9 кг соответственно.

297

«Перуанские хлопья» на наркосленге – очень чистая форма кокаина.

Рош ха-Шана – еврейский Новый год.

299

Седер Песах – ритуальная семейная трапеза во время праздника Песах (еврейская Пасха).

300

Уолл-стрит – в переносном смысле Нью-Йоркская фондовая биржа, фондовый рынок США и американская финансовая олигархия в целом.

301

45,72 м.

302

Дениз Рич (урожденная Айзенберг, род. в 1944 г.) – американско-австрийская певица и автор песен, светская львица, политическая деятельница.

303

Хайаннис-порт – небольшая деревенька на полуострове Кейп-Код в штате Массачусетс. Одно из самых фешенебельных мест США нечто вроде американского Огарёво. В Хайаннисе проживают, в частности, несколько членов клана Кеннеди.

304

Роберто Кавалли (род. в 1940 г.) – итальянский дизайнер одежды; Виктория Бекхэм (род. в 1974 г.) – английская певица, модель и дизайнер, является его почитательницей.

305

«Бароны-разбойники» – собирательное название крупных предпринимателей США конца XIX века.

306

Список «Форчун 500» – список 500 крупнейших по объемам продаж американских корпораций, который ежегодно публикуется журналом «Форчун».

307

Вячеслав Фетисов с 2002 г. по 2008 г. возглавлял Госкомитет РФ по физкультуре и спорту (Госкомспорт), в 2004 г. преобразованный в Федеральное агентство по физической культуре и спорту (Россспорт).

308

Куфия – мужской головной платок, характерный для арабских стран. Неотъемлемая часть гардероба мусульманина. Служит для защиты головы и лица от солнца, песка, ветра и холода.

309

Роберт Крейг «Ивел» Книвел (1938–2007) – американский трюкач, получивший мировую известность благодаря рискованным трюкам на мотоцикле.

310

Рой Джонс-младший (род. в 1969 г.) – американский боксер-профессионал, абсолютный чемпион мира в полутяжелой весовой категории, чемпион мира в средней (по версии IBF, 1993–1994 гг.), второй средней (по версии IBF, 1994–1996 гг.), полутяжелой (по версии WBC, 1997 г., 1997–2002 гг. и 2003–2004 гг.; по версии WBA, 1998–2002; по версии IBF, 1999–2002 гг.), в первой тяжелой (по версии WBU, 2013–н.в.) и тяжелой (по версии WBA, 2003 г.) весовых категориях.

311

Антонио Деон Тарвер (род. в 1968 г.) – американский боксер-профессионал, выступающий в первой тяжелой весовой категории, чемпион мира по версии IBO в первом тяжелом весе (2011 г.), бывший чемпион мира в полутяжелой (по версии WBC, 2003 г. и 2004 г.; по версии IBF, 2003 г.; по версии WBA, 2004 г.) весовой категории.

312

Фифти Сент (в переводе с английского языка – «Пятьдесят Центов») – сценический псевдоним американского рэпера, актера и боксерского промоутера Кертиса Джеймса Джексона Нига Олджаса (род. в 1975 г.).

313

Прозвище, которое Майк Тайсон дает Наоми Кэмпбелл, обыгрывая ее имя – «Най-Най» – носит отчасти двусмысленный характер, поскольку на английском языке на сленге означает «женская грудь» («nay-nay»).

314

Дэннис Кит Родман (род. в 1961 г.), Чарльз Уэйд Баркли (род. в 1963 г.) – знаменитые американские баскетболисты, выступавшие за различные клубы НБА.

315

Роберт (Бобби) Барисфорд Браун (род. в 1969 г.) – американский рэпер и танцор, лауреат премии Грэмми.

316

Каррин Стеффанс (род. в 1978 г.) – американская актриса, модель, писательница.

317

С 1992 года по 2007 год Бобби Браун был женат на певице Уитни Хьюстон.

318

Флоренс Найтингейл (1820–1910) – сестра милосердия и общественный деятель Великобритании.

136 кг и 22,7 кг соответственно.

320

«Мидоуз» – известный реабилитационный центр в штате Аризона, специализирующийся на лечении наркомании, алкоголизма, различного рода нервных расстройств.

321

В данном случае – игра слов: Майк Тайсон имеет в виду празднование Рождества с употреблением кокаина, который на сленге называется также «снежком».

322

«Косяковое безумие» – американский фильм 1936 года о вреде курения марихуаны, снятый по заказу церковной общины.

323

«Уандерлэнд» («Wonderland») в переводе с английского – «Страна чудес».

324

Реабилитационная программа «12 шагов» – одна из наиболее эффективных программ помощи людям, попавшим в наркотическую и (или) алкогольную зависимость, разработанная в США в 30-е годы XX века.

325

Участок бульвара Сансет (около 2,5 км), проходящего через западную часть Голливуда, известный своими бутиками, ресторанами и клубами.

326

Билл, или Билл Уилсон, или Уильям Гриффит Уилсон (1895–1971) – сооснователь международной программы «Анонимных алкоголиков и наркоманов» по оказанию взаимопомощи в лечении соответствующей зависимости.

327

«Ангелы ада» – один из крупнейших в мире мотоклубов.

328

Район «Голливуд и Вайн» – район Лос-Анджелеса на пересечении Голливудского бульвара и улицы Вайн-стрит в Голливуде.

329

Район Венеция – район в западной части Лос-Анджелеса.

330

Эррол Лесли Томсон Флинн (1909–1959) – знаменитый голливудский актер, кинозвезда и секс-символ 1930-х и 1940-х годов.

331

Понятие «пансексуал» является противопоставлением понятию «бисексуал» и подразумевает влечение данного индивида не к противоположному или своему полу, а влечение к людям в принципе, без акцента на пол партнера.

332

Дэнни Бонадьюс (род. в 1959 г.) – американский теле– и радиоведущий, актер, комик, профессиональный рестлер.

333

Приведенные в списке препараты, за исключением двух последних, являются антидепрессантами и средствами для лечения острой формы шизофрении и других психозов, различных типов эпилепсий.

334

Около 163,3 кг.

335

«Грибы», «грибочки» на сленге наркоманов – общее название для самодельных наркотиков-галлюциногенов, изготовляемых из различных грибов.

336

Реггетон – музыкальный стиль и танец, возникший в Панаме и Пуэрто-Рико под влиянием регги, дэнсхолла и хип-хопа и получивший широкое распространение среди латиноамериканцев, проживающих в США.

337

«Слик» (в переводе с английского языка – «пятно, «лужа») – псевдоним Кена Джонсона (род. в 1957 г.), менеджера профессионального рестлинга.

338

«Биг Босс Мен» (в переводе с английского языка – «большой босс», «большая шишка», «командир», «начальник») – псевдоним Рэймонда Уолтера Трэйлора-младшего (1962–2004), известного американского рестлера.

339

«Премия молодежного выбора» («Teen Choice Awards») – молодежная награда, ежегодно присуждаемая компанией «Fox» на основе голосования среди подростков 13–19 лет.

340

«Джонас Бразерс» – популярная американская поп-группа, состоящая из трех братьев – певцов, музыкантов и актеров: Кевина Джонаса, Джо Джонаса, Ника Джонаса.

341

Премии, учрежденные телеканалом ESPN, присуждаются в различных номинациях лучшим спортсменам, проявившим себя на различных соревнованиях и турнирах в течение года.

342

Карточка в игре «Монополия».

343

«Винт» на сленге – метамфетамин, или метедрин, сильнодействующий наркотический препарат.

344

Толстяк Альберт – тучный персонаж мультипликационного фильма, афроамериканец и сангвиник.

345

172,4 кг и 308,4 кг соответственно.

346

Омар-палаточник – главный герой одноименного американского фильма 1922 года (режиссер – Джеймс Янг); синоним портного, который шьет одежду для тучных людей.

347

Джейми Фокс, настоящее имя Эрик Марлон Бишоп (род. в 1967 г.) – американский актер и певец.

348

Джереми Сэмюэль Пивен (род. в 1965 г.) – американский актер и кинопродюсер, в телесериале «Красавцы» играл роль Ари Голда, одного из главных персонажей.

349

Южные баптисты – члены Южной баптистской конвенции, крупнейшей протестантской организации в США, объединяющей более 16 миллионов американских баптистов, преимущественно в южных штатах.

350

«Кулэйд» – растворимый порошок для приготовления фруктовых прохладительных напитков; в данном случае – несколько кощунственная игра слов, поскольку в переводе с английского языка выражение «пить «Кулэйд» («to drink the kool-aid») означает также «слепо верить чему-то, зачастую опасному».

351

Джулиус Генри «Граучо» Маркс (1890–1977) – американский актер, комик.

352

Хиджаб – традиционная женская накидка (или головной платок), скрывающая лицо и фигуру мусульманки.

353

Свыше 45 кг.

354

Около 3,9 кг.

355

Джин Танни (полное имя Джеймс Джозеф Танни) (1897–1978) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в супертяжелом весе.

356

Эдвард Патрик «Микки» Уокер (1903–1981) – американский боксер-профессионал, чемпион мира в полусредней и первой средней весовых категориях.

357

Джо Ганс (1874–1910) – американский боксер, чемпион мира в легком весе, основатель популярного журнала о боксе «The Ring».

358

Дэйв Мэлоун (род. в 1952 г.) – американский вокалист, гитарист, автор песен.

359

Калоджеро Лоренцо «Чезз» Палминтери (род. в 1952 г.) – американский актер, режиссер и писатель, номинированный на кинопремию «Оскар».

360

Карсон Уэйн Ньютон (род. в 1942 г.) – американский певец и артист, один из самых известных артистов в Лас-Вегасе.

361

«Актуальные новости» – телевизионная программа США, выходящая в эфир с 1974 года.

362

Название фонда – «Mike Tyson Cares (Майк Тайсон проявляет заботу)».

363

Эндорфин, дофамин – гормоны, заглушающие боль и приводящие в состояние эйфории.

364

Тони Канцонери (1908–1959) – американский боксер-профессионал, пятикратный чемпион мира в 1928 г. (во втором полулегком весе), в 1930 г. и 1935 г. (во втором легком весе), в 1931 г. и 1933 г. (в первом полусреднем весе).

365

Имеется в виду соавтор данного произведения Ларри «Ратсо» Слоумен.

366

Эммануэль Дапидран «Мэнни» Пакьяо (род. в 1978 г.) – филиппинский боксер-профессионал, выступающий в полусредней весовой категории; чемпион мира в наилегчайшей (по версии WBC, 1998–1999), второй легчайшей (по версии IBF, 2001–2003; по версии WBO, 2001 г.) и второй полулегкой (по версии WBC, 2008–2009), полусредней (по версии WBO, 2009–2012).

367

Хуан Мануэль Маркес (род. в 1973 г.) – мексиканский боксер-профессионал, выступающий в полусредней весовой категории; чемпион мира в полулегкой (по версии WBA, 2003–2006; по версии IBF, 2003–2005; временный титул по версии WBO, 2006 г.) и второй легчайшей (по версии WBC, 2007–2008).

368

Уиллард Митт Ромни (род. в 1947 г.) – американский политик, кандидат в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии.

369

Эл Джолсон – американский актер, певец, звезда Голливуда 1920—30-х годов.

370

Майкл Эллиот «Майк» Эппс (род. в 1970 г.) – американский комик, актер и рэпер, вместе с Майком Тайсоном снимался в фильме «Мальчишник в Вегасе».

371

Вражда Хаттфилдов и Маккоев (1878–1891 гг.) – противостояние двух американских семей, проживавших на границах штатов Западная Виргиния и Кентукки; в ходе вражды было убито почти полтора десятка членов обеих семей; вражда вошла в американский фольклор и стала нарицательным обозначением серьезной вражды каких-либо двух групп.

372

Грэндмастер Флэш – сценический псевдоним Джозефа Саддлера.

373

«Грязный Старый Ублюдок» – сценический псевдоним Рассела Тайрона Джонса.

374

Пенн Фрейзер Жиллетт (род. в 1955 г.) – известный американский иллюзионист, комедиант, музыкант, актер и писатель, в 1994 году приобрел в Лас-Вегасе дом и назвал его «Тюрягой».

375

«Уровень Си» – видеосериал японского режиссера Ерифусы Ямагути.